2К
2б

НЕ КОПИРОВАТЬ

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ

РУССКІМЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

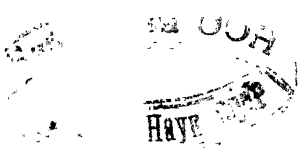
ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ СИНОДАЛЬНОЙ ТИПОГРАФІИ.
1889.

bk

Отъ С. Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С. Петербургъ. Марта 4 дня 1889 года.

Цензоръ, Архимандритъ *Тихонъ*.



396
37

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

		Стран.
I.	Путь отъ лавры	1.
	О призываніи святыхъ	3.
	О чествованіи св. мощей	13.
II.	Переяславль и Ростовъ	18.
	О православномъ зодчествѣ храмовъ	25.
	О православномъ иконописаніи	29.
	О чествованіи св. иконъ	32.
III.	Ярославль	42.
	О поминовеніи усопшихъ	60.
IV.	Кострома и Ипатіевскій монастырь	68.
	О достоинствѣ царей православныхъ	87.
V.	Нижній-Новгородъ	95.
	Печерская обитель	102.
	Кремль и его соборы	112.
VI.	Село Лысково	129.
VII.	Казань	136.
	Святитель Гурій	144.
	Дворецъ съ кремлемъ	154.
	Краткая лѣтопись Казани	156.
	Святитель Варсонофій	171.
	Чудотворныя иконы: Казанская и Смоленская	174.
	Зилантовъ монастырь	181.
	Праздникъ Всемилостиваго Спаса.—Судьба православія на Востокѣ	189.
	Прощанье съ Казанью	195.
VIII.	Арзамасъ	199.

Стран.

IX. Саровская пустынь . . . . . 203.
Объ иночествѣ. . . . . 250.
X. Возвращеніе въ Нижній-Новгородъ . . . . . 268.
О постѣ. . . . . 272.
XI. Владимірскій соборъ. . . . . 279.

I. Святыя Горы . . . . . 299.
II. Оптина пустынь . . . . . 346.

Подвиги Соловецкой обители.

I. Вступленіе . . . . . 387.
II. Историческій обзоръ обители . . . . . 391.
III. Осада Соловецкой обители. . . . . 425.

Впечатлѣнія Украйны и Севастополя.

I. Святыя Горы . . . . . 456.
II. Славянскъ . . . . . 466.
III. Симеисъ . . . . . 474.
IV. Впечатлѣніе Севастополя . . . . . 477.
V. Обновленіе Херсониса . . . . . 495.
VI. Инкерманъ и сѣверная сторона . . . . . 504.
VII. Алупка . . . . . 514.

Русская Вильна . . . . . 522.

I. Остробрамская часовня. . . . . 523.
II. Развалины церкви св. Параскевы . . . . . 528.
III. Древняя митрополія или соборъ Пречистыя . . 534.
IV. Церковь князя Острожскаго и каѳедральный соборъ святителя Николая . . . . . 549.
V. Троицкая обитель . . . . . 554.
VI. Духовъ монастырь 561

I.

ПУТЬ ОТЪ ЛАВРЫ.

Царственною можно назвать замѣчательную дорогу отъ лавры Сергіевой до Костромы чрезъ Переяславль, Ростовъ и Ярославль, какъ потому, что по ней торжественно шелъ въ Москву юный Михаилъ, провозглашенный въ Костромѣ царемъ, и столько разъ ходили послѣ него державные богомольцы наши, такъ и отъ того обилія святыни, которою обозначена она почти на каждомъ шагу. Посему и въ духовномъ отношеніи прилично названіе царскаго сему пути. И можно ли въ другомъ мѣстѣ найти такую постепенность сокровищъ духовныхъ, какая встрѣчается на этой дорогѣ на разстояніи каждыхъ 60 верстъ? Сперва самая лавра Сергія и Никона, одинъ изъ основныхъ камней спасенія нашей родины и неодолимый врагами щитъ первопрестольной столицы; потомъ Переяславль-Залѣсскій, основанный сыномъ Мономаха въ память Кіевскаго, съ своими обителями и мощами святыхъ: игумена Даніила и столпника Никиты; еще далѣе многоцѣлебный соборъ святителей въ древней ми-

трополіи Ростова: Леонтій, Исаія, Игнатій и Ѳеодоръ, племянникъ Сергіевъ, и въ уединенной обители святители Іаковъ и Димитрій, какъ бы донынѣ держащіе кормило своей Церкви, по усердію притекающихъ къ ихъ ракамъ. Тутъ и родина преподобнаго Сергія, и юродивый Твердисловъ Исидоръ и царевичъ Ордынскій Петръ, измѣнившій тьму язычества на свѣтъ Христовъ, и недалеко отъ его обители первый труженикъ, архимандритъ Авраамій, огласившій Ростовъ проповѣдью Евангельскою. Далѣе, за 50 верстъ отъ Ростова, великокняжескій Ярославль съ своими благолѣпными храмами и мощами своихъ заступниковъ князей; — наконецъ внизъ по теченію живописной Волги, матери нашихъ рѣкъ, стоитъ Ипатьевская обитель, отколѣ двинулся на царство Михаилъ, умоленный иконою Ѳеодоровской Богоматери, которая искони чествуется въ Костромскомъ соборѣ.

Сколько лицъ, сколько событій, сколько воспоминаній, изъ коихъ каждое заслуживало бы особаго описанія, не говоря уже о самыхъ храмахъ, замѣчательныхъ въ высшей степени и ознаменованныхъ лѣтописными дѣяніями.—И дѣянія сіи, дѣйствительно, были вписаны въ лѣтописи или сохранились въ преданіяхъ мѣстныхъ; и житія святыхъ угодниковъ также переходятъ изъ устъ въ уста благочестивыхъ богомольцевъ или внесены въ харатейные списки, доселѣ хранящіеся въ ихъ обителяхъ.—Но многимъ ли они извѣстны, и многіе ли, проходя мимо, полюбопытствуютъ спросить о нихъ? а, можетъ быть, нѣкоторые пройдутъ не только съ равнодушіемъ къ симъ мѣстнымъ блюстителямъ своей паствы, но и съ совершенною холодностію въ сердцѣ вообще ко всѣмъ угодникамъ Божіимъ. Что можетъ быть

причиною такого равнодушія?—Одно только невѣдѣніе того, чему надлежитъ вѣрить, или искаженное представленіе догматовъ; а безъ благоговѣйнаго чествованія святыхъ Божіихъ нельзя однако называться православнымъ.

Здѣсь я не обращаю слова къ такого рода мыслителямъ, которымъ чужды святое Писаніе и основные догматы нашей вѣры, потому что безполезно было бы говорить о святыхъ послѣдователяхъ Христовыхъ, когда не раскрыта или утрачена вѣра въ Самого Начальника и Совершителя вѣры нашей, Господа Іисуса. Но я думаю говорить съ тѣми, которые неправильнымъ разумѣніемъ совращаются съ истиннаго пути православія и тѣмъ дѣлаютъ себя чуждыми самымъ сладостнымъ впечатлѣніямъ сердца русскаго.

О ПРИЗЫВАНІИ СВЯТЫХЪ.

При посѣщеніи обширнаго отечества нашего, что̀ можетъ быть умилительнѣе зрѣлища, повсемѣстно повторяемаго, той духовной связи, въ которой и по смерти великіе подвижники наши удержали съ собою народъ свой, какъ бы доселѣ жительствуя между нами и привлекая къ себѣ безчисленныхъ собратій, которые еще памятуютъ ихъ благодѣянія. Напротивъ того, что̀ можетъ быть оскорбительнѣе не только для чувства благоговѣйнаго, но даже собственно для русскаго чувства любви къ своей родинѣ того добровольнаго отчужденія, съ которымъ иногда проходятъ мимо драгоцѣнной родной святыни, не зная и даже не желая знать, какое сокровище передъ нами?—Больно для благоговѣйнаго слуха повторять выраженія, которыя вырываются изъ устъ людей неопытныхъ

въ вѣрѣ, хотя большею частію и безъ дурнаго умысла; но и нельзя не повторять оныхъ для того, чтобы прояснить тайное недоразумѣніе, удаляющее отъ истины.

«Мы не вѣруемъ въ святыхъ», говорятъ они, слѣдуя отрицательному ученію своихъ иноземныхъ наставниковъ. Можно было бы отвѣчать имъ, хотя и не въ духовномъ отношеніи: «по крайней мѣрѣ уважьте великихъ мужей вашего отечества, подвизавшихся для вашего блага въ мірѣ или въ келліи, и будьте столько признательны къ ихъ благодѣяніямъ, чтобы узнать хотя имена ихъ; а, можетъ быть, съ ихъ именами откроется вамъ и нѣчто, знакомое по исторіи. Во всякомъ случаѣ такое благоговѣйное любопытство и уваженіе къ преставльшимся посреди благословеній своего народа достойно русскаго сердца». Но при такомъ отвѣтѣ слѣдовало бы еще спросить у нихъ: «разумѣютъ ли они сами, что такое: вѣровать или не вѣровать въ святыхъ»? Неосторожное слово ихъ: «мы только вѣруемъ въ Бога, а не въ святыхъ», подлинно ли, какъ они думаютъ, заключаетъ въ себѣ полную чистую истину, а не истину, принужденно усѣченную, и согласно ли оно со святымъ Писаніемъ, которое велитъ: (Пс. CL.) «хвалить Бога во святыхъ Его»? Одно есть вѣра въ Бога, Творца всяческихъ; совсѣмъ другое вѣра или усердіе къ праведникамъ, Ему угодившимъ святою жизнію, и мы никогда не мѣшаемъ сихъ двухъ понятій или, лучше сказать, вѣрованій. Не всѣ ли однако повторяютъ вмѣстѣ съ нами въ символѣ: «вѣруемъ во едину святую, соборную и апостольскую Церковь»; а изъ чего же состоитъ она, если не изъ собранія вѣрныхъ на землѣ, упра-

вляемыхъ Духомъ святымъ чрезъ своихъ законныхъ пастырей, что̀ называется собственно воинствующею Церковью, и изъ собранія святыхъ, сущихъ на небѣ со Христомъ, и это есть торжествующая Церковь.— Слѣдственно, и самое выраженіе: «вѣрую въ святыхъ» можетъ быть допущено; должно только разумѣть. какъ вѣровать, и сему учитъ насъ Церковь православная.

«Мнѣ же зѣло честни быша друзи Твои. Боже». говоритъ въ псалмахъ своихъ Давидъ (Пс. CXXXVIII). и такъ дѣйствительно выражается св. Писаніе о нѣкоторыхъ святыхъ, прямо называя Авраама другомъ Божіимъ и говоря о Моисеѣ: «что Господь бесѣдовалъ съ нимъ лицемъ къ лицу, какъ бы кто бесѣдовалъ съ своимъ другомъ» (Исх. XXXII. 11). И въ Новомъ Завѣтѣ Спаситель говоритъ на вечери Тайной ученикамъ Своимъ: «вы други Мои, если исполняете то, что Я заповѣдую вамъ» (Іоан. XIV. 14). Посему и величайшій изъ богослововъ православной Церкви, св. Іоаннъ Дамаскинъ, научаетъ насъ: «что подобаетъ чтить святыхъ, какъ любимцевъ Христовыхъ и чадъ Его и наслѣдниковъ Божіихъ, которымъ, по словамъ евангелиста Іоанна (1. 12), за то, что они увѣровали во имя Его, дана была отъ Него власть содѣлываться дѣтьми Божіими.»—Какое высокое достоинство: носить одно званіе съ Сыномъ Божіимъ! Но Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій, единородный по существу Своему; они же только по благодати; и это самое различіе должно существовать между Господомъ и Его ближайшими послѣдователями и въ отношеніи къ ихъ чествованію. Мы поклоняемся Господу, какъ Богу и Творцу нашему, а святымъ, Ему угодившимъ, какъ друзьямъ

Его, прославленнымъ на небѣ за то, что сами прославили Его на землѣ, и если есть разность между почестью, воздаваемою царю, и почестью его приснымъ: то сколь же необъятно должно быть разстояніе между поклоненіемъ, принадлежащимъ единому Богу, и чествованіемъ, приличествующимъ Его святымъ! Такъ учитъ насъ и святая Каѳолическая Церковь, въ которую мы вѣруемъ, и потому не видимъ ничего противнаго ея ученію въ чествованіи святыхъ, въ лицѣ коихъ сама она торжествуетъ на небесахъ.

«Но какъ можно призывать святыхъ въ молитвѣ? для чего намъ еще ходатаевъ у Бога, когда, по словамъ Писанія, мы имѣемъ единаго ходатая Господа Іисуса Христа»?—Такъ мудрствуютъ чуждающіеся святыхъ, и, признаюсь, какъ жалки такія мудрованія! Тѣ же самые люди, покамѣстъ они на землѣ, говорятъ однако другъ другу: «помолись за меня», особенно, если имѣютъ къ кому-либо болѣе довѣренности, и дѣйствительно, они молятся другъ за друга, какъ въ своемъ духовномъ собраніи, такъ и внѣ онаго. Что же такое молитва, если не ходатайство предъ Богомъ? Когда же всякое иное посредничество безполезно, кромѣ Христова, то для чего сія взаимная молитва?—Можно еще дальше идти въ такомъ отрицательномъ духѣ и спросить: для чего всякая молитва не только за другихъ, но даже и за себя? ибо, по словамъ Христовымъ, «вѣдаетъ Отецъ нашъ небесный, въ чемъ имѣемъ нужду, прежде нашего прошенія у Него» (Матѳ. гл. VI. ст. 8). Однако же вслѣдъ за тѣмъ Онъ Самъ научаетъ насъ молиться, и апостолы заповѣдуютъ даже молиться непрестанно. И такъ въ томъ же отношеніи, въ какомъ, не смотря на предвѣдѣніе Божіе, молитва можетъ быть

полезна для каждаго за себя, бываетъ она полезна и за другихъ, и даже въ ней заключается болѣе любви, ибо любовь не мыслитъ о своемъ, а только о благѣ ближняго; слѣдственно, какъ подражаніе любви Христовой, такая молитва должна быть преимущественно достояніемъ тѣхъ, которые наиболѣе Ему близки; а сколь велика сія сила молитвы, это можемъ мы заключить изъ словъ самого апостола Павла: «молю васъ, братія», пишетъ онъ Римлянамъ (XV, 30), «Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и любовію Духа, споспѣшествуйте мнѣ въ молитвахъ о мнѣ Богу».—II во 2-мъ посланіи къ Солунянамъ (III, 1.): «молитеся о насъ, братія, да слово Господне течетъ и славится, какъ и у васъ». И такъ вотъ какъ сильна молитва: она должна избавить Павла отъ гоненія въ Іудеи, она должна открыть дверь слову его, чтобы онъ проглаголалъ тайну Христову (1 Кор. IV, 1). Неужели это праздныя слова? Онъ заклинаетъ однако Самимъ Господомъ, Который запретилъ всякое праздное слово, угрожая за него судомъ Божіимъ. Что скажутъ еще вопреки другихъ столь же ясныхъ словъ апостола Іакова: «молитеся другъ за друга, да исцѣлѣете, ибо много можетъ усердная молитва праведнаго» (Іак. V, 16). Въ самой книгѣ Дѣяній мы видимъ прямое ближайшее дѣйствіе молитвы, когда апостолъ Петръ заключенъ былъ Іродомъ въ темницу и о немъ была прилежная молитва въ Церкви, вслѣдствіе коей ангелъ чудно избавилъ его отъ узъ, и Петръ поспѣшилъ извѣстить молившихся о своемъ спасеніи.

Не могутъ сего отвергнуть пріемлющіе святое Писаніе; въ чемъ же наконецъ прекаканіе?—Они согласны признавать дѣйствительность молитвы,

доколѣ возносятъ ее сами отъ земли; согласны и поручать себя молитвѣ другихъ, еще живущихъ, потому что это слишкомъ ясно указано въ Писаніи; но не соглашаются на молитвенное призываніе тѣхъ, которые, прославивъ на землѣ Господа своею жизнію, прославлены Имъ на небесахъ, и уже наслаждаются во Христѣ приготовленными имъ благами.—Какое однако противорѣчіе въ понятіяхъ, если только вникнуть въ истинный смыслъ ихъ!—Не душа ли наша служитъ органомъ молитвы даже и тогда, когда облечена на землѣ въ бренную одежду, клонящую ее долу? Какъ же можетъ она лишиться лучшаго своего свойства, т. е. сообщенія съ Богомъ тогда, когда сложитъ съ себя земную свою храмину? А если сохранитъ молитву, то не такъ же ли будетъ молиться на небѣ, какъ молилась на землѣ о своихъ присныхъ, прибѣгавшихъ къ ея молитвѣ?—Апостолъ Петръ прямо говоритъ въ своемъ посланіи: «справедливымъ полагаю, доколѣ нахожусь въ сей тѣлесной хижинѣ, возбуждать васъ напоминаніемъ, зная, что я скоро оставлю сію хижину мою, какъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ открылъ мнѣ; потщуся и всегда, чтобы и послѣ моего исхода вы приводили сіе на память» (II. 1, 3, 15).

Да и можетъ ли быть, чтобы тѣ, которые принимали столь дѣятельное участіе въ обращеніи и спасеніи своихъ ближнихъ, оставались послѣ кончины равнодушными къ ихъ спасенію: тогда какъ черезъ собственное сближеніе съ Господомъ Іисусомъ они имѣютъ болѣе духовной силы быть имъ полезными, ибо Самъ Христосъ служитъ общеніемъ между живыхъ и мертвыхъ! Иначе, еслибы прекратилась ихъ жизненная дѣятельность по отложеніи

тѣла, то это была бы духовная смерть, которую, конечно, никто изъ благомыслящихъ не можетъ признать для души святой. Напротивъ того, находясь у Источника любви божественной, они еще болѣе распаляются огнемъ сей любви къ земнымъ своимъ братіямъ и не могутъ оставаться невнимательными къ ихъ молитвенному призыванію, какъ не оставались они и на землѣ чуждыми ихъ гласу. Преставленіе ихъ отъ земли на небо не могло такимъ образомъ имѣть никакого вліянія на ихъ молитву; посему и не могли измѣниться ихъ духовныя отношенія къ тѣмъ, которые сами не нарушили съ ними общенія во Христѣ Іисусѣ. Это, кажется, совершенно просто и согласно съ здравымъ смысломъ, и если искать сему подтвержденій въ священномъ Писаніи, то онѣ представятся на каждомъ шагу, такъ что даже непонятно, какъ можно отвергать столь ясныя истины.

Мы видимъ въ одной изъ притчей Господнихъ, о Лазарѣ и богатомъ, (а притчи сіи были, конечно, не праздное уподобленіе, потому что въ Іерусалимѣ даже показываютъ мѣсто дома немилостиваго богача, слѣдовательно, та же истина и въ послѣдующемъ событіи); мы видимъ, что богатый, страдая въ адѣ, обращается къ Аврааму, праотцу своему, и молитъ его послать Лазаря къ братьямъ своимъ, еще оставшимся на землѣ, предупредить ихъ о томъ, что ихъ ожидаетъ за порочную жизнь. Здѣсь ясно видно съ одной стороны участіе отшедшихъ изъ сего міра къ тому, что имъ было близко на землѣ; и, если такое участіе съ желаніемъ дѣлать добро открывается въ страждущемъ грѣшникѣ, можетъ ли оно не преисполнять тѣхъ, которые проникнуты сами любовію Христовою и не могутъ дѣйствовать

иначе, какъ въ Его духѣ? Съ другой же стороны видно здѣсь духовное предстательство Авраама о своихъ чадахъ, о коихъ онъ радѣетъ и по смерти, ибо праведный Лазарь блаженствуетъ на его лонѣ; а вмѣстѣ съ тѣмъ видна и степень посредничества святыхъ. Душа грѣшника въ адѣ не взываетъ прямо къ Богу, ибо состояніе ея внѣшняго мрака не позволяетъ ей прямаго общенія съ Существомъ совершеннымъ; но она ищетъ и обрѣтаетъ себѣ болѣе свойственное общеніе съ душою праведнаго своего родоначальника, и чрезъ него ищетъ совершить дѣло любви къ ближнему. Неужели все это есть вымышленный разсказъ? Но могло ли хотя одно слово Спасителя остаться тщетнымъ?

Достоинство Авраамово было столь велико предъ Богомъ, что Онъ постоянно называлъ Себя въ Ветхомъ Завѣтѣ Богомъ Авраамовымъ для сыновъ Израилевыхъ; и когда три отрока Еврейскіе молились изъ пламенной пещи Халдейской къ Богу отцевъ своихъ, они взывали: «не остави милости Твоей отъ насъ, Авраама ради возлюбленнаго отъ Тебя, и за Исаака раба Твоего, и Израиля святаго Твоего» (Дан. XIV). И такъ вотъ они поставляли за себя ходатаями Авраама и прочихъ патріарховъ, ибо вѣровали; «что много можетъ усердная молитва праведнаго» (Іак. V). Да и самъ Авраамъ, умоляя Господа о пощадѣ Содома, вопрошалъ: «помилуетъ ли Онъ преступный городъ, если въ немъ обрѣтется пятьдесятъ праведныхъ»? и потомъ, постепенно понижая число сіе даже до десяти, каждый разъ слышалъ отъ Господа человѣколюбивое слово: «помилую».— Слѣдовательно, заслуги десяти праведныхъ могутъ служить перевѣсомъ грѣхамъ цѣлаго города.—Какая

утѣшительная мысль! и сколько, быть можетъ, народовъ и царствъ спасаются не мнимою силою видимаго оружія, но единому Богу вѣдомыми мольбами какихъ либо невѣдомыхъ міру праведниковъ!

Сколько такихъ примѣровъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ, гдѣ представляется ходатайство святыхъ Божіихъ! Не становится ли Моисей посредникомъ между Богомъ и народомъ Израильскимъ, взывая: «милостивъ буди, Господи, на злобы людей Твоихъ, помянувъ Авраама, Исаака, Іакова, рабы Твоя» (Исх. XXXII)? Не щадитъ ли Господь царства Соломонова, Давида ради раба Своего, чтобы сохранился Ему свѣтильникъ въ Іерусалимѣ? (Царств. II). Не говоритъ ли Самъ Господь друзьямъ праведнаго Іова, неправедно его укорявшимъ: «идите къ рабу Моему Іову, и сотворитъ жертвы за вы; Іовъ же рабъ Мой помолится за васъ; точію бо лице его пріемлю, аще не его ради, погубилъ быхъ убо васъ» (Іов. XLII). Неужели же у Господа есть лицепріятіе? нѣтъ. Но крайнее Его человѣколюбіе пріемлетъ заслуги праведныхъ людей за грѣшныхъ, какъ нѣкое слабое подобіе той безпримѣрной заслуги Господа нашего Іисуса Христа, Который принесъ Себя однажды въ жертву за весь міръ. Посему въ смыслѣ искупленія «одинъ Онъ только есть ходатай Богу и человѣкамъ, по словамъ апостола, давшій Себя избавленіемъ за всѣхъ» (1 Тимоѳ. II, 5); святые же суть только ходатаи или посредники молитвы во Христѣ, заимствуя отъ Него силу свою быть полезными человѣкамъ, какъ и объ ангелахъ сказано: «что они всѣ суть служебные духи, посылаемые на служеніе тѣмъ, которые наслѣдуютъ спасеніе» (Евр. I, 14). И если позволено употребить здѣсь подобіе земное, то можно бы сказать: что

святые проявляютъ въ себѣ тоже свойство, какъ и металлы, которые, прикоснувшись къ огню, заимствуютъ отъ него огненную силу.

Такимъ образомъ ясенъ для меня становится догматъ православной Церкви—призыванія святыхъ: гораздо болѣе въ немъ здраваго смысла и послѣдовательности разсужденія, нежели въ холодномъ отрицаніи столь близкаго нашему сердцу заступленія о насъ людей праведныхъ, которые нѣкогда были намъ присны и отошли отъ насъ съ тѣмъ же духомъ любви къ Господу.

Намъ ли теперь чуждаться ихъ ходатайства, когда на страшномъ судилищѣ Христовомъ мы не избѣжимъ суда ихъ? «Или не знаете», говорилъ апостолъ Павелъ (1 Коринѳ. VI), «что святые будутъ судить міръ»? Да и самъ Господь на вопросъ апостоловъ: «вотъ мы оставили все и послѣдовали за Тобою; что же намъ будетъ»? отвѣтствовалъ: «истино говорю вамъ, вы, послѣдовавшіе за Мною въ пакибытіе, когда сядетъ Сынъ человѣческій на престолѣ славы Своей, сядете и вы на двѣнадцати престолахъ судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ» (Матѳ. XIX; 27, 28). И еще до того времени, прощаясь съ ними на вечери Тайной, Господь такъ молился къ Отцу Своему: «и славу, которую Ты Мнѣ далъ, Я далъ имъ, да будутъ едино, какъ и Мы едино» (Іоан. XVII. 28). Дерзнемъ ли мы лишать ихъ сей славы, чуждаясь ихъ общенія или молитвеннаго ходатайства, какъ бы не сущихъ и мертвыхъ Богу, когда единое слово ихъ на землѣ творило столько чудесъ? и они, не лишившись сего видимаго знаменія обитавшаго въ нихъ Христа, перешли только отъ земли на небо, изъ славы въ славу?

О ЧЕСТВОВАНІИ СВ. МОЩЕЙ.

Какъ оскорбительна послѣ сего та холодность и невнимательность, съ какою люди, слѣпо отрицающіе почитаніе святыхъ, проходятъ мимо ихъ гробницъ, точащихъ донынѣ исцѣленіе для вѣрующихъ. Развѣ мы не видимъ въ дѣяніяхъ апостольскихъ, что тѣнь проходящаго Петра, падая на болящихъ, совершенно ихъ исцѣляла даже безъ прикосновенія рукъ апостольскихъ? (Дѣян. V. 15). Развѣ мы не видимъ также, что платки и полотенцы, бывшіе на тѣлѣ Павловомъ, приносили къ болящимъ, и у нихъ прекращались болѣзни и злые духи выходили изъ нихъ? (Дѣян. XIX. 12). Если же прикосновеніе одеждъ Павловыхъ и безъ его личнаго присутствія творило чудеса, и мантія Иліи пророка раздѣляла воды Іорданскія (IV Царст.), то почему же нынѣ прикосновеніе къ тѣлесамъ святыхъ не будетъ имѣть той же цѣлительной силы, когда съ вѣрою къ нимъ притекаютъ? «Не бойся, токмо вѣруй» (Марк. V. 31), говорилъ Спаситель сотнику, къ которому шелъ воскресить дочь, когда напротивъ того Самъ Господь, какъ сказано у евангелиста Марка, «не могъ сотворить ни единаго знаменія въ отечествѣ Своемъ ради невѣрствія жителей и удалился, удивляясь ихъ невѣрію» (Марк. VI. 6). Вотъ каковы положительная сила вѣры и отрицательная сила невѣрія!

Если же, быть можетъ, скажутъ: иное дѣло чудеса, творимыя апостолами и пророками, иное дѣло чудеса, ожидаемыя отъ мощей святыхъ:—то, если такого рода мыслители не отвергаютъ святаго Писанія вмѣстѣ съ прочими истинами, какъ сіе

часто случается съ людьми колеблющимися въ вѣрѣ, пусть объяснятъ они событія четвертой книги Царствъ Ветхаго Завѣта (Гл. XIII. 21). Какимъ образомъ произошло, что однажды, когда погребатели несли хоронить умершаго и, устрашившись Мадіанитовъ, бросили тѣло въ невѣдомую имъ могилу, мертвый воскресъ отъ того, что это была могила пророка Елисея, къ костямъ коего онъ прикоснулся! Что можетъ быть разительнѣе сего примѣра? Если кости пророка могли столь нечаянно воскресить мертваго безъ всякаго благоговѣнія и сознанія брошеннаго въ его могилу: то кольми паче мощи праведныхъ мужей могутъ даровать прикосновеніемъ своимъ здравіе тѣмъ, которые притекаютъ къ нимъ съ вѣрою, ибо тѣлеса святыхъ были обителію Духа святаго и могли сохранить въ себѣ его живительную силу, какъ то бываетъ съ сосудами ароматовъ, которые удерживаютъ въ себѣ благовоніе и послѣ изліянія изъ нихъ святаго мѵра.

Утѣшительно разсуждаетъ о поклоненіи святымъ мощамъ великій Амвросій, епископъ Медіоланскій, просіявшій въ исходѣ IV вѣка, другъ великаго императора Ѳеодосія, заступникъ дѣтей его и всей Италіи, который распоряжалъ въ свое время судьбами всего Запада по глубокому къ нему уваженію народовъ и которому можетъ съ благоговѣніемъ внимать потомство, какъ внимали его современники. «Если спросятъ меня, говорилъ онъ, что почитаешь ты въ тѣлѣ тлѣнномъ?—скажу тебѣ: почитаю въ тѣлѣ мученическомъ воспріятыя имъ за Христа язвы; почитаю память добродѣтели, живущей во вѣкъ; почитаю останки, освященные исповѣданіемъ своего Владыки; почитаю въ персти сѣмена вѣчности;

почитаю тѣло, которое наставляетъ меня любить Господа, научаетъ не бояться умереть за Господа. Какъ же вѣрные не будутъ почитать такое тѣло, котораго трепещутъ и демоны? И такъ почитаю тѣло, которое прославило Христа, сражаясь за Него, и со Христомъ будетъ царствовать во славѣ».

Кажется, въ этомъ краснорѣчивомъ объясненіи великаго святителя Медіоланскаго довольно сказано и для ума и для сердца. Скажемъ только еще нѣсколько словъ о томъ, что означаетъ слово «мощи» и откуда произошелъ обычай ихъ чествовать? Можно бы производить оное отъ слова «мощь» (или сила) по чуднымъ исцѣленіямъ, которыя истекаютъ отъ останковъ святыхъ; однако оно можетъ происходить и отъ тѣхъ мастей, коими умащали останки мучениковъ, пострадавшихъ за Христа, когда вѣрные собирали кости ихъ на мѣстѣ страданій. Слово латинское *reliquia* выражаетъ останки; слѣдственно, и не должно искать всегда цѣльныхъ мощей и привязывать къ тому какое либо особенное мнѣніе; первыя мощи бывали всегда почти останки, и тогда только, когда просіяли въ пустыняхъ великіе отшельники, то ихъ тѣлеса, неповрежденныя людьми и тлѣніемъ, стали сохраняться въ ихъ лаврахъ и привлекать къ себѣ благоговѣніе народа ради памяти ихъ добродѣтелей. Еще въ исходѣ перваго и началѣ втораго вѣка, когда во всей силѣ были гоненія за вѣру Христову и тысячами страдали мученики, вѣрные, бывшіе свидѣтелями ихъ мужественнаго исповѣданія, старались всѣми средствами соблюсти священные ихъ члены, ознаменованные язвами за Христа; они клали ихъ подъ алтари подземныхъ церквей своихъ, въ катакомбахъ или въ другихъ уединенныхъ мѣстахъ, и донынѣ

существуетъ благочестивый обычай полагать частицы мощей подъ престолы нашихъ храмовъ, ради ихъ духовнаго утвержденія. Ежегодно, въ день памяти страданій мучениковъ, который назывался днемъ ихъ рожденія въ вѣчность (natalis), сходились вѣрные на мѣсто ихъ земнаго упокоенія и совершали всю ночь надъ ними псаломное пѣніе, изъ чего образовалось всенощное бдѣніе, предшествующее торжеству.

Вотъ какъ все настоящее Богослуженіе тѣсно связано у насъ съ самыми первыми вѣками христіанства; оно есть вѣрное зерцало и повтореніе давно минувшаго, которымъ люди несвѣдущіе пренебрегаютъ, какъ бы нововведеніемъ; но и старина и правда на сторонѣ православія. Можно только сожалѣть о такомъ произвольномъ ослѣпленіи, которое лишаетъ духовнаго общенія съ величайшими подвижниками Церкви и отечества, ибо никто не принималъ столь дѣятельнаго участія въ судьбахъ его, какъ наши святители и отшельники. Это лучшія страницы нашей лѣтописи, драгоцѣнныя для каждаго Русскаго, и если кто хочетъ составить себѣ полную исторію своей родины, тотъ долженъ искать ее столько же въ житіяхъ святыхъ, сколько и въ актахъ государственныхъ: почти всегда зародышемъ всякаго великаго дѣла было, или благословеніе отшельника, какъ Сергіево для битвы съ Мамаемъ, или краснорѣчивое слово святительское, какъ то вдохновенное посланіе, коимъ возбуждалъ епископъ Ростовскій Вассіанъ великаго Іоанна свергнуть окончательно иго Татарское, или какія либо таинственныя явленія святыхъ нашимъ державнымъ. Посему каждому Русскому, и слѣдственно православному, не должно проходить равнодушно мимо древнихъ соборовъ и обителей, въ

которыхъ возлегаютъ великіе двигатели земли Русской. Сколько разъ однакоже минуютъ соборъ Софійскій въ Новѣгородѣ люди, исполненные событіями нашихъ лѣтописей, и не думаютъ заглянуть въ его завѣтную внутренность; а между тѣмъ тамъ покоится Мстиславъ Храбрый, щитъ Новагорода, столь громкій въ исторіи, и сынъ святаго Владиміра, основатель собора, и великіе столпы Церкви Новгородской, святители Никита, Іоаннъ и Григорій. Сколько воспоминаній, достойныхъ потрясти Русское сердце, втунѣ проскользаютъ мимо! Я называю здѣсь одинъ только Софійскій храмъ, какъ болѣе извѣстный и неминуемый на пути; но сколько другихъ подобныхъ святилищъ оставляются съ тѣмъ же невниманіемъ?

При посѣщеніи различныхъ предѣловъ нашего обширнаго отечества меня невольно влекло въ завѣтную святыню древнихъ соборовъ, подъ коими всегда почиваютъ или князь или святитель. Мнѣ представлялось священною обязанностію вступать въ духовное общеніе съ ними чрезъ молитву и поклоненіе ихъ мощамъ, и я старался изучать ихъ жизненные подвиги, дабы хотя нѣсколько обновить память объ нихъ въ сердцѣ соотечественниковъ.

Одно изъ таковыхъ сокровищъ, мало впрочемъ кому извѣстное, есть житіе преподобнаго Даніила Переяславскаго, который явилъ въ себѣ примѣръ всѣхъ добродѣтелей иноческихъ и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ наставникомъ и воспріемникомъ царей, ибо онъ принялъ отъ купели державнаго младенца Іоанна по любви къ нему великаго князя Василія. Есть и было особенное назначеніе для нѣкоторыхъ изъ святыхъ нашихъ сдѣлаться свѣтильниками и чудо-

творцами всея Руси, какъ то опредѣлено Сергію; его имя связано со всѣмъ славнымъ и горькимъ, что только посѣтило нашу родину въ лицѣ первопрестольной ея столицы, и доселѣ стекается къ нему вся земля Русская!—Есть и болѣе смиренная доля для иныхъ утаенныхъ угодниковъ Божіихъ, которые хотя и назидательны были въ свое время, однако ихъ духовная область простирается не столь широко по неисповѣдимой волѣ Того, Кто каждому назначаетъ свое служеніе и Кто, по словамъ Писанія, поставилъ предѣлы языковъ по числу ангеловъ Божіихъ (Второзак. XXXII, 8). Таково скромное служеніе преподобнаго Даніила въ Переяславлѣ на маломъ разстояніи отъ великаго солнца Россіи, Сергія, вокругъ коего, какъ бы сонмъ меньшихъ небесныхъ свѣтилъ, ликъ другихъ праведниковъ проливаетъ болѣе тихіе лучи на радующихся ихъ путеводительному свѣту посреди житейскаго мрака.

II.

ПЕРЕЯСЛАВЛЬ И РОСТОВЪ.

Солнце уже садилось, когда я сталъ спускаться къ Переяславлю съ поклонной горы его; но я успѣлъ еще обнять въ одномъ быстромъ обзорѣ всю его великолѣпную картину на берегу роскошнаго озера, окрашеннаго вечерними лучами. Четыре монастыря, два собора и двадцать четыре церкви;—какъ живописно издали такое священное сонмище, увѣнчанное златыми крестами, которые ярко горѣли въ воздухѣ, и какъ замѣчательно такое обиліе святыни въ маломъ

уѣздномъ городѣ! Правда, онъ былъ нѣкогда удѣльнымъ княженіемъ и даже однажды на краткое время мѣстопребываніемъ великаго князя, въ немъ соединялись соборы церковные и была каѳедра архіерейская; но теперь отъ всего кратковременнаго величія уцѣлѣли только храмы Божіи, неколебимая твердыня Руси, которые одни только прочно стоятъ на ея широкомъ пространствѣ, ибо что осталось намъ отъ древнихъ ея памятниковъ, если не святыня, неприкосновенная вѣками?

Я уже посѣщалъ прежде Переяславль-Залѣсскій и входилъ подъ завѣтную сѣнь всѣхъ его обителей. Ѳеодоровская, основанная Іоанномъ на память рожденія сына, послѣдняго царя изъ дома Рюрикова; Горицкая, память великой княгини Донской, нѣкогда великолѣпно украшенная епископомъ Амвросіемъ, который хотѣлъ сдѣлать изъ нея новую Геѳсиманію въ подражаніе Новому Іерусалиму, но теперь опустѣвшая; и обитель Даніилова, образуютъ изъ себя священное предмѣстіе Переяславля отъ Московской дороги. Мнѣ хотѣлось поклониться мощамъ великаго труженика, прославившаго житіемъ своимъ уже упадавшій тогда городъ. Я взошелъ на пустынный дворъ монастырскій и просилъ открыть себѣ соборъ Троицкій, сооруженный въ память крещенія Іоаннова и обновленный грознымъ царемъ. Глубокая тишина царствовала въ полумракѣ собора. Подъ сѣнію Тихвинской великолѣпной иконы, принесенной самимъ преподобнымъ съ мѣста его постриженія, изъ обители великаго Пафнутія Боровскаго, лежалъ онъ на своемъ высокомъ ложѣ, какъ бы только отдыхающій отъ многихъ трудовъ и готовый воспрянуть по гласу молитвы еще прежде послѣдняго зова трубы архан-

гельской. Невольный трепетъ проникалъ душу въ пустотѣ и мракѣ святилища при такомъ нетлѣнномъ свидѣтелѣ минувшаго, который вступилъ сквозь врата вѣчности опять въ нашу область настоящаго и будто живетъ съ нами, какъ живалъ онъ съ предками. Съ безмолвною молитвой поклонился я святому старцу и пошелъ къ древней церкви всѣхъ святыхъ, имъ милосердно основанной надъ бывшею скудельницею, и къ тому кладезю, который онъ самъ ископалъ на Божедомскомъ мѣстѣ, чтобы тамъ вкусить мнѣ живительной струи, изведенной руками преподобнаго.

Вечерняя темнота не позволяла посѣтить церкви князя Андрея Смоленскаго, какъ мнѣ это удалось исполнить во время перваго моего проѣзда чрезъ Переяславль, ни древняго собора Спасскаго, который основанъ сыномъ Мономаха, Долгорукимъ, въ память Кіевскаго, что на Берестовѣ. Храмъ сей, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Россіи по своей неприкосновенной древности, устоялъ противъ натиска семи вѣковъ въ первобытномъ образѣ, имѣющемъ величіе простоты. Онъ видѣлъ внутри завѣтныхъ стѣнъ своихъ священное собраніе святителей Русскихъ, предъ коими смиренно оправдывалъ себя чудотворецъ Петръ Московскій и всея Руси противъ клеветы епископа Тверскаго изъ рода князей Литовскихъ, ибо, конечно, никто изъ Русскихъ не дерзнулъ бы помыслить малѣйшей укоризны на великаго святителя. «Бросьте меня въ море, какъ нѣкогда Іону, для утишенія церковной бури», говорилъ смиренно Петръ, но она утихла единодушнымъ сознаніемъ его правоты. Двѣ лѣтописныя гробницы стоятъ внутри собора: одна княжеская тихаго

Іоанна, другая великокняжеская отца его, бурнаго воинственнаго сына св. витязя Невскаго; Димитрій провелъ все свое мятежное княженіе въ междоусобіяхъ съ братомъ, и нѣсколько разъ видѣлъ любимый имъ Переяславль, объятый пламенемъ Татарскимъ, иногда же и отъ руки единокровныхъ князей. Но нигдѣ во всей Руси не было ему такъ любо, какъ въ родномъ удѣлѣ, данномъ отъ святаго отца, и туда спѣшилъ онъ скончаться инокомъ на дымящемся пепелищѣ; но только тѣло его привезено для погребенія въ соборѣ.

Кроткій сынъ его Іоаннъ оставилъ по себѣ менѣе громкое имя, но болѣе прочную память для всея Руси; едва ли знаютъ его благодѣяніе, скромное въ то время, но имѣвшее послѣдствія государственныя. Умирая бездѣтнымъ и будучи въ дружественныхъ сношеніяхъ съ дядею своимъ, св. Даніиломъ Московскимъ, онъ отдалъ ему по завѣщанію Переяславль и тѣмъ укрѣпилъ новое княженіе, которое одолѣло возраставшую Тверь, а при сынѣ Даніиловомъ, великомъ Калитѣ, сдѣлалось средоточіемъ Руси, ибо Владиміръ долженъ былъ уступить Москвѣ престолъ великокняжескій и каѳедру святительскую. И такъ вотъ, отъ одного малаго даянія Переяславльскаго разрослась она во всю Русь и скромнымъ завѣщаніемъ князя-инока Іоанна какъ будто бы ей завѣщано было полвселенной. Тѣмъ болѣе достойна вниманія убогая гробница завѣщателя подъ сѣнію Переяславскаго собора.

На разсвѣтѣ достигъ я Спасской обители древняго Ростова, прославленной издревле мощами святителя Іакова и въ новѣйшія времена открытіемъ мощей свѣтильника всей Россійской Церкви, митро-

полита Димитрія; благоговѣйно собирая житія святыхъ, не помышлялъ онъ во глубинѣ своего смиренія, что на послѣднихъ страницахъ сей духовной скрижали просіяетъ и его великое имя. Сорокалѣтній неотходный стражъ его гробовой раки, праведный старецъ, схимникъ Амфилохій, можно сказать, передалъ въ родъ свой храненіе всей обители, ибо уже два настоятеля въ память его добродѣтели избираются изъ того же благочестиваго семейства. Они какъ будто стерегутъ ее и по смерти; при входѣ въ соборную церковь, первое, что я встрѣтилъ, была гробница знакомаго мнѣ старца, архимандрита Иннокентія, подлѣ схимнической Амфилохія. Племянникъ усопшаго, архимандритъ Поликарпъ благосклонно принялъ меня въ обители, гдѣ за 15 лѣтъ предъ тѣмъ утѣшилъ путника своимъ радушнымъ пріемомъ незабвенный Иннокентій. Тогда еще отдѣлывалась соборная церковь во имя святителя Димитрія; теперь же она сіяла во всей красѣ своей, расписанная въ Византійскомъ вкусѣ истинно православною кистію художника Медвѣдева, который слишкомъ мало пожилъ для искусства. Его торжествующая Церковь на плоскомъ куполѣ и ангельскіе чины въ алтарѣ достойны служить образцемъ для иконописанія, ибо тутъ строгость Византійская смягчена изяществомъ кисти и стройностію всего созданія картины.

Я спросилъ: «кто помогъ довершить церковь»? мнѣ отвѣчали: «графиня Анна». Поклонясь мощамъ угодниковъ Божіихъ, увидѣлъ я новую серебряную раку святителя Іакова. «Кто устроилъ раку»? спросилъ я опять настоятеля, и услышалъ тотъ же отвѣтъ: «графиня Анна». Теперь, когда она уже сама

въ своемъ Юрьевскомъ склепѣ не услышитъ земнымъ слухомъ моего слова, свободнѣе можетъ оно излиться. Какая жестокая утрата для всей Церкви, не только Русской, но и Греческой, ея преждевременная кончина! Куда не достигали ея щедрыя даянія и гдѣ не благословлялось имя графини Анны? гдѣ не возносятся теперь теплыя молитвы о упокоеніи души ея?—Не говорю о томъ, что въ своемъ завѣщаніи не забыла она ни одной обители Русской; богомольцы наши, странствуя по обширнымъ предѣламъ отечества, во всѣхъ почти главныхъ святилищахъ встрѣчаютъ ея церковные памятники. Вспоминать ли о Новѣгородѣ, обновленномъ ею въ лицѣ своихъ храмовъ, ибо къ нему наиболѣе лежало ея сердце? или сказать о Кіевѣ, гдѣ великолѣпная рака и сѣнь великомученицы Варвары останутся навсегда свидѣтельствомъ ея благочестія? Давно ли лавра Почаевская огласилась опять гимнами православія? и уже рака ея основателя вылита изъ серебра и для чудотворной ея иконы приготовлялся драгоцѣнный кивотъ. Трудно было бы исчислить всѣ щедрыя даянія усопшей внутри отечества; но, если выйти и за его предѣлы, и тамъ встрѣтятъ васъ ея благодѣянія: въ Царьградѣ великолѣпная церковь Живоноснаго источника, обновленная отчасти помощію графини, и въ Александріи, и въ Дамаскѣ иконостасы патріаршихъ церквей устроены на ея счетъ живописцами Юрьевской обители; и на Аѳонъ и во св. градъ жертвовала она съ тѣмъ же усердіемъ, какое одушевляло ее всегда, когда только можно было сдѣлать что-либо въ пользу Церкви. Въ древней исторіи христіанства одно лице напоминаетъ почившую нынѣ тою же

щедростью къ святынѣ,—это великая Меланія Римская, которой богатства были столь необъятны, что кесари не могли купить ихъ, и всѣ сіи сокровища раздала она по Западу и Востоку для сооруженія храмовъ и питанія убогихъ.

Чудная митрополія Ростова открыла мнѣ опять священные врата свои. Изъ всѣхъ древнихъ храмовъ нашего отечества едва ли уцѣлѣлъ одинъ въ такой неприкосновенности, какъ сей великолѣпный соборъ великаго князя Константина Всеволодовича? Онъ заложилъ его въ 1213 году на мѣстѣ прежней деревянной церкви и каѳедры епископовъ Ростовскихъ и надъ упавшими сводами Боголюбскаго; но, по крайней мѣрѣ, нетвердыя основанія князя Андрея послужили къ обрѣтенію неколебимой основы новаго храма—мощей первыхъ святителей Ростовскихъ, Леонтія и Исаіи. Блаженный епископъ Кириллъ, мѣстно чтимый по благоговѣйному преданію и освящавшій соборный храмъ сей, смиренно укрылъ себя отъ чествованія подъ сводами святилища; но его преемникъ св. Игнатій, довершившій благолѣпіе собора, самъ поступилъ въ число основныхъ столповъ его, и племянникъ Сергіевъ, первый архіепископъ Ѳеодоръ, просіялъ также хотя и подъ спудомъ подъ сѣнію своей каѳедральной церкви. Снаружи, какъ и внутри, соборъ Ростовскій можетъ служить лучшимъ образцемъ строгаго Византійскаго вкуса со всѣми условіями церковнаго зодчества, съ тройною папертію, и тройственнымъ раздѣленіемъ алтаря, необходимымъ для благочинія въ Богослуженіи. Чрезвычайная соразмѣрность всѣхъ частей храма, расположеніе и стройная высота пяти главъ, внѣшнія арки и пояса изъ бѣлаго камня на стѣнахъ съ трой-

нымъ ярусомъ узкихъ оконъ,—все вмѣстѣ дѣлаетъ наружный видъ его особенно пріятнымъ для глазъ, и этой непринужденной гармоніи цѣлаго вполнѣ соотвѣтствуетъ величественная внутренность.

О ПРАВОСЛАВНОМЪ ЗОДЧЕСТВѢ ХРАМОВЪ.

Можетъ быть, не мѣсто ли здѣсь сказать, какъ много теряютъ великолѣпные новѣйшіе храмы отъ того, что во внутреннемъ расположеніи ихъ не держатся древняго чина церковнаго, который образовался вмѣстѣ съ Богослуженіемъ восточнымъ. Снаружи, дѣйствительно, они стали у насъ принимать древній благолѣпный видъ, лишены однако папертей, которыя низменнымъ своимъ поясомъ расширяли основную часть храма. Паперть придаетъ всему зданію пирамидальную стройность Византійскихъ святилищъ и даже необходима при Богослуженіи, потому что тамъ доселѣ совершаются литіи въ нашихъ древнихъ обителяхъ и должны стоять кающіеся, оглашенные и женщины, еще не пріявшія молитвы очистительной. Прямая восточная стѣна вмѣсто тройнаго полукружія алтаря нарушаетъ также древній порядокъ и благолѣпіе службы, потому что на прямой линіи нельзя устроить горняго архіерейскаго мѣста съ сопрестоліемъ для пресвитеровъ, сѣдѣніе коихъ вокругъ своего пастыря такъ благолѣпно видѣть изъ отверзтыхъ вратъ алтаря во время чтенія апостола. Сія торжественная минута нашего чуднаго Богослуженія взята Богодухновенными составителями чина литургіи православной изъ Откровенія Іоаннова; онъ видѣлъ на небѣ двадцать четыре старца, сѣдящихъ въ златыхъ вѣнцахъ и бѣлыхъ одеждахъ вокругъ престола Сына

человѣческаго, которые держали въ рукахъ златые фіалы съ θиміамомъ, и это есть молитва святыхъ: такъ сказано у евангелиста (Апокал. IV, 4, V, 8.); а подъ алтаремъ души избіенныхъ за слово Божіе (6, 9), какъ и въ нашихъ храмахъ тѣлеса мучениковъ подъ алтаремъ.

Слишкомъ важно значеніе горняго мѣста, чтобы безъ особенной нужды измѣнять усвоенный ему отъ первыхъ временъ христіанства круговидный образъ; въ древности старались соблюсти его даже въ самыхъ тѣсныхъ церквахъ, такъ что и малѣйшія изъ нихъ имѣли совершенное сходство съ каѳедральною. Иновѣріе нѣкоторыхъ изъ нашихъ зодчихъ нарушило въ минувшемъ столѣтіи древнюю форму нашихъ алтарей и почти уничтожило горнее мѣсто, такъ что отчасти утрачена красота архіерейской службы, даже съ большими неудобствами для самаго Богослуженія. Вмѣсто постояннаго сѣдалища или сопрестолія священниковъ, столь благовиднаго и удобнаго при древнемъ устройствѣ горняго мѣста, теперь при служеніи епископа въ новыхъ храмахъ необходимо вносить стулья или скамьи, которыя вовсе не соотвѣтствуютъ украшенію церковному и ставятся иногда близко къ престолу, гдѣ не подобаетъ сидѣть священникамъ. Весьма желательно, чтобы новые зодчіе обратили на это свое вниманіе, равно какъ и на прежнее тройное раздѣленіе алтаря, вмѣсто трехъ придѣловъ въ рядъ, которые весьма неудобны для порядка Богослуженія, ибо необходимо, чтобы жертвенникъ былъ отдѣленъ для приношенія просфоръ, и всякій могъ бы свободно туда входить, а не въ самый алтарь; необходимо также, чтобы съ противуположной стороны была приспѣшная храмина или

ризница для приготовленія всего нужнаго къ Богослуженію и для стоянія низшихъ служителей Церкви, посему и называлась она въ древности служебною или Діакониконъ.

Чѣмъ же хотѣли замѣнить благолѣпіе горняго мѣста въ новыхъ храмахъ?—Запрестольнымъ образомъ, иногда необыкновенно большаго размѣра; но это не въ восточномъ, а въ западномъ вкусѣ: ибо въ нашихъ древнихъ храмахъ чаще бываетъ поставлена небольшая икона Спасителя или Божіей Матери надъ горнимъ мѣстомъ для того, чтобы не закрывалъ ее собою стоящій или сѣдящій архіерей. Живопись на алтарной восточной стѣнѣ, или мозаика, изображаетъ большею частію пріобщеніе подъ обоими видами и молящуюся Богоматерь или Господа на херувимахъ; но она начинается гораздо выше, уже поверхъ горняго мѣста. Такъ это и въ древнихъ Римскихъ базиликахъ, гдѣ еще сохранился первобытный чинъ горняго сѣдалища. Но съ тѣхъ поръ, какъ на Западѣ начали прислонять алтари къ самой стѣнѣ, необходимымъ для нихъ украшеніемъ сдѣлалась запрестольная картина, ибо нѣтъ иконостаса, на который бы могли устремлять благоговѣйные взоры молящіеся. Мы не имѣемъ этой необходимости; однако, мало по малу, стали украшать алтари такими же запрестольными образами и жертвуемъ для нихъ древнимъ устройствомъ горняго мѣста и самаго иконостаса, расширяя царскіе врата, чтобы лучше можно было видѣть картину.

Столь же безотчетно утратилось у насъ патіярусное расположеніе древнихъ высокихъ иконостасовъ, весьма благолѣпныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заключавшихъ глубокую мысль, ибо все исполнено назида-

тельныхъ символовъ въ Церкви православной. Верхніе три яруса представляютъ намъ историческій образъ всей Церкви, съ нами молящейся, въ ея различныхъ состояніяхъ отъ сотворенія міра до нашихъ временъ: сперва Церковь патріархальная до письменнаго закона Моисеева въ лицѣ праотцевъ и патріарховъ; они преклоняются предъ ликомъ Господа Вседержителя, Бога Отца, Который проявляетъ въ лонѣ Своемъ образъ Бога Сына, имѣющаго открыться въ грядущихъ вѣкахъ; потомъ Церковь подзаконная, ветхозавѣтная, въ лицѣ пророковъ съ хартіями ихъ пророчествъ въ рукахъ, которые преклоняются предъ иконою Знаменія Богоматери; Она же проявляетъ намъ въ лонѣ Своемъ образъ имѣющаго родиться на землѣ Сына Божія, ибо въ то время чрезъ видѣнія пророческія яснѣе становился таинственный догматъ Воплощенія; наконецъ въ третьемъ ярусѣ Самъ Господь въ образѣ вѣчнаго Архіерея своей Церкви возсѣдаетъ на престолѣ Славы посреди апостоловъ, имѣя по сторонамъ пречистую Матерь Свою и Предтечу. Четвертый ярусъ напоминаетъ намъ двѣнадцатью праздниками о главнѣйшихъ торжествахъ нашей Церкви, дабы никогда не стирались они изъ нашей памяти, а именно: Рождество Христово, Крещеніе, Срѣтеніе Его, Благовѣщеніе, Входъ въ Іерусалимъ, Вознесеніе, Сошествіе св. Духа, Преображеніе Господне, Успеніе и Рождество Богоматери и Введеніе Ея во храмъ, и наконецъ всемірное Воздвиженіе животворящаго Креста. Пятый ярусъ, или самый нижній, заключаетъ мѣстныя иконы, болѣе чтимыя для ближайшаго ихъ поклоненія.

Теперь большею частію сохраняется въ новыхъ церквахъ одинъ только сей нижній ярусъ мѣстныхъ

иконъ и еще иногда другой, но и то неполный, съ двунадесятыми праздниками; а три символическіе, имѣющіе столь важное значеніе, вовсе оставляются, хотя высота храмовъ благопріятствуетъ высокимъ иконостасамъ. Забыта ихъ основная мысль, и потому, вѣроятно, не обращаютъ на нихъ должнаго вниманія, равно какъ и на прочія правила древняго стѣннаго писанія: такъ напримѣръ, изображеніе ангельскаго неба всегда было въ куполахъ, а лики святителей въ алтарѣ, поелику тамъ приносили они безкровную жертву, и мученики на столбахъ, потому что они служили опорою Церкви; картина страшнаго суда изображалась на западной стѣнѣ для возбужденія совѣсти молящихся, и притчи Евангельскія или вселенскіе соборы на прочихъ стѣнахъ. А между тѣмъ для разсѣяннаго человѣка назидательно было бы во время Богослуженія пройти глазами всю исторію Церкви на стѣнахъ.

О ПРАВОСЛАВНОМЪ ИКОНОПИСАНІИ.

Самая живопись новыхъ иконъ отзывается картинностію западнаго искусства; нѣтъ уже точнаго подражанія древнимъ священнымъ образцамъ, которые преемственно сохранились въ восточной Церкви, ибо въ ней искони опредѣлены не только облики, но самая осанка и одежда и всѣ принадлежности извѣстныхъ святыхъ, такъ что древнія иконы, не смотря на грубость письма, можно почитать за портреты: оттого онѣ снискали глубокое уваженіе въ народѣ. Это весьма естественно, потому что, кто желалъ имѣть у себя портретъ уважаемаго человѣка, тотъ и самую дурную живопись, если только вѣрно

схвачены его черты, предпочитаетъ лучшей, но невѣрной кисти. Епископъ Евсевій, жившій въ началѣ IV вѣка, отъ котораго сохранилась намъ древнѣйшая исторія Церкви, прямо говоритъ въ 7-й книгѣ (глава XVIII): что посредствомъ красокъ сохранены лики апостоловъ Петра и Павла, да и Самого Христа, и что древніе выражали такимъ образомъ уваженіе къ своимъ благодѣтелямъ. Такъ сохранился намъ и ликъ Богоматери кистію евангелиста Луки.

Драгоцѣнный памятникъ священной живописи хранится въ соборѣ Ростовскомъ отъ XI вѣка. Это чудотворная икона Богоматери, писанная св. Алипіемъ, инокомъ Печерскимъ, который учился у иконописцевъ Греческихъ, пришедшихъ въ Кіевъ для украшенія мусіею лавры. По трогательному выраженію Патерика Печерскаго, преподобный Алипій, работая Господу, создавшему насъ по Своему образу и по подобію, не только изображалъ лица святыхъ на иконахъ, но и добродѣтель ихъ въ душѣ своей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно первому иконописцу евангелисту Лукѣ, былъ врачемъ тѣлесныхъ и духовныхъ недуговъ своей братіи. Что же дивнаго, если сія цѣлебная сила, какъ нѣкогда истекавшая отъ убрусовъ Павловыхъ, сохранилась и сей иконѣ Алипіевой, которая была написана въ оправданіе его нестяжательности! Когда онъ слышалъ, что гдѣ либо обветшали въ церкви иконы, немедленно предлагалъ безвозмездные труды свои, а если когда либо и получалъ скромную за нихъ плату, то раздѣлялъ ее на три части: одну оставлялъ для потребностей иконописанія, другую отдавалъ въ обитель, а третію нищимъ. Краски, употребляемыя имъ для писанія, служили иногда и для исцѣленія, ибо онъ возлагалъ

ихъ на язвы, какъ нѣкогда Самъ Господь бреніемъ отъ земли даровалъ зрѣніе слѣпорожденному. Такъ исцѣлилъ Алипій одного изъ богатыхъ гражданъ Кіевскихъ, который растратилъ все свое имущество на врачей и не замѣчалъ въ себѣ душевнаго недуга, бывшаго виною его наружной болѣзни. Прозорливый иконописецъ открылъ духовнымъ окомъ поврежденіе образа Божія въ душѣ болящаго и, начавъ исцѣленіе извнутри, возвратилъ ему и тѣлесное здравіе, приложивъ къ язвамъ то, что случилось подъ руками,—убогія вещества своего иконнаго художества.

Другой благочестивый мужъ, изъ числа гражданъ Кіевскихъ, соорудилъ благолѣпную церковь, и, желая украсить ее иконами, просилъ двухъ иноковъ Печерскихъ совѣщаться о томъ съ Алипіемъ; онъ далъ имъ и кипарисныя доски съ достаточнымъ количествомъ серебра на издержки, но сребро сіе искусило иноковъ; усвоивъ себѣ плату, они еще дважды потребовали столько же, какъ бы отъ лица самого Алипія, и потомъ объявили, будто не хочетъ праведный мужъ исполнить долгъ свой. Но Провидѣніе Божіе, все устрояющее на пользу, нечестіемъ иноковъ обнаружило святость Алипія. Огорченный храмоздатель пришелъ въ лавру жаловаться святому игумену Никону на поступки его иконописца. Изумился Алипій и напрасно старался увѣрить настоятеля въ своей невинности; въ обличеніе мнимому корыстолюбцу игуменъ послалъ принести семь досокъ кипарисныхъ, данныхъ для написанія иконъ; но сколь велико было общее удивленіе и самого Алипія, когда на доскахъ увидѣли чудно написанные лики Господа, и пречистой Его Матери, и святыхъ. Такъ прославилъ Господь Своего угодника; но клеветники

стали распространять молву въ народѣ, будто бы сами они тайно написали сіи иконы. Новое свидѣтельство ознаменовало ихъ уже предъ лицемъ великаго князя Владиміра Мономаха, когда сгорѣла церковь, въ которой остались неприкосновенными только однѣ сіи иконы. Мономахъ, исполненный благоговѣнія къ святынѣ, послалъ одну изъ нихъ въ Успенскій соборъ, который соорудилъ въ Ростовѣ, и тамъ еще дважды она уцѣлѣла при паденіи сводовъ и во время пожара.

О ЧЕСТВОВАНІИ СВЯТЫХЪ ИКОНЪ.

Мы, Русскіе, болѣе другихъ должны благоговѣть предъ святыми иконами, потому что чрезъ нихъ первоначально пришло намъ спасеніе. Извѣстно по лѣтописи, какъ философъ Греческій, пришедшій къ князю Владиміру, обратилъ его къ Богу истинному зрѣлищемъ страшнаго суда, написаннаго на иконѣ, и тѣмъ извлекъ изъ его сердца первый вздохъ раскаянія: «благо симъ одесную и горе симъ ошуюю»!—Это и есть дѣйствительная цѣль иконнаго украшенія въ храмахъ, дабы тотъ, кто не разумѣетъ грамоты, могъ познавать истины Евангельскія не только слухомъ, но и воззрѣніемъ на священныя начертанія лицъ и событій; но и на умѣющаго прочесть о нихъ въ книгахъ священнаго Писанія болѣе сильное произведетъ впечатлѣніе живое изображеніе сихъ предметовъ. Посему, какъ тѣ, которые исключительно благоговѣютъ предъ книгою Ветхаго и Новаго Завѣта, не отвергаютъ однако буквъ, передающихъ имъ тайный смыслъ писанія, такъ поступаемъ и мы въ отношеніи святыхъ иконъ. Мы

уважаемъ въ нихъ не доски и не краски, но то, что онѣ намъ живо представляютъ, т. е. образъ начертаннаго, и благоговѣйное наше поклоненіе относимъ не къ образу вещественному, а къ его первообразу, о коемъ онъ намъ напоминаетъ; такъ учитъ насъ и святая Церковь постановленіями соборными. «Хранимъ, не вводя ничего новаго», говоритъ св. седьмой вселенскій соборъ въ Никеи, «всѣ писаніемъ или безъ писанія установленныя для насъ церковныя преданія, изъ коихъ одно есть изображеніе иконнаго живописанія, согласующееся съ проповѣдію Евангельскою и служащее намъ къ увѣренію истиннаго, а не воображаемаго воплощенія Бога Слова, и къ подобной пользѣ».

Скольже осторожно дѣйствовала въ этомъ случаѣ св. Церковь, можно видѣть изъ опредѣленія шестаго вселенскаго собора, который запретилъ изображать Господа Іисуса Христа въ видѣ агнца, какъ о Немъ взывалъ Предтеча: «се Агнецъ Божій»! Поелику образы уже миновались, то и не подобало почитать образа паче истины, дабы не затмѣвать ее въ глазахъ вѣрующихъ. Далѣе правило седьмаго собора говоритъ: «и такъ, послѣдуя преданію каѳолической Церкви, въ которой обитаетъ Духъ Святый, со всякою достовѣрностію и тщательнымъ разсмотрѣніемъ опредѣляемъ: изображенія честнаго и животворящаго Креста полагать во святыхъ Божіихъ церквахъ, на священныхъ сосудахъ и одеждахъ, на стѣнахъ и дскахъ, въ домахъ и на путяхъ; честныя и святыя иконы, написанныя красками и изъ дробныхъ каменій (мозаикъ), и изъ другаго способнаго къ тому вещества устрояемыя (здѣсь умолчано о изваяніяхъ, слѣдственно они не признаются при-

личными для украшенія храмовъ), какъ то иконы Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и святыя Богородицы, и честныхъ ангеловъ, и всѣхъ святыхъ и преподобныхъ мужей. Ибо сколь часто видимы они бываютъ чрезъ изображеніе на иконахъ, столь же часто взирающіе возбуждаются воспоминать и любить первообразныхъ (т. е. тѣхъ, кого изображаютъ иконы), и чествовать ихъ лобзаніемъ и почтительнымъ поклоненіемъ, т. е. не истиннымъ по вѣрѣ нашей поклоненіемъ, которое подобаетъ единому Божескому существу, но почитаніемъ такимъ, какое воздается честному престолу и Евангелію и прочей святынѣ, т. е. ѳиміамомъ и поставленіемъ предъ ними свѣчей, по древнему обычаю, ибо честь, воздаваемая образу, переходитъ къ первообразному, и поклоняющійся иконѣ поклоняется существу, изображенному на ней. Такъ утверждаетъ ученіе св. Отецъ нашихъ, и это есть преданіе каѳолической Церкви, отъ конецъ до конецъ земли пріявшей Евангеліе».

Что можетъ быть яснѣе и опредѣлительнѣе сего догмата, гдѣ все дѣйствительно постановлено съ тщательнымъ разсмотрѣніемъ?—Удивительно, какъ могутъ еще послѣ такой ясности догматической упрекать православныхъ, что у нихъ забыта вторая заповѣдь десятословія Моисеева: «не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, иже на небеси горѣ и елико на земли низу и елико въ водахъ и подъ землею, да не поклонишися имъ и да не послужиши имъ»—какъ будто бы Церковь не учитъ насъ сей основной заповѣди. Здѣсь ясно запрещеніе не творить себѣ идоловъ, т. е. подобія боговъ языческихъ, которые не суть истинные, и не служить имъ, ибо поклоненіе подобаетъ единому Богу. Мы же, изоб-

ражая Господа Іисуса Христа въ томъ видѣ, въ какомъ явился Онъ на землѣ, не творимъ себѣ кумира, но, поклоняясь, кланяемся истинному Богу: слѣдственно никакъ не можетъ относиться заповѣдь сія къ благоговѣйному чествованію Его иконы въ томъ смыслѣ, какъ объясняетъ сіе Церковь православная опредѣленіемъ VII вселенскаго собора. И самъ Моисей, запретившій всякое ваяніе, не убоялся однако изваять двухъ херувимовъ изъ злата надъ кивотомъ завѣта въ Скиніи, предъ коею преклонялся народъ Израильскій: ибо въ сей видимой сѣни созерцалъ онъ невидимое присутствіе Божіе, такъ какъ и все Богослуженіе было образовательно, и Моисей устроилъ оное по образу, указанному ему на горѣ (Исх. XXV).

Въ самыя первыя времена христіанства мы уже видимъ священныя изображенія. Историкъ IV вѣка, епископъ Кесарійскій Евсевій, другъ императора Константина Великаго, утвердительно пишетъ (кн. VII гл. 18): «считаю неприличнымъ пропустить достойное также памяти потомства сказаніе. Кровоточивая жена, которая, какъ намъ извѣстно изъ священныхъ Евангелій (Матѳ. IX, 20—23. Марк. V, 25—34. Лук. VIII, 43—48), получила исцѣленіе своей болѣзни отъ Спасителя нашего, происходила, говорили, изъ города Панеады. Здѣсь и теперь еще указываютъ домъ ея и сохраняютъ славные памятники благодѣянія, оказаннаго ей Спасителемъ. Именно, предъ дверями ея дома лежитъ высокій камень, и на немъ поставлено мѣдное изваяніе женщины съ преклоненными колѣнами и съ простертыми впередъ руками на подобіе молящейся. Противъ нея стоитъ изъ того же металла прямая статуя мужа благо-

лѣпнаго, облеченнаго въ двойную мантію и простирающаго руку къ женщинѣ. У ногъ его на самомъ пьедесталѣ растетъ какая-то незнакомая трава, досягающая до нижняго края мѣдной мантіи и служащая противоядіемъ всякаго рода болѣзней. Эта статуя представляетъ, говорили, образъ Іисуса; она сохранилась до нашего времени, и мы собственными глазами видѣли ее въ бытность нашу въ этомъ городѣ. Впрочемъ нѣтъ ничего удивительнаго, что въ старину облагодѣтельствованные Спасителемъ язычники дѣлали такого рода вещи. Мы уже разсказывали, что посредствомъ красокъ на картинахъ сохранены также лики апостоловъ Петра и Павла, да и Самого Христа. Вѣроятно, древніе, слѣдуя обычаю язычниковъ, выражали такимъ образомъ уваженіе ко всѣмъ безъ различія благодѣтелямъ».

Если Евсевій поставляетъ здѣсь древнихъ въ противоположность язычникамъ, то это, конечно, христіане, и доказательствомъ тому, что онъ не осуждаетъ ихъ благочестиваго употребленія живописи, которой научились отъ язычниковъ, служитъ его сказаніе о томъ уваженіи, какое они имѣли ко всему, что имъ осталось отъ ихъ древнихъ пастырей и учителей.

«Каѳедра Іакова, который получилъ епископство надъ Іерусалимскою Церковію отъ Самого Спасителя и апостоловъ и котораго Божественное Писаніе нарицаетъ братомъ Христовымъ, сохранилась еще доселѣ. Тамошніе братія преемственно блюдутъ ее и этимъ ясно показываютъ всѣмъ, какъ древніе и нынѣшніе благоговѣли и благоговѣютъ предъ святыми мужами за ихъ любовь къ Богу». Будемъ и мы такъ поступать по примѣру первыхъ христіанъ,

которые приняли и свято сохранили свое преданіе отъ ближайшихъ учениковъ Господа.

Что же еще смущаетъ боязливый помыслъ нѣкоторыхъ, страждущихъ недостаткомъ вѣры и, смѣю присовокупить, вѣдѣнія?—Они хотятъ насильственно, вопреки церковному разумѣнію, приписать чудеса и исцѣленія, бывающія отъ святыхъ иконъ, самому веществу ихъ, а не тѣмъ, чей образъ и написаніе на иконахъ, чтобы такимъ образомъ воздать Божіе Богови. Но какъ же видимъ мы въ священномъ Писаніи, что жезлъ Моисеевъ и мантія пророка Иліи разсѣкали воды, что прикосновеніе къ кивоту завѣта поражало смертію и даже близость его сокрушала идоловъ? Вещество ли его творило знаменія, или Господь хотѣлъ въ немъ прославить Свой таинственный на землѣ образъ? Должно быть послѣдовательнымъ въ своемъ вѣрованіи и, пріемля одно, не отвергать безотчетно другаго, если только не таится въ сердцѣ сокрытое отъ самого себя отверженіе всего. Такимъ образомъ одно воззрѣніе на мѣднаго змія, воздвигнутаго Моисеемъ въ пустынѣ, исцѣляло уязвленныхъ змѣями, потому только, что это былъ символъ распятаго Господа? Онъ Самъ указывалъ на него, бесѣдуя съ Никодимомъ: «ты учитель Израилевъ, и сего ли не знаешь? Истинно, истинно говорю тебѣ: Мы говоримъ о томъ, что знаемъ, и свидѣтельствуемъ о томъ, что видѣли, а вы свидѣтельства Нашего не принимаете. Если Я сказалъ вамъ о земномъ, и вы не вѣрите; какъ повѣрите, если буду говорить вамъ о небесномъ? Никто не восходилъ на небо, какъ только сшедшій съ небеси Сынъ человѣческій, сущій на небеси. И какъ Моисей вознесъ змію въ пустынѣ, такъ должно воз-

несену бытъ Сыну человѣческому, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную» (Іоан. гл. III, 10—15).

Не приходится ли и намъ повторить слова Господни тѣмъ, которые выставляютъ свое неопытное мнѣніе на перекоръ Евангельскому ученію Церкви: «ты ли учитель Израилевъ и сего не знаешь»?—Если воззрѣніе на мѣднаго змія, который былъ только символическимъ образомъ распятаго Христа, могло исцѣлять, то почему же не можетъ имѣть столь же спасительнаго дѣйствія благоговѣйное воззрѣніе съ теплою вѣрою на дѣйствительный образъ Распятаго уже въ собственномъ Его лицѣ, а не въ символѣ?—Ожидаемое тогда искупленіе совершилось нынѣ, и мы тѣснѣе соединены съ Господомъ нашимъ благодатію крещенія, чрезъ которое всякъ вѣрующій въ Него не погибнетъ, по собственному Его обѣтованію. Если тѣнь апостола Петра, если платки и полотенца, бывшіе на тѣлѣ Павловомъ, исцѣляли болящихъ и изгоняли духовъ нечистыхъ, то почему же благоговѣйное прикосновеніе къ ихъ ликамъ, которые даже сохранились намъ отъ первыхъ вѣковъ по свидѣтельству Евсевія, не можетъ совершить того же знаменія?—Что̀ есть тѣнь, если не образъ человѣка, начертанный на землѣ, и платки не суть ли бездушныя вещества, освященныя только прикосновеніемъ святаго мужа?

Понимаю, что новѣйшіе образа, писанные въ духѣ западномъ съ какого либо натурщика болѣе для такъ называемаго эффекта картины, нежели для того, чтобы передать священный ликъ, дошедшій къ намъ по глубокому преданію древности, не могутъ возбуждать благоговѣйной молитвы. Предъ ними

только дивятся изяществу кисти, а не углубляются въ созерцаніе духовнаго міра, ибо все въ нихъ отзывается человѣческимъ и не проявляется вѣра живописца, который замѣнилъ собственнымъ вымысломъ преданіе, освященное временемъ.—Не такъ писали древніе иконописцы наши, и потому совсѣмъ иное чувство проникаетъ душу при воззрѣніи на ихъ произведенія, хотя иногда и несовершенныя въ смыслѣ искусства: они не смѣли отступать ни отъ одной черты или краски подлинника, тщательно сохраняя даже всѣ складки одежды. Оттого и произошло столь много мѣстныхъ наименованій однѣхъ иконъ Богоматери, прославленныхъ различными знаменіями въ разныхъ предѣлахъ Россіи: каждый хотѣлъ имѣть у себя то собственно изображеніе, почему либо близкое его сердцу, при которомъ совершилось или знаменіе или исцѣленіе. Можно ли безъ особеннаго благоговѣнія взирать на образъ Богоматери, писанный св. Алипіемъ Печерскимъ, или на икону Ея Успенія, которую писалъ съ подлинника Греческаго св. Петръ, митрополитъ московскій, разводя самыя краски на святой водѣ? или на Владимірскій образъ Пречистой Дѣвы, который восходитъ по священному преданію до самого евангелиста Луки? Молитвенный духъ писавшихъ какъ бы проникъ самыя ихъ иконы, уже освященныя тѣмъ, что онѣ суть образы Божественнаго лика: что же дивнаго, если и доселѣ отъ нихъ совершаются знаменія, какъ бы отъ тѣни Петровой, или платковъ апостола Павла, и жезла Моисеева, и мантіи Иліиной, и мѣднаго змія, и ветхозавѣтнаго кивота, бывшаго образомъ Церкви новозавѣтной!

Еще одно утѣшительное чувство наполняетъ душу подъ священною сѣнію собора Ростовскаго; это вос-

поминаніе того благодатнаго покрова Богоматери, которымъ какъ бы исключительно осѣнила Она землю Русскую и въ честь коего учреждено у насъ особое празднество, не имѣющееся у другихъ народовъ. Въ Корсунской церкви Рождества Богоматери воспріялъ святое крещеніе просвѣтитель Руси, равноапостольный князь Владиміръ, и вотъ всѣ древнѣйшіе соборы земли Русской посвящены Пречистой Дѣвѣ, начиная съ Десятинной церкви, сооруженной въ Кіевѣ самимъ Владиміромъ. Два его сына, Владиміръ и Ярославъ, воздвигаютъ въ Новгородѣ и Кіевѣ два каѳедральные собора во имя Софіи Премудрости Божіей; они оба празднуютъ Рождеству и Успенію Божіей Матери, ибо всякій храмъ есть домъ Божій, а Она сама послужила домомъ воплощенной Премудрости, Христу Богу нашему. Изъ Цареградскаго храма св. Софіи пришла къ намъ мудрость духовная чрезъ обращеніе въ немъ пословъ Владиміровыхъ. Первый отшельникъ нашъ Антоній идетъ на св. гору Аѳонскую и вмѣстѣ съ уставомъ иноческимъ приноситъ опять благословеніе Матери Божіей на всю землю Русскую; священная икона Ея Успенія, чудно ниспосланная, внушаетъ мысль преподобному Ѳеодосію воздвигнуть храмъ въ честь Успенія, и празднество сіе дѣлается основнымъ почти для всѣхъ обителей, устрояемыхъ постепенно по образцу лавры Печерской; оно пріемлется и для каѳедральныхъ соборовъ, разсѣянныхъ по княжескимъ удѣламъ земли Русской, потому что къ сему присоединялась еще особенная мысль.—Къ Успенію Богоматери собрались съ концевъ вселенной всѣ апостолы на Сіонъ, дабы воздать подобающее погребеніе Матери воплощеннаго Слова Божія; это былъ первый образецъ духовнаго собранія въ

лицѣ всего апостольскаго собора. Весьма прилично было, чтобы каѳедральные соборы, гдѣ около верховнаго пастыря соединяется паства во дни торжественнаго Богослуженія, напоминали собою первоначальное собраніе апостольское, и потому большая часть ихъ у насъ, какъ и на Востокѣ, празднуетъ Успенію Богоматери. Мономахъ былъ первымъ основателемъ Успенскаго собора въ Ростовѣ, а сынъ его Боголюбскій въ великокняжескомъ Владимірѣ, отколѣ перешла каѳедра святительская вмѣстѣ съ престоломъ княжескимъ въ Успенскій соборъ царственной Москвы.

Но если отрадно мнѣ было молиться подъ сводами древней митрополіи Ростовской посреди всей ея святыни, то грустно было взойти во внутренность священнаго кремля и видѣть запустѣніе его пяти храмовъ и бывшихъ палатъ архіерейскихъ, еще исполненныхъ именемъ великаго святителя Димитрія. Со дня на день приходятъ въ бо́льшій упадокъ зданія, которыя, казалось, строены были для вѣчности, и снаружи еще кажутся чѣмъ-то исполинскимъ; особенно грустно смотрѣть на разрушеніе церкви Григорія Богослова, гдѣ постригался апостолъ Перми, св. Стефанъ, и на крестовую церковь во имя Всемилостиваго Спаса, гдѣ было поставлено тѣло святителя Димитрія въ ожиданіи друга его, мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стефана, который хотѣлъ воздать ему самъ послѣдній долгъ. Тяжко для сердца зрѣлище постепеннаго паденія того дома, въ которомъ жилъ митрополитъ Димитрій, особенно той келліи, гдѣ онъ скончался на колѣняхъ: сперва было хотѣли обратить ее въ церковь, но потомъ оставили благочестивое намѣреніе съ тѣхъ поръ, какъ каѳедра архіерейская перенесена въ Ярославль.

Неужели никогда не обновится древнее жилище столькихъ великихъ святителей Ростовскихъ?

На выѣздѣ къ Ярославлю, подлѣ обители просвѣтителя Ростовскаго Авраамія, которую соорудилъ онъ во славу Богоявленія въ странѣ, нѣкогда чуждой свѣту Божію, стоитъ еще обитель на самомъ берегу Нера озера въ честь верховныхъ апостолъ. Они указали мѣсто сіе царевичу Ордынскому, какъ нѣкогда возлюбленный ученикъ Христовъ указалъ тутъ мѣсто для храма старцу архимандриту. Дѣйствователи тѣ же, хотя времена и лица измѣнились и нѣсколько столѣтій протекло между явленіемъ апостоловъ иноку-проповѣднику и царевичу Татарскому, а цѣль та же—духовное просвѣщеніе ищущихъ спасенія. Умилительна и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма замѣчательна жизнь сего братанича языческаго, хана Берки, столь грознаго для Россіи; достойно вниманія, что выходецъ Ордынскій послужилъ не только къ назиданію Ростова благою жизнію, но и по смерти, уже въ четвертомъ своемъ поколѣніи, сдѣлался защитникомъ избраннаго имъ града, осѣнивъ его отъ нашествія новаго завоевателя Татарскаго памятью своего имени.

III.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Если живописенъ Переяславль-Залѣсскій, когда открывается онъ на берегу своего тихаго озера съ вершины Крестовой горы, не менѣе очаровательно зрѣлище великокняжескаго Ярославля отъ нагорной церкви Креста, господствующей надъ всею роскош-

ною долиною Волги. Одно, близкое сердцу Русскому. теченіе сей матери нашихъ рѣкъ уже производитъ пріятное впечатлѣніе и оживляетъ широко раскрывающуюся взорамъ картину, и вотъ на берегу ея возстаетъ многоглавый Ярославль, весь исполненный величественными храмами въ Византійскомъ или. лучше сказать, собственно въ Русскомъ вкусѣ первыхъ временъ дома Романовыхъ, ибо болѣе всѣхъ другихъ городовъ носитъ онъ отпечатокъ сей эпохи. Церковь Предтечи въ предмѣстіи издали напоминаетъ восточную массу Василія Блаженнаго, что посреди Китая, приготовляя къ необычайной красотѣ прочихъ храмовъ, которыми особенно славится Ярославль.

У самаго озера, на крутомъ берегу Которости, отдѣляющей городъ отъ предмѣстія, красуется трехбашенная церковь Богоявленія, весьма изящной архитектуры, и древняя обитель Спасская, воспріявшая внутрь своихъ стѣнъ еще древнѣйшую каѳедру митрополитовъ Ростовскихъ, срѣтаетъ путника святынею своихъ храмовъ. Туда поспѣшилъ я, доколѣ еще не ударилъ колоколъ къ вечерни наканунѣ праздника Иліи пророка, чтобы принять благословеніе архипастыря, повсюду оставившаго по себѣ одни благословенія, даже до дальняго Томска и Тобольска. Владыка принялъ меня съ любовію, и послѣ краткой бесѣды, видя, что я обѣгалъ любопытнымъ взоромъ живописную окрестность, которая открывалась изъ его оконъ, вывелъ меня на террасу. Онъ показалъ мнѣ въ полномъ объемѣ всю сію привлекательную картину, и назвалъ всѣ лѣтописныя церкви, начиная отъ той, которая поразила меня своею красотою въ предмѣстіи, до церкви Златоуста, не менѣе замѣчательной по своему зодчеству, близъ впаденія Которости въ

Волгу. Храмъ стоитъ на Тугой горѣ, такъ названной по давнему преданію отъ того, что тутъ тужили граждане Ярославля о безвременномъ паденіи князей своихъ, Василія и Константина, въ битвѣ съ Татарами; мощи ихъ теперь почиваютъ въ Ярославскомъ соборѣ.

Я вспомнилъ, что въ Ярославлѣ противъ Спасской обители скончался великій труженикъ, патріархъ Никонъ, и просилъ указать мнѣ самое мѣсто; «оно предъ вашими глазами», отвѣчалъ мнѣ преосвященный; «тутъ, на противоположной сторонѣ, поставленъ былъ нѣкогда крестъ, котораго уже давно нѣтъ. Стругъ Никона патріарха поднялся по рѣкѣ Которости отъ ея устья, потому что здѣсь онъ долженъ былъ выдти на берегъ; но здѣсь застигъ его смертный часъ въ виду обители нашей.»

Краснорѣчиво описалъ блаженную кончину своего учителя бывшій діакъ его Шушеринъ, и я привожу исполненныя глубокаго чувства слова его: «и тако приставшимъ имъ ко граду Ярославлю, граждане того града, слыша блаженнаго пришествіе, текоша вси радующеся ко блаженному, благословенія ради, видяще пастыря своего, во свояси и ко своимъ возвращающася, и абіе зряще его на одрѣ смертномъ лежаща и близъ смерти, съ плачемъ великимъ и рыданіемъ приходяще, припадающе къ нему, просяще благословенія и прощенія, цѣлующе руцѣ его и нозѣ: и тако имъ отъ всенароднаго собранія со трудомъ великимъ вшедшимъ въ рѣку Которость; народи же стругъ со блаженнымъ влекуще, овіи по берегу, иніи же въ водѣ бродяще даже до чреслъ, и приставши близъ обители всемилостиваго Спаса, и ту пріиде града того воевода со множествомъ народа,

также и архимандритъ Спасова монастыря, со освященнымъ соборомъ обители своея и всего града, вся носяще потребная.»

«Блаженному же Никону, уже изнемогшу вельми и ничтоже вѣщающему, токмо десницу свою дая цѣловати. Народи же болма собирахуся, и стужаху ему вельми своимъ прихожденіемъ. Архимандритъ же Кириллова монастыря, Никита, бѣ бо духовникъ блаженному, и посланный діакъ, видя народу множащуся, повелѣша оный стругъ, въ немъ же блаженный, на другую сторону рѣки перевезти. Вечернему убо часу приспѣвшу, егда во градѣ начаша благовѣстити, тогда блаженный Никонъ конечнѣ нача изнемогати и озиратися, яко бы видя нѣкоихъ приходящихъ къ нему, также своима руками лице и власы и браду и одежду со опасеніемъ опрятовати, яко бы въ путь готовитися. Архимандритъ же Никита и братія и присланный діакъ, видя святѣйшаго конечнѣ дыхающа, нача исходное послѣдованіе надъ нимъ пѣти. Святѣйшій же возлегъ на уготованномъ одрѣ, давъ благословеніе своимъ ученикомъ, руцѣ къ персемъ пригнувъ, со всякимъ благоговѣніемъ въ добромъ исповѣданіи, благодаря Бога о всѣхъ, яко во страданіи теченіе свое соверши, съ миромъ успе, душу свою въ руцѣ Богу предаде, егоже возлюби. Отъ житія сего отыде во оное блаженство въ настоящее лѣто отъ созданія міра 7189, (отъ Р. Х. 1681), мѣсяца августа въ 17 день.»

Между тѣмъ, какъ мы смотрѣли издали на мѣсто кончины блаженнаго патріарха Никона, ударилъ вечерній колоколъ, ознаменовавшій часъ ея, и я поспѣшилъ отъ добраго пастыря Ярославскаго ко всенощной въ храмъ, гдѣ почіютъ мощи великихъ кня-

зей Ярославскихъ. Но прежде взошелъ я въ древнѣйшій изъ храмовъ нынѣшняго города, монастырскій соборъ Спаса Преображенія; онъ былъ сооруженъ въ 1216 г. великимъ княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ, основателемъ краткаго благоденствія Ярославля, и послѣ того перестроенъ въ 1516 году великимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ Московскимъ. Совсѣмъ тѣмъ, это древнѣйшая церковь во всемъ городѣ, котораго всѣ храмы были обновлены; обитель Спасова, обращенная теперь въ жилище архіерейское, есть самая замѣчательная святыня Ярославля по своимъ лѣтописнымъ воспоминаніямъ, хотя во многомъ измѣнился наружный видъ ея. Стѣнная живопись собора носитъ отпечатокъ давно минувшаго, но алтарь расширенъ пристройкою, и совершенно новая церковь сооружена на мѣсто прежней теплой послѣднимъ архіепископомъ Авраамомъ во имя благовѣрныхъ князей Ярославскихъ. Она изящна по зодчеству, и живопись ея во вкусѣ Византійскомъ; но еще слишкомъ нова церковь, чтобы быть въ одной связи съ древнимъ соборомъ. Тамъ отслушалъ я всенощную при св. мощахъ Ѳеодора и чадъ его, Давида и Константина.

Много княженій соединилъ въ лицѣ своемъ сей благочестивый князь Ѳеодоръ, сынъ Ростислава Смоленскаго, будучи вмѣстѣ и обладателемъ Смоленска и удѣльнымъ княземъ Можайскимъ въ предѣлахъ Московскихъ. Бракъ его съ Маріею, единственною дочерью князя Ярославскаго Василія Всеволодовича, доставилъ ему вѣнецъ Ярославля, и такимъ образомъ въ немъ соединились опять обѣ вѣтви дома Мономахова, Смоленскихъ и Долгорукихъ. Но ему предстояла кратковременная утрата своего княжества

для бо́льшаго его расширенія впослѣдствіи, ибо по смерти Маріи, граждане Ярославскіе провозгласили княземъ своимъ сына его Михаила, который однако скоро скончался. Тогда ханъ Татарскій Нагай выдалъ за князя Ѳеодора, прозваннаго по необычайной красотѣ Чермнымъ или Краснымъ, дочь свою, которая воспріяла въ св. крещеніи имя Анны, и съ нею возвратился онъ изъ Орды княжить не только надъ Ярославлемъ и Смоленскомъ, но и надъ Болгарами, Казанью, Черниговомъ и Корсунью; всѣ сіи города уступилъ ханъ въ удѣлъ любимому своему зятю. Чермный былъ сильнѣйшимъ изъ князей Ярославскихъ, и родъ его властвовалъ по немъ до пятаго колѣна; но почести мірскія не ослѣпили его христіанскаго сердца; утомленный бременемъ долгаго правленія, пожелалъ онъ ангельскаго образа, и Чермный властитель скончался схимникомъ въ 1299 году. Ему наслѣдовали дѣти его, Давидъ и Константинъ, неразлучные съ нимъ во гробѣ.

Внукъ Чермнаго, Василій Грозныя очи, вступилъ въ родство съ великимъ княземъ Іоанномъ Калитою, женившись на его дочери, и тѣмъ какъ бы усвоилъ заблаговременно Ярославль разраставшейся во всю Русь державѣ Московской. Правнукъ того же имени бился вмѣстѣ съ Донскимъ витяземъ противъ Мамая, и только пятый по немъ, Александръ, былъ послѣднимъ владѣтельнымъ княземъ Ярославля, ибо съ его кончиною права удѣльныя уступлены самодержавному Іоанну, собирателю Руси. При семъ Александрѣ были обрѣтены, въ 1463 году, нетлѣнныя мощи благовѣрнаго князя Ѳеодора и двухъ его сыновей, и Церковь причла ихъ къ лику своихъ заступниковъ. Уже въ минувшемъ столѣтіи святитель Ростовскій Димитрій

перекладывалъ св. мощи въ кипарисовую раку изъ древней каменной, а нынѣшняя серебряная устроена усердіемъ недавно почившаго архипастыря Авраама, который много украсилъ свою каѳедральную обитель. Позади Спасскаго собора въ отдѣльной часовнѣ благоговѣйными христіанами посѣщается гробъ блаженнаго епископа Ростовскаго Прохора или Трифона по схимѣ, которому было явленіе чудотворной иконы Толгской Божіей Матери, и который вмѣстѣ съ правнукомъ царевича Ордынскаго Петра оградилъ Ростовъ отъ оружія хана Ахмыла чуднымъ исцѣленіемъ его сына. Сердцу русскому не могутъ быть чужды такія воспоминанія, вмѣстѣ церковныя и гражданскія, дополняющія лѣтопись дѣяніями святыхъ.

На слѣдующее утро продолжалъ я осматривать замѣчательныя церкви Ярославля съ благословенія архипастыря Евгенія и въ сопровожденіи о. ректора Іоанникія. Мы начали съ соборнаго величественнаго храма во имя Успенія, который однако далеко уступаетъ Ростовскому, хотя основанъ былъ тѣмъ же великимъ княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ. Щедрою рукою украсилъ онъ Ярославль, когда еще былъ удѣльнымъ княземъ; но, вѣроятно, основаніе Ростовскаго собора было болѣе прочно, потому что на него не подѣйствовали многократные пожары, а Ярославскій до такой степени былъ опустошенъ пламенемъ въ 1501 году, вмѣстѣ съ княжескими палатами и рубленнымъ городомъ окрестъ ихъ, что великій князь Іоаннъ принужденъ былъ выстроить новый соборъ. Тогда были обрѣтены нетлѣнныя мощи князей Василія и Константина, дѣтей Всеволода, убіеннаго Татарами на рѣкѣ Сити, внуковъ храмоздателя, которые въ свою чреду были также убиты Татарами

на Тугой горѣ въ виду своей столицы. Радость сего обрѣтенія утѣшила въ скорби о разрушеніи храма: но и этотъ соборъ былъ замѣненъ новымъ чрезъ полтораста лѣтъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. во вкусѣ Московскихъ. и доселѣ красуется на мѣстѣ древняго святилища Константинова.

Еще чудотворная икона Аліпіева. которая ежегодно приносится изъ Ростова. стояла внутри собора, и я съ утѣшеніемъ ей поклонился. ибо скорбѣлъ. не найдя въ прежней митрополіи сего завѣтнаго залога Печерскаго: древнія иконы, коихъ священные лики издавна намъ знакомы, особенно бываютъ близки сердцу. Тамъ же поклонился я и мѣстнымъ иконамъ Спаса и Божіей Матери, именуемой Ярославскою, къ которымъ усердно прибѣгаютъ граждане со временъ благовѣрныхъ князей Василія и Константина, ибо они принесли святыню сію соборному своему храму. Мощи ихъ собраны въ серебряной ракѣ, поставленной между столбовъ; я говорю собраны, потому что, по несчастію, въ половинѣ минувшаго столѣтія они сгорѣли отъ нечаяннаго пожара внутри храма. Если и скорбитъ о томъ сердце ревностныхъ сыновъ Церкви, да не оскудѣетъ вѣра ихъ къ угодникамъ Божіимъ. Тѣлеса мучениковъ разсѣкаемы были по частямъ и неоднократно сожигаемы варварами, но тѣмъ не менѣе чествуются ихъ останки; многолѣтнее же нетлѣніе въ нѣдрахъ всепоглащающей тлѣніемъ земли достаточно засвидѣтельствовало міру святую жизнь сихъ новыхъ мучениковъ, пострадавшихъ отъ Татаръ. Кто знаетъ тайные суды Божіи, наказавшіе въ свое время небрежность хранителей утратою отчасти сокровища для возбужденія усердія ихъ къ тѣмъ останкамъ, кото-

рые спасли и уже съ тѣхъ поръ хранятъ, какъ зѣницу ока.

Соборъ Ярославскій памятенъ сердцу Русскому еще тѣмъ, что изъ-подъ его сѣни двинулся освободить столицу князь Пожарскій съ ополченіемъ, которое долго устроивалъ въ Ярославлѣ. Въ день Всемилостиваго Спаса, 1 августа 1612 года, здѣсь послѣ Божественной литургіи окропилъ его хоругви благочестивый Кириллъ, митрополитъ Ростова, и чрезъ полгода здѣсь же имѣлъ онъ утѣшеніе встрѣтить и благословить на царство избранника всего народа Русскаго, юнаго Михаила, когда шелъ онъ изъ Костромы въ первопрестольную Москву. Такъ внутри каждаго святилища древнихъ городовъ нашихъ таится какое либо драгоцѣнное воспоминаніе, котораго отголосокъ отзывается въ цѣломъ отечествѣ!

Нѣтъ уже слѣдовъ княжескихъ палатъ Константина, ни первоначальной церкви Иліи пророка, которую, по давнему преданію, соорудилъ здѣсь великій Ярославъ, давшій имя свое новому городу. Разсказываютъ, что здѣсь, однажды тѣшась ловлею, онъ убилъ въ лѣсистомъ оврагѣ огромнаго медвѣдя и, плѣненный красотою мѣста надъ стеченіемъ Которости и Волги, срубилъ тутъ городокъ на треугольномъ мысѣ: съ одной стороны былъ онъ огражденъ глубокимъ оврагомъ Медвѣдицы, съ другой крутыми обрывами обѣихъ рѣкъ, и какъ имя князя сохранилось городу, такъ и память его ловли осталась въ гербѣ Ярославскомъ; но уже засыпанъ оврагъ, отдѣлявшій первоначальный Рубленный городъ, и едва можно угадать его мѣсто на великолѣпной площади: новѣйшая церковь Иліи пророка замѣнила древнюю, а домы соборянъ и Демидовскій лицей

стали на мѣстѣ княжескихъ палатъ. Но отъ лицейскаго сада, на самомъ мысу, объясняется пристрастіе Ярослава къ сему дикому тогда урочищу чуднымъ видомъ, который открывается вверхъ и внизъ по теченію Волги, и на богатое предмѣстіе, лежащее по ту сторону рѣки Которости. Волга вездѣ царица, гдѣ только ни покажется сія величавая мать нашихъ рѣкъ, разукрашенная своими бѣлыми вѣтрилами, облѣпленная, какъ бы дѣтьми, своими безчисленными селами: ихъ величавыя колокольни одна за другою теряются вдали, какъ бы поверстные столбы, измѣряющіе все ея владычественное теченіе отъ убогаго озера Тверскихъ лѣсовъ и до Каспійской пучины.

Изъ бывшаго Рубленнаго города мы перешли въ Земляной, нынѣ уже не соотвѣтствующій сему скромному названію роскошью своихъ каменныхъ зданій. Обыденная нѣкогда, т. е. однимъ днемъ построенная, церковь Всемилостиваго Спаса, теперь уже прочно сооруженная изъ камня, привлекла наше вниманіе своею чудотворною иконою Убруса, или нерукотвореннаго образа Спасова. Преданіе отечественное соединено съ памятію прославленія сей иконы: это опять время Пожарскаго и освобожденія Руси, какъ будто бы лучшая слава Ярославля вся сосредоточилась около сей свѣтлой точки нашей исторіи. Справедливо и то, что городъ процвѣлъ тотчасъ послѣ въ первую эпоху царствованія Романовыхъ: ибо не забыли ни патріархъ Филаретъ прежней своей епархіи Ростовской, ни сынъ его, царь Михаилъ, убѣжища своего въ сосѣдней обители Ипатіевской и первой царственной ему встрѣчи въ Ярославлѣ. Но, когда прославилась икона Спасова, еще только сбиралось ополченіе для спасенія отече-

ства; моровое повѣтріе открылось въ городѣ отъ чрезвычайнаго стеченія народа; тысячи гибли. Князь и духовенство положили обратиться съ молитвою къ всегдашней Заступницѣ земли Русской, и послали за Ея чудотворною иконою въ обитель Толгскую. Когда всѣ готовились къ торжественной встрѣчѣ, ночью послышался во снѣ голосъ протоіерею соборному Иліи, мужу благоговѣйному, чтобы онъ поднялъ изъ часовни Аѳанасьевскаго монастыря древнюю икону Спасову; но священнослужитель, обрѣтшій ее тамъ въ большомъ небреженіи, оставилъ ее и самъ безъ вниманія. Опять повторилось въ слѣдующую ночь то же сновидѣніе, и устрашенный уже не смѣлъ ослушаться; онъ объявилъ о томъ гражданамъ; крестный ходъ зашелъ торжественно въ часовню поднять завѣтный образъ; тутъ же получилъ прозрѣніе слѣпорожденный, и на обратномъ пути тайная сила остановила идущихъ съ иконою противъ самой часовни. Немедленно соорудили на томъ мѣстѣ обыденную церковь, которую освятилъ митрополитъ Кириллъ, и язва миновалась. Впослѣдствіи много исцѣленій истекло отъ чудной иконы, и она невредимою осталась во время пожаровъ. Нынѣшняя церковь построена въ 1705 году усердіемъ гражданъ, и въ ней замѣчательна единственная, быть можетъ, въ цѣлой Россіи надпись: «что стѣнное писаніе совершено при малолѣтномъ императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ».

Еще нѣсколько церквей посѣтилъ я въ Земляномъ городѣ, великолѣпныхъ по своему зодчеству и богатству украшеній, и по красотѣ древнихъ иконъ; всѣ онѣ были сооружены гражданами въ теченіе XVII вѣка, самаго цвѣтущаго для Ярославля. Между

ними болѣе замѣчательны: на площади Ильинской шатровидная по своимъ главамъ церковь пророка, и ближе къ рѣкѣ храмъ Рождества Христова въ Византійскомъ вкусѣ и Надѣинскій святителя Николая, такъ названный отъ знаменитаго гостя, его соорудившаго при царѣ Михаилѣ, котораго богатые вклады хранятся въ ризницѣ. Преданіе говоритъ, будто бы прежній яшмовый помостъ сей церкви перенесенъ былъ въ Московскій Благовѣщенскій соборъ. Есть еще одна болѣе великолѣпная церковь святителя Николая, прозванная Мокринскою, на другомъ концѣ города, которая отличается витіеватостію своей колокольни и рѣзьбою иконостаса; но въ этомъ вкусѣ зодчества все затмила въ Ярославлѣ противолежащая на другомъ берегу рѣки Которости церковь Предтечи, которая поразила меня еще при въѣздѣ.

Она построена въ 1686 году Голландскими мастерами также по усердію гражданъ, и грустно видѣть, какъ, по недостатку жителей и средствъ, церковь стоитъ въ опустѣвшемъ предмѣстіи. Это лучшій образецъ вкуса архитектурнаго, собственно Русскаго, или Романовскаго, если можно употребить такое выраженіе, потому что онъ вполнѣ развился при вступленіи на престолъ Царствующаго Дома. Снаружи красный кирпичъ испещренъ муравленными поясами съ чрезвычайно затѣйливыми арабесками; стройныя паперти окружаютъ съ трехъ сторонъ храмъ, двѣ башни надъ боковыми придѣлами соотвѣтствуютъ среднему высокому куполу, и они увѣнчаны пятнадцатью главами; такимъ образомъ все величественное зданіе срастается въ одну гармоническую массу, чрезвычайно пріятную для глазъ. Отдѣльная

колокольня, вся какъ бы рѣзная, довершаетъ Византійскую красоту сей замѣчательной церкви, которой не видалъ я много подобныхъ; и все это совершило усердіе гражданъ, теперь безъименныхъ, которые мало по малу общими усиліями соорудили памятникъ, достойный громкаго имени лучшихъ временъ. Вотъ какова скромная по внѣшности, но проникнутая благою дѣятельностію сила Православія.

Именитая въ предѣлахъ Ярославскихъ обитель Толгская была предметомъ моего посѣщенія на слѣдующее утро, и мнѣ опять сопутствовалъ тотъ же духовный спутникъ, который взялъ на себя трудъ познакомить меня съ мѣстною святынею. За восемь верстъ отъ города открылся намъ монастырь на противоположной сторонѣ Волги; мы поднялись нѣсколько вверхъ по рѣкѣ, чтобы причалить къ берегу. Въ первый разъ плылъ я по Волгѣ, и мнѣ это было отрадно по чувству любви къ родной славѣ, которая какъ будто отзывалась сердцу въ каждомъ плескѣ ея волны. Помню трогательное слово Шатобріана: какъ любилъ онъ, переплывая на чужбинѣ великія рѣки, сіи жилы вселенной, отвѣдывать ихъ завѣтную воду, будто бы входя чрезъ то въ общеніе съ невѣдомыми ему странами, которыя орошало ихъ благодатное теченіе; что же можетъ быть слаще родной струи нашей Волги? И вотъ на берегу ея кедровая роща, память библейскаго Ливана, возвышалась изъза ограды обители Божіей Матери во имя Ея Введенія въ храмъ Соломоновъ, созданный также изъ кедровъ Ливанскихъ. Нельзя было найти болѣе приличнаго и вмѣстѣ красиваго дерева для монастырскаго сада.

Мы взошли въ храмъ прежде начала литургіи

и поклонились чудотворному образу Владычицы, богато украшенному, который есть лучшее утѣшеніе въ радостяхъ и скорбяхъ всего гражданства Ярославскаго. Въ недѣлю Разслабленнаго приносятъ его съ великимъ торжествомъ въ городской соборъ, и тамъ пребываетъ, доколѣ не смѣнитъ его въ началѣ іюля другая чудотворная икона Богоматери Алипіева изъ Ростова: такъ совершается ими благодатная чреда на стражѣ дома Израилева. Первоначальное явленіе иконы Толгской совершилось въ самую трудную годину для Ярославля послѣ разоренія Татарскаго при благовѣрномъ князѣ Давидѣ, сынѣ святаго Ѳеодора Чермнаго. Тотъ же благочестивый святитель Прохоръ, въ схимѣ воспріявшій имя Трифона, который спасъ Ростовъ отъ нашествія хана Ахмыла исцѣленіемъ его сына, имѣлъ утѣшеніе обрѣсти святую икону. Онъ возвращался въ Ярославль отъ Бѣла-озера, гдѣ обозрѣвалъ дальніе предѣлы своей епархіи, и остановился ночевать на правомъ берегу Волги, когда внезапно увидѣлъ необычайный свѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь обитель. Блаженный пастырь, проникнутый духомъ молитвы, тайно перешелъ Волгу и увидѣлъ, что свѣтъ сіяетъ отъ иконы, поставленной какъ бы на огненномъ столпѣ; съ благоговѣйнымъ страхомъ поклонился ей Владыка и, возвратясь въ свой путевой шатеръ, смиренно хотѣлъ утаить бывшее ему благодатное явленіе. Но оно не должно было оставаться втайнѣ; келейники его не могли найти утромъ пастырскаго посоха, который помнили, что былъ въ его рукахъ, когда пошелъ онъ на тайную молитву, и пастырь велѣлъ имъ искать свой посохъ на противоположномъ берегу; тамъ дѣйствительно его нашли, но вмѣстѣ съ нимъ и чудную

икону на томъ деревѣ, къ коему прислоненъ былъ посохъ. Тогда же соорудили деревянную церковь на мѣстѣ явленія. и слава о томъ распространилась по всей окрестной землѣ.

Царь Іоаннъ, возвращаясь также съ Бѣла-озера, получилъ исцѣленіе отъ болѣзни ногъ при сей благодатной иконѣ и засвидѣтельствовалъ свое исцѣленіе даромъ великолѣпнаго образа Спасова въ обитель; много и другихъ вкладовъ ознаменовали усердіе державныхъ. Сынъ Іоанна, Ѳеодоръ, выстроилъ тотъ благолѣпный храмъ, который донынѣ служитъ соборнымъ въ обители; недавно было обновлено его стѣнное писаніе и весьма изящно, по усердію послѣдняго архипастыря Авраама, оставившаго по себѣ благую память. Онъ завѣщалъ положить себя подъ сводами теплой церкви Воздвиженія честнаго Креста, близъ которой окончилъ въ непрестанной молитвѣ свой труженическій подвигъ; туда сошли мы послѣ литургіи помолиться надъ его уединеннымъ гробомъ, и усердна бываетъ такая поминальная молитва, когда видишь вокругъ себя благія дѣянія усопшихъ.

Мимо сей Толгской обители плылъ патріархъ Никонъ, возвращаемый съ честію изъ своего долгаго заточенія, и здѣсь застигло его предсмертное изнеможеніе, какъ это трогательно описалъ его келейникъ: «блаженный же Никонъ повелѣ плыти Волгою внизъ до града Ярославля; обитающіи же ,грады и села внизъ живущихъ людіе исходяху во срѣтеніе и приношаху потребная, и провождаху со слезами далече, а августа дня 16 порану, достигшихъ имъ монастыря Пресвятыя Богородицы, иже есть на Толгѣ, шесть поприщъ имуще отъ града Ярославля,

и ту блаженный повелѣ пристати; понеже бо отъ скорби вельми изнемогая, и причастися ту святыхъ и пречистыхъ таинъ тѣла и крове Христовы, запасныхъ святаго великаго четвертка, отъ руки своего духовнаго отца архимандрита Никиты Кириллова монастыря. и потому приставшимъ имъ ко брегу того Толгскаго монастыря. Игуменъ же монастыря того со братіею изыде во срѣтеніе, съ ними же ту пріиде Сергій, бывшій архимандритъ Спасова монастыря, что въ Ярославлѣ; той бо Сергій во время изгнанія блаженнаго Никона, егда при вселенскихъ патріарсѣхъ на соборахъ и на дворѣ, на немъ же блаженный за стражею бысть, много ему досады творя паче иныхъ, о немъ же и прежде изъявися. Той бо Сергій видѣвъ блаженнаго, яко уже близъ къ смерти суща, припаде къ погамъ его, со слезами умиленья глаголы вѣщая и рече: прости мя, святче Божій, яко всѣхъ сихъ, иже поношеніе на тя понеслъ еси, досажденіе творя и поношеніе и всякую злобу святыни твоея, во время изгнанія твоего, повиненъ азъ, собору угодная творя. Къ сему же и оно нѣчто повѣда сіе и рече: яко днесь по святѣй Божіи литоргіи и по вкушеніи хлѣба братской трапезы, возлегшу ми мало уснути, и абіе во снѣ явися мнѣ святѣйшій патріархъ Никонъ, глаголя: брате Сергіе, востани, сотворимъ прощеніе; и абіе у келіи моей стражъ монастырской нача толцати, глаголя, яко шествуетъ Волгою святѣйшій Никонъ патріархъ. и близъ монастыря. Игуменъ и братія пошли въ срѣтеніе ему, азъ же сіе видѣвъ и отъ стража слышахъ, трепетенъ бывъ и ужасеся, воста и едва пріиде въ себя, и тече скоро во слѣдъ братіи, и пріиде сѣмо къ твоей, Владыко святыни, прощенія прося;

и абіе прощеніе отъ блаженнаго оный Сергій ту получи, и видѣнное самъ предъ всѣми повѣда. Блаженному же Никону болма скорбію одержиму, уже къ смерти варитъ».

На обратномъ пути изъ обители посѣтили мы еще одну замѣчательную церковь Ярославля во имя Верховныхъ Апостоловъ, которая стоитъ надъ самою рѣкою на мѣстѣ древняго монастыря Петропавловскаго: это была древняя усыпальница князей Ярославскихъ первой династіи до Ѳеодора Чермнаго. Противъ сей обители брошены были въ Волгу тяжкія вериги Никиты, столпника Переяславскаго, убитаго своими присными въ 1186 году; они соблазнились блескомъ его желѣзныхъ веригъ, принявъ ихъ за серебряныя, и съ отчаянія бросили ихъ въ воду, скорбя о напрасномъ убійствѣ; но архимандритъ Петропавловской обители обрѣлъ ихъ нечаянно во свидѣтельство преступленія и святости Столпника и по случаю его явленія возвратилъ вериги въ обитель Переяславскую, гдѣ доселѣ хранятся близъ его мощей и гдѣ еще видѣнъ столпъ многострадальнаго подвижника.

Новая церковь св. Апостолъ построена въ XVII вѣкѣ, но придѣлъ во имя Михаила Малеина и древняя его богатая икона съ ликами святыхъ Ксеніи и Анастасіи и многіе царскіе вклады и ружное содержаніе, которымъ долго пользовалась церковь, свидѣтельствуютъ о важности мѣста и уваженіи къ нему державныхъ. Дѣйствительно здѣсь были погребены нѣсколько владѣтельныхъ особъ княжескаго дома Ярославскаго: малолѣтный Михаилъ, сынъ Чермнаго, вмѣсто него поставленный на княженіе, и его мать Марія, единственная наслѣд-

ница св. князя Ярославскаго Василія, чрезъ которую Чермный получилъ сію отчину, и Ксенія. бабка Михаила, супруга Василіева съ сестрою своею Анастасіею, управлявшая княжествомъ по смерти мужа своего до брака дочери Маріи. Надъ ихъ гробами издавна положено было пѣть панихиду въ недѣлю Православія за вечернею, что и совершалось ежегодно при большомъ стеченіи народа; усердно памятовалъ онъ своихъ благовѣрныхъ князей и княгинь, столь близкихъ по родству со святыми Ярославскими, которые почіютъ въ каѳедральномъ соборѣ и въ обители Спасской: Василіемъ и Константиномъ, и Чермнымъ Ѳеодоромъ съ дѣтьми его Давидомъ и Константиномъ. Неизвѣстно, почему отмѣнилъ сію торжественную панихиду послѣдній митрополитъ Ростовскій Арсеній. Можетъ быть потому, что воскресный день общими уставами церковными не назначенъ для поминовенія усопшихъ; но что весьма странно: вскорѣ онъ самъ былъ осужденъ по дѣлу о монастырскихъ имуществахъ. Конечно, это могло быть одно случайное стеченіе обстоятельствъ, но можно отнести это и къ таинственному наказанію за невниманіе къ благовѣрнымъ усопшимъ. Замѣчательна еще и тѣмъ память супруги, дочери и внука св. князя Василія, что сіи три были сверхъ того тещею, супругою и сыномъ другаго св. князя Ѳеодора Чермнаго.

Священна для народа Русскаго память его православныхъ князей и святителей по гласу апостольскому: «поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихъ же взирающе на скончаніе жительства подражайте вѣрѣ ихъ». (Евр. XIII. 7).

О ПОМИНОВЕНІИ УСОПШИХЪ.

Священны должны быть для насъ и завѣтны имена усопшихъ, которые, отходя въ вѣчность, въ послѣднюю минуту временной жизни просили о нихъ молиться и даже все заблаговременно устроили для непрестанной за себя молитвы. Развѣ мы не исполняемъ, и даже весьма точно, завѣщанія нашихъ присныхъ о вещахъ преходящихъ? Неужели будемъ равнодушны къ тому, что относится до вѣчности въ ихъ послѣдней волѣ, потому только, что большое разстояніе времени отдѣляетъ насъ отъ сихъ усопшихъ? Не больно ли видѣть и сооруженный ими храмъ и честныя иконы съ ликами ихъ ангеловъ, и ихъ священные вклады, для того, чтобы въ будущія времена всегда сохранялась въ свѣжести память ихъ, и не смотря на то предавать ихъ тяжкому для ихъ души забвенію, тяжкому и для нашей совѣсти, ибо мы являемся нарушителями ихъ заповѣди, пользуясь однако ихъ даяніями? Іисусъ, сынъ Сираховъ, поучаетъ насъ въ книгѣ своей о премудрости, глава VI: «что благодать не только пріятна предъ живыми, но и надъ мертвецами не должно возбранять благодати:» и мы видимъ примѣры сего въ Ветхомъ Завѣтѣ, гдѣ Товитъ непрестанно погребалъ странныхъ (глав. IV.), совѣтуя сыну своему давать хлѣбъ и вино при посѣщеніи праведныхъ, и милостыня сія не простиралась только на одно тѣло, но и на душу.

Мы еще видимъ вѣрное тому свидѣтельство въ священномъ Писаніи Ветхаго Завѣта, изъ книгъ Маккавейскихъ. Тамъ ясно сказано: (Кн. II. гл. XII) «въ слѣдующій послѣ сраженія день Іуда съ своими пришелъ, чтобы, какъ требовалъ обычай, поднять

тѣла падшихъ въ битвѣ и положить съ сродниками въ гробахъ отеческихъ. У каждаго изъ умершихъ нашли подъ одеждою вещи, посвященныя идоламъ Іамніи, которыхъ чуждаться повелѣвалъ законъ Іудеямъ. Тогда стало ясно для всѣхъ, что по сей причинѣ они пали. Всѣ благословляли Господа правосуднаго, тайное явнымъ творящаго, и обратились къ молитвѣ, прося, чтобы совершенно изглаженъ былъ содѣланный грѣхъ. Благородный же Іуда убѣждалъ людей, чтобы охраняли себя отъ грѣха, имѣя предъ глазами случившееся за грѣхъ падшихъ предъ симъ. Онъ приготовилъ также посредствомъ сбора съ каждаго человѣка около двухъ тысячъ драхмъ серебра и послалъ въ Іерусалимъ, чтобы принесена была жертва за грѣхъ. Онъ поступилъ очень хорошо и прекрасно, помышляя о воскресеніи. Ибо если бы онъ не ожидалъ, что падшіе воскреснутъ: то излишне и странно было бы молиться за мертвыхъ. А если онъ такъ поступилъ, помышляя, что усопшимъ въ благочестіи лучшее уготовано воздаяніе, то праведна и благочестива была мысль, по которой онъ принесъ за умершихъ умилостивительную жертву, чтобы они очистились отъ грѣха.»

Вотъ какъ разсуждали до пришествія Христова люди, которые еще только ожидали явленія Мессіи, не разумѣя ясно всѣхъ плодовъ Его благодатнаго воскресенія. Не горько ли думать, что чрезъ XV вѣковъ послѣ Его искупительной за насъ жертвы, нашлись учители, вѣрующіе впрочемъ въ воскресеніе мертвыхъ, которые воспрещаютъ о нихъ молиться, основываясь будтобы на словахъ Евангелія? Они предаютъ землѣ своихъ мертвыхъ по долгу природы и не имѣютъ ни малѣйшаго попеченія о душѣ ихъ;

но, погребая такимъ образомъ тѣло въ нѣдрахъ земныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ погребаютъ и душу въ вѣчномъ забвеніи. О заблужденіе!—служить тѣлу и нерадѣть о душѣ, почтить раба и презрѣть владыку! Что можетъ быть ужаснѣе такого жестокосердія, основаннаго на слѣпотѣ, когда по словамъ Спасителя: «что можетъ дать человѣкъ въ замѣнъ души своей?» Погребеніе мертвыхъ обычно было и язычникамъ, не вѣдавшимъ истиннаго Бога, ибо къ тому побуждала ихъ самая необходимость; молиться же о душѣ умершаго есть собственно дѣло христіанскаго милосердія и любви, которая не престаетъ и по смерти, и это основано на священномъ преданіи Церкви Вселенской.

Такъ какъ по словамъ пророка Исаіи: «изъ Сіона изыде законъ и слово Господне изъ Іерусалима,» то и мы, имѣя предъ собою ветхозавѣтные примѣры молитвы о усопшихъ, имѣемъ еще, кромѣ завѣтнаго преданія всей Каѳолической Церкви, и мѣстное свидѣтельство матери всѣхъ Церквей, свидѣтельство св. Кирилла Іерусалимскаго. Намъ сохранились отъ первыхъ христіанскихъ вѣковъ оглашенія его для новокрещаемыхъ съ изложеніемъ хода Божественной литургіи и другихъ таинствъ, и, конечно, благой пастырь не вымышлялъ отъ себя что либо новое, а передавалъ только искони принятое отъ апостоловъ, ибо и бесѣдовалъ съ вѣрными на высотѣ Голгоѳы съ самаго мѣста распятія Господня.

«По совершеніи духовныя жертвы, безкровныя службы, при той же самой жертвѣ умилостивительной, молимъ Бога о всеобщемъ мирѣ Церквей, о благосостояніи міра, о царяхъ, о воинахъ и спод-

вижникахъ, о находящихся въ немощахъ, о утомляемыхъ трудами, и вообще о всѣхъ требующихъ помощи, молимся мы всѣ, и сію приносимъ жертву.

«Послѣ поминаемъ о прежде почившихъ, во первыхъ патріарховъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, чтобы ихъ молитвами и предстательствомъ принялъ Богъ моленіе наше. Потомъ и о преставльшихся святыхъ отцахъ и епископахъ, и вообще о всѣхъ изъ насъ прежде почившихъ, вѣруя, что превеликая будетъ польза душамъ, о которыхъ моленіе возносится въ то время, какъ святая предлежитъ и страшная жертва.

«Хочу я васъ и примѣромъ увѣрить; ибо, я знаю, многіе говорятъ, какая польза душѣ съ грѣхами или безъ грѣховъ отходящей отъ міра сего, если она поминается въ молитвѣ? И что, если бы какой царь послалъ досадившихъ ему въ ссылку, а ихъ ближніе потомъ, сплетши вѣнецъ, принесли бы ему оный за терпящихъ наказаніе, то не сдѣлалъ ли бы онъ имъ облегченіе наказаній? Такимъ образомъ и мы за усопшихъ, если они и грѣшники, принося Богу молитвы, не вѣнецъ соплетаемъ, но Христа закланнаго за наши согрѣшенія приносимъ, умилостивляя за нихъ и за насъ человѣколюбца Бога.»

Св. Кириллъ какъ бы предвидѣлъ возраженіе чрезъ столько вѣковъ и заблаговременно его отклонилъ; можно ли, послѣ столь яснаго свидѣтельства, дерзать еще что-либо говорить вопреки громкому соборному гласу всея Церкви? Намъ ли сомнѣваться, что молитвенный гласъ живыхъ доходитъ до усопшихъ, когда мы видимъ изъ книги Дѣяній апостольскихъ, какъ по молитвѣ Петровой воздвигнута была въ Яффѣ милосердая вдовица Тавиѳа, уже

оплаканная въ числѣ мертвыхъ? И теперь столь же дѣйствителенъ гласъ Церкви о усопшихъ, если не къ временному ихъ воскресенію, то къ вѣчному ихъ спасенію.

Но. быть можетъ, спросятъ у меня: развѣ сомнѣваются у насъ въ этомъ утѣшительномъ догматѣ? развѣ не совершаютъ поминовенія о усопшихъ, что я привожу о томъ свидѣтельство древнихъ, какъ бы желая убѣдить въ истинѣ отеческаго преданія? Нѣтъ, благодаря Бога, Церковь Православная совершаетъ торжественно общія и частныя панихиды, и народъ православный съ усердіемъ благоговѣетъ къ памяти своихъ усопшихъ. Утѣшительно видѣть въ субботы, наканунѣ недѣли Страшнаго Суда (предъ масляницею) и наканунѣ Пятидесятницы, и въ родительскую Димитріеву субботу стеченіе православныхъ въ храмахъ и на кладбищахъ. Столь же умилительно за раннею литургіею видѣть, какъ усердствуетъ народъ поминать своихъ присныхъ, которыхъ никогда не предаетъ забвенію; онъ непремѣнно хочетъ слышать имена ихъ провозглашенными отъ діакона для общей о нихъ молитвы; это чувство любви наиболѣе привлекаетъ въ церковь, и никто изъ такъ называемаго простаго, но на сей разъ вовсе не простаго народа, не останется спокойнымъ, пока не отдастъ своей записки о живыхъ и мертвыхъ, за которыхъ вынимаетъ изъ просфоръ части священникъ на проскомидіи, а потомъ гласно воспоминаетъ имена усопшихъ на ектеніи.

При столь благочестивомъ усердіи простолюдиновъ, мнѣ нерѣдко приходитъ грустная мысль: такъ ли дѣйствуемъ мы, образованные? Нѣкоторые изъ насъ, увлеченные чуждыми мнѣніями, едвали почи-

таютъ полезнымъ сіе милосердное дѣйствіе, основанное на христіанской любви, хотя бы они могли замѣтить, что даже тѣ, которымъ ихъ вѣроисповѣданіе внушаетъ ненадобность молитвъ за усопшихъ, тѣмъ не менѣе чувствуютъ недостатокъ своего Богослуженія при каждомъ тяжкомъ для ихъ сердца лишеніи. Вмѣсто свѣчъ и ѳиміама, освященныхъ давнимъ преданіемъ Церкви, еще спасавшейся въ катакомбахъ, они осыпаютъ по обычаю болѣе языческому тѣла своихъ усопшихъ цвѣтами и безмолвствуютъ около ихъ въ нѣмой печали, какъ бы страшась оскорбить молитвою слухъ усопшаго. Однако похвала справедливая или принужденно изъисканная о его добродѣтели не почитается излишнею въ утѣшеніе оставшимся; но это земное слово не удовлетворяетъ сердца, которое, какъ бы естественно, жаждетъ молитвы или общенія духовнаго съ лучшимъ міромъ, куда отлетѣла душа усопшаго: потому, если хотя не много знакомы бываютъ сіи иновѣрцы съ обрядами православной Церкви, имъ нравятся погребальныя служенія наши, въ которыхъ мы просимъ Подателя всѣхъ благъ упокоить душу усопшаго. Если не безполезна всякая молитва къ Отцу нашему небесному, Который знаетъ о нуждахъ нашихъ, прежде нежели мы о нихъ просимъ, то, конечно, дѣйствительна и сія общительная о мертвыхъ молитва, вся проникнутая духомъ любви Христовой.

Но не о нихъ рѣчь; нѣтъ, я хочу говорить о благочестивыхъ, которые, по невѣдѣнію, почти утратили отеческое преданіе, еще свято сохранявшееся у ихъ родителей, но уже многими забытое въ новомъ поколѣніи, потому что оно чуждается церковнаго быта. Уважающіе память своихъ присныхъ

свято исполняютъ надъ ними въ первые дни все, что заповѣдуетъ Церковь: ежедневныя панихиды, девятины, сорокоустъ и годовое поминовеніе, которое не оставляютъ и впослѣдствіи. Но ими оставлено бываетъ большею частію важнѣйшее: постоянное поминовеніе во время Божественной литургіи, то есть вынпманіе частицъ у жертвенника изъ приносимой просфоры, равномѣрно за здравіе живыхъ, какъ и за упокой усопшихъ. Это не есть какой либо тщетный обрядъ, но дѣйствительное участіе наше въ самой литургіи, потому что чрезъ приношеніе нашего дара къ алтарю мы становимся общниками приносимой за насъ жертвы; вынутыя частицы кладутся на дискосъ къ Агнцу или той части, которая впослѣдствіи прелагается въ Тѣло Христово и потомъ погружается въ честную Кровь Его съ такими знаменательными словами: «отмый, Господи, грѣхи поминавшихся здѣсь Кровію Твоею честною, молитвами святыхъ Твоихъ». Вотъ какъ не забывается и тутъ духовное общеніе Церкви воинствующей съ Церковію торжествующею, какъ и самъ евангелистъ Іоаннъ созерцалъ въ своемъ Откровеніи старцевъ съ фіалами златыми у престола Божія, которые, по его объясненію, полны суть молитвъ святыхъ.

Дѣйственна такая молитва, ибо мы взываемъ къ Богу во имя единороднаго Сына Его, Который Самъ говорилъ въ Евангеліи: «все, что ни просите у Отца Моего во имя Мое, дастся вамъ»; здѣсь же не только произносится имя Его, но и погружаются части за живыхъ и мертвыхъ въ искупительную Кровь, которая послужила за грѣхи цѣною всего міра. Церковь, подражая Христу, воспринимаетъ на себя санъ посредницы о живыхъ и мертвыхъ, лишь бы

только они не нарушили съ нею духовнаго общенія, ибо безъ связи не можетъ быть дѣйствія. Такъ премудро устроена сія таинственная связь живыхъ и мертвыхъ во Христѣ, что тѣ, которые уже въ Немъ блаженствуютъ, сами молитвенно содѣйствуютъ къ спасенію оставшейся на землѣ братіи; тѣ же, которые нисходятъ во внѣшній мракъ чрезъ произвольное ихъ удаленіе отъ свѣта Христова въ сей временной жизни, пользуются духовнымъ пособіемъ Церкви, какъ мы видимъ въ притчѣ Евангельской, что богатый взываетъ изъ пламени не прямо къ Богу, но къ родоначальнику своему Аврааму. Посему Церковь неотступно молитъ о усопшихъ, дабы облегчились содержимые отъ содержащихъ ихъ адовыхъ узъ; если же по непреложной правдѣ Божіей, не уступающей Его милосердію, не пріемлется иногда молитва ея о нѣкоторыхъ закоснѣлыхъ грѣшникахъ, то не должно ли это напомнить намъ о заповѣди Господа Своимъ Апостоламъ, когда первоначально посылалъ ихъ съ проповѣдію: «входя въ домъ, привѣтствуйте его, говоря: миръ дому сему; если домъ будетъ достоинъ, то миръ вашъ да пріидетъ на него, а если не будетъ достоинъ, то миръ вашъ къ вамъ возвратится» (Матѳ. X, 12). Такъ разсуждаетъ и такъ дѣйствуетъ святая Каѳолическая Церковь, принося безкровную жертву о своихъ усопшихъ, ибо каждое ея дѣйствіе не имѣетъ произвольнаго начала, но основано на словахъ святаго Писанія и священнаго Преданія, которое апостолъ Павелъ учитъ насъ твердо соблюдать въ своемъ посланіи къ Солунянамъ: «тѣмъ же убо, братіе, стойте и держите преданія, имъ же научистеся или словомъ или посланіемъ нашимъ» (II. Солун. II. 15).

*

IV.

КОСТРОМА И ИПАТІЕВСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Переплывъ еще разъ Волгу, я потерялъ ее изъ виду до половины дороги въ Кострому; тогда только она открылась во всей красѣ своей подъ стѣнами древней Бабаевской обители, оживленная многочисленными судами, которыя всѣ стремились въ Нижній на Макарьевскую ярмонку. Весело было смотрѣть на лебединые паруса, вздуваемые попутнымъ вѣтромъ по свѣтлой пучинѣ, и на роскошныя села, приникшія къ обоимъ берегамъ въ патріархальномъ раздольѣ Русскаго быта, и на прибрежные сѣнокосы, которые оглашались пѣснями косарей. Вечерѣло; вдали за своенравными изгибами рѣки показалась костромъ выстроенная Кострома на высокой горѣ своей, единственной на лѣвомъ берегу, которая увѣнчана двумя соборами съ ихъ легкою колокольнею. Но сердце мое исполнилось особеннымъ чувствомъ умиленія, когда близъ устья малой рѣки, давшей имя свое городу, предстала мнѣ многобашенная обитель Ипатіевская,—колыбель новаго царства, какъ фениксъ воскресшаго изъ пламеннаго костра всесожженной отчизны. Съ двухъ сторонъ объѣхалъ я ограду, потому что такъ пролегала дорога, и съ другаго берега рѣки опять любовался сею чудною твердынею, которая сохранила въ своемъ священномъ кивотѣ всю святую Русь,—и скрижали ея завѣта съ Богомъ и людьми, и жезлъ ея Аарона, прозябшій въ лицѣ патріаршаго дѣтища, избраннаго въ царя.

На-утро, въ день равноапостольной Маріи Магдалины, совершалъ торжественную литургію съ царскимъ молебномъ преосвященный Іустинъ въ древнемъ Костромскомъ соборѣ: утѣшительно было молиться о домѣ Романовыхъ въ томъ мѣстѣ, отколѣ взошелъ на царство ихъ первопрестольникъ Михаилъ. Тутъ же взоры молящихся устремлялись къ той чудотворной иконѣ Ѳеодоровской Божіей Матери, которою онъ умоленъ былъ на царство. Во свидѣтельство сего событія остались драгоцѣнныя рясны или жемчужныя привѣски, съ именами великаго государя царя Михаила Ѳеодоровича и великой старицы Марѳы Іоанновны, пожертвованныя въ пятое лѣто ихъ государства. Такъ имя нѣжной матери не отдѣлялось отъ сыновняго въ первые годы лѣтосчисленія царскаго, доколѣ патріаршее имя отца не замѣнило имени великой старицы. Золотой окладъ иконы и драгоцѣнныя на ней цаты, осыпанныя яхонтами, изумрудами и алмазами, знаменуютъ пламенное къ ней усердіе народа Русскаго. Она носитъ названіе Ѳеодоровской, потому что сперва поставлена была въ деревянной церкви великомученика Ѳеодора Стратилата княземъ Костромскимъ Василіемъ, сыномъ великаго князя Владимірскаго, св. Георгія Всеволодовича, въ 1216 году. Икона явилась князю во время его ловли въ чащѣ лѣса; но прежде была мѣстною въ удѣльномъ Городцѣ, какъ признали ее впослѣдствіи жители сего города, разореннаго Монголами: такимъ образомъ древность ея восходитъ до отдаленныхъ временъ. Соборъ сооруженъ въ 1250 году на память дня ея обрѣтенія во имя Успенія Богоматери тѣмъ же княземъ Василіемъ съ придѣльною церковію Ѳеодора Стратилата алтарями къ сѣ-

веру, какъ гласитъ мѣстное преданіе, по направленію того мѣста, гдѣ явилась икона. Но, хотя великолѣпно украшенъ соборъ, мало въ немъ сохранилось древности послѣ жестокаго пожара въ исходѣ минувшаго столѣтія, и совершенно въ новомъ вкусѣ выстроенъ подлѣ него другой теплый соборъ Богоявленія; весьма странно видѣть въ такой смежности противуположное направленіе обоихъ храмовъ. Все лѣтописное дѣяніе избранія на царство и нареченія Михаила изображено стѣннымъ писаніемъ въ паперти древняго собора, и это зрѣлище уносило воображеніе мое въ вѣка давноминувшіе къ самому событію, здѣсь совершившемуся.

Владыка пригласилъ меня въ свою каѳедральную обитель, и я поспѣшилъ туда вслѣдъ за нимъ, чтобы тамъ насытить душу свою воспоминаніями, съ которыми столь тѣсно связана слава Церкви и отечества; обитель сія искони какъ бы указана была для великаго событія. Здѣсь на устьѣ рѣки Костромы икона священномученика Ипатія и апостола Филиппа, который нѣкогда окрестилъ вельможу царицы Еѳіопской, явилась иному именитому язычнику, Мурзѣ Чету, когда плылъ онъ вверхъ по Волгѣ, со всѣми своими людьми изъ утѣснявшей его Орды, и заболѣлъ отъ долговременнаго плаванія. Здѣсь получилъ онъ исцѣленіе и, подобно царедворцу Еѳіопскому, о коемъ упоминается въ Дѣяніяхъ апостольскихъ, размыслилъ: «се вода, что возбраняетъ ми креститися»? (Дѣян. VIII 36. 57) но послѣдующія слова: «вѣрую Сына Божія быти Іисуса Христа» исповѣдалъ только въ Москвѣ предъ лицемъ великаго святителя Петра митрополита и великаго князя Іоанна Калиты. Отъ сего Мурзы Чета произошелъ

родъ Годуновыхъ, много украсившій обитель, созданную ихъ предкомъ, ибо благодарный Мурза основалъ на мѣстѣ явленія иконы деревянную церковь во имя Живоначальной Троицы, въ Которую увѣровалъ, съ придѣлами святыхъ Ипатія и Филиппа, ради коихъ увѣровалъ. Когда же угрожало Москвѣ страшное нашествіе царевича Эдигея, правнукъ Калиты, великій князь Василій Димитріевичъ, временно нашелъ себѣ пристанище въ стѣнахъ Ипатіевской обители и оставилъ свое великокняжеское мѣсто на память ея соборной церкви. Могъ ли онъ предвидѣть, что это княжеское мѣсто сдѣлается царскимъ, и что на немъ будетъ провозглашенъ царемъ всея Руси юный Михаилъ? Какъ объяснить такое случайное стеченіе обстоятельствъ, если не указаніемъ самого Промысла на нѣкоторыя избранныя имъ мѣста для совершенія въ нихъ великихъ событій?

Преосвященный блюститель сей царственной обители благоволилъ самъ указать мнѣ ввѣренные его духовной стражѣ лѣтописные храмы со всѣми ихъ сокровищами и оживилъ своимъ присутствіемъ іерархическія воспоминанія святаго мѣста. Онъ ввелъ меня сперва въ Троицкій соборъ, гдѣ совершилось нареченіе юноши-царя, столь трогательно описанное въ современной лѣтописи, когда «Божіимъ изволеніемъ и умоленіемъ всего освященнаго собора, и отъ всего царскаго сингклита, и отъ всего войска, и отъ всего народнаго множества всякихъ чиновъ государства, избранъ бысть на Московское государство Царемъ и Государемъ благовѣрный и благородный великій Государь Михаилъ Ѳедоровичъ въ лѣто 1613». Есть ли гдѣ-либо въ скрижаляхъ исторіи избраніе, подобное

сему единодушіемъ избирателей всей земли Русской и непорочностію избраннаго и святостію сана бѣдствовавшихъ его родителей? Ничего не можетъ быть и краснорѣчивѣе словъ лѣтописи, которая излилась прямо изъ сердца самого дѣйствователя, келаря лавры Сергіевой Аврамія Палицына, и такъ даже записано въ хартіяхъ обители. Подобно драгоцѣннымъ покровамъ, на коихъ вышиты перлами имена вкладчиковъ, вся лѣтопись пронизана, какъ бы жемчугомъ, слезами, какія невольно исторгала та многотрудная, но вмѣстѣ славная година для Руси.

Архіепископъ Рязанскій Ѳеодоритъ и съ нимъ два архимандрита, Чудовскій и Новоспасскій, и сей келарь Аврамій, великій двигатель великихъ дѣлъ, и родственный избранному бояринъ Шереметевъ, со многими чинами государственными, посланы были отъ всей земли Русской умолить на царство юношу неопытнаго, но чистаго отъ всѣхъ крамолъ междоусобныхъ, какъ подобало быть родоначальнику новой отрасли царской. Какіе же залоги, какое слово убѣжденія дано имъ было не только въ уста, но и въ руки, ибо предвидѣлось упорное отреченіе отъ потрясеннаго бурями престола Шуйскихъ и Годуновыхъ?—Священная икона Успенія преблагословенной Владычицы, которую написалъ святитель Петръ митрополитъ, окрестившій основателя той обители, гдѣ укрывался избранный Царь, и другой образъ самого чудотворца Петра съ его сопрестольниками Алексіемъ и Іоною, взятые изъ Успенскаго собора, гдѣ долженъ былъ вѣнчаться Михаилъ:—опять случайное будто бы сближеніе лицъ и дѣяній давноминувшаго съ мѣстностію имѣвшаго совершиться событія!

Трогательное и вмѣстѣ величественное зрѣлище должно было представиться взорамъ 14 марта 1613 года, когда изъ противолежащаго Костромѣ Новаго Селища на разсвѣтѣ стало переправляться чрезъ Волгу торжественное посольство съ чудотворными иконами, а на встрѣчу ему спустилось изъ города также въ ризахъ священныхъ съ крестами и хоругвями и образомъ Ѳеодоровской Богоматери все духовенство Костромское; крестнымъ ходомъ оно направилось къ устью рѣки и потомъ вдоль берега къ обители Ипатіевской, куда плыло на ладьяхъ посольство. И вотъ, на встрѣчу имъ выходитъ другой крестный ходъ иночествующихъ изъ святыхъ воротъ, въ сопровожденіи будущаго Царя и его матери инокини, которые только что укрылись въ крѣпкихъ стѣнахъ отъ злоумышленниковъ Польскихъ и не подозрѣвали, что ихъ ради все сіе торжество. Сколько умилительной простоты въ этомъ отроческомъ невѣдѣніи предстоявшей славы, и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько упованія на силу Божію, совершающуюся въ немощи человѣческой, по словамъ апостола, со стороны шедшихъ поклониться невѣдомому отроку, предъизбранному на царство!

Входятъ въ соборную церковь Живоначальной Троицы съ иконами и крестами; всѣ ожидаютъ молитвъ къ Господу Богу, но вмѣсто того духовный соборъ и царскій сингклитъ обращаются съ моленіемъ къ отроку и къ матери его старицѣ отъ имени всего христіанства земли Русской: «дабы великая государыня пожаловала бы благословить сына своего, благороднаго Государя Михаила Ѳеодоровича, Царемъ и Государемъ на Московское государство, и онъ бы самъ благовѣрный Государь милость по-

казалъ и прошенія бы ихъ пожаловалъ, не презрѣлъ». И что же?—вмѣсто благодарности, мать и сынъ и слышать не хотятъ о такомъ прошеніи; безмолвныя слезы—отвѣтъ ихъ на многочасное моленіе всего сингклита и собора. «Много прежде бывшихъ царей поругаемы были, а иные и чуждую землю познали» восклицаетъ наконецъ опытная семейными бѣдствіями старица: «мое же чадо, младо суще, недоумѣетъ управлять среди умноженія людскихъ злостей; молю васъ, не лишите меня единороднаго чада»! Ей представляется на мысль и тяжкій плѣнъ бывшаго супруга, могущій сдѣлаться еще болѣе горькимъ въ Польшѣ отъ возвеличенія его сына; и сынъ также рѣшительно отвергаетъ предложенное ему царство ради любви къ родителю.

Видитъ архіепископъ безуспѣшность труда своего и всѣхъ съ нимъ пришедшихъ, но не отчаявается одолѣть залогомъ Божественнымъ человѣческое упорство: онъ беретъ на руки икону Владычицы, писанную Петромъ митрополитомъ, келарь же Аврамій—икону чудотворцевъ Московскихъ, при предстояніи и образа Ѳеодоровской Божіей Матери, и оба, святитель и келарь, повелительнымъ гласомъ Церкви говорятъ инокинѣ Марѳѣ: «виждь благовѣрная государыня, инока Марѳа Ивановна, и благовѣрный государь Михаилъ Ѳеодоровичъ, чего ради шествовала съ нами толикій путь пречистая и чудотворная икона и великіе святители Христовы! и если вы доселѣ не преложились на милость, то хотя ради чудотворнаго образа всѣхъ Царицы и Богоматери и великихъ ради святителей не могите преслушаться, но сотворите повелѣнное вамъ отъ Бога, ибо воистину вы отъ Бога избраны, и не прогнѣ-

вайте всѣхъ Владыку и Господа». Таковъ сильный глаголъ Церкви, доступный только православному сердцу, и таковъ былъ ему отвѣтъ изъ глубины потрясеннаго сердца великой инокини, которая, со многими слезами обнявъ сына, какъ бы передала его изъ материнскихъ своихъ объятій Матери Спаса всѣхъ человѣковъ и, подведя къ честной Ея иконѣ, сказала: «се Тебѣ, о Богомати Пречистая! въ руки Твои, Владычице, чадо свое предаю, да яко же хощешь, устроиши ему полезное и всему православному христіанству». Многое иное, присовокупляетъ лѣтопись, изрекла она со многими слезами предъ образомъ Богоматери, и такъ даровала она сына своего, благовѣрнаго государя Михаила Ѳеодоровича, Царемъ на Московское государство; всѣ же возрадовались и все множество народа, пришедшаго изъ Костромы съ женами и съ дѣтьми, проливали обильные источники слезъ. Можно ли вообразить себѣ что либо трогательнѣе?—Любовь родительская, любовь къ родинѣ, любовь къ Церкви, все здѣсь сіяетъ въ полномъ блескѣ.

Тогда, продолжаетъ лѣтопись, возложили на государя пречестный крестъ Господень, принадлежавшій нѣкогда великому императору Константину, и, пріявъ въ руку царскій жезлъ, возсѣлъ онъ на стулѣ царскомъ, то есть на томъ великокняжескомъ мѣстѣ, которое какъ бы нарочно оставлено было въ обители сыномъ Донскаго, и нареченъ бысть Богомъ избранный, благовѣрный, благородный Государь, Царь и великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ. Архіепископъ же Ѳеодоритъ со всемъ сингклитомъ и соборомъ и всѣ православные христіане съ великою

честію ему поклонились до земли. Не напоминаетъ ли это совершенно библейскаго нареченія отрока Іоаса царемъ Іудовымъ внутри Соломонова храма, по гласу первосвященника Іодая, который спасъ его подъ сѣнію святилища отъ руки злочестивой Гоѳоліи, избившей все его семейство? Не разъ священная исторія повторялась и на скрижаляхъ нашего отечества, ибо тотъ же Духъ Божій руководилъ старымъ и новымъ Израилемъ.

Архіепископъ Ѳеодоритъ совершилъ торжественную литургію съ полнымъ соборомъ и пѣлъ благодарственный молебенъ Богоматери о многолѣтнемъ здравіи царскомъ, о мирѣ и тишинѣ всего царства христіанскаго. Потомъ Богомъ дарованный Самодержецъ вышелъ изъ церкви, нося въ рукѣ царскій жезлъ, почитаемый отъ всего сингклита, воинства и народа, и, пробывъ тутъ не многіе дни, двинулся въ путь съ матерію, великою инокинею, и всѣмъ сингклитомъ и воинствомъ къ царствующему граду Москвѣ. Радостное событіе совершилось на память преподобнаго отца нашего Венедикта и, поелику присутствовала при нареченіи чудотворная икона Матери Божіей Ѳеодоровскія, учреждено было для незабвенной памяти великаго дня праздновать сей чудной иконѣ 14 марта въ Костромскомъ соборѣ, что и донынѣ совершается, ибо Церковь православная не забыла въ теченіи столькихъ вѣковъ ни единаго изъ торжествъ своихъ, которыя иногда стираются изъ памяти гражданской; въ самой службѣ церковной есть воспоминаніе славнаго событія: «благознаменитъ бысть Израилю день оный, въ онъ же рукою Моисеа отъ горькія работы во блаженную свободу людіе Божіи превождахуся: сице и намъ

радостенъ нарочитый сей праздника нашего день, яко днесь, рукою великаго князя и государя Михаила Ѳеодоровича, отъ Костромскихъ предѣловъ возсіявшаго, вся страны отечествія нашего умирилъ еси, Господи, да въ мирѣ глубоцѣ прославляемъ благодѣянія и чудеса Твоя».

«Пріидите вси Россійстіи вѣрныхъ собори, воспойте днесь съ нами Господеви пѣснь Богокрасную, прославляюще благодѣянія и щедроты Его, да мы сими выну наслаждающеся, непрестанно хвалимъ, благословимъ и величаемъ Спасителя нашего, изъ глубины души вопіюще къ Нему: о Владыко всѣхъ прещедре и всесильне, не престай и нынѣ продолжати къ намъ древнія оныя Твоя милости, сохраняя Божественнымъ Твоимъ промысломъ багрянородное потомство великаго онаго мужа; ему же въ день сей скиптры Россійскаго царствія вручилъ еси, да подъ сѣнію онаго въ мирѣ и тишинѣ живуще, непрестанно съ Рождшею Тя величаемъ».

Вотъ какъ трогательно воспоминаетъ православная Церковь совершившееся подъ сѣнію ся событіе, которое было спасительно для всей Россіи, не только въ минувшемъ, но и на будущія времена. Поприщемъ для него служила смиренная обитель иноковъ и даже самый храмъ ея; дѣйствователями большею частію были иноки: архіепископъ Рязани, келарь лавры Сергіевой, великая старица Марѳа и сынъ грядущаго патріарха, и цѣлый соборъ духовенства; залогами же и свидѣтелями ихъ—чудотворныя иконы; но дѣйствіе все было внушаемо свыше, а люди служили только орудіями; все отзывалось неземнымъ въ этомъ умилительномъ зрѣлищѣ, которому едва ли можно обрѣсти что либо подобное. Пусть чуждаю-

щаяся преданій церковныхъ гражданственность, обнаженная всей своей отечественной святыни, укажетъ намъ хотя на одинъ примѣръ свѣтской исторіи, подходящій къ сему царскому всенародному нареченію, которое скромно начинается крестнымъ ходомъ въ обитель и оканчивается славнымъ утвержденіемъ дома Романовыхъ на престолѣ едва ли не полвселенной.

Храмъ Живоначальныя Троицы, въ коемъ происходило нареченіе Михаила, основанъ былъ при послѣднемъ царѣ изъ дома Рюрикова, но впослѣдствіи перестроенъ при царѣ Алексіи Михаиловичѣ, потому что алтарная стѣна его разсѣлась отъ сильной бури; однако сохранился прежній видъ его, и оба придѣла во имя св. Ипатія и апостола Филиппа и ангела царскаго Михаила Малеина. Надпись на стѣнѣ свидѣтельствуетъ, что послѣднее его освященіе совершилось уже при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ въ 1684 году. Внутри святилища доселѣ стоитъ рѣзное царское мѣсто, присланное самимъ Михаиломъ въ память его возведенія на царство, и на сей царственной каѳедрѣ слушала литургію Великая Екатерина, когда, плывши Волгою въ Казань, остановилась воздать подобающее чествованіе родственной обители.

Память Михаила сохранилась и въ благолѣпномъ украшеніи мѣстныхъ иконъ Живоначальной Троицы, которыя писаны были еще при царѣ Ѳеодорѣ усердіемъ боярина Димитрія Годунова; братъ его, царь Борисъ, обложилъ чеканнымъ золотомъ одну изъ трехъ иконъ св. Троицы, а шуринъ его, царь Ѳеодоръ, устроилъ надъ нею драгоцѣнный вѣнецъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ надпись. Ми-

хаилъ же Ѳеодоровичъ на память заключенія Шведскаго мира приложилъ къ сей чудотворной иконѣ своеручно три золотыя монеты съ клеймомъ короля Карла IX. Видно было, что сердце юнаго царя лежало къ той обители, гдѣ обрѣлъ онъ спасеніе и царство; онъ хотѣлъ сдѣлать ее какъ бы живою лѣтописью царственныхъ своихъ успѣховъ. Имъ пожертвована въ придѣльную церковь своего ангела ея храмовая богатая икона и другая Умиленія Божіей Матери, которая была сперва запрестольною: быть можетъ, такъ названа она потому, что предъ иконою Владычицы умилилась его мать, великая инокиня, отпустивъ сына на царство. Умиленно смотритъ и Пречистая Дѣва на своего Предвѣчнаго Младенца, и на сей же дскѣ изображены всѣ ангелы семейства Романовыхъ: Ѳеодоръ и Ксенія (это были мірскія имена родителей Михаила), и его собственный ангелъ, Малеинъ, а сверху образъ св. Троицы и лики св. Ипатія, апостола Филиппа и мученика Прокла на память ихъ явленія основателю Мурзѣ Чету. Такимъ образомъ одна сія икона заключаетъ цѣлую лѣтопись монастыря, и по ея богатому украшенію видно, что она была въ большомъ уваженіи. Не менѣе замѣчательны вклады Годуновыхъ въ ризницѣ, которые много жертвовали въ обитель своего предка, бывшую усыпальницею ихъ рода.

Теплая церковь Рождества Богоматери построена въ минувшемъ столѣтіи, но при ней четверогранная низкая колокольня съ наружною живописью по стѣнамъ носитъ отпечатокъ древности. Ограда, сооруженная бояриномъ Димитріемъ Годуновымъ, расширена была почти на версту въ 1642 году царемъ

Михаиломъ, и въ память его торжественнаго выхода устроены были въ сей новой оградѣ врата между башенъ, лицемъ къ западу на Ярославскую дорогу; прежніе же св. врата находились въ противоположной восточной стѣнѣ лицемъ къ Костромѣ и они служили выходными на Іорданъ, потому что съ этой стороны протекаетъ рѣка. Теперь имѣютъ намѣреніе обновить ихъ на срединѣ бывшихъ архіерейскихъ покоевъ и устроить надъ ними церковь преподобнаго Венедикта въ память дня нареченія царскаго.

Но внутри старой ограды сохранился еще одинъ памятникъ смиреннаго жительства Михаила: это его келліи въ двухъярусномъ домѣ, расписанномъ шахматами съ лицевой стороны, по подобію Сергіевой трапезной церкви въ лаврѣ. Прежнее каменное крыльцо уже отломано; но еще уцѣлѣли восемь покоевъ со сводами и низкими окнами во вкусѣ теремовъ, шесть по лѣвую сторону сѣней и два служебные по правую. Преданіе говоритъ, что царь Михаилъ велѣлъ украсить ихъ стѣнною живописью и тамъ были изображены: нареченіе его на царство, прощаніе съ Костромою, плаваніе по Волгѣ и торжественное вступленіе въ Москву. Теперь нѣтъ и слѣдовъ сей живописи, потому что келліи нѣсколько разъ были поновляемы, но хорошо бы возстановить картины минувшаго; во всякомъ случаѣ, дорого для Россіи то, что уцѣлѣло сіе первоначальное гнѣздо, отколѣ съ такою славою воспарилъ птенецъ орлій, и крылами осѣнилъ разросшееся подъ нимъ царство во всѣ страны свѣта.

На обратномъ пути изъ обители Ипатіевской посѣтилъ я грустное пепелище знаменитаго нѣкогда

монастыря Богоявленскаго, который всегда былъ украшеніемъ Костромы и даже мѣстомъ спасенія для жителей по своей укрѣпленной оградѣ. Основаніе его восходитъ до XV вѣка, и наши Державные всегда бывали благосклонны къ сей обители. При царѣ Іоаннѣ заложенъ ея величественный соборъ во имя Богоявленія, какъ изсѣчено на камнѣ у входа въ храмъ: «Во дни благочестиваго и благовѣрнаго царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Руси, по благословенію Макарія, митрополита всея Руси, и во дни царевичей Іоанна и Ѳедора, лѣта 7067, мѣсяца апрѣля въ 23 день, заложена бысть сія церковь святаго Богоявленія игуменомъ Исаіею и яже о Христѣ съ братіею, совершена же бысть сія церковь лѣта 7073 при томъ же игуменѣ Исаіи». Великолѣпное зданіе въ два яруса съ широкими крытыми папертями примыкаетъ къ теплому, не менѣе обширному храму Срѣтенія Господня и трехъ Святителей, и достойно временъ Іоанна. Храмъ сей видѣлъ въ стѣнахъ своихъ царя Михаила, когда онъ своеручно привѣсилъ Угорскій червонецъ къ храмовой иконѣ Богоявленія; по его волѣ устроена была нынѣшняя обширная ограда, и сынъ его царь Алексій пожаловалъ десять пушекъ для защиты монастыря. Драгоцѣнно и другое воспоминаніе: въ смутную эпоху самозванцевъ иноки Богоявленскіе лучше хотѣли погибнуть мученическою смертію, нежели присягнуть второму Лжедимитрію; въ синодикѣ монастырскомъ записаны имена избіенныхъ: трехъ іеромонаховъ—Трифиллія, Макарія и Савватія, іеродіакона Аѳиногена и простыхъ монаховъ—Варлаама, Діонисія, Іова, Кирилла, Максима, Іоасафа и Гурія: имена ихъ дороги для исторіи; гробы мучениковъ

подъ сводами собора въ открытомъ склепѣ, гдѣ погребался родъ Салтыковыхъ, давнихъ благодѣтелей обители. Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій послалъ отъ себя утѣшительную грамоту игумену Арсенію ради того разоренія, какое претерпѣлъ монастырь отъ злодѣевъ. Не достаточно ли такихъ воспоминаній для его сохраненія? Еще одинъ мученикъ за вѣрность законнымъ своимъ государямъ почіетъ тутъ же въ родовой усыпальницѣ: это стольникъ Ѳеодоръ Салтыковъ, убитый стрѣльцами на Красномъ крыльцѣ во время ихъ возмущенія, при малолѣтныхъ царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ.

Доселѣ скорбитъ православный народъ о недавнемъ запустѣніи древней обители и грустно посѣщаетъ обширный монастырскій дворъ, усѣянный остатками бури пожарной. Богомольцы восходятъ на высокія крыльца, чтобы посмотрѣть сквозь окна внутрь храмовъ, еще не лишенныхъ своей святыни, или входятъ въ открытый склепъ Салтыковыхъ, гдѣ находятся и гробы избіенныхъ за царя мучениковъ-иноковъ. Послѣ пожара еще болѣе умножилось усердіе гражданъ къ чудотворной иконѣ Божіей Матери Смоленской, написанной на стѣнѣ; она уже однажды сохранилась посреди пламени въ 1779 году и тѣмъ привлекла къ себѣ вниманіе народное; теперь же, уцѣлѣвъ вторично во время пожара, истребившаго пристроенную къ ней церковь, еще болѣе сдѣлалась предметомъ общаго благоговѣнія. Мнѣ показывали икону Спасову надъ главными воротами монастыря; деревянный кивотъ ея уцѣлѣлъ, хотя пламя опалило стѣну подъ самымъ деревомъ.

Недалеко отъ запустѣвшей обители поставленъ на лучшемъ мѣстѣ города посреди главной его пло-

щади бронзовый памятникъ простому званіемъ поселянину, который превзошелъ славою многихъ именитыхъ и сдѣлался украшеніемъ своей родины, Ивану Сусанину. Близко это имя сердцу Русскому, столь же сладко ему звучащее, какъ и родныя имена Минина и Пожарскаго! Нужно ли напоминать христіанскій подвигъ его самоотверженія: какъ пожертвовалъ своею жизнію для спасенія избраннаго царя, къ которому былъ и прежде привязанъ, потому что почиталъ въ юномъ Михаилѣ своего природнаго владѣльца? Сусанинъ былъ родомъ изъ села Домнина, принадлежавшаго издавна Дому Романовыхъ. Поляки, узнавъ о избраніи Михаила на престолъ царскій, послали своихъ убійцъ, чтобы однимъ ударомъ сокрушить всѣ надежды земли Русской; но Господь отклонилъ руку вражію, допустивъ иной чистой жертвѣ удостоиться вѣнца мученическаго для спасенія невиннаго отрока, которому готовился вѣнецъ царскій. Уже злодѣи были недалеко отъ своей цѣли, когда Промысломъ Божіимъ утратили дорогу въ дремучихъ лѣсахъ Костромскихъ. Сусанинъ встрѣтился имъ въ чащѣ лѣса и, проникнувъ коварный ихъ замыселъ изъ лукавыхъ вопросовъ, тогда же обрекъ себя на жертву за своего владыку. Онъ послалъ малолѣтнаго сына предупредить будущаго царя и его мать инокиню объ угрожавшей имъ опасности, а самъ вызвался вести кратчайшею дорогою злоумышленниковъ въ село Домнино.

Совершенно смерклось, когда посреди глубокаго снѣга и непроходимаго бора разгадали они наконецъ великодушную хитрость своего проводника. «Ты обманулъ насъ!» съ яростію воскликнули враги, устремившись на беззащитнаго Сусанина. «Вы сами себя

обманули,» спокойно отвѣчалъ имъ мученикъ, «неужели думали вы, что я выдамъ вамъ своего Государя?» Такой отвѣтъ былъ бы записанъ на древнихъ скрижаляхъ Греціи и Рима; но онъ весьма просто исторгся изъ устъ православнаго крестьянина, какъ бы весьма обыкновенное слово, которому, вѣроятно, и самъ онъ не зналъ цѣны по своему глубокому смиренію. За словомъ слѣдовало дѣло: никакія пытки не могли вынудить страдальца указать дорогу злодѣямъ; истощивъ надъ нимъ всю свою ярость, они сами сдѣлались жертвою стужи и голода въ безвыходныхъ лѣсахъ; а юный Михаилъ успѣлъ укрыться въ обитель Ипатіевскую. Туда перенесено было и тѣло мученика, и тамъ ежегодно совершалась по немъ торжественная панихида; но теперь, къ сожалѣнію, неизвѣстенъ его гробовой камень. Спасенный имъ царь пожаловалъ своею грамотою семейство погибшаго, дочь его и зятя, за кровь и за терпѣніе отца ихъ, повелѣвъ освободить отъ повинности все ихъ потомство, и даровалъ имъ полдеревни, гдѣ они обитали, съ обильными землями; грамоту сію утвердила подписью своею императрица Екатерина II. Теперь же благодарное потомство соорудило памятникъ великому мужу: онъ представленъ на колѣняхъ предъ изваяннымъ ликомъ царя Михаила, какъ бы совершая за него свою предсмертную молитву, и на бронзовомъ основаніи памятника изображенъ самый подвигъ.

Чѣмъ болѣе разсуждаешь о геройскомъ самопожертвованіи Сусанина, тѣмъ глубже и глубже раскрывается корень того священнаго чувства, которое произрастило столь великолѣпные плоды. Оно не основано на какомъ-либо суетномъ помыслѣ человѣческаго воздаянія, но прямо истекаетъ изъ той за-

вѣтной любви каждаго Русскаго къ своему природному царю, которое свойственно Славянской крови и всасывается съ млекомъ матери, доколѣ не сдѣлается личнымъ убѣжденіемъ взрослаго. Здѣсь «какъ?» и «почему?» не объяснимы, такъ какъ не требуетъ объясненія и естественное влеченіе родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ: чувствуется, любится— довольно! Не вникая въ разбирательство самой его природы, можно однако спросить, почему же чувство сіе свойственнѣе племени Славянскому, нежели прочимъ? ибо теперь современный опытъ блистательно доказалъ намъ, что не предстоитъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Коренную причину сего душевнаго свойства должно искать въ патріархальномъ направленіи народнаго духа Славянскаго и преимущественно Русскаго племени, въ которомъ свято хранятся семейныя начала общественнаго образованія. Это замѣчено даже иностранцами, хотѣвшими вникнуть въ нашъ бытъ и характеръ; а не взывать, по обычаю, о варварствѣ и невѣжествѣ нашемъ; теперь явно изобличено, на чьей сторонѣ болѣе истиннаго просвѣщенія; готическое зданіе средней Европы рушится, когда, напротивъ того, Славянскія племена стоятъ твердо и поддерживаютъ собою падающій Западъ.

Семейное сіе начало, восходя постепенно по безчисленнымъ ступенямъ, олицетворяется наконецъ въ державной особѣ Отца-Государя сей многосложной семьи Русской, котораго и не умѣетъ иначе назвать народъ, какъ простодушнымъ именемъ «*батюшки-Царя*». Будучи поставленъ такъ высоко во главѣ почти вселенской имперіи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, по чувству народному, кажется столь близкимъ каждому

малѣйшему члену его необъятнаго семейства, что всѣ на него одного уповаютъ, какъ на свое земное Провидѣніе, называя его *надежой-Государемъ*. Ему одному хотятъ повѣрить свои сердечныя нужды и тайны, и отовсюду стремятся съ дальнихъ предѣловъ имперіи, чтобы ему лично вручить свои жалобы или просьбы, а часто только и для того, чтобы на него посмотрѣть. Сколько тутъ есть умилительно-высокаго, патріархальнаго, хотя и вовсе не разгаданнаго для какого-либо западнаго общества, которое создано и образовалось совершенно на другихъ феодальныхъ началахъ.

Замѣчательно, до какого высокаго самопожертвованія за своего законнаго Государя достигла въ простомъ поселянинѣ христіанская любовь, которой научила его Церковь словами Самого Спасителя: «больши же сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя!» (Іоан. XV, 13). Тутъ двигателемъ было не какое-либо умственное разбирательство взаимныхъ отношеній и законныхъ правъ Государя надъ своими подданными, но безотчетная высокая любовь, безъ которой, по словамъ апостола, всѣ прочія добродѣтели, сколько бы ни были онѣ громки, суть только «мѣдь звѣнящая и кимвалъ бряцающій» (1 Кор. XIII, 1). Господь нашъ Іисусъ Христосъ ставитъ оскудѣніе сей любви предзнаменованіемъ кончины міра: ибо не можетъ существовать міръ не только нравственно, но и вещественно, безъ сей согрѣвающей его духовной стихіи, и мы видимъ предъ собою разрушеніе царствъ, въ которыхъ она уже погасла. Любовь вообще во всѣхъ высокихъ ея стремленіяхъ, семейныхъ и государственныхъ, обыкновенно гаснетъ вмѣстѣ съ вѣрою, чему опять служитъ

намъ горькимъ свидѣтелемъ Западъ, достойный названія темнаго, не смотря на мнимый его свѣтъ: тамъ уже какъ бы закатилось солнце правды, и оттолѣ внѣшняя тьма, или кромѣшняя. по выраженію Евангельскому, стремится духовно облекать міръ. «Сынъ же человѣческій пришедъ убо обрящетъ ли вѣру на земли?» спрашивалъ Самъ Господь Своихъ учениковъ (Лук. XVIII. 8). Какой страшный вопросъ и какъ страшно видѣть, что нравственное разрушеніе уже обозначается съ утратою сей второй живительной стихіи человѣчества; но еще намъ остается утѣшительная надежда о сохраненіи обѣихъ, и вѣры и любви, подъ сѣнію Православія.

О ДОСТОИНСТВѢ ЦАРЕЙ ПРАВОСЛАВНЫХЪ.

Почему же собственно православные искреннѣе могутъ любить своего Государя?—Отвѣтъ на это весьма простъ: потому что безъ сего чувства любви они бы не могли быть истинно православными, хотя бы и величались такимъ названіемъ; ибо что такое православный?—это тотъ, кто право слѣдуетъ ученію Церкви; а чему учитъ Церковь православная?—«Бога бойтесь, Царя чтите» (1 Петра 11, 17). «Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ, ибо нѣтъ власти не отъ Бога, и существующія власти отъ Бога учреждены». Если апостолъ Павелъ говоритъ это о языческихъ кесаряхъ, отъ которыхъ и самъ впослѣдствіи пострадалъ, что же сказалъ бы онъ о христіанскихъ? Достаточно для обличенія непокорныхъ того, что пишетъ онъ далѣе въ посланіи къ Римлянамъ: «посему противящійся власти противится Божіему постановленію, а противящіеся под-

вергнутся осужденію, ибо начальники не страшны для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться начальства?—дѣлай добро и получишь отъ него похвалу, ибо начальникъ есть слуга Божій тебѣ на добро; если же дѣлаешь зло, бойся, ибо не напрасно мечъ носитъ; онъ Божій слуга, грозный отмститель дѣлающему злое, и потому надобно повиноваться не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти. Для сего вы и подати платите, ибо они Божіи служители, которые тѣмъ самымъ занимаются. Итакъ отдавайте всякому что должно: кому подать—подать, кому оброкъ—оброкъ, кому страхъ—страхъ, кому честь—честь» (Рим. XIII, 1—7).

Не вполнѣ ли изображены здѣсь всѣ обязанности подданныхъ не только къ своему Государю, но даже и къ поставленнымъ отъ него властямъ? и могутъ ли внимающіе сему ученію во святынѣ храмовъ не повиноваться Слову Божію во всей простотѣ души своей, если они дѣйствительно православны? Если же кто-либо вздумалъ бы лицемѣрно объяснять по своему заповѣдь божественную, испытывая, что̀ подобаетъ отъ насъ кесарю?—онъ услышитъ обличительный голосъ Самого Господа фарисеямъ: «воздадите убо яже кесарева кесареви и яже Божія Богови» (Луки XX. 25). И конечно тѣ, которые вѣруютъ, по словамъ апостола, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ «есть сіяніе славы Отчей и образъ Его существа» (Евр. 1. 3), будутъ послушны Его гласу и покоряться царямъ земнымъ, ибо и они носятъ на себѣ образъ Божій, какъ избранные Богомъ для управленія созданными отъ Него человѣками. Искренняя, благоговѣйная любовь къ сему царственному образу Божію на землѣ необходимо исполняетъ

сердце тѣхъ, которые сами въ себѣ уважаютъ божественный образъ, по коему вначалѣ сотворенъ человѣкъ; чувствуя собственное свое достоинство, они тѣмъ паче благоговѣютъ предъ царскимъ, воздавая по заповѣди божественной: «ему же честь—честь».

Достойно вниманія, что православный христіанинъ, какъ бы въ засвидѣтельствованіе того, до какой степени онъ уважаетъ достоинство своего Государя, даетъ ему и одинаковыя наименованія съ Владыкою небеснымъ, ибо также къ нему относитъ и выспреннее титло царя и умилительное—Отца. Поистинѣ, въ этомъ случаѣ безъ какой-либо отвлеченной мысли, но просто отъ избытка сердца проглаголали уста, и трогательное изреченіе обратилось въ навыкъ. Въ противоположность сему родственному, присному названію Отца, какъ торжественно и не доступно обычному сближенію выспреннее титло царя!—Оно показываетъ, что умѣющіе искренно съ дѣтскою простотою любить своего Государя, умѣютъ и благоговѣть предъ нимъ, ибо сердечное ихъ чувство, проникнутое глубокимъ уваженіемъ, нисколько не умаляетъ въ ихъ глазахъ высокаго предмета ихъ любви. Титло сіе прямо взято изъ Библіи; оно также кратко, какъ всѣ тѣ имена или, вѣрнѣе сказать, звуки, которыми выражались ближайшіе сердцу и мыслямъ предметы, начиная съ имени Божія. Архистратигъ небесныхъ силъ Михаилъ названъ царемъ у пророка Даніила (XII): такъ священно сіе наименованіе, взятое какъ бы съ небеснаго образца; видно, что первоначальный корень его на Востокѣ, отколѣ истекли всѣ начала общественныя и отколѣ посѣтилъ насъ Востокъ свыше, т. е. Самъ Господь. Тамъ оно преимущественно освящено вѣрою, и у насъ

Церковь православная связала царей и народъ такими духовными узами, которыхъ не въ силахъ расторгнуть мудрованія человѣческія.

Она освятила лице царя духовнымъ помазаніемъ того священнаго мѵра, которое еще въ Ветхомъ Завѣтѣ возливалось на главу царей, первосвященниковъ и пророковъ, и давало имъ знаменательное названіе Христа Господня или Помазанника, отъ Греческаго слова *хрисма,* т. е. помазаніе. И такъ это уже не есть простое начальство, которое Западъ признаетъ въ своихъ властителяхъ; нѣтъ, это есть вмѣстѣ и владычество, свыше даруемое; и Церковь, свято охраняя сіе священное достоинство, возглашаетъ даже въ недѣлю Православія анаѳему тѣмъ, которые дерзнутъ помыслить, что не Божественнымъ Промысломъ царствуютъ православные цари и не получаютъ при помазаніи особеннаго дарованія Духа Святаго для прохожденія своего великаго званія. Вотъ какъ важно не только въ церковномъ, но и въ гражданскомъ отношеніи сіе торжественное Богослуженіе Сборнаго воскресенія первой недѣли великаго поста, которое однакоже многіе, по невѣдѣнію, осуждаютъ, жалуясь на немилосердое будто бы и несвойственное Церкви проклятіе. Они не разумѣютъ, что Греческое слово *анаѳема,* собственно *отлученіе,* не означаетъ клятвы, а только отчужденіе тѣхъ, которые, не исполняя условій православнаго общества, сами себя чрезъ то сдѣлали чуждыми ему, прежде даже нежели оно ихъ отъ себя отсѣкло. Не то же ли всегда дѣлаетъ всякое гражданское общество съ явными нарушителями своихъ коренныхъ постановленій? Церковь же не останавливается на одномъ отлученіи произвольно отпадшихъ отъ нея членовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ми-

лосердствуетъ о нихъ и молитъ Господа о ихъ обращеніи на путь истинный. Съ одной стороны она слѣдуетъ строгой заповѣди Самого Господа о тѣхъ, кои преслушаютъ Церковь (Матѳ. XVIII, 17), и употребляетъ даже самое изреченіе апостола Павла: «но и аще мы, или ангелъ съ небесе, благовѣститъ вамъ паче еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ» (Галат. I, 8); съ другой же стороны Церковь съ нѣжностію матери заботится и объ отпадшихъ, внушая имъ истинное ученіе, и объ оставшихся въ ея лонѣ, дабы не увлеклись злымъ примѣромъ. Для сего обличаетъ предъ ними всенародно тѣ разрушительныя начала, которыя потрясаютъ всѣ основы благосостоянія человѣческаго, начиная съ вѣры въ Бога и во святую Церковь Его, посредницу между Богомъ и людьми, и оканчивая обличеніемъ дерзающихъ возставать на Помазанниковъ Божіихъ и сомнѣваться въ дарованной имъ благодати для управленія ввѣреннаго имъ царства. Вотъ истинное христіанское основаніе благосостоянія государственнаго, которое мы видимъ въ нашей православной Церкви; и потому такъ прочно стоитъ на сихъ началахъ царство, котораго подданные чтутъ Христа Господня въ лицѣ своего Помазанника-Царя, ибо однажды присягнули ему въ непоколебимой вѣрности, по гласу святой Церкви.

Какимъ образомъ Церковь съ благоговѣйною заботливостію охраняетъ достоинство царское, такъ равно и православный Царь въ свою чреду охраняетъ властію, свыше ему данною, православную Церковь отъ всякаго внѣшняго безпорядка или насилія, ибо онъ носитъ въ отношеніи Церкви еще другое священное званіе,—ея природнаго защитника

и покровителя. Это самое болѣе и болѣе скрѣпляетъ узы его не только съ Церковію, но и съ народомъ, ибо православные, видя въ немъ ревностнаго блюстителя общей матери своей Церкви, сами проникаются тѣмъ живѣйшею любовію къ его священному лицу, которое такъ тѣсно связано со всѣмъ, что только есть близкаго и святаго ихъ собственному сердцу. Вотъ почему вѣрные сыны православной Церкви не по имени только, а по искреннему исповѣданію, преимущественно предъ другими должны быть исполнены благоговѣйной любви къ своему природному Государю.

И въ этомъ случаѣ, какъ равно и въ другихъ, православіе составляетъ златую средину между напряженнымъ ученіемъ римской Церкви и послабленнымъ протестантовъ. Первая постоянно отвлекаетъ вниманіе духовенства и народа къ духовной главѣ, пребывающей внѣ государства, которая не связываетъ воедино всѣ члены его между собою, хотя и служитъ символомъ единства, и даже иногда нарушала ради собственныхъ видовъ священную связь Церкви и народа съ Государемъ произвольнымъ разрѣшеніемъ данной ему присяги. Съ другой стороны испуганные такими дѣйствіями протестанты, когда отдѣлились отъ общенія съ Церковію римскою, думали оградить неприкосновенность правъ своихъ государей, объявивъ каждаго изъ нихъ духовною главою своего отдѣльнаго общества, ибо не разумѣли, въ чемъ состоитъ истинная сила достоинства царскаго. Они могли такъ поступать потому только, что, уничтоживъ у себя іерархію церковную и самое таинство священства, безотчетно смѣшали свѣтское съ духовнымъ, а между тѣмъ сами похитили у своихъ дер-

жавныхъ святость помазанія церковнаго. Теперь мы видимъ на Западѣ горькія послѣдствія сего извращеннаго порядка, тогда какъ на Востокѣ сохранилось истинное понятіе о достоинствѣ царскомъ.

Церковь православная, соборная въ полномъ смыслѣ сего слова, признающая Главою своею единаго Христа Бога, по духу правилъ вселенскихъ соборовъ, чуждается самодержавія духовнаго, которое вовлекло римскую Церковь въ уравненіе всѣхъ высшихъ степеней іерархическихъ предъ единою выспреннею каѳедрою своего первосвященника; напротивъ, она отчетливо воздаетъ каждой степени церковной подобающую ей почесть, и въ то же время, чуждая недоумѣній протестантства, съ заботливостію освящаетъ единственное достоинство царское, не сливая онаго съ многообразными степенями церковными, «духовное излагая духовно» по словамъ апостола (1 Кор. 11, 13). Она высоко возноситъ лице Помазанниковъ Божіихъ, своихъ защитниковъ, благоговѣя предъ священною Главою царства, на которую излилось благодатное мѵро древнихъ царей Израилевыхъ, по глаголу Самого Бога пророку Своему Самуилу о избранномъ на царство Давидѣ: «наполни рогъ твой елея и Азъ ти покажу, яже совершиши, и помажеши Ми, его же ти реку» (1 Царст. XѴII, 2, 3).

Когда же такимъ образомъ освященъ и превознесенъ Богомъ избранный Государь, дѣло Церкви есть: свято блюсти не только собственный долгъ въ отношеніи самодержца, но и крѣпкій союзъ его съ народомъ, непрестанно напоминая ему клятву вѣрности и угрожая страхомъ отлученія за нарушеніе присяги. Это совершенно противное тому, что мы

видимъ на Западѣ, и потому мы не встрѣчаемъ тамъ нигдѣ той чрезвычайной любви, какую питаетъ православный народъ къ своимъ православнымъ Государямъ подобно тѣлу, неразрывно связанному жизненными жилами съ своею главою. Чувство сіе не измѣняло ему и въ самыя тяжкія годины испытаній, ибо все безропотно переносилъ онъ, какъ бы слѣдствіе гнѣва Божія за свои грѣхи: таковъ плодъ духовнаго воспитанія Церкви, которая ни въ чемъ не отклонялась отъ заповѣди Божественной и не вмѣшивалась въ мірское тамъ, гдѣ ей не подобало.

Если раскроемъ скрижали отечественной исторіи, мы увидимъ на каждомъ шагу истину сего событія, повторяющуюся отъ временъ равноапостольнаго Владиміра и до нашихъ: вездѣ Церковь сочувствуетъ царству и сиротствуетъ вмѣстѣ съ народомъ, когда нѣтъ законнаго Государя, какъ то было въ тяжкую эпоху, предшествовавшую избранію Михаила, гдѣ она явилась первымъ двигателемъ сего спасительнаго дѣла. Какая Церковь въ мірѣ можетъ намъ выставить что-либо подобное мученическимъ лицамъ нашихъ первыхъ трехъ патріарховъ, пострадавшихъ столько же за Церковь, сколько и за царство? Многострадальный Іовъ за вѣрность юному законно вѣнчанному царю насильственно извлеченъ изъ самой святыни храма, и въ рубищѣ съ безчестіемъ сосланъ въ заточеніе, гдѣ слѣпнетъ отъ горя. Гермогенъ, посреди разгрома цѣлаго царства и бури самозванцевъ и нашествія польскаго, одинъ во главѣ всѣхъ стоитъ за права святой Руси и умираетъ съ голода, потому что не хочетъ умолкнуть, сзывая вѣрныхъ сыновъ къ спасенію отчизны; и вотъ наконецъ Филаретъ, отъ самаго корня освящающій саномъ сво-

имъ новое величественное древо царское, девять лѣтъ томится въ темницѣ польской, чтобы только не уступить постыднымъ договоромъ ни одного участка родной земли, надъ коею уже властвуетъ сынъ его Царь.

Здѣсь остановимся и скажемъ только: умилительно видѣть, какъ столь необъятное тѣло всея Руси, столько изъязвленное въ теченіе многихъ лѣтъ внутренними крамолами безначалія, внезапно исцѣляется чрезъ одно избраніе царственной Главы, хотя и отроческой! До такой степени все въ немъ благорасположено, и вещественно и духовно, къ тому необходимому единству, которое одно только можетъ содержать въ нераспадающейся цѣлости всѣ части исполинскаго государства!—Такъ нравственное начало любви, глубоко вкорененное Церковію въ православномъ народѣ къ священному лицу своихъ Государей, всегда спасало и спасать будетъ святую Русь, доколѣ сохранится въ ней ея животворящая стихія—Православіе.

V.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ.

Мрачна и лѣсиста дорога отъ Костромы къ Нижнему до переправы черезъ Волгу подъ Кинешмой; но тутъ въ полномъ великолѣпіи открывается опять царственная рѣка, и едва ли есть много подобныхъ по красотѣ мѣстъ на всемъ долгомъ ея теченіи. Широко извивается она между лѣсистыхъ горъ, по которымъ разсѣяны богатыя села и барскія усадьбы; бѣлая Кинешма при устьи малой

рѣчки красуется въ долинѣ своими храмами, довольно многочисленными и великолѣпными для уѣзднаго города. Мимо ея скользятъ безчисленные паруса восходящихъ и нисходящихъ судовъ и при малѣйшемъ вѣтрѣ кипитъ подъ ними сердитая рѣка, издали угрожая сѣдыми валунами, ибо здѣсь она уже чувствуетъ свою силу и тѣшится своимъ разгуломъ; съ нимъ только можетъ сравниться веселый разгулъ ея прибрежныхъ жителей въ ихъ роскошномъ привольи или приволжьи: здѣсь оба выраженія однозначущи.

Отъ Кинешмы до Юрьева-Повольскаго по нагорной сторонѣ лежитъ живописная дорога, пересѣкаемая глубокими оврагами, очаровательная видами, которые открываются, какъ только она приблизится къ рѣкѣ. Одну изъ такихъ чудныхъ мѣстностей представляетъ пустынь Макарьевская, приникшая къ вершинѣ горы, которая господствуетъ надъ всею Заволжскою окрестностью. Вечеръ не позволилъ мнѣ полюбоваться мѣстоположеніемъ Юрьевца; но оно должно быть живописно, потому что по ту сторону рѣки величественная обитель дополняетъ красоту береговыхъ видовъ. На разсвѣтѣ встрѣтился я опять съ Волгою подъ Балахною, и увидѣлъ ее еще въ бо́льшемъ величіи подъ Нижнимъ. Тамъ уже, какъ данницу, пріемлетъ она другую, ничѣмъ ей не уступающую рѣку, если только сама въ нее не впадаетъ, или, быть можетъ, изъ обѣихъ совершенно равныхъ по силѣ и теченію рѣкъ составилась та, которую едвали не отъ сего лишь мѣста слѣдовало называть Волгою. Такъ или нѣтъ, но чудно для глазъ это сліяніе двухъ исполиновъ, массою водъ своихъ образующихъ какъ бы рѣчное море, если только можно

такъ выразиться, и оно все уставлено судами вокругъ завѣтнаго мыса, обозначающаго устье. Вдали надъ этой роскошной картиною природы высится дѣло рукъ человѣческихъ, весь Нижній-Новгородъ, какъ бы въ противоположность своего имени раскинутый по скату горъ; а на краю его, надъ самою пучиной только что слившихся рѣкъ, зубчатый многобашенный кремль вѣнчаетъ священную гору, гдѣ совокуплено отъ первыхъ дней Нижняго все, что было близко его сердцу: тамъ и святыня его соборовъ съ гробами родныхъ князей и бывшее ихъ жилище, на мѣстѣ коего величественно возстаютъ нынѣ царскія палаты.

Тамъ, подъ гостепріимнымъ кровомъ начальника губерніи, ожидалъ меня отрадный пріютъ, и новымъ изумленіемъ поражены были взоры, когда изъ оконъ сверху открылся мнѣ въ обратномъ порядкѣ тотъ же очаровательный видъ, которымъ я любовался снизу, когда подъѣзжалъ къ городу. Опять представилось рѣчное море Волги и Оки, но еще въ бо́льшемъ великолѣпіи, потому что я могъ съ этой выспренней точки слѣдовать за ихъ теченіемъ внизъ и вверхъ, на многіе десятки верстъ, и видѣть всю необъятную равнину, облагодѣтельствованную ихъ двойнымъ теченіемъ; она усѣяна была не только селами, но и городами; кругомъ на горизонтѣ бѣлѣлись ихъ дальніе соборы и колокольни, которые всѣ столпились надъ берегами обѣихъ рѣкъ, какъ бы жаждущіе прохладныхъ струй. У ногъ моихъ кипѣли не однѣ ихъ шумныя волны, но и вся торговля Востока, Азіи и Европы, олицетворенныхъ разнородными племенами на полуостровѣ ярмарки, который обросъ лѣсомъ мачтъ въ полномъ

значеніи этого слова. Еще видно было, какъ издали тянулись или шли на всѣхъ парусахъ новыя суда къ той же обширной пристани, гдѣ должна была рѣшиться судьба многихъ тысячъ удачею или неудачею ихъ купли и отозваться глубоко во внутренности Азіи; такъ знаменательно было это зрѣлище не только въ существенномъ, но и въ нравственномъ отношеніи.

Любуясь картиною мѣстности, вспомнилъ я поэтическую легенду о сліяніи Оки и Волги, которую въ дѣтствѣ слышалъ на томъ же мѣстѣ, и удержалъ въ своемъ воображеніи. Говорятъ, что въ первые дни міросданія, когда еще только устремились воды въ пустынный бѣгъ свой, какъ жизненныя жилы пробужденной земли, Волга и Ока съ равными силами потекли на предстоящее имъ поприще и хотѣли помѣриться быстротою бѣга. Три дня бѣжали онѣ по безпредѣльной равнинѣ, не уступая въ теченіи одна другой; но въ третью ночь утомленная Ока на краткое время задремала подъ навѣсомъ утесовъ, проснулась и вотъ предъ нею уже разостлалась ея соперница, бурными волнами примкнувъ къ самымъ утесамъ и преградивъ ей дальнѣйшій путь. Съ бѣшенствомъ бросилась въ нее отчаянная Ока и потонула въ ея холодныхъ объятіяхъ, но еще не скоро слились ея блѣдныя волны съ Волжскою синевою и доселѣ отличаются онѣ отъ водъ ея соперницы: такъ украсило народное преданіе разноцвѣтное ихъ теченіе при самомъ устьи.

Вечеромъ того же дня, послѣ воскресной всенощной, посѣтилъ я епископа Нижегородскаго Іакова и насладился духовною бесѣдою сего добраго пастыря, который оставилъ по себѣ благую память во

время долгаго имъ управленія епархіею Саратовскою. Онъ самъ милостиво предложилъ мнѣ посѣтить на другой день свою любимую Печерскую обитель и прочіе монастыри Нижняго, не смотря на предстоявшій ему трудъ соборнаго служенія. На слѣдующее утро совершалась память Макарія Желтоводскаго, который искони осѣнилъ покровомъ своимъ знаменитую ярмарку. Она началась подъ стѣнами его обители, когда въ избѣжаніе частыхъ насилій великій князь Василій Іоанновичъ, отецъ Грознаго, запретилъ купцамъ Русскимъ ѣздить на лѣтнее торжище въ Казань; и послѣ перенесенія ярмарки въ Нижній продолжаютъ по давнему, освященному временемъ, преданію прибѣгать къ его молитвамъ собирающіеся со всѣхъ странъ свѣта на это великолѣпное торжище. Въ благословенномъ отечествѣ нашемъ каждому мѣсту какъ бы предназначенъ свой угодникъ Божій, дабы освятить его и осѣнить молитвами, непрестающими и по блаженной кончинѣ.

Сей преподобный Макарій, называемый Унженскимъ и Желтоводскимъ по двумъ имъ основаннымъ обителямъ, былъ родомъ изъ Нижняго и однимъ изъ первыхъ постриженниковъ святителя Діонисія Суздальскаго, который основалъ обитель Печерскую на подобіе лавры Кіевской. Избѣгая славы человѣческой, ибо скоро было обращено вниманіе братій на его подвижническую жизнь, Макарій удалился изъ Нижняго и на берегу Волги учредилъ малую обитель во имя Богоявленія; она и теперь извѣстна подъ именемъ Макарьевской пустыни недалеко отъ Юрьевца-Повольскаго. Но и тамъ не успокоился подвижникъ, и, желая все бо̀льшаго уединенія, поселился гораздо ниже по Волгѣ, у предѣловъ Казанскихъ,

на такъ-называемыхъ желтыхъ водахъ; онѣ получили названіе святаго озера отъ множества въ нихъ окрещенныхъ язычниковъ, потому что Мордва, Черемисы, Чуваши и самые Татары стали со всѣхъ сторонъ стекаться къ старцу, обращаемые еще прежде словъ проповѣдію его святой жизни. Тамъ основалъ онъ малое братство около церкви, сооруженной имъ во имя Живоначальной Троицы. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ, при вторженіи въ Россію царя Казанскаго Улу-Махмета, новая обитель Макарія была разорена Татарами, братія погибла подъ мечемъ варваровъ и самъ онъ уведенъ въ Казань въ числѣ прочихъ плѣнниковъ. Однако и тамъ святая жизнь его изумила враговъ, и властитель Казанскій не только отпустилъ его на свободу, но съ нимъ вмѣстѣ, какъ бы въ даръ ему, еще до сорока семействъ христіанскихъ: до такой степени истинная добродѣтель при содѣйствіи благодати Божіей смиряетъ самыхъ ожесточенныхъ.

Возвратясь на опустошенное свое пепелище, онъ предалъ землѣ тлѣнные останки избіенныхъ братій, коихъ могила еще видна близъ нынѣшняго алтаря соборнаго, и по совѣту царя не смѣлъ болѣе останавливаться на столь опасномъ рубежѣ. Макарій удалился въ предѣлы Костромскіе; тамъ на рѣкѣ Унжѣ построилъ третій монастырь, въ которомъ окончилъ долгій подвигъ восьмидесяти трехъ лѣтней жизни. Нетлѣнныя мощи его обрѣтены были при патріархѣ Филаретѣ. Обитель Желтоводская вызвана изъ запустѣнія, двѣсти лѣтъ спустя послѣ кончины блаженнаго ея основателя, убогимъ Муромцемъ Алексіемъ, который получилъ исцѣленіе отъ явившагося ему во снѣ Макарія и принялъ отъ него заповѣдь

обновить его пустынь; онъ это исполнилъ уже въ санѣ иноческомъ, подъ именемъ Авраамія, и съ помощію уважавшихъ память преподобнаго въ 1624 году соорудилъ сперва деревянныя церкви на мѣстѣ, прославленномъ молитвою старца. Въ скоромъ времени убогая обитель украсилась каменными храмами, и знаменитая ярмарка, собиравшаяся по ея сосѣдству, много способствовала къ благолѣпію ея святилищъ. Когда же въ нынѣшнемъ столѣтіи она перенесена была въ Нижній, благословеніе перваго ея покровителя сопутствовало ей и на новое, болѣе удобное мѣсто, избранное для сей великолѣпной складки товаровъ всего Востока.

Торжественно и вмѣстѣ трогательно было видѣть послѣ служенія архіерейскаго въ нижнемъ соборѣ Всемилостиваго Спаса крестный ходъ всего духовенства съ хоругвями и всѣми чудотворными иконами Нижняго Новагорода вокругъ острова, образуемаго каналами, на коемъ расположена ярмарка. Память преподобнаго Макарія, 25 іюля, есть урочный день для всѣхъ, стекающихся на это торжище, потому что если кто не займетъ до сего дня прежней своей лавки, тотъ уже теряетъ на нее право, и она передается другому: оттого всѣ непремѣнно являются къ празднику и по чувству набожности, врожденному въ сердцѣ каждаго Русскаго, съ благоговѣніемъ участвуютъ въ крестномъ ходѣ, который молитвенно обтекаетъ гостиные ряды, гдѣ должна рѣшиться участь ихъ торговли; онъ останавливается для литіи на четырехъ сторонахъ ярмарки и еще въ центрѣ ея, предъ домомъ военноначальника. Не одни Русскіе православные участвуютъ въ этомъ всенародномъ молебствіи; многіе иновѣрцы и самые магометане,

увлекаясь духовнымъ зрѣлищемъ, невольно благоговѣютъ предъ святынею и хотя безотчетно раздѣляютъ молитву, имъ чуждую.

ПЕЧЕРСКАЯ ОБИТЕЛЬ.

Послѣ скромной трапезы на своемъ уединенномъ подворьѣ преосвященный взялъ меня съ собою въ Печерскую обитель, гдѣ часто отдыхаетъ отъ пастырскихъ заботъ въ безмолвіи пустынномъ. Мы ѣхали сперва по гребню Волжскаго откоса, гдѣ разводится общественное гульбище, великолѣпное по своимъ видамъ; оттолѣ изъ-подъ горы на высоту 36 сажень и на разстояніи версты недавно проведены чистыя струи родниковъ на средину городской площади, и тѣмъ оживленъ весь верхній городъ и самый кремль, нуждавшіеся въ водѣ; съ малыми средствами сдѣлано многое. Ревностнымъ стараніямъ нынѣшняго начальника губерніи обязанъ Нижній-Новгородъ симъ благодѣтельнымъ устройствомъ; едва повѣрили глазамъ своимъ граждане, когда заструились предъ ними живыя воды фонтана. Крутою дорогою спустились мы къ пустынной обители Печерской, которая смиренно приникла подъ навѣсомъ вѣковыхъ своихъ деревъ къ песчаному берегу Волги, какъ будто опять угрожаетъ ей натискъ нависшей горы и осадка непрочной почвы, скользящей въ рѣку.

Не тутъ дѣйствительно ископалъ свою первоначальную пещеру на подобіе Кіевской святой выходецъ лавры Діонисій, который усвоилъ завѣтное имя Печерской новой своей обители. Мѣсто его начальныхъ подвиговъ доселѣ ознаменовано часовнею, за двѣ версты отъ нынѣшняго монастыря, и тамъ

еще уважается окрестными жителями память нѣкоторыхъ его сподвижниковъ, коихъ цѣлы гробы и тѣлеса. Оно было оставлено въ 1596 году, когда внезапно ночью на 18 іюля придвинулась къ Волгѣ гора, поросшая лѣсомъ, и засыпала зданіе обители отъ сего страшнаго землетрясенія; однако иноки успѣли спастись и даже вынесли чудотворныя иконы и драгоцѣнную утварь. Тогда указано было архимандриту Печерскому Трифону, по волѣ благочестиваго царя Ѳеодора Іоанновича, то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ новая обитель, и даже всѣ зданія устроены царскою казною.

Могъ ли предвидѣть столь бѣдственное разореніе первоначальной своей пустыни блаженный Діонисій, который заботился съ такою любовію о ея распространеніи, когда посвященъ былъ св. Алексіемъ митрополитомъ во епископа Суздалю и Нижнему Новгороду? Много испыталъ онъ скорбей въ теченіе труженической долгой жизни, ибо съ кончиною святаго своего рукоположителя сдѣлался игралищемъ церковныхъ смутъ. На него указывалъ преподобный Сергій чудотворецъ великому князю Донскому, какъ на достойнаго преемника святителя Алексія; но Димитрій, ослѣпленный расположеніемъ къ духовнику своему, Новоспасскому архимандриту Митяю, предпочелъ его великому Діонисію и даже гнѣвался на владыку, когда онъ, строгій блюститель чина церковнаго, не соглашался рукоположить Митяя во епископа, потому что это было бы нарушеніемъ собственныхъ правъ митрополита. Опасаясь угрозъ раздраженнаго Митяя, Діонисій хотѣлъ бѣжать въ Царьградъ на судъ патріаршій, но къ нему была приставлена стража отъ великаго князя, и только поручительство

святаго Сергія избавило его изъ-подъ надзора. Въ одномъ только погрѣшилъ великій мужъ Церкви, по малодушію или по желанію возстановить порядокъ,— онъ воспользовался данною ему свободою и тайно уѣхалъ въ Царьградъ вопреки поручительства Сергіева, но онъ и былъ видимо наказанъ за нарушеніе даннаго имъ слова, ибо хотя и снискалъ милость патріаршую и возведенъ былъ въ санъ архіепископа, но уже никогда не могъ достигнуть высшей степени, ему предназначенной, какъ по личной его добродѣтели, такъ и по благословенію святителя Алексія.

Архимандритъ Пименъ восхитилъ санъ митрополита въ Царьградѣ; воспользовавшись внезапною смертію Митяя, онъ надписалъ на свое имя грамоты великокняжескія; когда же впослѣдствіи Донской изгналъ Пимена, какъ недостойнаго, и, будучи недоволенъ тѣмъ, что другой митрополитъ Кипріанъ присланъ противъ его желанія, обратилъ взоры на Діонисія, иное нечаянное препятствіе удержало его вступить на предназначенное ему поприще. Еще прежде архіепископъ Суздальскій, уже облеченный довѣренностію великаго князя, приглашенъ былъ Новгородскимъ владыкою Алексіемъ для разсѣянія опасной ереси стригольниковъ, которая начинала распространяться въ Новгородѣ и Псковѣ, и онъ успѣлъ обратить многихъ пастырскимъ словомъ. Исполненный признательности къ столь великому подвигу, Донской витязь послалъ его съ грамотою своею въ Царьградъ къ патріарху Нилу, прося его возвести Діонисія на митрополію Всероссійскую, и патріархъ исполнилъ его желаніе; но на обратномъ пути княжившій въ Кіевѣ Владиміръ Олгердовичъ Литовскій

остановилъ новаго владыку, потому что признавалъ архипастыремъ одного лишь Кипріана: это было какъ бы нѣкое наказаніе за давнее нарушеніе даннаго имъ слова преподобному Сергію, которое уже забыто было великимъ княземъ. Діонисій окончилъ въ Кіевѣ многострадальное свое поприще подъ стражею, которой избѣжалъ нѣкогда въ Москвѣ. Казалось, Господь не хотѣлъ оставить неочищеннымъ на землѣ и малѣйшаго его проступка, чтобы полною славою облечь его въ своемъ небесномъ царствіи; онъ былъ погребенъ въ пещерахъ, гдѣ долго спасался отшельникомъ, но во свидѣтельство его оправданія предъ горнимъ судилищемъ, видящимъ тайныя помышленія сердца, нетлѣніемъ просіяли его мощи, и Церковь совершаетъ память его 26 іюля, какъ одного изъ великихъ отцевъ своихъ.

Еще одинъ подвижникъ изъ учениковъ святителя Діонисія вышелъ изъ его обители вмѣстѣ съ преподобнымъ Макаріемъ Желтоводскимъ: это святой архимандритъ Суздальскій Евѳимій, мощи коего почиваютъ въ прославленномъ имъ монастырѣ древняго Суздаля; здѣсь же въ бывшей его Печерской обители церковь во имя его надъ вратами встрѣчаетъ входящихъ, а на противоположной оконечности монастыря другая малая церковь напоминаетъ о соученикѣ его Макаріи. Соборный храмъ Вознесенія Господня, высокій, окруженный папертію во вкусѣ зодчества первыхъ временъ Романовыхъ, обновлялся усердіемъ нынѣшняго владыки; съ малыми средствами рѣшился онъ вызвать изъ запустѣнія сію древнюю обитель, приписанную теперь къ его архіерейскому дому, и радовалось сердце, видя тщаніе добраго пастыря о молитвенномъ убѣжищѣ Діонисіевъ, Мака-

ріевъ и Евѳиміевъ. Онъ полагалъ все свое упованіе на милость Божію, не предвидя много помощи; лучшая его надежда была на общую помощницу всѣхъ обителей своего отечества, но преждевременная ея кончина горько разрушила сію надежду; а между тѣмъ дѣло Божіе растетъ, и мало по малу обновляется обитель, потому именно, что это есть дѣло Божіе.

Мы взошли въ теплую церковь Успенія Богоматери, отчасти уже исправленную, которая сооружена была при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и патріархѣ, отцѣ его, и поклонились тамъ древнимъ иконамъ Печерской Божіей Матери и Вознесенія Господня, современнымъ началу обители. Въ соборной палаткѣ еще не совсѣмъ разобрана была замѣчательная библіотека, которая могла бы совершенно истребиться, если бы возлюбившій мѣсто сіе пастырь не обратилъ на нее особеннаго вниманія. Многое можно будетъ извлечь для мѣстной исторіи изъ ея актовъ и сборниковъ; на одной изъ книгъ увидѣлъ я подпись Лжедимитрія, подарившаго ее настоятелю, назначенному отъ него въ обитель. Возстановленіемъ Печерскаго монастыря, пришедшаго въ совершенный упадокъ, преосвященный Іаковъ соорудитъ себѣ вѣчный памятникъ и окажетъ великую услугу Церкви и отечеству; онъ уже составляетъ подробное ея описаніе вмѣстѣ съ житіемъ святаго основателя, которое не обрѣтается въ рукописяхъ, хотя лице его весьма извѣстно по исторіи.

Владыка пригласилъ меня отдохнуть немного въ настоятельскихъ келліяхъ. Съ террасы ихъ открывается очаровательный видъ на Волгу и Заволжье: это мѣстоположеніе напоминаетъ Выдубицкій монастырь подъ Кіевомъ съ тою разницею, что тамъ

Днѣпръ, а здѣсь Волга. Хотя болѣе дикости въ природѣ Кіевской, нежели въ окрестностяхъ Нижегородскихъ, но обѣ царственныя рѣки одинаково близки сердцу Русскому: стольже сладко звучитъ ему плескъ Днѣпровской волны, какъ и Волжской, когда разбиваются онѣ о песчаные берега, и весьма понятно, что отшельнику Печерскому отрадно было такое напоминовеніе, когда онъ избралъ для себя мирное уединеніе въ сей новой пустыни.

Я спросилъ у владыки: «не жалѣетъ ли онъ о прежней своей епархіи?» и онъ отвѣчалъ мнѣ: «я привыкъ къ моей Саратовской паствѣ въ продолженіе многолѣтняго управленія ею, и ко мнѣ привыкла моя паства, такъ что намъ весьма грустно было разставаться, и доселѣ не расторглась наша духовная связь; но епархія была совершенно новая, вовсе не устроенная для архіерейскаго жительства и безъ воспоминаній священныхъ. Здѣсь же при самомъ вступленіи въ предѣлы Нижегородскіе меня обвѣяло чѣмъ-то родственнымъ, стариною Русскою, и встрѣтила древняя святыня, чрезвычайно сладкая для сердца; здѣсь я какъ бы напалъ на слѣдъ прежнихъ отшельниковъ и святыхъ архипастырей. Хотя не сохранились у насъ нетлѣнныя ихъ мощи, потому что три Печерскихъ подвижника почиваютъ отъ насъ далеко, однако память ихъ благаго подвига осталась намъ, какъ благовоніе мѵра въ храминѣ мѵроварца. Вы видѣли, какъ тихо и уединенно мое городское жилище, укрытое густымъ садомъ отъ суеты житейской, и я очень доволенъ, что бывшій архіерейскій домъ въ кремлѣ уступленъ подъ царскія палаты, болѣе свойственныя тому открытому мѣсту. Здѣсь же въ Печерской пустынѣ наслаждаюсь я любимымъ

уединеніемъ: оно особенно для меня сладко во дни постовъ, и тутъ провожу я часы, свободные отъ дѣлъ по управленію епархіею. Мы, епископы, прежде всего монахи, и потому, сколько можно, должны исполнять наши монашескіе обѣты, во главѣ коихъ стоятъ постъ и молитва».

И дѣйствительно молитва непрестанно бываетъ на устахъ сего строгаго ревнителя житія иноческаго, которымъ подаетъ онъ благой примѣръ своей паствѣ, памятуя древнихъ своихъ предмѣстниковъ и прочихъ великихъ свѣтильниковъ земли Русской. «Конечно, здѣсь думаете вы успокоиться однажды отъ пастырскихъ трудовъ вашихъ?» спросилъ я владыку, и сквозь его безмолвную улыбку видно было, что я отгадалъ тайную любимую мысль; но прежде еще предстоитъ окончить начатое имъ обновленіе обители, ибо тогда только будетъ упрочена она для мирнаго уединенія.

Послѣ краткаго отдыха владыка предложилъ мнѣ посѣтить и другіе монастыри Нижняго, и мы съ большимъ трудомъ поднялись на гору, заслонившую отъ міра Печерскую пустынь. Слѣдуя по окраинѣ города, достигли мы у бывшей Московской заставы женскаго монастыря Крестовоздвиженскаго, который недавно перенесенъ туда на городское кладбище отъ берега Волги, потому что тѣснота и шумъ мимоходящихъ судовъ развлекали безмолвіе инокинь. Одна благочестивая настоятельница, Дорооея, предприняла сіе богоугодное дѣло, другая не менѣе ревностная, Вѣра, понынѣ управляющая обителію, довершила. Она встрѣтила во вратахъ владыку со всѣми сестрами и показала ему новый придѣльный храмъ честнаго Креста, готовящійся къ освященію. Утѣши-

тельно было видѣть благолѣпіе святилища, устроеннаго малыми средствами, единственно по усердію игуменьи и тѣхъ, коимъ она умѣла внушить свою ревность къ святынѣ; благодареніе Богу, не оскудѣваетъ назидательный примѣръ сей въ православномъ отечествѣ нашемъ. Слышу, что предположенное освященіе совершилось и было весьма торжественно.

Посѣтивъ всѣ монастырскія церкви, мы направились къ мужеской Благовѣщенской обители и должны были опять спуститься къ рѣкѣ внутри самого города, но уже на сей разъ болѣе устроеннымъ путемъ, по такъ-называемому Похвалинскому съѣзду, который прорѣзанъ въ сердцѣ горы. Нельзя не подивиться исполинскимъ работамъ, которыя въ недавнее время совершены были въ Нижнемъ, послѣ благодѣтельнаго для него посѣщенія Государя Императора въ 1834 году; съ тѣхъ поръ онъ быстро поднялся и сталъ на степень лучшихъ городовъ нашихъ. Царскія палаты и соборъ, три взъѣзда на недоступныя дотолѣ горы, Волжскій откосъ съ его садомъ и водопроводы, о коихъ прежде и не смѣли помыслить, все внезапно явилось и оживило древнюю столицу князей Суздальскихъ, которою оканчивались съ этой стороны предѣлы Руси; не много далѣе уже начинались враждебныя Орды, столь долго тяготѣвшія на рубежѣ нашемъ.

Памятникомъ сей грустной эпохи остался и монастырь Благовѣщенскій на берегу Оки. Онъ былъ основанъ святителемъ Алексіемъ при его возвращеніи изъ Орды, куда ходилъ исцѣлить супругу ханскую, Тайдулу; чудо, имъ совершенное, утвердило христіанство. Какъ знаменательно такое событіе для отечества нашего, и потому особеннаго вниманія до-

стоинъ монастырь, сохранившій память спасительнаго для насъ подвига. Не оттого ли и посвященъ онъ Благовѣщенію, что святитель проповѣдалъ въ Ордѣ многимъ плѣненнымъ отпущеніе и лѣто Господне благопріятно? Князь Борисъ Васильевичъ Суздальскій и Нижегородскій, славный въ лѣтописяхъ своей области, содѣйствовалъ угоднику Божію въ сооруженіи обители, но уже не осталось и слѣдовъ ихъ первоначальной церкви. Можно однако предполагать, что малыя пещеры, надъ коими есть церковь святителя Алексія, сохранились отъ того времени, если еще ему не предшествовали, и, вѣроятно, были виною избранія мѣста сего для обители. Замѣчательно пещерное начало двухъ монастырей Нижегородскихъ, современныхъ другъ другу, потому что святитель Алексій рукоположилъ епископа Діонисія. Нынѣшній соборъ временъ царя Алексѣя Михайловича; но въ немъ есть сокровище, превосходящее древностію многія святыни на Руси: это есть чудотворная икона Корсунской Божіей Матери, писанная въ Греціи въ 993 году, какъ явствуетъ изъ подписи, и, вѣроятно, данная вкладомъ въ новую обитель отъ ея основателя, посѣтившаго Царьградъ. Письмо ея высокаго Византійскаго стиля, и древность дороже украшеній, а между тѣмъ едва ли многимъ она извѣстна и въ самомъ Нижнемъ. Въ числѣ замѣчательныхъ предметовъ должно упомянуть о черновомъ собственноручномъ описаніи патріархомъ Гермогеномъ явленія иконы Казанскія Божія Матери; неизвѣстно, по какому случаю рукопись сія хранится въ монастырѣ, но прилично было бы имѣть съ нея копію и въ Казанскомъ соборѣ сѣверной столицы.

Съ прибрежнаго холма, на коемъ стоитъ оби-

тель, мы любовались живописнымъ теченіемъ Оки и великолѣпною ярмаркою, которая вся, какъ на планѣ, видна была по ту сторону рѣки, и ея длиннымъ мостомъ, оживленнымъ народною струею, и тысячами столпившихся вокругъ судовъ, потомъ спустились къ часовнѣ, принадлежащей монастырю, надъ тѣмъ источникомъ, гдѣ трапезовалъ святитель Алексій на пути въ Орду и обратно. Сколько заботливыхъ думъ должны были тѣсниться въ душѣ благаго пастыря на этомъ мѣстѣ, когда еще предстоялъ ему дальный опасный путь въ столицу ханскую, и сколько радостныхъ чувствъ наполняли его душу, когда, возвращаясь, срѣтаемъ былъ здѣсь опять на родной землѣ! Теперь источникъ Алексіевъ проведенъ во внутрь часовни и, наполняя въ ней глубокую чашу, постоянно струится изъ сей купели на подобіе живоноснаго источника, какъ его изображаютъ на иконахъ Цареградскихъ:—мысль весьма счастливая и ея исполненіе соотвѣтствуетъ изящной часовнѣ въ Византійскомъ вкусѣ, недавно сооруженной надъ священнымъ ключемъ. Когда владыка вышелъ изъ часовни, его обступила толпа народная, потому что тутъ по сосѣдству моста бываетъ наибольшее стеченіе. Всѣ устремились просить благословенія своего пастыря, и зрѣлище было весьма умилительное: казалось, опять Алексій отдыхалъ у своего источника по возвращеніи изъ Орды, и опять встрѣчали его, какъ благодѣтеля, радостные жители Нижняго.—Такъ не измѣняется взаимное духовное расположеніе пастырей и пасомыхъ въ нашемъ отечествѣ, и настоящее непрестанно отзывается у насъ минувшимъ.

КРЕМЛЬ И ЕГО СОБОРЫ.

Мы поѣхали въ кремль по береговой великолѣпной улицѣ, которая могла бы служить украшеніемъ для столицы; дома ея принадлежатъ отчасти знаменитымъ владѣльцамъ, Голицынымъ, Строгоновымъ, и другимъ боярскимъ участникамъ этого всемірнаго торжища, потому что здѣсь ихъ конторы и складочные амбары. Но лучшимъ украшеніемъ улицы служитъ великолѣпная церковь Рождества Богоматери, построенная Строгоновыми подлѣ бывшаго ихъ жилища въ началѣ XVII вѣка. Она во вкусѣ Московской Успенской церкви, что на Покровкѣ, и тѣхъ храмовъ, которыми славится Ярославль: красный цвѣтъ зданія соотвѣтствуетъ витіеватымъ его украшеніямъ, полугреческимъ, полувенеціанскимъ, и весьма жаль, что теперь оставленъ такой родъ зодчества; высокая терраса, на которой стоитъ церковь, много придаетъ легкости ея восточной массѣ. Внутреннее убранство не уступаетъ наружному: замѣчательны двѣ мѣстныя иконы Спасителя и Богоматери, которыя, какъ гласитъ преданіе, заказаны были придворному живописцу Петромъ Великимъ и во время отсутствія его за границу тайно куплены Строгоновыми, за что подверглись они царскому гнѣву.

«Знаете ли, что у насъ, кромѣ Печерской обители, есть и своя Почайна?» сказалъ мнѣ владыка, когда мы поравнялись съ Казанскою церковію противъ новаго великолѣпнаго подъема на Кремлевскую гору. «Такъ названъ былъ малый ручей, впадающій въ Оку; теперь онъ почти незамѣтенъ въ глубокомъ оврагѣ, по гребню коего устроенъ Зеленинскій взъѣздъ. Князья наши не могли забыть роднаго ихъ сердцу

Кіева; Долгорукій старался усвоить себѣ давно ожидаемую имъ область великокняжескую повтореніемъ именъ ея городовъ, и здѣсь Суздальскіе его потомки любили давать названіе священныхъ урочищъ матери городовъ Русскихъ, сему крайнему тогда городу Русскому, за коимъ уже начиналась враждебная Орда. Почайна Владиміра и Печерская лавра Антонія и Ѳеодосія сладко отозвались Нижнему и какъ бы освятили его дальніе предѣлы.»

Прежде нежели подняться въ кремль у нижнихъ Ивановскихъ воротъ его, мы посѣтили еще часовню, въ которой чествуется древняя икона Нерукотвореннаго образа Спасова, участвующая во всѣхъ крестныхъ ходахъ. Высоко надъ часовнею, на верху горы, возвышалась двойная Димитріевская башня, служившая цитаделью. Башня сія спасла однажды городъ, когда въ послѣдніе годы княженія Іоанна III внезапно подступилъ мятежный царь Казанскій, Махметъ-Аминь, съ Ордою Нагайскою, а въ Нижнемъ, гдѣ не ожидали нападенія, не было почти и войска. Славный воевода Хабаръ Симскій засѣлъ въ кремлѣ. Тогда Литовскіе плѣнники, сосланные въ Нижній, предложили воеводѣ спасти городъ, если обѣщаетъ имъ свободу; они направили единственную пушку, съ ними вмѣстѣ взятую въ плѣнъ, съ башни Димитріевой въ станъ непріятеля за оврагомъ на противоположную гору, и такъ удаченъ былъ первый выстрѣлъ, что онъ поразилъ тестя Махметъ-Аминя, хана Нагайскаго, который пировалъ въ открытомъ шатрѣ своемъ. Всеобщій ужасъ объялъ Татаръ, еще не знавшихъ огнестрѣльнаго оружія: какъ громомъ пораженные, они бѣжали, и мгновенно разсѣялось пятидесятитысячное полчище Ордынское. Воевода съ

гражданами соорудилъ на мѣстѣ удачнаго выстрѣла, гдѣ стоялъ шатеръ ханскій, церковь во имя пророка Иліи громовержца, которая доселѣ существуетъ.

«По этимъ зубчатымъ стѣнамъ кремля,» сказалъ мнѣ владыка, «которыя еще основаны въ XIV вѣкѣ великимъ княземъ Димитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ, ежегодно совершаемо было въ день Преполовенія крестное шествіе; но за нѣсколько лѣтъ предъ симъ обрушилась малая часть нижней ограды вмѣстѣ съ церковію святаго Духа отъ напора горныхъ ключей и, къ сожалѣнію, оставленъ этотъ древній обычай; теперь мы только до половины обходимъ кремль уже не по стѣнамъ, а по бульвару. Весьма бы желательно было однако возстановить прежній порядокъ шествія по верху стѣнъ, какъ болѣе торжественный и обнимавшій всѣ твердыни.»

Замѣчательна судьба сей Духовской церкви, которая уже не существуетъ и замѣнена домовою въ новомъ дворцѣ. Ее основалъ нѣкто Порфирій, переселенный сюда царемъ Іоанномъ Васильевичемъ со многими выходцами Новгородскими послѣ страшной казни ихъ родины. Онъ собралъ малое братство и умѣлъ снискать довѣренность самого царя, который озаботился устройствомъ малой его обители, и ей благодѣтельствовали впослѣдствіи цари Ѳеодоръ, Борисъ и первые изъ Романовыхъ. Потомъ она была приписана къ архіерейскому дому, который стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго дворца, и знаменитый епископъ Питиримъ, обратившій столькихъ раскольниковъ, посылалъ ихъ на увѣщаніе въ сію обитель; съ перенесеніемъ архіерейскаго дома на нынѣшнее мѣсто при епископѣ Ѳеофанѣ въ 1762 году, утратилось благосостояніе и значеніе приписной обители, и она

пришла въ совершенный упадокъ. Императоръ Павелъ отдалъ ее для богослуженія единовѣрцамъ, когда стали они обращаться къ Церкви, и даже наименованіе Духовскихъ сдѣлалось однозначущимъ съ единовѣрными. Когда же въ нынѣшнее царствованіе возникли великолѣпныя палаты кремля и церковь сія поступила въ придворное вѣдомство, единовѣрцамъ отдана была внутри крѣпости у Ивановскихъ воротъ другая древняя церковь Симеона Столпника, въ которой и доселѣ совершается ихъ богослуженіе; а между тѣмъ послѣ перестройки старой Духовской церкви ее постигло печальное паденіе. Чрезъ сколько разнообразныхъ назначеній переходила сія начальная обитель ссыльныхъ Новгородцевъ!

Мы поднялись по крутому взъѣзду вдоль внутренней ложбины кремля на верхъ его площади, гдѣ стоятъ дворецъ и оба собора, и поворотили къ древнѣйшему изъ нихъ мимо памятника, воздвигнутаго въ честь избавителей Россіи, Минина и Пожарскаго. Девяностолѣтній старецъ, протоіерей Архангельскаго собора, встрѣтилъ въ дверяхъ владыку, почтенными сѣдинами соотвѣтствуя глубокой древности сего великокняжескаго святилища. Здѣсь былъ дворецъ властителей Нижегородскихъ, потомковъ старшей линіи Мономаховой: первый князь, основавшійся въ Нижнемъ, Константинъ Васильевичъ былъ внукъ Андрея Ярославича, старшаго многомятежнаго брата святаго витязя Невскаго. Соборъ Архангеловъ, служившій для нихъ придворнымъ, вновь построенъ въ 1359 году сыномъ Константина, княземъ Андреемъ Городецкимъ, послѣ страшнаго разоренія Нижняго Новгорода царевичемъ Ордынскимъ Арапшею; но первоначальная церковь сооружена была на этомъ

мѣстѣ святымъ великимъ княземъ Владимірскимъ, Георгіемъ Всеволодовичемъ, который основалъ Нижній Новгородъ въ послѣднихъ годахъ XII столѣтія для того, чтобы городокъ, срубленный имъ на устьѣ Оки, могъ служить защитою крайнихъ его предѣловъ противъ Мордвы и Черемисъ. Память св. князя чествуется донынѣ въ особомъ придѣлѣ внутри собора, сооруженномъ однимъ изъ позднѣйшихъ его потомковъ изъ рода Долгорукихъ. Въ теченіе времени, по причинѣ бывшихъ пожаровъ, измѣнилась нѣсколько наружность храма, который былъ обновляемъ при патріархѣ Іоасафѣ и потомъ при архіепископѣ Питиримѣ, но нижняя часть вполнѣ уцѣлѣла; шатровидный верхъ его, весьма оригинальный, доселѣ свидѣтельствуетъ о глубокой древности, и бывшая подзорная башня князей, какъ бы приросшая къ собору и обращенная теперь въ колокольню, гласитъ о давноминувшемъ.

Мракъ и тѣснота внутри святилища проникаютъ душу тайнымъ благоговѣніемъ; мѣстный образъ Архистратига небесныхъ Силъ конечно старше собора, возобновленнаго княземъ Городецкимъ; можно предполагать, что святый князь Георгій даровалъ и первую храмовую икону въ сооружаемое имъ святилище. Съ обѣихъ сторонъ алтаря приникли къ стѣнамъ гробницы князей и княгинь, имена коихъ даже не всѣ извѣстны по лѣтописи Нижегородской; это, быть можетъ, потому, что они измѣняли мірскія имена свои на схимническія, дабы совершенно замолкла о нихъ молва человѣческая на грани вѣчности: надъ гробами начертаны имена князей Іоанна, Василія, еще Іоанна и вмѣстѣ съ ними князей-иноковъ Зосимы, Іоны-Зиновія, Петра-Василія и великой княгини Ирины.

Кто были сіи нѣкогда славные земли Нижегородской? вѣдаетъ Господь, воспріявшій ихъ въ свои вѣчныя жилища; Церковь же ежедневно въ своихъ молитвахъ воспоминаетъ забытыхъ лѣтописью родственныхъ властителей сего мѣста.

Солнце уже садилось, когда мы взошли въ каѳедральный соборъ Спасскій, бывшій окончательною цѣлію нашего странствованія по церквамъ и обителямъ. Замѣчательна судьба сего святилища, вмѣстѣ древняго и новаго: основанное первоначально въ 1225 году при св. Георгіи Владимірскомъ, оно было вновь построено первымъ великимъ княземъ Нижегородскимъ Константиномъ Васильевичемъ въ 1352 году; потомъ по ветхости разобрано при царѣ Алексіи Михайловичѣ въ 1652 году, и новый соборъ по образцу Успенскаго Московскаго сооруженъ былъ на пятнадцать сажень къ сѣверу отъ прежняго; туда перенесли всѣ гробы князей, но, казалось, они хотѣли почивать на мѣстѣ прежняго своего покоя, освященномъ молитвою многихъ мужей праведныхъ. Трещины, угрожавшія паденіемъ собору, побудили Государя Императора воздвигнуть новое святилище по древнему образцу опять на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ первый соборъ Нижегородскихъ князей, и туда перенести обратно въ подземный склепъ кости своихъ предковъ: старшая династія князей Суздальскихъ была по женской линіи родоначальницею Дома Романовыхъ, потому что отецъ царицы Анастасіи, бояринъ Никита Романовичъ Захарьинъ, имѣлъ въ супружествѣ дочь князей Горбатыхъ, княжну Варвару Александровну, одну изъ послѣднихъ отраслей славнаго рода Суздальскаго, который угасъ вмѣстѣ съ Шуйскими.

Уже темно было внутри храма, но въ его завѣтномъ сумракѣ теплились одинокія лампады предъ мѣстными иконами и другими древними залогами Нижняго Новгорода. Нерукотворенный образъ Спасовъ колоссальнаго размѣра на столпѣ предъ архіерейскимъ мѣстомъ перенесенъ изъ Суздаля великимъ княземъ Константиномъ Васильевичемъ и съ тѣхъ поръ служитъ предметомъ благоговѣнія народнаго. Современная ему малая икона Одигитріи списана съ подлинника Цареградскаго въ 1380 году святымъ архіепископомъ Суздальскимъ Діонисіемъ. Между позднѣйшею святынею привлекаютъ вниманіе чудотворная икона Филиппа митрополита и вкладный крестъ съ частію животворящаго древа и святыхъ мощей, которые подарилъ собору Тихонъ, митрополитъ Казанскій, въ минувшемъ столѣтіи, какъ уроженецъ сего мѣста, и харатейное Евангеліе 1404 года, принадлежавшее владѣтелямъ Нижняго.

«Хотя не имѣется въ соборѣ и обителяхъ Нижегородскихъ», сказалъ мнѣ владыка, «цѣльныхъ мощей угодниковъ Божіихъ, какими славятся древніе города Русскіе, но тѣмъ не менѣе утѣшается здѣсь сердце благодатнымъ обиліемъ святыни при одномъ воззрѣніи на чудотворныя иконы, и ими можетъ похвалиться Нижній наравнѣ съ прочими городами. Мнѣ особенно, пришедшему изъ новой епархіи, невыразимо сладко это духовное общеніе съ давноминувшимъ, которое еще такъ живо и свѣжо въ уцѣлѣвшей для насъ святынѣ. Весьма сожалѣю, что вы уже не застали здѣсь чудотворной иконы Оранской Божіей Матери; она приносится каждое лѣто съ большимъ торжествомъ изъ ея пустыни на память избавленія Нижняго отъ страшнаго мороваго повѣтрія, бывшаго

въ XVII вѣкѣ; и теперь при двукратномъ посѣщеніи тяжкой болѣзни холеры многіе съ усердіемъ притекали къ сей иконѣ, и благодатно было ея осѣненіе для цѣлаго города».

Владыка показалъ мнѣ внутри алтаря мраморный памятникъ послѣдняго католикоса Грузіи, Антонія II, сына великаго царя Праклія, которому суждено было дополнить своимъ прахомъ, царственнымъ вмѣстѣ и святительскимъ, число державныхъ и преосвященныхъ, почіющихъ подъ сѣнію сего собора. «Могила его въ погребальномъ склепѣ», сказалъ мнѣ преосвященный: «тамъ между славными земли найдете вы и гробъ простаго гражданина, но одного изъ величайшихъ сыновъ спасеннаго имъ отечества; здѣсь же въ соборѣ только обозначено мѣсто его могилы поставленнымъ надъ нею спискомъ со знамени его сподвижника, князя Пожарскаго; тутъ же и тринадцать знаменъ, которыя прислалъ Александръ Благословенный, чтобы почтить прахъ великаго мужа, ибо и ему суждено было видѣть повтореніе событій, ознаменовавшихъ эпоху Минина и Пожарскаго, и пепелъ Москвы и возрожденіе царства своего въ новой славѣ».

Владыка остался въ соборѣ и отпустилъ меня съ протоіереемъ въ погребальный склепъ именитыхъ земли Нижегородской. Нѣсколько зажженныхъ пуковъ свѣчъ вмѣсто факеловъ освѣтили намъ сіе жилище смерти, ознаменованное славными могилами. Мы начали съ княжескихъ, какъ бы изучая надъ прахомъ сильныхъ мимотекшую славу ихъ владычества. Ничего не можетъ быть трогательнѣе такой замогильной лѣтописи тамъ, гдѣ смерть уравняла всѣ кровавыя вражды; самые ожесточенные недруги лежатъ вмѣстѣ

по родственному порядку, а не по взаимному влеченію или отвращенію ихъ сердца, ибо уже стряхнули съ себя въ могильный прахъ всѣ честолюбивые замыслы, какъ и всѣ нужды и печали житейскія. Во главѣ всѣхъ первый великій князь Нижегородскій, внукъ мятежнаго Андрея Ярославскаго, Константинъ Васильевичъ, который одинъ только изъ всего своего рода мирно совершилъ княженіе; онъ возвеличилъ младшее удѣльное княжество достоинствомъ великаго и сдѣлалъ его чрезъ то предметомъ зависти старшихъ въ родѣ и даже великихъ князей Московскихъ, которые въ то время возгосподствовали надъ всею землею Русскою. Съ нимъ его супруга Анна, Грековна, какъ называетъ ее весьма поэтически лѣтопись;—зная только, что она была рода царскаго Византійскаго, но, не упомнивъ имени ея родителей, лѣтопись дала ей отчествомъ цѣлый народъ, вмѣсто одного державнаго.

Три именитые сына слѣдуютъ въ погребальномъ порядкѣ за могущественнымъ отцемъ: это болѣе другихъ мирный и потому менѣе славный князь Андрей Константиновичъ Городецкій, старшій братъ, княжившій въ сосѣднемъ Городцѣ и, вѣроятно, позже перенесенный въ родственную усыпальницу, дабы не быть разлученнымъ съ своими родителями; съ нимъ также его супруга Васса, послѣ которой уже нѣтъ другихъ женскихъ могилъ въ погребальномъ склепѣ.

Отселѣ уже начинаются воспоминанія бурныя. Вотъ славнѣйшее лице изъ всего рода Нижегородскаго, если только можно называть лицами—сущихъ въ могилѣ: это соперникъ и тесть витязя Донскаго, Димитрій Константиновичъ, уже не только великій князь Суздальскій и Нижегородскій, но и на краткое

время Всероссійскій, доколѣ однако благословеніе святителя Алексія митрополита не дало перевѣса отроку Московскому надъ превознесеннымъ по ярлыку хановъ княземъ Суздальскимъ. И какая превратность судебъ человѣческихъ!—этотъ самый отрокъ, возмужавъ и сдѣлавшись зятемъ Димитрія, супругомъ его добродѣтельной дочери Евдокіи, оградилъ тестя не только отъ нашествія ордъ Заволжскихъ, но и отъ внутреннихъ крамолъ. Отважный братъ его Борисъ, наскучивъ удѣломъ Городецкимъ, вытѣснилъ бывшаго великаго князя изъ Нижняго, процвѣтавшаго торговлею при стеченіи двухъ великихъ рѣкъ. Миротворцемъ между братьевъ-князей является старецъ Радонежскій, преподобный Сергій; но его увѣщательное слово не дѣйствуетъ на честолюбца; онъ принужденъ употребить строгое слово запрещенія отъ имени святителя всея Руси и страхомъ отлученія смиряетъ непокорнаго. Борисъ возвратилъ столицу Димитрію, но еще горькая утрата предстояла испытываемому семейными бѣдствіями. Орда Заволжская внезапно взволновалась съ Мордвою и Черемисою; князья Русскіе выступили въ походъ противъ царевича Ордынскаго Арапши и потерпѣли страшное пораженіе за рѣкою Пьяною отъ разгульной безпечности ратныхъ; «за Пьяною люди пьяны,» гласитъ съ тѣхъ поръ пословица Русская. Но горько отозвалась она Нижнему, ибо едва процвѣтшій городъ опустошенъ былъ Арапшею; еще горше отозвалась сердцу Димитрія не только какъ князю, но и какъ отцу, потому что въ числѣ пораженныхъ на рѣкѣ Пьянѣ былъ любимый сынъ его Іоаннъ. Прахъ его положенъ подлѣ дѣдовскаго въ томъ же соборѣ въ ожиданіи отцовскаго, и отецъ

сошелъ въ родную усыпальницу, семь лѣтъ спустя, въ 1384 году.

Очередь была за княземъ Борисомъ исчерпать ту чашу горести, которую подносилъ къ устамъ братнимъ; но еще прежде старался онъ опять похитить наслѣдіе отцовское у двухъ сыновей Димитрія, Василія Кирдяпы и Симеона. Борисъ овладѣлъ Нижнимъ, племянники бѣжали въ Орду и тамъ выпросили себѣ отчину у хана, и опять выгналъ ихъ дядя. Казалось, уже твердо сидѣлъ Борисъ на престолѣ отчемъ и братнемъ; смерть Донскаго все измѣнила, и не только обрушился подъ нимъ шаткій престолъ, но и все княженіе Суздальское слилось съ Московскимъ, которому становилось опаснымъ на перепутіи въ Орду. Нѣкогда отрокъ Димитрій опрокинулъ сильнаго соперника Димитрія Суздальскаго; теперь же юноша Василій, сынъ Донскаго, словомъ ханскимъ стеръ съ лица земли Русской древнее независимое княжество; такъ превозмогла Москва силою первородства, хотя старѣйшинство было за поколѣніемъ Суздальскимъ! Но каѳедра святителей Московскихъ, украшенная Петромъ, Ѳеогностомъ и Алексіемъ, уже обратила къ Москвѣ вниманіе всея Руси. Василій еще шелъ изъ Орды; бояринъ его съ посломъ ханскимъ объявили въ Нижнемъ Борису, что ни онъ уже, ни родъ его не властвуютъ болѣе въ Низовой землѣ; Суздаль сдѣлался ему изъ удѣла мѣстомъ заточенія; онъ скончался тамъ, гдѣ не довольствовался княжить; но тѣло его перенесено было въ Нижній въ родовую усыпальницу.

Василій и Симеонъ бѣжали изъ темницъ своихъ; послѣдній собралъ дружины Монгольскія и приступилъ къ Нижнему; онъ даже овладѣлъ имъ, но не устоялъ

противъ войскъ великокняжескихъ: супруга и дѣти его взяты были плѣнниками въ Москву изъ земли Мордовской, и онъ самъ принужденъ былъ просить себѣ пощады и хлѣба. Великій князь простилъ его и сослалъ съ семьею на Вятку, гдѣ окончилъ дни свои; а братъ его Кирдяпа, долго скитавшійся по чужбинѣ, скончался невѣдомо гдѣ, испытавъ по словамъ славнаго пѣвца Ада и Рая: «какъ солонъ хлѣбъ чужой и какъ крута дорога на чуждое крыльцо». Оба однако удостоились погребенія княжескаго въ родномъ соборѣ; не позавидовалъ имъ въ сей почести дядя, лишившій ихъ родовой области; они легли рядомъ съ братомъ своимъ Іоанномъ, который погибъ за 30 лѣтъ предъ тѣмъ въ битвѣ съ царевичемъ Арапшею. Какъ не прозорлива печаль человѣческая! Сколько слезъ пролито было тогда о безвременной его кончинѣ, и не гораздо ли завиднѣе была она посреди полной славы родительскаго дома, нежели горькая участь его братьевъ скитальцевъ, которые пережили все, и достояніе и славу! Съ ними вмѣстѣ отдыхаетъ отъ многихъ битвъ и подвиговъ ратныхъ сынъ Бориса Іоаннъ, прозванный Тугимъ-лукомъ, по необычайной силѣ своей и ловкости напрягать сіе оружіе; это былъ лучшій витязь тѣхъ воинственныхъ временъ, по свидѣтельству Курбскаго, опытности коего можно повѣрить. Тугой-лукъ успокоился съ предками въ 1448 году.

Старшій сынъ труженика Кирдяпы, Іоаннъ, уже служилъ въ Москвѣ великому князю и сопричтенъ къ сонму державныхъ усопшихъ Архангельскаго собора, а сынъ Туго-луковъ, Александръ, прозванный брюхатымъ, вступилъ въ родство съ домомъ Московскимъ, взявъ за себя дочь великаго князя, какъ

будто Василій хотѣлъ загладить вину свою предъ его родомъ. Не было отъ него отрасли, но многочисленное потомство возникло отъ племени Кирдяпы: именитые роды Шуйскихъ, Скопиныхъ и Горбатыхъ, которыхъ отрасль соединилась впослѣдствіи съ домомъ Романовымъ; такъ перешло къ нимъ старѣйшинство Суздальское, соединившись въ лицѣ Анастасіи съ домомъ Московскимъ.

Послѣ гробовъ княжескихъ мы поклонились святительскимъ, и прежде всѣхъ гробу митрополита Филарета, которымъ начинается рядъ архіереевъ собственно Нижегородскихъ. Патріархъ Питиримъ, еще бывшій тогда владыкою Новгородскимъ, рукополагалъ благоговѣйнаго Филарета, который былъ извѣстенъ восточнымъ патріархамъ, Паисію и Макарію, во время ихъ проѣзда чрезъ Владиміръ, гдѣ служилъ архимандритомъ. Онъ былъ, можно сказать, строителемъ втораго Спасскаго собора, который при немъ окончательно украшенъ, и самъ Филаретъ, опасаясь паденія стараго, перенесъ изъ него гробы князей; но святитель не зналъ, что и ему суждено вмѣстѣ съ ними быть перенесеннымъ на ихъ родное пепелище. Онъ присутствовалъ при вѣнчаніи царей Іоанна и Петра, и на соборѣ Московскомъ противъ Пустосвята, и былъ другомъ патріарха Іоакима, много потрудившагося о духовномъ образованіи своего отечества; но утомленный дѣлами правленія Филаретъ смиренно избралъ себѣ мѣсто упокоенія въ обители святаго Макарія Желтоводскаго, гдѣ и окончилъ дни свои въ схимѣ подъ именемъ Ѳеодосія.

Ученикъ его и преемникъ, митрополитъ Павелъ, перенесъ тѣло его въ соборъ въ основаніе каѳедры и самъ ее прославилъ своею благою жизнію; добро-

дѣтели его просіяли и при жизни и по смерти;— благочестивые жители Нижняго продолжаютъ пѣть панихиды надъ гробомъ своего пастыря, отъ самаго дня его смерти и понынѣ.

Еще одна гробница архіерейская между новѣйшими Іоанна, Веніамина и Моисея, и послѣдняго католикоса Антонія, привлекла мое вниманіе: это гробница знаменитаго мужа Церкви, архіепископа Питирима, обратившаго словомъ своимъ и писаніемъ во дни Петра Великаго и послѣ до 80,000 раскольниковъ ввѣренной ему паствы. Будучи самъ въ молодыхъ лѣтахъ ослѣпленъ ихъ заблужденіями, онъ тѣмъ сильнѣе могъ дѣйствовать противъ раскола и не боялся вступать въ состязанія, потому что легко опровергалъ нетвердое ученіе собственнымъ ихъ оружіемъ; оттого и обращались они тысячами къ свѣту истины, видя, какъ умолкали предъ опытнымъ пастыремъ мнимознающіе ихъ старцы. Его Пращица духовная и доселѣ можетъ служить мѣткимъ орудіемъ для опроверженія суетныхъ толковъ мнимой старины, которая гораздо новѣе древней истины православія.

Вотъ какими великими усопшими богатъ погребальный склепъ Нижегородскаго собора; но тутъ есть еще одна гробница, болѣе другихъ замѣтная по своему памятнику и едва ли не всѣхъ замѣчательнѣе по внутреннему сокровищу, которое въ ней хранится: тутъ лежитъ Мининъ, простой гражданинъ между князей и святителей, но спасшій всю землю Русскую. Изъ устъ грубаго, повидимому, мясника исторглись высокія рѣчи, записанныя въ современныя лѣтописи: «буде намъ похотѣть помощи Московскому государству, и то намъ не пожалѣти животовъ своихъ, да не только животовъ своихъ, и дворы свои продавати и

жены и дѣти закладывати, и бити челомъ, чтобы кто могъ вступился за православную вѣру и былъ бы у насъ начальникомъ». Такія чувства возбуждаетъ пламенная любовь къ православію и такія безсмертныя дѣянія проистекаютъ изъ этого священнаго чувства! И въ какую роковую минуту совершилось спасеніе?—когда уже все казалось погибшимъ, и послѣдніе воеводы ради неустройства отступили отъ полоненной Москвы, и великій исповѣдникъ патріархъ Гермогенъ довершалъ въ темницѣ свое страдальческое поприще. «Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ на очищеніе Московскаго государства, а вы, окаянные измѣнники, будете прокляти»! мужественно говорилъ онъ врагамъ, и оттолѣ, по словамъ лѣтописи, начаша его морити гладомъ и умориша его голодною смертію, и преда праведную душу свою въ руцѣ Божіи. Тогда, по гласу Минина и возбужденнаго имъ князя Пожарскаго, поднялась земля Низовая и за нею устремилась вся Русь ко спасенію первопрестольной столицы.

Но не по одному лишь произволенію человѣческому совершилось великое дѣло. Правдивый лѣтописецъ, келарь Авраамій, не смѣлъ утаить дѣлъ Промысла Божія, внезапно подвигшаго все сіе народное возстаніе. «Хощу вамъ повѣдати тайну сію, невѣдомо, отъ Бога или отъ человѣкъ», говоритъ онъ, «а въ забвеніе положити не смѣлъ, видя такую вѣру отъ Бога и постъ, якоже древле Ниневитяне въ велицѣ градѣ, егда прорече имъ пророкъ Іона: аще ли не покаетеся, то вси погибнете; такожде и въ Московскомъ государствѣ, бывшу посту три дни и три нощи, не токмо что старые и юные, но и младенцы, кои у сосцовъ матернихъ; не даваху бо

имъ ясти, якоже многіе младенцы умираху съ того поста.» Постъ же сей наложенъ былъ не произвольно, но по видѣнію, о которомъ молва распространилась изъ Нижняго по всей Россіи, какъ изъ него возникло и дѣло ея спасенія. Весьма знаменательно было это видѣніе, записанное въ лѣтописи. Нѣкоему человѣку, по имени Григорію, спящему въ своей храминѣ, явился въ полночь необычайный свѣтъ, какъ будто снялся верхъ его храмины и предстали два свѣтлые мужа: одинъ сталъ у главы его, другой же сѣлъ на ложе и сказалъ ему по манію перваго: «аще сіи человѣцы во всей Русской землѣ покаются и станутъ поститися три дня и три нощи, не токмо старые и юные, но и младенцы, и Московское государство очистится.» Предстоящій спросилъ опять сидящаго: «Господи, аще очистится, какое имя даси царю?» и онъ отвѣчалъ: «поставятъ храмъ новый у Троицы на рву и положатъ хартію на престолѣ, на той же хартіи будетъ написано, кому у нихъ быти царемъ». (Такъ дѣйствительно и случилось, потому что на Троицкомъ подворьи, въ кремлѣ надъ Неглиннымъ оврагомъ, произошло избраніе Михаила). Предстоящій опять спросилъ: «Господи, аще не покаются и не учнутъ поститися: что надъ ними будетъ?» и отвѣчалъ Господь: «аще ли не покаются и поститися не учнутъ, то вси погибнутъ и царство разорится.»

Чудное явленіе, которому не видно инаго примѣра, кромѣ какъ въ библіи и въ лѣтописяхъ православнаго отечества нашего: всенародное покаяніе предшествуетъ всенародному спасенію, и тогда воздвигаются свыше Архистратиги побѣдоносныхъ войскъ, которыми предводительствуетъ икона Богоматери. Какіе враги могутъ устоять противъ такого

горняго ополченія, подвигшагося за вѣру православную и святую Русь!

Тогда еще невѣдомо было новѣйшее наименованіе «отечества», едва ли не пришедшее къ намъ съ Запада, ибо оно болѣе выражаетъ гражданственное, нежели духовное образованіе государства, и не могло произойти отъ словъ «отчина» и отчества», имѣющихъ у насъ совсѣмъ другое значеніе. Всѣ шли радостно биться за святую Русь, за престольную Москву, за домъ Пресвятыя Богородицы: ибо земная родина была какъ бы только кивотомъ тѣхъ небесныхъ сокровищъ, которыя ей были ввѣрены свыше, и потому мученичествомъ отзывалась сія священная рать, не столько за свое, сколько за Божіе на землѣ достояніе. Такіе воины, по словамъ апостола, «вѣрою побѣдиша царства, содѣяша правду, возмогоша отъ немощи, быша крѣпцы во бранѣхъ, обратиша въ бѣгство полки чуждихъ» (Евр. XI, 30—35). И вотъ, одинъ изъ предводителей сей рати почіетъ въ соборѣ Нижняго Новгорода! Странное событіе: изъ года въ годъ, чрезъ два многознаменательныя для Россіи столѣтія, опять изъ Нижняго, какъ бы отъ гроба Минина, поднялось ополченіе, долженствовавшее идти на освобожденіе древней столицы отъ полчищъ западныхъ. Казалось, великій мужъ и по смерти одушевлялъ ратныхъ и сообщилъ жизненную силу воздвигать всю землю Русскую, тому завѣтному ея участку, гдѣ была его родина и гдѣ доселѣ хранится драгоцѣнный прахъ его.

VI.

СЕЛО ЛЫСКОВО.

На разсвѣтѣ другаго дня я уже былъ на Казанской дорогѣ. За сто верстъ отъ Нижняго остановился я въ богатомъ селѣ Лысковѣ, чтобы посѣтить его знаменитаго владѣльца, князя Егора Александровича Грузинскаго. Онъ сынъ царевича Александра и внукъ царя Бакара, пришедшаго въ Россію во дни Петра Великаго съ отцемъ своимъ, царемъ Вахтангомъ-законодателемъ; оба принесли съ собою много святыни изъ бѣдствовавшаго отечества, обуреваемаго тогда оружіемъ Персовъ и Турковъ. Еще съ дѣтства зналъ я маститаго старца и мнѣ любопытно было возобновить съ нимъ знакомство послѣ моего путешествія въ Грузію, гдѣ я изучилъ исторію его славнаго рода Багратіоновъ. Домъ сей происходитъ отъ царя пророка Давида, и это не какая либо суетная похвальба, но свидѣтельство лѣтописей Грузинскихъ, Греческихъ и Армянскихъ. Императоръ Константинъ Багрянородный упоминаетъ о томъ въ X столѣтіи, и то же говоритъ за пять вѣковъ до него Моисей Хорренскій въ своемъ краснорѣчивомъ плачѣ объ Арменіи. Конечно, ни одна изъ знаменитѣйшихъ фамилій Европы не можетъ похвалиться такимъ родословіемъ не только по отдаленной древности, но и по отчетливому преемству лицъ, ибо почти всѣ царствовали до Рождества Христова и послѣ, начиная съ IV вѣка. Мнѣ хотѣлось также поклониться и той древней святынѣ, которая хранится въ домѣ князя и въ много-

численныхъ церквахъ Лыскова, болѣе похожаго на городокъ, нежели на село.

Была и причина возвыситься Лыскову до такого цвѣтущаго состоянія, потому что отъ самаго начала Макарьевской ярмарки въ XVI вѣкѣ и до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, въ теченіе трехсотъ лѣтъ, она постоянно здѣсь существовала напротивъ обители святаго Макарія Желтоводскаго, которая видна на другомъ берегу Волги; даже доселѣ, хотя и перенесена ярмарка въ Нижній, въ Лысковѣ совершается весь главный торгъ хлѣбомъ, и этому способствуетъ счастливое мѣстоположеніе, потому что въ полную воду барки могутъ прямо нагружаться хлѣбомъ изъ обширныхъ хранилищъ посреди самаго селенія. Величественный соборъ и семь другихъ церквей свидѣтельствуютъ однако, что жители, разбогатѣвшіе торговлею, не забыли воздать должной благодарности Господу, наградившему ихъ обиліемъ благъ земныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что наслѣдственное благочестіе князя Грузинскаго много поддерживаетъ это доброе чувство въ его родовомъ помѣстьи, потому что до сихъ поръ восьмидесятилѣтній старецъ не опускаетъ ни одной службы, утренней и вечерней, въ круглый годъ, и съ большимъ торжествомъ совершалъ всѣ церковные праздники. Такой назидательный примѣръ постоянно въ теченіе столькихъ лѣтъ, конечно, не можетъ не подѣйствовать на добродушныхъ поселянъ. «Князь нашъ такъ дѣлаетъ, и мы обязаны тоже дѣлать», говорятъ они. Вотъ необходимое слѣдствіе добраго примѣра, и какую тяжкую налагаютъ на себя отвѣтственность тѣ, которые смущаютъ совѣсть своихъ подчиненныхъ равнодушіемъ къ Церкви.

Когда существовала ярмарка въ Лысковѣ, князь былъ какъ бы природнымъ ея распорядителемъ и посредникомъ въ случаяхъ несогласія между торгующими; онъ пользовался между ними большимъ вліяніемъ и по тому чувству невольнаго уваженія, которое обыкновенно имѣютъ у насъ къ большому барину. Иногда князь обращался и довольно круто съ людьми, вовсе ему не подчиненными, и съ заѣзжими жителями Востока; но всѣ предъ нимъ благоговѣли, какъ бы предъ законнымъ судьею, и по старой привычкѣ обращались къ его суду, зная его справедливость. Бывали случаи весьма замѣчательные, когда однимъ ласковымъ словомъ или угрозою мирилъ онъ давно враждовавшихъ между собою, и обѣ стороны оставались довольны по скорости и безпристрастію такой расправы.

Одинъ весьма знатный помѣщикъ пожаловался князю, что управляющій, которому онъ далъ отъ себя полную довѣренность, лукаво или необдуманно запродалъ весь его хлѣбъ по несходной цѣнѣ въ одни руки; между тѣмъ цѣны чрезвычайно возвысились, и онъ терпитъ большой убытокъ, а купившій не соглашается ни на какія условія. Владѣлецъ Лыскова пригласилъ къ себѣ обоихъ на очную ставку и сперва обратившись къ именитому своему пріятелю, объявилъ ему, что онъ кругомъ виноватъ и очень простъ, довѣривъ такое важное дѣло управителю. Купецъ уже торжествовалъ, но скоро смирилось его самодовольное чувство, когда въ свою очередь обратился къ нему князь и въ порывѣ сильнаго негодованія сказалъ: «пріятель мой только простъ, а ты лукавъ, потому что чувствуешь свою неправду, основанную на его ошибкѣ, и хочешь ею воспользоваться:

и такъ если ты сейчасъ же не помиришься на предлагаемыхъ тебѣ условіяхъ, то я сгоню тебя съ моей земли со всѣмъ твоимъ хлѣбомъ;» и тотчасъ помирился испуганный купецъ, зная силу воли князя, а между тѣмъ, хотя по видимому и не въ порядкѣ, но въ одну минуту устроилось это дѣло справедливо и ни для кого не обидно.

Столь же оригиналенъ былъ отзывъ его, исполненный аристократическаго чувства и сознанія лѣтописной славы своего рода, когда потребовали отъ него документовъ о его происхожденіи. Князь послалъ только свое метрическое свидѣтельство съ такимъ краткимъ отзывомъ: «что я сынъ царевича Александра, сына царя Бакара, внука царя Вахтанга, видно изъ сей метрики; выше зри исторію Грузіи; еще выше зри Библію»; и онъ дѣйствительно могъ такъ сказать, потому что весь родъ его предковъ до самаго дѣда царствовалъ и записанъ въ исторіи его родины, и вмѣстѣ съ тѣмъ связанъ съ отраслію царей Іуды, идущихъ отъ Давида, такъ что это единственная генеалогія, которая можетъ назвать всѣхъ своихъ членовъ, начиная отъ Адама.

Я нашелъ восьмидесятилѣтняго старца еще въ полной силѣ, какъ будто годы не имѣли на него никакого вліянія; никто не повѣритъ, что ему столько лѣтъ, видя свѣжесть его лица и съ какою бодростію онъ выстаиваетъ долгія церковныя службы. Съ любовію показалъ онъ мнѣ всѣ лучшіе храмы Лыскова, украшенные его усердіемъ, особенно изящный соборъ Вознесенія, недавно имъ сооруженный посреди села, и подлѣ своего дома церковь великомученика Георгія, его ангела, одаренную великолѣпною ризницею. Изъ его зимняго жилища открылся мнѣ знаменитый

монастырь св. Макарія Желтоводскаго, и въ зрительную трубу я могъ ясно различить его церкви и башни. Теперь уже зданія въ немъ приходятъ въ ветхость и не чѣмъ ихъ поддерживать, потому что обитель оскудѣла послѣ перенесенія ярмарки въ Нижній, а между тѣмъ древнія стѣны ежегодно подмываются весеннимъ разлитіемъ Волги.

Мы должны были слушать всенощную наканунѣ царскаго дня въ главномъ соборѣ села Лыскова, празднующемъ Преображенію; онъ стоитъ на отдѣльномъ холмѣ, гдѣ было прежнее жилье княжеское и даже малое укрѣпленіе, какъ бы городище. Служба совершалась соборно въ богатыхъ облаченіяхъ и съ домашними пѣвчими князя, такъ что и въ Нижнемъ не видалъ я подобнаго служенія. Все это занимало почтеннаго хозяина, который былъ какъ бы настоятелемъ всѣхъ церквей своего богатаго села, строго наблюдая за ихъ благочиніемъ и неопустительною службою: утѣшительно видѣть такую заботу о святынѣ. Послѣ всенощной я просилъ князя показать мнѣ всѣ его сокровища духовныя, хранящіяся въ ризницѣ соборной, и протоіерей съ клиромъ открылъ для меня въ алтарѣ всю святыню, принесенную въ Россію царственными предками князя. Весьма жаль, что при жизни Грузинскаго протоіерея, который долго находился при соборѣ, не были переведены надписи съ древняго церковнаго языка Грузинскаго, а теперь въ Лысковѣ никто не умѣетъ разбирать ихъ, и такимъ образомъ неизвѣстны названія многочисленныхъ частицъ мученическихъ.

Ихъ особенно много собрано въ такъ-называемомъ О-сонис-цхатѣ, или драгоцѣнномъ серебряномъ кивотѣ, осыпанномъ бирюзою, который въ видѣ

нарамника первосвященниковъ Іудейскихъ носили на персяхъ духовники царскіе въ походахъ предъ царями Грузіи; но вмѣсто именъ сыновъ Израилевыхъ вставлены частицы мощей.

Между драгоцѣнною святынею еще хранится перстъ святаго Іоанна Предтечи также въ богатомъ кивотѣ, осыпанномъ бирюзою, и ручка св. Анастасіи Римляныни, и часть мощей мученика Стефана новаго. Но главное сокровище всегда носитъ на себѣ князь: это двѣ большія части животворящаго древа, сложенныя крестообразно, которыя прислалъ нѣкогда великій императоръ Константинъ чрезъ патріарха Антіохійскаго Евстаѳія первому христіанскому царю Грузіи Миріану, когда обратился онъ проповѣдію св. Нины. Крестъ сей вложенъ въ двойной кивотецъ, изъ коихъ внутренній великолѣпно осыпанъ крупными лалами, изумрудами, жемчугомъ и бирюзою съ Грузинскою надписью, которую также не могутъ разобрать; но, вѣроятно, это молитва животворящему кресту съ именемъ царя, который его украсилъ. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ достовѣрности сего честнаго древа, потому что со временъ царя Миріана, т. е. съ 325 года въ теченіе XV столѣтій, онъ переходилъ преемственно отъ царя къ царю по праву первородства, будучи всегда носимъ на персяхъ, и по этому сохранился въ старшей линіи Карталинской, хотя послѣ Вахтанга-законодателя, удалившагося въ Россію, младшая линія Кахетинская наслѣдовала царство.

Опасаясь, чтобы такое, истинно царственное, сокровище не перешло въ частныя руки совершенно инаго поколѣнія, князь намѣренъ былъ завѣщать животворящій крестъ сей въ соборъ Успенскій, гдѣ

хранится и священный гвоздь отъ сего креста, принесенный предкомъ его, царемъ Имеретинскимъ Арчиломъ, такъ какъ онъ уже уступилъ одно подобное сокровище, крестъ св. Нины, Тифлисскому собору.

Между тѣмъ смерклось, и наступившая непогода умножила ночной мракъ. Гостепріимный владѣлецъ Лыскова предложилъ мнѣ у себя ночлегъ, и мнѣ отвели въ верхнемъ жильѣ обычный пріютъ для его посѣтителей. Три большіе портрета поразили меня при входѣ: шаха Аббаса, одного изъ величайшихъ властителей Персіи, горько памятнаго Грузіи, послѣдняго католикоса Антонія, сына великаго Ираклія, и бывшаго Имеретинскаго царя Арчила, который пять разъ возводимъ былъ на престолъ въ Кутаисѣ и столько же разъ терялъ свое шаткое достояніе. Этотъ отрывокъ Грузинской исторіи въ лицахъ подъ кровомъ восьмидесятилѣтнаго роднаго внука царя Бакара, которымъ окончилась въ Грузіи старшая династія Карталинская посреди внѣшнихъ бурь своего царства, и притомъ еще бурная ночь при раскатахъ грома и блескѣ молніи:—много было тутъ высокопоэтическаго для меня, посѣтившаго колыбель Багратіоновъ у подошвы Арарата и Казбека и ознакомившагося съ ихъ народными преданіями. Долго не могъ я заснуть, доколѣ наконецъ не усыпилъ меня однообразный шумъ ливня, бившаго въ окна, какъ убаюкивающій шопотъ природы надъ колыбелію дѣтей своихъ.

VII.

КАЗАНЬ.

Отъ Васильсурска, который сторожитъ на крутой горѣ устье быстрой Суры, впадающей въ Волгу, напоминая именемъ своимъ отца покорителя Казани, погрузился я на сто верстъ въ вѣковыя дубравы Черемисскія, обозначающія предѣлы Казанской области. Долго служили онѣ по нагорной сторонѣ Волги завѣтнымъ забраломъ враждебному царству отъ оружія возмужавшей Россіи, доколѣ не обогнули ихъ по водамъ ея ратныя ладьи и не проникли ихъ наконецъ воинскія дружины. Тогда открылись побѣдителямъ таинственныя требища Черемисовъ въ сердцѣ ихъ заповѣдныхъ лѣсовъ, и свѣтъ христіанства мало по малу сталъ проникать во мракъ языческихъ дебрей, гдѣ разсѣяны были ихъ древесныя жилища. Но и доселѣ великолѣпны лѣса сіи, освѣжающіе путника тѣнію столѣтнихъ дубовъ своихъ и лиственницъ, какъ будтобы рука человѣческая еще не коснулась ихъ недоступнаго величія. Если и открываются кое гдѣ просвѣты въ очищенныя поляны, рѣдко однако разступаются зеленыя стѣны по сторонамъ столбовой дороги; гуще и гуще становятся лѣса по мѣрѣ приближенія къ Чебоксарамъ, первому уѣздному городу Казанскому, который былъ заложенъ святителемъ Гуріемъ, когда онъ плылъ въ свою новую епархію.

Послѣ роскошныхъ селеній Нижегородскихъ, гдѣ въ полномъ обиліи кипитъ привольная жизнь Русская, странно было внезапно видѣть себя какъ

бы совсѣмъ въ иномъ государствѣ, по рѣзкому измѣненію быта народнаго, и слышать Финское нарѣчіе Черемисовъ, перемѣшанное съ Русскими словами. Но такъ необъятна матушка Россія, что еще до Казани, по ту сторону Волги, мнѣ предстояла опять одна разительная перемѣна народонаселенія Татарскаго, которое замѣнило собою Черемисское. За Чебоксарами измѣнилась и природа; опять обнажилися равнины, и я пожалѣлъ о роскошныхъ дубравахъ Васильсурскихъ. Не доѣзжая Волги, издали показался мнѣ на своемъ отдѣльномъ холмѣ живописный Свіяжскъ. Бываютъ мѣста, указываемыя самою природою для извѣстной цѣли, и таково положеніе Свіяжска: онъ былъ послѣднею ступенью, приблизившею насъ къ Казани, и уже не могла держаться долѣе твердыня Татарская, когда водрузилось здѣсь знамя Русское, возгосподствовавъ надъ всею окрестностію при стеченіи Свіяги и Волги. Самъ Іоаннъ въ первый неудачный походъ свой подъ Казань избралъ на обратномъ пути круглую гору Свіяжскую для новой крѣпости, будучи пораженъ обширностію видовъ, которые открывались съ лѣсистой, вершины.

На слѣдующую весну князь Серебряный, приплывъ Волгою къ устью Свіяги, привезъ съ собою дубовыя стѣны, срубленныя въ лѣсахъ Устюжскихъ, и для болѣе прочной основы новой твердыни готовую церковь во имя Рождества Богоматери и преподобнаго Сергія. Застучали сѣкиры на горной вершинѣ, оперенной лѣсомъ, и быстро обнажилось мѣсто для города, который возникъ въ короткій промежутокъ одного мѣсяца. Но почему же церковь во имя Рождества Богоматери?—Это былъ памятный день

битвы Мамаевой. Отчего же Радонежскій чудотворецъ осѣнилъ новую твердыню?—Онъ первый указалъ для нея мѣсто, какъ нѣкогда посылалъ схимниковъ своихъ биться съ богатырями Мамая. Еще прежде, нежели пришло на мысль Іоанну устроить тутъ крѣпость, окрестные Черемисы уже слышали таинственный звонъ въ глуши заповѣднаго лѣса на верху холма; проникавшимъ въ его чащу являлся необычайный свѣтъ, и нѣкій чудный старецъ съ кадиломъ въ рукахъ, обозначавшій ѳиміамомъ мѣсто будущей обители. Они разсказали свое видѣніе царю, и царь, припадавшій къ ракѣ чудотворца предъ каждымъ изъ своихъ ратныхъ подвиговъ, именемъ его хотѣлъ освятить храмъ, сооружаемый предъ покореніемъ Казани. Борисъ Годуновъ построилъ впослѣдствіи каменную церковь во имя преподобнаго; но и доселѣ женская обитель въ Свіяжскѣ сохраняетъ въ стѣнахъ своихъ первоначальную дубовую церковь Іоанна, еще совершенно крѣпкую, какъ бы только что вырублена она въ лѣсахъ Устюжскихъ.

Другая, мужеская обитель, привлекла мое вниманіе въ Свіяжскѣ; тамъ почиваютъ мощи святителя Германа, который наслѣдовалъ чудотворцу Гурію на каѳедрѣ Казанской и былъ уже избранъ Іоанномъ на митрополію всея Руси, но за слово истины грозному царю заключенъ въ одной изъ обителей Московскихъ. Мощи его перенесены при благочестивомъ царѣ Ѳеодорѣ въ Свіяжскую обитель, основанную имъ въ то время, когда святитель Гурій открывалъ новую епархію въ землѣ, погруженной во мракъ язычества. Сей великій мужъ Церкви, происходившій отъ князей Смоленскихъ, съ юныхъ лѣтъ постригся въ строгой и ученой тогда обители святаго Іосифа

Волоколамскаго подъ руководствомъ святаго Гурія, бывшаго еще игуменомъ, и тамъ имѣлъ случай слышать богословскіе уроки знаменитаго узника Максима Грека. Избранный въ настоятели Старицкаго монастыря, онъ скоро уступилъ его Іову, будущему патріарху, а самъ опять уединился въ любимые лѣса Волоколамскіе, доколѣ царская воля Іоанна не вызвала его вмѣстѣ съ святымъ наставникомъ Гуріемъ для просвѣщенія завоеваннаго царства. Тамъ и въ санѣ архимандрита Свіяжскаго и въ санѣ архіепископа многоплодно было его служеніе Церкви, и, можетъ быть, долго бы горѣлъ еще свѣтильникъ сей на свѣщникѣ Казани, если бы царь не пожелалъ видѣть его въ столицѣ. Испуганный бесѣдою святителя, онъ не дерзнулъ однако излить на него своей мести, хотя и не возвратилъ на каѳедру, и два года спустя еще разъ принужденъ былъ слышать отъ него искреннее слово въ защиту другаго исповѣдника Филиппа митрополита, котораго хотѣлъ осудить соборно за его пастырское обличеніе. Когда безмолвствовали прочіе судіи, одинъ Германъ возвысилъ голосъ и сказалъ: «ни единыя вины не обрѣтаю въ семъ праведникѣ», и опять удержался отъ гнѣва Іоаннъ, благоговѣя предъ святостію мужа. Вскорѣ скончался Германъ въ столицѣ отъ мороваго повѣтрія и былъ погребенъ при церкви Николы Мокраго, и только двадцать четыре года спустя чтившіе его память перенесли нетлѣнные останки въ созданную имъ обитель. Митрополитъ Гермогенъ, будущій патріахъ и страдалецъ за отечество, совершалъ торжественное перенесеніе мощей его. Сколько великихъ именъ и событій связано съ памятію великаго мужа Церкви! Его фелонь, митра и пастырскій посохъ,

имъ самимъ выточенный изъ кости, еще хранятся при его ракѣ.

Съ благоговѣніемъ поклонился я святителю Герману во время литургіи въ созданной имъ Успенской церкви, и былъ утѣшенъ ласковымъ пріемомъ почтеннаго старца, бывшаго однимъ изъ его преемниковъ на каѳедрѣ Казанской, архіепископа Владиміра, который избралъ себѣ обитель св. Германа для мирнаго успокоенія отъ трудовъ пастырскихъ.

Нигдѣ не представлялась мнѣ менѣе величественною Волга, какъ при перевозѣ, недалеко отъ Свіяжска. Русло ея стѣснилось промежду песчаныхъ, низменныхъ береговъ, поросшихъ дикимъ кустарникомъ; горы отступили, и однообразная равнина съ перелѣсками потянулась на двадцать верстъ къ Казани. Но восточная сія царица открылась вдали въ полномъ великолѣпіи съ своимъ бѣлымъ кремлемъ и красною башнею Сумбеки, которая стала на краю бойницъ, какъ призракъ ея минувшей славы. Смѣшанное чувство гордости народной и утѣшенія духовнаго о покореніи нами сего остатка Золотой Орды, насъ угнетавшей, исполнило мое сердце при видѣ многочисленныхъ храмовъ, возвышавшихся изъ-за древнихъ магометанскихъ бойницъ; радостно предавался я симъ впечатлѣніямъ по мѣрѣ приближенія къ городу, который окруженъ съ этой стороны воспоминаніями славной осады. Влѣво открылся на высотахъ монастырь Зилантовъ, память страшнаго богатыря и баснословнаго дракона, вошедшаго въ гербъ Казани, и мѣсто первой осадной ставки Іоанна; далѣе на берегу Казанки могильная пирамида витязей Русскихъ, избіенныхъ во время осады на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла вторая ставка побѣдителя; оттолѣ

услышалъ онъ громъ паденія стѣнъ Казанскихъ при Евангельскомъ возгласѣ: «да будетъ едино стадо и единъ Пастырь». Каналъ Булака нѣкогда соединялъ воды Казанки съ подгороднымъ озеромъ Кабана, и доселѣ напоминаетъ именемъ своимъ предмѣстіе Каира, столицы тысячи одной ночи. Подъ стѣнами кремля поднялся я на гребень длиннаго холма, на коемъ стоитъ нашъ фантастическій городъ преданій восточныхъ, облеченный также воображеніемъ въ очарованныя краски тысячи одной ночи.

Дружескій пріемъ и отрадное уединеніе ожидали меня по ту сторону города въ такъ называемой Русской Швейцаріи на дачѣ начальника губерніи. Восточное лице и происхожденіе прекрасной хозяйки соотвѣтствовало поэтической мѣстности древней столицы Сумбеки, довершая пріятность впечатлѣній, какъ будто она сама привѣтствовала пришельца въ прежней своей области. Тамъ, посреди искреннихъ бесѣдъ и очаровательныхъ прогулокъ по рощамъ и оврагамъ Швейцаріи, протекли для меня непримѣтно пять пріятныхъ дней, и это служило для меня отдохновеніемъ на крайней точкѣ моего путешествія; все мнѣ благопріятствовало: и красные іюльскіе дни, и теплыя лунныя ночи, какъ будто все соединилось для того, чтобы оставить во мнѣ пріятное воспоминаніе о Казани. Любилъ я на разсвѣтѣ посреди утренняго благоуханія и тишины выходить на крайній мысъ враговъ, выдававшійся изъ рощи, и оттолѣ любоваться чудною картиною Казани и ея окрестностей. Царственный кремль ея высился надъ обрывомъ рѣки, которая извивалась серебряною лентою по обширной равнинѣ; Зилантовъ монастырь и Кизическій уединенно стояли на своихъ высотахъ по

другую сторону Казанки, и очаровательна была противоположность сельской окрестной тишины съ громоносными нѣкогда бойницами кремля. Вечеромъ приходилъ я опять на тотъ же уединенный мысъ наслаждаться тою же очарованною картиною, которой яркія краски смягчены были серебристымъ свѣтомъ луны: подъ тонкимъ покрываломъ тумановъ будто плавали всѣ предметы, но еще величественнѣе возставалъ бѣлый призракъ кремля и Сумбекиной башни, неразлучной съ воспоминаніями минувшаго. Казалось, весь олицетворенный Востокъ древнихъ Болгарскихъ хановъ, и Батыя съ его Золотою Ордою, и Гиреевъ Крымскихъ, овладѣвшихъ престоломъ Казани, столпился на этой крайней грани своего владычества, и ихъ колоссальныя тѣни сливались въ ту безразличную бѣлую громаду кремля, которая будто еще грозилась съ одинокаго утеса Казанки, но уже готовая обрушиться и навсегда.

На другой день моего пріѣзда меня ожидало еще одно утѣшительное свиданіе съ давно знакомымъ мнѣ архіепископомъ Казани, и я посѣтилъ его въ отрадномъ уединеніи, живописномъ по виду, благозвучномъ по имени Іерусалима. Мѣсто сіе подарено было императрицею Екатериною митрополиту Веніамину, пострадавшему во время Пугачевскаго бунта, въ утѣшеніе за претерпѣнную клевету, и тамъ упокоились послѣдніе дни старца. Дѣйствительно, оно создано для успокоенія духовнаго: малый монастырь, прежде тутъ бывшій, обращенъ въ лѣтній архіерейскій домъ, гдѣ проводитъ время въ пастырскихъ заботахъ любитель уединенія, преосвященный Григорій, вдали отъ городскаго шума. Но, постоянный предметъ его отеческихъ заботъ, вся Казань откры-

вается предъ нимъ въ чудной панорамѣ по ту сторону роскошнаго озера Кабана. Ея кремлевская святыня издали утѣшаетъ взоры пастыря. исполненнаго благоговѣйной любви къ основателю своей каѳедры, святителю Гурію, и другу его Варсонофію; близокъ ему сей послѣдній и по тому чувству, что, какъ бы по слѣдамъ его, перешелъ онъ изъ родственной ему Твери на это новое духовное поприще. Трогательное съ нимъ прощаніе Тверской его паствы послужитъ залогомъ того, чего можетъ ожидать отъ него Казанская.

Странно, что лѣтнее жилище архіереевъ Казанскихъ было во времена царства усадьбою магометанскихъ муфтіевъ; должно полагать однако, что это самое послужило причиною основанія тутъ малой обители для пребыванія духовныхъ владыкъ покореннаго города. Еще доселѣ благоговѣетъ народъ къ гробницамъ своихъ имамовъ, коихъ большіе камни съ куфическими надписями видны близъ внѣшнихъ воротъ и подлѣ самой церкви. Иногда приходящіе почтить память своихъ усопшихъ хотятъ посмотрѣть и на христіанскаго пастыря Казани; онъ принимаетъ съ духовною простотою, которая дѣлаетъ его доступнымъ каждому, ибо сердце его лежитъ не только къ православнымъ, но и къ чуждымъ ему по вѣрѣ, и всѣхъ бы желалъ обнять онъ, какъ чадъ своихъ во Христѣ Іисусѣ, подражая въ томъ великимъ своимъ предшественникамъ Гурію, Герману и Варсонофію. Послѣ долгой назидательной съ нимъ бесѣды, я поѣхалъ въ городъ вдоль живописнаго озера, чтобы тамъ въ стѣнахъ кремля воздать должное поклоненіе первопрестольнику Гурію и святителю Варсонофію, которые положили начало

спасенія Казани и доселѣ ее соблюдаютъ своими молитвами.

По главной Воскресенской улицѣ, пролегающей вдоль гребня Казанскаго холма, въѣхалъ я въ Спасскіе ворота кремля, напоминающіе собою Тайницкіе, что въ Москвѣ, и освященные церковію во имя Нерукотвореннаго образа Спасова. Вездѣ на святой Руси тотъ же неизмѣняемый образецъ ея священныхъ преданій не только въ храмахъ, но и въ самыхъ твердыняхъ: икона Спасова сторожитъ главный входъ, надворотная церковь осѣняетъ входящихъ; далѣе на противоположномъ концѣ узкаго кремля есть Водяные или Іорданскіе ворота для крестныхъ выходовъ на рѣку въ торжественные дни Богоявленія, Преполовенія и Всемилостиваго Спаса. Есть и обитель Спасская у главныхъ воротъ, чтобы молитва и благословеніе иноковъ встрѣчали и провожали въ преддверіи завѣтной твердыни, которая заключаетъ въ себѣ драгоцѣннѣйшую святыню города; каѳедральный соборъ, какъ самый кивотъ, въ коемъ она хранится, поставленъ въ безопаснѣйшемъ мѣстѣ кремля подлѣ жилища царскаго, тамъ, гдѣ уже оканчивается холмъ крутымъ обрывомъ надъ рѣкою. Въ стѣнахъ Казанскаго кремля, какъ бы въ завѣтной оградѣ Московскаго, тѣмъ же теплымъ чувствомъ любви къ отечеству согрѣвается сердце при повтореніи близкихъ ему предметовъ.

СВЯТИТЕЛЬ ГУРІЙ.

Если новою великолѣпною пристройкою трапезы измѣненъ наружный видъ древняго Благовѣщенскаго собора, то по крайней мѣрѣ сохранились стѣны

самаго храма, основанныя святымъ Гуріемъ на иждивеніе царя Іоанна, гдѣ самъ святитель приносилъ безкровную жертву о спасеніи своей паствы:—утѣшительно такое воспоминаніе! Сохранилась подъ соборомъ и тѣсная келлія, въ которой любилъ онъ уединяться для молитвы, какъ бы въ пещерѣ. Самый праздникъ Благовѣщенія въ каѳедральномъ соборѣ вновь просвѣщенной земли свидѣтельствуетъ о той единственной цѣли, какую избралъ себѣ благой пастырь и передалъ преемникамъ своей каѳедры на послѣднихъ развалинахъ Золотой Орды. Но когда сохранилась столь живо память великаго святителя въ самыхъ его предначертаніяхъ и церковь имъ сооруженная,—грустно помыслить, что по небрежности тѣхъ, коимъ ввѣрена была сія священная стража, не уцѣлѣли только нетлѣнные останки самого святителя и пламя прикоснулось святому тѣлу, которое невредимо возвратила земля чрезъ многіе годы. Не на великаго святителя падаетъ печальная тѣнь сего событія, но на безпечныхъ хранителей святыни, если, какъ злато, искушаемое въ горнилѣ, подвергся онъ и послѣ блаженной своей кончины огненному испытанію, коего не избѣжали и останки мучениковъ первыхъ вѣковъ христіанства.

Вся жизнь сего пламеннаго подвижника православія была какъ одно всесожженіе Господу, Котораго возлюбилъ онъ паче всего краснаго въ мірѣ, и ея начало есть какъ бы повтореніе библейскихъ страницъ о праведномъ Іосифѣ. И онъ, одаренный необычайною красою, происходя самъ отъ благородныхъ родителей, поступаетъ въ услуженіе къ сильному князю и поставленъ начальствовать надъ всѣмъ его домомъ; и онъ, сдѣлавшись предметомъ страсти

его нечестивой жены, мужественно преодолѣваетъ искушеніе, но ради цѣломудрія терпитъ клевету и, подобно Іосифу, ввергнутъ въ темницу; въ теченіе двухъ лѣтъ, какъ бы уже умершій, забытъ онъ людьми, но не забытъ Богомъ, видящимъ втайнѣ его добродѣтель. Какъ же проводилъ время въ темницѣ невинный узникъ?—Онъ упросилъ одного изъ друзей своихъ, который его не оставлялъ, приносить ему вмѣсто пищи все нужное для письма и въ свободное отъ молитвы время писалъ азбуки для дѣтей, а деньги, выручаемыя за ихъ продажу, велѣлъ раздавать нищимъ, не почитая себя въ числѣ ихъ. Что дивнаго, если благодать Божія видимо посѣтила наконецъ исполнителя заповѣдей Христовыхъ и раскрыла ему чуднымъ образомъ двери темницы, какъ нѣкогда апостолу Петру? Онѣ сами отверзлись по исполненіи двухъ лѣтъ, когда уже всѣ почитали его умершимъ, и никѣмъ невидимый вышелъ, чтобы заключиться въ другую вольную темницу, въ обитель иноковъ, строжайшую того времени, Іосифа Волоколамскаго. Еще живъ былъ тогда святой основатель, и самъ постригъ достойнаго послушника Гурія, который вскорѣ заступилъ его мѣсто, но столь же скоро и отказался отъ настоятельства, потому что душа его жаждала только уединенія и молитвы. Однако молва о его добродѣтеляхъ достигла до слуха царскаго; Іоаннъ, тогда еще ревнитель благочестія, вызвалъ строгаго отшельника для управленія монастыремъ Селижаровымъ въ Тверской епархіи, и, возлюбивъ его духовную бесѣду, никого инаго не хотѣлъ избрать на открываемую имъ епархію Казанскую, близкую его сердцу, потому что самъ покорилъ невѣрное царство. Онъ избралъ ему и двухъ благо-

честивыхъ сподвижниковъ, архимандритовъ Германа и Варсонофія, которые должны были основать обители въ Казани и Свіяжскѣ и вмѣстѣ съ нимъ проповѣдывать слово истины.

Не менѣе ихъ великій, описатель житія сихъ трехъ подвижниковъ, Гермогенъ, митрополитъ Казанскій и впослѣдствіи патріархъ и страдалецъ за вѣру, говоритъ: что два раза по два жребія клали на престолъ Успенскаго собора при избраніи Гурія, и два раза падалъ на него жребій, такъ что царь и митрополитъ и весь соборъ вкупѣ воздали славу Богу: «яко избра Богъ мужа преподобна и свята новопросвѣщаемому граду Казани». Въ присутствіи семидесяти шести духовныхъ лицъ совершилось рукоположеніе Гурія, и новому владыкѣ подчинено было царство Казанское и окрестные его улусы, градъ Свіяжскъ съ нагорною его стороною, Васильгородъ и вся Вятская земля, съ титломъ архіепископа, втораго по степени іерархической. Ревностный Іоаннъ опредѣлилъ для содержанія новой епархіи десятину доходовъ покореннаго царства, и повелѣлъ всѣмъ архіереямъ сдѣлать въ пользу ея пожертвованіе деньгами и хлѣбомъ; впослѣдствіи же писалъ еще къ святителю Гурію, чтобы обо всемъ къ нему обращался, обѣщая удовлетворять по прежнему всѣ его просьбы.

Какъ благоразумно и назидательно наставленіе, данное архіепископу для управленія новою паствою, которую еще надобно было пріобрѣсти изъ тьмы язычества! Царь внушалъ ему: ласкою пріучать къ себѣ невѣрныхъ, приводить ихъ къ крещенію любовію, а не страхомъ или неволею, крестить только тѣхъ, которые изъявятъ добровольно желаніе кре-

ститься, и лучшихъ изъ крестившихся держать и наставлять въ христіанствѣ въ своемъ домѣ; другихъ отсылать для обученія въ монастыри, обращенныхъ же и научившихся часто призывать къ своей трапезѣ и угощать; если кто нибудь изъ необращенныхъ придетъ съ просьбою, угощать у себя и таковыхъ и убѣждать къ принятію христіанства кроткою и умиленною бесѣдою «безъ жестости», не отсылать отъ купели крещенія и тѣхъ, которые прибѣгнутъ къ ней, подвергшись какой нибудь винѣ гражданской, и по крещеніи, въ случаѣ невозможности держать ихъ въ Казани, отсылать къ самому царю; по просьбѣ невѣрныхъ брать на поруки даже обреченныхъ на казнь, и, которыхъ можно, держать въ Казани, другихъ отсылать къ царю съ просьбою за осужденныхъ. Наконецъ царь повелѣвалъ святому Гурію, даже самому, безъ всякой просьбы со стороны невѣрныхъ ходатайствовать предъ гражданскимъ судомъ за тѣхъ изъ нихъ, которые подвергнутся легкимъ винамъ, и всѣми обычаями, какъ возможно, людей къ себѣ пріучать».

Умилительно читать въ житіи святаго Гурія, какимъ образомъ по устроенію самого царя совершилось отправленіе въ путь святителя со всѣми его сослужителями для открытія новой епархіи. 26 мая 1555 года митрополитъ Макарій пѣлъ соборный молебенъ въ храмѣ Успенія Богоматери въ присутствіи царя и двухъ его братьевъ и со всѣмъ духовенствомъ и множествомъ народа провожалъ изъ кремля святаго Гурія. Предъ Флоровскими вратами, что нынѣ Спасскіе, еще однажды совершено молебствіе, и новый владыка окропилъ основаніе Покровскаго собора, недавно заложеннаго въ память покоренія того

царства, куда онъ шелъ святительствовать. Тутъ принялъ отъ него послѣднее благословеніе царь, и простился Гурій съ братіею своею духовною, напутствованный благословеніями владыки Макарія. Многочисленныя ладьи приготовлены были на Москвѣ рѣкѣ, и все соборное шествіе Казанское поплыло къ Симоновой обители, гдѣ служилъ послѣднюю въ Москвѣ литургію святитель Гурій, ибо оттолѣ собственно должно было начаться его странствованіе по водамъ. На другой день пустился онъ въ дальнѣйшій путь; во всѣхъ прибрежныхъ селеніяхъ и городахъ дѣлаемы были ему торжественныя встрѣчи по предписанію царя, и въ каждомъ говорилъ онъ поучительное слово. Вступивъ въ предѣлы своей епархіи, назнаменовалъ онъ мѣсто новому городу Чебоксарамъ, обойдя его со крестами, и въ полотняной церкви совершилъ первую литургію тамъ, гдѣ положено основаніе Введенскому собору. Также обошелъ онъ крестнымъ ходомъ и стѣны Свіяжска, и кремль Казанскій, прежде нежели водвориться на своей каѳедрѣ, и въ день прибытія 18 іюля заложилъ для нея соборный храмъ:—столь духовно было начало Казанской епархіи.

Первымъ дѣломъ святаго Гурія при учрежденіи каѳедры, было основаніе трехъ обителей: Спасской въ кремлѣ, Зилантовой и Свіяжской, ибо онъ зналъ по опыту, что ничто столько не утверждаетъ вѣры христіанской въ новопросвѣщаемой странѣ, какъ жизнь подвижническая иноковъ и образованіе духовное юношества при монастыряхъ. Посему и обратился къ царю, прося его снабдить новыя обители средствами къ содержанію, «дабы старцамъ не было нужды собственными руками орать землю, сѣять сѣмена

снѣдаемыя и собирать ихъ въ житницы гніющія, но да орютъ сердца, сѣютъ словеса Божіи и собираютъ души въ жилища вѣчныя для наслѣдія царства небеснаго и благъ вѣчныхъ.» Уразумѣлъ христіанское прошеніе святителя уважавшій его царь и, исполнивъ всѣ его желанія, писалъ ему въ отвѣтъ: «о какъ бы счастлива была Русская земля, если бы всѣ владыки были таковы, какъ преосвященный Макарій, ты, и Діонисій.»

Еще при жизни святителя Гурія училища монастырскія принесли обильную жатву просвѣщеніемъ многихъ тысячъ магометанскихъ дѣтей; онъ самъ ежедневно подвизался въ дѣлѣ проповѣди, не пропуская ни одной литургіи безъ истолкованія слова Божія; ему охотно внимали уважавшіе и любившіе его жители Казани, ибо въ немъ дѣйствительно видѣли пастыря и отца нищихъ, утѣшителя въ скорбяхъ и заступника сирыхъ противъ всякаго насилія. Самъ же онъ, проходя съ такою заботливостію свое высокое поприще, не оставлялъ и прежнихъ подвиговъ иноческихъ обители Волоколамской и всегда памятовалъ скорбную темницу, гдѣ провелъ два тяжкіе года своей юности; онъ устроилъ себѣ тѣсную келлію подъ сводами придѣльной церкви Бориса и Глѣба и тамъ проводилъ ночи въ молитвѣ. Такое напряженіе силъ тѣлесныхъ и душевныхъ разстроило наконецъ его крѣпкое сложеніе; трехлѣтняя болѣзнь была вѣстницею приближающейся кончины, но недугъ тѣлесный не ослаблялъ мужественной души; на рукахъ приносили старца въ храмъ и, сидя, продолжалъ онъ поучать народъ. Предузнавъ часъ своей кончины, святитель призвалъ друга своего, архимандрита Варсонофія, и, принявъ отъ его руки схиму,

скончался 4 декабря 1564 года, послѣ десятилѣтняго управленія паствою Казанскою.

Онъ завѣщалъ погребсти тѣло свое за алтаремъ Спасской обители, и другъ его исполнилъ свято повелѣнное пастыремъ. Бояринъ Іоаннъ Застолбскій устроилъ часовню надъ его гробомъ и тутъ же похоронилъ сына своего Нектарія, инока юнаго годами. но созрѣвшаго подвигами; самъ онъ. отходя въ вѣчность уже подъ схимою съ именемъ Іоны. просилъ положить себя подлѣ близкихъ ему по сердцу усопшихъ. «Вѣрую, говорилъ старецъ, молитвамъ святаго, ибо онъ обѣщалъ, что и о насъ умолитъ Бога.» Погребальная сія часовня приняла впослѣдствіи и тѣло святителя Варсонофія, когда возвратился онъ съ Тверской своей каѳедры въ прежнюю обитель, и сдѣлалась такимъ образомъ сокровищницею святыхъ мощей; двадцать лѣтъ спустя, когда предположено было расширить соборный храмъ Преображенія въ монастырѣ Спасскомъ, митрополитъ Гермогенъ обрѣлъ въ 1596 году нетлѣнныя тѣлеса обоихъ святителей. «Тогда, говоритъ въ житіи ихъ будущій патріархъ, сказано было о томъ моему смиренію. Принесши со всѣмъ освященнымъ соборомъ безкровную жертву Господу Богу, мы пошли въ монастырь и поклонились гробамъ преподобныхъ отецъ Гурія и Варсонофія. Вскрывъ гробы, увидѣли то, чего не ожидали: рака святаго была полна благоуханнаго мура, мощи его какъ губа носились поверхъ; нетлѣніемъ одарилъ Богъ честное и многотрудное тѣло, какъ то всѣ видятъ и нынѣ, только верхней губы немного коснулось тлѣніе; прочіе же члены были цѣлы».

«Я, недостойный, многогрѣшною рукою моею коснулся святаго тѣла, осязалъ ризы, въ которыхъ

онъ былъ погребенъ, и онѣ были весьма крѣпки. Попытался съ силою потянуть и мантію его и прочія погребальныя одежды, но онѣ были крѣпче новыхъ. Во главахъ у преподобнаго Гурія лежалъ греческій клобукъ вязаный, который, по сказанію учениковъ святаго Варсонофія, былъ дѣланъ преподобнымъ для Гурія и по смерти святителя положенъ недоконченнымъ въ возглавіе его гроба. Мы соборнѣ осмотрѣли этотъ клобукъ и, взявъ одну прядь изъ него, едва могли ее преторгнуть, потому что она была крѣпче новой. Мы перелили благоуханное честное мѵро въ новый сосудъ, и православные христіане, пользуясь тѣмъ мѵромъ, непрестанно получали исцѣленіе».

«Дивясь неизреченному человѣколюбію Божію, продолжаетъ митрополитъ Гермогенъ, мы со слезами и радостію пропѣли надгробныя пѣсни надъ преподобными отцами и поставили ихъ поверхъ земли, дабы всѣ приходящіе видѣли ихъ и, дивясь, славили Бога, прославляющаго святыхъ своихъ, и цѣловали съ вѣрою святыя и честныя мощи ихъ. Два же монаха, Іона и Нектарій, кои имѣли несомнѣнную вѣру къ святому Гурію и по своему желанію были положены съ нимъ въ одной гробницѣ, и они также почтены были многимъ нетлѣніемъ. Пропѣвъ и надъ ними надгробныя пѣсни, мы предали ихъ землѣ. О всемъ же этомъ возвѣстили писаніемъ государю царю самодержцу, великому князю Ѳеодору Іоанновичу и святѣйшему Іову, патріарху Московскому и всея Россіи, съ Арсеніемъ архимандритомъ той же честной обители, и святый царь и святый патріархъ и весь царскій синклитъ и множество благочестивыхъ воздали славу Богу».

По волѣ царской устроенъ былъ придѣлъ во

имя святителей Гурія и Варсонофія при соборной церкви Преображенія, и тамъ поставлены мощи обоихъ, связанныхъ между собою узами духовной дружбы, какъ нѣкогда святые іерархи Василій и Григорій Богословъ. Митрополитъ Казанскій Матѳей перенесъ въ 1620 году мощи святаго Гурія въ соборъ Благовѣщенскій, гдѣ была его каѳедра, по благоговѣйному желанію, дабы сей женихъ церковный и преемникъ апостольскаго престола видимъ былъ тамъ всею паствою: во время перенесенія чудное благоуханіе сопутствовало шествію церковному. Службу чудотворцу Гурію составилъ святитель Димитрій Ростовскій, подобно ему прославленный въ ликахъ святыхъ, и написалъ для него похвальное слово, достойное обоихъ. Во время страшнаго пожара 1742 года, святыя мощи вынесены были не только изъ собора, но даже изъ кремлевскихъ стѣнъ; но въ 1815 году другой страшный пожаръ повредилъ ихъ цѣлость, ибо онѣ оставлены были въ пылающемъ храмѣ и загорѣлась рака. Однако собраны ихъ драгоцѣнные останки для благоговѣйнаго чествованія и вмѣстѣ съ ними хранятся въ соборѣ другіе священные залоги святителя: риза его и келейные святцы и Евангеліе, подаренное другомъ его Варсонофіемъ, написанное въ Твери еще въ XV вѣкѣ, и дубовый костыль и часть его гробовой доски. Но кромѣ того каждое мѣсто въ храмѣ освящено его молитвеннымъ пѡтомъ и священная стопа его прикасалась къ каждой плитѣ соборнаго помоста. «Вѣруемъ, восклицаетъ святый Димитрій Ростовскій, яко толико угодилъ Богу своимъ подвигомъ, елико и святые мученики своими страданіями, ибо житіе его было повседневное мученичество и каждая капля его пота была благо-

пріятна Господеви, якоже и капли крови за Христа проліянныя; равныя бо честности есть потъ трудолюбца, любви ради Христовой плоть свою по вся дни умерщвляющаго, и кровь мученика, единымъ часомъ умирающаго, понеже равную отъ Бога пріемлютъ благодать и цѣлебную силу».

ДВОРЕЦЪ СЪ КРЕМЛЕМЪ.

Изъ каѳедральнаго собора перешелъ я въ новый дворецъ царскій, великолѣпно воздвигаемый подлѣ храма во вкусѣ Византійскомъ и соотвѣтственно красотѣ мѣста. Какъ счастлива царственная мысль: украсить дворцами знаменитѣйшіе города обширной имперіи, подобно Нижнему и Казани, чтобы возвысить ихъ достоинство. Чудный видъ открывается изъ оконъ жилища царскаго на быструю Казанку, которая въ этомъ мѣстѣ огибаетъ дугою крутой холмъ кремля, и на дальнее ея теченіе по широкой равнинѣ, оживленной предмѣстіями города. Вдали сверкаетъ на солнцѣ, какъ бы змѣиною чешуей, царственная Волга и помаваетъ мачтовый лѣсъ ея барокъ. Какова же должна быть весенняя картина, когда все это Казанское поле поемлется водою и обращается въ море, покрытое судами, подплывающими къ самому городу?—Изъ влажной равнины возстаютъ только, какъ оазисы въ пустынѣ, погребальная пирамида Русскихъ и нѣсколько разсѣянныхъ зданій, а на краю весенняго моря многобашенная обитель Зилантова и Кизическая подъ ея живописною рощею красуются на высотахъ, недоступныя стремленію волнъ, которыми поглощено теченіе Казанки у подошвы кремля.

Старая двухъярусная церковь, вѣроятно, первыхъ временъ завоеванія, примыкаетъ къ дворцу; своды ея отчасти обрушились отъ покатости мѣста, но зодчество носитъ отпечатокъ Византійскій и вполнѣ соотвѣтствуетъ новымъ палатамъ царскимъ, съ которыми будетъ соединена. Неизвѣстно кому праздновало давно опустѣвшее святилище; можно предполагать однако, что если въ Москвѣ основанъ былъ въ память взятія Казани соборъ Покрова Богоматери, такъ какъ въ этотъ день сдѣланы были всѣ распоряженія къ приступу, то, конечно, и въ Казани соорудили при самомъ началѣ храмъ во имя Покрова, тѣмъ болѣе, что каѳедральный праздновалъ Благовѣщенію. Желательно, чтобы обновляемая церковь получила и прежнее наименованіе. Нѣкоторые предполагаютъ, что на этомъ мѣстѣ стояла главная мечеть царей Казанскихъ, и это весьма вѣроятно по смежности бывшаго ихъ дворца; легко быть можетъ, что и самая церковь вначалѣ передѣлана изъ мечети, и отъ того такъ ветхи ея стѣны; можно думать, что и принадлежащая къ ней красная колокольня передѣлана изъ Татарской башни, потому что и доселѣ она носитъ имя Сумбекиной въ память послѣдней царицы Казанской, хотя однако зодчество болѣе отзывается вкусомъ Московскимъ, нежели Татарскимъ. Преданіе народное любитъ украшать старые памятники какимъ нибудь славнымъ именемъ, и обыкновенно избираетъ его изъ послѣдней эпохи своей славы, дабы оно ближе говорило сердцу и крѣпче связывало настоящее съ минувшимъ. Сумбекина башня есть какъ бы палладіумъ Казани, драгоцѣнный для ея жителей, равно христіанскихъ и магометанскихъ, ибо время стерло на немъ слѣды чуж-

дой вѣры ради общаго воспоминанія древней славы царства.

КРАТКАЯ ЛѢТОПИСЬ КАЗАНИ.

Но отколѣ царство сіе, обломокъ Золотой Орды, распавшейся на три, Казанскую, Астраханскую и Крымскую?—Это наслѣдіе славнаго нѣкогда царства Болгарскаго, противъ котораго издавна воевали князья наши: Равноапостольный Владиміръ, и Андрей Боголюбскій, и Всеволодъ Великій, доколѣ не стерлось оно подъ бурнымъ стремленіемъ Ордъ Монгольскихъ. Еще видны къ югу на берегахъ Волги, за полтораста верстъ отъ Казани, обширныя развалины нѣкогда знаменитыхъ Болгаръ или каменнаго града, гдѣ сосредоточивалась торговля Арабская и Славянская, и гдѣ также прославились наши христіанскіе мученики, Авраамій и Ѳеодоръ, подъ мечемъ магометанъ.

На обломкахъ царства Болгарскаго основалось Казанское, но не скоро возмужало, ибо и послѣ Монголовъ держались еще до временъ Тамерлана потомки древнихъ хановъ племени Арабскаго въ обновленныхъ стѣнахъ Болгаръ; но опустошительное нашествіе завоевателя Самаркандскаго все истребило, и уже навсегда. Между тѣмъ за сорокъ верстъ отъ нынѣшней Казани возникла старая, которой начало облечено баснословными разсказами: тутъ и двухглавый драконъ Зилантъ, пожирающій вмѣстѣ злакъ полей и человѣковъ, и мощный чародѣй, убивающій его своими чарами, и путевой котелъ Ордынскаго завоевателя, падающій въ рѣку и дающій ей и новому городу свое названіе Казани; неизвѣстно только лице основателя. Называютъ его Саинъ-Ханомъ, и

одни хотятъ видѣть въ немъ сына Батыева, другіе самого страшнаго завоевателя по титлу почетному Сагина, который носилъ Батый.

Дотолѣ не было страшно Россіи змѣиное гнѣздо Зиланта, шипѣвшее только въ своихъ предѣлахъ, и не разъ нападала на него изъ Вятки вольница Новогородская, возбуждая его жало. Великій князь Суздальскій Димитрій, соперникъ Донскаго, и самъ Донской витязь и сынъ его Василій съ успѣхомъ наступали на слабую Казань, и опустошали самый городъ за грабежи безпокойныхъ его жителей; походъ Василіевъ положилъ какъ бы конецъ старой Казани, ибо съ тѣхъ поръ молчатъ о ней лѣтописи, но горько отозвался походъ сей сыну его Темному. При дѣтяхъ послѣдняго хана Болгарскаго, Аминь— и Алтынъ-Бекахъ, которые спаслись отъ Тимура, исчезаетъ старое урочище Казани и возникаетъ новое, прославленное воинскимъ духомъ ихъ преемника Улу-Махметъ-хана. Бѣглецъ Ордынскій, изгнанный своимъ братомъ, смиренно просилъ себѣ зимовья на берегахъ Оки у союзника, великаго князя Московскаго, но Темный, опасаясь его усиленія, сталъ тѣснить пришельца и возбудилъ его мщеніе. Измѣна выдала хану войско Московское, которое разсѣялось предъ горстію Ордынцевъ; не ослѣпился однако своимъ успѣхомъ пришелецъ и удалился внизъ по Волгѣ, ибо чувствовалъ, что не можетъ утвердиться стопа его на землѣ Русской; онъ искалъ себѣ болѣе прочной основы въ предѣлахъ Болгарскихъ и укрѣпилъ новую Казань. Отовсюду стали стекаться къ нему трепетавшіе дотолѣ имени Русскаго Болгары, Монголы и Черемисы, и быстро возрасла Казань, вскорѣ затмившая славу Сарая, ослабѣвшей столицы Золо-

той Орды: «И прейде, говоритъ краснорѣчивая лѣтопись наша, царская слава и честь и величество Большія Орды, престарыя матери Ордамъ всѣмъ, на преокаянную дщерь, младую Казань, и паки возрасте царство и оживе, яко древо умершее отъ зимы, и наставшей веснѣ и возсіявшу солнцу и обогрѣвшу, отъ злаго древа, отъ Златыя Орды, злая сія вѣтвь произыде Казань и отъ нея горькій плодъ».

Надъ Василіемъ Темнымъ разразился первый ударъ могущества Казанскаго, которое потомъ въ теченіе цѣлаго вѣка тревожило Россію. Улу-Махметъ, внезапно овладѣвъ Нижнимъ, подступилъ къ Суздалю; ночью напали Татары на безпечный станъ Русскій, и самъ великій князь сдѣлался ихъ добычею; но вскорѣ царь отпустилъ царственнаго плѣнника за богатый выкупъ, услышавъ о возмущеніи Казани; онъ погибъ подъ мечемъ старшаго сына Мамутека, который овладѣлъ его престоломъ. Братья убійцы, Якубъ и Касимъ, бѣжали въ Россію, и Темный далъ имъ въ удѣлъ городокъ Мещерскій на Окѣ, который доселѣ извѣстенъ подъ именемъ Касимова. Мамутекъ не былъ страшенъ Россіи; отрокъ Іоаннъ, сынъ Темнаго, отразилъ его ватаги въ предѣлахъ Муромскихъ. Новый искатель царства Казанскаго явился изъ улусовъ Волжскихъ, Ибрагимъ ханъ, пасынокъ обрусѣвшаго Касима, и взаимное опустошеніе пограничныхъ областей ознаменовали закоснѣлую вражду Русскихъ и Татаръ во все продолженіе царствованія великаго Іоанна, самъ онъ двинулся однажды съ войскомъ противъ Казани, но возвратился, занятый болѣе собраніемъ воедино всей земли Русской; на Вяткѣ продолжались частыя стычки вольницъ обоихъ народовъ. Однако, если не лично

Іоаннъ, то его дружина спустилась Волгою до Казани, ворвалась съ огнемъ и мечемъ въ предмѣстіе города, и вызвала Татаръ на новое кровопролитіе въ нашихъ предѣлахъ. Братья великаго князя явились опять подъ стѣнами и вынудили Ибрагима заключить миръ, къ которому давно уже склоняла его мать, вдова царя Касимовскаго. Всѣ плѣнные Русскіе были освобождены и обширные предѣлы Пермскіе сдѣлались достояніемъ Іоанна, который тяжело налегъ съ сѣвера на Ордынское царство, смиряя за-Камскіе грабежи; воевода Русскій Образецъ былъ грозою Казани.

Смерть Ибрагима накликала новыхъ враговъ Россіи, ибо престолъ его сдѣлался наслѣдіемъ Гиреевъ Крымскихъ. Орда Нагайская провозгласила царемъ Алей-хана, сына Ибрагимова, но соперникомъ его былъ Махметъ-Аминь, котораго честолюбивая мать, Нуръ-Султанъ, послѣ смерти царя Касимовскаго, вступила въ бракъ съ сильнымъ Менгли-Гиреемъ Крымскимъ. Великій князь, по дружбѣ къ хану, держалъ сторону его пасынка и далъ ему въ удѣлъ Каширу до воцаренія въ Казани. Сила Іоаннова превозмогла. Вскорѣ Алей-ханъ впалъ въ руки князя Даніила Холмскаго, подступившаго къ его столицѣ: она присягнула новому государю Болгарскому по титлу, принятому великимъ Іоанномъ; Махметъ-Аминь уже царствовалъ, какъ данникъ Россіи, а его соперникъ посланъ въ заточеніе на Бѣло-озеро, сдѣлавшееся мѣстомъ ссылки хановъ. Какой чрезвычайный оборотъ дѣлъ человѣческихъ! Давно ли первый Іоаннъ Московскій принужденъ былъ ходить въ дальнюю Орду на поклоненіе ханамъ, и отецъ новаго государя Болгарскаго не былъ ли еще самъ

поставленъ на царство Мурзой Ордынскимъ и потомъ плѣнникомъ въ Казани? И вотъ уже Россія даетъ ей отъ себя царей и свергаетъ непокорныхъ! Но царствованіе Махметъ-Аминя бурно было для его области, тревожно для Россіи, и нѣсколько разъ падалъ онъ съ своего шаткаго трона, измѣняя своему благодѣтелю Іоанну.

Мурзы Казанскіе не прощали ему подданства Россіи; вызванный ими изъ Орды Мамукъ-ханъ овладѣлъ Казанью, и стольже скоро былъ свергнутъ; но они уже не хотѣли имѣть царемъ бѣжавшаго въ Россію Махметъ-Аминя, и просили себѣ у Іоанна брата царскаго, Абдулъ-Летифа, другаго пасынка сильнаго Менгли-Гирея. Согласился великій князь, но,ославъ князя Холмскаго воцарить одного брата, утѣшилъ другаго богатымъ удѣломъ за утраченное царство. Недолго властвовалъ и Абдулъ-Летифъ; возмечтавшій о независимости, онъ былъ сосланъ въ то же горькое заточеніе Бѣлозерское; опять воцарился Махметъ-Аминь, и на сей разъ измѣнилъ. Вдова Алей-хана, овладѣвшая его сердцемъ, возбудила его противъ Россіи, и внезапно ограбилъ онъ купцовъ Русскихъ на знаменитой ярмаркѣ, которая каждое лѣто сзывала въ Казань богатѣйшихъ промышленниковъ Сибири и Востока: многіе погибли, другіе проданы въ неволю или разсажены по темницамъ; золото Русское блистало на пирахъ царскихъ и богатило Казань. До 60.000 Татаръ и Нагайцевъ ринулись въ предѣлы наши и осадили Нижній, гдѣ съ горстью храбрыхъ засѣлъ славный воевода Хабаръ Симскій, но одинъ счастливый выстрѣлъ съ городской башни, поразивъ хана Нагайскаго, разсѣялъ все сіе скопище.

Великій Іоаннъ скончался, не успѣвъ наказать Махметъ-Аминя, и чувствительно стало отсутствіе мощной руки, державшей кормило. Стотысячное войско Русское, съ успѣхомъ подступившее къ Казани, обращено было въ бѣгство по неосторожности вождей; на полѣ Арскомъ ликовалъ свою побѣду Махметъ-Аминь, когда внезапно на него опять нахлынули дружины Русскія подъ предводительствомъ брата великокняжескаго, разсѣяли безоружныхъ и могли бы ворваться вмѣстѣ съ ними въ Казань, но роскошная добыча обольстила побѣдителей; развлеченные ею, они забыли, что ликуютъ въ станѣ враговъ; на разсвѣтѣ толпы ихъ со всѣхъ сторонъ напали на шумныхъ отъ вина, гнали ихъ до судовъ; погибли два именитые воеводы, Палицкій и Курбскій, и только на судахъ могли спастись остальныя войска. Хитрый Махметъ-Аминь, предвидя висѣвшую надъ нимъ грозу, самъ просилъ мира, освободилъ всѣхъ плѣнниковъ Русскихъ и присягнулъ Василію, какъ нѣкогда великому его отцу. По вліянію Крымскаго двора, брату его Абдулъ-Летифу данъ былъ удѣлъ, и ихъ мать Нуръ-Салтанъ сама пріѣзжала мирить сыновей своихъ съ великимъ княземъ; но уже смертная болѣзнь постигла обоихъ, и царь Казанскій, умирая, просилъ себѣ въ преемники младшаго брата Саибъ-Гирея.

Опытный Василій не могъ согласиться на воцареніе питомца Крымскаго, котораго поддерживали сильные ханы, искавшіе утвердить свое владычество надъ Казанью. Великій князь избралъ воспитаннаго въ Россіи Шихъ-Алея, изъ рода царевичей Астраханскихъ, который владѣлъ удѣломъ Касимовскимъ, и народъ вмѣстѣ съ новымъ царемъ обязанъ былъ

клятвою въ вѣрности государю Московскому. Опять закипѣло негодованіе вельможъ Татарскихъ за преданность властителя ихъ Россіи; происки Крымскіе возгнетали пламя бунта и внезапное появленіе Саибъ-Гирея рѣшило участь Шихъ-Алея. Заключенный сперва въ темницу, въ рубищѣ былъ отпущенъ развѣнчанный царь, и опять пострадали купцы Русскіе отъ непостоянства дѣлъ Казанскихъ. Почетно встрѣченъ былъ на границѣ и въ Москвѣ бывшій властитель; между тѣмъ оба Гирея изъ Казани и Крыма явились съ полчищами подъ Коломною, все предавая огню и мечу, и уже приближались къ Москвѣ, но, услышавъ о убіеніи Нагайцами стараго хана Менгли-Гирея, бѣжали обратно каждый въ свои предѣлы. Напрасно новый ханъ Крымскій, Саидъ-Гирей, просилъ помилованія у великаго князя для своего родича Казанскаго; Василій послалъ бывшаго царя Шихъ-Алея съ многочисленною дружиною къ Казани, и велѣлъ заложить на перепутьи городъ Васильсурскъ. Испуганный Саибъ прибѣгнулъ къ покровительству султана Турецкаго: оно было отвергнуто Василіемъ, и мятежникъ бѣжалъ, услышавъ о приближеніи законнаго царя съ многочисленнымъ войскомъ. Царственный бѣглецъ оставилъ въ городѣ племянника, юнаго внука Менгли-Гиреева, Сафа-Гирея, который и былъ провозглашенъ царемъ. Бездѣйствіе Русскихъ и гибель судовъ нашихъ на Волгѣ, въ засадѣ Черемисской, спасли на сей разъ Казань и утвердили юнаго Крымца на шаткомъ престолѣ.

Мирное посольство явилось къ Василію, прося о признаніи новаго ихъ царя, съ обѣщаніемъ освободить всѣхъ плѣнниковъ, но недолго продолжался миръ. Между тѣмъ великій князь, ограждая купцовъ

своихъ отъ частаго насилія, не велѣлъ имъ ѣздить для торга въ Казань и учредилъ на Волгѣ, близъ обители Макарьевской, новую ярмарку, которая доселѣ процвѣтаетъ; скоро перешли къ ней богатства Казани, ибо главные пушные товары были Русскіе и наиболѣе привлекали купцовъ восточныхъ; это нанесло тяжкій ударъ благосостоянію Татарскаго царства. Возмужавшій Сафа-Гирей сталъ укрѣплять Казань и оскорбилъ посла великокняжескаго. Начались опять военныя дѣйствія подъ самымъ городомъ; полки наши воспользовались нечаяннымъ пожаромъ деревянныхъ стѣнъ, чтобы воротиться въ укрѣпленія; но хотя и бѣжалъ Сафа-Гирей, они не взяли самаго кремля. Однако послы Татарскіе явились съ повинною въ станъ Русскій, и по ихъ просьбѣ братъ прежняго царя Дженъ-Алей былъ возведенъ на царство, ибо Казанцы не хотѣли болѣе повиноваться слабому Шихъ-Алею.

Недолго царствовалъ преданный Россіи Дженъ-Алей; происки Сафа-Гирея, котораго поддерживалъ братъ его Саибъ, уже властвовавшій въ Крымѣ, были виною смерти юнаго царя, измѣнически убитаго своимъ народомъ. Тяжко было для правительства Русскаго узнать, что и Шихъ-Алей, взысканный милостями великаго князя, входилъ также въ тайные переговоры съ Ордою, завидуя возвеличенію брата; царя Касимовскаго сослали на Бѣло-озеро, но вскорѣ испросилъ онъ прощеніе царственнаго отрока Іоанна, когда водворился опять въ Казани Сафа-Гирей, женившись на прекрасной вдовѣ убіеннаго имъ царя, Сумбекѣ, дочери мурзы Нагайскаго Юсуфа. Онъ пріобрѣлъ чрезъ нее сильную помощь Орды Нагайской и Астраханской и, пользуясь внутренними

смутами малолѣтства Іоаннова, громилъ своими набѣгами предѣлы Русскіе. Слабо отражали его нападенія, которымъ содѣйствовала и Орда Крымская, доколѣ наконецъ разбитіе Саибъ-Гирея и миръ, который онъ вынужденъ былъ просить у Россіи, не поколебалъ довѣренности Казанцевъ къ своему царю. Провѣдавъ, что подданные хотятъ выдать его Іоанну, Сафа-Гирей бѣжалъ, и вторично возведенъ былъ на его престолъ Шихъ-Алей. Уже на сей разъ не льстилъ онъ себя сладкими надеждами о независимости и не радовался престолу, на который взошелъ только по волѣ Іоанна. Презираемый народомъ, бѣжалъ какъ только услышалъ, что Сафа-Гирей съ своими Нагайцами уже на Камѣ.

Преданіе говоритъ, что царевна Горшанда, сестра Махметъ-Аминя, славившаяся чародѣйствомъ, явно предсказывала о скоромъ паденіи Казани и о несчастной участи Сафа-Гирея, которому всегда была враждебна, но не хотѣлъ ей вѣрить выходецъ Крымскій, надѣясь на силы союзниковъ. Потоками крови думалъ онъ утвердиться на царствѣ, и почетные мурзы пали отъ руки его; большая часть ихъ бѣжала въ Россію. Самъ Іоаннъ, уже возмужавшій, подвигся въ походъ противъ Казани; но еще не ударилъ часъ ея, и неудаченъ былъ походъ царскій отъ ненастья; однако военныя дѣйствія не прекращались зимою и лѣтомъ до самаго паденія враждебнаго царства. Не пережилъ его Сафа-Гирей: нетрезвый убился до смерти, оставивъ послѣ себя юную вдову и младенца Утремишь-Гирея правителями потрясеннаго царства, которое не могла спасти и мужеская рука. Мурза Нагайскій Юсуфъ сдѣлался душею правленія, возбуждалъ дочь свою искать помощи

у Орды; но уже Іоаннъ подступилъ къ Казани и осадилъ ее, не смотря на лютые морозы.

Тогда Юсуфъ предложилъ царю выдать дочь свою за Шихъ-Алея и тѣмъ утвердить престолъ за сыномъ Сафа-Гирея; но уже Іоаннъ видѣлъ, что одно только совершенное покореніе Казани можетъ исцѣлить сію непрестанно растравляемую язву Россіи. Однако и на сей разъ ненастье и оттепели, прекращая подвозы съѣстныхъ припасовъ, принудили царя отложить до времени конечный приступъ; но чтобы еще болѣе стѣснить враждебную твердыню, онъ основалъ близъ устья Свіяги крѣпость Свіяжскую и тѣмъ показалъ, что уже не оставалось болѣе никакой надежды для независимости Казани. Царь потребовалъ выдачи Сумбеки и ея сына, и принятія Шихъ-Алея, и не смѣли ему прекословить Казанцы. Съ плачемъ, посреди всенароднаго плача, спустилась изъ своего завѣтнаго кремля развѣнчанная царица на рѣку Казанку, и далѣе поплыла Волгою на чужбину, гдѣ ожидали ее почести царскія и просвѣщеніе вѣрою Христовой; самъ Іоаннъ былъ воспріемникомъ царственной матери и ея младенца, окрещеннаго подъ именемъ Александра.

Третій и послѣдній разъ воцарился Шихъ-Алей, и 60.000 плѣнниковъ Русскихъ, уже состарѣвшихся въ Казани, возвратились на родину; однако, желая угодить своему народу, дерзнулъ онъ требовать нагорной стороны Волги, давно принадлежавшей Россіи, и возбудилъ негодованіе Іоанна. Между тѣмъ, видя ненависть, какую питали къ нему вельможи, злодѣйски умертвилъ 70 изъ самыхъ почетныхъ на торжественномъ пиршествѣ; ярость народная воспламенилась противъ него до высшей степени. Ему

оставалось только отказаться отъ престола, и онъ готовъ былъ это исполнить въ угожденіе Іоанну, но по тайному угрызенію совѣсти не хотѣлъ предать ему изъ своихъ рукъ царство и тѣмъ помрачить свое имя предъ народомъ магометанскимъ, уже довольно безславное въ Казани. Временное правительство Русское мирно вступило въ городъ, и воеводы, князь Микулинскій и Адашевъ, уже готовились принять присягу отъ народа, когда внезапно распустили молву, будто Русскіе хотятъ умертвить всѣхъ Татаръ, и вспыхнулъ общій мятежъ въ стѣнахъ буйнаго города. Воеводы отступили въ ожиданіи повелѣнія царскаго; Казанцы же, видя, что имъ предстоитъ конечная борьба на жизнь и смерть, послали въ Орду Нагайскую себѣ за помощью и призвали на престолъ царевича Астраханскаго Эдигера. Ему было суждено быть послѣднимъ царемъ Казанскимъ, а потомъ, подъ христіанскимъ именемъ Симеона, быть поперемѣнно царемъ Тверскимъ и чернецомъ Соловецкимъ, и уже слѣпымъ пережить всѣ смуты самозванцевъ.

Въ третій разъ двинулся со всею ратною силою Іоаннъ, и пала предъ нимъ Казань!.... Давно уже такія силы не были предводительствуемы воеводами столь именитыми подъ начальствомъ самого царя. Черемисское посольство встрѣтило его на пути съ покорностію; радостно увидѣлъ онъ созданный имъ Свіяжскъ, но послѣ пиршества остался ночевать подъ шатрами, чтобы примѣромъ возбудить войско. Напрасно до начала битвъ бывшій царь Казанскій Шихъ-Алей думалъ склонить къ миру родственнаго ему Эдигера: горькій отвѣтъ былъ вѣстникомъ неизбѣжнаго кровопролитія: «все готово, ждемъ васъ

на пиръ», и пиршество смерти началось подъ стѣнами Казани. Тридцать тысячъ Татаръ и столько же Нагайцевъ составляли послѣднюю защиту царства Казанскаго; наѣздникъ князь Япанча безпрестанно тревожилъ изъ сосѣднихъ лѣсовъ и отъ Арскаго городка царскія дружины. Іоаннъ велѣлъ передовому отряду занять Арское поле по ту сторону города, правому крылу берегъ Казанки, лѣвому стать выше на устьи Булака, Шихъ-Алею на кладбищѣ, и это было приличное мѣсто царю, пережившему свое царство. 28 августа 1551 года обложена Казань. Шатеръ Іоанна разбитъ на мѣстѣ, гдѣ нынѣ Зилантова обитель; молебствіемъ одушевилъ онъ воиновъ: торжественны были церковные гимны подъ знаменіемъ Креста въ виду угасающей луны ислама. Никакія препятствія уже не могли одолѣть рѣшимости царя. Буря разбила суда и разнесла припасы; онъ послалъ за новыми не только въ Свіяжскъ, но и въ Москву, а также и за теплой одеждой, чтобы зимовать, если нужно. Начались кровавыя стычки, стоившія жизни многимъ богатырямъ Татарскимъ; но духъ осажденныхъ не упадалъ; подкатили страшные туры подъ ихъ твердыни, и со всѣхъ бойницъ открылась пальба во внутрь города, гдѣ уже не было прикрытія; тогда, по условленному знаку изъ крѣпости, наѣздникъ Япанча сталъ отвлекать осаждающихъ частыми нападеніями, доколѣ однажды самъ, завлеченный въ засаду, не погибъ со всею своею ватагой.

Еще разъ предложилъ Іоаннъ помилованіе непокорнымъ чрезъ плѣнниковъ, которыхъ выставилъ подъ стѣнами города: ожесточенные пустили въ нихъ вмѣсто отвѣта стрѣлы. Тогда начались подкопы. чтобы пресѣчь осажденнымъ тайный выходъ ихъ на рѣку.

Первый взрывъ Муралеевой башни произвелъ ужасъ въ городѣ; Русскіе уже ворвались въ проломъ, но отчаяніе Казанцевъ на сей разъ превозмогло мужество нашихъ. Источникъ горькой воды внутри города замѣнилъ рѣчную воду осажденнымъ. Новый исполинскій туръ противъ царскихъ воротъ, превышавшій всѣ твердыни, угрожалъ кремлю; жажда и болѣзни томили осажденныхъ: они хотѣли лучше умереть, нежели сдаться.—Это была послѣдняя борьба исламизма съ христіанствомъ въ предѣлахъ нашихъ. 30 сентября еще одинъ ужасный взрывъ обрушилъ стѣны и террасы, и казалось уже пробилъ роковой часъ Казани, но ей еще оставалось два дня жизни. Только послѣ Покрова Богоматери должна она была пасть къ ногамъ Іоанна. Въ день сей, наканунѣ приступа, исполненіемъ христіанскаго долга вожди и дружины приготовились къ послѣднему бою. На разсвѣтѣ 2 октября всѣ воеводы уже стояли на мѣстахъ, ожидая громоваго взрыва вѣстникомъ битвы, и вотъ, какъ бы по гласу Евангельскому: «да будетъ едино стадо и единъ пастырь», обрушились стѣны Казани. Слышалъ и видѣлъ ихъ паденіе царь изъ своего молебнаго шатра и, пріобщившись тѣла и крови Господней, самъ въ доспѣхахъ ратныхъ, подъ хоругвію нерукотвореннаго образа Спасова, устремился одушевить воиновъ къ побѣдѣ.

Отчаянный бой на стѣнахъ: наши рвутся сквозь проломъ и трупами устилаютъ рвы. Уже побѣдители внутри кремля и обступили дворецъ царскій, гдѣ отчаянно бьется Эдигеръ, послѣдній властитель, окруженный всѣмъ дворомъ своимъ и гаремомъ. Но вотъ внезапное смятеніе въ рядахъ храбрыхъ: они рѣдѣютъ и обращаютъ тылъ; уже Казанцы гонятъ ихъ изъ

воротъ кремлевскихъ; но во вратахъ встрѣчаетъ ихъ побѣдоносный царь съ хоругвіею въ рукахъ. Его явленіе рѣшаетъ все! Напрасно, въ послѣднемъ порывѣ бѣшенства, стремятся на царскую дружину уже не простые воины, но мурзы и муллы, предводимые своимъ духовнымъ главою: кинжалы ихъ обращаются на нихъ самихъ;—престало ихъ царство. Послѣдній оплотъ его, дворецъ царя, не въ силахъ удержать его паденія. Какъ Сарданапалъ Вавилонскій, во всемъ блескѣ своего царственнаго сана со всѣми своими женами взошедшій на костеръ, чтобы не предаться въ руки Персовъ, такъ и здѣсь царь Эдигеръ, окруженный всею восточною красою своего гарема, объятый пламенемъ горящаго дворца, мужественно ожидаетъ послѣдняго часа; но собственные его подданные, потерявъ за него всякую надежду, извлекаютъ царя своего изъ пылающихъ палатъ и предаютъ его Русскому царю; сами они хотятъ еще биться до послѣдней капли крови и падаютъ почти всѣ въ стѣнахъ города и его окрестностяхъ.

Послѣднее явленіе этой страшной картины—торжественный входъ царя въ покоренный городъ, дымящійся пепломъ развалинъ, усѣянный трупами. Христіанскій побѣдитель плачетъ надъ трупами враговъ и молитвою освящаетъ мѣсто; во вратахъ Арскихъ водружаетъ онъ хоругвь, возглашаетъ хвалу живымъ витязямъ, обѣщаетъ поминовеніе падшимъ; разрѣшенные узники къ нему взываютъ: «ты насъ избавилъ отъ ада!» Въ одинъ день сооружена и освящена обыденная церковь Спасова, и крестъ Господень оттолѣ уже навсегда осѣнилъ бывшее царство исламово.

Такъ вся лѣтопись царства Казанскаго въ крат-

кихъ очеркахъ представилась моему воображенію, когда съ вершины Сумбекиной башни обозрѣвалъ я обширное поле Казанское, гдѣ столько разъ рѣшалась судьба города; вдали виднѣлась Волга, наносившая страшную грозу изъ глубины Россіи. Отъ сей лѣтописной башни пошелъ я на противоположную оконечность кремля въ древнюю обитель Спасскую, которая также служитъ воспоминаніемъ послѣдней осады своимъ историческимъ храмомъ и доселѣ свидѣтельствуетъ о благочестивомъ усердіи побѣдителей. Одна изъ церквей святыхъ мучениковъ Кипріана и Іустины сооружена недавно на мѣстѣ древней обыденной церкви, то есть въ одинъ день сложенной изъ дерева и освященной въ присутствіи Іоанна, ибо ихъ память совершалась 2 октября, въ самый день покоренія Казани; другой храмъ во имя святаго Николая Ратнаго построенъ былъ по волѣ Іоанна, четыре года спустя, когда святый архимандритъ Варсонофій основалъ свою обитель и соборъ Спасскій тамъ, гдѣ впервые водружена была хоругвь царская съ нерукотвореннымъ образомъ Спаса. Съ тѣхъ поръ она постепенно украшалась въ теченіи трехъ столѣтій; главный Преображенскій соборъ ея, сооруженный при царѣ Борисѣ Годуновѣ, еще недавно обновленъ съ большимъ вкусомъ и благолѣпіемъ нынѣшнимъ настоятелемъ монастыря; но лучшимъ его сокровищемъ и по нынѣ нетлѣнные останки мощей святителя Варсонофія, которыя собраны въ серебряной ракѣ послѣ бѣдственнаго пожара 1815 года. Пламя въ одно время прикоснулось къ обоимъ великимъ просвѣтителямъ Казани, неразлучнымъ не только при жизни, но даже и въ посмертныхъ событіяхъ.

СВЯТИТЕЛЬ ВАРСОНОФІЙ.

И сему благому подвижнику, довершившему лицемъ своимъ тройственное число святителей Казанскихъ (по образцу трехъ Греческихъ великихъ іерарховъ и трехъ Московскихъ), суждено было испытать много скорбей въ жизни, дабы, по словамъ апостольскимъ, самъ онъ, бывъ искушенъ, могъ и искушаемымъ помогать. Не происходя отъ именитыхъ родителей подобно Гурію и Герману, святый Варсонофій освященъ былъ саномъ отца своего, который былъ пресвитеромъ въ городѣ Серпуховѣ; тамъ получилъ юноша начальное образованіе духовное, но высшее образованіе сердца пріобрѣлъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ многіе могли бы его утратить,—въ плѣну Татарскомъ; онъ увлеченъ былъ въ Орду Крымцами въ одинъ изъ частыхъ набѣговъ на берега Оки. Рѣка сія, прослывшая въ народѣ поясомъ Богоматери, по ея природной защитѣ царству Московскому, не разъ ограждала его предѣлы отъ вторженій Крымскихъ; но пограничные жители часто подвергались опасности, и будущій святитель испыталъ ту же участь. Василій (такъ назывался въ мірѣ благочестивый юноша) безъ ропота покорился волѣ Провидѣнія и, моляся объ освобожденіи, работалъ невѣрнымъ со всею строгостію христіанина не только за страхъ, но и за совѣсть, какъ учитъ апостолъ, такъ что и сами невѣрные исполнились къ нему глубокаго уваженія. Черезъ три года пришелъ въ Орду отецъ его, священникъ, и выкупилъ сына, а между тѣмъ дѣйствительно плѣнъ сей свыше былъ устроенъ не безъ особой цѣли; молодой плѣнникъ выучился языку Татарскому, который долженъ былъ впослѣдствіи по-

служить ему для обращенія невѣрныхъ къ новой епархіи Казанской.

По возвращеніи на родину, добрый воинъ Христовъ не хотѣлъ болѣе пользоваться мірскою свободою, поспѣшилъ постричься въ обители Андроніевской подъ именемъ Варсонофія, принявъ за образецъ сего великаго подвижника Палестинскаго. Епископъ Тверскій Акакій, мужъ святой и прозорливый, провидя высокое призваніе инока, приблизилъ его къ себѣ въ санѣ іеродіакона, и предсказалъ, что будетъ однажды преемникомъ его каѳедры. Молва о добродѣтеляхъ Варсонофія достигла царя Іоанна, и онъ велѣлъ произвести его въ настоятели строгой обители Николая чудотворца, что на Пѣсношѣ; оттолѣ же при открытіи новой епархіи, ради благочестія мужа и знанія имъ языка Татарскаго, послалъ его вмѣстѣ съ святителемъ Гуріемъ, чтобы ему быть въ Казани архимандритомъ вновь устрояемаго Спасскаго монастыря. Шесть иноковъ Пѣсношскихъ сопутствовали настоятелю и принесли уставъ свой въ новую обитель, гдѣ основали и церковь во имя ангела Пѣсноши, Николая чудотворца, прозваннаго Ратнымъ, по недавнему завоеванію Казани. Соборною служила имъ убогая деревянная церковь Преображенія Господня, сооруженная обоими святыми мужами Гуріемъ и Варсонофіемъ, которыхъ соединяла духовная дружба, какъ нѣкогда Василія Великаго и Григорія Богослова для общихъ подвиговъ христіанства. Никто, какъ Варсонофій, не былъ силенъ въ состязаніи съ магометанами, коихъ вѣра, языкъ и обычаи были ему коротко знакомы; тысячи обращались по его краснорѣчивому слову, а между тѣмъ ревнитель вѣры Христовой былъ и строгимъ исполнителемъ всѣхъ заповѣдей иночества,

смиряя плоть свою постомъ и бдѣніемъ и тяжкими веригами.

Они и доселѣ хранятся, какъ неоцѣненное сокровище, надъ ракою мощей его съ его пресвитерскою фелонью и тѣмъ иноческимъ уставомъ, который принесъ съ собою изъ Пѣсноши, какъ о томъ свидѣтельствуетъ подпись: «писанъ многогрѣшнымъ черницемъ, архимандритомъ Варсонофіемъ, что былъ игуменомъ на Пѣсноши». Десять лѣтъ продолжался неусыпный подвигъ его къ назиданію паствы Казанской, вмѣстѣ съ его блаженнымъ другомъ; когда же Господь воззвалъ къ себѣ святителя Гурія, и другой великій подвижникъ Германъ, архимандритъ Свіяжскій, заступилъ на краткое время его мѣсто, Богу благоугодно было возвеличить саномъ святительскимъ и сего добраго дѣлателя нивы Евангельской. По предсказанію святаго епископа Тверскаго Акакія, Варсонофій вызванъ былъ повелѣніемъ царскимъ въ столицу, и тамъ рукоположенъ во епископа Тверскаго, но не долго оставался на своей каѳедрѣ. Продолжая подвизаться иночески въ санѣ архіерейскомъ, онъ употреблялъ время свободное отъ служенія и молитвы на вязаніе клобуковъ Греческихъ, какіе носили тогда архіереи, и разсылалъ ихъ братіи своей, прося молитвъ о своемъ недостоинствѣ.

Равно искусный во врачеваніи недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ, святитель Варсонофій былъ дѣйствительнымъ врачемъ своей паствы, назидаемой его словомъ. Однако сердце влекло его къ тому мѣсту, гдѣ обильнѣйшая предстояла жатва въ обращеніи язычниковъ и магометанъ; черезъ четыре года онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ епархіи и удалился на покой въ прежнюю свою Казанскую обитель, гдѣ

принялъ схиму, но не оставилъ спасительныхъ трудовъ. Истощенный подвигами и годами, онъ былъ возимъ на тележкѣ учениками своими въ церковь и проповѣдывалъ еще слово Божіе съ болѣзненнаго одра. Провидѣвъ день блаженной кончины, онъ приготовилъ себя къ небесному отшествію принятіемъ святыхъ таинъ и предалъ чистую душу Богу 11 апрѣля 1596 года. Тѣло его, по собственному завѣщанію, погребено было подлѣ святаго Гурія въ часовнѣ за алтаремъ обители Спасовой архіепископомъ Казанскимъ Тихономъ, и черезъ двадцать лѣтъ обрѣтено нетлѣннымъ вмѣстѣ съ мощами его друга. Митрополитъ Гермогенъ, бывшій при открытіи, свидѣтельствуетъ, что и мощи Варсонофія найдены цѣлыми, только ногъ преподобнаго коснулось тлѣніе, и погребальныя ризы ихъ были крѣпче новыхъ. Такому искреннему свидѣтелю можно дать вѣру. Святыя мощи поставлены были въ соборной церкви монастыря и хотя также подверглись пламенному искушенію въ бѣдственный пожаръ 1815 года, однако части ихъ собраны въ серебряной ракѣ и хранятся на томъ же мѣстѣ.

ЧУДОТВОРНЫЯ ИКОНЫ КАЗАНСКАЯ И СМОЛЕНСКАЯ.

Я пріѣхалъ въ Казань на другой день послѣ возвращенія иконы Одигитріи въ Седмиезерную пустынь и весьма жалѣлъ, что не могъ быть участникомъ сего умилительнаго торжества. Это одна изъ тѣхъ живыхъ лѣтописей нашего отечества, которою навѣки вписывается, какъ бы на скрижали, всенароднымъ дѣйствіемъ какое либо чудное событіе, близкое сердцу, и такой памятникъ прочнѣе всякихъ

мраморовъ и металловъ. Нѣтъ почти ни одного древняго города на святой Руси, гдѣ бы не встрѣчались подобныя явленія, ознаменованныя крестными ходами.—И здѣсь признательная Казань воспоминала чудное свое избавленіе отъ мороваго повѣтрія, которое трижды опустошало Россію въ половинѣ XVII вѣка; орудіемъ же спасенія была икона Богоматери Смоленской изъ Седмиезерной пустыни, тогда еще недавно основанной за семнадцать верстъ отъ города. Смиренный выходецъ Великаго Устюга былъ основателемъ сей Ѳиваиды на мѣстѣ идольскаго требища Черемисовъ, изъ коихъ много обратилъ онъ къ свѣту Христову. Избѣгая молвы о свой святости и не желая первенствовать въ кругу собравшейся около него братіи, пустынникъ переселился изъ любимаго уединенія на подворье благочестиваго митрополита Казанскаго Матѳея; онъ испросилъ у него позволеніе послать отъ себя въ обитель родовую икону свою Одигитріи, которая прославилась у него въ семействѣ многими исцѣленіями; и въ пустыни повторились благодѣтельныя сіи явленія, такъ что множество народа начало въ нее стекаться и вскорѣ она процвѣла при владыкахъ Казанскихъ Корниліи и Лаврентіи. Когда же страшная зараза распространилась по всей Россіи и окружное посланіе Никона патріарха возбуждало всѣхъ къ покаянной молитвѣ, лучшимъ средствомъ поставляя противъ заразы соблюденіе постовъ и заповѣдей церковныхъ: тогда и въ дальнюю Казань потекли богомольцы для поклоненія новоявленнымъ иконамъ Смоленской и Казанской.

Въ отсутствіи митрополита Корнилія, который находился въ походѣ при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, одинъ изъ гостей Московскихъ, Василій Шоринъ,

совѣтовалъ градоначальнику боярину Салтыкову прибѣгнуть посреди всеобщаго смятенія къ заступленію Богоматери и принести торжественно икону ея въ бѣдствующую Казань. Благочестивая старица, жившая въ дѣвичьей обители Казанской, подкрѣпила рѣчь бывшимъ ей видѣніемъ: старецъ Евѳимій явился ей и повелѣвалъ исполнить совѣтъ гостя. На утро игуменъ Предтечевой обители посланъ былъ за чудотворною иконою и, поднявъ ее благоговѣйно изъ Седмиезерной пустыни, остановился на обратномъ пути за двѣ версты отъ города, тамъ, гдѣ теперь монастырь Кизическій. Воевода со всѣмъ духовенствомъ вышелъ на встрѣчу грядущей избавить ихъ отъ напрасной смерти, и все пространство отъ Казанки до кремля наполнено было народомъ, падавшимъ ницъ предъ иконою: услышана была столь усердная молитва; и какъ только обнесли Одигитрію около стѣнъ кремлевскихъ, видимо стала ослабѣвать зараза и мгновенно разсѣялись черныя тучи, которые нѣсколько недѣль висѣли надъ бѣдствующимъ городомъ. На другой день кругомъ всей Казани обнесена была чудотворная икона, и зараза прекратилась. Недѣлю спустя хотѣли возвратить въ обитель цѣлебный образъ, но опять показались зловѣщія тучи, и правители Казанскіе рѣшились до времени оставить въ городѣ залогъ его спасенія.

Когда же чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ митрополитъ Корнилій велѣлъ съ подобающею честію возвратить икону въ пустынь, снова усилилось моровое повѣтріе, и принуждены были опять принести чудотворную икону. Съ тѣхъ поръ установлено ежегодно приносить ее въ городъ около того времени, когда наиболѣе свирѣпствовала зараза, т. е. съ половины

іюня и до половины іюля, и совершать съ нею крестные ходы кругомъ всей Казани, что и донынѣ соблюдается. Замѣчательно, что не только память минувшаго бѣдствія, но даже древній очеркъ Казанскихъ стѣнъ сохранился чрезъ сіе торжественное шествіе, потому что оно слѣдуетъ по прежнему направленію ограды и останавливается для литій на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были ворота. Такъ много существеннаго и охранительнаго есть даже во внѣшнихъ обрядахъ православной Церкви, не говоря уже о внутренней спасительной ея силѣ для каждаго вѣрующаго.

Памятникомъ чудеснаго избавленія остался еще монастырь Кизическій, который такъ украшаетъ окрестность Казани по ту сторону рѣки подъ сѣнію своей живописной рощи. Митрополитъ Новгородскій Корнилій, краткое время бывшій на каѳедрѣ Казанской, и Адріанъ, возведенный съ нея на патріархію всероссійскую, общимъ иждивеніемъ устроили сію обитель на томъ мѣстѣ, гдѣ остановилась чудотворная икона прежде внесенія ея въ городъ; а странствовавшій по святымъ мѣстамъ іеродіаконъ ихъ, Стефанъ, принесъ въ даръ обители частицы мощей девяти мучениковъ, пострадавшихъ въ Кизикѣ, что на берегу Мраморнаго моря; оттого и усвоилось монастырю названіе Кизическаго.

Еще одна обитель внутри самаго города привлекаетъ усердіе не только жителей Казани, но и всей Россіи, потому что ея чудотворная икона прославилась въ цѣлой имперіи и имѣла благодатное вліяніе на обѣ столицы: такъ знаменательна была судьба Казани вскорѣ послѣ обращенія ея къ свѣту Христову. Во дни Іоанна, двадцать семь лѣтъ спустя

послѣ покоренія имъ царства, страшный пожаръ, опустошившій часть города около кремля, былъ виною явленія иконы Богоматери, которая донынѣ чествуется подъ именемъ Казанской; подобно Владимірской и Смоленской ознаменовалась она не въ какихъ либо частныхъ случаяхъ, относившихся до одного лица или города, но въ событіяхъ всенародныхъ и въ самую тяжкую годину для государства. Конечно благословенная, хотя и невѣдомая рука, начертала ликъ Пречистой Дѣвы, ознаменовавшійся столькими спасительными подвигами для нашего отечества; начало же прославленія сей иконы весьма скромно, какъ и начало всего великаго. Девятилѣтняя дѣвица, дочь стрѣльца, имѣла видѣніе, что на пепелищѣ сгорѣвшаго ихъ дома таится чудный образъ и должно обрѣсти его прежде, нежели строить новое жилище. Явленіе повторилось и уже на сей разъ икона видѣлась ей испускающею изъ себя пламенные лучи, готовые опалить непослушную. Смутились родители отроковицы, но не скоро повѣрили ея словамъ, доколѣ наконецъ страшныя видѣнія побудили ихъ возвѣстить о томъ архіепископу Іереміи и воеводѣ; однако и имъ показались странными такія рѣчи убогихъ горожанъ. Но не оскудѣла вѣра юной Матроны и ея матери; съ помощію ближнихъ онѣ сами стали рыть родное пепелище, и къ чрезвычайному утѣшенію обрѣли желанный образъ Богоматери. Быстро распространилась радостная молва по всему городу; пепелище стрѣльца Анучина наполнилось народомъ; архіепископъ и воевода со всѣмъ духовенствомъ пришли поднять чудотворную икону и торжественно перенесли въ сосѣднюю церковь святителя Николая Тульскаго; теперь на мѣстѣ ея соору-

женъ теплый соборъ монастырскій во имя того же чудотворца. Будущій патріархъ Гермогенъ, тогда еще священникъ при другой церкви святителя Николая, что въ гостиныхъ рядахъ, одинъ изъ первыхъ благоговѣйно припалъ къ честной иконѣ, которой знаменія впослѣдствіи описалъ уже въ санѣ митрополита Казанскаго.

Царь Іоаннъ исполнился радости духовной при вѣсти о столь благодатномъ явленіи во вновь покоренномъ имъ царствѣ; онъ велѣлъ снять для себя списокъ съ новой иконы Казанской, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась семейною въ царскомъ родѣ и еще болѣе усвоилась дому Романовыхъ, когда съ другимъ спискомъ той же иконы князь Пожарскій освободилъ Москву. Царь повелѣлъ соорудить соборную церковь во имя Пресвятыя Богородицы Казанскія, и при ней устроить женскую обитель, первую въ Казани, день же обрѣтенія иконы праздновать 8 іюля. Дочь стрѣльца была первою монахинею подъ именемъ Мавры, а впослѣдствіи игуменіею сей обители, которая процвѣла во время управленія митрополита Гермогена. При немъ еще болѣе прославилась Казань явленіемъ нетлѣнныхъ мощей трехъ первыхъ ея святителей.

Конечно и собственная святость сего великаго мужа Церкви привлекла ему свыше такую благодать, ибо онъ самъ имѣлъ утѣшеніе перенести мощи святителя Германа въ Свіяжскъ и обрѣсти въ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ одно время былъ архимандритомъ, мощи двухъ своихъ предшественниковъ по каѳедрѣ и обители, Гурія и Варсонофія. Пламенная душа его, которая стремилась ко всему отечественному и заранѣе какъ бы уже приготовлялась ко всесожженію для спасенія всея Руси, не удовольствовалась обрѣтеніемъ

столькихъ сокровищъ духовныхъ. Извѣстясь по давнему преданію народному о трехъ мученикахъ, Іоаннѣ, родомъ изъ Русскихъ, и двухъ крестившихся Татарахъ, Стефанѣ и Петрѣ, которые пострадали за исповѣданіе имени Христова еще до покоренія царства, онъ установилъ совершать память ихъ ежегодно, какъ равно и всѣхъ воиновъ Русскихъ, избіенныхъ при взятіи Казани. Впродолженіе восемнадцатилѣтняго святительства ревностный Гермогенъ возрастилъ все, посѣянное первыми святителями; когда же самъ возведенъ былъ на высшую степень патріаршества, онъ оставилъ вмѣсто себя достойнаго преемника, митрополита Ефрема, который дѣйствовалъ въ томъ же духѣ.

Ефремъ возбуждалъ граматами своими всю землю Русскую ко спасенію родной столицы, въ стѣнахъ коей томился заключенный Гермогенъ. Онъ одушевилъ на подвигъ и князя Пожарскаго,ославъ ему списокъ съ чудотворной иконы Казанской. Съ нею двинулось къ Москвѣ ополченіе Русское, ея помощію сокрушены враги отечества, и потому празднуетъ Церковь 22 октября иконѣ Казанской въ память освобожденія Москвы отъ Литвы; соборный храмъ сооруженъ во имя ея княземъ на площади Китай-города, и доселѣ бываетъ туда крестный ходъ изъ кремля въ день избавленія столицы. Митрополитъ Ефремъ не только былъ пастыреначальникомъ, но вмѣстѣ и гражданскимъ правителемъ Казани въ эпоху смятеній народныхъ, и никому не могли лучше довѣрить дальнюю область, какъ ревнителю спасенія всея Руси. Онъ имѣлъ и великое утѣшеніе, какъ старшій изъ всѣхъ іерарховъ Русскихъ, въ отсутствіе патріарха возложить вѣнецъ царскій на юную главу

перваго Романова:—вотъ каково было участіе святителей Казани въ дѣлахъ государственныхъ. И чудотворная ея икона Богоматери еще болѣе прославилась послѣ освобожденія первопрестольной столицы. Императоръ Петръ Великій перенесъ священный ея списокъ въ свою новую столицу, и тамъ сдѣлалась она общею святынею всего города, когда на мѣстѣ прежней придворной церкви сооруженъ былъ нынѣшній великолѣпный соборъ Казанскій. Тѣмъ болѣе влекло меня сердце приложиться къ первоначальной чудотворной иконѣ, которой освященные списки видѣлъ въ обѣихъ столицахъ, и я имѣлъ это утѣшеніе послѣ божественной литургіи въ великолѣпномъ храмѣ дѣвичьей обители, который вновь сооруженъ усердіемъ самодержцевъ нашихъ, Павла и Александра; самая икона богато украшена ихъ даяніями и ярко горитъ на ней драгоцѣнная корона, которую возложила Великая Екатерина во время посѣщенія Казани.

ЗИЛАНТОВЪ МОНАСТЫРЬ.

Монастырь Зилантовъ и пирамида витязей нашихъ на полѣ Казанскомъ, гдѣ совершились геройскіе подвиги славной осады, привлекали мое вниманіе съ первой минуты пріѣзда; я воспользовался свободнымъ утромъ, чтобы посѣтить это поприще Русской славы. Ученый настоятель Зилантова, нечаянно встрѣтившійся со мною во вратахъ своей обители, благосклонно вызвался показать мнѣ лѣтописную святыню, ввѣренную его храненію. Отрадное чувство исполнило сердце, когда, поднявшись на гору Зилантову, взошелъ я въ ограду и меня обвѣяло свѣжестію вѣковыхъ вязовъ подъ сѣнію древней

святыни, современной христіанскимъ началамъ Казани: архимандритъ Гавріилъ прояснилъ мнѣ темное впечатлѣніе моего сердца, напомнивъ историческое значеніе сего мѣста.

«Вы стоите, сказалъ онъ, на томъ холмѣ, гдѣ была разбита первая ставка царя Іоанна съ его походною церковію при знаменитой осадѣ Казани, и ставка оставалась здѣсь довольно долго, доколѣ не перенесли ее ближе къ городу туда, гдѣ теперь пирамида Русскихъ витязей. Достойно вниманія, что и самая обитель при своемъ основаніи имѣла какъ бы обратное шествіе по тѣмъ же воинскимъ гранямъ, гдѣ останавливался походный шатеръ Іоанновъ. Сперва царь указалъ ей мѣсто на такъ называемомъ Русскомъ кладбищѣ, гдѣ теперь пирамида, ибо тамъ всегда совершались молитвы за усопшихъ; но четыре года спустя, когда сильное наводненіе Волги подмыло камни основанія, онъ велѣлъ по ходатайству перваго игумена Іоакима и святителя Гурія перенести монастырь на сію Зилантову гору, ознаменованную его первымъ становищемъ и вторымъ кладбищемъ Русскихъ; мѣсто особенно благопріятствовало обители; древніе вязы свободно разрослись надъ прахомъ воиновъ и первыхъ христіанъ Казанскихъ, которые здѣсь искали вѣчнаго упокоенія.»

Архимандритъ ввелъ меня въ холодный соборъ Успенія, соединенный переходами съ теплымъ Всѣхъ Святыхъ. «Обѣ сіи церкви, сказалъ онъ, построены въ XVII вѣкѣ, но ихъ начало отъ царя Іоанна: онъ пожертвовалъ на нихъ до 400 рублей, а благовѣрная его царица Анастасія устроила на собственное иждивеніе иконостасъ Успенскій и ея мѣстныя иконы у насъ сохранились. Митрополитъ Казанскій Матѳей

впервые освятилъ соборъ въ 1625 году, а нынѣшній владыка Кіевскій Филаретъ, будучи архіепископомъ нашимъ, освятилъ его опять въ 1835 году на самый праздникъ Успенія Богоматери, и намъ утѣшительна сія память добраго нашего пастыря.»

Я увидѣлъ въ церкви гробницу, прислоненную къ западной стѣнѣ, и спросилъ: кто почиваетъ подъ сѣнію храма? «Мужъ праведный, хотя и мало кому извѣстный», отвѣчалъ настоятель: «это бывшій архіепископъ Суздальскій Іосифъ, другъ Никона патріарха. Истощивъ силы свои на служеніе Церкви, онъ просилъ увольненія отъ епархіи и здѣсь провелъ послѣдніе два года жизни на своемъ обѣщаніи, какъ постриженникъ сей обители, въ подвигахъ молитвы къ общему назиданію; память его и доселѣ въ глубокомъ уваженіи у народа, и усердные служатъ панихиды надъ его гробницею.»

И такъ вотъ еще одно невѣдомое свѣтило новопросвѣщенной земли Казанской, которая столь быстро принесла обильный плодъ святости. Настоятель вывелъ меня изъ своихъ келлій на ограду, которая устроена была съ бойницами на случай осады, потому что обитель подвергалась частымъ нападеніямъ окрестныхъ еще не умиренныхъ жителей. Высокіе густые вязы осѣнили ее изнутри, снаружи открываются во всѣ стороны живописные виды: ни откуда не представлялась Казань въ такомъ великолѣпіи, какъ съ балкона настоятельскихъ келлій; вся она, начиная отъ кремля и до крайней слободы Татарской на озерѣ Кабанѣ, рисуется на горизонтѣ восточнымъ очеркомъ своихъ разнообразныхъ башенъ и колоколенъ, храмовъ и мечетей, и столь же своенравная рѣка Казанка излучистыми изгибами ожив-

ляетъ пространное поле, которое разостлалось отъ Зилантова до кремля. Мнѣ любопытно было взглянуть на гнѣздо баснословнаго Зиланта, который взошелъ въ гербъ Казани, и архимандритъ провелъ меня по оградѣ мимо тѣсной надворотной церкви святителя Алексія въ угловую башню; оттуда показалъ полуизсохшее озеро, какихъ много въ окрестностяхъ Казани, наполняемое только во время весенняго полноводія. «Здѣсь, въ этой тѣсной долинѣ, сказалъ онъ, народное преданіе свило гнѣздо своему змѣю, котораго память столь тѣсно связана съ началомъ Казани, что даже драконъ сдѣлался знаменіемъ ея царства: миѳы часто переживаютъ истину.»

Осмотрѣвъ обитель, которая послужила первымъ разсадникомъ христіанства покоренной области, ибо въ ней существовало духовное училище до открытія семинаріи, просилъ настоятеля довершить свой радушный пріемъ и сопутствовать мнѣ къ памятнику. Никто лучше архимандрита не могъ объяснить мнѣ все, что въ немъ достойно вниманія, такъ какъ и самый памятникъ приписанъ къ Зилантову. Онъ стоитъ на берегу Казанки, которая свивается дугою предъ сею могильною пирамидою, какъ бы самъ древній Зилантъ, исшедшій изъ своего логовища; все поле смерти и славы широко разстилается вокругъ гробоваго хранилища витязей Русскихъ. Мы взошли во внутренность пирамиды, образъ коей, взятый съ древнѣйшихъ гробницъ Мемфиса, соотвѣтствовалъ ея могильному назначенію; но вмѣсто тѣсной храмины съ пустымъ саркофагомъ, которые таятся въ сердцѣ исполинскаго зданія Египетскаго, мнѣ утѣшительно было видѣть себя внутри церкви, освящающей памятникъ надгробный. Я желалъ знать,

что было прежде на этомъ мѣстѣ и кому празднуетъ церковь? Настоятель отвѣчалъ:

«Послѣ перенесенія Успенской обители на урочище Зилантово, здѣсь, на старомъ кладбищѣ Русскомъ, существовала всегда часовня для ежегоднаго поминовенія падшихъ на брани, и еще съ самаго начала установленъ крестный ходъ изъ кремлевскаго собора къ сему мѣсту 2 октября на память покоренія Казани. Самая пирамида устроена недавно, послѣ 1812 года, усердіемъ архимандрита нашей обители Амвросія, который не могъ равнодушно видѣть, что нѣтъ достойнаго вмѣстилища костямъ столькихъ витязей, когда Господь прославилъ наше отечество новыми подвигами и подвижниками. Подписка началась съ жителей Казани, и до ста тысячъ рублей пожертвовано было на сооруженіе памятника. Нынѣшняя церковь освящена тѣмъ же благочестивымъ архипастыремъ, какъ и наша, въ 1832 году, въ знаменательный для насъ день взятія Казани: она празднуетъ нерукотворенному образу Спасову, потому что ликъ Его былъ начертанъ на царственномъ знамени Іоанна, которое здѣсь развѣвалось надъ его послѣднею ставкою и съ коимъ торжественно вступилъ онъ въ покоренный городъ.»

Исполненный воспоминаніями минувшаго, спустился я вслѣдъ за архимандритомъ въ подземелье,— мрачный склепъ, гдѣ хранятся кости избіенныхъ; тускло теплилась лампада предъ Распятіемъ и освѣщала открытый саркофагъ на высокомъ подножіи, сквозь рѣшетки коего виднѣлись кости человѣческія; саркофагъ былъ исполненъ черепами храбрыхъ. Настоятель посвѣтилъ мнѣ во внутрь сего сокровища смерти и далъ прочесть надписи по обѣимъ сторо-

намъ гробницы; прилично избраны обѣ изъ Священнаго писанія: одна ветхозавѣтная изъ книги Царствъ надгробная пѣснь царя пророка падшимъ на горахъ Гелвуйскихъ: «возлюбленніи и прекрасніи, неразлучніи, благолѣпніи въ животѣ своемъ, и въ смерти своей неразлучишася, паче орловъ легци, паче львовъ крѣпци» (II Царст. I. 23). Другая новозавѣтная изъ евангелія Іоанна о подвигахъ любви: «больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя» (Іоанна XV. 13).

«Этотъ саркофагъ, сказалъ мнѣ архимандритъ, есть только устье обширной могилы, которая отселѣ распространяется изъ-подъ пирамиды во всѣ стороны и только прикрыта дощатымъ помостомъ. Здѣсь въ числѣ избіенныхъ собраны всѣ громкія имена княжескія и боярскія, какъ безразлично смѣшаны ихъ кости; здѣсь и первые мученики за вѣру Христову, пострадавшіе до взятія Казани, Петръ, Іоаннъ и Стефанъ. Усердіе патріарха Гермогена установило для всѣхъ ихъ торжественную панихиду, какъ то при началѣ предназначено было самимъ Іоанномъ. Ему первому возглашается нами вѣчная память, «какъ побѣдителю казанскаго царствія и христіанской вѣры насадителю,» и вслѣдъ за нимъ «на той же брани доблественнѣ храбрствовавшимъ и усердно въ подвизѣ пострадавшимъ и избіеннымъ, князю Димитрію Микулинскому, во иноцѣхъ Діонисію, и прочимъ, которыхъ имена поминаются по родамъ ихъ, Тверичи, Костромичи, Галичане»... До трехъ сотъ именъ вписалъ святитель въ синодикъ свой, ибо онъ усердствовалъ, чтобы всѣ князья и бояре и люди служилые, которые побиты были подъ стѣнами Казани, воспоминались молитвенно, и это совершается донынѣ.»

Когда мы вышли изъ мрачнаго склепа, исполненнаго смертію, и стали съ восточной стороны пирамиды лицемъ къ Казани, архимандритъ продолжалъ: «отъ сего мѣста, гдѣ теперь могила храбрыхъ воиновъ и гдѣ была нѣкогда ставка царя, начинался главный подкопъ подъ башню кремлевскую, и здѣсь въ самую минуту взрыва возгласилъ протодіаконъ вѣщія слова евангельскія: «да будетъ едино стадо и единъ пастырь.» Рѣчь архимандрита живо напомнила мнѣ самое событіе, и я погрузился мыслію въ созерцаніе минувшаго. Я представлялъ себѣ пламенную молитву царя, когда уже послалъ онъ свои дружины къ роковому приступу, и вотъ внезапно слышитъ онъ по гласу евангельскому, какъ бы по вѣщей трубѣ священниковъ Іудейскихъ, паденіе стѣнъ сего втораго Іерихона, отовсюду обойденнаго его дружинами, и новое царство присоединяется къ его многоплеменному стаду, надъ коимъ поставленъ онъ царственнымъ пастыремъ. Мысль за мыслію, картина за картиной смѣнялись въ моемъ воображеніи, и все кровавое зрѣлище приступа и отпора и конечнаго торжества, какъ будто повторилось предъ моими глазами въ виду сихъ роковыхъ стѣнъ, предъ коими давно замолкло оружіе брани.

Краткость моего пребыванія въ Казани не позволила мнѣ съ должнымъ вниманіемъ осмотрѣть все достойное вниманія въ этомъ замѣчательномъ городѣ, который поставленъ у насъ какъ бы на грани Запада и Востока. Въ высшей степени занимательны его учебныя заведенія, свѣтскія и духовныя, гдѣ встрѣчаются Азія и Европа въ изученіи ихъ многообразныхъ языковъ для послѣдующей проповѣди христіанства и археологическихъ изысканій. Но

академія духовная, недавно основанная въ Казани, переносилась въ бытность мою на Арское поле, въ свое новое обширное зданіе, и это было также время вакаціи для университетовъ. Однако и то, что я могъ осмотрѣть въ немъ, по благосклонности его попечителя, дало мнѣ высокое понятіе о его цвѣтущемъ состояніи. Должно удивляться, до какой степени плодотворна почва Русская не только въ отношеніи вещественномъ, но и въ нравственномъ, когда видишь, что учебное заведеніе столь обширнаго размѣра могло, какъ бы по волшебному манію, внезапно возникнуть и процвѣсти въ совершенной пустынѣ вдали отъ обычныхъ путей просвѣщенія народнаго, и на все это достаточно было четверти вѣка, тогда какъ знаменитые университеты Италіи, Франціи и Германіи считаютъ цѣлые вѣка своего существованія.

Обсерваторія Казанская есть одна изъ самыхъ благоустроенныхъ въ Россіи, исключая столичной, по богатству ея астрономическихъ орудій. Здѣсь однако я не имѣлъ случая наблюдать ночью съ помощію ея колоссальнаго телескопа кругъ луны и перехожденіе планетъ на звѣздномъ небѣ; за то днемъ я вполнѣ насладился съ ея вершины очаровательною панорамою Казани, которая такъ живописна издали и вблизи, съ какой бы точки на нее ни взглянуть. Вся она разостлалась здѣсь вокругъ сей сторожевой башни вечерняго неба съ своими Татарскими слободами по ту сторону озера и живописными обителями на окрестныхъ поляхъ: невольно отвлекались взоры отъ горняго созерцанія, которое бы должно внушать самое мѣсто къ сей земной картинѣ, блиставшей полнымъ сіяніемъ полуденнаго солнца.

ПРАЗДНИКЪ ВСЕМИЛОСТИВАГО СПАСА. СУДЬБА ПРАВОСЛАВІЯ НА ВОСТОКѢ.

Въ воскресный день, 1 августа, который былъ вмѣстѣ и праздникомъ Всемилостиваго Спаса, архіепископъ Казанскій совершалъ торжественную литургію въ своемъ каѳедральномъ соборѣ и произнесъ умилительное слово о страстяхъ Господнихъ, весьма приличное дню, когда крестъ Господа долженъ былъ освятить воды. Величественъ былъ и крестный ходъ изъ кремля чрезъ Тайницкіе или Іорданскіе ворота на мостъ рѣки Казанки, гдѣ совершалось освященіе. Архіепископъ, окруженный всѣмъ своимъ клиромъ, высоко несъ надъ главою животворящій крестъ, который разсѣялъ тьму язычества въ странѣ Казанской. Въ толпѣ народной самые Татары и Черемисы благоговѣйно, хотя и безотчетно, снимали шапки предъ симъ залогомъ спасенія всѣхъ человѣковъ. Стѣны и башни кремлевскія и оба берега Казанки унизаны были народомъ, но глубокая тишина царствовала посреди такого многолюдства: внятны были пѣніе ликовъ и каждое слово освятительной молитвы. Радостнымъ трепетомъ дрогнуло сердце, когда при погруженіи креста въ рѣчныя воды возгласилъ хоръ:

«Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое; побѣды благовѣрному Императору нашему на сопротивныя даруяй и Твое сохраняяй крестомъ Твоимъ жительство.»

Я вспомнилъ, что и самое торжество 1 августа,— происхожденіе честныхъ древъ, получило начало въ предѣлахъ Казанскихъ, ибо славный походъ князя Андрея Боголюбскаго противъ Волжскихъ Болгаръ и

современная побѣда императора Греческаго Мануила надъ Сарацынами внушили обоимъ благочестивую мысль воспоминать крестнымъ ходомъ сіе двойное торжество, такъ какъ знаменіе креста предносимо было въ битвѣ противъ невѣрныхъ. Я вспомнилъ также, какъ, послѣ многолѣтняго владычества исламизма въ сихъ предѣлахъ, превозмогла наконецъ сила крестная, когда разгромилъ Іоаннъ твердыни Казанскія!... и вотъ уже башни сего кремля вмѣсто враждебныхъ воиновъ Татарскихъ обставлены были благоговѣйными богомольцами, которые, какъ неодолимымъ оружіемъ, ограждали себя знаменіемъ креста въ ту минуту, какъ этотъ залогъ побѣды христіанства погружаемъ былъ въ освященныя воды Казанки. Такъ все измѣнилось въ теченіе немногихъ вѣковъ, и честное древо креста, только прошедшее съ Боголюбскимъ по восточнымъ предѣламъ Руси въ предзнаменованіе будущаго ихъ просвѣщенія, навѣки водрузилось здѣсь мощною рукою Іоанна, и разрослось и процвѣло при молитвенномъ дыханіи трехъ святителей, Гурія, Германа и Варсонофія.

Дивны по истинѣ судьбы православной Руси, которой свыше предназначено быть забраломъ Христіанства на Востокѣ и крѣпкою своею мышцею сокращать постепенно исчезающее предъ яркою ея денницею царство тьмы. Гласъ Божій гласъ народа!— Это трепетное благоговѣніе, съ которымъ смотрятъ на исполинскую Русь всѣ магометанскіе народы, не ясно ли свидѣтельствуетъ, что всѣ они ждутъ отъ нея одной, рано или поздно, рѣшенія своей участи. Такое ожиданіе невольно облекается въ тайныя предсказанія, которыя ходятъ въ народѣ, доколѣ наконецъ отзовутся событіями. Спросите въ Іерусалимѣ, отъ

чего заключены Красные врата Соломоновы, которыми въ смиренномъ торжествѣ въѣхалъ Спаситель на жребяти ослемъ?—Русые побѣдители должны взойти ими во св. градъ!—Что это, миѳъ или истина? не знаю, но преданіе существуетъ. Отъ чего двухглавый орелъ принялъ подъ сѣнь свою исполинскую имперію, вѣнчанными главами обращаясь къ Западу и Востоку?—Это гербъ древней имперіи Византійской, усвоенный новому царству чрезъ послѣднюю отрасль Палеологовъ.—Отъ чего же въ сердцѣ сего орла всадникъ на бѣломъ конѣ, попирающій змія?—Это гербъ нашей первопрестольной столицы. Странно однако, что на сего именно всадника уповаетъ весь Востокъ, какъ на своего единственнаго избавителя, и вездѣ имя великомученика Георгія окрыляетъ духъ ратныхъ и подымаетъ надежду угнетенныхъ. Однако не безъ какой либо таинственной цѣли онъ сдѣлался знаменіемъ Москвы, третьяго Рима, какъ ее прозвали лѣтописцы наши, и взошелъ въ сердце Византійскаго орла. Какъ разгадать такія случайности, которыя удачнѣе всякой предусмотрительности?

Къ кому изъ святыхъ угодниковъ Божіихъ наиболѣе имѣетъ вѣры цѣлая Россія? не къ чудотворцу ли Николаю, котораго имя столь громко на Востокѣ, что и магометане усердно ставятъ свѣчи предъ его иконою, сами не разумѣя, какое чувство влечетъ ихъ къ сему побѣдителю народовъ по значенію его имени. Не менѣе знаменательно для насъ исполненное судебъ своего народа имя просвѣтителя Россіи, равноапостольнаго князя Владиміра!—Оно при самомъ началѣ какъ бы уже обѣщало обладаніе міромъ просвѣщаемому отъ него царству... Не исполнилось ли отчасти предзнаменованіе?—И самъ Перво-

званный апостолъ, осіявшій свѣтомъ христіанства кругомъ все поморіе Понта и связавшій съ Византіею, гдѣ основалъ первую каѳедру, судьбу Славянскихъ народовъ, между коими проповѣдалъ, не отъ мужества ли заимствовалъ свое имя, какъ поетъ ему православная Церковь:

«Мужества тезоименитаго Богоглагольника, и Церкве возслѣдователя верховнаго, Петрова сродника восхвалимъ, зане, яко же древле сему, и нынѣ намъ воззва: пріидите, обрѣтохомъ желаемаго.»

Такъ дѣйствительно и мы подражаемъ Первозванному! Обрѣтши чрезъ него желаемаго Христа и утвердившись православіемъ на незыблемомъ камени его вѣры, мы взываемъ къ магометанскимъ и языческимъ племенамъ Востока, и мало по малу внимаютъ они нашему гласу внутри и внѣ необъятныхъ предѣловъ нашихъ, даже до отдаленныхъ пустынь Америки, ибо такое апостольство ввѣрено православной Руси.

Достоинъ вниманія отголосокъ ея давноминувшаго въ нынѣшнихъ свѣтлыхъ судьбахъ ея!— Мирно, безъ всякаго насилія распространилась вѣра Христова по зову Владиміра внутри его государства; но съ оружіемъ въ рукахъ дважды ходила Русь завоевать сію вѣру въ Царьградѣ и Херсонѣ, и на кровавыхъ поляхъ Калки и Сити и на Донскомъ побоищѣ до послѣдней капли крови сражалась она за сохраненіе святой своей вѣры, доколѣ наконецъ совершенный упадокъ Орды не запечатлѣлъ торжества христіанства подъ стѣнами Казани. И доселѣ мирная проповѣдь слова Божія оглашается внутри Россіи; но оружіемъ ратныхъ огражденъ весь необъятный рубежъ ея для защиты отъ невѣрныхъ, и поко-

ряющіяся племена съ теченіемъ времени дѣлаются братьями намъ во Христѣ; такъ просвѣтилась Сибирь, такъ просвѣщается Америка!—Мнимо-небесная имперія Китая благоговѣйно взираетъ изъ-за безпредѣльной стѣны своей на исполинскую державу, которая такъ быстро возросла на вѣковомъ рубежѣ ея въ одну мѣру съ нею; Далай-Лама изъ глубины Тибета съ изумленіемъ видитъ, какъ его нѣкогда вѣрные послѣдователи цѣлыми племенами обращаются къ вѣрѣ Христовой; кочующія поколѣнія степей Монгольскихъ отъ Восточнаго океана и до Каспія уважаютъ завѣтную черту имперіи и пропускаютъ къ ней богатые караваны Востока; обладатели Кокана, Бухары и Хивы посылаютъ дары свои къ мощному владыкѣ Сѣвера, предъ коимъ издали преклоняютъ главу, ибо и солнце Ирана закатилось предъ блескомъ его державы и давно затмилась предъ нею луна Оттоманская.—Мнится видѣть исполненіе стиховъ псаломныхъ древней славы царства Соломонова, которое знаменовало царство Мессіи, ибо и теперь расширеніе державы Православія есть вмѣстѣ и распространеніе свѣта Христова:

«и обладаетъ отъ моря до моря, и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя; предъ нимъ припадутъ Эѳіопляне и врази его персть полижутъ, царіе Ѳарсистіи и острови дары принесутъ, царіе Аравстіи и Сава дары приведутъ, и поклонятся ему вси царіе земстіи, вси языцы поработаютъ ему» (Псал. LXXI).

Чего еще ожидать должно отъ непрестанно возрастающаго величія православной Руси, ибо, конечно, не безъ особеннаго Промысла Божія поставлена она на такую высокую степень и проникнута живительною силою Православія?—На Западѣ—умиренія на-

родовъ посредствомъ племенъ Славянскихъ, во главѣ коихъ она стоитъ и въ спокойномъ величіи повелѣваетъ мятущимися языками, которые, по словамъ псалма, отъ непрестаннаго поученія суетѣ возстали наконецъ на Господа и на Христа Его; на Востокѣ же—обращенія къ истинѣ евангельской послѣдователей исламизма, который основанъ только на силѣ вещественной и при ея оскудѣніи видимо падаетъ, ибо не можетъ устоять скопище его мрака противъ обилія свѣта Христова! Но и не одной сей побѣды ожидаетъ изнеможенный бѣдствіями Востокъ отъ исполина, который, какъ выражаетъ псаломъ, подобно солнцу восталъ тещи путь отъ края небеси и до края его. Нѣтъ, съ истребленіемъ тьмы чаютъ отъ него и умноженія свѣта, ибо теперь свѣтило Православія ярче горитъ въ благоденствующей Россіи, нежели въ бѣдствовавшей Греціи и Палестинѣ и другихъ давно обуреваемыхъ странахъ. Отъ сего чистаго источника долженъ заимствовать потрясенный Востокъ утвержденія въ своихъ предѣлахъ того Православія, которое нѣкогда самъ сообщилъ Россіи, какъ священный залогъ евангельскихъ талантовъ благому дѣлателю. Теперь, когда сіи пять талантовъ принесли другіе пять талантовъ усердіемъ трудившихся на нивѣ Господней, справедливо намъ подѣлиться ими съ старшею во Христѣ братіею, дабы всѣ вмѣстѣ, какъ вѣрные рабы, взошли въ радость Господа своего и вѣра Православная просіяла своимъ Каѳоличествомъ во вселенной чрезъ соборное единство Церкви многоплеменныхъ народовъ подъ единымъ Главою—Христомъ.

ПРОЩАНЬЕ СЪ КАЗАНЬЮ.

Послѣ радостнаго торжества мнѣ предстояла печальная разлука съ многоуважаемымъ пастыремъ Казани, о которомъ, конечно, упомянулъ бы царь Іоаннъ, исчисляя въ письмѣ своемъ добрыхъ пастырей, ему современныхъ, ежели бы и сей преемникъ Гурія жилъ въ ту эпоху. Онъ благословилъ меня въ своей келліи образомъ присныхъ ему святителей Гурія и Варсонофія, о памяти коихъ столько заботится, чтобы обновлена была въ сердцѣ гражданъ Казанскихъ; но ему хотѣлось еще дать мнѣ напутственное благословеніе въ обители Спасской при мощахъ святителя Варсонофія. Въ соборной церкви монастыря встрѣтилъ его архимандритъ со всѣмъ клиромъ и отслужилъ молебенъ святителю. Приложившись къ ракѣ и веригамъ угодника Божія, я еще однажды могъ любоваться благолѣпіемъ храма, украшеннаго съ чрезвычайнымъ вкусомъ нынѣшнимъ настоятелемъ. Кромѣ драгоцѣннаго убранства иконостаса и престола, замѣчательна въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ прозрачная икона Преображенія Господня, поражающая взоры при открытіи царскихъ вратъ. Съ малыми средствами онъ сдѣлалъ многое по усердію, которое умѣлъ возбудить въ гражданахъ.

Изъ соборной церкви мы пошли въ за-алтарную часовню, гдѣ обрѣтено было столько сокровищъ духовныхъ и еще многія хранятся, ибо тамъ рядомъ съ великими святителями, уже просіявшими нетлѣніемъ, положены были схимники Іона и Нектарій, присные первому пастырю Казани, и одинъ изъ величайшихъ его преемниковъ, митрополитъ Ефремъ, вѣнчавшій на царство Михаила, и два пришельца

Греческіе, здѣсь упокоившіеся отъ многихъ странствій. Съ благоговѣніемъ поклонились мы гробу великаго мужа Церкви, возбуждавшаго вѣрныхъ сыновъ Россіи ко спасенію отечества и замѣнившаго ей Гермогена, на чью каѳедру поступилъ въ Казани. Онъ преставился въ самый день Рождества Христова, и лѣто 7122 (1614) на его гробовой плитѣ свидѣтельствуетъ, что уже умиротворилась Россія, когда добрый пастырь отошелъ отъ временныхъ трудовъ своихъ на вѣчный покой. Какъ назидательна такая гробница для потомства! Успокоительны для сердца подлѣ столь великаго дѣлателя и скромныя могилы двухъ простыхъ иноковъ, каковы Іона и Нектарій, отецъ и сынъ, которые безъ всякихъ громкихъ подвиговъ, невѣдомые міру, спаслись единственно глубиною своего смиренія.

Мнѣ любопытно было узнать, кто же были два святителя Греческіе, пришедшіе на чужбину искать себѣ погребальнаго покоя близъ первыхъ великихъ пастырей Казани? Настоятель обители удовлетворилъ моему любопытству, по скольку сохранилась о нихъ память въ мѣстныхъ преданіяхъ. Одинъ изъ нихъ, епископъ Греческихъ странъ, Адрусской епархіи, Пелопонскаго острова, какъ гласитъ о немъ надпись, и судьба его облечена тайною. Вѣроятно, тяжкія смуты въ отечествѣ принудили его искать убѣжища въ Россіи, и онъ сперва въ Москвѣ, а потомъ перешелъ въ пустынь Макарьевскую близъ Свіяжска, гдѣ и скончался въ 1706 году. Искренняя дружба соединяла его съ благочестивымъ Тихономъ, митрополитомъ Казанскимъ. Узнавъ отъ него, что по нѣкоторому взаимному огорченію былъ онъ отлученъ патріархомъ Іерусалимскимъ Досиѳеемъ, хотя и не

состоялъ въ его церковной области, преосвященный Тихонъ озаботился доставить разрѣшеніе уже усопшему отъ настоящаго его архипастыря, патріарха Константинопольскаго, и, получивъ разрѣшительную грамоту, подписанную святѣйшимъ съ одиннадцатью архіереями, раскрылъ гробъ и положилъ ее въ руки усопшему другу, а списокъ съ грамоты велѣлъ хранить въ ризницѣ обители во свидѣтельство потомству. Какъ трогательно такое милосердное дѣйствіе и дружеская заботливость даже за предѣлами гроба. Видно, до какой степени благочестивый пастырь понималъ всю важность запрещенія и разрѣшенія святительскаго не только для сей жизни, но и для будущей.

«Мы еще менѣе знаемъ о другомъ почившемъ здѣсь святителѣ, сказалъ архимандритъ, потому что и самое лѣто его преставленія не начертано на гробовомъ камнѣ, хотя обозначенъ день смерти 19 апрѣля, память преподобнаго отца нашего Іоанна Ветхія Лавры, что въ Палестинѣ. Покрайней мѣрѣ онъ скончался въ день родственный ему по происхожденію сего отшельника святой земли, потому что погребенный здѣсь Епифаній принадлежалъ также къ области Іерусалимской, будучи архіепископомъ монастыря святой Голгоѳы, что на Краніевомъ мѣстѣ, какъ свидѣтельствуетъ надпись на камнѣ».

Это былъ, вѣроятно, монастырь Авраамовъ, извнѣ прилегающій къ Голгоѳѣ, которымъ теперь владѣютъ Коцты, потому что самая Голгоѳа находится внутри храма Воскресенія и не почитается отдѣльнымъ монастыремъ. Путнику Палестинскому знаменательно было обрѣсти въ дальней Казани невѣдомую гробницу архіепископа Голгоѳы, какъ бы нѣкій обломокъ Краніева мѣста, съ котораго распятый Господь про-

стеръ искупительныя длани свои ко всему міру, всѣхъ призывая ко спасенію. Между тѣмъ владыка стоялъ въ безмолвномъ созерцаніи надъ упраздненными гробами столь близкихъ его сердцу святителей Гурія и Варсонофія и спросилъ архимандрита: «что за остатокъ деревяннаго гроба поставленъ въ углу часовни, изъ котораго видно, что отдѣляютъ части?» но сколь радостно было его изумленіе, когда онъ услышалъ, что это остатокъ раки святителя Варсонофія. Самъ онъ, по недавности прибытія своего въ Казань, не зналъ еще о существованіи столь драгоцѣннаго сокровища, и чрезвычайною радостію утѣшилось его сердце при такомъ нечаянномъ открытіи. Архіепископъ велѣлъ настоятелю внести священную раку во внутрь самаго храма, гдѣ почиваютъ мощи святителя Варсонофія, дабы всѣ могли ее видѣть, какъ и раку преподобнаго Сергія въ Виѳаніи. «Здѣсь мы разстанемся, сказалъ онъ; нельзя было избрать для сего болѣе священнаго мѣста и утѣшительной минуты, когда обрѣтено для меня невѣдомое дотолѣ сокровище. Благословеніе святителей нашихъ да сопутствуетъ вамъ всегда на пути жизни».

Такъ мы разстались. Вечеромъ оставилъ я гостепріимный кровъ, гдѣ провелъ нѣсколько пріятныхъ дней. Солнце садилось, когда на обратномъ пути проѣхалъ я черезъ Казань и его багровыми лучами окрашены были бѣлыя башни кремля. Полная луна подымалась, когда переплывалъ я Волгу, и осеребрила широкія воды царственной рѣки: послѣднія впечатлѣнія Казани и ея окрестностей были столь же отрадны для сердца, какъ и первыя!

1848 г.

VIII.

АРЗАМАСЪ.

На обратномъ пути изъ Казани измѣнила мнѣ погода, дотолѣ благопріятная, и два дня, проведенные мною въ Нижнемъ, были почти какъ потеряны отъ безпрестанныхъ дождей. На сей разъ я уже остановился посреди ярмарки, но мало было жизни вокругъ, потому что кромѣ ненастья нѣсколько случаевъ холеры распространили невольное уныніе; только вечеромъ оживлялось общество въ нижнихъ галлереяхъ нашего жилища: тамъ нынѣшній начальникъ губерніи устроилъ въ бывшихъ пустыхъ переходахъ всѣ лучшія лавки Азіятскихъ товаровъ и развлекалъ музыкою народное собраніе. Мнѣ еще предстояла довольно трудная поѣздка въ Саровскую пустынь по испорченной отъ дождей дорогѣ такъ, что въ теченіе сутокъ едва я могъ достигнуть до Арзамаса, хотя онъ отстоитъ только на сто верстъ отъ Нижняго.

На разсвѣтѣ представился мнѣ этотъ замѣчательный городъ, исполненный благолѣпіемъ своихъ храмовъ, которые остались свидѣтелями еще недавняго цвѣтущаго состоянія его торговли и вмѣстѣ съ тѣмъ кореннаго благочестія его жителей. Многолюдная община, 35 церквей и соборъ, какимъ могла бы похвалиться даже столица по обширности его и великолѣпію:—можно ли ожидать такого духовнаго богатства отъ уѣзднаго города, въ которомъ нѣтъ и 9000 жителей? Хорошо, еслибы и новѣйшіе города наши подражали сему благому примѣру. Съ упад-

комъ кожевенной промышленности, которая составляла главный источникъ доходовъ Арзамаса, хотя и пустѣетъ городъ, но не оскудѣваетъ однако усердіе горожанъ къ родной святынѣ: цвѣтущее состояніе женской Алексѣевской общины свидѣтельствуетъ о ихъ духовномъ расположеніи.

Многое слышалъ я о сей знаменитой общинѣ, гдѣ до пятисотъ вдовъ и дѣвицъ, посвятившихъ себя на молитвы и рукодѣлія, представляютъ удивительный примѣръ благоустроенной обители; она держится только трудами и тѣмъ уваженіемъ, которое невольно внушаетъ безукоризненная жизнь многочисленныхъ сестеръ, иночествующихъ въ полномъ смыслѣ сего слова, хотя и безъ произнесенія обѣта. Есть еще двѣ такія общины въ окрестностяхъ Арзамаса: Ардатовская и Дивѣевская, недавно устроенная съ благословенія старца Саровской пустыни Серафима. Какъ бы особенная благодать Божія почиваетъ на сихъ предѣлахъ, гдѣ по сосѣдству Саровской и Санаксарской пустынь устроилось столько многолюдныхъ общинъ, руководимыхъ совѣтами старцевъ! Арзамасская обязана своимъ началомъ благочестивому труженику изъ дворянскаго рода Ушаковыхъ, отцу Ѳеодору, въ мірѣ Іоанну, который, находясь на службѣ царской при императрицѣ Елисаветѣ, оставилъ міръ, будучи пораженъ внезапною смертію одного изъ своихъ товарищей. Онъ тайно ушелъ изъ столицы и долго скитался по отдаленнымъ пустынямъ, доколѣ не былъ взятъ въ Кіевѣ, какъ не имѣвшій при себѣ вида. Узнавъ о его прежней службѣ по гвардіи, представили вольнаго инока императрицѣ; она же, по свойственному ей благочестію, только упрекнула его, за чѣмъ не открылъ

ей своего задушевнаго помысла, и разрѣшила ему постричься въ обители Невской. Множество учениковъ и ученицъ стали стекаться къ благоговѣйному иноку, возбуждая тѣмъ зависть братій, и для избѣжанія оной удалился Ѳеодоръ въ Саровскую пустынь. За нимъ послѣдовали многочисленные его ученики, посему иноки Саровскіе посовѣтовали ему испросить для своей общины приходившую тогда въ упадокъ Санаксарскую пустынь того же уѣзда. Послушался ихъ совѣта отецъ Ѳеодоръ, и, будучи посвященъ въ іеромонахи, сдѣлался настоятелемъ Санаксарскимъ.

Но его заботила безпріютная участь многочисленныхъ ученицъ, которыя также все оставили, чтобы идти вслѣдъ за нимъ, и онъ испросилъ для нихъ у духовнаго начальства недавно упраздненную въ Арзамасѣ женскую Алексѣевскую обитель, гдѣ свободно могли онѣ помѣститься. Число ихъ возросло до 150 еще при жизни отца духовнаго, который часто ихъ навѣщалъ, чтобы пользовались его совѣтами. Онѣ не приняли на себя монашескихъ обѣтовъ, но правила, данныя имъ отцемъ Ѳеодоромъ, были строже всякаго обѣта и доселѣ исполняются съ чрезвычайною точностію.

Все у нихъ должно быть общее и послушаніе настоятельницѣ безусловное; она же обязана съ кротостію и благоразуміемъ наблюдать за нравомъ каждой сестры для сохраненія мира и удаленія нерадивыхъ. Не имѣя никакихъ окладовъ или угодій, община содержится единственно трудами рукъ своихъ и прославилась ими во всѣхъ краяхъ Россіи, особенно золотошвейнымъ искусствомъ; каждая сестра по своей способности шьетъ или прядетъ, или тчетъ холстъ, и это въ теченіе цѣлаго дня до глубокаго

вечера, а для того, чтобы не было между ними суетныхъ бесѣдъ, одна грамотная читаетъ въ слухъ духовную книгу. Послѣ общей трапезы онѣ вмѣстѣ поютъ вечерню, повечеріе и читаютъ три канона Господу, Богоматери и Ангелу хранителю съ пятидесятью земными поклонами и молитвами на сонъ грядущихъ. По полуночи опять собираются для чтенія утреннихъ молитвъ и псалтыря съ помянникомъ за усопшихъ и потомъ всѣ расходятся къ рукодѣльямъ. Въ церковь къ литургіи всѣ обязаны ходить по праздникамъ и стоятъ отдѣльно на хорахъ; въ будни же ходятъ только престарѣлыя и тѣ, которыя болѣе свободны; клиросное пѣніе не лежитъ на нихъ, такъ какъ онѣ не пострижены, и служба церковная не составляетъ ихъ главной обязанности.

Я еще засталъ раннюю обѣдню въ лѣтнемъ великолѣпномъ храмѣ Арзамасской общины; дряхлый старецъ, священникъ совершалъ ее и едва былъ слышенъ дрожащій его голосъ; только два причетника пѣли на клиросѣ и одна сестра прислуживала вмѣсто пономаря; нѣсколько старицъ молились въ сторонѣ, а прочія были на работѣ. Я просилъ одну изъ сестеръ доложить обо мнѣ настоятельницѣ, а между тѣмъ показать мнѣ церковь, и былъ изумленъ богатствомъ ея украшеній; но еще удивительнѣе было то, что все сіе убранство, не говоря о ризахъ и златошвейныхъ пеленахъ и плащаницахъ, даже самыя иконы и ихъ рѣзныя рамы и позолота,—все устроено женскими руками, потому что между ними есть искусные иконописцы и рѣщики. Всѣ сіи художества еще украшены строгою жизнію тѣхъ, которыя занимаются ими для благолѣпія храмовъ и на пользу ближнихъ. Что сказать о такой общинѣ, состоящей изъ пяти

сотъ благочестивыхъ сестеръ, которыя сами себѣ снискиваютъ молитвенно пропитаніе трудами рукъ своихъ? Вотъ истинно христіанское общежитіе, основанное на послушаніи Богу и настоятельницѣ.

Она приняла меня съ радушіемъ, уже престарѣлая и болѣзненная, Марѳа по имени, столь же заботливая, какъ и евангельская сестра Лазаря, но избравшая себѣ и благую часть, подобно Маріи; съ трехлѣтняго возраста принесена она была въ обитель и въ ней получила духовное образованіе, которое въ свою очередь передаетъ другимъ, потому что умѣла пріобрѣсть общее уваженіе во всей окрестности по своимъ истинно христіанскимъ добродѣтелямъ. Добрая настоятельница позволила мнѣ осмотрѣть свои общественныя заведенія, трапезу и больничную церковь, и благословила въ путь иконою Владимірскою, рукодѣлья общины, которая останется у меня памятію сего замѣчательнаго христіанскаго братства. Я поспѣшилъ далѣе въ Саровскую пустынь за 60 верстъ отъ Арзамаса, уже въ Тамбовской губерніи.

IX.

САРОВСКАЯ ПУСТЫНЬ.

Густой лѣсъ, начинаясь отъ предѣловъ Тамбовской губерніи, представлялся все болѣе и болѣе дремучимъ по мѣрѣ приближенія къ Саровской пустыни. Узкая дорога поворотила круто влѣво отъ большаго Темниковскаго пути, въ самую чащу бора, и тамъ еще три версты пролегала между вѣковыхъ деревъ по глубокому песку. Должно было ожидать чего-либо необычайнаго въ такой дикой глуши, созданной для

жилища отшельниковъ, и оно внезапно открылось сквозь рѣдѣющія вѣтви. Съ первымъ нечаяннымъ звукомъ колокола, призывавшаго къ вечерни, столь же нечаянно прорѣзалась между двухъ исполинскихъ сосенъ величавая колокольня, и вся бѣлая обитель явилась изумленнымъ взорамъ посреди зеленой поляны, при устьѣ двухъ малыхъ рѣчекъ, омывающихъ подножіе ея пустыннаго холма. Зрѣлище было чудно; ярко облиты были всѣ предметы вечерними лучами солнца. Я ждалъ убогой пустыни, и вотъ мнѣ предстала великолѣпная лавра, на подобіе Сергіевой, но лавра только по наружности со всѣмъ внутреннимъ убожествомъ общежительной пустыни, хотя и съ благолѣпными храмами. Первый взглядъ на нее уже удовлетворялъ сердце, потому-ли, что давно жаждало оно насладиться уединенною святынею, отколѣ истекло столько великихъ свѣтильниковъ по всей землѣ Русской, или просто, по тайному безотчетному чувству, которое невольно располагаетъ насъ къ одному предмету скорѣе и ближе, чѣмъ къ другимъ.

Я перешелъ длинный мостъ чрезъ быстрый Сатисъ, и, какъ бы по зову колокола, поднялся на живописный холмъ ко вратамъ обители. — «Не васъ ли мы ожидаемъ»? привѣтливо спросилъ меня повстрѣчавшійся со мною монахъ и повелъ въ прекрасную гостинницу у самой ограды; оттуда открылась мнѣ очаровательная картина на всю поляну и на теченіе обѣихъ соединяющихся рѣкъ въ объемѣ мрачной дубравы. Я забылъ усталость труднаго пути изъ Нижняго и поспѣшилъ въ главный соборъ къ малой вечерни. Новое изумленіе ожидало меня при видѣ столь великолѣпнаго храма въ такомъ дикомъ уединеніи. Не многіе города могутъ похвалиться по-

добными зданіями, и однако первымъ краеугольнымъ камнемъ послужила ему пустынная молитва забытаго отшельника въ непроходимой тогда дебри! Невольное умиленіе раждается въ душѣ при такомъ воспоминаніи начальнаго убожества и нынѣшняго величія. Истинны слова черноризца Печерскаго о тѣхъ обителяхъ, которыя воздвигаются не златомъ и сребромъ, но молитвеннымъ по́томъ пустынножителей; начиная отъ лавры Печерской, по всей Россіи исполняется его незабвенное слово въ теченіе многихъ вѣковъ, и еще, конечно, исполняться будетъ, доколѣ будетъ цвѣсти благочестіе и стоять на этомъ твердомъ основаніи святая Русь!

Какая же обитель возникла внезапно въ дремучихъ лѣсахъ Темниковскихъ и что тутъ было прежде?—Тутъ былъ татарскій городъ Сараклы одного изъ подвластныхъ князей Золотой Орды; послѣдній владѣтель Беканъ жилъ тутъ во дни великаго князя Донскаго, обладая многими окрестными городами и селеніями, но и онъ принужденъ былъ удалиться за рѣку Мокшу въ село Конгушъ отъ безпрестанныхъ нападеній на столь дикое мѣсто: родъ князей Кугушевыхъ ведетъ отъ него свое начало. На старомъ же городищѣ остались земляной валъ и глубокіе рвы съ четырьмя городцами на вершинѣ холма, укрѣпленнаго самою природою при сліяніи двухъ рѣкъ. Кто же вступилъ во владѣніе брошенной твердыни князя Ордынскаго?—пустынножители, безвѣстные міру, но знаемые Богу, которыхъ жизнь, по глубокому выраженію апостола Павла, сокрыта была со Христомъ въ Богѣ (Колосс. III, 3). Не вмѣстѣ они жили, но одинъ другому передавали молитвенное свое уединеніе: имя перваго—Ѳеодосій,

сладостное въ мірѣ иноческомъ и какъ бы необходимое для положенія начала всякому общежитію, какъ въ Палестинѣ, такъ и въ предѣлахъ нашего отечества. Герасимъ, достойный соименникъ Іорданскаго, наслѣдовалъ Ѳеодосію и освятилъ своими добродѣтелями мѣсто, котораго будущая слава открыта была ему въ свѣтлыхъ видѣніяхъ. Иларіонъ, юный годами, былъ преемникомъ Герасиму и напомнилъ собою лице перваго пещерника Кіевскаго, потому что и онъ сталъ рыть себѣ подземную келлію въ ребрахъ холма Татарскаго, какъ нѣкогда тотъ не убоялся продолжать Варяжскія пещеры, быть можетъ, и здѣсь какіе либо темные склепы Ордынцевъ навели на первую мысль о пещерахъ, которыя обратились впослѣдствіи въ келліи иноковъ. Достойно вниманія, что и сей древній Иларіонъ, бывшій митрополитомъ Кіевскимъ, явился въ сонномъ видѣніи юному труженику и благословилъ его на подвигъ.

Хотя отшельники сіи не оставались до исхода дней своихъ въ избранномъ ими жилищѣ, по трудности жительства посреди столь дикихъ лѣсовъ,— однако они передавали другъ другу таинственное преданіе о будущей славѣ этого мѣста: она имъ представлялась въ видѣніи свѣта неземнаго на томъ мѣстѣ, гдѣ потомъ сооружены храмы; она имъ слышалась въ тайномъ звукѣ невидимаго колокола, вѣстника грядущаго благовѣста; такъ почти всегда таинственно пророкались имѣющія возникнуть обители со временъ самыхъ отдаленныхъ и до нынѣшнихъ. Нечаянное обрѣтеніе мѣднаго креста однимъ поселяниномъ въ разрытыхъ имъ окопахъ назначало мѣсто сіе для будущихъ святилищъ. Насталъ завѣтный часъ прочнаго основанія пустыни,

и явился мужъ, на то предназначенный, котораго уже не устрашили страхованія ночныя и коварныхъ человѣковъ озлобленія; онъ принялъ благословеніе Иларіона, сдѣлавшись ученикомъ его, и безвыходно поселился въ его келліи, вѣруя, что уже подобаетъ прославиться этому мѣсту, потому что и его самого посѣщали откровенія свыше. И въ какое время помыслилъ онъ совершить это предпріятіе?—когда упразднялись многія вѣковыя обители, какъ бы отжившія свои годы, и самое монашество, казалось, умалялось. Тогда суждено было, вопреки помышленіямъ человѣческимъ, прозябнуть этому новому сѣмени иночества, глубоко пустить свои корни въ почву Русскую и возрасти въ великое древо посреди дремучей дубравы; иноками, исшедшими изъ-подъ ея сѣни, должны были обновиться многія упраздненныя обители и освѣжиться поблекшія пустыни, такъ что дремучій боръ Саровскій сдѣлался разсадникомъ иноковъ по всей Руси.

Іоанномъ звался въ мірѣ и въ схимѣ этотъ первоначальникъ Саровскій, Исаакіемъ въ постриженіи иноческомъ, и происхожденіе его было самое убогое: онъ былъ сынъ причетника села Краснаго подъ Арзамасомъ, но уже съ пятнадцатилѣтняго возраста посвятилъ себя на служеніе Богу въ Введенскомъ монастырѣ своего родоваго города; это было въ 1689 году. Отецъ его постригся также въ монашество подъ именемъ Ѳеофана. Три года спустя, при послѣднемъ патріархѣ Адріанѣ, рукоположенъ былъ Исаакій митрополитомъ Сарскимъ и Подонскимъ Евѳиміемъ въ іеромонаха Темниковскаго Санаксарскаго монастыря; но душа его стремилась къ безмолвію пустынному. Онъ удалился въ дремучіе

лѣса Саровскіе къ отшельнику Иларіону, получивъ отъ него пустынное наслѣдство его пещеръ.

Не легко было принять на себя такой подвигъ, который не перенесли многіе прежде него любители сего дикаго уединенія, ибо, какъ говоритъ псалмопѣвецъ о искушеніяхъ духовныхъ, наипаче страшныхъ въ одиночествѣ: «стрѣлы сильнаго изощрены со угльми пустынными» (Псал. 119). Но бодрый воинъ Христовъ не сказалъ съ прежде бывшими отшельниками сего мѣста: «увы мнѣ, яко пришельствіе мое продолжися!» и хотя нѣсколько разъ оставлялъ оное, чтобы подкрѣпляться общеніемъ человѣческимъ въ окрестныхъ обителяхъ, однако опять и опять возвращался на избранное имъ поприще, твердо положивъ въ душѣ своей: или одержать на немъ совершенную побѣду надъ вражескими искушеніями, или умереть на мѣстѣ своего подвига; онъ зналъ по словамъ апостольскимъ: «что брань его была не съ кровію и плотію, но съ міроправителями тьмы вѣка сего, съ духами злобы поднебесными» (Ефес. VII, 12). Замѣчательно сказаніе сего подвижника о тѣхъ страхованіяхъ ночныхъ и томленіяхъ духовныхъ, которымъ онъ подвергался въ своей тяжкой борьбѣ; но чрезвычайное его смиреніе не позволило ему назвать самого себя, и онъ приписалъ все съ нимъ бывшее другому подвижнику, Иларіону, котораго называетъ юнымъ монахомъ; нѣтъ сомнѣнія однако, что этотъ юный монахъ былъ самъ Исаакій. Еще замѣчательно чрезвычайное сходство всѣхъ сихъ пустынныхъ бореній Саровскаго отшельника съ тѣми, какія испыталъ за двѣнадцать до него столѣтій иной пустынникъ палестинскій, блаженный Іеронимъ, хотя конечно Исаакій не имѣлъ

случая прочесть его краснорѣчивыхъ писемъ къ вельможамъ Римскимъ. Такое сходство искушеній и чрезвычайная трудность въ ихъ преодолѣніи показываетъ, какъ много должно испытывать себя иноку и усовершенствоваться въ братской обители: умиротворившись вполнѣ съ людьми и самимъ собою, прежде нежели выступить на состязаніе духовное съ иными болѣе опасными врагами, потому что тогда при утонченіи плотскихъ нашихъ ощущеній изъ невидимыхъ они дѣлаются видимыми, а сочувствіе инаго міра не всякому бываетъ по силамъ!

Иногда представлялось ему цѣлое полчище непріязненныхъ, съ воплями хотящихъ изгнать его изъ дебри, будто бы имъ принадлежащей; иногда казалось, что его мать и ближайшіе родственники съ плачемъ приступаютъ къ нему, умоляя оставить неудобоисполнимый помыслъ и возвратиться на жительство въ обитель, гдѣ и они могли бы пользоваться его бесѣдою. Но еще томительнѣе была внутренняя буря сердца, которое будто сжималось въ груди отъ невыносимой тоски и убійственнаго унынія, поражавшаго душу и тѣло какимъ-то мертвеннымъ оцѣпенѣніемъ, и самая молитва не всегда въ силахъ была разогнать тоску сію; тогда наипаче представлялось опять воображенію все красное міра и все облегчительное жизни общественной; келлія пустынная дѣлалась ненавистною, какъ смрадная темница, и даже чувствительный смрадъ наполнялъ ее внезапно, такъ что отшельникъ принужденъ былъ бѣжать изъ нея на свѣжій воздухъ; а если возвращался черезъ силу, всякое рукодѣліе и чтеніе дѣлались совсѣмъ невозможными отъ глубокаго унынія.

Напрасно иногда чаялъ онъ Бога, спасающаго, по словамъ псалма, отъ малодушія и отъ бури, когда удалялся, бѣгая, и водворялся въ пустыни; бывали однако и такія минуты, въ которыя возбудившаяся душа преодолѣвала искушенія пламенною молитвою, но надобно было строго блюсти за собою, чтобы не поддаваться малодушію внутреннему и страхованіямъ внѣшнимъ.

Однажды такъ сильно было волненіе духа юнаго отшельника, что вся его пустынная келлія, казалось, какъ бы колебалась вокругъ него и самъ онъ весь, отъ головы до ногъ, будто объятъ былъ пламенемъ и пораженъ лютою болѣзнію. Въ ужасѣ, схвативъ икону Пречистой Дѣвы, устремился онъ въ другую пустынную келлію, далеко отъ него отстоявшую на лѣсномъ городищѣ, гдѣ обиталъ иной отшельникъ, по имени Герасимъ, и тотъ, оградивъ его знаменіемъ крестнымъ, успокоилъ мало по малу его душевное смятеніе.—Кто же былъ сей Герасимъ?—вотъ опять разительный примѣръ, какъ слаба природа наша безъ всемогущей благодати Божіей, и какъ посему недостаточно одного произволенія для высшаго состоянія иноческаго; но съ другой стороны примѣръ этого Герасима научаетъ насъ и не осуждать ближнихъ нашихъ, если не успѣваютъ они въ своемъ благомъ намѣреніи, когда оно имъ не по силамъ. Отшельникъ сей, котораго не должно смѣшивать съ первымъ того же имени, съ молодыхъ лѣтъ пожелалъ безмолвія, не побѣдивъ своихъ страстей въ общежитіи. Онъ испросилъ у настоятеля обители, гдѣ пребывалъ, дозволенія заключиться въ затворъ, потому что почиталъ уже себя совершеннымъ старцемъ; но бѣжалъ въ первую ночь заключенія по страху

привидѣній и, стыдясь принести искреннее сознаніе въ своемъ малодушіи, сталъ скитаться по окрестнымъ монастырямъ, доколѣ опять прежнее самонадѣянное желаніе не повлекло его въ пустыню. Онъ устроилъ себѣ келлію въ лѣсахъ Саровскихъ на городищѣ и тамъ нѣкоторое время ревностно подвизался; но и на него напала тоска одиночества со всѣми ея ужасами и, не въ силахъ будучи перенести стрѣлы сильнаго, изощряемыя углями пустынными, онъ искалъ развлеченія иногда въ окрестныхъ обителяхъ, иногда въ ближайшихъ селеніяхъ; тамъ совершенно возобладали имъ страсти. Однако прежнее доброе начало опять извлекало его изъ состоянія чувственности; онъ на краткое время опять бѣжалъ въ пустыню и ревностно принимался за молитвенные подвиги; но уже, не имѣя мира съ самимъ собою, не имѣлъ его и съ ближними. Завидуя совершенствамъ духовнымъ Исаакія и пришедшаго поселиться съ нимъ другаго инока Палладія, онъ наносилъ имъ много оскорбленій, которыя оба съ благодушіемъ терпѣли, помня завѣщаніе псаломное «съ ненавидящими мира бѣхъ миренъ». Непріязнь его особенно была для нихъ чувствительна, когда внезапный пожаръ истребилъ собственную ихъ келлію и они принуждены были на время помѣститься вмѣстѣ съ Герасимомъ; но уже, не въ силахъ будучи переносить его притязательнаго нрава, поселились въ оставленной пещерѣ Иларіоновой и распространили ее собственными трудами. Наконецъ Герасимъ удалился совершенно изъ ихъ пустыни и безъ вѣсти исчезъ въ мірской суетѣ. Отшельники же продолжали свой подвигъ, и, когда Палладій перешелъ на жительство въ обитель, Исаакій одинъ подвизался въ

пустынѣ, побѣдивъ совершенно постомъ и молитвою всякія искушенія, потому что надъ нимъ исполнилось благодатное слово Евангельское о побѣдѣ надъ демономъ: «сей же родъ ничимъ же можетъ изыти токмо молитвою и постомъ» (Марка IX, 29).

Семь полныхъ лѣтъ провелъ въ уединеніи Исаакій, назидая словомъ и дѣломъ приходящихъ къ нему и обращая иногда изъ раскола самыхъ закоснѣлыхъ. Такимъ образомъ одинъ приведенный имъ на путь истинный поселянинъ былъ имъ постриженъ подъ именемъ Иринея, и ему оставилъ онъ свое пустынное наслѣдіе, когда братство Введенской обители въ Арзамасѣ, гдѣ самъ вначалѣ постригся, убѣдило его принять надъ ними настоятельство. Но, будучи игуменомъ, не переставалъ Исаакій радѣть о своихъ духовныхъ чадахъ пустыни, потому что къ ревностному Иринею стали мало по малу собираться иноки, а по смерти его другой ученикъ Аѳиногенъ со старцами Паисіемъ и Іоасафомъ и нѣкоторыми послушниками продолжали образовать изъ себя пустынное семейство Саровское. Тогда Исаакій возымѣлъ мысль устроить для нихъ церковь и обитель, хотя самъ, богатый только нищетою Евангельскою, не располагалъ ни малѣйшими для того средствами. Можетъ быть, ему и не пришла бы на мысль возможность предпринять столь великое дѣло, если бы самая необходимость къ тому не побудила, ибо тогда вышелъ строгій указъ, чтобы всѣ монашествующіе жили въ монастыряхъ; живущихъ же въ лѣсахъ, тамъ гдѣ нѣтъ церквей и ограды, велѣно было почитать за раскольниковъ. Такимъ образомъ то, что по видимому должно было подсѣчь до са-

маго корня зараждавшееся братство, послужило къ его утвержденію.

Весьма трудно было пріобрѣсти землю для новой обители и согласить окрестныхъ помѣщиковъ уступить подъ нее свои участки, на которые многіе имѣли притязаніе безъ всякаго права. Исаакій вызвалъ изъ пустыни ученика своего Афиногена и, поручивъ ему Введенскую обитель, самъ пошелъ умолять большихъ и малыхъ владѣтелей отступиться отъ своего лѣснаго владѣнія въ пользу церкви. Онъ началъ съ князей Кугушевыхъ, которымъ, по преданію, принадлежало пустое городище, и по счастію нашелъ въ нихъ себѣ покровителей. Тогда поспѣшилъ въ Москву, чтобы тамъ испросить благословенную грамоту отъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола митрополита Стефана, и безъ труда получилъ оную на сооруженіе храма Живоноснаго Источника. Ему такъ пришло на мысль по близости источника въ пещерѣ Иларіоновой, и потому что хотѣлъ посвятить пустынь свою Матери Божіей. Но не такъ легко было привести въ исполненіе благочестивое желаніе, ибо безъ указа царскаго объ отводѣ ему земли подъ церковь нельзя было приступить къ строенію, а чтобы получить указъ, надобно было предварительно засвидѣтельствовать въ Арзамасскомъ судѣ добровольную уступку всѣхъ помѣщиковъ; но въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ все побѣдило ревностное стараніе старца.

Успѣшное обращеніе Заволжскихъ раскольниковъ, которые пожелали имѣть Исаакія своимъ пастыремъ, отвлекло его на время отъ устройства новой обители, потому что онъ по чувству христіанскаго долга не хотѣлъ оставить безъ руководства

новообращенныхъ; но Богъ послалъ ему на пути въ Москву опытнаго для нихъ наставника въ строителѣ монастыря Переяславльскаго Питиримѣ, который взялся быть ихъ руководителемъ. Сей Питиримъ, сдѣлавшись впослѣдствіи епископомъ Нижегородскимъ, написалъ Пращицу духовную и прославился обращеніемъ большей части раскольниковъ своей епархіи къ свѣту православія. Между тѣмъ Исаакій могъ заняться исполненіемъ давняго, многолѣтняго своего желанія и приступить къ сооруженію церкви близъ того мѣста, гдѣ прежде устроена была имъ самимъ часовня въ предзнаменованіе грядущей обители. Въ іюнѣ 1706 года имѣлъ онъ наконецъ утѣшеніе видѣть храмъ Божій на давно забытомъ городищѣ посреди глухой дебри.

Замѣчательно было быстрое сооруженіе сей первой церкви; собственными его трудами и всего братства—въ пятьдесятъ дней она уже была готова къ освященію, и, какъ скоро разнеслась о томъ вѣсть по окрестности, отовсюду собрались многія тысячи боголюбивыхъ людей, которые принесли съ собою всю нужную утварь для храма, даже колокола, и самую пищу для столь многолюднаго собранія. До такой степени пламенно усердіе въ сердцѣ народа Русскаго, и стоитъ только возбудить въ немъ благочестивую искру, чтобы просіяло сіе духовное пламя. Страшный пожаръ, опустошившій вокругъ необъятные лѣса Саровскіе, проникнулъ и въ зачинавшуюся обитель и къ чрезвычайному огорченію братіи истребилъ келліи и ограду, исключая одной только церкви Живоноснаго Источника. Не упалъ однако духомъ бодрствовавшій настоятель; онъ немедленно приступилъ съ тою же ревностью къ обновленію

утраченнаго, и руками иноковъ воздвиглись опять изъ пепла прежнія зданія. Въ 1711 году довершилъ онъ начатыя еще отшельникомъ Иларіономъ пещеры въ холмѣ Саровскомъ съ церковію во имя преподобныхъ Печерскихъ Антонія и Ѳеодосія и съ помощію двухъ царственныхъ благодѣтельницъ, великихъ княженъ Маріи и Ѳеодосіи Алексѣевенъ, освятилъ подземный храмъ. Окрестные жители съ неудовольствіемъ смотрѣли на возникавшее братство среди лѣсовъ, гдѣ дотолѣ безпрепятственно занимались звѣриною ловлею и пчеловодствомъ, истребляя вѣковые лѣса, и самый пожаръ, прикоснувшійся обители, едва ли не былъ дѣломъ зависти. Однако все умиряетъ кротость и терпѣніе, и прежніе враги сдѣлались усердными помощниками старца.

Тогда сталъ онъ помышлять о духовномъ устройствѣ обители на будущія времена утвержденіемъ въ ней общежительнаго устава и просилъ мѣстоблюстителя патріаршаго благословить его намѣреніе. Проникнутый самъ любовію къ иночеству, Стефанъ укрѣпилъ рукою властною строгій уставъ Саровскій и въ грамотѣ своей изъяснилъ столько же для новаго братства, сколько и для новаго міра, уже начинавшаго чуждаться жизни иноческой, въ чемъ состоятъ истинные ея обѣты.

«Угождать Богу Всемогущему, пишетъ онъ, благоразумные христіане старались различными образами, испытывая, по глаголу Павлову, что есть воля Божія, дабы исполнять ее во всякомъ состояніи и званіи по мѣрѣ силъ своихъ. Сего ради, дабы открыть удобный путь къ горней жизни, нѣкоторые, горящіе духомъ люди Господни, избрали себѣ житіе цѣломудренное: одни въ дѣвственномъ состояніи,

другіе послѣ честнаго брака удалялись въ монастыри, оставивъ семейства и имущества, и уединялись въ мѣста пустынныя далеко отъ суеты мірской, дабы приближаться къ Богу въ непрестанной молитвѣ, въ постѣ и воздержаніи. Какъ бывало сіе въ древніе годы, такъ и въ нынѣшнее лѣто устроилась новая обитель старцемъ Исаакіемъ въ предѣлахъ Арзамасскихъ на старомъ городищѣ Сатиса и Сарова. Съ нашего благословенія и по указу благовѣрнаго Государя соорудилъ онъ тамъ церковь во имя Пресвятыя Богородицы, и собравшіеся къ нему братія ради любви Божіей, поста и молитвъ восхотѣли уставить между собою житіе общее, дабы ничего не имѣть имъ въ келліяхъ своихъ, кромѣ необходимой одежды: никто не можетъ назвать что-либо своимъ, но все у нихъ должно быть общественное, начиная отъ трапезы. Лобызая пустынное безмолвіе, они должны быть въ совершенномъ послушаніи настоятеля, и безъ его благословенія не выходить за ограду, даже для свиданія съ родственниками; пѣніе церковное и правило келейное исправлять имъ вмѣстѣ во всякомъ благочиніи и никакого вклада и ни единой вещи не принимать на свое лице, но все отдавать въ казну монастырскую, дабы не было распри или превозношенія, ибо всѣ они должны быть равны между собою. Посему и азъ, смиренный Стефанъ, далъ имъ сію утвердительную грамоту, да работаютъ Господу въ страхѣ и радуются ему съ трепетомъ, содѣлывая свое спасеніе по слову псаломскому и апостольскому, и какъ святые отцы въ Церкви святой утвердили, дабы чрезъ то сподобиться имъ вѣчной жизни во Христѣ Іисусѣ.»

Положивъ такимъ образомъ прочное духовное основаніе своей пустыни, озаботился старецъ Исаакій о томъ, чтобы дать ей средства къ существованію на будущія времена. Ласковымъ обращеніемъ и любовію пріобрѣлъ онъ отъ сосѣднихъ помѣщиковъ многочисленные вклады въ обитель не столько деньгами и вещами, сколько землями, лѣсами и рыбными ловлями, потому что всѣ были проникнуты благоговѣніемъ къ подвижнической жизни настоятеля и братіи. и многимъ послужила она назидательнымъ примѣромъ ко спасенію души; слава о томъ распространилась по всей Россіи. Указомъ императрицы Анны Іоанновны всѣ эти земли утверждены были вѣчно за обителью въ 1740 году, такъ какъ она не имѣла никакихъ другихъ средствъ къ своему пропитанію, и этотъ богатый участокъ лѣса доселѣ сохранился монастырю, а чрезъ то сохранился и самый лѣсъ, потому что не смѣла коснуться его рука окрестныхъ жителей, истребившихъ свои лѣса.

Исаакій положилъ при себѣ основаніе каменной соборной церкви во имя Успенія Богоматери и, чувствуя изнеможеніе силъ своихъ, избралъ въ настоятели вѣрнаго своего сподвижника Дороѳея, который раздѣлялъ съ нимъ дикое его уединеніе; самъ онъ пожелалъ провести остатокъ дней въ безмолвной молитвѣ. Прежнее имя Іоанна возвратилось ему съ воспріятіемъ схимы. Это было въ 1730 году; казалось, онъ сдѣлалъ все, что только могъ для пустыни Саровской, упрочивъ не только настоящее, но и будущее ея благосостояніе, и могъ въ мирѣ закрыть глаза свои посреди благоговѣвшей къ нему братіи, но Промыслъ Божій судилъ о немъ иначе, и послѣ семилѣтняго отдыха восьмидесятилѣтнему старцу

предстояло послѣднее искушеніе, лишившее его любимой имъ пустыни, а пустынь драгоцѣннаго праха своего первоначальника. Въ послѣдніе годы царствованія Анны Іоанновны пришелъ въ пустынь Саровскую одинъ изъ придворныхъ служителей въ послушники и принесъ съ собою безъ всякаго умысла въ числѣ своихъ бумагъ копію съ манифеста Петра Великаго о престолонаслѣдіи, по которому должна была законно наслѣдовать императрица Елисавета, что вскорѣ и совершилось. Неосторожный послушникъ промолвился о томъ нѣкоторымъ изъ братій и въ числѣ ихъ старцу Ефрему, одному изъ сподвижниковъ строителя Іоанна. Оба они присовѣтовали новому пришельцу не держать у себя столь опасной грамоты; но послушникъ по своей преданности къ будущей императрицѣ не хотѣлъ истребить акта, и упросилъ простодушныхъ старцевъ позволить ему укрыть грамоту сію гдѣ-либо въ церкви подъ великою тайной; однако тайна не укрылась отъ одного изъ недоброжелателей строителя, и, когда дряхлый старецъ думалъ только о мирной кончинѣ, внезапно противъ всякаго чаянія онъ былъ вытребованъ вмѣстѣ съ Ефремомъ въ сѣверную столицу. Пораженный столь тяжкимъ измѣненіемъ духовнаго своего мира, схимникъ Іоаннъ скончался вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ 4 іюля 1737 года, и тамъ безвѣстно былъ погребенъ при церкви Преображенія, что въ Колтовской. Испуганная братія его пустыни не озаботилась въ первые годы испросить себѣ тѣло своего первоначальника; впослѣдствіи же напрасно искали его могилу въ числѣ другихъ безъименныхъ около церкви.

Горькая участь постигла и вѣрнаго ученика Іоаннова, Ефрема, который былъ лучшимъ его по-

мощникомъ по устроенію пустыни и назидалъ братію благимъ примѣромъ, удѣляя свободное время отъ богослуженія на переписку церковныхъ книгъ, доселѣ употребляемыхъ въ обители. Его лишили священства и сослали на жительство въ городъ Оренбургъ, гдѣ онъ провелъ 16 лѣтъ въ тяжкомъ заточеніи пономаремъ при крѣпостной церкви, безропотно перенося судьбу свою, хотя съ восшествіемъ на престолъ императрицы Елизаветы одна его просьба могла бы возвратить ему утраченное! Но праведный мужъ во глубинѣ своего смиренія находилъ болѣе для себя духовной пользы въ безусловной покорности Промыслу Божію, и на его волю предоставлялъ будущую участь. Въ свое время просіяла его добродѣтель необычайнымъ образомъ. Однажды случилось убогому пономарю Ефрему, копая землю, открыть богатый кладъ, и онъ принесъ его военному начальству, не изъявляя ни малѣйшаго желанія получить себѣ какую либо часть изъ пріобрѣтеннаго сокровища. Такое безкорыстіе простаго пономаря изумило начальство и невольно обратило на него вниманіе. Узнали, кто былъ Ефремъ и, поднявъ бывшее о немъ дѣло, открыли совершенную его невинность, какъ бы тотъ кладъ, который самъ ему нечаянно открылся для обличенія правды. Указомъ Святѣйшаго Синода освобожденъ былъ страдалецъ Ефремъ изъ дальняго заточенія, и санъ священства по его невинности признанъ въ немъ неутраченнымъ, а четыре года спустя единодушное желаніе всего братства Саровскаго возвело его на степень настоятеля, которую онъ сохранилъ до глубокой старости.

Но до тѣхъ поръ нѣсколько строителей изъ ближайшихъ учениковъ первоначальника смѣнились

одинъ за другимъ въ его пустыни по краткомъ управленіи, какъ бы въ ожиданіи настоятельства сего мужа, испытуемаго покамѣстъ огнемъ искушенія. Дороѳей, избранный самимъ Іоанномъ, управлялъ всѣхъ долѣе, 17 лѣтъ, и довершилъ начатое имъ строеніе соборнаго храма Успенія и каменную колокольню съ церковью Архангеловъ и больничныя келліи съ домовою при нихъ церковью Соловецкихъ чудотворцевъ. Совершивъ такимъ образомъ и упрочивъ всѣ предположенія любимаго свого наставника, и онъ подражалъ его примѣру, облекшись въ схиму подъ именемъ Димитрія уже въ 70-ти лѣтнемъ возрастѣ. Схимникъ избралъ на свое мѣсто скромнаго Филарета родомъ изъ дворянъ Смоленскихъ, человѣка опытнаго, который успѣлъ въ короткое время своего управленія отразить неправильныя притязанія сосѣднихъ помѣщиковъ, когда они начали строить винокурни за версту отъ обители на землѣ, за нею утвержденной указомъ царскимъ. Тогда были опредѣлены и размежованы ея лѣсные участки, и уже съ тѣхъ поръ не подвергалась она подобной опасности отъ неблагонамѣренныхъ людей. Памятью Филарета осталась каменная теплая церковь во имя Живоноснаго Источника на мѣсто первой деревянной. Преемникъ его Маркеллъ, имъ самимъ избранный, и другой строитель Прокопій не оставались долго на мѣстахъ своихъ, переводимые властію архіерейскою въ иныя обители, болѣе почетныя по сану архимандрита, хотя и менѣе любезныя ихъ сердцу; но и они успѣли соорудить двѣ церкви, святителя Николая надъ святыми вратами и Іоанна Предтечи у входа въ пещеры Иларіоновы надъ источникомъ. Тогда вступилъ въ давно предназна-

ченное ему правленіе обители благочестивый старецъ Ефремъ въ 1758 году.

Никто лучше Ефрема не могъ управить обителію, ибо онъ почти присутствовалъ при ея началѣ, опытнымъ взоромъ проникалъ всѣ духовныя ея нужды и, будучи самъ искушенъ страданіями, могъ и искушаемымъ помогать, по словамъ апостола. Частая перемѣна настоятелей, переводимыхъ по волѣ мѣстныхъ архіереевъ на архимандріи въ иныя обители, была опасна для недавно учрежденнаго общежитія; не чувствуя себя упроченными въ пустыни, они не могли столь ревностно о ней заботиться, потому что смотрѣли на свою степень строительства, какъ на переходное состояніе. Ефремъ, возвращенный опять своей духовной родинѣ, посвятилъ себя исключительно устройству Саровскаго братства, полагая основаніемъ собственный благой примѣръ. «Любить Бога не половинно, а всѣмъ сердцемъ, терпѣть на одномъ мѣстѣ, куда призваны Богомъ, послушаніе проходить усердно и со смиреніемъ, любить нищету и нестяжаніе, какъ многоцѣнное сокровище, прилѣжать неослабно къ молитвѣ, въ келліи упражняться чтеніемъ книгъ отеческихъ, быть молчаливу съ братіею, но совѣсть имѣть откровенну къ духовному отцу и настоятелю, и блюсти крѣпко чистоту душевную и тѣлесную:» — таковы были опытныя назиданія сего Ефрема, духомъ молитвы и умиленія напоминавшаго лице Сирскаго своего соименника.

Любовь къ нищимъ восходила въ сердцѣ его до высшей степени, потому что онъ всегда памятовалъ, какъ самъ былъ убогимъ и пресельникомъ въ дальней странѣ. Во время жестокаго голода, опустошавшаго Россію въ 1775 году, когда народъ питался

желудями и древесною корою, старецъ велѣлъ открыть всѣ монастырскіе запасы нуждающимся и въ теченіи семи мѣсяцевъ обитель прокармливала ежедневно отъ пятисотъ до тысячи человѣкъ; они стекались со всѣхъ сторонъ въ сію сокровищницу христіанскаго милосердія, гдѣ вмѣстѣ съ насущнымъ хлѣбомъ преподавался и духовный. Услышавъ ропотъ нѣкоторыхъ изъ числа братіи о чрезмѣрномъ оскудѣніи обители, настоятель созвалъ старѣйшихъ, спросилъ о мнѣніи каждаго и потомъ съ глубокимъ вздохомъ сказалъ: «не знаю, какъ вы, но я расположился, доколѣ Богу угодно будетъ за грѣхи наши продолжить голодъ, лучше страдать со всѣмъ народомъ, нежели оставить его гибнуть отъ голода. Какая намъ польза пережить подобныхъ намъ людей? а изъ нихъ, быть можетъ, нѣкоторые до сего бѣдственнаго времени и сами насъ питали своими даяніями.»

Всѣ прослезились, внимая столь трогательному слову, и положили единодушно устоять въ своемъ нищелюбивомъ подвигѣ. Въ томъ же году по минованіи голода старецъ, чувствуя истощеніе силъ своихъ, собралъ опять братію и приказалъ избрать на свое мѣсто настоятеля, потому что самъ хотѣлъ уже препроводить въ безмолвіи остатокъ дней, подобно блаженному отцу своему, первоначальнику Іоанну. Братія желала имѣть строителемъ благочестиваго старца Іосифа, который уже три года помогалъ Ефрему въ управленіи обителію и провелъ 48 лѣтъ въ различныхъ послушаніяхъ; но Господь судилъ иначе, ибо тяжкая болѣзнь внезапно посѣтила избираемаго, дабы не измѣняемъ былъ подвигъ его послушанія. Тогда съ общаго согласія поставленъ былъ настоя-

телемъ мужъ крѣпкій и благоговѣйный Пахомій, уже многіе годы подвизавшійся въ пустыни Саровской, и онъ дѣйствительно оправдалъ строгою жизнію доброе о немъ мнѣніе; при немъ пустынь достигла высшей степени своего развитія и сдѣлалась для другихъ разсадникомъ иночества. Годъ спустя послѣ избранія Пахомія, старецъ Ефремъ, достигнувъ 86 лѣтъ, въ глубокомъ мирѣ предалъ Господу свою праведную душу.

Пахомій имѣлъ утѣшеніе довершить начатое Ефремомъ строеніе новаго собора Успенскаго гораздо въ большихъ размѣрахъ по подобію Печерской лавры, ибо умножающееся число братіи и богомольцевъ требовало помѣщенія, особенно въ храмовые праздники. Нищелюбивый обычай кормить безмездно безъ различія всѣхъ приходящихъ не только не разорялъ обители, но привлекалъ къ ней болѣе усердія со стороны окрестныхъ жителей и давалъ средства настоятелямъ сооружать тѣ величественныя зданія, которыми теперь она красуется. «Сѣяй скудно, скудостію и пожнетъ», говорилъ блаженный отецъ Пахомій и еще «царствіе небесное силою берется и усильные искатели достаютъ оное» (Матѳ. XI, 12). И дѣйствительно, въ его время явились такіе подвижники въ пустынѣ Саровской, которымъ и другія пустыни обязаны своимъ благоустройствомъ: Дорофеева Южская въ предѣлахъ Ярославскихъ, и Коренная-Знаменская близъ Курска, и наипаче древній Валаамъ. Старецъ Назарій, одинъ изъ величайшихъ свѣтильниковъ Сарова, вызванъ былъ митрополитомъ Петербургскимъ Гавріиломъ для возстановленія сей упадшей убители.

Настоятель и самъ мѣстный епископъ Ѳеофилъ

старались удержать у себя знаменитаго отшельника и представили о немъ владыкѣ, какъ о человѣкѣ малоумномъ, но опытный въ духовной жизни Гавріилъ проникъ тайну смиренія Назаріева. «У меня много своихъ умниковъ, отвѣчалъ митрополитъ, пришлите мнѣ вашего глупца», и невольный пришлецъ возсоздалъ духовно сію забытую на сѣверѣ пустынь; когда же упрочилъ ея благосостояніе, пожелалъ опять уединиться въ мѣсто прежняго своего жительства и скончался въ пустынѣ. Не такъ удачно было вторичное требованіе того же владыки для назначенія начальника духовной миссіи въ Сѣверную Америку. Послушникъ его Ѳеофанъ, впослѣдствіи знаменитый настоятель Новоозерскій, бывшій самъ въ Саровѣ, указалъ Гавріилу еще на одного подвижника сей пустыни, Іоакима; но, испуганный зовомъ архіерейскимъ, онъ нѣсколько лѣтъ юродствовалъ, чтобы только избавиться отъ высшей почести. Таковы были великіе дѣятели во дни Пахомія, которымъ не уступалъ онъ въ подвигахъ до глубокой старости. Епископъ Владимірскій Ѳеофилъ, извѣстясь о его предсмертной болѣзни, писалъ къ нему трогательное посланіе, какъ нѣкогда писали къ великому Амвросію Медіоланскому, убѣждая его повременить своимъ исходомъ для душевной пользы братіи и молить о нихъ Господа въ иной лучшей жизни, если уже суждено ему оставить сей временный міръ.

Пахомій, подражая предшественнику своему Ефрему въ заботахъ о ввѣренной ему паствѣ, избралъ уже на смертномъ одрѣ себѣ преемникомъ благочестиваго Исаію въ 1794 году; выборъ его палъ на достойнаго мужа, ибо въ теченіе 12-лѣтняго управленія онъ поддержалъ славу обители, слѣдуя во

всемъ по стопамъ блаженныхъ своихъ предмѣстниковъ. Не удивительно, что при такомъ постоянномъ рядѣ опытныхъ настоятелей и такихъ подвижниковъ, каковы были Назарій и прочіе, процвѣтавшіе въ дремучихъ лѣсахъ Саровскихъ, пустынь сія могла подняться на ту высокую степень духовнаго совершенства, на которой еще стоитъ донынѣ строгостію своего устава и жизнію братіи. Назначеніе преемниковъ еще при жизни настоятелей много послужило къ утвержденію братства, потому что измѣненіе было только въ имени строителя, духомъ же всѣ они дѣйствовали воедино, не отклоняясь отъ спасительной черты, проложенной для нихъ первоначальникомъ Іоанномъ. Такъ и Исаія за годъ до своей кончины назначилъ по себѣ настоятелемъ строгаго старца Нифонта, который управлялъ 35 лѣтъ обителью и облекъ ее внѣшнимъ благолѣпіемъ, какъ бы нѣкую древнюю лавру, Сергіеву или Печерскую. Всѣ каменныя зданія были окончены при немъ и сооружены новыя церкви: Іоанна Предтечи надъ родникомъ, куда исходятъ на Іордань, и Всѣхъ Святыхъ за оградою надъ усыпальницею братіи; прежніе храмы просіяли новою красотою; всѣ мѣстныя ихъ иконы обложены были позлащенными окладами съ драгоцѣнными камнями. Но внѣшнему благолѣпію пустыни вполнѣ соотвѣтствовало и внутреннее, ибо время правленія Нифонта было цвѣтущимъ временемъ самыхъ знаменитыхъ пустынниковъ Саровскихъ, Марка, Серафима, Дороѳея, Иларіона и Александра, подвизавшихся въ дремучемъ лѣсу около обители; имя ихъ прославилось во всей Россіи.—Кто не слыхалъ о Маркѣ и Серафимѣ?—Старецъ Нифонтъ, умирая въ глубокой старости, не успѣлъ назначить по себѣ преемника, но

выборъ братіи удачно палъ на казначея Исаію, который былъ келейникомъ при первомъ настоятелѣ сего имени и усердно исполнялъ всѣ должности монастырскія въ долгое управленіе Нифонта.

Этотъ второй Исаія, десятый по списку настоятелей Саровскихъ отъ первоначальника пустыни, благоговѣйно стоялъ на своемъ мѣстѣ, когда я взошелъ въ соборъ во время малой вечерни. Убожество его деревянной каѳедры, на которой, вѣроятно, становились всѣ первые строители, невольно бросалось въ глаза посреди великолѣпія храма, горящаго золотомъ своихъ иконъ и украшеній. Я не смѣлъ приблизиться къ игумену и нарушить его благоговѣйной молитвы, въ которой подаетъ онъ примѣръ всей братіи, являясь всегда первымъ на службу и уходя послѣднимъ. Прежде однако, нежели познакомиться съ живымъ братствомъ пустыни, мнѣ хотѣлось поклониться тѣмъ изъ усопшихъ членовъ семейства Саровскаго, съ которыми былъ уже знакомъ по славѣ о ихъ добродѣтели, далеко распространившейся. Я просилъ указать мнѣ гробницы пустынниковъ Марка и Серафима и игумена Назарія, извѣстнаго мнѣ еще по Валааму, который доселѣ исполненъ его памятью. Немного спустя окончилась служба, и благодушный игуменъ Исаія привѣтствовалъ меня съ нѣкоторыми изъ старшей братіи въ гостинной келліи: отраденъ былъ ласковый пріемъ простодушныхъ иноковъ.

«Теперь вамъ предстоитъ еще трудный подвигъ правила пустыннаго и всенощной», сказалъ мнѣ игуменъ, «а вы еще утомлены отъ дороги; и такъ отложите до завтра осмотръ обители, если есть у насъ что либо для васъ занимательное въ дремучихъ

лѣсахъ нашихъ»; но по краткости моего посѣщенія я не имѣлъ времени для отдыха. Тогда настоятель предложилъ мнѣ взглянуть покамѣстъ на ихъ библіотеку, составленную изъ духовныхъ книгъ, которая хранилась въ нижнемъ ярусѣ колокольни. Потомъ взошелъ я въ келліи самого настоятеля. весьма убогія по отношенію къ сану начальствующаго столь великолѣпною обителію: прихожая, гостинная и спальня, вотъ все помѣщеніе игумена Саровскаго. Онъ замѣтилъ мое безмолвное удивленіе и сказалъ: «здѣсь жилъ впродолженіе тридцати-пятилѣтняго своего настоятельства предмѣстникъ мой, отецъ Нифонтъ, и всѣ прежде его бывшіе строители; не подобаетъ и мнѣ имѣть другаго жилища, да и этого слишкомъ довольно для моего недостоинства; не по силамъ мнѣ тяжкое бремя начальства».

Однако, не смотря на его скромное о себѣ мнѣніе, съ пользою проходитъ онъ свое званіе; опытность монашеская есть какъ бы природная добродѣтель въ его семействѣ, потому что два его брата столь же полезно для Церкви занимаютъ мѣста настоятельскія: Моисей въ многолюдной пустыни Оптиной въ предѣлахъ Калужскихъ, и Антоній въ монастырѣ Малоярославскомъ. Родомъ они изъ купечества Московскаго, и должно отдать справедливость этому почтенному сословію, что изъ него выходятъ многіе добрые иноки и настоятели обителей; даже большая часть монашествующихъ по всей Россіи едва ли не изъ званія купеческаго, потому что оно отличается своимъ усердіемъ къ святынѣ предъ всѣми, да и Господь благословляетъ оное земными благами ради этой пламенной любви къ святой Церкви.

*

Изъ своей келліи игуменъ пригласилъ меня посѣтить одного молодаго еще затворника, котораго я знавалъ въ лаврѣ Троицкой и который отъ чрезвычайнаго подвига въ постѣ и молитвѣ впалъ въ изнеможеніе силъ. Я изумился происшедшей въ немъ перемѣнѣ; смертная блѣдность уже покрывала лице его, тяжкая одышка препятствовала говорить; онъ сидѣлъ за книгою Священнаго Писанія и по оскудѣнію возможности бесѣдовать съ людьми мысленно бесѣдовалъ съ Богомъ, разумѣющимъ пламенное его стремленіе къ лучшей жизни. Мы сказали другъ другу нѣсколько краткихъ словъ, вспомнивъ прежнее знакомство, и разстались, конечно, навсегда въ здѣшнемъ мірѣ до свиданія въ вѣчности. При нынѣшнемъ оскудѣніи монашества разителенъ такой примѣръ ревности, переносящій мысленно въ давно забытыя столѣтія.

Я просилъ настоятеля показать мнѣ самаго старшаго изъ всей братіи Саровской и онъ привелъ меня въ келлію отца Израиля, достигшаго крайняго предѣла человѣческой жизни. Почти столѣтній старецъ уже не выходилъ изъ своей келліи и не любилъ, чтобы нарушали его безмолвіе; говорятъ, что въ его усѣченныхъ рѣчахъ таится иногда духъ прозорливости. Мнѣ хотѣлось только принять его благословеніе, и старецъ осѣнилъ меня знаменіемъ креста при желаніи духовныхъ благъ. Такимъ образомъ я видѣлъ одного за другимъ, юношу и старца, обоихъ довершающими свое житейское поприще въ молитвенномъ подвигѣ; на разстояніи столькихъ лѣтъ юноша достигъ старца на крыльяхъ духа и едва ли не опередитъ его на прагѣ вѣчности. Назидательно для души такое зрѣлище, и гдѣ обрѣсти его, если не въ обители?

Между тѣмъ стали ударять къ вечернему правилу, которое въ иныхъ обителяхъ можетъ каждый инокъ совершать у себя келейно, но здѣсь, по строгости Саровскаго устава, вся братія обязана исполнять его вкупѣ для болѣе точнаго соблюденія. Оно состоитъ изъ обычныхъ каноновъ Спасителю, Божіей Матери, Ангелю Хранителю, и молитвъ на сонъ грядущимъ съ многочисленными поклонами: болѣе двухъсотъ кладутъ въ промежуткѣ такъ называемой умной или безмолвной молитвы; но на сей разъ, какъ это былъ вечеръ субботній, поклоны земные замѣнены были поясными: для непривыкшаго не малое облегченіе. Вся братія собралась въ теплой, пространной церкви Живоноснаго Источника, гдѣ сіяетъ въ богатой ризѣ храмовая икона Богоматери, принесенная еще при первоначальникѣ въ основаніе его пустыни, и теперь лучшее ея сокровище. Всѣ монашествующіе были облечены въ короткія мантіи для удобства земныхъ поклоновъ. Игуменъ пригласилъ меня на праздное мѣсто одного изъ отсутствовавшихъ братій, и въ сумракѣ вечера началось тихое чтеніе каноновъ. Умилительна была для сердца сія вечерняя молитвенная тишина, прерываемая частымъ возгласомъ «Господи помилуй», сорокъ разъ повторяемымъ сряду, но не спѣшно и съ поклонами, такъ что дѣйствительно это былъ искренній вопль души къ своему Искупителю: «изъ глубины воззвахъ къ Тебѣ, Господи».

Здѣсь только вполнѣ можно было оцѣнить все достоинство сей высокой молитвы, искажаемой въ иныхъ церквахъ безотчетнымъ скорымъ повтореніемъ, которое сливаетъ слова въ непонятный гулъ. Дѣйствительно, это было чистое воздѣяніе рукъ,

какъ бы возношеніе ѳиміама кадильнаго во время вечерней жертвы. Грѣшникъ взываетъ о помилованіи къ своему Господу: «Господи помилуй!»—Что можетъ быть выразительнѣе сихъ двухъ многознаменательныхъ словъ? Еще болѣе торжественнымъ представлялось глубокое молчаніе, слѣдовавшее за ними: всякій братъ творилъ въ умѣ своемъ безмолвную молитву и собиралъ въ душѣ своей мысли, дабы не разсѣявались онѣ даже и молитвенными звуками. Какъ глубоко постигали отцы святые душевное состояніе человѣка, которому давали они свои духовныя врачевства, благимъ опытомъ примѣненныя сперва къ язвамъ собственной души! и какъ легко судятъ иногда о сихъ великихъ благодѣтеляхъ рода человѣческаго, не разумѣя всей благодатной силы ихъ цѣлебнаго подвига! Если только проникнешься духомъ ихъ молитвы, невольно почувствуешь себя лучшимъ, хотя на краткое время, и при нашей постоянной немощи это уже есть великое благо для души, когда она хотя немного погрузится внутрь себя, отвлекая себя отъ міра и приближая къ Богу.

Я вышелъ изъ церкви утомленный тѣломъ, но бодрый духомъ, и могъ еще выстоять воскресную всенощную въ соборѣ Успенія, которая продолжалась тихо и благоговѣйно до глубокой полночи. Особенное впечатлѣніе производятъ на сердце монастырскія ночныя службы, отзывающіяся первыми вѣками христіанства, когда вѣрные собирались на усыпальницу мучениковъ въ тиши ночной, чтобы укрыться отъ своихъ гонителей, потому что наступавшій день для многихъ также готовилъ вѣнецъ мученическій! Въ слѣдующее воскресное утро соборное служеніе

совершалъ настоятель въ храмѣ Успенія съ двумя старцами іеромонахами, которые едва передвигали ноги на выходахъ изъ алтаря, но бодро предстояли престолу, какъ-бы обновленные юностію орлей. Умилительно было видѣть ихъ благоговѣйное служеніе, проникнутое духомъ искренней молитвы, и слушать назидательную проповѣдь одного изъ старшихъ братій, возбуждавшую къ покаянію. Жадно придвинулся къ амвону народъ, какъ только поставили аналой, и это свидѣтельствуетъ, какая жажда слова Божія таится въ сердцѣ этихъ простыхъ рабовъ Божіихъ, часто обличающихъ усердіемъ своимъ наше невниманіе къ проповѣди. Немного было богомольцевъ по обширности храма, однако въ другой меньшей церкви ихъ показалось бы довольно.

По окончаніи литургіи я взошелъ въ ризницу и любовался благолѣпіемъ ея утвари. Вся она заключается въ бывшемъ алтарѣ, котораго иконостасъ сохранился на горнемъ мѣстѣ, взамѣнъ внѣшней восточной стѣны, а самая церковь, то есть та, которая была сооружена при второмъ настоятелѣ Димитріи, обратилась въ алтарь и къ ней пристроена новая; до такой степени обширны ея размѣры.

«Не по нашему духовному убожеству великолѣпенъ храмъ сей», сказалъ мнѣ вошедшій для разоблаченія игуменъ Исаія, «и намъ, быть можетъ, слѣдовало бы болѣе простоты. Знаете ли, что когда строитель Ефремъ возъимѣлъ желаніе соорудить обширный соборъ сей и обозначилъ его будущее пространство кольями, то старшіе изъ братій съ негодованіемъ раскидали всѣ колья, говоря: «не подобаетъ пустынѣ такое великолѣпіе». Однако Богъ помогъ строителю Пахомію исполнить мысль старца

Ефрема и не ко вреду братіи. Напротивъ того, она вся трудилась при созиданіи храма и зодчими его были два инока Саровскіе: Питиримъ, который по своему усердію и многимъ трудамъ получилъ званіе ктитора, и Іоакимъ, составившій планъ церкви; какъ бы второй Веселеилъ, который устроилъ скинію при Моисеѣ, и онъ былъ вдохновенъ Богомъ на всякое художество. Оба ктитора положены рядомъ близъ собора по смиренному завѣщанію отца Питирима».

Тогда игуменъ пригласилъ меня идти вслѣдъ за братіею въ трапезу, гдѣ всѣ расположились кругообразно вдоль стѣны, потому что трапеза была круглая; одинъ только столъ настоятеля съ старшею братіею поставленъ былъ особо во главѣ всѣхъ противъ входа. Насыщеніе Спасителемъ пяти тысящъ прилично изображено на сводахъ трапезы; густой лѣсъ представлялся изъ оконъ окраиною малыхъ огородовъ, прилегавшихъ къ монастырской стѣнѣ; все напоминало о совершенномъ отлученіи отъ міра, и внятно было каждое слово читавшаго инока посреди глубокаго молчанія всей братіи. Весьма проста была трапеза, хотя и воскресная, достаточная для поддержанія силъ, но безъ роскоши, какъ подобаетъ въ пустынѣ и обители, и даже безъ рыбы по причинѣ Успенскаго поста. Самымъ лакомымъ блюдомъ я нашелъ липовый медъ, бѣлый и прозрачный, которымъ особенно славится пустынь Саровская; ея привольные лѣса служатъ роскошнымъ пристанищемъ для пчелъ; Соломонъ въ книгѣ Премудрости посылаетъ насъ учиться трудолюбію къ муравью и къ пчелѣ, и я съ удовольствіемъ отвѣдалъ отъ пчелъ сотъ, памятуя о той пищѣ, какую вкусилъ воскресшій Господь для убѣжденія апостоловъ въ

дѣйствительности своего воскресенія; утѣшительно было созерцать и этотъ благословенный рой духовныхъ пчелъ, молитвенно собравшійся въ пустынные ульи Саровскіе.

Когда исполнился такимъ образомъ предо мною весь служебный порядокъ пустыни, начиная отъ малой вечерни, правило. всенощная и обѣдня, съ послѣдовавшею за нею трапезою братскою, я просилъ настоятеля дать мнѣ воспользоваться свободнымъ временемъ для осмотра обители. Хотя это былъ полдень, время опредѣленное для отдыха послѣ долгаго бдѣнія, однако онъ самъ радушно вызвался показать мнѣ все. достойное вниманія внутри ограды. «Пустынь наша новая, говорилъ онъ, любопытнаго въ ней мало; оба храма вы видѣли, когда молились съ нами; чтоже мнѣ остается показать вамъ?—развѣ гробы отцевъ нашихъ, если вы уже знакомы съ ними по имени», и онъ повелъ меня къ преддверію Успенскаго собора.

«Горькая и невозвратная для насъ потеря, сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ: отсутствіе изъ среды нашей гроба нашего первоначальника; сперва не порадѣли о томъ, а теперь плачемъ, но уже поздно, потому что никакъ не могли отыскать его могилу въ столицѣ. Вотъ отдѣльно стоитъ посреди монастырскаго двора, гдѣ было мѣсто прежней деревянной церкви Живоноснаго Источника, надгробный памятникъ втораго настоятеля. схимника Димитрія; а здѣсь предъ нами у самаго преддверія собора гробницы блаженнаго старца Ефрема и моего предмѣстника Нифонта. Оба много потрудились для обители, и старецъ Ефремъ велѣлъ тутъ положить себя при входѣ, какъ бы на стражѣ. Пахомій и Исаія, у

котораго я жилъ келейникомъ, положены съ сѣверной стороны собора, а старецъ Назарій, о которомъ, конечно, вы много слышали въ столицѣ по его долгому настоятельству въ обители Валаамской, погребенъ у алтаря теплой церкви, и вы видите его памятникъ отсюда. Если хотите поклониться могиламъ нашихъ отшельниковъ, Марка и Серафима, то они здѣсь отдыхаютъ съ южной стороны собора. Можетъ быть, для васъ утѣшительно будетъ, продолжалъ Исаія, взглянуть и на портреты всѣхъ бывшихъ настоятелей нашихъ, чтобы такимъ образомъ, хотя заочно, познакомиться съ ними;» и онъ ввелъ меня въ келліи архіерейскія, свѣтлыя и просторныя, гдѣ обыкновенно останавливаются Тамбовскіе архіереи.

При самомъ входѣ встрѣтилъ насъ сонмъ подвижниковъ настоятелей, начертанный довольно искусною кистью, исключая двухъ первыхъ, которыхъ изображенія менѣе хороши; но, не смотря на грубость живописи, чрезвычайно замѣчательно постническое, строгое лице первоначальника, схимника Іоанна; длинныя черты за-живо изсохшаго облика выражаютъ всю пустынную лѣтопись его труженической жизни, проведенной въ лѣсахъ и пещерахъ и внушаютъ невольное благоговѣніе; обличительнымъ взоромъ смотритъ онъ, какъ бы изъ другаго міра, на суету здѣшняго.

Съ особенною любовью указалъ мнѣ игуменъ на портретъ многострадальнаго старца Ефрема, и дѣйствительно нѣчто особенно благодатное сіяло въ свѣтломъ лицѣ его. Онъ казался согбеннымъ отъ дряхлости, но сквозь глубокія морщины проявлялась его духовная обновленная юность и свѣтлый взоръ соотвѣтствовалъ снисходительной улыбкѣ устъ, гото-

выхъ открыться для привѣтливаго слова. Не напрасно начертана была надпись на портретѣ:

Ефремъ не Сиринъ ты, но Русскій ты Ефремъ,
Саровской пустыни броня еси и шлемъ.

Много радушія и старческой красоты видно также на лицѣ строителя Исаіи и настоящій его соименникъ могъ засвидѣтельствовать вѣрность портрета, равно какъ и предмѣстника своего Нифонта. Но черты Нифонта, какъ и черты Пахомія, носятъ выраженіе строгости, и таковыми дѣйствительно они были оба по своему характеру. Долго смотрѣлъ я на эти портреты и какъ бы повторялъ житіе каждаго по чертамъ лица его. Назидателенъ обычай сохранять изображенія духовныхъ предковъ въ основанныхъ ими обителяхъ, какъ сохранялись въ древнихъ замкахъ лики ихъ могущественныхъ владѣльцевъ. Здѣсь нѣтъ чувства какой либо суетной кичливости, но простое благочестивое желаніе мысленно жить съ отжившими.

Тотъ же лѣсистый пустынный видъ, какъ изъ трапезы, открылся мнѣ и изъ оконъ архіерейскаго дома, располагая душу къ созерцанію молитвенному. «Теперь пойдемъ за ограду», сказалъ мнѣ игуменъ, «къ первоначальной пещерной келліи отцевъ нашихъ и въ церковь Предтечи, что надъ источникомъ».

Мы спустились каменными ступенями на тѣсную площадку, близъ которой бьетъ изъ-подъ земли роскошный ключъ живой воды, проведенной трубами во всѣ зданія пустыни. Новая каменная церковь возвышается надъ источникомъ, благолѣпно украшенная внутри и снаружи; весьма прилично посвящена она Крестителю надъ водами, на коихъ совершается освященіе Іорданское, какъ бы въ память Палестин-

ской пещеры вопіявшаго въ пустынѣ о покаяніи; устье подземелій Саровскихъ находится прямо противъ южныхъ дверей его церкви. Съ благоговѣніемъ погрузился я вслѣдъ за игуменомъ въ эти тайныя жилища первыхъ отшельниковъ, которыхъ келліи еще видны по сторонамъ, какъ таинственные затворы въ пещерахъ Кіевскихъ; память ихъ основателей Антонія и Ѳеодосія съ памятью всѣхъ преподобныхъ Печерскихъ обновилась также во мракѣ этого вертепа пещернымъ храмомъ, ископаннымъ и освященнымъ во имя сихъ начальниковъ жизни иноческой въ нашемъ отечествѣ.

«Вы все видѣли, что составляетъ собственно обитель Саровскую, сказалъ мнѣ добродушный настоятель, но если вамъ угодно еще побывать въ нашихъ дремучихъ лѣсахъ, чтобы видѣть тамъ мѣста, ознаменованныя жилищемъ нашихъ отшельниковъ, то я поручу одному изъ братій удовлетворить благочестивому любопытству вашему».

Наверху каменныхъ ступеней, по которымъ мы сошли къ пещерамъ, меня ожидала монастырская одноколка, и тотъ же привѣтливый инокъ С*, заботившійся о моемъ успокоеніи въ гостинницѣ, сопутствовалъ мнѣ по лѣсамъ; всѣ тропинки ихъ были ему знакомы по давнему пребыванію въ пустынѣ. Мы въѣхали въ густой лѣсъ, окружающій обитель, такою узкою песчаною дорогою, что едва могла пробираться по ней сильная и привычная лошадь промежду огромныхъ деревъ или обгорѣвшихъ пней, при частыхъ подъемахъ и спускахъ въ малые овраги, покрытые вѣковою тѣнью глухаго бора.

«Вотъ достойное жилище отшельниковъ», сказалъ я своему спутнику, и онъ отвѣчалъ: «гнѣзда

остались, но отлетѣли райскія наши птицы; вы увидите сломанныя ихъ келліи, гдѣ уже никто болѣе не живетъ. По грѣхамъ нашимъ Господь лишилъ насъ сихъ великихъ подвижниковъ, къ которымъ стекались отовсюду за духовнымъ совѣтомъ.›

«Кто-же былъ послѣдній пустынникъ?» спросилъ я. — «Іеродіаконъ Александръ, скончавшійся весьма недавно›, сказалъ мнѣ въ отвѣтъ С*. «и послѣ него уже никто не получалъ благословенія на пустынное житіе, хотя были желающіе. Вотъ и тотъ холмикъ, гдѣ стояла его келлія, которой нѣтъ теперь и слѣда.»—«Гдѣ же были келліи Марка и Серафима?» спросилъ я опять инока.—«Марко не имѣлъ нигдѣ постоянной келліи, отвѣчалъ онъ, памятуя слова Господни: лисы язвины имутъ и птицы небесныя гнѣзда, Сынъ же человѣческій не имать гдѣ главы подклонити (Матѳ. VIII. 20.). Онъ скитался до глубокой старости по всему лѣсу, безпрестанно измѣняя свое жилище, доколѣ отъ дряхлости не укрылся въ обитель; а у отца Серафима были двѣ келліи въ разныхъ мѣстахъ, одна за пять верстъ, другая за двѣ отъ пустыни, потому что онъ два раза уединялся на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ. Я укажу вамъ только мѣсто послѣдней надъ источникомъ, потому что самую келлію взяли къ себѣ изъ уваженія къ памяти старца сестры Дивеевской общины, основанной съ его благословенія. Вы, конечно, читали житіе обоихъ старцевъ, составленное въ лаврѣ Троицкой однимъ изъ приближенныхъ учениковъ отца Серафима; а о другихъ отшельникахъ нашихъ тамъ же написалъ другой выходецъ Саровскій въ своей духовной лѣствицѣ.»

Дѣйствительно Марко и Серафимъ привлекли къ себѣ въ послѣднее время вниманіе цѣлой Россіи своими пустынными подвигами; прочіе замѣчательные подвижники Саровскіе какъ будто остались въ тѣни предъ ихъ славою, хотя и они достойны удивленія. Сколько глубокой вѣры и самоотверженія въ этомъ отшельникѣ Маркѣ, напомнившемъ собою первые вѣка христіанства! Онъ принялъ имя сіе въ память великаго отшельника Марка Ѳраческаго, который совершенно умеръ міру и забытъ былъ современниками на пустынной горѣ въ Египтѣ. Когда нечаянно обрѣлъ его иной отшельникъ, уже другаго поколѣнія человѣческаго, Марко спросилъ его: сохранилась ли еще во вселенной та вѣра, которою нѣкогда передвигались горы, если только скажешь имъ Евангельское слово: «двигнися и вергнися въ море?» (Марк. XI. 23). И что же?—столько силы было въ словѣ отшельника, что отъ одного нечаяннаго повторенія Евангельскаго глагола, уже начала колебаться предъ нимъ гора, готовая двигнуться къ ужасу пришельца. Но Марко успокоилъ его и самую гору другимъ повелительнымъ словомъ: «что съ тобою гора? не тебѣ говорю.» Сему Ѳраческому Марку хотѣлъ подражать въ любви своей къ одиночеству Саровскій и часто терялся въ лѣсахъ на многіе мѣсяцы; безмолвіе ночи было его любимымъ часомъ молитвы, ибо сквозь тишину творенія прислушивался онъ ко гласу Творца, и такъ провелъ около 16 лѣтъ, испросивъ на то благословеніе строителя Пахомія; но прежде, еще при старцѣ Ефремѣ, прошелъ усердно всѣ должности монастырскія и, отслуживъ братіи, посвятилъ себя исключительно Богу. Онъ принялъ юродство Христа ради и наложилъ на себя постоян-

ное молчаніе, весьма изрѣдка имъ прерываемое, и то для нѣкоторыхъ; но въ большіе праздники возвращался для пріобщенія св. Таинъ и, будучи схимникомъ, никогда ни дерзалъ принять священства. Однажды послушникъ, принесшій ему скудную пищу въ его лѣсную келлію, засталъ его сидящимъ въ глубокой думѣ лицемъ къ востоку. Долго не смѣлъ ее нарушить инокъ и, спросивъ наконецъ отшельника, услышалъ его назидательный отвѣтъ: «размышляю о изгнаніи Адама изъ рая сладости, какъ онъ сидя прямо рая лицемъ къ востоку плакалъ и взывалъ ко Господу: «Милостиве, помилуй мя падшаго!» Марко скончался въ обители почти 80 лѣтъ, въ исходѣ 1817 года, будучи приведенъ братіею изъ своей пустыни уже въ совершенномъ разслабленіи для напутствія къ вѣчной жизни.

Иное поприще проходилъ блаженный старецъ Серафимъ, схимникъ также, но въ санѣ пресвитера, болѣе общительный, нежели строгій отшельникъ Марко, и назидавшій многихъ своимъ поучительнымъ словомъ. Измлада коснулась его благодать Божія и назначеновала своимъ избранникомъ: сынъ богатыхъ родителей, званія купеческаго въ Курскѣ, онъ еще въ семилѣтнемъ возрастѣ чудно сохранился, упавъ съ вершины церкви, которую строилъ его отецъ, и, будучи десяти лѣтъ отрокъ, въ тяжкой болѣзни получилъ исцѣленіе отъ иконы Знаменской, когда ее проносили чрезъ родительскій дворъ. Это побудило его посвятить себя на служеніе Богу, и онъ удалился въ пустынь Саровскую при строителѣ Пахоміи, гдѣ послѣ 16-лѣтняго строгаго послушанія, уже въ санѣ іеромонаха испросилъ себѣ позволеніе удалиться въ пустыню. Тамъ пламенная его молитва при чтеніи

св. Отецъ была смѣняема упражненіемъ тѣлеснымъ, ибо онъ воздѣлывалъ малый огородъ, который доставлялъ ему единственную пищу; наканунѣ праздниковъ и воскресныхъ дней отшельникъ приходилъ для литургіи въ обитель на всенощную и потомъ, пріобщившись св. Таинъ, возвращался опять въ свою пустынь съ запасомъ сухаго хлѣба, какъ это дѣлывали первые отшельники въ Египтѣ и Палестинѣ. Стараясь во всемъ подражать имъ, онъ не устрашился и великаго подвига св. Симеона Столпника, который стоялъ на столпѣ втеченіе многихъ лѣтъ и назидалъ окрестъ себя всѣ народы, къ нему стекавшіеся. Вмѣсто столпа отецъ Серафимъ избралъ себѣ два камня. Одинъ находился внутри его келліи, на которомъ стоялъ онъ обыкновенно отъ утра до вечера, повторяя мытареву молитву: «Боже милостивъ, буди мнѣ грѣшному;»—онъ сходилъ съ сего камня только для принятія пищи, дабы не замѣтили его подвига приходящіе къ нему изъ обители; а на другомъ камнѣ внѣ келліи стоялъ всю ночь съ воздѣтыми къ небу руками, доколѣ немощь тѣлесная не одолѣвала его духовной бодрости, потому что мало давалъ себѣ отдыха; такъ простоялъ тысячу дней и столько же ночей.—Въ первую эпоху своей подвижнической жизни старецъ Серафимъ старался по возможности соблюдать безмолвіе, чтобы болѣе углубляться въ самого себя; иногда падалъ онъ ницъ и лежалъ, какъ мертвый, предъ посѣтителями, доколѣ не удалялись отъ него; но, зная всю тяжесть житія пустыннаго, не совѣтовалъ легко рѣшаться на сей подвигъ, ибо тогда брань наша бываетъ, по слову апостольскому, уже не съ плотію и кровію, но съ духами злобы (Ефес. VI. 13).

Однако и насилію отъ человѣковъ подвергся онъ въ своей пустынной келліи. Однажды, въ десятый годъ его уединенія, напали на него разбойники, подозрѣвавшіе, что у него хранится много денегъ отъ посѣтителей. Они связали его и, избивъ почти до смерти, оставили бездыханнымъ, полагая что уже мертвъ; однако страдалецъ, отдохнувъ отъ ударовъ, снялъ съ себя узы и, весь окровавленный, привлекся въ обитель; тамъ оставался нѣкоторое время для излеченія отъ нанесенныхъ ему ранъ. Между тѣмъ открыты были разбойники, но онъ умолилъ оставить ихъ безъ наказанія и пожелалъ опять поселиться въ пустынномъ пріютѣ; напрасно уговаривалъ его строитель Исаія остаться въ обители; старецъ хотѣлъ возвратиться на свой подвигъ, и еще шесть лѣтъ продолжалъ жестокое житіе свое въ лѣсу, доколѣ наконецъ стали измѣнять ему тѣлесныя силы, такъ что уже не могъ болѣе приходить на праздники въ церковь. Тогда только съ благословенія игумена Нифонта переселился въ обитель. Но первые пять лѣтъ, проведенныя имъ въ совершенномъ затворѣ и молчаніи, были нисколько не легче житія пустыннаго для его изможденной плоти. Св. тайны приносили ему въ келлію въ воскресные дни. Послѣ двѣнадцатилѣтняго уединенія и пятилѣтняго затвора онъ почувствовалъ побужденіе отворить свою дверь приходящимъ для духовной бесѣды, и съ тѣхъ поръ въ теченіе восемнадцати лѣтъ, то есть до 1833 года, когда постигла его блаженная кончина, былъ истиннымъ свѣтильникомъ Саровской пустыни для всѣхъ окрестныхъ странъ; отовсюду стекались послушать прозорливаго старца и принять отъ него благословеніе съ назидательнымъ словомъ, часто пророче-

скимъ. Самая пустынь во многомъ обязана ему своею послѣднею знаменитостію, ибо приходившіе къ старцу осыпали ее своими благодѣяніями и созидали въ ней храмы.

Но, допуская къ себѣ посѣтителей, старецъ не оставлялъ однако своего затвора еще въ теченіе одиннадцати лѣтъ, доколѣ совершенное изнеможеніе силъ отъ недостатка воздуха не принудило его послушать совѣта врачей и выдти изъ келліи. Тогда опять погрузился онъ въ любимые свои лѣса, но уже не поселился въ нихъ, а только ежедневно, кромѣ праздниковъ, удалялся до вечера въ другую келлію, которую устроилъ себѣ не вдалекѣ отъ обители близъ источника на берегу рѣчки Саровы, тамъ занялся по прежнему воздѣлываніемъ земли въ потѣ лица, памятуя слова, сказанныя Адаму, и уже совершенно согбенный подъ бременемъ лѣтъ носилъ еще кромѣ постоянныхъ веригъ, когда ходилъ по лѣсу, мѣшокъ съ камнями: «томлю томящаго меня,» то есть плоть свою, отвѣчалъ онъ словами святаго Ефрема Сирина вопрошавшимъ его о такой ношѣ; но во время пути непрестанно пѣлъ антифоны; любимою духовною пѣснію его была сія: «пустыннымъ непрестанное божественное желаніе бываетъ, ибо они внѣ суетнаго міра,» и еще другая: «Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небеси, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити.» До послѣдней минуты сохранилъ онъ бодрость духа и свѣжесть ума, и какъ прежде во время добровольнаго своего безмолвія не доступенъ былъ каждому, такъ напротивъ со дня разрѣшенія сего тяжкаго искуса никакая докучливая бесѣда его не утомляла, не смотря на безчисленное множество притекавшихъ къ

нему за совѣтомъ и благословеніемъ. Особеннымъ свойствомъ его бесѣдъ были любовь и смиренномудріе: кто бы ни былъ приходившій къ нему, какими бы ни былъ обремененъ грѣхами, всѣхъ онъ лобызалъ съ любовію, всѣмъ кланялся до земли и, благословляя, самъ цѣловалъ у многихъ неосвященныхъ людей руки: никого не поражалъ жестокими укоризнами или строгими выговорами, ни на кого не возлагалъ тяжкаго бремени, самъ же несъ крестъ Христовъ со всѣми скорбями. Для всѣхъ доставало живой воды, текшей изъ устъ смиреннаго и убогаго старца. За годъ до кончины, изможденный подвигами, рѣже сталъ ходить въ лѣсную келлію свою, и за нѣсколько дней, уже предчувствуя близость послѣдняго часа, самъ избралъ и вымѣрилъ для себя мѣсто съ южной стороны соборнаго алтаря противъ своей монастырской келліи. Въ первый день 1833 года пріобщился онъ святыхъ таинъ въ церкви, а на другое утро предалъ Господу праведную душу, стоя на колѣняхъ и сложивъ крестообразно руки. Пришедшій къ нему келейникъ Іоаннъ, видя его въ такомъ преклоненномъ положеніи предъ святыми иконами, не смѣлъ сперва нарушить его богомыслія, но потомъ, приблизившись къ мнимо молящемуся, осязалъ мертвый холодъ:—Серафимъ воспарилъ къ Богу на крыліяхъ серафимскихъ.

Между тѣмъ мы спустились на берегъ рѣчки, или лучше сказать лѣснаго источника, гдѣ нѣкогда стояла келлія Серафима. Надъ родникомъ поставленъ навѣсъ, куда приходятъ черпать воду благочестивые почитатели его памяти, но уже не видать и слѣдовъ пустынной хижины и воздѣлываемаго имъ огорода: такъ все понемногу стирается съ земли съ собственнымъ слѣдомъ человѣческимъ!

*

«Здѣсь въ первый разъ увидѣлъ я отца Серафима, сказалъ мнѣ мой спутникъ, когда пришелъ на послушаніе въ обитель; онъ взялъ меня за голову и поцѣловалъ, потому что былъ чрезвычайно ласковъ къ каждому приходящему, и сказалъ только: спасайся, будешь монахъ. Такая ангельская доброта была въ его взглядѣ и рѣчи, что невольно привязывалось къ нему сердце, и никакъ нельзя было бы подумать, что самъ онъ до такой степени строгъ къ себѣ, видя его снисхожденіе къ другимъ, вовсе ему неизвѣстнымъ».

Покамѣстъ мы стояли у источника, подошли еще нѣсколько богомольцевъ, предводимыхъ монахомъ въ бѣлой одеждѣ и низкой камилавкѣ, по тому подобію, какъ носили ихъ пустынники Саровскіе и самъ отецъ Серафимъ: пріятно было такое напоминовеніе о блаженномъ старцѣ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ спасался. «Если вы ѣдете къ камню отца нашего, то подождите насъ тамъ», сказалъ пришелецъ: «мы туда же придемъ кратчайшею стезею;» и дѣйствительно, едва, только мы помолились на мѣстѣ ночной молитвы Серафима, какъ уже показались въ чащѣ лѣса идущіе къ намъ. Увидя камень, на которомъ столько ночей провелъ истинно въ серафимской молитвѣ подвижникъ, я изумился и едва вѣрилъ взору и слуху. «Также изумлялись и самые очевидцы, сказалъ мнѣ мой спутникъ, и спрашивали старца, какъ могъ онъ совершать такой трудный подвигъ»?—«Съ помощію укрѣпляющей благодати Божіей», отвѣчалъ старецъ, «иначе не стало бы силъ человѣческихъ», и, помолчавъ, присовокупилъ: «когда умиленіе есть, то съ нами Богъ».

На обратномъ пути въ обитель я уже не хо-

тѣлъ отдѣлиться отъ пѣшихъ моихъ спутниковъ и пошелъ съ ними вмѣстѣ другою узкою тропою къ бывшей келліи Назарія, игумена Валаамскаго, и его ученика Иларіона, гдѣ временно обиталъ и Марко. Бесѣда наша текла о прежнихъ подвижникахъ Саровскихъ и о совершенномъ оскудѣніи пустынножительства ради боязни, бывшей у настоятеля Нифонта; по нѣкоторымъ случаямъ укрывательства бѣглыхъ въ лѣсу, онъ велѣлъ сломать всѣ пустынныя келліи, гдѣ нѣкогда обитали отшельники, и неохотно дозволялъ уединяться новымъ подвижникамъ, хотя самъ по духу и жизни былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ дѣлателей вертограда Божія. Особенно тотъ, кто сопутствовалъ мнѣ въ одеждѣ бывшихъ пустынножителей, скорбѣлъ о такой житейской предосторожности въ дѣлѣ, выходящемъ изъ обыкновенныхъ предѣловъ житейскаго. Онъ жаждалъ уединиться на Аѳонскую гору, чтобы тамъ вначалѣ утолить душу любимымъ уединеніемъ, и спрашивалъ меня о путяхъ на Востокъ и о подвигахъ тамошнихъ старцевъ.

Отрадна была такая пустынная бесѣда въ глуши дремучаго бора подъ торжественный шумъ вѣковыхъ деревъ, свидѣтелей многихъ вздоховъ и пѣснопѣній отшельниковъ. Истинны слова великаго отца иночествующихъ, Василія, которыя любилъ повторять и отшельникъ игуменъ Назарій: «о уединенное житіе, домъ небеснаго ученія и божественнаго разумѣнія; училище, въ немъ же Богъ есть вся, чему учимся! Пустыня—рай сладости, гдѣ благоуханные цвѣты любви то пламенѣютъ огненнымъ цвѣтомъ, то блистаютъ снѣговидною чистотою, съ ними же миръ и тишина, живя въ низменныхъ, пребываютъ

недвижимы отъ вѣтра: тамъ θиміамъ совершеннаго умерщвленія не только плоти, но что славнѣе и самой воли, и кадило всегдашней молитвы непрестанно разгарается въ немъ божественною любовію»!

Долго обновлялъ въ обители память своего блаженнаго учителя Иларіонъ, бывшій и его преемникомъ въ пустыни и потомъ общимъ духовникомъ всей братіи; не болѣе семи лѣтъ, какъ перешелъ онъ отъ времени въ вѣчность, исполненный дней и дѣяній и доселѣ незабвенный тѣмъ, которыхъ наставлялъ на путь спасенія. Это былъ также одинъ изъ великихъ подвижниковъ пустыни, убогій Саровичъ, какъ онъ самъ себя называлъ; но мнѣ и его не суждено было застать въ живыхъ, не только пламеннаго Серафима, который столькихъ окрылялъ въ молитвѣ. Утѣшительно однако и послѣ ихъ исхода видѣть, до какой степени память великихъ отцевъ уважается братіею, которая, по слову апостольскому, поминая наставниковъ своихъ и взирая на кончину ихъ жизни, подражаетъ вѣрѣ ихъ (Евр. XIII. 7). Нигдѣ, какъ въ Саровѣ, не слыхалъ я такъ часто изреченія отцевъ въ устахъ учениковъ, какъ то бывало въ древнихъ пустыняхъ Египта и Палестины; тамъ новоначальному иноку никогда не предлагали никакого отъ себя поученія знаменитые старцы, а только говорили: «авва Антоній сказалъ то, авва Паисій училъ сему, Памва и Пахомій разсказывали такой-то случай, великому Макарію было такое видѣніе и проч.». Въ обители Саровской соблюдается священное сіе преданіе, и это есть твердѣйшая основа для обители, почему и лежитъ особенный отпечатокъ не только на всей братіи, но даже на выходцахъ Сарова:—всѣ они проникнуты духомъ пустыннолюбія.

Мы возвратились въ обитель по берегу рѣчки Саровы мимо шумныхъ ключей, бьющихъ изъ-подъ навѣса древнихъ сосенъ въ этомъ лѣсномъ оазисѣ, какъ бы нарочно созданномъ для пустынножительства. Добрый настоятель ожидалъ меня въ своей келліи, и мы продолжали съ нимъ бесѣду о подвижникахъ Саровскихъ, которые были такъ близки его сердцу. «Справедлива ли молва, спросилъ я, будто отецъ игуменъ Нифонтъ не любилъ отца Серафима и не позволялъ ему ни жить въ пустынѣ, ни принимать посѣтителей? Какъ объяснить такое странное чувство къ мужу праведному, каковъ былъ Серафимъ, въ душѣ благочестиваго Нифонта?»—«Кто усомнится въ праведности обоихъ?» простодушно отвѣчалъ Исаія. «Мнѣ, бывшему свидѣтелемъ благой жизни и всего, что сдѣлалъ для святой обители покойный отецъ настоятель, можно ли не восхвалять его добродѣтели? а слава о добродѣтели отца Серафима ходитъ по всей Россіи; но бываютъ иногда, по тайному попущенію Божію, нѣкоторыя недоумѣнія и между людьми самыми святыми, какъ о томъ читаемъ въ ихъ житіяхъ. И тутъ однако не безъ причины было неудовольствіе отца игумена. Строгій соблюдатель древняго чина Саровскаго, положеннаго первоначальникомъ нашимъ, онъ не могъ равнодушно видѣть, какъ иногда нарушался этотъ уставъ стеченіемъ людей обоего пола, хотя и благочестивыхъ, въ келлію затворника, когда уставъ строго запрещалъ такія посѣщенія. Съ другой стороны старецъ Серафимъ, испытанный долгимъ затворомъ и пустынножительствомъ, конечно, не безъ особаго откровенія, ему лишь вѣдомаго, открылъ двери своей келліи приходящимъ для духовнаго назиданія, и хотя

онъ казался нарушителемъ заповѣди монастырской, былъ однако съ крайнимъ для себя истощеніемъ исполнителемъ заповѣди Христовой о любви; а я знаю, что предмѣстникъ мой былъ исполненъ къ нему искренняго глубокаго уваженія.»

«Прежде нежели оставить обитель, сказалъ я настоятелю, мнѣ, знавшему только по слуху о великихъ отцахъ вашихъ и уже опоздавшему видѣть ихъ по моему недостоинству, хотѣлось бы войти хотя въ молитвенное общеніе съ ними; прошу васъ велѣть для меня отпѣть панихиду въ соборѣ о душахъ: первоначальника Іоанна, Ефрема, Назарія, знакомаго мнѣ по Валааму, предмѣстника вашего Нифонта и пустынниковъ Марка и Серафима.» — «Желаніе ваше будетъ исполнено, отвѣчалъ игуменъ, и я пойду помолиться вмѣстѣ съ вами надъ гробами блаженныхъ отцевъ нашихъ, да воспомянутъ и они поминающихъ ихъ усердно въ своихъ молитвахъ.»

Мы взошли опять въ соборъ; тихая панихида совершена была о усопшихъ съ литіею надъ гробами Марка и Серафима; такъ я мысленно ознакомился и простился съ ними. Уже время было оставить ихъ обитель; въ святыхъ вратахъ настоятель предложилъ мнѣ взойти еще въ малую церковь святителя Николая, что надъ вратами подъ колокольнею, и на самый верхъ ея, дабы оттолѣ окинуть взорами окрестность. Я изумился пустынному зрѣлищу: мнѣ открылось лѣсное море въ полномъ смыслѣ сего слова, потому что ничего, кромѣ зеленыхъ вершинъ, волнуемыхъ шумнымъ вѣтромъ на подобіе волнъ морскихъ, не представлялось съ уединеннаго столпа колокольни, хотя и превосходила она высоту вѣковыхъ сосенъ; кое-гдѣ изъ сей лѣсистой пучины

подымалось тонкой струею облако дыма, какъ бы отъ пустыннаго кадила, обличая жилье человѣческое въ дремучей чащѣ, или, быть можетъ, нечаянное и нежеланное пламя тамъ, гдѣ чернѣе и шире становилось это облако. Дикая и повидимому однообразная картина имѣла свою поэтическую красоту, и гласъ шумящей дубравы напомнилъ мнѣ псаломный гласъ Господа, сокрушающаго кедры Ливанскіе и сотрясающаго пустыню Каддійскую (Псал. XXVIII). Въ безмолвіи человѣческомъ многоглагольна природа!

Когда мы сошли съ колокольни, уже все было готово къ моему отъѣзду; настоятель съ старшею братію, исполненные гостепріимнаго радушія и любви, по истинѣ христіанской, хотѣли проводить меня хотя нѣсколько шаговъ за ограду, потому что уже наступало время вечерни; они спустились со мною съ крутаго холма на мостъ. «Увидимся ли еще съ вами въ сей жизни?» говорилъ мнѣ смиренный Исаія: «пустынь наша внѣ обыкновенныхъ путей человѣческихъ!» и въ эту минуту ударилъ вечерній колоколъ. «Онъ зоветъ насъ обратно», сказалъ старецъ: «ровно сутки провели вы въ нашей мирной обители отъ одного вечерняго благовѣста до другаго; Господь да направитъ стопы ваши, а мы воспомянемъ о васъ въ своихъ молитвахъ.» Такъ мы разстались; игуменъ съ братіею тихо поднялись въ свое мирное пристанище, а я, переѣхавъ мостъ, погрузился опять въ дремучій боръ. Нѣсколько шаговъ по рыхлому песку посреди лѣса,—и скрылась отъ взоровъ обитель: такою непроницаемою оградою отдѣлена она отъ міра. Я остановился и взглянулъ назадъ, чтобы еще разъ съ нею проститься взоромъ, но кромѣ густой чащи ничего не видѣлъ позади и окрестъ себя.

Казалось, все, что я видѣлъ въ теченіе цѣлаго дня, было одною минутною мечтою воображенія, и можно было бы повѣрить, что это мечта, еслибы отъ времени до времени удаляющійся звукъ колокола не обличалъ мнѣ дѣйствительнаго существованія пустыни.

ОБЪ ИНОЧЕСТВѢ.

При посѣщеніи столь знаменитой и назидательной обители, оставляющей благодѣтельное впечатлѣніе въ сердцѣ, невольно приходитъ на мысль, какъ часто и несправедливо налагаютъ общее осужденіе на все монашество люди, большею частію неопытные, которыхъ возмутилъ какой-либо печальный случай неблагочинія, совершившійся предъ ихъ глазами. Не стану оправдывать тѣхъ, которые подаютъ поводъ къ нареканію на все свое братство; гораздо тягчайшее осужденіе, нежели человѣческое, готовится имъ за то, что, по выраженію апостола, «ихъ ради имя Божіе хулится во языцѣхъ.» Но, признавая ихъ истинно виновными и предъ Богомъ и предъ людьми, можно ли однако быть равнодушнымъ къ несправедливо распространяемому нареканію на все ихъ священное братство, достойное лучшей участи?—Надобно замѣтить и то, что въ числѣ осуждающихъ наиболѣе люди, рѣдко бывающіе въ монастыряхъ, подобно, какъ обыкновенно случается, что и жалуются на продолжительность божественной службы тѣ, которые рѣже другихъ ходятъ въ церковь; напротивъ, часто посѣщающіе храмы Божіи не утомляются долгою молитвою, и въ нихъ болѣе снисхожденія къ монашествующимъ, потому что,

посвятивъ себя жизни духовной, они глубже проникнуты чувствомъ собственной немощи и любви къ ближнему.

«Что есть монахъ?» спрашиваетъ глубоко постигшій житіе иноческое святый Ефремъ Спринъ, и блаженный авва самъ себѣ отвѣчаетъ: «монахъ подобенъ человѣку, который падаетъ съ высоты и, нашедши вервь, висящую высоко надъ землею, хватается за нее, виснтъ на ней и непрестанно вопіетъ къ Господу о помощи, зная, что если ослабѣетъ и выпуститъ вервь изъ рукъ, то упадетъ и умретъ.»

По сему изреченію святаго, монашество не есть какое-либо выспреннее состояніе совершенства человѣческаго, а состояніе покаянія, переходъ отъ зла къ добру, стремленіе къ совершенству, хотя бы и не близко еще было достиженіе онаго; только чрезвычайная добродѣтель первыхъ подвижниковъ, изумивъ міръ, усвоила названіе ангельскаго сему образу спасенія. Мы видимъ въ книгѣ блаженнаго аввы Синайскаго Іоанна, называемой Духовною лѣствицею, цѣлыя обители иноковъ, которыя исполнены людьми, горько кающимися въ своихъ преступленіяхъ, но неотвергнутыми отъ общенія съ братіею; видимъ и примѣры недостойныхъ скитальцевъ или Сараваитовъ съ одною только личиною иноческою; и не смотря на то не падало тогда общее нареканіе на достойныхъ, потому что во всякое время и во всякомъ званіи были люди добрые и злые, и уже самъ апостолъ Павелъ жаловался первымъ христіанамъ, что онъ терпѣлъ отъ лжебратіи (II. Коринѳ. XI. 26).

Слѣдственно и мы не должны быть слишкомъ взыскательны къ иночествующимъ нашего времени и какъ бы подавлять ихъ слабое житіе тяжестію

примѣра отшельниковъ первыхъ вѣковъ, которые казались исполинами духа и въ свое время. Если же мы хотимъ быть справедливыми, то поставимъ и себя въ ту же раму и сравнимъ собственный нашъ образъ жизни съ жизнію мірскихъ христіанъ того времени; тогда только картина будетъ написана вѣрными красками и освѣщена настоящимъ свѣтомъ, а мы невольно сдѣлаемся снисходительнѣе къ братіи нашей, если бы даже нѣкоторыя изъ нея лица оказались лжебратіею. Это не должно однако подавать слабымъ инокамъ повода упорствовать въ своей слабости; но напротивъ того, какъ я уже сказалъ, должно возбуждать ихъ страхомъ отвѣтственности за общее нареканіе къ собственному частному исправленію. Вникнемъ безпристрастно: въ чемъ состоитъ разность между нами мірянами и иноками? потому что надобно сказать правду: мы кажется забыли, до какой степени сходны наши взаимныя отношенія и обязанности, и едва ли, по словамъ Спасителя, не возлагаемъ мы фарисейски бремена неудоборосимыя на ихъ плечи подъ предлогомъ ихъ отреченія отъ міра, когда сами не хотимъ двигнуть сего бремени и перстомъ (Матѳ. XXIII. 4).

И такъ въ чемъ состоитъ существенная разность?—они отреклись отъ міра! а мы развѣ не отреклись также при святомъ крещеніи отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и всѣхъ ангелъ его и всего служенія его?—и развѣ намъ не заповѣдуетъ также апостолъ «не любить міра и яже въ немъ» (I. Іоан. 11. 15).—Развѣ слово, возглашаемое постригаемому иноку, не относится и къ намъ: «нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ началомъ и ко властемъ, и къ міродержателямъ тьмы вѣка сего, къ духовомъ

злобы поднебеснымъ; сего ради пріимите вся оружія Божія, да возможете противиться въ день лютъ и вся содѣявши стати» (Ефес. VI. 12, 13.) «Ибо все, что въ мірѣ», говоритъ евангелистъ Іоаннъ, «есть похоть плотская и похоть очесъ и гордость житейская» (1. гл. II. 16). Неужели мы приведемъ себѣ въ оправданіе малодушное извиненіе, что инокъ, отрекающійся отъ міра, произноситъ свой обѣтъ въ зрѣломъ возрастѣ, когда мы младенцами выходимъ изъ купели и другіе за насъ произносятъ сіи обѣты?— Но развѣ мы сами уже въ возрастѣ не воспринимаемъ другихъ и не произносимъ за нихъ, какъ нѣкогда произносили за насъ, торжественный обѣтъ сей: «отрекаемся сатаны и всѣхъ дѣлъ его и всѣхъ ангелъ его и всего служенія его и всей гордыни его!» Или это только одна форма, одни праздныя слова устарѣвшей присяги? Ей нѣтъ! «страшно впасть въ руки Бога живаго!» восклицаетъ апостолъ Павелъ (Евр. X. 31).

По совѣсти говоря, не велико различіе въ обязанностяхъ православнаго христіанина и монаха. Если инокъ обязанъ безбрачіемъ, то и мірянинъ, въ бракѣ ли онъ находится или внѣ брака, долженъ вести жизнь въ своей степени цѣломудренную, свято соблюдая таинство супружества или дѣвственность. Если постоянный постъ лежитъ на инокѣ, то и мірянинъ не въ правѣ разрѣшать себѣ несоблюденіе правила церковнаго о постахъ, и вся разность состоитъ въ томъ, что монашествующіе не вкушаютъ никогда мяса. Иноку надлежитъ ежедневно присутствовать на всѣхъ службахъ церковныхъ; полезно и мірянину учащать по возможности хожденіе въ храмъ Божій, и необходимый для него долгъ не опускать

ни одного праздничнаго богослуженія, какъ утренняго, то есть литургіи, такъ и вечерняго или всенощной. Что еще сказать о нестяжаніи и послушаніи, которыя одинаково заповѣдалъ Изрекшій намъ: «не заботьтесь о завтрешнемъ днѣ, ибо завтрешній день самъ о себѣ заботится; довлѣетъ каждому дню своя забота; ищите же вопервыхъ царствія Божія и правды его, и все сіе приложится вамъ» (Матѳ. VI, 33, 34.); или «повинуйтеся наставникамъ вашимъ, которые проповѣдывали вамъ слово истины, и, взирая на кончину ихъ жизни, подражайте вѣрѣ ихъ» (Евр. XIII. 7).

Будемъ ли за то строго нападать на монашествующихъ, что они, предпринявъ болѣе трудный нашего путь, текутъ по немъ столь же слабо, какъ и мы по своему пути?—узки врата для каждаго въ царствіе небесное, и если мы полагаемъ, что все имъ запрещено, а все намъ позволено, то горько ошибаемся, ибо широкій путь не ведетъ къ спасенію. Вотъ почему, повторяю опять, тѣ, которые болѣе занимаются предметами духовными, снисходительнѣе смотрятъ по собственному опыту на слабости человѣческія.—«Но зачѣмъ богатство въ монастыряхъ», говорятъ нѣкоторые: для чего оно людямъ, давшимъ обѣтъ добровольной нищеты?»—Дѣйствительно, если иноки, какъ частныя лица, собираютъ себѣ сокровища на землѣ, то они не въ Бога богатѣютъ по причтѣ евангельской; не напрасно читаемъ мы въ писаніи святыхъ отецъ, какъ однажды настоятель обители, обрѣтши у погребаемаго имъ инока деньги подъ возглавіемъ, велѣлъ удалить его тѣло изъ братскаго кладбища. Но совсѣмъ иное богатый инокъ, иное богатая обитель, которая, какъ общество и общество полезное, должна имѣть средства къ своему

содержанію и пропитанію странныхъ и убогихъ и къ благолѣпному украшенію своихъ храмовъ.

Не скажутъ ли еще: «для чего украшать храмы и иконы?—лучше употребить деньги сіи на добрыя дѣла». Какъ иногда опрометчивы такія сужденія! Часто приходятъ мнѣ на память слова Господа бывшему ученику Своему о напрасной, по его мнѣнію, тратѣ драгоцѣннаго мура женою, помазавшею ноги божественнаго Учителя. Приведу подлинныя слова евангелиста Іоанна (XII. 5, 8): «Чесо ради муро сіе не продано бысть на трехстахъ пенязь и дано нищимъ? Сія же рече, не яко о нищихъ печашеся, но яко тать бѣ и ковчежецъ имѣяше и вметаемая носяще. Рече же Іисусъ: «не дѣйте ея, да въ день погребенія Моего соблюдетъ е́, нищія бо всегда имате съ собою, Мене же не всегда имате». Если столь драгоцѣнное муро не отвергнуто Самимъ Господомъ для честныхъ ногъ Своихъ, то мы ли дерзнемъ осудить украшающихъ драгоцѣнные сосуды, въ коихъ преподается намъ или соблюдается все Его пречистое тѣло и честная кровь? или алтари, на коихъ приносится безкровная за насъ жертва, или святое евангеліе, заключающее въ себѣ словеса Божіи, или животворящій крестъ въ память Распятаго, и священные лики Господа, пречистой Его Матери и святыхъ Его угодниковъ, однимъ словомъ, весь храмъ, въ коемъ воспоминается тайна нашего спасенія?— Говорю сіе для вѣрующихъ, ибо для невѣрующихъ все сіе тщетно и чуждо. Такое сужденіе особенно страшно, когда мы взглянемъ на роскошь собственныхъ нашихъ жилищъ и на драгоцѣнныя украшенія близкихъ намъ по сердцу, что едва ли не болѣе прилично святынѣ. Что же касается до снабденія ни-

щихъ, то, конечно, люди усердные, жертвующіе святилищу Христа ради, не забываютъ и нищей братіи Христовой; но поелику они творятъ это втайнѣ отъ міра, то и не можетъ быть оно столь видимо, какъ явное для всѣхъ украшеніе ими святилищъ.

Слышу еще громкій голосъ: «монашествующіе праздны, тунеядцы и даромъ живутъ на свѣтѣ!»— Это мнѣ напоминаетъ вопль Египтянъ о народѣ Божіемъ: «праздни, праздни есте, сего ради глаголете, да идемъ пожремъ Богу нашему; нынѣ убо шедше дѣлайте!» (Исход. V. 17).—Какъ будто можно назвать празднымъ дѣломъ самое упражненіе молитвенное! Хорошо, если бы наша праздность всегда протекала въ молитвѣ, хотя бы мы ничего иного не дѣлали! Лики ангельскіе на небесахъ непрестанно хвалятъ Бога.—Положимъ опять руку на сердце и скажемъ мы, осуждающіе праздность иноковъ: каковы собственные наши труды и подвиги, и многіе ли изъ насъ оставляютъ по себѣ слѣдъ жизненный и благую память? Не протекаетъ ли вся наша жизнь большею частію въ праздныхъ увеселеніяхъ и суетныхъ бесѣдахъ, гдѣ даже нѣтъ мѣста для молитвы?— Люди истинно дѣятельные меньше осуждаютъ, ибо не имѣютъ на это времени. Случалось мнѣ еще слышать отъ нѣкоторыхъ: «по крайней мѣрѣ мы воздали долгъ природѣ, оставивъ по себѣ потомство;»—но воспитали ли они дѣтей своихъ въ страхѣ Божіемъ и приготовили ли въ нихъ истинныхъ сыновъ Церкви и отечеству? это еще вопросъ; а безъ сей единственной цѣли и данная ими преемственно жизнь едва ли принесетъ пользу обществу и будетъ спасительна, какъ для собственной ихъ души, такъ и для рожденныхъ ими.

Да и почему обвиняютъ въ такой чрезвычайной бездѣйственности монашествующихъ? Не говоря уже о томъ, что всякій монастырь, какъ общество, имѣетъ свои необходимыя занятія и должности, которыя исправляются нарочно для того приставленными иноками, но самая служба церковная занимаетъ уже много времени. Въ городскихъ или подгородныхъ монастыряхъ, гдѣ братія должна соображаться съ немощами и недостаткомъ времени или усердія гражданъ,—служба сокращается по мѣрѣ возможности, но и тутъ никогда утреня не бываетъ менѣе двухъ или трехъ часовъ; столько же продолжаются двѣ литургіи, ранняя и поздняя, одна за другой, а иногда бываютъ три и четыре и даже до семи, какъ въ нѣкоторыхъ лаврахъ; на это все нужны особые люди; вечерня съ правиломъ занимаетъ также около двухъ часовъ и болѣе. Такимъ образомъ все въ сложности составляетъ отъ семи до восьми часовъ, не считая молебновъ и панихидъ, которыхъ можетъ быть безчисленное множество. Если, можетъ-быть, нѣкоторые скажутъ, что это всё безполезно, то однако такъ не мыслятъ тѣ, которые съ живымъ усердіемъ приходятъ участвовать на сихъ общественныхъ службахъ и просятъ себѣ еще исключительно молитвъ. Слѣдственно монашествующіе служатъ обществу столько же, сколько и приходское духовенство, и поелику служба ихъ совершается съ бо̀льшимъ вниманіемъ, то и гораздо охотнѣе идутъ въ монастырь, нежели въ приходскую церковь.

Разумѣется, желательно, чтобы монашествующіе совѣстливо употребляли все остальное время для душеспасительныхъ занятій себѣ и другимъ, исключая необходимаго отдыха, и отнюдь бы не предава-

лись праздности. Не въ оправданіе праздным замѣчу однако, что многіе изъ насъ, употребивъ до семи часовъ на службу, почитаютъ себя въ полномъ правѣ быть праздными все остальное время дня, хотя сами и жестоко осуждаютъ иноковъ, а время кажется должно быть дорого для всякаго. При томъ разочтемъ, сколько еще надобно употребить онаго въ монастырѣ на ежедневное приготовленіе къ службамъ, на пріемъ и бесѣду посѣтителей, потому что это одна изъ обязанностей всякой обители назидать не только благолѣпнымъ служеніемъ, но и ласковымъ обращеніемъ. Въ отдаленныхъ же пустыняхъ, гдѣ меньше бываетъ развлеченія, самая служба занимаетъ до 12 часовъ въ сутки, кромѣ общественныхъ обязанностей и рукодѣлья. Много ли же времени останется на праздность? и если нѣкоторые, недостойные своего званія, монахи употребляютъ свободные отъ богослуженія часы на чуждое ихъ сану разсѣяніе, то сколько другихъ посвящаютъ остатокъ дня богомыслію, чтенію, писанію, иконной живописи или рѣзному издѣлію, для благословенія приходящихъ, и можно ли распространять на всѣхъ частныя отступленія отъ строгихъ правилъ иночества?— Господь, по ходатайству Авраама, обѣщалъ ему помиловать цѣлый городъ, если въ немъ обрѣтется хотя десять праведныхъ (Бытія XVIII.) Мы ли на оборотъ за нѣсколько дурныхъ иноковъ осудимъ цѣлую обитель и даже все монашество, хотя бы и на половину было оно не въ духѣ своего званія, тогда, когда быть можетъ нѣсколько невѣдомыхъ намъ подвижниковъ въ тиши келейной отклоняютъ гнѣвъ Божій не только отъ своего недостойнаго братства, но и отъ насъ, дерзновенно

ихъ осуждающихъ среди бездны собственныхъ грѣховъ нашихъ!

Если послѣ всего, что сказано выше, снисходительнѣе будутъ смотрѣть на иночество вообще, не излишнимъ почитаю представить и о той дѣйствительной пользѣ, какую всегда приносили и доселѣ приносятъ у насъ монастыри. Такимъ образомъ да отнимется отъ нихъ мрачное облако нареканія, которое скрываетъ внутренній благодѣтельный свѣтъ ихъ отъ нежелающихъ его видѣть. Я же не думаю сказать что либо лишнее или преувеличенное, если выражусь такъ: что при недостаткѣ у насъ катихизическаго ученія въ приходахъ обители наши служатъ огласительнымъ училищемъ вѣры, и безъ нихъ, можетъ быть, пространное отечество наше возвратилось бы въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ своихъ предѣлахъ къ прежнему духовному мраку невѣжества. По истинѣ, обители, разсѣянныя въ сердцѣ и во всѣхъ концахъ Россіи, суть какъ бы спасительная катихизическая сѣть, охватившая собою все православное царство; ее можно сравнить съ тою апостольскою мрежею, которая по указанію Самого Господа извлекла столь обильную тоню на морѣ Галилейскомъ: ибо доселѣ совершается обильная таинственная ловля душъ человѣческихъ въ мѣстахъ, освященныхъ призываніемъ имени Божія.

Не покажется ли страннымъ мое сравненіе? Я оправдаю его опытомъ: почти въ каждой епархіи есть завѣтное какое либо святилище, куда искони привыкли стекаться на богомолье всѣ окрестные жители; старые и малые, всѣ туда ходятъ по большимъ праздникамъ и необходимо возвращаются съ запасомъ духовнымъ, который не могли они, или весьма

рѣдко могли пріобрѣсти дома въ приходской церкви. Давнее преданіе и самый трудъ хожденія уже невольно располагаютъ къ благоговѣнію богомольцевъ: они остаются въ обители нѣсколько дней, ходятъ ко всѣмъ службамъ, утреннимъ и вечернимъ, просятъ молебновъ предъ чудотворными иконами и мощами православныхъ угодниковъ Божіихъ, которыхъ житіе имъ знакомо, и не рѣдко получаютъ исцѣленія въ болѣзняхъ по ихъ живой вѣрѣ къ симъ безсмертнымъ благодѣтелямъ своей родины. Сверхъ того они слушаютъ съ жадностію поученія на литургіи, посѣщаютъ нѣкоторыхъ изъ знаменитыхъ по благочестію старцевъ, каковы были: Марко и Серафимъ и прочіе свѣтильники Сарова, и съ ихъ благословеніемъ приносятъ домой кресты и иконы, а иногда домашнюю посуду, выработанную руками отшельниковъ. Можно ли, чтобы все это не произвело благодатнаго впечатлѣнія на душу? Святый Іоаннъ Златоустъ не напрасно говоритъ, что тотъ, кто только побылъ въ храминѣ, гдѣ варится муро, невольно выйдетъ изъ нея облагоуханнымъ.

На такого рода людей, простыхъ и смиренныхъ, не производитъ непріятнаго впечатлѣнія какой либо грустный примѣръ нетрезвости или небрежности нерадиваго изъ братіи. «Богъ съ ними, говорятъ они, мы пришли сюда помолиться; вѣдь и съ нами грѣхъ случается». Не только на людей простыхъ, необразованныхъ, но даже и на высшій кругъ богомольцевъ производятъ тоже впечатлѣніе обители, если только съ истиннымъ благочестіемъ ихъ посѣщаютъ, хотя, конечно, болѣе утонченное чувство легче можетъ оскорбиться какимъ либо неблагочиніемъ; но за то общій взглядъ на монашество и на ту пользу, кото-

рую оно принесло отечеству, примиряетъ такого рода посѣтителей съ недостатками иноковъ, и потому весьма несправедлива мысль, будто бы все сіе полезно для одного народа; нѣтъ, по словамъ апостола: «благочестіе на все полезно» (I Тимоѳ. IV, 8).

Люди, образованные въ смыслѣ свѣтскомъ, имѣютъ еще много средствъ для своего духовнаго образованія, кромѣ обителей: гдѣ же могутъ въ другомъ мѣстѣ почерпнуть оное убогія дѣти природы, которыя научаются догматамъ вѣры изъ того только, что они видятъ и слышатъ, потому что не знаютъ грамоты и не имѣютъ у себя духовныхъ наставниковъ. Сосѣдніе монастыри восполняютъ сей духовный недостатокъ, ибо тамъ служба Божія совершается безъ опущенія и самое благолѣпіе обрядовъ объясняетъ для внимательныхъ внутренній смыслъ ихъ; а иногда какое нибудь слово благоговѣйнаго старца западаетъ глубоко въ душу и производитъ спасительное измѣненіе цѣлой жизни. Посему, какъ больно слушать поверхностное и непріязненное сужденіе о монашествѣ людей, вовсе незнакомыхъ съ жизнію духовною и видящихъ одну только худую сторону обителей, когда напротивъ того многія тысячи народа стремятся въ сіи убѣжища молитвы и обрѣтаютъ въ нихъ душевную для себя пользу!

Я говорилъ вообще о пользѣ всѣхъ обителей безразлично, малыхъ и великихъ, славныхъ и неизвѣстныхъ, разсѣянныхъ по лицу благословенной земли нашей. Что же если упомянуть о знаменитѣйшихъ, каковы: святыя лавры Сергіева и Печерская, или Соловецкая, къ которымъ искони стекается вся Россія изъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ, какъ нѣкогда сходился весь Израиль въ урочные дни торжествъ

ветхозавѣтныхъ въ единственный тогда храмъ Іеговы предъ лице Бога Іаковля. Это всенародное ежегодное собраніе было залогомъ единодушія и братства въ народѣ Божіемъ, напоминая ему о единствѣ его происхожденія и вѣры. Тоже можно сказать и о благочестивомъ странствованіи единоплеменнаго народа Русскаго, разсѣяннаго по необъятному отечеству нашему, который встрѣчается однажды въ годъ въ лицѣ своихъ богомольцевъ у какой либо одной святыни и передаетъ другъ другу взаимныя мысли и чувства; даже нѣкоторое образованіе проистекаетъ отъ сего благочестиваго странствованія, потому что каждый поклонникъ возвращается съ запасомъ новыхъ свѣдѣній о Россіи.

Скажу для примѣра, что весь сѣверъ, то есть губерніи Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Пермская и Вятская, почитаютъ священною обязанностію, хотя однажды въ жизнь, посѣтить дальнюю обитель Соловецкую на морѣ-океанѣ, какъ простодушно говорятъ богомольцы, которые даже не дерзаютъ вступать въ бракъ прежде, нежели поклонятся Савватію, Герману и Зосимѣ, Соловецкимъ чудотворцамъ. Какъ похвально такое чувство усердія, основанное на другомъ, не менѣе похвальномъ чувствѣ благодарности къ симъ великимъ заступникамъ: ибо, даже и не читая лѣтописи, по одному давнему устному преданію отъ отца къ сыну, весь нашъ Сѣверъ еще памятуетъ, что онъ обязанъ своимъ образованіемъ и даже населеніемъ обители Соловецкой.

Тогда только пустынныя мѣста сіи, какъ бы забытыя людьми въ полуночи, просіяли міру, когда безвѣстные отшельники Савватій и Германъ и за ними Зосима вздумали тамъ уединиться и тайною

своею молитвою оплодотворили пустыню по весьма правильному изреченію церковныхъ пѣснопѣній во славу отшельниковъ: «слезъ твоихъ теченьми пустыни неплодное воздѣлалъ еси, и еже изъ глубины воздыханьми во сто трудовъ оплодотворилъ еси, и былъ еси свѣтильникъ вселеннѣй, сіяя чудесы, отче нашъ, моли Христа Бога, спастися душамъ нашимъ.»—Такъ дѣйственна и доселѣ эта молитва и можетъ ли быть, чтобы стекающіеся изъ сѣверныхъ предѣловъ въ обитель Соловецкую не приносили съ собою хотя нѣсколько просвѣщенія духовнаго въ свои семейства? Не лишнее, быть можетъ, для равнодушныхъ къ священной старинѣ напомнить еще, что лавра Соловецкая, какъ она называлась въ тѣ дни, отразила въ грустную годину самозванцевъ неоднократныя нападенія Шведовъ и черезъ то удержала весь Сѣверъ Руси въ повиновеніи законному царю, точно также, какъ и лавра Сергіева въ сердцѣ нашего отечества была единственнымъ его оплотомъ. Сперва населеніе и просвѣщеніе всего Сѣвера, потомъ защита его отъ враговъ, и доселѣ постоянное возбужденіе въ немъ чувства вѣры,—еще ли сего недовольно?

Подобно какъ Соловецкая обитель на своемъ морскомъ отокѣ служитъ мѣстомъ соединенія для сѣверныхъ предѣловъ Россіи, такъ въ средней ея полосѣ лавра Сергіева. Не только всѣ окрестныя мѣста, но изъ дальнихъ притекаютъ безчисленные поклонники къ великому заступнику своей родины, преподобному Сергію. Они вмѣстѣ съ тѣмъ обрѣтаютъ въ его гостепріимной обители и ежедневную трапезу для нищихъ, и больницу для болящихъ, и богадѣльню для увѣчныхъ, и училище для сиротъ. Чего

еще болѣе требовать отъ дома молитвы? Такъ ли гостепріимны мірскія общественныя заведенія?

Говорить ли о Воронежѣ, гдѣ въ теченіе десяти лѣтъ перебывала, можно сказать, вся Россія для поклоненія мощамъ новоявленнаго чудотворца и новыми его чудесами утвердилась въ старой своей вѣрѣ!—А Кіевъ и его чудная Печерская лавра, эта мать всѣхъ обителей Русскихъ, какъ и самый Кіевъ былъ матерію всѣхъ городовъ нашихъ! Сколько святыни заключается въ этой единственной сокровищницѣ молитвы! Сколько нищихъ питается тамъ милостынею всей земли Русской, и сколько богомольцевъ отъ Сѣвера и Юга, Запада и Востока находятъ себѣ духовное утѣшеніе въ пещерахъ лавры, прославленныхъ нетлѣніемъ первыхъ отшельниковъ! Отнимите у насъ этотъ природный нашъ Іерусалимъ, и какая пустота останется въ сердцѣ Руси, не восполняемая никакимъ инымъ сокровищемъ!—Чтобы судить о томъ, какъ дорого что либо нашему сердцу, надобно познакомиться съ тѣмъ, что мы любимъ; иначе нельзя понять нашихъ чувствъ. Мы часто слышимъ и довольно равнодушно объ утратѣ людей намъ чуждыхъ, но живо трогаетъ насъ только участь нашихъ присныхъ. Тоже скажу объ иночествѣ и монастыряхъ: одни тѣ могутъ судить о нихъ, которые сами глубоко проникнуты ихъ духовною необходимостію и любятъ посѣщать ихъ для молитвы. Чуждымъ они чужды, хотя тѣсно съ ними связана судьба всего православія.

Мірскіе священники, обязанные узами семейными, едва бываютъ въ силахъ удовлетворять необходимымъ требамъ, когда напротивъ того иноки, болѣе свободные духомъ, потому что не лежатъ на нихъ узы брака, могутъ исключительно посвятить

себя служенію Церкви въ болѣе полномъ значеніи этого слова. Немощь человѣческая не позволяетъ каждому духовному лицу сдѣлаться инокомъ, потому и насильственно состояніе духовенства латинскаго, надъ которымъ тяготѣетъ законъ безбрачія вопреки постановленіямъ соборнымъ; но Церковь православная, соединяя, какъ сказано въ правилѣ шестаго вселенскаго собора, строгость церковную съ снисхожденіемъ апостольскимъ, благоразумно постановила, чтобы архипастыри, управляющіе церквами, были исключительно посвящены Богу, не связываясь узами житейскими, и разрѣшила подчиненнымъ ихъ сослужителямъ вступать въ благословенный бракъ немощи ради человѣческой. Для тѣхъ же, которые исключительно хотятъ работать Господу, открыты обители, дабы въ свою чреду изъ среды ихъ избирались предстоятели Церкви и ихъ ближайшіе помощники, необходимые для управленія. Что же было бы, если бы только одни безпомощные старцы заключались въ стѣнахъ монастырскихъ?—Не говоря уже о невозможности благолѣпнаго служенія, кто бы восходилъ на каѳедры епископскія? кто бы содѣйствовалъ епископамъ въ облегченіи пастырскаго ихъ бремени?—По истинѣ, когда слышишь иногда у насъ ропотъ о безполезности и множествѣ монастырей и монашествующихъ, подумаешь будто говорится о Римѣ или о прежней Испаніи, гдѣ дѣйствительно десятый человѣкъ былъ инокомъ или клирикомъ, а не о благословенномъ отечествѣ нашемъ, гдѣ все соразмѣрено мѣриломъ православія ко благу Церкви и Государства. Изъ оффиціальныхъ свѣдѣній можно достаточно убѣдиться по числу иноковъ и обителей, какъ мало знаютъ настоящее положеніе дѣлъ цер-

ковныхъ тѣ, которые наиболѣе вопіютъ, и страшно слышать такія строгія осужденія при столь маломъ желаніи познать истину.

Не изумятся ли они сами, узнавъ, что во всей Россіи находится только 409 обителей мужескихъ и 118 женскихъ, въ стѣнахъ которыхъ заключено не болѣе 5,150 постриженныхъ иноковъ, въ томъ числѣ и старцевъ, и 2,250 постриженныхъ инокинь. Присоедините къ этому еще 3,970 послушниковъ и 7,400 послушницъ, не постриженныхъ и слѣдственно свободныхъ во всякое время оставить обитель, но трудящихся въ ней, какъ трудились бы и во всякомъ другомъ мірскомъ обществѣ: итого всѣхъ, всякаго возраста, званія и пола, посвятившихъ себя на служеніе Богу, 15,540, а постриженныхъ между ними только 7,340 лицъ обоего пола. Неужели это число велико при 46 милліонахъ одного православнаго населенія въ Россіи? Вотъ такъ то, что намъ кажется огромнымъ издали, теряетъ свои исполинскіе размѣры по мѣрѣ приближенія и становится весьма обыкновеннымъ, если только смотрѣть безпристрастными глазами!

Блаженны мы, имѣющіе еще духовное утѣшеніе видѣть святыя обители наши процвѣтающими подъ сѣнію Церкви православной, а не расхищенными и сокрушенными неистовымъ духомъ враговъ Христовыхъ, какъ на Западѣ, гдѣ свѣжія развалины стоятъ обличительными остовами минувшей славы нынѣшнему безславію. У насъ же древнія наши лавры и обители служатъ предметами любви народной, потому что теплое, святое чувство православія привлекаетъ къ нимъ доселѣ, и, если не прогнѣваемъ Бога, и впредь привлекать будетъ безчисленныхъ бого-

мольцевъ, проникнутыхъ искреннею вѣрою и привязанностію къ родной святынѣ. Возблагодаримъ же Бога отцевъ нашихъ, дающаго намъ созерцать ихъ нетлѣнныя тѣлеса, а не покланяться однимъ лишь упраздненнымъ ихъ ракамъ, какъ на печальномъ Востокѣ, гдѣ варвары расхитили древнюю святыню.

Великіе пустынножители земли Русской! истинные отцы не только иночествующихъ, но и мірскихъ вашихъ чадъ! Антоній и Ѳеодосій, Сергій и Никонъ, Зосима и Савватій, и оба Кирилла и два Нила, Саввы, Діонисіи, Александры и прочіе, имена которыхъ неизвѣстны, и весь сонмъ святителей, исшедшихъ изъ смиренныхъ рядовъ на высокія каѳедры, чтобы свѣтить міру!—продолжайте осѣнять отчизну вашу, столько разъ спасаемую вами кровомъ крилъ нынѣшней невещественной вашей славы, какъ новые архистратиги небесныхъ силъ, образъ которыхъ носили вы на землѣ! Въ святыхъ обителяхъ вашихъ, созданныхъ, по словамъ преподобнаго Нестора, по́томъ вашимъ и слезами, да обитаетъ миръ и да подражаютъ собранныя вами духовныя чада вашему благому примѣру, оставленному вами для насъ и для нихъ. Да дастся и намъ не только въ уста, но и въ сердце, эта смиренная молитва великаго подвижника, аввы Ефрема, и не на одно лишь теченіе великаго поста, но на все продолженіе нашей жизни:

«ей, Господи, Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ, аминь».

X.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ.

Послѣ мирнаго безмолвія Саровской пустыни странно было на другой день очутиться опять посреди шума и суеты ярмарки Нижегородской. Хотя не столь многолюдная, какъ въ предъидущіе годы, по случаю холеры, она уже кипѣла однако полною жизнію, когда я возвратился въ Нижній. Очаровательно было ея зрѣлище въ лѣтній роскошный вечеръ, окрасившій своимъ румянцемъ воды Оки, и мачты судовъ, и бѣлыя зданія торжища. Привѣтливая встрѣча ожидала меня у заставы и въ пріятномъ обществѣ въѣхалъ я въ городъ, оживленный красными днями, но который я оставилъ подъ мрачными впечатлѣніями болѣзни и непогоды. Такой рѣзкій переходъ изъ глухихъ лѣсовъ въ треволненіе житейское былъ вѣрнымъ образомъ непостоянства жизни человѣческой, гдѣ такъ часто важное смѣняется легкимъ и мрачное свѣтлымъ, если только можно назвать свѣтлымъ суетное движеніе и разнообразіе безотчетно кипящей жизни. Солнце уже садилось; мы уловили послѣднія минуты дня, чтобы насладиться чуднымъ видомъ, который открывается во всѣ стороны на обѣ рѣки, и на кремль, и на ярмарку съ гребня горы, нависшей надъ Окою.

Протяжный гулъ пробѣжалъ по длинному мосту отъ топота копытъ и стука колесъ, и отрадно было для слуха глухое эхо по водамъ. Двойнымъ рядомъ лавокъ кончался живописный мостъ, какъ бы Венеціанскій Ріальто или Понтевеккіо чрезъ Арно во

Флоренціи, которые также обставлены съ обѣихъ сторонъ сими легкими пріютами торговли. На полуостровѣ ярмарки гремѣла музыка и раздавались народныя пѣсни; во всѣхъ окнахъ временныхъ ея жилищъ горѣли огни; разноцвѣтные фонари освѣщали вывѣски балагановъ, куда стремился разноплеменный народъ для развлеченія отъ торговыхъ заботъ утомительнаго и часто неудачнаго дня. Это собственно кварталъ Татарскій; здѣсь наиболѣе встрѣчаешь ихъ характеристическія лица въ бѣлыхъ балахонахъ и шапкахъ, какъ тѣни скользящія между рядовъ; но тутъ можно было встрѣтить и всѣ прочія племена, потому что къ вечеру эта часть ярмарки по своимъ балаганамъ и гостинницамъ дѣлается сходбищемъ всѣхъ ея посѣтителей и торговцевъ:—картина восточная, фантастическая!

Слишкомъ быстро осмотрѣлъ я знаменитую ярмарку, чтобы предпринять ея описаніе; но и одного бѣглаго взгляда достаточно, чтобы поразить изумленіемъ каждаго и оставить въ сердцѣ глубокое впечатлѣніе о величіи Россіи при зрѣлищѣ всемірнаго торжища, которое сосредоточилось въ ея предѣлахъ. Съ привѣтливымъ моимъ хозяиномъ я обѣжалъ всѣ гостиные ряды, правильно расположенные вокругъ губернаторскаго дома, и едва вѣрилъ глазамъ своимъ: цѣлые магазины косметическихъ предметовъ были наполнены драгоцѣнностями, которыя охотно раскупаетъ Сибирь, наше золотое дно; напротивъ нѣсколько лавокъ фарфоровыхъ издѣлій, спорящихъ съ Китайскими въ прочности и красотѣ. Армяне и Грузины отчасти занимаютъ собственно Китайскіе ряды около собора, такъ названные по стариннымъ украшеніямъ ихъ крыши; но богатѣйшіе Азіятцы тѣ-

снятся въ галлереяхъ губернаторскаго дома. Прекрасная Армянская церковь, выстроенная за каналомъ недалеко отъ собора, привлекаетъ сюда выходцевъ Востока, потому что они могутъ найти здѣсь и духовное утѣшеніе вмѣстѣ съ мірскими выгодами; но и для Татарскихъ торговцевъ оказано также большое снисхожденіе со стороны правительства устройствомъ мечети, куда стекаются они толпами каждую пятницу.

Тройной рядъ корпусовъ, правильно сооруженныхъ около присутственныхъ мѣстъ, служитъ большею частію для помѣщенія Русскихъ и Европейскихъ товаровъ, какіе обыкновенно встрѣчаешь въ гостиныхъ дворахъ столицы; но всего занимательнѣе то, что не вмѣщается въ сихъ однообразныхъ рядахъ по природному влеченію духа народнаго къ привольной куплѣ и продажѣ безъ стѣснительнаго для него порядка. Посмотрите на цѣлый рядъ выставленныхъ по сторонамъ шоссе расписныхъ сундуковъ, которыми такъ обильно снабжаетъ Волга любящій пестроту Востокъ, или на громадную массу домашней посуды, необходимо расходящейся по всей Россіи, или загляните въ ветошный рядъ въ полномъ смыслѣ сего слова, гдѣ торгуютъ въ полумракѣ всякимъ мелкимъ товаромъ подъ навѣсомъ парусины, пользуясь невѣрнымъ освѣщеніемъ для удачнаго сбыта. Вотъ цѣлые обозы телегъ и колесъ, которыя однако всѣ раскупятся, звонкій рядъ колоколовъ, въ которые ударяютъ приставленные мальчики, чтобы звукомъ прельстить любителей благовѣста, и полныя лавки однихъ гвоздей и другихъ мелкихъ желѣзныхъ издѣлій.

Не буду исчислять всѣхъ разнородныхъ пред-

метовъ, которые привлекаютъ до 200,000 народа въ сей внутренній портъ Россіи, какъ его назвалъ прозорливый Петръ, и куда привозится товаровъ изъ Европы, Азіи и дальняго Китая на 50.000.000 руб. серебромъ. Для невѣжественнаго посѣтителя въ дѣлахъ торговыхъ всего поразительнѣе были два предмета, потому что болѣе другихъ бросались они въ глаза своею громадностію, и дѣйствительно въ нихъ заключается главная торговля Нижегородской ярмарки. На одномъ ея краю на островѣ, образуемомъ рукавомъ Оки, вся масса желѣза Сибирскаго, добываемаго въ рудникахъ Пермскихъ: грудами лежитъ оно, какъ будто всѣ тайныя сокровища земли внезапно исторглись изъ ея нѣдръ; страшно подумать, что тутъ на тѣсномъ пространствѣ собрано до 4,000,000 пудовъ одного желѣза, не считая мѣди, Демидовыхъ, Строгановыхъ, Шереметевыхъ и другихъ колоссальныхъ владѣльцевъ. Важно прохаживаются охранители сихъ желѣзныхъ сокровищъ между взгроможденными ихъ рядами и весьма скоро совершаютъ свои милліонныя сдѣлки, потому что здѣсь и не заводятъ рѣчь о какихъ либо мелочныхъ продажахъ; все въ исполинскихъ размѣрахъ.

Совершенно на другой оконечности ярмарки, пройдя конскіе табуны, которые пасутся въ полѣ около торжища, миновавъ груды шерсти и кожъ, навезенныхъ Бухарцами для сбыта во всю Россію, вы достигаете до отдѣльнаго Китайскаго городка на берегу Волги, составленнаго изъ однихъ цибиковъ чая. До 30,000 такихъ огромныхъ цибиковъ, обитыхъ рогожею, стоятъ въ нѣсколько рядовъ на деревянныхъ накатахъ, и Московскіе купцы приходятъ скупать ихъ такъ, какъ они стоятъ, цѣлыми рядами,

хотя это отзывается сотнями тысячъ нашимъ столичнымъ милліонщикамъ. Тутъ можно видѣть все внутреннее благосостояніе колоссальной державы, которой купцы, какъ было сказано въ Библіи о Тирскихъ, являются яко сильные князи земли. Такое зрѣлище утѣшительно по чувству народной славы, когда видишь, что со всѣхъ предѣловъ знаемаго міра и изъ внутреннихъ пустынь Азіи стекаются въ сердце Россіи несмѣтные караваны съ богатствами цѣлой вселенной, благоговѣющей предъ именемъ Русскимъ!

Поздно вечеромъ оставилъ я Нижній посреди шумныхъ кликовъ народныхъ, при звукахъ музыки, гремѣвшей въ ярко освященной галлереѣ губернаторскаго дома, и долго фантастическое впечатлѣніе этого восточнаго міра, достойнаго тысячи одной ночи, наполняло мое воображеніе, когда я мчался во мракѣ по лѣсистой дорогѣ къ Владиміру.

О ПОСТѢ.

Прекрасное шоссе вмѣсто прежней, часто непроходимой дороги, пріятно облегчало путешествіе, особенно послѣ труднаго пути въ Казань и Саровъ; но съ успѣхами образованія непріятное впечатлѣніе производило на мое сердце встрѣчавшееся мнѣ послабленіе церковнаго устава о постахъ. Хотя это время было самое дѣятельное для Нижегородской дороги по случаю проѣзда купечества на ярмарку, однако почти нигдѣ въ гостинницахъ нельзя было добыть себѣ постной пищи, не смотря на важность Успенскаго поста, который почитался у отцевъ нашихъ отрывкомъ великаго. «Рѣдко спрашиваютъ»,

было обыкновеннымъ извиненіемъ содержателей гостинницъ. Я понимаю это для негоціантовъ иностранныхъ; но неужели благочестивое купечество Русское подражаетъ ихъ примѣру, если не возитъ съ собою домашніе запасы для трехдневнаго пути въ дилижансахъ.—Между тѣмъ грустно видѣть такое отступленіе отъ порядка церковнаго, который заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе важности, нежели сколько предполагаютъ пренебрегающіе его наружными формами, потому что всякое стройное общество, равно церковное, какъ и гражданское, необходимо должно быть подчинено какому-либо внѣшнему порядку, строго соблюдаемому для того, чтобы оно не рушилось.

Возьмемъ для примѣра училище. Можетъ ли быть, чтобы тамъ не были опредѣлены не только часы на занятія, на отдыхъ и на пищу, но самая пища, бо́льшею частію однообразная? Иначе нельзя было бы свести счета ни времени, ни деньгамъ.—Въ строю воинскомъ не покажутся ли странными для неопытнаго всѣ повороты и командныя слова?—и однако, если бы они всѣ не исполнялись въ точности, нельзя было бы сдвинуть съ мѣста полка, и если бы сверхъ того не соблюдалась строжайшая подчиненность при всѣхъ малѣйшихъ приказаніяхъ начальства, все войско обратилось бы въ нестройную массу, которая бы не въ силахъ была выдержать напора непріятелей.—То же можно сказать и о воинствѣ Христовомъ, которое необходимо должно быть въ повиновеніи у своихъ пастырей и строго исполнять всѣ заповѣди церковныя, чтобы противостоять нападеніямъ опаснаго врага душъ нашихъ, о которомъ непрестанно предостерегаетъ насъ Церковь. Если мы,

будучи больны, слушаемъ съ покорностію предписанія врачей, совѣтующихъ намъ не только воздержаніе въ пищѣ, но даже самый ея родъ для бо̀льшаго успѣха ихъ лѣкарствъ, будемъ ли не покорны опытному гласу врачей духовныхъ, когда они вмѣстѣ съ постомъ заповѣдали и самый его образъ?

Особенно больно видѣть такое пренебреженіе устава церковнаго, когда люди даже не хотятъ сознаться въ своемъ малодушіи, а напротивъ стараются оправдать себя мнимою суетностью такихъ постановленій и даже словами святаго Писанія. Однако во главѣ его на первой страницѣ Библіи мы уже видимъ постъ, заповѣданный Адаму запрещеніемъ извѣстнаго плода, и нарушеніе сей заповѣди есть начало первороднаго грѣха, ради коего Самъ Господь долженъ былъ сойти на землю, чтобы возстановить человѣка.—Вотъ какъ важно маловажное повидимому невоздержаніе въ пищѣ!—потому что, по словамъ одного нашего краснорѣчиваго витіи, когда дѣло касается до нарушенія заповѣди Божіей, одно и тоже «сорвать яблоко съ дерева, что и солнце съ тверди небесной.» Постъ же не есть заповѣдь человѣческая, хотя такимъ его домогаются представить тѣ, которые не имѣютъ довольно твердости, чтобы соблюдать его; они думаютъ стать выше его въ собственныхъ понятіяхъ, а на самомъ дѣлѣ становятся ниже, потому что преодолѣніе чувственной своей природы выше произвольнаго послабленія всѣмъ ея прихотямъ, а послушаніе заповѣдямъ еще выше поста и молитвы.

И можно ли назвать постъ заповѣдью человѣческою, когда примѣрами его исполнено все священное Писаніе?—Не говоря уже о Ветхомъ Завѣтѣ, гдѣ

два величайшіе подвижника, Моисей и Илія, сорокодневнымъ постомъ достигаютъ даже до божественнаго созерцанія; но и на грани Новаго Завѣта не стоитъ ли предъ нами свѣтлое лице Предтечи, величайшаго изъ рожденныхъ женами, по словамъ Самого Господа, и который однако провелъ всю свою жизнь въ пустынѣ, питаясь акридами и медомъ дикимъ? Достаточно и одного такого примѣра, чтобы заградить уста всѣмъ. Но и Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ не удалялся ли въ пустыню на сорокъ дней, проведенныхъ имъ въ совершенномъ воздержаніи отъ пищи?—Въ это время побѣдилъ онъ всѣ искушенія вражескія и, зная по опыту силу поста надъ силою демона, говорилъ ученикамъ своимъ, когда не могли они изгнать нечистаго духа изъ бѣснующагося отрока: «родъ же сей ничѣмъ не изгоняется, какъ только молитвою и постомъ.» Не есть ли это ясная заповѣдь? Памятовали апостолы и другія слова ихъ божественнаго Учителя о томъ, «что они будутъ поститься, когда отымется отъ нихъ женихъ,» и послѣ вознесенія Господня не предпринимали никакого дѣйствія безъ молитвеннаго поста: до такой степени они полагали его нужнымъ для успѣха своей проповѣди! «Когда они пребывали въ служеніи Господу и въ постѣ, Духъ Святый сказалъ: отдѣлите мнѣ Варнаву и Павла на дѣло, къ которому я ихъ призвалъ; тогда они, совершивъ постъ и молитву, возложили на нихъ руки и отпустили ихъ» (Дѣян. XIII. 2, 3).

И такъ вотъ мы видимъ, что постъ не раздѣленъ съ служеніемъ Господу и дѣломъ проповѣди, и это дважды здѣсь повторено, какъ бы для того, чтобы болѣе назначить достоинство поста. Но, можетъ

быть, нелюбители онаго скажутъ, что постъ временъ апостольскихъ различенъ былъ отъ нашего и состоялъ только въ воздержаніи отъ пищи, а не въ извѣстномъ ея родѣ, какъ это опредѣлено у насъ. Можно бы еще согласиться съ ними, если бы и они согласились поститься по-апостольски, то есть воздерживаться отъ пищи до шестаго и девятаго часа дня, или пребывать вовсе безъ пищи по цѣлымъ днямъ, какъ въ первыя времена; но такъ какъ они этого не исполняютъ, то могутъ ли по совѣсти осуждать снисхожденіе, которое оказываетъ намъ Церковь въ опредѣленіи извѣстнаго рода пищи на время поста для однообразія и порядка и дабы немощные могли слѣдовать за болѣе крѣпкими въ исполненіи заповѣдей? Не странно ли послѣ сего слышать, какъ иномыслящіе, нарушая на каждомъ шагу заповѣдь святаго Писанія о постахъ, хвалятся еще особенно яснымъ разумѣніемъ онаго, или, лучше сказать, произвольнымъ примѣненіемъ къ своимъ житейскимъ прихотямъ?

Примѣромъ тому можетъ служить слово апостольское, которое такъ часто слышится въ устахъ даже нашихъ единовѣрцевъ, какъ извиненіе въ несоблюденіи ими правилъ церковныхъ: «все предлагаемое вамъ ядите.» Но если бы тѣ, которые безотчетно употребляютъ это изреченіе, вникли въ настоящій смыслъ его и прочли не усѣченный, а полный текстъ апостола Павла, они убѣдились бы, что строгое обличеніе противъ нихъ самихъ заключается въ сихъ краткихъ словахъ, повидимому имъ благопріятныхъ. Что говоритъ апостолъ?—«Ежели кто изъ невѣрующихъ позоветъ васъ и вы къ нему захотите пойти, то все предложенное вамъ ядите безъ всякаго из-

слѣдованія для спокойствія совѣсти» (1 Коринѳ. X, 27). О какомъ же здѣсь говорится изслѣдованіи?—о томъ, что предлагаемое не есть ли жертва идольская, ибо это могло случиться въ домѣ язычниковъ, къ которымъ ради ихъ спасенія входили христіане. Слышите ли, что говоритъ апостолъ: «ежели кто изъ невѣрующихъ пригласитъ васъ и вы захотите къ нему пойти.» Но вы нарушаете заповѣдь церковную о постѣ въ домахъ христіанскихъ; неужели хотите подвергнуть себя и ихъ тому же грустному наименованію?—Есть на все свое время и снисхожденіе, но никогда не должно оно нарушать узаконеннаго правила, какъ гражданскаго, равно и церковнаго. Потому ли только первое будетъ тверже послѣдняго, что за нарушеніемъ его слѣдуетъ тотчасъ наказаніе, а милость Божія долготерпитъ согрѣшеніямъ нашимъ, хотя мы чрезъ то и соблазняемъ нашихъ близкихъ. Не ясно ли говоритъ намъ апостолъ: «пища не приближаетъ насъ къ Богу, ибо ѣдимъ ли, ничего не пріобрѣтаемъ отъ того, и не ѣдимъ ли, ничего не теряемъ. Берегитесь однако, чтобы сія свобода ваша не послужила для слабыхъ соблазномъ; согрѣшая противъ братіи и уязвляя немощную совѣсть ихъ, вы противъ Христа согрѣшаете, и потому если пища соблазняетъ брата моего, не стану ѣсть мяса во вѣки, чтобы не соблазнить брата моего» (1 Коринѳ. VIII, 8, 9, 12 и 13).

Вотъ какъ милостиво судилъ апостолъ Павелъ, «который для всѣхъ былъ все, чтобы всячески спасти кого нибудь» (IX, 12); а мы сколько разъ подаемъ дурной примѣръ меньшой братіи нашей чрезъ нарушеніе малыхъ, по нашему мнѣнію, заповѣдей, къ нарушенію ими бо̀льшихъ? Напрасно также гово-

рятъ поблажающіе себѣ, что не въ постѣ состоитъ спасеніе; какъ будто-бы Церковь почитала постъ единственнымъ средствомъ ко спасенію. Нѣтъ, она очень ясно научаетъ насъ въ началѣ великаго поста пѣснями духовными, въ чемъ состоитъ истинный постъ:

«Постящеся братіе тѣлеснѣ, постимся и духовнѣ, разрѣшимъ всякій союзъ неправды, расторгнемъ стро́потная нуждныхъ измѣненій, всякое списаніе неправедное раздеремъ: дадимъ алчущимъ хлѣбъ, и нищія безкровныя введемъ въ до́мы, да пріимемъ отъ Христа Бога велію милость.»

Здѣсь кажется ясно видно, чего при постѣ требуетъ отъ насъ Церковь, учредившая оный по гласу Божію; полезно намъ вспомнить при этомъ случаѣ и обличеніе Христово противъ фарисеевъ: «горе вамъ, лицемѣры, что даете десятину съ мяты, аниса и тмина, и оставили важнѣйшая въ законѣ, правосудіе, и милость, и вѣру; сіе надлежало творить и того не оставлять» (Матѳ. XXIII, 23). Господь не повелѣваетъ оставлять меньшаго для бо̀льшаго, но исполнять то и другое. Мы видимъ большею частію, что исполняющіе совѣстливо малѣйшія заповѣди вѣрны бываютъ и въ бо̀льшихъ, и никакъ не слѣдуетъ заключать, что, исполняя заповѣдь поста, они почитаютъ себя въ правѣ все прочее пренебрегать.

Многое бы еще можно было сказать по сему предмету, но достаточно и сего малаго, если только кто положитъ руку на сердце и не съ духомъ состязанія будетъ вникать въ слова священнаго Писанія; тогда, быть можетъ, приметъ и это братское напоминовеніе, внушенное христіанскою любовію и сознаніемъ собственной немощи.

IX.

ВЛАДИМІРСКІЙ СОБОРЪ.

Вступая въ предѣлы Владимірскіе, я какъ бы входилъ въ древній міръ великокняжескій, гдѣ еще все дышало первыми вѣками Руси и было исполнено имени Боголюбскаго, затмившаго Византійскую славу древняго Кіева. —И вотъ на прагѣ Владиміра, за десять верстъ отъ бывшей столицы, встрѣтила меня обитель Боголюбская,—любимый пріютъ святаго князя и мѣсто горькой его кончины, еще свѣжей въ памяти народной, какъ-бы недавнее событіе. Солнце садилось, когда я подъѣхалъ къ монастырю, такъ что едва успѣлъ осмотрѣть его главную святыню; древніе вязы или отрасли тѣхъ, которые посажены были рукою Боголюбскаго около своего загороднаго жилища, доселѣ осѣняютъ зданія монастырскія, и на дворѣ еще показываютъ каменную чашу, куда собирались усердныя подаянія для построенія обители.

Я взошелъ въ соборную церковь Рождества Богоматери, сооруженную княземъ Андреемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ остановилась чудотворная икона Владимірская, которая теперь въ Москвѣ; не было тутъ и другой знаменитой его иконы Боголюбской Божіей Матери; она странствовала по окрестнымъ селеніямъ по случаю свирѣпствовавшей болѣзни,—ибо жители имѣютъ чрезвычайную вѣру къ сей завѣтной иконѣ, которая уже не разъ избавляла ихъ своимъ осѣненіемъ отъ моровыхъ повѣтрій. Мнѣ хотѣлось видѣть мѣсто мученической кончины великаго князя, убіеннаго присными, и меня ввели по круглой лѣстницѣ

колокольни въ бывшую его ложницу на хорахъ соборной церкви. Семь квадратныхъ шаговъ, вотъ все ея пространство:—много ли менѣе нужно и для могильной усыпальницы? Здѣсь однако подъ сѣнію храма любилъ уединяться боголюбивый князь, который силою своего генія создалъ новое государство на Сѣверѣ Руси и уже не жаждалъ стараго Кіева, какъ честолюбивый отецъ его Долгорукій. Дворецъ княжескій пристроенъ былъ къ храму и новая колокольня поставлена на старыхъ сѣняхъ; но благочестіе князя втѣснило его въ самый храмъ для ночнаго покоя, прерываемаго частыми молитвами: изъ узкихъ оконъ его ложницы открывалась внутренность собора, и тутъ молился онъ предъ своею чудною иконою, никѣмъ незримый,—умилительное благочестіе въ державномъ! Тутъ постигла его и горькая измѣна приспыхъ.—Украденъ былъ изъ-подъ его изголовья мечъ родственнаго ему страстотерпца Бориса, которому онъ долженъ былъ уподобиться мученическою кончиной и замогильною славой; силою мышцъ боролся мужественный князь съ двадцатью вооруженными убійцами; израненнаго замертво оставили они въ ложницѣ и, казалось, должна была спастись невинная ихъ жертва, но Господу не угодно было лишить ее полнаго вѣнца. Истекая кровію, повлекся князь по крутой лѣстницѣ, чтобы искать помощи, и обрѣлъ себѣ смерть: по стонамъ почуяли злодѣи, что онъ еще живъ, и по слѣду крови нашли его подъ лѣстницею; тамъ довершили убійство. Съ честью перенесено было тѣло великаго князя въ соборъ Владимірскій; братъ Михаилъ отмстилъ его убійцамъ, и въ деревянныхъ коробахъ бросилъ ихъ въ озеро. Преданіе народное гласитъ, будто доселѣ носятся они въ своихъ

коробахъ, поросшихъ мохомъ, по безпокойнымъ волнамъ, и Кучковичами слывутъ эти плавающія кочки.

Черезъ низкую ограду Боголюбской обители увидѣлъ я въ полѣ еще одну церковь того же князя во имя Покрова Богоматери на живописномъ стеченіи Клязьмы и Нерли. Тамъ, говорятъ, была складка бѣлаго камня, который вывозилъ онъ изъ покоренной имъ Болгаріи для сооруженія великолѣпнаго собора во Владимірѣ, и тамъ чуднымъ образомъ остановились нагруженныя ладьи, доколѣ князь не далъ обѣта воздвигнуть на этомъ мѣстѣ храмъ Богоматери.—Странный отголосокъ событій: во имя Покрова строитъ Боголюбскій церковь изъ камней земли Болгарской, и чрезъ четыре вѣка въ самый день Покрова покоряетъ славный его потомокъ новую Болгарскую столицу, Казань. Если наблюдать въ лѣтописяхъ всѣ подобныя случайности, много знаменательнаго откроется въ этомъ созвучіи минувшаго съ будущимъ!

Поздно вечеромъ достигъ я Владиміра и уже на разсвѣтѣ стоялъ въ златоверхомъ соборѣ Боголюбскаго. Одинъ только Архангельскій въ Москвѣ можетъ сравниться съ каѳедральнымъ храмомъ Владиміра по княжеской усыпальницѣ, которая въ теченіе столькихъ вѣковъ ненарушимо соблюдается подъ сѣнію обоихъ: тамъ и здѣсь почіютъ державные земли Русской! Но во Владимірѣ—послѣдній отблескъ Византійской славы до горькаго плѣна Монгольскаго; рядъ его гробницъ есть какъ-бы конецъ замогильной лѣтописи князей нашихъ, которой начало истреблено варварами въ древнѣйшихъ святилищахъ Кіева; въ Москвѣ же это скромные сперва начатки малаго княжества, разросшагося въ царство,

потомъ въ имперію, и во вселенную. Кого не проникнетъ тайный ужасъ минувшаго внутри обоихъ вѣщихъ святилищъ, гдѣ оживаютъ ихъ мертвые въ душѣ каждаго входящаго? Чье Русское сердце не дрогнетъ, ступая на могильныя невѣдомыя плиты сильныхъ земли Русской, припадая къ ракамъ прославленныхъ нетлѣніемъ князей, или еще чающихъ онаго во славѣ будущаго вѣка?—и вся эта полнота минувшаго сосредоточилась въ одномъ тѣсномъ храмѣ! Вѣетъ вѣками изъ отверстыхъ вратъ его, какъ отъ избытка сердца устами прорываются рѣчи.

Станьте между столбовъ посреди храма и на время забудьте спящихъ въ немъ по сторонамъ, если только можно забыть ихъ тамъ, гдѣ все о нихъ гласитъ. Прежде всего окиньте взоромъ художника эту чудную громаду Византійскую, достойную лучшихъ временъ юной Россіи:—невольно поразитъ васъ легкость и высота зданія и стройность аркъ, перекинутыхъ по восемнадцати столбамъ его, на которыхъ лежатъ хоры, своды и куполъ. Не напрасно святый князь Андрей вызывалъ лучшихъ художниковъ изъ родственной ему Византіи; не напрасно созданный имъ храмъ почитался образцомъ зодчества церковнаго для будущихъ вѣковъ и прослылъ златоверхимъ. Все въ немъ блистало золотомъ, мусіею и разноцвѣтнымъ мраморомъ, по сказанію лѣтописи; посреди мѣднаго помоста возвышался серебряный амвонъ и посреди серебряной крыши позлащенная глава; самыя стѣны были изнутри обиты раззолоченными листами. Такой чудный кивотъ соорудилъ Боголюбскій для священной иконы Богоматери, которую испросилъ себѣ у родителей изъ древняго Вышгорода и предназначалъ ее любимому имъ Ростову. Но чудотвор-

ный ликъ сей, писанный евангелистомъ, имѣлъ другое обширнѣйшее назначеніе быть залогомъ спасенія всея Руси въ ея престольныхъ столицахъ. Сею иконою прославился въ началѣ Владиміръ и какъ-бы привлекъ къ себѣ самую каѳедру святителей: когда же прошла его кратковременная слава подъ страшными бурями Ордынскими и новое на Руси зародилось сердце,—туда въ новопрестольную Москву перенесли ее святители и князья. дабы изъ сего завѣтнаго сердца осѣняла она своими благословеніями всю землю Русскую.

Но не оскудѣлъ святынею Успенскій соборъ Владиміра, ввѣривъ свое сокровище Успенскому собору Москвы. Тотъ же великій святитель Петръ, который перенесъ каѳедру въ новую столицу, будучи еще игуменомъ на Волыни, какъ-бы въ духѣ предвѣдѣнія, списалъ для митрополита Максима чудотворную икону Владимірскую; когда же самъ посланъ былъ для посвященія въ Царьградъ, онъ обрѣлъ свою икону у патріарха Аѳанасія, и патріархъ вручилъ ему вмѣстѣ съ нею пастырскій посохъ, отобранный у его соперника Геронтія, неправильно искавшаго каѳедры. Семьдесятъ лѣтъ спустя, при страшномъ нашествіи Тамерлана, священный подлинникъ взятъ былъ сыномъ Донскаго въ Москву; но списокъ святителя Петра остался въ соборѣ Владимірскомъ къ утѣшенію гражданъ. Икона сія, великолѣпно украшенная ихъ усердіемъ, прежде всего привлекаетъ благоговѣйное вниманіе по лѣвую сторону царскихъ вратъ. Если же послѣ столькихъ разгромовъ новымъ представляется иконостасъ соборный, то тѣмъ не менѣе величественна стройная высота его, вполнѣ соотвѣтствующая Византійской

красотѣ храма. Расширено было и самое святилище Боголюбскаго братомъ его, могущественнымъ Всеволодомъ, послѣ страшнаго пожара, опустошившаго весь городъ, и такимъ образомъ прежній храмъ какъ бы вдвинутъ былъ во внутрь высокихъ папертей, пристроенныхъ къ нему съ трехъ сторонъ. Обновитель присоединилъ и два новыхъ придѣла къ алтарю Успенскому и поставилъ четыре главы вокругъ златоверхой. Теперь уже исчезли отъ частыхъ разореній столицы всѣ сіи богатства, внутреннія и внѣшнія, но сохранилась древняя красота зодчества, и на одной аркѣ еще уцѣлѣло стѣнное писаніе пятнадцатаго вѣка чудной кисти Рублева.

Съ чего начать посреди такого богатства святыни и воспоминаній?—Поклонимся гробамъ великихъ основателей. У сѣвернаго входа предъ своимъ придѣломъ почіетъ въ серебряной ракѣ мученикъ князь Андрей Боголюбскій. Если бы и не причла его Церковь за благочестивую жизнь и многострадальную кончину къ лику своихъ заступниковъ, уже одно имя Боголюбскаго вполнѣ бы выразило всю его святость. Кто другой во всей нашей исторіи можетъ похвалиться такимъ умилительнымъ прозваніемъ, которое невольно исторглось изъ устъ современниковъ?—И какъ близокъ сердцу этотъ Боголюбскій Андрей съ своею чудотворною иконою Боголюбивой Матери Божіей, предъ коею онъ самъ написанъ на колѣняхъ въ одеждѣ княжеской, но безъ вѣнца, замѣненнаго мученическимъ! Издавна прославляла Церковь сего великаго мужа, который возсоздалъ мощною рукою на Сѣверѣ царство, разсыпавшееся отъ междоусобій Юга, и былъ свѣтильникомъ вѣры въ обширныхъ своихъ предѣлахъ; но только при Петрѣ Великомъ просіяло

нетлѣніе мощей его вмѣстѣ съ сыновними благовѣрнаго князя Глѣба. Драгоцѣнная рака сооружена еще позже и на ней начертана краткая лѣтопись его дѣяній: рожденіе въ Суздалѣ въ 1110 году. имена всѣхъ его княжествъ. начиная отъ удѣльнаго Вышгорода до великихъ Кіева и Владиміра и дальняго Новгорода, и славное сооруженіе собора въ 1161 году. и преждевременная кончина въ 1175 на день памяти верховныхъ апостолъ. Въ столь малыхъ словахъ вся слава княженія мощнаго. какъ и въ малой ракѣ вмѣстился самъ великій обладатель земли Русской? Но Боголюбскій свѣтлымъ лицемъ своимъ. какъ радушный хозяинъ, встрѣчаетъ и провожаетъ каждаго посреди всѣхъ священныхъ памятниковъ своей столицы, съ которыми такъ тѣсно связана его память.

Хотите ли видѣть упраздненный гробъ его, гдѣ обрѣтено было сокровище мощей?—Онъ внутри алтаря съ лѣвой стороны и напротивъ почиваетъ въ каменномъ гробѣ великій братъ его Всеволодъ. Тридцатишести-лѣтнее его княженіе было эпохою славы Владиміра на Клязьмѣ, и Ольговичи Черниговскіе трепетали предъ симъ мощнымъ потомкомъ Мономаха, который властно распоряжался судьбами Кіева. Это одно изъ свѣтлыхъ лицъ лѣтописи Русской, и тѣмъ ярче блескъ его, что уже вслѣдъ за нимъ все погружается во мракъ Монгольскій. Столица Боголюбская украсилась храмами Всеволода: онъ расширилъ соборъ братній, чтобы въ немъ возлечь на просторѣ со всѣмъ своимъ мужескимъ поколѣніемъ; онъ основалъ мужескій монастырь Рождества Богоматери, который имѣлъ старѣйшинство надъ всѣми послѣ разоренія Кіевскихъ, ибо въ немъ почивали мощи святаго витязя Невскаго Александра; онъ соорудилъ и Успен-

скую обитель инокинь, гдѣ почіютъ двѣ его супруги, Марія и Анна, дочери князей Шварна Богемскаго и Витебскаго Василька, и обѣ супруги Невскаго витязя, Васса и Александра, со всею женскою отраслію дома великокняжескаго, ибо для всѣхъ приготовилъ державный безбурное пристанище; онъ же наконецъ воздвигъ во имя своего ангела великолѣпный соборъ Димитріевскій, бывшій придворнымъ по сосѣдству княжескихъ палатъ, которому доселѣ всѣ дивятся въ обновленной его красѣ.

«Всякое дыханіе да хвалитъ Господа», хотѣлъ выразить благоговѣйный ктиторъ на камняхъ своего храма, дабы, по словамъ Писанія, и каменіе возопили во славу Божію, если бы умолкли люди. На стѣнахъ лѣпною работою изящно изображены звѣри сельные и птицы небесныя съ ликомъ ангеловъ и святыхъ, какъ бы возвѣщающіе хвалу Божію предъ горнимъ престоломъ Господа Іисуса. Но что̀ означаетъ голубь на крестѣ Димитріевскаго собора, украшеніе, невиданное на Руси, хотя бы можно было принять его за изображеніе Святаго Духа?—Преданіе народное, которое не хочетъ повѣрять себя лѣтописью, говоритъ: что другой такой же голубь посаженъ былъ любимымъ братомъ Всеволода на одномъ изъ храмовъ Кіева, гдѣ будто бы княжилъ (хотя Всеволодъ одинъ оставался въ живыхъ изъ всѣхъ своихъ братьевъ, когда водворился во Владимірѣ), и два эти голубя, одинъ обращенный къ Сѣверу, а другой къ Югу, выражали взаимную любовь державныхъ братьевъ. Такое преданіе драгоцѣнно для сердца, если не для исторіи.

На гробѣ Всеволода лежитъ каменная крыша, снятая съ гроба сына его Георгія, когда переносили мощи сего многострадательнаго витязя; такимъ обра-

зомъ сыновній покровъ по смерти осѣнилъ родителя. Какъ умилительны всѣ сіи повидимому мелкія случайности, если только внимательно наблюдать за ними! Самъ благовѣрный великій князь Георгій почиваетъ посреди собора между двухъ его столбовъ подъ высокою сѣнію въ серебряной ракѣ. Горько окончилось двадцатилѣтнее его княженіе, ознаменованное въ началѣ многими побѣдами. Когда съ торжествомъ переносилъ онъ на родину изъ покоренной имъ Болгаріи мощи святаго мученика Аврамія, пострадавшаго тамъ Христа ради, думалъ ли великій князь, что и его, какъ мученика, перенесутъ съ поля битвы въ родовую усыпальницу, и что ее опустошатъ тѣ же жестокіе враги, отъ коихъ самъ погибнетъ?—Но такова была судьба Георгія! Отъ первыхъ лѣтъ его княженія ходила черная туча Ордынская по горизонту Руси; сперва разразилась на Югѣ кровопролитной битвой при рѣкѣ Калкѣ, гдѣ погибло все княжеское ополченіе, а четырнадцать лѣтъ спустя на Сѣверѣ, гдѣ палъ самъ великій князь на берегахъ Сити, положившій душу свою за народъ свой.

Умилительно повѣствуетъ современная лѣтопись, какъ благочестивый епископъ Ростовскій Кириллъ, возвращаясь съ Бѣла-озера, пришелъ на поле битвы, и какъ, обрѣтши тѣло великаго князя, но безъ главы, ибо нельзя было отыскать ее во множествѣ труповъ, принесъ обезглавленнаго въ разоренный Ростовъ и съ честію положилъ въ соборномъ храмѣ, а потомъ и самую главу, обрѣтенную на побоищѣ, приложилъ къ многострадальному тѣлу. Два года спустя пришелъ изъ Новгорода братъ убіеннаго, великій князь Ярославъ наслѣдовать опустошенную его отчину, и,ославъ въ Ростовъ за тѣломъ державнаго мученика,

встрѣтилъ его всенародно съ епископомъ Кирилломъ, дѣтьми своими и боярами, и положилъ въ южномъ придѣлѣ собора Боголюбскаго; но посреди надгробныхъ пѣсней чудное утѣшеніе внезапно открылось плачущимъ!—не только тлѣніе не коснулось мертвенныхъ останковъ, но какъ-бы дѣйствіемъ внутренней, духовной жизни самая глава приросла къ тѣлу, такъ что и слѣдовъ монгольскаго меча не оставалось на пораженной выѣ.

Все сіе лѣтописное сказаніе вычеканено на серебряной дскѣ повелѣніемъ святѣйшаго патріарха Іоасафа, который устроилъ великолѣпную раку въ 1637 году: «Владимірскому чудотворцу, убіенному отъ злочестиваго и безбожнаго царя Батыя, лѣта 6745 (1237) февраля 4 дня, за Волгою на рѣкѣ Сити» и устроилъ по нѣкоему тайному видѣнію, которое однако не объяснилъ. Быть можетъ, самъ великій князь явился ему во время сна въ томъ воинственномъ образѣ, какъ представленъ былъ на дскѣ своего гроба, съ мантіею княжескою поверхъ ратнаго доспѣха. Это замѣчательное изображеніе, по которому можно изучить древнее одѣяніе и вооруженіе князей нашихъ, поставлено теперь вмѣсто храмовой иконы въ тепломъ соборномъ придѣлѣ во имя благовѣрнаго князя Георгія. Тамъ почиваютъ подъ сѣнію сего новаго ангела церкви Владимірской и древніе святители бывшей его области: Лука, постриженникъ Печерскій, одинъ изъ первыхъ епископовъ, тридцать пять лѣтъ мирно упасшій свое стадо до 1489 года, и краснорѣчивый Серапіонъ, оставившій по себѣ назидательныя бесѣды, и преемникъ его Ѳеодоръ, и современные великому князю Симонъ и Митрофанъ, который бѣдственно сгорѣлъ въ соборѣ Владимірскомъ вмѣстѣ со всѣмъ

семействомъ великокняжескимъ во время нашествія Монголовъ.

Патріархъ устроилъ раку благовѣрному князю. Державная жена написала въ честь его похвальные стихи, которые начертаны на столпѣ у его изголовья:

«Желанье въ варварѣ горѣло,
Людей моихъ сжавъ какъ траву,
Мой жизни духъ лишить и тѣло,
Затѣмъ мечемъ отъялъ главу;
Но Богъ мой духъ за вѣру правду
Жить вѣчно внесъ въ небесну славу,
Главу жъ прильпнувшу къ тѣлу здѣсь
Хранитъ чудесно и доднесь».

Если устарѣлъ отъ времени слогъ стихотворенія, не утратилось однако его достоинство, потому что это написала Великая Екатерина въ честь Георгія, равно какъ и другіе стихи въ честь Боголюбскаго, когда посѣтила соборъ его. Она была обновительницею древняго святилища и по ея волѣ два преосвященныхъ Владимірскихъ, Павелъ и Іеронимъ, потрудились надъ симъ благимъ дѣломъ: гробницы ихъ подъ сѣнію собора. Тутъ же въ южномъ придѣлѣ погребенъ старшій братъ Георгія, мирно совершившій свое краткое княженіе, великій князь Константинъ Всеволодовичъ, который украсилъ любимый имъ Ростовъ великолѣпнымъ храмомъ и неохотно переселился во Владиміръ. Буря Ордынская миновала его по случаю ранней кончины, и ей позавидовали испытавшіе ужасы нашествія Монголовъ; вѣрная подруга его жизни, великая княгиня Агаѳія, немедленно постригшись надъ гробомъ мужа, мирно окончила дни свои въ монастырскомъ уединеніи Ростова.

Вотъ въ серебряной ракѣ нетлѣнно почиваетъ предъ иконостасомъ южнаго придѣла давшій ему

свое имя благовѣрный князь Глѣбъ, сынъ Боголюбскаго, во цвѣтѣ лѣтъ преставившійся къ невечерней жизни и только девятью днями предварившій родителя. Съ горькимъ плачемъ погребалъ его князь Андрей, не предвидя, какія девятины готовитъ ему родственная рука Кучковичей, дядей блаженнаго отрока. Не только тлѣніе, но и самое окостенѣніе смерти чуждо усопшему, и руки его, крестообразно сложенныя на груди, готовы разогнуться для молитвы. Страшны были завоевателямъ Монгольскимъ эти юношескіе останки, когда святотатная рука ихъ дерзнула коснуться каменной его раки: исшедшее изъ нея пламя опалило варваровъ, которые задушили въ дыму и пламени того же собора все присное ему семейство великокняжеское, и это чудо изображено стѣннымъ писаніемъ въ придѣлѣ святаго Глѣба.

Внутри алтаря, извнѣ огражденнаго его мощами, положены три жертвы ярости Монгольской въ бывшемъ гробѣ отца ихъ Георгія: Всеволодъ, Владиміръ и Мстиславъ, всѣ трое погибшіе во время страшнаго разгрома столицы. Первый Владиміръ достался въ плѣнъ варварамъ и былъ выставленъ ими цѣлію стрѣлъ своихъ единокровныхъ предъ Златыми вратами Боголюбскаго, которые соорудилъ онъ по подобію Кіевскихъ и Цареградскихъ не для горькаго вторженія враговъ. «Узнаете ли княжича вашего?» насмѣшливо спросили Монголы ужаснувшихся жителей; унылъ былъ лицемъ юный князь, изнемогшій отъ скорби и нужды. Всеволодъ и Мстиславъ съ вершины Золотыхъ воротъ узнали брата и горько восплакали съ боярами и всѣми гражданами,—видѣніе, достойное слезъ, по словамъ лѣтописца. Но мужественные князья, хотя и болѣли жалостью о плѣнен-

номъ братѣ, однако воззвали къ вѣрной своей дружинѣ: «братія, лучше намъ умереть предъ Златыми вратами за святую Богородицу и православную вѣру, нежели быть въ неволѣ; все сіе навелъ на насъ Богъ грѣховъ ради нашихъ!» Крѣпко бились они на жизнь и смерть сперва у Златыхъ воротъ, потомъ внутри Печерскаго стараго города около собора, и, видя наконецъ, что враги одолѣваютъ, хотѣли сквозь потоки пламени и крови пробиться къ отцу въ Ростовъ, но за стѣнами города пали подъ мечемъ Ордынскимъ.

Дядя ихъ, великій князь Ярославъ, первый собиратель земли Русской послѣ страшнаго ея разоренія, собралъ и останки своихъ присныхъ въ родовую усыпальницу, а самъ вынужденъ былъ идти въ Орду, просить себѣ разрѣшенія ханскаго, чтобы властвовать надъ развалинами. Но благодѣтельны были для Россіи его твердость и великодушіе, не оскудѣвшія посреди всеобщаго бѣдствія; не усомнился онъ въ будущихъ судьбахъ страждущей тогда земли, и вѣра сія, которая, по словамъ апостола, есть осуществленіе ожидаемаго (Евр. XI. I.), спасла Россію. Гробъ Ярослава стоитъ въ томъ же алтарѣ напротивъ гроба несчастныхъ его племянниковъ, но съ нимъ нѣтъ его потомства подъ сѣнію храма, который, какъ будто, хотѣлъ принять въ себя только два поколѣнія великокняжескія, Боголюбскаго и великаго Всеволода съ ихъ братьями и сынами. Сыновья Ярославовы, Андрей, Ярославъ и Василій, скончались въ своихъ удѣлахъ въ Суздалѣ, Твери и Костромѣ, и тамъ погребены.

Лучшій изъ нихъ, близкій сердцу всея Руси, который заступникомъ былъ во дни жизни и послѣ блаженной кончины въ ликахъ святыхъ, витязь Невскій Александръ, воспріялъ въ часъ смертный

*

схиму на обратномъ пути изъ Орды и положенъ былъ, какъ инокъ, уже не въ родной усыпальницѣ, но въ Рождественской обители своей столицы. Тамъ отдыхалъ онъ болѣе ста лѣтъ подъ спудомъ, доколѣ знакомый ему кличъ ратный не воздвигъ его опять ко спасенію обуреваемой земли Русской. Уже полчища Мамая грозились на Дону, и преподобный Сергій послалъ своихъ схимниковъ биться съ его богатырями, обѣщая горнюю помощь великому князю Димитрію, и вотъ въ самую ночь Куликовской битвы, какъ гласитъ мѣстное преданіе, сами собою зажглись свѣчи въ монастырской церкви, гдѣ покоилось тѣло блаженнаго схимника Алексія, нѣкогда мощнаго князя Александра. Два старца въ мантіяхъ вышли тихо изъ алтаря и, приблизившись къ каменному гробу, сказали въ слухъ усопшему: «княже Александре! востани и спаси правнука твоего Димитрія, одолѣваемаго иноплеменниками.» Всталъ схимникъ Алексій, какъ бы по зову схимниковъ Осляби и Пересвѣта, витязь Невскій подвигся на помощь Донскому, и побѣдою увѣнчалось оружіе христіанское. Созерцавшій это чудное видѣніе церковный служитель повѣдалъ о томъ властямъ духовнымъ, и обрѣтены были нетлѣнныя мощи благовѣрнаго князя; но ему суждено было послѣ четырехсотъ-лѣтняго покоя въ обители Владимірской придти опять на мѣсто своего земнаго подвига, на берега Невы, чтобы тамъ освятить своимъ присутствіемъ новую столицу прославленной державы Русской.

Чья смиренная гробница въ южной части собора подъ сѣнію большой иконы Богоматери приникла къ столбу у двери въ придѣлъ святаго князя Георгія?— Это гробница святительская, Максима Греченина,

единственнаго митрополита, который погребенъ былъ во Владимірѣ; предмѣстникъ его, великій Кириллъ, собиратель земли Русской, послѣдній изъ святителей завѣщалъ прахъ свой древнему Кіеву, не смотря на его разореніе, а преемникъ Максима, Петръ чудотворецъ Московскій, завѣщалъ уже кости свои новой столицѣ Русской, какъ залогъ будущаго возвышенія дома Калиты и княжества Московскаго. Самая икона, украшенная чеканною ризою и жемчужнымъ убрусомъ, имѣетъ значеніе историческое. Митрополитъ представленъ на ней пріемлющимъ на колѣняхъ омофоръ изъ рукъ Пречистой Дѣвы, и это чудное событіе объяснено подписью, которая слишкомъ замѣчательна, чтобы не передать ее во всей полнотѣ:

«Сей святый и чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы написанъ бысть въ лѣто $\frac{6897}{1299}$ по видѣнію Максима, митрополита Владимірскаго и всея Руси чудотворца, Греченина родомъ, егда ему пришедшу отъ Кіева во Владиміръ и отъ путнаго шествія въ келліи своей мало уснувъ, абіе видитъ, яко на явѣ свѣтъ великъ и необыченъ, и въ томъ свѣтѣ явися ему Пречистая Дѣва Богородица, держащи на руку Предвѣчнаго Младенца, и глагола: рабе Мой Максиме, добрѣ пришелъ еси сѣмо посѣтити градъ Мой, и подаде ему омофоръ, глаголя: пріими сей омофоръ и паси во градѣ Моемъ словесныя овцы; онъ же пріемъ, возбудися отъ сна и въ келліи никого же видѣ, а омофоръ обрѣтеся въ руцѣ его; онъ же страхомъ объятъ бысть на многъ часъ, абіе повѣда великому князю Андрею и построиша ковчегъ златъ и положиша въ него той омофоръ, и прославися сіе чудо во всей Русской землѣ и въ Палестинѣ, и повелѣ написати сей образъ тѣмъ подобіемъ, яко же видѣ Максимъ святый».

Долго хранился священный омофоръ сей, какъ лучшая святыня собора, но чрезъ сто лѣтъ исчезъ онъ съ прочими сокровищами при нашествіи царевича Ордынскаго Талыча въ 1411 году. Ревностный ключарь соборный Патрикій скрылъ ихъ въ потаенномъ мѣстѣ внутри храма; напрасно жесточайшими мученіями враги хотѣли исторгнуть у него завѣтную тайну; съ нею скончался мученикъ, достойный первыхъ временъ христіанства; неизвѣстно даже мѣсто собственной его могилы. Тщетны были съ тѣхъ поръ и покушенія многихъ архіереевъ Владимірскихъ для обрѣтенія утаеннаго имъ сокровища.

Вдоль сѣверной стѣны собора опять продолжаются гробы княжескіе: въ сѣверозападномъ углу Изяславъ, сынъ Боголюбскаго, котораго ратный шеломъ и стрѣлы лежатъ поверхъ гробовой плиты и даруютъ исцѣленіе притекающимъ съ вѣрою. Усердные богомольцы надѣваютъ на себя шлемъ сей и, держа въ рукахъ стрѣлы князя-воителя, внимаютъ молебнамъ предъ чудотворною иконою Знаменія Богоматери, которая поставлена на сосѣднемъ столбѣ; она перенесена въ соборъ изъ предмѣстія города, потому что ознаменовалась тамъ многими исцѣленіями. Когда однажды подняли помостъ подлѣ гробницы Изяславовой, тамъ нашли древній каменный гробъ, и предполагаютъ, что есть еще нѣсколько другихъ невѣдомыхъ могилъ княжескихъ, потому что недостаетъ нѣкоторыхъ, указанныхъ по лѣтописи. Но еще видѣнъ поверхъ помоста гробъ князя Бориса, сына святаго Даніила Московскаго, который скончался въ Нижнемъ и положенъ тутъ, какъ бы союзомъ новаго княжества Московскаго съ древнимъ Владимірскимъ. Нѣсколько далѣе Мстиславъ, сынъ Бо-

голюбскаго, и братъ его, великій князь Михаилъ, властвовавшій не болѣе года, но успѣвшій наказать его убійцъ и возстановить тишину въ смятенной области.

За гробомъ Михаила въ углубленіи стѣны одна обширная могила приняла въ себя цѣлое семейство великокняжеское, несчастную супругу Георгія Агаѳію, дочь ея княжну Ѳеодору и три юныя невѣстки, Марію, Христину и Ѳеодору, супруги ея сыновей, со всѣми внучатами, которыя всѣ задохлись отъ дыма на хорахъ соборныхъ во время страшнаго запаленія Монгольскаго. Хоры сіи еще существуютъ въ неприкосновенной цѣлости, и на нихъ устроена ризничная палатка, тамъ гдѣ разыгралась самая страшная драма изъ лѣтописей Владимірскихъ. Уже одна, ей подобная, совершилась за шесть недѣль предъ тѣмъ въ древней Рязани, опустошенной Батыемъ. Тамъ невѣстка великаго князя Рязанскаго, прекрасная Евпраксія, ожидавшая любимаго супруга изъ стана Ордынскаго, бросилась изъ окна съ своимъ младенцемъ, когда услышала о кончинѣ мужа, убитаго за то, что не хотѣлъ выдать хану ея красоты. Тесть ея, великій князь Георгій, соименный Владимірскому, у котораго напрасно просилъ помощи противъ общаго врага, рѣшился одинъ предстать несмѣтнымъ полчищамъ, ибо уже не имѣлъ надежды на пощаду. Въ соборѣ Рязанскомъ простился онъ съ матерью своею и семействомъ, и пошелъ добывать себѣ вѣнца мученическаго съ малою, но вѣрною дружиною; по сту Монголовъ было противъ каждаго ратника; великій князь палъ со всѣми удѣльными князьями; одинъ только изъ нихъ, Олегъ-красный, достался въ плѣнъ врагамъ, и тотъ положилъ душу

за исповѣданіе вѣры Христовой. Мать Георгія, великая княгиня Агриппина со всѣми снохами и внучатами заключилась вмѣстѣ съ епископомъ Рязанскимъ въ древнемъ Успенскомъ соборѣ своей столицы, и тамъ бѣдственно они погибли въ пламени и отъ меча Монгольскаго.

Приближалось, какъ туча саранчи, полчище Ордынское къ верховному Владиміру и наконецъ облегло его; участь Рязанская готовилась другому семейству великокняжескому. Уже и сосѣдній Суздаль истребленъ былъ огнемъ, и его чудный соборъ Богоматери и дворъ княжескій со всѣми обителями. Въ сырную недѣлю пробилъ роковой часъ и Владиміру. Оставшіеся для его защиты сыновья великаго князя, ввѣривъ семейство свое святынѣ собора, сами воспріяли въ немъ ангельскій образъ отъ руки епископа, и схимниками пошли биться у Золотыхъ воротъ, которые не надѣялись отстоять въ доспѣхахъ княжескихъ, но буря Монгольская одолѣла. Каковъ долженствовалъ быть ужасъ въ самомъ соборѣ, заключенномъ изнутри, когда кругомъ его обступили варвары и сквозь жалобное пѣніе церковное слышались ихъ дикіе вопли? Пользуясь послѣдними минутами, пока отбивали крѣпкіе запоры и еще не проникъ въ него дымъ отъ зажженнаго кругомъ хвороста, всѣ бывшіе въ храмѣ облеклись въ схиму, какъ въ броню спасенія, если не для сей временной, превратной жизни, то для вѣчной, чуждой всѣхъ житейскихъ напастей.

Народъ наполнялъ святилище, княгиня со всѣми дѣтьми, женами боярскими и сонмомъ инокинь, какъ болѣе слабыя, заключились на хорахъ: святитель съ клиромъ церковнымъ предстоялъ алтарю, и въ по-

слѣднихъ молитвахъ изливалъ душу свою предъ Богомъ, попустившимъ сіе горькое испытаніе землѣ Русской за ея междоусобіе. «Господи, Боже силъ, взывалъ онъ, сѣдяй на херувимѣхъ, научивый Іосифа и укрѣпивый Давида на Голіаѳа, воздвигнувый Лазаря четвородневнаго изъ мертвыхъ, простри руку Твою невидимую и пріими съ миромъ души рабъ Твоихъ». Тогда съ шумомъ разбились врата и вторгся потокъ Ордынскій въ святилище, и все безъ изъятія въ немъ погибло. Но изверги не могли достигнуть до княжескаго семейства на хорахъ, ибо закладена была изнутри потаенная лѣстница. Весь этотъ ужасъ всенароднаго избіенія видѣли предъ собою горькія узницы, сами обреченныя на смерть, и ждали послѣдней минуты.—И вотъ поднявшееся къ нимъ облако дыма изъ зажженнаго храма мало-по-малу задушило недосягаемыхъ мечемъ, и въ этомъ облакѣ отлетѣли къ Господу ихъ чистыя души.

«Когда же», говоритъ умильная современная повѣсть, пришла вѣсть великому князю Юрію, что Владиміръ взятъ, и церковь соборная, и епископъ, и княгиня съ дѣтьми, со снохами и со внучатами огнемъ скончались, а старѣйшіе сыны убіены въ городѣ,—гласомъ веліимъ возопилъ онъ, съ плачемъ и слезами по правовѣрной вѣрѣ христіанской; паче же о церкви, и епископа ради, и людей, нежели о себѣ и о женѣ и дѣтяхъ, воскликнулъ изъ глубины сердца сей новый Іовъ по вѣрѣ и терпѣнію:« Господи, сіе ли угодно было Твоему милосердію? увы мнѣ, Владыко, нынѣ же чего ради остался азъ единъ»!

Выйдемъ изъ глубины собора, исполненнаго столькими событіями смерти; освѣжимъ душу отъ

плачевныхъ созерцаній минувшаго отраднымъ зрѣлищемъ настоящей неизмѣнной красоты того мѣста, на которомъ стоитъ соборъ.—Живописно извивается голубая Клязьма подъ крутизною береговъ, покрытыхъ густыми садами; изъ ихъ цвѣтущей зелени возникаютъ древнія церкви и новые дома, разсѣянные по глубокимъ оврагамъ. Просторно сердцу на этой высокой горѣ Боголюбскаго; понятно взору и мысли, почему выбралъ онъ эту чудную точку для своего собора. Необозримая даль открывается къ полудню за свѣтлымъ теченіемъ Клязьмы, и мрачные лѣса Муромскіе тянутся по небосклону, какъ бы таинственная стража недовѣдомыхъ предѣловъ. Они еще исполнены всѣми ужасами народныхъ преданій, которыми изъ дѣтства напугано было воображеніе наше. Много поэзіи въ этомъ отголоскѣ младенческихъ лѣтъ, когда уже въ зрѣломъ возрастѣ мы встрѣчаемся опять съ впечатлѣніями минувшаго, и будто снова слышимъ давно забытые звуки, какъ то обманчивое эхо дремучихъ лѣсовъ, которое все дальше и дальше завлекаетъ заблудившагося путника мнимо близкими голосами въ завѣтную и неисходную чащу.

1848 г.

I.

СВЯТЫЯ ГОРЫ.

Тепла Украинская звѣздная ночь; отрадно дышать ея мягкимъ ароматнымъ воздухомъ. Молодой мѣсяцъ золотымъ своимъ рогомъ прорѣзывается изъ за дикой чащи Святогорской, чтобы подняться на это Аѳонское небо нашей Украины. На темени горы мелькаютъ сквозь вѣтви деревъ яркія звѣзды, какъ бы земные огоньки жилья человѣческаго, когда въ нихъ самихъ цѣлые міры:—такъ часто необъятное кажется мелкимъ для нашего близорукаго взора. Луна, выражавшая нѣкогда въ сихъ краяхъ знаменіе ислама, освѣщаетъ теперь самую мирную картину, которую можетъ только пожелать христіанское сердце.—Тихій Донецъ, достойный союзникъ тихаго Дона, какъ слыветъ онъ въ пѣсняхъ народныхъ, незыблемою лентою вьется у подошвы лѣсистыхъ горъ по лѣсной дебри; нѣтъ ни малѣйшей струи, какъ бы ни одной тревожной думы на его свѣтломъ лицѣ, хотя много ратныхъ тревогъ искони и еще недавно, отъ Половцевъ и до Крымцевъ, оглашало его дикіе берега, и славенъ онъ въ древней пѣсни о полку Игоревѣ.

Что же умиротворяетъ здѣсь его теченіе?—Вотъ изъ лѣсной чащи подымается надъ нимъ бѣлый призракъ, увѣнчанный крестомъ, и вѣетъ на него миромъ; у подошвы сего таинственнаго исполина при слабомъ мерцаніи луны бѣлѣетъ на берегу обп-

тель, и серебристый звукъ ея колокола, отъ времени до времени разрѣшая молчаніе ночи, какъ бы языкомъ человѣческимъ, вѣщаетъ миръ: и миръ сей пріемлетъ въ свое глубокое лоно тихій Донецъ, и этимъ миромъ проникается завѣтная чаща Святогорской дубравы, и вся необъятная лѣсная дебрь окрестной пустыни безмолвствуетъ широко. Слышенъ только посреди молчанія дѣлъ человѣческихъ и ночной тишины безбрежный, безгласный говоръ невидимаго міра насѣкомыхъ: миріады кузнечиковъ стучатъ легкимъ своимъ молотомъ въ вѣковыхъ дубравахъ и какъ бы вступаютъ въ наслѣдіе упокоившихся людей, дабы всякое дыханіе въ свое урочное время хвалило Господа.

Отрадно и свѣжее Украинское утро, когда первые лучи его золотятъ въ лѣсной чащѣ тотъ же бѣлый призракъ, увѣнчанный храмомъ; Донецъ, встрепенувшійся отъ ночнаго сна, покрывается весь серебристою зыбью; широкія тѣни лѣсовъ сходятъ къ нему по уступамъ береговыхъ холмовъ, мало по малу проникаемыхъ лучами дня; вся лѣсистая дебрь до дальнихъ высотъ Изюма и Кременца, ограждающихъ горизонтъ, ярко горитъ солнечнымъ свѣтомъ, и посреди сего пустыннаго моря зелени живописно раскинулось вдали село Богородица, какъ умиленно зовутъ его простодушные жители Украйны. Сходная мѣстность и сладкія имена Аѳонскія въ одно время утѣшаютъ взоръ и слухъ. Но всего очарователнѣе самая обитель, отъ свѣтлыхъ водъ Донца возносящаяся до вершины горы; величественны подъ навѣсомъ вѣковыхъ деревъ уступы горняго ея крыльца, которое ведетъ на священный утесъ, избранный жилищемъ для отшельниковъ, хотя, казалось, природа

создала его только для орлинаго гнѣзда. Хотите ли уподобленій Аѳонскихъ?—это выспренняя обитель Симо-Петры, прикованная къ гребню утеса; хотите ли сравненій болѣе родственныхъ?—это какъ бы священный отрывокъ горъ Кіевскихъ, на коихъ также возсіяла благодать Божія, по слову Первозваннаго; но только мирный Донецъ замѣняетъ здѣсь бурный Днѣпръ, и конечно это сходство, Кіевское и Аѳонское, привлекло сюда отшельниковъ и усвоило обители сладостное названіе Святогорской.

Не странно ли встрѣтить этотъ лѣсной и горный оазисъ посреди нашей Украйны? Воображеніе съ дѣтства привыкло искать въ ней однѣ лишь безбрежныя степи съ ихъ сторожевыми курганами, гдѣ дико пасутся конскіе табуны или бѣлыя стада воловъ, гдѣ еще недавно бурно носились наѣздники Гайдамаки, а теперь медленно тянется, какъ бы на пустынной ладіѣ, одинокій чумакъ на своей двуволовой колесницѣ между великихъ могилъ, ибо такъ слывутъ сіи курганы въ народныхъ преданіяхъ Украйны. Чѣмъ неожиданнѣе было явленіе, тѣмъ пріятнѣе для сердца, и теперь я отдыхаю въ этомъ мирномъ оазисѣ подъ гостепріимнымъ кровомъ его привѣтливыхъ владѣльцевъ.

Быстро и неожиданно перенесся я изъ лѣсистыхъ дебрей Брянскихъ въ равнины Украйны, томительныя однообразіемъ и зноемъ; но вотъ отъ станціи Голой Долины, вполнѣ заслуживающей это названіе, ночью оставили мы большую Славянскую дорогу, и насъ встрѣтилъ лѣсистый берегъ Донца. Крутыми своими изгибами онъ будто заграждалъ намъ путь въ завѣтную обитель: едва перевезлись мы на поромѣ черезъ его свѣтлыя воды у села

Богородицы, какъ вдругъ опять онъ бросился поперегъ нашей дороги въ вѣковой дубравѣ, но тутъ уже и самъ окованный мостомъ. Чудное зрѣлище поразило меня по ту сторону моста:—надъ самой рѣкою стала предъ нами, какъ бы предѣлъ путей человѣческихъ, высокая церковь; она сіяла изъ всѣхъ своихъ оконъ огнями лампадъ и свѣчей; сладкое пѣніе въ ней раздавалось, привлекая къ молитвѣ; отверстые широко врата приглашали внутрь ограды, и колоколъ сверху договаривалъ привѣтный зовъ сей въ тишинѣ ночи. Не смотря на усталость трехдневнаго пути, невольно взошелъ я во святые врата, и надъ ними въ благолѣпную церковь Покрова Богоматери, не оставлявшей святое мѣсто сіе и во время его долгаго запустѣнія. Стройно пѣли иноки второй ирмосъ канона Богородичнаго, столь утѣшительный обѣтованіемъ неколебимости Церкви Христовой, утверждаемой Духомъ Святымъ, и эта привѣтная пѣснь исполнила благими надеждами сердце.

Я долженъ былъ однако уступить усталости и воспользоваться краткимъ отдыхомъ до поздней литургіи въ гостинницѣ монастырской, но съ первымъ ударомъ колокола поспѣшилъ опять въ обитель. Народъ спускался по живописной лѣстницѣ со скалы, гдѣ была ранняя обѣдня въ горней церкви святителя Николая, и первое лице, которое я встрѣтилъ у крыльца, былъ давній мой знакомецъ, Англійскій діаконъ Пальмеръ, съ которымъ за шесть лѣтъ тому назадъ мы простились въ Лондонѣ, а въ прошломъ году разъѣхались въ Палестинѣ. Я зналъ изъ Одессы, что онъ ѣдетъ въ Святыя Горы, но уже не надѣялся застать его тамъ, и утѣшительна была для меня сія первая встрѣча.—Діаконъ Англійской

Церкви въ Украйнѣ у подножія Святогорской скалы, идущій вмѣстѣ съ православнымъ народомъ отъ ранней литургіи,—не замѣчательное ли это явленіе для каждаго? Но оно еще болѣе чувствительно было для того, кто коротко зналъ церковныя обстоятельства, побудившія сего искателя истины въ теченіи столькихъ лѣтъ стремиться за нею по Западу и Востоку: быть можетъ, только по избытку пытливости не удовлетворялось благочестивое его сердце, хотя пламенно желаетъ истины и, дастъ Богъ, обрящетъ въ лонѣ вселенскаго православія. Съ Русскою горячностію бросился я обнять Пальмера послѣ столь долгой разлуки; съ Англійскою холодностію пожалъ онъ мнѣ руку, какъ будто мы только вчера разстались, хотя я не могъ сомнѣваться въ его радости. Но на лицѣ его сквозь обычное спокойствіе выражалась тяжкая дума: онъ будто истомился на труженическомъ пути своемъ и изнемогъ въ исканіи; его тяготило чуждое уже для него состояніе родной его Церкви, а между тѣмъ колебалось сердце между Западомъ и Востокомъ: съ одной стороны мнимый внѣшній блескъ Римскаго вселенства, увлекавшій многихъ изъ его присныхъ въ Англіи, съ другой чистота догматовъ Восточнаго Православія, въ коихъ онъ истинно убѣдился, даже съ явнымъ исповѣданіемъ нашего Символа безъ приложеній западныхъ, производили тяжкую борьбу въ его совѣстливомъ сердцѣ. Одиночество страннаго его положенія между трехъ Церквей печальною думою отражалось на его лицѣ и отзывалось въ его бесѣдѣ.

Пальмеръ одинъ изъ замѣчательныхъ характеровъ нашей эпохи для изучающаго современную церковную исторію. Тѣмъ грустнѣе было для меня

его долгое колебаніе, и я съ сердечнымъ участіемъ встрѣтилъ его у подножія скалы Святогорской. Мнѣ пришла на мысль его Оксфордская келлія бывшаго аббатства, нынѣ же ученой коллегіи святой Магдалины, гдѣ можно было вообразить себя въ какой либо Русской обители отъ множества иконъ, украшавшихъ сію келлію съ твореніями Славянскими св. отцевъ; вспомнилъ я и ту трогательную минуту, когда Пальмеръ, принеся мнѣ молитвословъ для чтенія вечернихъ молитвъ, не хотѣлъ нарушить правъ гостепріимства и ввести меня въ искушеніе, раздѣливъ со мною чтеніе сихъ молитвъ, ибо Церковь православная запрещаетъ молиться съ неправославными; а онъ, хотя и не почиталъ себя такимъ, но долженъ былъ казаться имъ въ моихъ глазахъ, и тѣмъ трогательнѣе было это вниманіе. Я не хотѣлъ однако платить ему здѣсь тою же строгостію и напротивъ того, зная, что онъ въ душѣ пріемлетъ всѣ наши догматы, старался, чтобы во время нашего общаго пребыванія въ обители Святогорской онъ раздѣлялъ съ нами всѣ молитвы; мнѣ желалось, чтобы сердце его болѣе и болѣе привязывалось къ любимому имъ богослуженію нашему, и симъ внѣшнимъ путемъ привлекало его внутрь спасительной ограды.

Въ слѣдъ за Пальмеромъ встрѣтилъ я у подножія скалы все Святогорское общество. Владѣтельница Святыхъ Горъ хотѣла, чтобы я немедленно переселился въ ея очаровательное жилище, къ которому особенно привязано ея сердце, и дѣйствительно есть тутъ что полюбить и чѣмъ полюбоваться. Живописная дача ея въ полугорѣ съ обширными видами на всю долину Донца при безоблачномъ небѣ

Украйны, напомнила мнѣ Римскія виллы Фраскати съ ихъ просвѣтами на чудную пустыню вѣчнаго города; особенно поразило меня съ роскошной террасы нечаянное зрѣлище обители Святогорской и ея мѣловыхъ утесовъ, просѣченныхъ келліями иноческими, подъ сѣнію вѣковой дубравы. Колоколъ долго и громко призывалъ къ молитвѣ, а я еще не могъ оторвать взоровъ отъ чуднаго вида. Сама радушная хозяйка, казалось, не могла наглядѣться на эту картину, которая какъ бы ежедневно обновлялась предъ нею, и это весьма понятно, потому что безъ ея пламеннаго усердія Святыя Горы доселѣ бы оставались въ ихъ печальномъ запустѣніи.

Послѣ обѣдни, которая совершалась чинно и благолѣпно въ будни, какъ бы въ праздникъ, въ новой привратной церкви Покрова, посѣтилъ я настоятеля, архимандрита Арсенія. Мы уже давно были съ нимъ знакомы, и онъ постоянно приглашалъ меня на Святыя Горы. Должно сказать правду: нельзя было найти человѣка болѣе способнаго для возстановленія столь древней и замѣчательной обители, которая вмѣстѣ и монастырь и пустыня, а между тѣмъ отовсюду заключена въ предѣлахъ частнаго владѣнія и нуждается въ его пособіяхъ. Происходя изъ достаточнаго купеческаго рода, отецъ Арсеній оставилъ много своего въ мірѣ, чтобы посвятить себя службѣ Божіей, и слѣдственно не жаждетъ богатѣть въ себя, а между тѣмъ для домашняго устройства обители имѣетъ большую опытность, которую обязанъ своему первоначальному быту. Съ другой стороны онъ имѣлъ случай посѣтить Востокъ и пожить на всѣхъ его святыхъ мѣстахъ, въ Палестинѣ, на Синаѣ и Аѳонѣ, подъ руководствомъ духовнаго на-

ставника, каковъ былъ—незабвенный князь-инокъ Аникита Шихматовъ, и могъ изучить весь бытъ иноческій въ первоначальномъ его образѣ; когда же возвратился на родину, проходилъ опять строгое послушаніе въ Глинской пустыни подъ началомъ подвижника Филарета, котораго память доселѣ уважается во всей окрестности; такимъ образомъ и духовная опытность присоединилась къ житейской; тогда лишь совершенно нечаянно встрѣтился онъ съ владѣтелями Святыхъ Горъ въ ту самую минуту, когда они хотѣли обновить ихъ, и духовное начальство искало опытнаго настоятеля въ новую обитель. Я просилъ архимандрита показать мнѣ все достойное вниманія въ Святыхъ Горахъ: мы условились начать съ священнаго утеса, какъ послужившаго основаніемъ для обители, и еще до захожденія солнца взойти на его вершину.

Послѣ вечерни всѣ собрались у подножія скалы и со свѣчами въ рукахъ, предшествуемые настоятелемъ, взошли внутрь ея пещеръ. Начало ихъ прокопано не въ мѣловомъ грунтѣ, который встрѣчается нѣсколько далѣе, и потому насъ обвѣяло холодомъ и сыростію. «Мы должны были откапывать вновь это все пространство до мѣловаго грунта, сказалъ мнѣ архимандритъ; незадолго до обновленія Святыхъ Горъ засыпано было начало пещеръ будто бы изъ опасенія, чтобы не обвалились своды; но Промыслу Божію угодно было сохранить святыню и древность».

Довольно крутымъ подъемомъ достигли мы до мѣловаго грунта и сейчасъ почувствовали его благодѣтельную теплоту и сухость; изумленіе мое возрастало съ каждымъ шагомъ. Этотъ тѣсный наклонный корридоръ напоминалъ мнѣ еще болѣе внутренность

пирамиды Египетской, нежели Кіевскія пещеры, гдѣ послѣ малаго спуска идешь по ровной поверхности; а тутъ около ста саженъ все круче и круче подымалась дорога. Мѣстами останавливалъ насъ настоятель, чтобы дать отдохнуть, и показывалъ, какъ сама природа сплотила сію мѣловую массу слоями кремня, ее пересѣкающими; иначе не могла бы держаться такая громада въ видѣ отдѣльнаго утеса. Мнѣ пришло однако на мысль, что иноки первые были дѣлателями и обитателями сихъ пещеръ; но какъ преподобные Печерскіе нашли уже готовыми Варяжскія пещеры и только обратили вертепъ разбойниковъ въ жилье иноческое, такъ и здѣсь на Святыхъ Горахъ, кажется, что первые безвѣстные подвижники воспользовались какою нибудь опустѣвшею твердынею Половцевъ. Извѣстно, что не далеко отселѣ была ихъ столица Саркелъ или Бѣлая Вѣжа, а этотъ утесъ въ лѣсной чащѣ на берегу рѣки представлялъ самородную крѣпость, которой лучше не могли создать себѣ люди; посему, быть можетъ, и покрыто неизвѣстностію начало обители. Впрочемъ это одна только догадка; небольшія пещеры въ Саровской пустыни слывутъ также Болгарскими.

Когда мы поднялись въ самое сердце мѣловаго утеса, узкій переходъ круто поворотилъ на лѣво и потомъ опять вправо; тутъ собственно уже начиналось жилье и мѣстами на поворотахъ изсѣчены были малыя углубленія въ видѣ келлій, гдѣ стояли кресты и иконы для молитвеннаго возбужденія труженіковъ, восходящихъ на скалу. Въ одномъ изъ сихъ углубленій на второмъ поворотѣ пещернаго хода настоятель указалъ мнѣ гробницу, въ которой сложены были имъ всѣ кости подвижниковъ, най-

денныя въ пещерахъ, дабы не расхитили ихъ святотатно; отслуживъ надъ ними соборную панихиду, ихъ опустили въ землю въ общемъ гробѣ. Давнее преданіе увѣряетъ, будто отъ сего мѣста тайный подземный ходъ сообщался съ Кіевскими пещерами Антонія и Ѳеодосія, и сколько ни казалось нелѣпымъ такое сказаніе народное, оно основано однако на истинномъ началѣ. Вѣроятно, здѣсь и доселѣ существуетъ забытый ходъ въ недавно открытую пещерную церковь св. Антонія и Ѳеодосія, которая давно уже была завалена; а такъ какъ сохранялась память, что было нѣкогда сообщеніе съ пещерою Антонія и Ѳеодосія, то воображеніе народное, которое любитъ все преувеличивать и украшать для большой славы Святой Горы, выдумало, будто бы этотъ закладенный ходъ ведетъ прямо въ Кіевъ къ древнему жилищу преподобныхъ Печерскихъ. Много поэзіи въ этомъ народномъ сказаніи, которое соединяетъ давно минувшее съ настоящимъ ради духовнаго ихъ единства и былое облекаетъ въ небылицу, лишь бы сохранилось преданіе. Я просилъ архимандрита постараться отыскать этотъ древній ходъ во вновь открытую подземную церковь Антонія и Ѳеодосія, и онъ обѣщалъ это исполнить, если только можно. Нѣсколько далѣе былъ тайный спускъ со скалы къ Донцу, но и онъ теперь закладенъ настоятелемъ, чтобы лучше охранять ея завѣтную внутренность.

Мы продолжали подыматься, но уже по весьма легкому наклону съ нѣкоторыми поворотами почти подъ самую вершину утеса, и тутъ нашли наконецъ древнюю обитель, зародышъ нынѣшней. Сперва взошли мы въ малую церковь святителя Николая, всю ископанную въ скалѣ, которой своды опирались на

одинокій мѣловой столбъ, подсѣченный не временемъ, а людьми; на этомъ столбѣ явилась по преданію чудотворная икона святителя, и усердіе народное изгрызло столбъ ради исцѣленій, такъ что принуждены были обложить его камнемъ. Не болѣе двухъ квадратныхъ саженъ въ этой замѣчательной церкви, которая послужила основаніемъ Святогорью, когда еще гнѣздились иноки въ сердцѣ утеса. Не понятно, какъ рѣшились ее упразднить въ слѣдующія болѣе мирныя времена, когда монашествующіе могли подняться на самое темя скалы и тамъ устроить новую церковь во имя чудотворца, полуизсѣченную въ мѣловомъ утесѣ, полудостроенную. Болѣе полутараста лѣтъ пустѣло основное ихъ святилище и не было въ немъ богослуженія, доколѣ при возстановленіи обители преосвященный Иннокентій не возбудилъ краснорѣчивымъ словомъ одного ближайшаго благодѣтеля, помѣщика Малиновскаго, обновить и сію древнюю церковь. Приходило на мысль посвятить тогда верхнюю Преображенію Господню, какъ стоящую на вершинѣ скалы; но давность ея посвященія святителю Николаю удержала отъ такой перемѣны; весьма прилично раздѣлено между обѣими празднованіе тому же угоднику Божію: зимній праздникъ совершается внутри пещерной церкви по ея теплотѣ: весенній же на верху горы, благоухающей тогда древесными листьями и цвѣтами.

Около сей внутренней церкви есть нѣсколько переходовъ и до пяти келлій, примыкающихъ къ ней съ разныхъ сторонъ; въ одной изъ самыхъ тѣсныхъ на Востокъ обитаетъ теперь затворникъ, сокрывшійся въ сердцѣ горы; одна съ западной стороны обращена въ церковный притворъ и есть еще двѣ ря-

домъ съ нею, въ которыя проникаетъ свѣтъ сквозь узкія окна. Довольно обширная трапеза свидѣтельствуетъ, что тутъ было полное жилье иноческое человѣкъ на двѣнадцать, если не болѣе, которые въ непрестанномъ страхѣ Божіемъ и человѣческомъ тутъ подвизались высоко и далеко отъ всякой молвы житейской. Имъ угрожала двоякая опасность: духовно впасть въ сѣти діавольскія, если оскудѣетъ ихъ молитва, и вещественно въ руки вражіи, Монголовъ или Крымцевъ, если неосторожно спустятся съ уединенной скалы своей, въ которую не было ни отколѣ вѣдомаго пути. Одно строгое затворничество могло охранять ихъ въ столь опасныхъ мѣстахъ на правомъ враждебномъ берегу Донца, гдѣ впослѣдствіи протянутъ былъ въ защиту отъ враговъ такъ называемый красный валъ, конечно отъ крови, потому что Крымцы сдирали кожу съ ногъ каждаго плѣнника. Такова была страшная мѣстность сей обители, и потому, вѣроятно, не многолюдна была она въ первыя времена до учрежденія слободъ Украинскихъ въ защиту сего края; вѣроятно, были здѣсь и невѣдомые намъ мученики, запечатлѣвшіе кровію своею труженическій подвигъ, а, быть можетъ, нѣкоторые изъ нихъ служили и сторожевыми вѣстниками для спасенія православныхъ собратій.

Настоятель сказалъ мнѣ, что онъ засталъ еще слѣды Русской печи въ трапезѣ и обратилъ мое вниманіе на крѣпкіе слои кремня, какъ бы связи для сводовъ скалы: рука небеснаго Строителя видимо сооружила здѣсь обитель иноческую. Малыя сѣнцы устроены были близъ одной келліи между скалъ и висѣли надъ бездною; чудный видъ открывался съ сего горняго балкона на долину Донца; это мнѣ на-

помнило уничтоженную теперь террасу нижнихъ пещеръ Кіевскихъ съ ея обширнымъ видомъ на все Заднѣпровье. Не много ступеней уже искусственнаго крыльца вывели насъ изнутри скалы на высокій рундукъ, пристроенный къ церкви вмѣсто прежняго обветшавшаго. «Удивительно, сказалъ архимандритъ, какъ еще могъ въ теченіи столькихъ лѣтъ держаться старый, который почти висѣлъ на воздухѣ, не опираясь на края утеса; особенно опасно было это при толпѣ народной. Самая церковь подрыта была келліями весьма низкими, которыя прокопали себѣ новѣйшіе труженики подъ ея помостомъ, такъ что со временемъ она могла бы обрушиться. Господь удержалъ силою Своею церковь на скалѣ и самую скалу, неколебимую отъ временъ потопныхъ, дабы украсить ею иноческую обитель; теперь въ свою очередь инокамъ украшать скалу сію своими подвигами.»

Мы взошли въ обновленную благолѣпную церковь святителя Николая, которая за нѣсколько только дней предъ симъ освящена была преосвященнымъ Харьковскимъ Филаретомъ; весь алтарь ея изсѣченъ въ мѣловомъ утесѣ и съ южной стороны недавно выкопанъ также притворъ для братіи, а съ Запада пристроены сѣни съ хорами, такъ что вмѣстѣ съ широкимъ рундукомъ или террасою довольно есть помѣщенія; народъ ежедневно сюда стекается для ранней литургіи и послѣ поздней, потому что усердствующіе носятъ икону святителя на скалу, гдѣ читается акаѳистъ.

Когда мы опять вышли на террасу, настоятель спросилъ меня: «нѣтъ ли мнѣ чего знакомаго въ томъ обширномъ видѣ, который открывался предъ нами»?—и дѣйствительно я узналъ Кіевское Заднѣ-

провье. «Вотъ зданія нижнихъ пещеръ, говорилъ онъ, указывая на самую обитель у подошвы скалы; вотъ и просѣка къ станціи Броварамъ, которая здѣсь ведетъ въ старую усадьбу Студенка; вотъ и дальній Вышгородъ, образуемый высотами Кременца; скромный Донецъ вьется здѣсь, какъ будто бы самъ величавый Днѣпръ, а лѣсистая дебрь за нимъ, и эти горы, покрытыя лѣсомъ съ обѣихъ сторонъ отъ насъ, не напоминаютъ ли вамъ лаврскую гору и дремучіе лѣса Заднѣпровья?» Только живописная дача Потемкиныхъ была новостью въ этой чудной картинѣ; но она такъ сроднилась съ обителью Святогорскою, что безъ нея здѣсь казалось бы пусто. Все сіе очаровательное зрѣлище тонуло, можно сказать, въ багровыхъ лучахъ заходящаго солнца, и непрестанно измѣнявшіяся краски вечерняго неба разнообразіемъ своихъ тѣней умножали очарованіе.

Не мудрено, сказалъ я, что иноки Кіевскіе, разбѣжавшіеся послѣ разгрома Монгольскаго изъ своей лавры, здѣсь пріютились, обрѣтши нѣчто подобное не только ихъ пещерамъ, но и самой мѣстности. Странно, что и на берегу Десны, въ Брянскѣ, куда была перенесена чудотворная икона Печерская въ Свѣнскую обитель, есть также подобіе мѣстности Кіевской. Иноки Печерскіе какъ будто бы во всемъ искали незабвенный для ихъ сердца образъ ихъ завѣтной святыни и старались основаться тамъ, гдѣ только могли найти хотя что либо ей подобное».

«Мы не можемъ утвердительно опредѣлить времени заселенія Святогорья монахами Кіевскими, возразилъ архимандритъ, но мы не можемъ сомнѣваться, что выходцы лавры Печерской основали нашу обитель: о томъ свидѣтельствуютъ, кромѣ иско-

панныхъ пещеръ, храмовые праздники наши, сходные съ Печерскими, и память святителя Николая, особенно чествуемая въ Кіевѣ и, вѣроятно, оттуда къ намъ перенесенная. Есть однако у насъ и другое преданіе объ основаніи Святогорской обители, весьма замѣчательное. Говорятъ, будто однажды иноки Аѳонскіе, плывшіе въ Россію, приняли ошибкою устье Дона за Днѣпровскій лиманъ и, подымаясь вверхъ по рѣкѣ, нашли это мѣсто, которое такъ живо напомнило имъ родную мѣстность Святогорскую, что они рѣшились тутъ поселиться и даже сообщили сладкое названіе Святогорья невѣдомымъ дотолѣ скаламъ».

«И въ этомъ преданіи можетъ быть истина, отвѣчалъ я, какъ она таилась отчасти и въ томъ, будто бы пещеры ваши сообщаются съ Кіевскими Антонія и Ѳеодосія; только тутъ ошибочно вставленъ Днѣпръ для украшенія народной легенды. Извѣстно, что во все время ига Монгольскаго, послѣ запустѣнія Кіева, Донъ служилъ единственнымъ сообщеніемъ Московскаго княжества съ Царьградомъ, и этимъ путемъ ходили туда святители наши за поставленіемъ, равно и Греческіе къ намъ за милостынею. Очень не мудрено, что иноки Аѳонскіе, подымаясь вверхъ по Дону, ошибкою взошли въ сѣверный Донецъ при его соединеніи съ Дономъ, а, можетъ быть, они надѣялись здѣсь и на кратчайшій путь; когда же обрѣли живописную мѣстность Святогорья, пожелали въ ней уединиться, особенно если тутъ нашли уже нѣсколько Русскихъ подвижниковъ, которые издавна спасались въ вертепахъ. Кто знаетъ, быть можетъ, и великіе святители наши, Алексій и Іона, иногда этимъ путемъ спускались въ Царьградъ, потому

что Донецъ дѣлается судоходнымъ нѣсколько ниже Бѣлгорода, одной изъ древнѣйшихъ епархій нашихъ.—Тогда ихъ молитвами освятились и чудныя сіи мѣста».

Архимандритъ провелъ насъ черезъ разсѣлину камня съ террасы церковной на открытую площадку природной скалы, гдѣ совершилось торжественное молебствіе при обновленіи обители. Величественна была эта картина, когда самъ краснорѣчивый пастырь призывалъ здѣсь всѣ стихіи и царства природы участвовать въ общемъ торжествѣ. «Надъ нами голубое небо Юга, говорилъ онъ, и сѣннолиственныя древеса Украйны; подъ нами величавый Донецъ и мирныя стада съ ихъ пастырями; окрестъ насъ скалы, сражавшіяся съ волнами потопа и келліи труженіковъ, боровшихся съ силами самаго ада».—Все это такъ и доселѣ, но мнѣ жаль, что хотѣли ознаменовать это мѣсто памятникомъ, какъ бы недовольствуясь тутъ величіемъ одной природы. Боюсь, чтобы каменный шатеръ, поднявшись въ уровень съ утесами, не закрылъ своею массою легкія ихъ острія.

Съ этой площадки просѣчено отверстіе въ скалѣ на другой балконъ, висящій надъ бездною. Настоятель имѣлъ намѣреніе заложить этотъ входъ и устроить въ его углубленіи часовню, но я убѣдилъ его оставить отверстіе и балконъ и вмѣсто часовни утвердить икону святителя Николая снаружи на природной скалѣ съ теплящеюся предъ ней лампадою такъ, чтобы еще издали всегда могли ее видѣть приходящіе изъ за Донца богомольцы; я просилъ тутъ же на террасѣ поставить большой крестъ и образъ Первозваннаго апостола въ знаменіе того, что и на

сихъ горахъ, какъ на Кіевскихъ, возсіяла предсказанная имъ благодать Божія. Все это обѣщалъ исполнить настоятель и сохранить двѣ малыя келліи отшельниковъ, которыя выдолблены были въ выдавшемся утесѣ, и даже окно въ просѣченной скалѣ, гдѣ былъ прежде выходъ, чтобы можно было любоваться дальними видами на долину Донца и лѣсную дебрь.

«Посмотрите на этотъ утесъ, что съ правой стороны, сказалъ мнѣ настоятель, и скажите, можно ли было подозрѣвать въ немъ жилье человѣческое?» Я перегнулся черезъ перила балкона и увидѣлъ на гладкой скалѣ, вписщей надъ пропастью, малое отверстіе, какъ бы логовище, но не для звѣря, а для птицы, потому что только на крыльяхъ туда можно подняться. «Повѣрите ли, продолжалъ архимандритъ, и, конечно, трудно повѣрить, если бы мы сами не были тому свидѣтелями, что тутъ обиталъ, даже при насъ, тайный отшельникъ, и мы около полугода о томъ не знали, удивлялись только, что устье этой пещеры было черно и видали иногда какъ бы струю дыма, изъ него исходившую; однажды подстерегли однако человѣка, который вдругъ скрылся съ этого балкона, гдѣ мы теперь стоимъ. Я самъ пришелъ сюда и сталъ умолять невѣдомаго раба Божія выйти изъ его вертепа, дабы не навлечь непріятности только что зарождавшемуся монастырю, если въ немъ будутъ скрываться неизвѣстные люди. Долго не было отзыва на мои увѣщанія, такъ что я принужденъ былъ прибѣгнуть къ угрозамъ, увѣряя, что, не смотря на опасность, найду средство подмоститься къ его скалѣ. Къ общему изумленію нашему, внезапно явился изъ устья пещеры сухой изможденный чело-

вѣкъ еще не преклонныхъ лѣтъ въ одной сорочицѣ; легко перепрыгнулъ онъ черезъ пропасть изъ своей пещеры на остріе противулежащаго утеса, взлѣзъ на нашъ балконъ и, молча, поклонившись намъ, удалился. Мы не любопытствовали спросить: ты кто еси? да онъ бы и не далъ намъ отвѣта, и съ тѣхъ поръ, вотъ уже шесть лѣтъ, никто его не видалъ. Много пещеръ выдолблено прежними отшельниками въ мѣловыхъ утесахъ, которые выглядываютъ изъ лѣсной чащи надъ рѣкою. И такъ доселѣ есть еще труженики, подобно тѣмъ, что спасались въ Θиваидѣ и Палестинѣ въ первые вѣка христіанства».

«Разскажу вамъ еще объ одномъ странномъ приключеніи, которому я также былъ свидѣтель, продолжалъ архимандритъ. Однажды, возвратившись отъ утрени еще до разсвѣту, вижу, что на этомъ остроконечномъ утесѣ, который всѣхъ выше, стоитъ какъ бы подобіе человѣка въ бѣломъ съ развѣвающеюся отъ него хартіею. Меня объялъ ужасъ; я принялъ это за мечтаніе бѣсовское и, чтобы повѣрить свои чувства, спросилъ келейника, не видитъ ли онъ чего нибудь на утесѣ?—и онъ ужаснулся, увидѣвъ тоже самое, что и я. Тогда послалъ я братію на скалу посмотрѣть, что это за диво? — Оказалось, что крестьянинъ ближняго селенія, будучи лунатикомъ, невѣдомо какъ взобрался на этотъ отвѣсный утесъ, къ которому, какъ вы сами видите, ни откуда нѣтъ приступа. Сперва стоялъ онъ на одной ногѣ, потомъ сѣлъ на самое остріе утеса, такъ что посыпались изъ подъ него камни; онъ громко кричалъ, что ожидаетъ свыше благодати, и по вѣтру развѣвалась длинная разрисованная хартія, которую онъ навя-

залъ себѣ на шею. Боялись назвать его по имени, чтобы не очнулся и не упалъ въ пропасть, послали за становымъ, который по счастію случился въ монастырѣ, и принесли шесты и веревки, чтобы его какъ нибудь спустить. Между тѣмъ онъ самъ очнулся и, въ ужасѣ схватившись за скалу, съ воплемъ умолялъ, чтобы его сняли; не малыхъ трудовъ это стоило. Съ задней стороны утеса, гдѣ примыкаетъ крытая галлерея, приставили кое-какъ шесты на скалу и, бросивъ ему веревки, велѣли обмотать ихъ за ея вершину; такъ онъ спустился съ чрезвычайной опасностью; но я и до сихъ поръ не понимаю, какъ онъ могъ туда взобраться».

Начинало смеркаться, архимандритъ повелъ насъ обратно со скалы уже не чрезъ внутреннія пещеры, но чрезъ наружное крыльцо въ видѣ крытой галлереи, пятью стами ступень величественно спускающееся къ подножію утеса. Это крыльцо, необходимое для удобнаго восхода и спуска, прежде весьма тяжкаго по горной тропѣ, сооружено щедрымъ даяніемъ одной благочестивой сосѣдки Святогорья, Шабельской. Сперва хотѣли раздѣлить лѣстницу на тридцать уступовъ, по числу ступеней духовной Лѣствицы святаго отшельника Синайскаго Іоанна, и начертать на каждомъ избранныя слова изъ его высокаго творенія. Не знаю, почему оставлена сія первоначальная мысль, которая бы ознакомила многихъ простыхъ богомольцевъ съ духовною книгою Лѣствичника; вѣроятно, воспрепятствовала мѣстность.

Я слышалъ еще прежде, что внутри скалы находилась тайная усыпальница братіи, и просилъ архимандрита указать мнѣ это священное мѣсто. Узкая дверь была видна въ мѣловой скалѣ тамъ, гдѣ она

вырастаетъ изъ полугоры, но трудно было туда спуститься. Однако вмѣстѣ съ Пальмеромъ мы сбѣжали съ галлереи по крутизнѣ къ отверстію пещеры. По счастію не была заперта дверь; тамъ нашли небольшой корридоръ съ поворотомъ направо, на концѣ его было окно; по сторонамъ видны погребальныя ложа числомъ до двѣнадцати, изсѣченныя углубленіями въ скалѣ: тутъ отдыхаютъ труженики, быть можетъ, и нетлѣнные, радующіеся на ложахъ своихъ. Пальмеръ, который, не знаю почему, предполагалъ, что въ этой горней обители надлежало быть двѣнадцати и не болѣе труженикамъ съ ихъ аввою, чрезвычайно обрадовался, увидѣвъ, что его предположеніе какъ бы исполнилось числомъ ихъ гробницъ. Невольное благоговѣніе объяло насъ во мракѣ тайной усыпальницы въ сердцѣ скалы, и мы помолились надъ прахомъ подвижниковъ, смиренно оставившихъ намъ однѣ безъименныя свои кости, хотя, конечно, много невѣдомыхъ для насъ подвиговъ прославило ту скалу, въ основаніе коей сами возлегли.

По строгости Глинскаго устава, перенесеннаго на Святыя Горы. женщины не имѣютъ входа въ келліи монашествующихъ, а потому настоятель, отпустивъ всѣхъ нашихъ спутницъ, пригласилъ къ себѣ только меня съ Пальмеромъ. Мнѣ желательно было собрать нѣкоторыя устныя преданія о началѣ настоящей обители, прежде нежели изгладятся онѣ изъ памяти современниковъ, какъ уже стерлись большею частію всѣ сказанія прежде бывшей, хотя протекло только шестьдесятъ лѣтъ отъ ея упраздненія.

«Время это, сказалъ мнѣ архимандритъ, было для нея какъ бы плѣненіемъ Вавилонскимъ; но не оскудѣвала любовь окрестныхъ и даже отдаленныхъ

жителей къ святому мѣсту, и постоянно стекался сюда народъ, особенно въ Успенскій постъ и на праздники святителя. О томъ, что только сохранилось письменнаго касательно обители, вы можете прочесть въ книжкѣ нашего архипастыря. Существованіе монастыря достовѣрно съ 1624 года по милостыни царской Михаила Ѳеодоровича строителю Симеону съ братіею; но Святыя Горы извѣстны еще гораздо ранѣе, съ половины XVI вѣка, по книгѣ большаго чертежа, гдѣ прямо сказано: отъ устья рѣки Оскола на Донцѣ съ Крымской стороны Святыя Горы. Въ древнемъ синодикѣ, хранящемся въ ризницѣ, говорится: что за многими Татарскими разореніями и за частою перемѣною строителей не обрѣтено, кто начально изобрѣлъ здѣсь святое жительство и въ горѣ устроилъ келліи и церковь».

«Записанное въ грамотахъ и синодикахъ сохранится само собою, сказалъ я настоятелю, но мнѣ бы любопытно было слышать отъ васъ, какъ упразднилась и какъ обновилась обитель ваша».

Могу лишь сказать вамъ то, чему самъ былъ свидѣтелемъ, продолжалъ онъ; о прежней обители знаемъ только, что она была закрыта въ 1788 году, почти въ одно время съ Межигорскою, что подъ Кіевомъ, при архимандритѣ Венедиктѣ; тогда же были отписаны въ казну двѣ тысячи душъ ея крестьянъ и двадцать семь тысячъ десятинъ монастырскаго лѣса. Какая была главная причина упраздненія пустыни, мы не знаемъ; устное преданіе гласитъ только, будто князю Таврическому полюбилось это мѣсто и онъ испросилъ себѣ нашу рощицу, какъ онъ ее называлъ, чтобы основать тутъ великолѣпныя палаты; предположенное для нихъ мѣсто показы-

ваютъ недалеко отсюда на горѣ. Странно, почему свѣтлѣйшій пожелалъ уничтожить здѣсь обитель и въ Межигорахъ, когда въ то же время онъ сооружалъ Корсунскую для единовѣрцевъ на устьѣ Днѣпра? Мудрено объяснить это однимъ произволомъ или пристрастіемъ къ живописной мѣстности. Когда же черезъ шестьдесятъ лѣтъ суждено было носящимъ тоже громкое имя обновить святое мѣсто, утратилось уже преданіе о быломъ.

Не вѣдаю, какими судьбами привелось мнѣ здѣсь настоятельствовать. Отецъ Евстратій, игуменъ Глинской пустыни, послалъ меня въ Петербургъ по дѣламъ монастырскимъ, и тамъ встрѣтился я съ владѣтелями сего мѣста; мы говорили о возстановленіи запустѣвшей пустыни и они пригласили меня посѣтить Святыя Горы. Сердце мое наполнилось чувствомъ радостнаго изумленія, когда въ первый разъ неожиданно представилась мнѣ въ чащѣ лѣса изъ за Донца мѣловая скала, у подножія коей мнѣ суждено было оставаться. Я понялъ, что это мѣсто создано для пустыни и что не по какой либо прихоти опять водружается тутъ обитель. Преосвященный Иннокентій, ревнитель сего обновленія, поручилъ мнѣ созвать братію и съ нею предстать въ Харьковъ для заселенія пустыни. Гдѣ же мнѣ было искать ее, какъ не въ родной нашей обители Глинской, гдѣ провели мы столько лѣтъ при блаженномъ старцѣ нашемъ Филаретѣ?—До двѣнадцати человѣкъ братіи согласились послѣдовать за мною и мы рѣшились перенести сюда нашъ строгій уставъ Глинскій, напоминающій Аѳонскіе. Умилительно было, когда преосвященный, собравъ всю нашу братію передъ амвономъ своей крестовой церкви, сказалъ намъ красно-

рѣчивое слово о тѣхъ подвигахъ, которые намъ предстояли на новомъ поприщѣ. «Помыслите, говорилъ онъ, что вы идете обновить слѣды древнихъ пустынножителей и мучениковъ, подвизавшихся на той скалѣ, съ которой вы должны свѣтить міру чистымъ житіемъ иноческимъ, и вотъ для укрѣпленія вашего знаменіе побѣды, побѣдившее міръ». При сихъ словахъ онъ мнѣ вручилъ неожиданно животворящій крестъ, съ которымъ вышелъ изъ алтаря для краткаго слова, и опять удалился внутрь святилища: я остался съ крестомъ въ рукахъ посреди братіи и народа, глубоко тронутыхъ тѣмъ, что слышали. Крестъ сей послужитъ для насъ благословеніемъ, подумалъ я, и положилъ его себѣ на грудь, какъ первый залогъ нашего здѣсь жительства. Я покажу его вамъ въ алтарѣ нашей соборной церкви; въ немъ есть частицы святыхъ мощей. И другое нечаянное благословленіе пришло въ то же время укрѣпить духъ нашъ посреди предстоявшихъ намъ трудностей.

«Митрополитъ Кіевскій Филаретъ, обрадованный вѣстію обновленія Святыхъ Горъ, писалъ къ преосвященному Иннокентію, чтобы прислалъ къ нему новаго строителя. Митрополитъ вручилъ мнѣ списокъ съ чудотворной иконы Успенія Богоматери съ частицами мощей преподобныхъ Печерскихъ. Такимъ образомъ вторично отъ Кіева осѣнило Святыя Горы благословеніе древней его святыни. Икону сію съ торжествомъ встрѣтилъ наканунѣ обновленія обители нашъ владыка при стеченіи многочисленнаго народа, и, конечно, его глубокое слово, проникнувшее умиленіемъ сердца наши, достигло вдали и вашего слуха: «откуду намъ сіе, да пріидетъ Мати Господа нашего

къ намъ? Святыя Горы, зрите кто пришелъ къ вамъ и преклоните верхи ваши предъ Царицею неба и земли». Не стану описывать вамъ торжества обновленія, когда вся гора отъ подошвы и до вершины унизана была народомъ, ликующимъ объ исполненіи давно желаннаго, когда, по словамъ преосвященнаго, «плѣнъ Сіонь окончился, и сей Лазарь не три дни, а семьдесять лѣтъ лежавшій во гробѣ, паки возсталъ»;—все это въ свое время разсказано и даже напечатано. Скажу только собственное мое радостное и вмѣстѣ грустное чувство, когда еще прежде сихъ торжествъ пришелъ одинъ я съ братіею моею принять во владѣніе сію пустыню въ полномъ смыслѣ слова. Не изъ за Донца, какъ въ первый разъ, но съ вершины горы увидѣли мы сію обѣтованную для насъ землю, и хотя отрадно было въ ней вселиться, однако тяготило насъ чувство нашего крайняго убожества и безпомощности. И вотъ съ помощію Матери Божіей и посланныхъ Ею благотворителей святое мѣсто не осталось пусто. Какъ видите, обновлена скала съ двумя ея церквами и устроенъ на нее входъ внутренній и внѣшній, и ограда до половины кончена со всѣми необходимыми службами, и вы уже молились въ благолѣпной церкви Покрова Богоматери надъ святыми вратами,—и все это въ теченіи семи лѣтъ; мы надѣемся соорудить и новый соборъ Успенія на мѣсто ветхаго».

«Но вы, конечно, сохраните прежній соборъ у святыхъ воротъ, сказалъ я, въ память того, что онъ одинъ въ продолженіе долгаго запустѣнія охранялъ преданіе о бывшей обители и всю ея святыню; если бы не привлекалъ онъ къ себѣ ежегодно толпы народа, быть можетъ, совершенно бы запустѣло святое

мѣсто».—«Желаемъ и его сохранить, отвѣчалъ архимандритъ. Полковникъ Изюмскаго полка Шидловскій основалъ сію церковь Успенія въ 1698 году, когда начали здѣсь селиться слободы Украинскія и безопасность позволила монашествующимъ сойти со скалы, чтобы основаться у ея подножія для бо́льшаго удобства. Это была уже третья эпоха ихъ жительства въ здѣшней пустынѣ: сперва гнѣздились страха ради въ сердцѣ скалы, потомъ отважились выглянуть на ея вершину, наконецъ спустились къ подошвѣ, и странно, что тутъ посѣтило ихъ запустѣніе».

Мнѣ хотѣлось, чтобы на слѣдующій день ранняя литургія съ поминовеніемъ усопшихъ совершена была въ подземной, недавно обновленной церкви св. Антонія и Ѳеодосія, о которой много слышалъ еще въ столицѣ. Я просилъ настоятеля разсказать мнѣ о ея необычайномъ открытіи.

«Оно дѣйствительно заслуживаетъ вниманія, сказалъ архимандритъ, и трудно бы повѣрить, если бы мы сами не были тому свидѣтелями. Промыслу Божію угодно было обнаружить давно утаенное и сохранить для сего живую лѣтопись при оскудѣніи письменной. При самомъ обновленіи Святыхъ Горъ помѣстился въ нашу обитель почти столѣтній труженикъ, бывшій нѣкогда служителемъ стараго монастыря, и мы постригли его съ именемъ Маѳусаила ради его глубокой старости; онъ же открылъ намъ какъ бы времена допотопныя, потому что самое преданіе о бывшей пещерѣ утратилось; только молва народная говорила о какомъ то сообщеніи съ пещерами Кіевскими преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, позабывъ, что здѣсь существуютъ собственныя. Какъ

то въ молодости своей Маѳусаилъ, пася стада, попалъ въ лѣсу на слѣдъ этой пещеры черезъ слуховое ея окно, и хотя объявлялъ о томъ старцамъ монастырскимъ, но, вѣроятно, неблагопріятныя обстоятельства не позволили имъ тогда заняться ея очищеніемъ. Намъ предоставлено было это утѣшеніе, и для сего единственно сохранился между нами старецъ Маѳусаилъ, который скончался въ самый годъ открытія пещеры. Мы не обращали сперва вниманія на его разсказы, да и кому могло придти на мысль, что малая яма, на которую онъ указывалъ въ чащѣ лѣса, была слуховымъ окномъ въ подземную церковь. Не такъ судилъ о томъ однако преосвященный Иннокентій, когда я сообщилъ ему настоятельное указаніе старца; самъ онъ потрудился пріѣхать въ Святыя Горы и, проведя нѣсколько часовъ въ бесѣдѣ съ Маѳусаиломъ, велѣлъ немедленно приступить къ работѣ, а между тѣмъ записывать всѣ устныя преданія старца о бывшей обители».

«Братія подъ начальствомъ отца Виссаріона сами начали раскапывать яму и выносить оттуда землю: вообразите общее изумленіе, когда мы дѣйствительно нашли, что здѣсь есть слуховое окно и потомъ этимъ тѣснымъ путемъ спустились въ алтарную часть подземной церкви, гдѣ обрѣли мѣсто жертвенника и престола, а потомъ отрыли и весь храмъ съ его боковыми выходами. Если все это первоначально было ископано иноческими руками, то и очищено опять ими же; братія по усердію сами выгребали землю и въ своихъ одеждахъ выносили ее въ слуховое окно; радость наша была исполнена. Но старцу Маѳусаилу не суждено было видѣть окончаніе указаннаго имъ подвига. Онъ какъ бы нарочно до-

жилъ до того только времени, пока ему повѣрили и открыли утаенное; однако и при самой смерти былъ виновникомъ скораго обновленія открытаго имъ святилища. Когда вся братія со слезами соборно предавали землѣ тѣло его подлѣ самой пещеры въ залогъ и память ея обрѣтенія, нечаянно проѣзжавшій мимо купецъ Изюмскій. который не имѣлъ прежде особаго расположенія къ обители, ни даже вообще къ Церкви, полюбопытствовалъ, отчего такое собраніе народа и усердіе къ усопшему?—Когда же услышалъ разсказъ о чудномъ обрѣтеніи и увидѣлъ самую пещеру, только что разрытую, умилился сердцемъ и объявилъ мнѣ желаніе немедленно устроить въ ней церковь на свой счетъ; съ тѣхъ поръ сдѣлался онъ ревнителемъ благочестія до самой кончины, вскорѣ воспослѣдовавшей. Такимъ образомъ простой старецъ Маѳусаилъ въ самый часъ погребенія послужилъ къ душевному спасенію одного невѣдомаго ему брата, а церковь, имъ обрѣтенная подъ землею, доселѣ умиляетъ души въ ней молящихся».

Поздно уже при лунѣ возвратились мы въ очаровательное наше жилище. Радушная хозяйка сидѣла на террасѣ и пригласила насъ воспользоваться остаткомъ лѣтняго вечера на свѣжемъ воздухѣ. Самая теплая Италіянская ночь, чтобы не сказать Украинская, обвѣвала насъ въ роскошной виллѣ. Видя предъ собою чудную обитель, только что возникшую изъ запустѣнія, и ту, которая оживила своимъ благочестивымъ усердіемъ сію грустную дотолѣ пустыню, я хотѣлъ услышать изъ собственныхъ ея устъ, какъ пришла ей первая мысль обновить Святыя Горы.—Такъ подслушалъ я однажды и поэтическій разсказъ старицы Бородинской о началѣ ея мирной

обители на полѣ ратномъ. Драгоцѣнны такія преданія свыше всякой лѣтописи, потому что онѣ умираютъ обыкновенно съ тѣми смиренными лицами, которыя сами почитаютъ себя и свои дѣянія столь ничтожными, что зарываютъ ихъ своимъ молчаніемъ вмѣстѣ съ собою въ тихую свою могилу; цвѣтъ и плоды видны, но корень глубоко заростаетъ въ землю.—Я спросилъ: «какимъ образомъ узнала она о существованіи и запустѣніи Святыхъ Горъ»?

«Вы, конечно, знали, отвѣчала она, двухъ Запорожскихъ монаховъ, Исаію и Меѳодія, которые лѣтъ восемнадцать тому назадъ приходили въ Петербургъ испрашивать себѣ гдѣ либо мѣсто для постояннаго жительства. Покойная графиня Орлова прислала ихъ ко мнѣ. Одинъ изъ нихъ, именно іеродіаконъ Исаія, первый началъ мнѣ разсказывать о Святыхъ Горахъ, выхваляя красоту мѣста, и умолялъ возстановить запустѣвшую обитель, дабы всѣ Запорожскіе монахи, пришедшіе съ нимъ изъ за Дуная во время Турецкой войны, могли тамъ поселиться. Ко мнѣ же собственно обратился потому, что слышалъ о моемъ близкомъ родствѣ съ генераломъ Энгельгардтомъ, которому тогда принадлежало это имѣніе по наслѣдству отъ дяди его, князя Потемкина. Но хотя немедленно написали къ нему, убѣждая возстановить обитель, упраздненную княземъ, онъ однако рѣшительно отказалъ. Послѣ его кончины имѣніе Святогорское должно было раздѣлиться на четыре части между его сестрами, въ числѣ коихъ была моя свекровь; но мы упросили княгиню Юсупову скупить себѣ всѣ четыре участка, чтобы не раздѣлилось такое прекрасное наслѣдство, потому что у насъ всегда была надежда когда нибудь обновить пустынь. Княгиня отчасти

исполнила наше желаніе, но колебалась возстановить обитель до послѣдняго года своей жизни. Она вскорѣ скончалась, и это имѣніе опять должно было раздѣлиться на двѣ части между ея сыновьями; однако мужъ мой рѣшился лучше уступить что нибудь въ другихъ имѣніяхъ, лишь бы это вполнѣ намъ досталось, и уступилъ болѣе тысячи душъ, чтобы только получить Святыя Горы, потому что его сердце лежало къ святому мѣсту; но мы сперва имѣли намѣреніе основать здѣсь женскую обитель. Отецъ Арсеній отсовѣтовалъ мнѣ просить о водвореніи инокинь въ такомъ дикомъ мѣстѣ, гдѣ съ самаго начала подвизались монахи, и мы стали ходатайствовать о возстановленіи мужеской Святогорской пустыни, удѣливъ для нея сколько было нужно лѣса и земли. Какъ видите, Богъ благословилъ это дѣло, вѣроятно, по молитвамъ святыхъ старцевъ, которые долго здѣсь спасались».

Утѣшительно было слышать все это изъ собственныхъ ея устъ, и достойно вниманія, какимъ образомъ мѣсто, нѣкогда упраздненное по произволу князя Потемкина въ теченіи шестидесяти лѣтъ, переходя изъ рукъ въ руки между его наслѣдниками, должно было непремѣнно дождаться соименнаго ему владѣльца, чтобы возвратилось Божіе Богови.

«Когда же увидѣли вы въ первый разъ Святыя Горы?» спросилъ я.—«Это впечатлѣніе всегда останется въ моемъ сердцѣ, отвѣчала она. Имѣніе принадлежало еще княгинѣ Юсуповой, и во время голода она просила мужа моего посѣтить Святыя Горы, чтобы прекратить тамъ нѣкоторые безпорядки; мы обрадовались случаю и поспѣшили сюда пріѣхать. Не могу вамъ выразить, что почувствовала душа

моя при видѣ этой чудной мѣстности, явно предназначенной для пустыни и уже столько лѣтъ запустѣвшей. Не могли мы оба равнодушно смотрѣть на тѣ мѣста, гдѣ спасалось столько святыхъ мужей и гдѣ, быть можетъ, таятся отъ насъ ихъ святыя мощи. Насъ тронуло и усердіе народа, притекавшаго постоянно къ святому мѣсту, не смотря на его запустѣніе; всѣ какъ бы ожидали, что оно воскреснетъ, и мы тогда же дали въ душѣ своей обѣщаніе стараться всѣми силами исполнить общее благочестивое желаніе для пользы цѣлаго края. Вѣроятно, такъ угодно было Господу, потому что слабые труды наши не остались тщетными, и мы ежедневно благодаримъ Бога, что не отринулъ насъ недостойныхъ».

Такъ просто и смиренно разсказывала она родную для ея сердца повѣсть о началѣ обители, сама не замѣчая, сколько было краснорѣчія въ ея искреннемъ словѣ, которое олицетворялось предъ нами на самомъ дѣлѣ; глаза ея дополняли благодарными слезами то, чего, быть можетъ, не договаривала рѣчь;— а ночь была тихая, теплая, какъ и самое ея слово, вытекавшее прямо изъ сердца, и кроткая луна освѣщала предъ нами обновленную обитель Святогорскую.

Отрадна для души была на слѣдующее утро литургія въ подземной церкви Антонія и Ѳеодосія. Она мнѣ напомнила Печерскія службы, которыя я такъ любилъ слушать въ нѣдрахъ земли роднаго Кіева, и тѣ, какія еще недавно сподобилъ меня Господь слышать въ вертепахъ Палестинскихъ, Геѳсиманіи, Виѳлеема и лавры св. Саввы; я съ ними такъ сроднился, что мнѣ казалось уже какъ будто страннымъ молиться при свѣтѣ дня подъ открытымъ небомъ. Быть можетъ, болѣе умиленія возбуждается

въ пещерахъ потому, что онѣ невольно переносятъ воображеніе къ первымъ временамъ христіанства, согрѣвая душу теплою молитвою тѣхъ вѣковъ, какъ будто бы все давноминувшее опять предъ нами, и мужи апостольскіе снова подъемлютъ чистыя свои руки къ небу во мракѣ пещеръ. Недавно усопшіе во Христѣ не были забыты въ нашихъ молитвахъ; молился съ нами и Пальмеръ и, казалось, глубоко былъ тронутъ, ибо его сердце лежитъ къ величественной нашей службѣ.

Нельзя однако опредѣлить времени ископанія сей пещеры; во всякомъ случаѣ оно гораздо позднѣе келлій мѣловаго утеса, потому что самая правильность внутренняго расположенія церкви и отдѣлка сводовъ показываетъ, что надъ ними трудились люди, искавшіе не только пріюта, но и благолѣпія въ катакомбахъ. Не то мы видимъ въ Кіевѣ, гдѣ тѣсныя церкви и переходы ископаны неправильно, судя потому какъ позволяла мѣстность, и поддерживаются столбами. Обновители Святогорскихъ ископали еще съ правой стороны церкви келлію для братіи; прочее же осталось неприкосновеннымъ и, кажется, не восходитъ далѣе XV или XIV вѣка. Странно, какъ могли позабыть о сей подземной церкви братія прежде бывшей обители; это можетъ служить свидѣтельствомъ, что она не была въ слишкомъ цвѣтущемъ состояніи въ послѣднее свое время. Предъ устьемъ пещеры поклонились мы могилѣ открывшаго ее старца Маѳусаила: тутъ же начали погребаться именитые роды изъ окрестности, такъ что это мѣсто сдѣлалось почетною усыпальницею обители.

Лодка ожидала насъ противъ святыхъ воротъ, чтобы тотчасъ послѣ обѣдни плыть вверхъ по Донцу

къ такъ называемому святому мѣсту, гдѣ былъ нѣкогда скитъ и гдѣ снова хотятъ его устроить. Менѣе версты отъ святыхъ воротъ до малой часовни на берегу, куда совершается ежегодно наканунѣ праздника Успенія крестный ходъ на ладьяхъ въ память обновленія обители. Это шествіе по водамъ должно быть весьма торжественно при множествѣ народа, плывущаго въ различныхъ челнокахъ вслѣдъ за священнослужителями по манію руководственныхъ хоругвей. Отъ сей часовни отлогая стезя повела насъ по лѣсной чащѣ въ гору до крутаго вала, устроеннаго въ видѣ баттареи, гдѣ замѣтно было и мѣсто воротъ.

«Это была дѣйствительно баттарея, сказалъ мнѣ настоятель. и ее устроилъ усердный инокъ Іаковъ пушкарь, какъ его называли по прежнему ремеслу, лѣтъ за сто тому назадъ, при архимандритѣ Рафаилѣ, одномъ изъ послѣднихъ и самомъ именитомъ по своей добродѣтели. Должно предполагать, что не безъ причины протянутъ былъ этотъ валъ въ лѣсной чащѣ отъ горы и до горы поперегъ ущелія; онѣ сходятся позади скита, образуя треугольную площадь, отовсюду огражденную; опасность отъ набѣговъ Крымскихъ, вѣроятно, вынудила скитниковъ озаботиться и физическимъ укрѣпленіемъ мѣста духовныхъ своихъ подвиговъ. Тутъ обнаруживается, какими средствами владѣла тогда обитель, если подъ руководствомъ пушкаря инока могли срыть цѣлую гору, чтобы завалить оврагъ для сооруженія этого вала; хотя онъ отчасти осыпался, но еще сохранился крутой обрывъ и надъ нимъ высокая терраса для новаго скита; отвѣсныя горы, покрытыя лѣсомъ, не допускаютъ никакого сообщенія съ окрестностію,

кромѣ одной малой тропы, проложенной въ обитель; но ее надобно уничтожить, дабы совершенно удалить скитъ отъ путей человѣческихъ: только водою и то съ благословенія настоятеля можно будетъ посѣщать его, а поверхъ вала станетъ ограда и ключъ отъ калитки будетъ у начальника скита. Тутъ у входа мы хотимъ построить деревянную церковь во имя великаго пустынножителя Арсенія, а за нею расположены будутъ келліи въ сосновой рощѣ, и тамъ, если Богу будетъ угодно, окончитъ дни свои и нынѣшній настоятель обители».

А я мысленно приготовилъ священный даръ для скитской церкви: мраморный ковчегъ въ видѣ саркофага, который былъ обрѣтенъ недавно въ развалинахъ одного храма въ Анатоліи близъ города Тарса, отечества св. апостола Павла; онъ долженъ принадлежать по своей древней формѣ и начертанію Греческихъ буквъ къ отдаленнымъ временамъ христіанства, VII или VIII вѣку, и надпись его, конечно, приличествуетъ сему мѣсту λείψανον τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἀρσένιου τοῦ μεγάλου «мощи преподобнаго отца нашего Арсенія великаго». Хотя теперь уже нѣтъ частицы мощей въ кивотѣ, но и самый кивотъ, конечно, драгоцѣннымъ будетъ залогомъ для скита, украшеннаго именемъ великаго отшельника.

«Не напоминаютъ ли вамъ эти мѣловые утесы, спросилъ меня настоятель, ущелья св. Саввы, которое все пробито келліями отшельниковъ? Вотъ и въ нашихъ скалахъ есть слѣды пещеръ прежнихъ скитниковъ; быть можетъ, и новые въ нихъ водворятся.»

Дѣйствительно, въ этихъ скалахъ есть нѣчто Саввинское плачевной юдоли, хотя мѣстность совсѣмъ

другая: тамъ природа вооружилась всѣми своими ужасами для испытанія терпѣнія подвижниковъ, а здѣсь она роскошно осѣнила все ущеліе богатою растительностію, приготовивъ малый Эдемъ для искателей безмолвія. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались по сосновой рощѣ въ глубь ущелія, оно все стѣснялось предъ нами, и наконецъ отвѣсная гора преградила всякій выходъ.

«Здѣсь въ этомъ углу была нѣкогда церковь скитская, сказалъ настоятель, которую перенесли во время запустѣнія обители въ сосѣднее имѣніе Шабельскихъ; но теперь они съ избыткомъ заплатили намъ за бывшее наше наслѣдіе устроеніемъ великолѣпной лѣстницы на скалу святителя Николая. Тутъ же около церкви находится и усыпальница братская, какъ видно изъ потревоженной могилами земли».

«Но отчего же не хотите вы соорудить здѣсь церкви, спросилъ я, на старомъ мѣстѣ, которое освящено уже молитвою столькихъ подвижниковъ?»

«Самъ архипастырь указалъ намъ и уже освятилъ предназначенное мѣсто для церкви у входа въ скитъ, отвѣчалъ архимандритъ, и не слѣдуетъ перемѣнять сего мѣста, потому что такъ будетъ удобнѣе для любителей безмолвія. Приходящіе извнѣ, чтобы помолиться въ скиту, не будутъ проникать далѣе въ жилье отшельниковъ и развлекать ихъ вниманія; они же могутъ безпрепятственно пользоваться уединеніемъ сосновой рощи до самой глубины ущелія. Но здѣсь мы можемъ со временемъ построить малую кладбищенскую церковь надъ могилами прежнихъ и будущихъ отшельниковъ, когда опять населится это святое мѣсто».

«Когда же это совершится?» спросилъ я настоятеля. «Спросите о томъ владѣтельницу Святыхъ Горъ, съ улыбкою отвѣчалъ настоятель, указывая на спутницу нашу. Безъ нея мы не можемъ всего вдругъ возстановить своими средствами. Благодаримъ и за то, что уже сдѣлано; главная теперь забота наша объ окончаніи ограды, безъ которой не можетъ существовать никакая обитель. На будущій годъ обѣщаютъ намъ построить деревянную церковь и келліи въ скиту; съ утѣшеніемъ ждемъ ихъ и надѣемся, а скитники уже готовы, и вотъ одинъ изъ нихъ», продолжалъ онъ, указывая на отца Германа, пришедшаго послѣ насъ уединенною тропою изъ обители.

Въ пріятной бесѣдѣ непримѣтно спустились мы къ нашей лодкѣ; ожидавшіе насъ спутники сказали, что въ наше отсутствіе двѣ большихъ змѣи, которыхъ много на этомъ мѣстѣ, отъ скитскаго берега быстро переплыли предъ ними на противулежащій. Но онѣ не страшны будущимъ скитникамъ, памятующимъ обѣтованіе евангельское: «змія возьмутъ; аще и что вредно испіютъ, не вредитъ имъ».

Всенощное бдѣніе заключило вечеръ этого дня по случаю совершившагося радостнаго для всей Россіи двадцати-пятилѣтія царскаго вѣнчанія ея Помазанника. — И мы въ вечеръ сей, какъ и на слѣдующее утро, за божественною литургіею въ пустыни Святогорской, присоединили молитвы наши къ тѣмъ, которыя въ то же время, при собраніи всего Царскаго семейства и синклита, возносились въ присутствіи самого Виновника торжества въ первопрестольной его столицѣ. Если не въ Кремлѣ, то, конечно, въ этой пустыни, обновленной во дни его слав-

ной державы, отрадно было молиться въ такія минуты, близкія каждому Русскому сердцу, которое утѣшается свѣтлымъ Царемъ своимъ предъ лицемъ темнаго Запада. Я изумился стройности и благолѣпію служенія въ обители, только что собравшейся, гдѣ все было ново, и зданія и братія, а между тѣмъ казалось, будто бы здѣсь никогда не прерывался древній чинъ и бытъ отъ начала Кіевскаго и Аѳонскаго.

На другой день въ четвертокъ, собственно посвященный памяти великаго святителя Николая, я проспалъ настоятеля, чтобы онъ самъ отслужилъ литургію на вершинѣ скалы и позволилъ мнѣ нести образъ чудотворца по внутреннимъ пещерамъ до верхней церкви. Рано утромъ при пѣніи стихиръ Богоматери и Святителю мы взошли крестнымъ ходомъ внутрь пещеръ со свѣчами въ рукахъ и съ обѣими иконами Пречистой Дѣвы и чудотворца. Усердствующіе богомольцы смѣняли другъ друга для ихъ несенія по крутому подъему, и въ числѣ ихъ былъ Пальмеръ, благоговѣйно подымавшій святыя иконы съ усердіемъ, достойнымъ сына православной Церкви. Онъ оставлялъ въ этотъ день Святыя Горы и потому еще ревностнѣе раздѣлялъ свою молитву съ православными. Во внутренней церкви остановились для чтенія акаѳиста, который прочелъ наизусть самъ настоятель, и умилительно было слушать его въ той самой церкви, гдѣ на столпѣ явилась икона святителя и гдѣ долго былъ единственный домъ молитвы для многихъ подвижниковъ. Потомъ мы вышли опять на Божій свѣтъ, на темя скалы, при пѣніи ликовъ, какъ бы воскресшіе изъ нѣдръ земли, и литургія совершилась торжественно въ обновленномъ храмѣ.

Когда мы сошли со скалы въ келлію настоятеля, онъ сказалъ на прощаніе назидательное слово отходящему въ путь діакону Англійскому, который былъ очень тронутъ этимъ изъявленіемъ христіанской любви. Архимандритъ убѣждалъ его не отлагать на новыя испытанія благовременнаго общенія съ православною Церковью, не вѣдая, что принесетъ утрешній день, и въ простотѣ духа засвидѣтельствовать устами истину догматовъ, коимъ уже увѣровалъ сердцемъ и въ которыхъ заключается спасеніе наше. У Пальмера таилась своя религіозная, хотя довольно отвлеченная мысль искать присоединенія только при извѣстныхъ ему условіяхъ въ епархіи Филадельфійской Малой Азіи, потому что Церковь сія была одною изъ семи апокалиптическихъ и сохранила непрерывное преемство своихъ епископовъ отъ временъ святаго Іоанна Богослова. Въ таинственныхъ словахъ Господа къ ангелу сей Церкви Пальмеру казалось видѣть нѣкоторыя черты сходства съ нынѣшнимъ состояніемъ не Римскаго Запада. Я просилъ его также спѣшить въ эту Филадельфію, имя коей выражаетъ по гречески братолюбіе, или искать ее въ лонѣ Россійской Церкви, братолюбно отверзающей свои объятія приходящимъ къ ней съ вѣрою и смиреніемъ.

Все общество Святогорское провожало труженика Англійскаго за двадцать верстъ отъ обители до заштатнаго города Славянска, гдѣ недавно открылись минеральныя воды, сѣрныя и соленогорькія. Онѣ успѣли прославиться во всей Украйнѣ, и къ нимъ стекаются за исцѣленіемъ много семействъ изъ ближнихъ и дальнихъ губерній, потому что ихъ цѣлебныя силы противъ золотухи и простуды уже испы-

таны; благотворный климатъ Украйны даетъ имъ преимущество предъ Старорусскими. Преосвященный Иннокентій называлъ ихъ Силоамскою купелью, и онѣ открылись почти въ одно время съ духовною купелью Святогорскою; обѣ купели пользуютъ свойственные имъ недуги: одна тѣлесные, другая духовные; купающіеся въ Славянскѣ пріѣзжаютъ по воскреснымъ днямъ въ Святыя Горы, и въ эти дни не приготовляютъ даже ваннъ для болящихъ; молитва возстановляетъ духъ ихъ въ то самое время, какъ обновляются ихъ силы цѣлебными водами.

По возвращеніи изъ Славянска мнѣ любопытно было видѣть нѣкоторыя окрестности пустыни Святогорской, особенно тѣ, откуда открывались на нее лучшіе виды, и самый тылъ лѣсистыхъ высотъ, къ коимъ она приникла. Поднявшись на крутую гору около дома Потемкиныхъ, мы обогнули ея вершину и за нею въ прилежащихъ оврагахъ посѣтили садъ и пчельники монастырскіе и хозяйственныя службы, гдѣ производятся всѣ работы для постоянныхъ построекъ по обители. Все это кипѣло жизнію и удивительно, какъ могла столь быстро возникнуть такая дѣятельность въ сей пустынѣ. Колодезь въ видѣ артезіанскаго чрезвычайной глубины ископанъ былъ тамъ, гдѣ едва надѣялись обрѣсти воду; трехъдневный постъ наложилъ настоятель на всю братію съ усердною молитвою о дарованіи живительной струи, и благословилъ Господь успѣхомъ дѣло, начатое молитвою.

Отпустивъ лошадей близъ вершины горы, вдвоемъ съ настоятелемъ поднялись мы лѣсистою тропою на самое темя Ѳавора, какъ называютъ свою гору пустынные жители ея, ибо и Ѳаворъ обозначенъ

исключительно именемъ Святой Горы въ посланіяхъ апостольскихъ; потомъ спустились опять ко гребню мѣловаго утеса тамъ, гдѣ отдѣляется онъ изъ лѣсной чащи въ подножіе храму. Былъ вечеръ, и заходящее солнце багровыми лучами озарило предъ нами туже чудную картину, которою мы восхищались въ первый день.

«Теперь, сказалъ мнѣ настоятель, я приведу васъ въ келлію затворника, мимо коей мы прежде проходили два раза по многолюдству, ибо онъ никого не принимаетъ, и васъ приметъ только ради послушанія. Благодаримъ Бога, что онъ послалъ нашей обители такое утѣшеніе, напоминающее намъ о первыхъ вѣкахъ христіанства, и мы это тѣмъ болѣе цѣнимъ, что никто изъ насъ вначалѣ не хотѣлъ вѣрить рѣшимости затворника. Онъ пришелъ со мною въ числѣ двѣнадцати человѣкъ изъ Глинской пустыни и ничѣмъ особеннымъ не отличался отъ прочей братіи. Я назначилъ ему въ послѣднее время послушаніе на гостинницѣ, и онъ два года проходилъ безъ всякаго ропота эту трудную должность, совершенно противоположную направленію его духа. Быть можетъ, сія непрестанная молва внушила ему ту жажду безмолвія, которая такъ рѣшительно окончилась затворомъ. Послѣ смерти старца духовника нашего Ѳеодосія, который оставилъ по себѣ общее сожалѣніе, бывшій гостинникъ объявилъ мнѣ свое непремѣнное желаніе заключиться въ скалѣ. Долго я ему отсовѣтывалъ, представляя всю духовную опасность такого подвига, но онъ пребылъ твердъ въ своемъ намѣреніи. Чтобы удержать его, я сказалъ, что уже, заключившись однажды, онъ не долженъ выходить изъ келліи въ теченіи цѣлаго года и что

я возьму къ себѣ ключъ отъ его двери; онъ и на то благодушно согласился, и тогда я исполнилъ его желаніе, признаюсь, не безъ большаго сомнѣнія; братія открыто говорили, что и недѣли не просидитъ онъ въ затворѣ, и даже послѣ того ежедневно ожидали его выхода; но такъ прошелъ цѣлый годъ. Я посѣщалъ его не болѣе раза въ мѣсяцъ; келейникъ приносилъ ему сухари и воду на нѣсколько дней и похлебку въ субботу и воскресенье. На Пасху въ первый разъ онъ вышелъ въ церковь, примыкающую къ его келліи, чтобы пріобщиться святыхъ Таинъ; надобно было видѣть общее изумленіе братіи; недовѣрчивость обратилась въ глубокое уваженіе, и съ тѣхъ поръ нѣкоторые изъ старшихъ избрали его своимъ духовникомъ. Мы предложили ему сойти со скалы въ общую трапезу; онъ не согласился и только сошелъ въ келлію своего послушника у начала лѣстницы; но и тамъ, просидѣвъ одинъ день, просился опять въ затворъ, потому что отвыкъ бесѣдовать съ людьми. Съ тѣхъ поръ около полугода опять подвизается въ заключеніи и только просилъ меня позволить ему выходить въ прилежащій малый корридоръ, потому что ноги его пухнутъ отъ недостатка движенія; но лице его свѣтло и свѣжо, какъ вы сами увидите, и я замѣчаю изъ его бесѣды зрѣлость въ предметахъ духовныхъ, какой въ немъ не бывало прежде; душа его созрѣла въ безмолвіи. Господь помиловалъ его отъ сильныхъ искушеній, унынія и страховъ ночныхъ; онъ говоритъ, что едва находитъ время въ теченіе сутокъ совершить положенное имъ правило, акаѳисты, псалтырь и отеческія книги, чтеніе коихъ распредѣлено у него по часамъ; только глаза слабѣютъ отъ непрестанныхъ занятій при

свѣтѣ лампады, потому что лучъ дневной едва проникаетъ въ его келлію сквозь малую скважину скалы; я далъ ему часы, чтобы могъ узнавать время; но пойдемте, вы все сами увидите.»

Мы спустились внутрь скалы; келейникъ встрѣтилъ насъ съ пукомъ зазженныхъ свѣчъ въ узкихъ переходахъ внутренняго монастыря и повелъ къ заключенной келліи; двери ея отворились по молитвенному возгласу настоятеля. Затворникъ стоялъ въ мантіи и эпитрахили у аналоя и совершалъ вечернее правило; взоръ его былъ спокоенъ и свѣтелъ; лице не представляло никакихъ слѣдовъ изнуренія. Я вспомнилъ отроковъ Вавилонскихъ, которыхъ постъ не лишилъ обычной свѣжести предъ лицемъ царя. При тускломъ свѣтѣ лампады окинулъ я взоромъ келлію: въ ней едва ли была квадратная сажень; въ восточномъ углу висѣли иконы; малая скамья служила для отдохновенія днемъ, отверстый гробъ для ночнаго покоя; оставалось только закрыть его и довершено поприще затворника. Не много краткихъ рѣчей обмѣняли мы другъ съ другомъ; я боялся нарушить его богомысліе и спросилъ только: «не одолѣваютъ ли его иногда духъ унынія и страхованія ночныя?» — «Все возможно о укрѣпляющемъ насъ Господѣ,» смиренно отвѣчалъ онъ, и я не смѣлъ далѣе вопрошать, просилъ лишь его молитвъ и благословенія и вышелъ изъ келліи, проникнутый чувствомъ глубокаго благоговѣнія къ такому подвигу и подвижнику.

Признаюсь, когда мнѣ случалось проходить въ пещерахъ Кіевскихъ мимо малыхъ оконцевъ затворниковъ съ молитвою къ ихъ прежде бывшимъ жителямъ, мнѣ приходила иногда тайная мысль, какъ

могли они подвизаться цѣлую жизнь въ столь жестокомъ затворѣ? И вотъ я видѣлъ собственными глазами подобный же подвигъ, но только въ сердцѣ каменной скалы вмѣсто пещеры.—Когда мы вышли на Божій свѣтъ извнутри утеса, чтобы спуститься по внѣшней лѣстницѣ, луна уже серебрила густыя вѣтви деревъ, нависшія съ горы на этотъ величественный спускъ.—Мы продолжали бесѣду нашу объ иночествѣ и о той пользѣ духовной, которую могла принесть обновленная обитель для всей окрестности, особенно при такихъ подвижникахъ.

«Благодареніе Богу, сказалъ архимандритъ, при всемъ недостоинствѣ нашемъ и при самомъ началѣ общежитія, мы уже видимъ плоды обновленія Святогорскаго во всей Украинѣ и даже на Дону: такъ сильно скорбѣли о давнемъ запустѣніи святаго мѣста, и такъ велика была жажда его обновленія, что при самомъ началѣ обители, какъ будто оживилась вся окрестность, и толпами стали сюда стекаться изъ ближнихъ и дальнихъ странъ, какъ бы на Русскій Аѳонъ; въ короткое время собралось братства болѣе ста человѣкъ; отъ одной искры вспыхнуло пламя. Благопріятно самое названіе, ибо все здѣсь какъ бы заблаговременно освящено: кромѣ Святыхъ Горъ есть и святое мѣсто для скита и даже святымъ слыветъ озеро, гдѣ бываетъ наша рыбная ловля. И теперь, благодаря усердію владѣльцевъ мѣста, мы имѣемъ довольно обширную церковь надъ вратами въ ожиданіи собора; но до сего времени мы не знали, какъ управиться съ народомъ въ Успенскій постъ. Вы видѣли, какъ тѣсна старая церковь, а надобно было удовлетворять духовнымъ потребностямъ нѣсколькихъ тысячъ. Вѣрите ли, что наканунѣ праздника поль-

зуясь благопріятною погодою, мы исповѣдывали и пріобщали народъ подъ открытымъ небомъ около церкви, потому что не было возможности преподавать въ ней святыя Тайны отъ тѣсноты и духоты. Нѣсколько священниковъ выходили съ дарами къ народу за двери церковныя, какъ бы изъ алтаря, и по истинѣ это было зрѣлище умилительное, напоминавшее первые вѣка. Особенно обремененъ былъ исповѣдью покойный отецъ Ѳеодосій, общій духовникъ обители, къ которому всѣ преимущественно притекали по его духовной опытности; его потеря для насъ очень чувствительна, потому что онъ былъ монахъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Если бы вы знали, сколько онъ принесъ пользы для однихъ военныхъ, которые заѣзжали сюда по дорогѣ на Кавказъ и слагали здѣсь бремя грѣховное, иногда за нѣсколько дней до кончины, ихъ ожидавшей на полѣ битвы. Помню, сюда пріѣхалъ однажды на нѣсколько часовъ только и то изъ любопытства молодой офицеръ, который и не думалъ говѣть; но, будучи пораженъ усерднымъ говѣніемъ народа, спросилъ: «можетъ ли и онъ пріобщиться на слѣдующее утро, потому что время не позволяло ему медлить?» Отецъ Ѳеодосій усомнился допустить такъ скоро пылкаго юношу до святыхъ Таинъ, но впервые очувствовавшійся сказалъ духовнику: «если теперь меня не причастите, то, можетъ быть, мнѣ не удастся болѣе исполнить христіанскаго долга», и ему оказали снисхожденіе; онъ уѣхалъ съ чрезвычайнымъ утѣшеніемъ, и впослѣдствіи мы слышали, что въ первомъ дѣлѣ съ Горцами былъ убитъ. И такъ нечаянное, краткое посѣщеніе Святой Горы открыло ему врата вѣчной жизни, и сколько бы такихъ еще невѣдомыхъ

намъ случаевъ можно было насчитать? Да и простой народъ, который не всегда можетъ найти въ сельскихъ церквахъ опытныхъ духовниковъ, не обрѣтаетъ ли здѣсь при болѣе свободномъ времени и болѣе назиданія въ исповѣди у нашихъ старцевъ, которые отчетливо спрашиваютъ у каждаго не только о его грѣхахъ, но и о вѣрѣ, проясняя по мѣрѣ возможности мракъ невѣдѣнія сихъ младенчествующихъ сыновъ Церкви. Вотъ истинная польза всякой обители и нашей еще болѣе, потому что она единственная на обширномъ пространствѣ Украйны, и къ ней уже искони привыкло благочестіе народное.»

Хотя было поздно, но по моему желанію настоятель вывелъ меня изъ ограды на усыпальницу братскую, чтобы поклониться могилѣ знаменитаго архимандрита Рафаила, память коего многими почитается и доселѣ. «Здѣсь была нѣкогда кладбищенская церковь во имя верховныхъ апостоловъ, сказалъ архимандритъ, и съ помощію благотворителей надѣемся ее опять соорудить на этомъ погребальномъ холмѣ. Мы было хотѣли тутъ устроить часовню для непрестающаго чтенія псалтыря, но не рѣшились оставлять въ пустомъ мѣстѣ одинокаго брата, дабы не искусился онъ страхованіями ночными, ибо здѣсь мимо ходящіе видали иногда тусклые огоньки надъ кладбищемъ. Теперь псалтырь читается у насъ въ келліи при святыхъ вратахъ.» И дѣйствительно, подходя къ нимъ, увидѣли мы слабый свѣтъ въ одной келліи и старца, стоящаго на неусыпномъ бдѣніи за упокой усопшихъ. Какъ умилителенъ этотъ древній обычай нѣкоторыхъ обителей православной Церкви, материнскою любовію объемлющей живыхъ и мертвыхъ!

На утро въ день субботній, исключительно посвященный памяти Богоматери, совершенъ былъ торжественный акаѳистъ по чину Аѳонскому, перенесенному и на сію Святую Гору. Настоятель самъ читалъ на распѣвъ первыя пѣсни канона, какъ это бываетъ тамъ въ лаврахъ Болгарскихъ, и діаконы кадили кругомъ церковь съ сіонами на подобіе храмовъ на плечахъ. Много такихъ сіоновъ сохранилось въ древнихъ ризницахъ соборныхъ, и жаль, что этотъ величественный обрядъ исполняется теперь только въ немногихъ древнихъ обителяхъ.

Послѣ литургіи мы опять поднялись на горы и подъѣхали къ тому мѣсту, гдѣ нѣкогда хотѣлъ построить свои пышныя палаты великолѣпный князь Тавриды, какъ его называлъ въ своихъ одахъ пѣвецъ Фелицы. Лѣсной берегъ, глубокими обрывами спускается къ Донцу, и обширные виды открываются во всѣ стороны; но мнѣ болѣе нравится нынѣшняя мѣстность дачи владѣльцевъ Святогорья. Очаровательный видъ представляется съ ихъ террасы картиною, а не панорамою, какъ съ мѣста избраннаго свѣтлѣйшимъ; тамъ болѣе простора для глазъ, но менѣе живописнаго, и какъ различны были побужденія при основаніи обѣихъ жилищъ: для одного закрыта была древняя обитель, другое же возникло только по случаю ея обновленія; потому и благословилъ Господь сооруженіе сего мирнаго жилища, предавъ запустѣнію гордые начатки перваго.

Пѣшіе спустились мы къ селу Богородицы, гдѣ ожидала насъ лодка, чтобы плыть вверхъ по Донцу въ плодовитый садъ, принадлежавшій нѣкогда монастырю. Живописно было теченіе рѣки между береговъ, поросшихъ лѣсомъ; правая нагорная сторона

съ мѣловыми утесами мѣстами представляла чудное зрѣлище: горы иногда возвышались уступами одна за другою, иногда раскидывались амфитеатромъ около своенравныхъ изгибовъ Донца. Видно было по келліямъ, пробитымъ въ мѣловыхъ утесахъ, что святое мѣсто сіе было нѣкогда заселено пустынниками, которые имѣли средоточіемъ главный утесъ Святогорскій съ его церковью. Садъ въ чащѣ лѣса, богатый яблонями и грушами, съ минеральнымъ источникомъ представлялъ готовое мѣсто для уединеннаго скита, гдѣ отшельники могли питаться плодами. Есть еще нѣсколько такихъ садовъ вдоль по берегу рѣки, и замѣчательно, какъ вся природа Святогорская будто нарочно создана для обитанія иноческаго.

Намъ желательно было слышать воскресную всенощную на вершинѣ утеса въ церкви святителя Николая, и настоятель, обрадованный пріѣздомъ владѣльца Святогорья, хотѣлъ доставить намъ полное утѣшеніе. Мы поднялись въ вечернемъ сумракѣ на темя скалы; многіе остались слушать божественную службу на открытомъ рундукѣ около церкви; иногда выходилъ я подышать свѣжимъ воздухомъ, и отрадно было смотрѣть съ этого балкона внутрь храма, ярко горѣвшаго свѣтомъ лампадъ, и внизъ на глубокую долину Донца, кое гдѣ освященную огоньками; казалось, служба совершалась не на землѣ и не земные слышались лики изъ Божьяго дома. Когда же окончилась и мы вышли опять на террасу, вся она была освѣщена разноцвѣтными огнями, которыми унизали острія утесовъ, и куполъ малой церкви, и уступы длинной лѣстницы, такъ что снизу вся скала представлялась однимъ пламеннымъ столбомъ. Полная луна, поднявшаяся изъ за лѣсной чащи подлѣ

самой главы церковной, небеснымъ свѣтомъ дополнила красоту земнаго. Всѣ богомольцы въ пустыни, пріятно изумленные нечаянностію такого освѣщенія, поспѣшили за мостъ на противоположный берегъ Донца, чтобы оттуда еще лучше полюбоваться чуднымъ видомъ горящей скалы и луннымъ столбомъ, который отражался во всю ширину рѣки. Съ дачи Потемкиныхъ еще иначе представлялась сія картина: въ чащѣ лѣса, какъ бы огненными ступенями, восходила величественная лѣстница отъ земли на небо.

А заключенный въ скалѣ отшельникъ, подумалъ я, молится теперь внутри ея, какъ бы во гробѣ, и не вѣдаетъ, что около него совершается: до него не доходятъ голоса восходящаго и нисходящаго народа, хотя лѣстница близка къ его келліи; но звуки не проникаютъ сквозь толщину камня, и въ его узкую щель не видно блеска огней, вѣнчающихъ гребень утеса, который за живо избралъ онъ себѣ могилой! Вотъ истинное отреченіе отъ міра, столь противоположное нашимъ житейскимъ суетамъ.

Воскресная литургія съ напутственнымъ молебномъ совершена была по моей просьбѣ настоятелемъ опять въ пещерной церкви преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія;—такъ послѣ семидневнаго пребыванія съ молитвою оставилъ я Святыя Горы, исполненный ихъ сладкими и священными впечатлѣніями, которыя никогда не изгладятся изъ моей памяти и сердца.

1856 г.

II.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ.

Есть мѣста, которыя сами по себѣ не ознаменованы ни особенною красотою природы, ни воспоминаніями историческими, или другимъ чѣмъ-либо, могущимъ поразить воображеніе съ перваго взгляда, но которыя оставляютъ въ сердцѣ глубокое впечатлѣніе, потому что оно проникаетъ постепенно и уже болѣе не можетъ изгладиться.—Такова Оптина пустынь, мѣсто мало кому извѣстное, ибо недавно только прославилась духовными добродѣтелями своихъ иноковъ и скитниковъ. Я не предпринималъ особеннаго странствія, чтобы посѣтить ее, какъ Святыя Горы; она встрѣтилась на пути моемъ по Калужской дорогѣ, когда возвращался въ Москву изъ Брянска; но въ ней совершенно нечаянно обрѣлъ я такое духовное утѣшеніе и назиданіе, какія всегда желалъ найти въ обителяхъ, особенно пустынныхъ, и на сей разъ вполнѣ удовлетворилось мое сердце, потому и говорятъ уста отъ его избытка.

Если спросятъ: что это за Оптина пустынь?— я обращу читателей къ подробному историческому описанію сей Козельской, Введенской пустыни, недавно изданному, которымъ можетъ удовлетвориться любопытство каждаго. Скажу только, что она получила начало лѣтъ за четыреста тому назадъ въ засѣкахъ, устрояемыхъ тогда на Руси противъ разбойниковъ, и что одинъ изъ вождей ихъ тутъ уединился подъ именемъ безвѣстнаго отшельника Опты; если же изумятся такому началу, напомню, что и

молитвѣ часто повторяемой нами въ торжественную минуту пріобщенія: «помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ», научились мы также отъ разбойника. Скажу еще, что пустынь сія, мало знаменитая въ лѣтописяхъ, и пустѣла и обновлялась въ своей безвѣстности. Митрополитъ Платонъ прозорливымъ окомъ постигъ ея духовное значеніе и возстановилъ, взявъ для нея на Пѣсноши у благочестиваго игумена Макарія, который самъ былъ ученикомъ великаго старца Молдавскаго, въ настоятели Аврамія; когда же опять оскудѣла она нравственными силами, то бывшій епископъ Калужскій, нынѣ святительствующій въ Кіевѣ, вызвалъ изъ глубины лѣсовъ Смоленскихъ новаго ревнителя Моисея, который уже тридцать лѣтъ тутъ подвизается въ трудномъ званіи настоятеля. Довольно и сего о началѣ и обновленіи Оптиной пустыни; отстранивъ все описательное, я бы желалъ только изобразить, какъ она мнѣ представилась со стороны духовной; — такія еще сокровища таятся на святой Руси, кромѣ иныхъ ея духовныхъ богатствъ.

Пріятнымъ для взора представился мнѣ первый видъ на Оптину пустынь, когда я подъѣзжалъ къ ней по луговой дорогѣ изъ Козельска; ея бѣлыя зданія выходили изъ густаго лѣса, въ который она вся углубилась, какъ приличествуетъ пристанищу безмолвія; скромная, но быстрая Жиздра отдѣляла ее съ лицевой стороны отъ жилья человѣческаго, полагая природную черту между міромъ и отшельниками. Переплывъ на монастырскомъ паромѣ рѣку, я взошелъ въ святые врата обители, и когда, подымаясь по уступамъ горняго восхода до другихъ внутреннихъ воротъ, я оглянулся,—мнѣ представи-

лась противуположная сторона картины: весь городъ Козельскъ съ его многочисленными храмами въ живописной дали. Мнѣ пришло на мысль лѣтописное сказаніе о долговременной осадѣ, которую отважился выдержать этотъ маловажный городъ съ своимъ юнымъ безвѣстнымъ княземъ противъ несмѣтныхъ полчищъ Батыя, непривыкшихъ встрѣчать себѣ нигдѣ препоны, и вотъ единственное воспоминаніе историческое, которымъ можетъ похвалиться мѣстность Оптиной пустыни.

Посѣтивъ соборъ, я поспѣшилъ къ настоятелю въ его отдѣльный домикъ, и по счастію засталъ его въ келліи, потому что это было тотчасъ послѣ малой вечерни; еще оставалось довольно времени до начала всенощной на праздникъ рождества Богоматери. Благосклонно принялъ меня настоятель, отецъ Моисей; онъ былъ предваренъ о моемъ пріѣздѣ братомъ своимъ, игуменомъ Малоярославскимъ Антоніемъ, съ которымъ я видѣлся въ его монастырѣ. Третьяго брата, игумена Саровскаго, Исаію я зналъ прежде, и мнѣ утѣшительно было довершить здѣсь знакомство съ благочестивымъ ихъ семействомъ въ лицѣ старшаго изъ нихъ, о которомъ давно слышалъ, какъ о возстановителѣ Оптиной пустыни. Дѣйствительно, кромѣ двухъ соборовъ, благолѣпно имъ украшенныхъ, все, сколько есть каменныхъ хорошихъ зданій въ обители, и ограда, и келліи, все это дѣло рукъ его, потому что его предмѣстникъ ничего ему не оставилъ; а скитъ есть совершенно его созданіе, еще болѣе въ отношеніи духовномъ, нежели вещественномъ; онъ положилъ прочное начало и ему вѣрно послѣдовали его преемники.

Этотъ скитъ былъ первымъ предметомъ нашей

бесѣды, и я просилъ отца Моисея позволить мнѣ его осмотрѣть до всенощной, потому что на другой день полагалъ продолжать путь свой. Радушный игуменъ извинялся, что не можетъ самъ мнѣ сопутствовать въ скитъ, такъ какъ готовился служить литургію на праздникъ; онъ хотѣлъ уже послать со мною своего келейника, когда взошли въ его келлію два почтенныхъ старца. Въ одномъ узналъ я съ чрезвычайною радостію отца игумена А***, который по счастливому для меня случаю въ этотъ самый день прибылъ въ обитель, другаго же мнѣ назвалъ самъ настоятель: это былъ Макарій, начальникъ скита, котораго уже давно я зналъ если не лично, то по утѣшительной о немъ молвѣ. Не всегда можно встрѣтить соединенными въ одной келліи трехъ подобныхъ мужей, достойно носящихъ иноческія имена свои, и кто имѣлъ это утѣшеніе, долженъ благодарить Господа, что не оскудѣли еще на землѣ благоговѣйные рабы его.

«Вотъ вамъ лучшіе спутники для посѣщенія скита, сказалъ мнѣ настоятель, потому что оба тамъ начальствовали и могутъ вполнѣ удовлетворить ваше любопытство». Я весьма обрадовался счастливому случаю, который мнѣ столь неожиданно представился. Отецъ Антоній ежегодно посѣщаетъ пустынь для утоленія своей духовной жажды; онъ скорбитъ объ удаленіи изъ любимаго имъ скита, гдѣ провелъ восемнадцать лѣтъ, и о начальственномъ своемъ одиночествѣ въ Маломъ-Ярославцѣ. Сколько можно судить по первому взгляду, мнѣ показалось такого рода различіе въ сихъ трехъ замѣчательныхъ характерахъ: въ одномъ строгость духовная и углубленіе во внутреннюю клѣть своего сердца отъ долгаго пустынно-

жительства и соотвѣтственно своему начальническому положенію; въ другомъ дѣтская простота и любовь, непрестанно изливающаяся изъ его сердца въ каждомъ привѣтливомъ словѣ и дѣйствіи; въ третьемъ созерцательность, примѣненная опытомъ къ назиданію тѣхъ, которые вручили себя его руководству, и между тѣмъ не знаешь, кому изъ трехъ отдать преимущество.

Мы вышли изъ ограды монастырской въ лѣсъ, нѣкогда дремучій и еще недавно густой, который за нѣсколько лѣтъ предъ симъ прояснила страшная буря, сломивъ вѣковыя деревья. Въ его чащѣ, менѣе нежели за полверсты отъ пустыни, основана была любителемъ безмолвія на каѳедрѣ епископской другая внутренняя пустыня для уединенныхъ подвижниковъ и процвѣла яко кринъ, по выраженію библейскому. Старцы сѣтовали на опустошеніе ихъ лѣсной ограды, а мнѣ казалось, что какъ будто отъемлется древесная завѣса отъ мѣста ихъ уединенія, дабы проявлялся міру созрѣвшій уже плодъ духовнаго ихъ подвига. У низкой деревянной ограды начальникъ скита позвонилъ въ колокольчикъ, а игуменъ Антоній указалъ мнѣ на лики преподобныхъ пустынножителей, начертанные на святыхъ вратахъ. «Посмотрите, кто здѣсь привѣтствуетъ входящихъ, сказалъ онъ: великіе Антоній, Евѳимій и Савва, и наши преподобные основатели житія иноческаго; съ ихъ благословенія и молитвою взойдемъ внутрь ограды». Взошли и насъ обвѣяло ароматомъ цвѣтовъ, которыми усаженъ весь скитъ по краямъ его перекрестныхъ дорожекъ; высокія георгины въ полномъ цвѣтѣ обозначали ихъ направленіе и подъ ними смиренно благоухала притаившаяся резеда, подобіе скромной доб-

родѣтели иноческой. Пустынный скитъ представился мнѣ цвѣтущимъ садомъ и не напрасно носилъ онъ на себѣ внѣшній образъ Эдема, вовращая и внутренно райскіе плоды сердечной чистоты и послушанія.

Назидательно было видѣть, какъ оба старца, меня руководившіе, смирялись взаимно, будто стараясь укрыться одинъ за другаго: настоящій начальникъ скита уступалъ первенство тому, кто начальствовалъ тамъ прежде него въ теченіе многихъ лѣтъ, и все приписывалъ его старанію и совѣту; а тотъ съ своей стороны, гдѣ только могъ, и на пути и въ келліяхъ скитниковъ старался занять второе мѣсто, относя всѣ благіе успѣхи брату своему, какъ основателю, и настоящему начальнику скита. При такомъ духовномъ настроеніи каждое ихъ простое слово падало прямо въ сердце, напоминая глубокое слово великаго аввы Макарія о добродѣтели смиренія, которая должна научать насъ держать себя такъ низко, чтобы упасть было не возможно.

Старцы ввели меня сперва въ свою скромную церковь, которая подъ именемъ домовой архіерейской устроена въ уединенномъ лѣсномъ пріютѣ бывшаго епископа Калужскаго во имя пустынножителя Іоанна Крестителя на память усѣкновенія честной его главы за слово истины. Предъ церковью находились малыя жилыя келліи ея основателя, а въ молитвенномъ покоѣ портреты блаженныхъ пастырей и ревнителей житія иноческаго: Аѳанасія Пателарія, патріарха Цареградскаго, который нетлѣнно почиваетъ въ Лубнахъ, сидя на каѳедрѣ святительской; епископа Іоасафа Горленки, прославленнаго нетлѣніемъ въ соборномъ храмѣ Бѣлгорода, гдѣ онъ устроилъ надъ

мѣстомъ, указаннымъ для своего погребенія, придѣлъ въ память страшнаго суда: едва это не единственный въ Россіи, и онъ свидѣтельствуетъ о непрестанномъ памятованіи судилища Христова благочестивымъ пастыремъ, готовымъ на оное предстать. Третій портретъ знаменитаго ученостію архипастыря Астраханскаго Никифора Ѳеотоки, родомъ Грека, принесшаго въ Россію глубокую ученость съ подвижничествомъ святой горы и украсившаго Церковь православную своими писаніями. Тутъ же и великій между новѣйшими архипастырями Платонъ, который, по выраженію покойнаго митрополита Серафима, вырастилъ вокругъ себя какъ бы цѣлый разсадникъ архіереевъ, все изъ своихъ учениковъ, занявшихъ первостепенныя каѳедры, а для пустыни Оптиной памятный ея обновленіемъ. Пріятно было встрѣтить такой духовный соборъ въ предверіи храма Предтечи, ихъ руководителя.

Изъ церкви мы пошли на усыпальницу братскую; въ сумракѣ я ее принялъ за пчельникъ, потому что нѣкоторыя надгробныя доски со свѣжими надписями еще стояли прислоненныя къ насыпаннымъ могиламъ; и дѣйствительно тутъ собранъ духовный рой труженіковъ скитскихъ, не вотще подвизавшихся и оставившихъ по себѣ сладкіе соты воспоминаній о ихъ примѣрной жизни. Мнѣ указали свѣжую могилу старца схіеромонаха Іоанна, котораго я зналъ по его твореніямъ. Родившись и проведя большую часть жизни въ расколѣ поповщины, онъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ былъ взысканъ благодатію Божіею и, познавъ истину чрезъ посѣщеніе благоговѣйныхъ старцевъ въ нѣкоторыхъ древнихъ обителяхъ, самъ послѣдовалъ по ихъ стопамъ

въ Оптиной пустыни; въ уединеніи скитскомъ довершилъ онъ въ прошломъ году свой молитвенный подвигъ и остатокъ жизни посвятилъ дѣятельной заботѣ объ обращеніи тѣхъ, съ коими долго заблуждался. Оптина пустынь при своихъ скудныхъ средствахъ издала въ свѣтъ нѣсколько его сочиненій: о твердости православной Церкви, о духѣ мудрованія различныхъ толковъ и объ истинѣ трехперстнаго сложенія.

Читая гробовыя надписи, я нашелъ нечаянно могилу давняго моего знакомца, бывшаго игумена Валаамскаго, Варлаама, который за семнадцать лѣтъ предъ симъ радушно принималъ меня на своемъ пустынномъ островѣ. Онъ скончался въ безмолвіи скитскомъ, удаленный отъ настоятельской должности, а я не зналъ мѣста его послѣдняго упокоенія:— сколько такихъ неожиданныхъ встрѣчъ на житейскомъ поприщѣ! Какъ листья, разносимые вѣтромъ, разлетаются невѣдомо другъ другу, бывшіе нѣкогда вмѣстѣ, какъ бы на одномъ вѣтвистомъ деревѣ, и кто соберетъ разнесенные?—Послѣ столькихъ лѣтъ вотъ гдѣ обрѣлъ я слѣды старца Варлаама, разбирая надписи невѣдомыхъ могилъ:—миръ усопшему восьмидесятилѣтнему старцу! Другаго инока Валаамскаго недавно обрѣлъ я еще въ живыхъ на святой горѣ Аѳонской:—и туда посыпалось также нѣсколько листьевъ съ пустыннаго древа.

Старцы пригласили меня взойти въ близъ-лежащій къ усыпальницѣ домикъ скитскій, гдѣ въ трехъ отдѣльныхъ келліяхъ жили три брата изъ новоначальныхъ. Одинъ изъ нихъ еще юноша, только что достигшій совершеннолѣтія, получивъ образованіе въ военномъ училищѣ, оставилъ молву житейскую, чтобы посвятить себя Богу; онъ далъ обѣтъ

удалиться въ монастырь во время тяжкой, почти безнадежной болѣзни и, исцѣлившись, сдержалъ слово. Вообще въ скиту довольно есть дворянъ; самъ начальникъ происходитъ изъ сего званія и послужилъ отечеству прежде, нежели отрекся отъ міра. Привѣтливость его привлекаетъ къ нему многихъ, ибо онъ обращается со всѣми, не какъ строгій начальникъ, но съ отеческою искреннею любовью; день и ночь отверсты каждому двери его келліи и сердца. Такъ какъ во всемъ скиту не болѣе двадцати человѣкъ, то есть возможность удовлетворять духовной потребности братіи и подробно испытывать характеръ учениковъ; въ этомъ собственно и есть преимущество скита надъ обителію, гдѣ самое многолюдство не всегда дозволяетъ такую общительность между главою и членами. Правила Оптинскаго скита нѣсколько отличны отъ другихъ: тамъ время расположено такимъ образомъ, чтобы въ промежуткѣ молитвъ было мѣсто и для занятій, и потому собственно въ субботы только и въ воскресенья положена полная церковная служба; въ прочіе дни читается въ церкви неусыпно одинъ лишь псалтырь по усопшимъ всѣми поочередно по два часа, а утреня, часы и вечерня съ правиломъ совершаются по келліямъ, гдѣ сходятся на молитву два или три брата подъ наблюденіемъ старшаго; но за всѣми строго надзираетъ самъ отецъ Макарій, дабы совѣстливо исполнялось это правило, и для того часто и неожиданно посѣщаетъ всѣ келліи. Онъ непремѣнно требуетъ сверхъ того, чтобы каждый былъ занятъ какимъ либо рукодѣльемъ, какъ для избѣжанія праздности, такъ и для пользы общественной, и дабы укрѣплялись движеніемъ тѣлесныя силы; почти въ каждой келліи заведены то-

карные станки, и братія весьма охотно занимаются нѣкоторыми полевыми работами, какъ то уборкою сѣна на лугахъ монастырскихъ, или у себя садоводствомъ; отсего вся внутренность ихъ скита пріятно обратилась въ одинъ ароматный цвѣтникъ.

Вообще должно сказать, что отецъ Макарій являетъ вмѣстѣ съ большою опытностію много сердечной духовной теплоты въ управленіи ввѣреннаго ему малаго стада, и потому такъ плодовиты труды его; особенно дѣйствительны искренняя любовь его и откровенное обращеніе, возбуждающія такую же искренность и со стороны подчиненныхъ. Я не видалъ напряженнаго изъявленія монашескаго послушанія предъ его лицемъ въ частыхъ земныхъ поклонахъ, не всегда искреннихъ, ни потупленнаго взора съ принужденною молчаливостію; напротивъ всѣ открыто смотрѣли ему въ глаза, потому что у нихъ не было на сердцѣ ничего для него тайнаго, изъявляя однако глубокое предъ нимъ уваженіе въ каждомъ словѣ и дѣйствіи, и садились только съ его дозволенія, но все это было совершенно просто, такъ что, казалось, онъ обращался въ кругу своего семейства и, конечно, съ нелицемѣрнымъ сердцемъ можетъ сказать: «се азъ и дѣти яже даде ми Богъ». Не въ похвалу доброму старцу, не нуждающемуся въ земной славѣ, излагаю здѣсь то пріятное впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня въ кругу своихъ духовныхъ чадъ, но для назиданія нашей братіи мірянъ и для примѣра ищущимъ ему подражать.

Мы застали юношу послушника въ его келейной одеждѣ въ бѣломъ хитонѣ, препоясанномъ ремнемъ; его постоянное рукодѣліе есть переписка церковныхъ книгъ красивымъ почеркомъ и переплетъ ихъ, въ

чемъ особенно искусенъ. Онъ ни сколько не смутился посѣтителями и съ дозволенія настоятеля, сѣвъ между нами, бесѣдовалъ непринужденно. Рядомъ съ его келліею мы вошли въ другую, гдѣ жилъ его товарищъ изъ купеческаго званія; токарный станокъ былъ его занятіемъ. Мы пригласили съ собою молодаго скитника и перешли въ другой отдѣльный домикъ, гдѣ подвизались трое братій духовнаго званія, постояннымъ упражненіемъ коихъ были переводы душеполезныхъ книгъ, издаваемыхъ обителію; такъ какъ они получили образованіе въ семинаріи, то и старались употребить на пользу данный имъ отъ Бога талантъ. Мы взошли и въ третій домикъ, гдѣ нашли послушника изъ дворянъ, трудящагося также надъ токарнымъ станкомъ. Потомъ настоятель повелъ насъ въ огражденную келлію перваго труженика Іоанникія, подвизавшагося тутъ еще до начала скита въ чащѣ лѣса при строителѣ Авраміѣ. Память его въ большемъ уваженіи у окрестныхъ жителей, благоговѣйно посѣщающихъ бывшую его келлію.

Отецъ Макарій пригласилъ насъ и въ свое жилище до начала всенощной; съ нами вошло нѣсколько изъ его учениковъ, но самъ онъ уступалъ во всемъ первенство отцу игумену, какъ бы возвращаясь предъ нимъ на степень простаго брата, и все это было столь же любовно, сколь непринужденно. Легко текла взаимная бесѣда наша, какъ будто мы давно были всѣ знакомы, хотя впервые встрѣтились на жизненномъ поприщѣ. Ударили въ колоколъ ко всенощной въ обители, но не въ скиту, потому что во всѣ двунадесятые праздники по чину пустынному скитники не имѣютъ у себя службы, но обязаны приходить

для братскаго общенія въ обитель ко всенощному бдѣнію, къ литургіи и за трапезу. Я весьма пожалѣлъ, что буду лишенъ утѣшенія присутствовать на скитской службѣ, потому что на слѣдующій день думалъ оставить пустынь тотчасъ послѣ обѣдни. По первому звуку колокола поднялись оба старца; у святыхъ воротъ собралась вся братія скитская, и вслѣдъ за своимъ начальникомъ потянулись, какъ рой пчелъ, вылетающій изъ улья за своею маткой, чтобы собирать благоуханный медъ молитвы. Умилительно и вмѣстѣ торжественно было это шествіе въ сумракѣ вечера по густому лѣсу, освѣщаемое одинокимъ фонаремъ при звукѣ благовѣста: такія минуты памятны.—Все это были чистыя души, болѣе и болѣе очищающія себя отъ плевы житейской, и непрестанно бодрствующія о своемъ спасеніи чрезъ воспоминаніе смертнаго часа.—И одного человѣка съ такимъ расположеніемъ духовнымъ отрадно встрѣтить, а тутъ собралось цѣлое общество людей, болѣе или менѣе совершенныхъ и постоянно стремящихся къ усовершенствованію. Ихъ будто обвѣяло ароматомъ скитскихъ уединенныхъ цвѣтовъ, и этотъ духовный цвѣтникъ напоминалъ о духовномъ Палестинскомъ лугѣ Іоанна Моска. Такія мысли и воспоминанія исполняли мое сердце, когда мы вступили въ Божій храмъ, гдѣ самъ игуменъ совершалъ божественную службу при строгомъ благоговѣніи, которое соблюдалось во время четырехчасоваго бдѣнія; царствовала глубокая тишина и слышны были только однѣ церковныя молитвы.

Я видѣлъ въ теченіи одного мѣсяца нѣсколько такихъ всенощныхъ бдѣній въ трехъ пустынныхъ обителяхъ: на Бѣлыхъ Берегахъ, въ Святыхъ Го-

рахъ и здѣсь въ Оптиной пустыни, и ни одно не показалось мнѣ утомительнымъ, не смотря на свою продолжительность: это происходило частію отъ глубокаго вниманія священнослужителей, отъ яснаго чтенія и пріятнаго пѣнія ликовъ по ихъ древнимъ пустыннымъ напѣвамъ, частію же отъ самаго разнообразія, съ какимъ благоразумно положили опытные отцы совершать сіи долгія службы собственно для того, чтобы священными обрядами и поперемѣннымъ чтеніемъ и пѣніемъ благоговѣйно поддерживать вниманіе молящихся. Такимъ образомъ, кромѣ благолѣпныхъ выходовъ полнымъ соборомъ изъ алтаря на средину храма для литіи, благословенія хлѣбовъ и для величанія праздника при неоднократномъ кажденіи діаконовъ, есть еще умилительные пустынные порядки. По окончаніи вечерни предъ началомъ шестопсалмія погашаютъ всѣ свѣчи и лампады, такъ что вся церковь погружается въ священный сумракъ, и слова псаломныя, тихо произносимыя, какъ бы просіявая огненными чертами изъ сего мрака, глубоко напечатлѣваются въ сердцѣ слушателей; потомъ при окончаніи каѳизмъ мало по малу начинаютъ опять возжигать свѣчи въ паникадилахъ предъ иконостасомъ, доколѣ наконецъ въ полномъ блескѣ возсіяетъ весь храмъ возженіемъ главнаго хороса или паникадила въ минуту величанія.

Чтеніе поученій отеческихъ послѣ первой каѳизмы псалтыря даетъ отдыхъ вмѣстѣ душевный и тѣлесный, если мы только хотимъ внимать симъ поученіямъ, ибо во время ихъ дозволено садиться, равно какъ при чтеніи самыхъ каѳизмъ и паремій, и это троекратное сидѣніе расположено такимъ

образомъ, чтобы братія могла отдыхать въ продолженіе службы; посему и не утомляются ею внимательные, особенно знающіе ея обычный порядокъ, если даже и не каждое слово доходитъ до ихъ слуха; напротивъ того люди, не пріучившіе себя съ молодыхъ лѣтъ къ слѣдованію за божественною службою, скучаютъ и утомляются ею, хотя бы и ясно доходили до нихъ слова молитвъ, потому что для неразумѣющихъ они будутъ какъ кимвалъ бряцающій и мѣдь звѣнящая, по выраженію апостола, они чувствуютъ себя какъ бы потерянными въ этомъ безбрежномъ для нихъ морѣ невѣдомаго чтенія и пѣнія, хотя и на родномъ нарѣчіи. Чья же тутъ вина, Церкви или ихъ собственнаго къ ней невниманія?

Да простится мнѣ одно сравненіе, быть можетъ, недостойное высокаго предмета, о которомъ говорю, но употребленное мною здѣсь для лучшаго уразумѣнія моей мысли. Люди неопытные въ музыкѣ, особенно въ Италіянской, съ перваго раза не находятъ большаго удовольствія въ зрѣлищахъ, соединенныхъ съ такого рода музыкой, и готовы удалиться, если бы не боялись показать себя предъ другими несвѣдущими, но когда они къ ней привыкаютъ и имъ уже извѣстно отъ частаго повторенія одного и тогоже представленія и весь его ходъ и лучшія части, то уже они не скучаютъ его продолжительностію и согласны присутствовать на ономъ ежедневно. Что если бы хотя малую долю такого усердія къ увеселенію свѣтскому, весьма недавно занесенному къ намъ изъ чужой земли, мы удѣлили съ тою же внимательностію священному пѣнію ликовъ наканунѣ церковныхъ праздниковъ, которое искони

перешло къ намъ въ наслѣдіе отъ предковъ! Принудивъ себя нѣсколько въ началѣ, чтобы вновь пріобрѣсти утраченный нами навыкъ, мы бы, конечно, опять въ короткое время привязались къ священнымъ звукамъ, въ которыхъ отзывается нашему сердцу не одна только Церковь, но и неразлучная съ нею святая Русь: отечественное возобладало бы вновь надъ иноземнымъ, и тогда навечерія празднествъ достойны были бы для насъ тѣхъ великихъ событій нашего искупленія, о которыхъ они должны намъ напоминать.

По окончаніи всенощной отецъ Макарій, прощаясь, сказалъ мнѣ, что онъ испросилъ у настоятеля дозволеніе отслужить въ скиту раннюю обѣдню, дабы я не лишенъ былъ утѣшенія присутствовать при божественной службѣ въ ихъ скитѣ; меня тронуло такое снисхожденіе къ пришельцу со стороны людей, весьма строгихъ къ самимъ себѣ, но это было выраженіемъ ихъ христіанской любви. На слѣдующее утро я еще былъ у себя въ келліи, когда добрый игуменъ Антоній пришелъ звать меня въ скитъ къ обѣднѣ. Въ этой отрадной пустынѣ на каждомъ шагу выражалось благосклонное вниманіе сихъ примѣрныхъ старцевъ, какъ и въ каждомъ ихъ словѣ духовная простота; отецъ Макарій уже шелъ къ намъ на встрѣчу, чтобы предупредить о началѣ службы; читали часы, въ церкви не было никого, кромѣ скитской братіи; не болѣе пяти голосовъ пѣли стройно и тихо; священнослужители проникнуты были глубокимъ вниманіемъ къ страшному дѣйствію, совершаемому ими, и чувство ихъ благоговѣнія невольно проникало въ душу предстоявшихъ.

Послѣ обѣдни мы зашли опять въ келліи на-

чальника и провели съ часъ времени до поздней литургіи въ пріятной бесѣдѣ. Оба старца любопытствовали слышать о Востокѣ, а наипаче о Святой Горѣ и лаврахъ Палестинскихъ, по образцу коихъ устроили собственный чинъ. Мнѣ же пріятно было видѣть предъ собою въ лицахъ то, о чемъ имъ разсказывалъ: подвижничество первыхъ временъ христіанства, перенесенное на родную нашу почву, гдѣ дало столь обильные цвѣтъ и плодъ. Ударили въ колоколъ къ поздней литургіи, и вся иноческая семья, гдѣ только я одинъ былъ пришельцемъ, пошла опять въ обитель въ соборный храмъ Введенія Богоматери, гдѣ самъ настоятель совершалъ божественную службу. Народа было довольно изъ окрестныхъ селеній и сосѣдняго города, хотя не столько, какъ стекается въ иные праздники; виною тому былъ храмовый праздникъ въ самомъ городѣ. Большое стеченіе богомольцевъ въ сію пустынь свидѣтельствуетъ, какую духовную потребность чувствуютъ въ ней смиренные горожане и поселяне, хотя имѣютъ у себя церкви.

У нашего добраго и благочестиваго народа весьма прозорливо духовное око, безотчетно влекущее его туда, гдѣ можетъ найти назиданіе и молитву по сердцу. Какъ только замѣтитъ онъ гдѣ либо, вблизи или вдали, благоговѣйное братство, соотвѣтствующее своему высокому назначенію,—уже онъ самъ собою туда стремится, чтобы утолить свою духовную жажду изъ чистаго источника. Не надобно посылать его; сердце скажетъ ему куда идти; чѣмъ строже уставъ, чѣмъ протяжнѣе богослуженіе, тѣмъ ревностнѣе онъ туда стремится, какъ бы въ обличеніе намъ, людямъ большаго свѣта, съ такою скупостію расчитыва-

ющимъ не только часы, но самыя минуты нашихъ развлеченныхъ молитвъ; и здѣсь невольно вспомнишь Евангельскія слова, когда возвеселися духомъ Іисусъ и рече: «исповѣдаютися, Отче, Господи небеси и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ: ей Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою». (Луки гл. X, ст. 21).

Сосѣдніе помѣщики собрались всѣ послѣ обѣдни въ келліи глубокоуважаемаго ими отца игумена, чтобы воспользоваться его назидательною бесѣдою въ ожиданіи трапезы, и когда ударилъ часъ ея пошли за нимъ, одни, чтобы раздѣлить ее съ братіею, другіе, чтобы хотя нѣсколько присутствовать при чтеніи духовномъ во время трапезы. Новое зданіе трапезы устроено не весьма давно, сообразно умножившемуся числу монашествующихъ Оптиной пустыни, и это было также дѣломъ заботливаго игумена. Самая пища, хотя и праздничная, была весьма скромная, и глубокая тишина царствовала въ обширной палатѣ; никто не смѣлъ произнести празднаго слова, такъ что каждое слово читающаго брата доходило до слуха. Настоятель пригласилъ меня посѣтить его послѣ краткаго отдыха, а между тѣмъ добрый братъ его предложилъ зайти съ нимъ къ замѣчательному страдальцу, іеродіакону Меѳодію, который уже семнадцать лѣтъ разбитъ параличемъ и благодушествуетъ.

Мы нашли его лежащимъ на полу въ больничной келліи подъ надзоромъ одного послушника изъ отставныхъ солдатъ, и на вопросъ мой, почему не положили болящаго на кровать? приставникъ отвѣчалъ, что самъ онъ никакъ не хочетъ на это согла-

ситься. Обрадовался страдалецъ, увидя знакомаго ему отца Антонія, и могъ только выразить свою радость крестнымъ знаменіемъ уцѣлѣвшей руки и словомъ: «Господи помилуй,» которое одно лишь непрестанно повторяетъ съ лицемъ веселымъ. Что ни скажешь ему, если пойметъ, отвѣчаетъ: «Господи помилуй,» и крестится; если запоютъ предъ нимъ какую либо церковную пѣснь, что онъ весьма любитъ, потому что долго былъ уставщикомъ на клиросѣ, то и онъ повторяетъ нѣкоторыя слова, но больше не можетъ, потому что память его не совсѣмъ свѣжа, но страдалецъ не перестаетъ благодарить Бога. Дай Богъ каждому такое терпѣніе на болѣзненномъ одрѣ! Многіе посѣщаютъ его ради духовнаго назиданія, но онъ скучаетъ посѣтителями и желаетъ тишины.

Потомъ просилъ я отца Антонія показать мнѣ гробницу двухъ подвижниковъ, въ одно время устроявшихъ пустынь: игумена Аврамія, жившаго еще при митрополитѣ Платонѣ, и старца Іоанникія, жившаго въ скиту. Игуменъ показалъ мнѣ ихъ внутри соборнаго храма со стороны южнаго придѣла, и тутъ же около него остановилъ меня надъ гробовымъ памятникомъ одного недавняго подвижника, отца Леонида, о которомъ далеко разнеслась молва. «Мы много пользовались его духовнымъ назиданіемъ, сказалъ игуменъ, и потеря его чувствительна не только для здѣшняго братства, но и для всей окрестности, потому что многіе прибѣгали къ его духовной опытности и имѣли его своимъ наставникомъ. Изящный надъ нимъ памятникъ свидѣтельствуетъ объ уваженіи къ усопшему». Прежде, нежели сказать нѣсколько словъ объ отцѣ Леонидѣ, необходимо раскрыть, къ какому высокому по духу братству онъ принадлежалъ?

кто были его сподвижники? и кто великій обновитель иночества на Руси и даже отчасти на Востокѣ, отъ котораго произошло столько знаменитыхъ учениковъ, въ свою очередь послужившихъ для назиданія иночества.

Едва ли извѣстно кому либо изъ свѣтскихъ имя Паисія Нямецкаго, который былъ свѣтиломъ монашества нашихъ временъ, просіявъ сперва на Востокѣ, подобно отцу иночествующихъ Антонію. Но многимъ ли знакомо святое житіе и сего Антонія, какъ описалъ его другой великій мужъ церкви, Аѳанасій патріархъ Александрійскій? Мало по малу стерлись бы съ лица земли священные слѣды великихъ ея поборниковъ, если бы она сама, какъ истинная мать, не соблюдала ихъ, чествуя ежегодно память своихъ подвижниковъ: драгоцѣнно для нея и для насъ воспоминаніе сего Паисія, обновителя иночества на Руси.

Онъ родился въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго въ Полтавѣ (гдѣ его отецъ, по прозванію Величковскій, былъ священникомъ) и, подобно Ѳеодосію Печерскому, сиротою остался на попеченіи матери. Въ Кіевъ, гдѣ тогда было средоточіе просвѣщенія духовнаго всей Малороссіи, посланъ былъ для обученія отрокъ, но душа его стремилась къ жизни духовной и почти первымъ его чтеніемъ были высокія творенія Лѣствичника, Григорія Синаита и Симеона новаго Богослова. Жажда безмолвія привлекла его въ обитель въ окрестностяхъ Кіева, и тамъ былъ постриженъ въ рясофоръ благочестивымъ игуменомъ Никифоромъ, изъ Петра переименованный Платономъ, но гоненія уніатскія принудили его возвратиться въ городъ, и онъ временно

поселился въ лаврѣ, занявшись при ея типографіи иконнымъ писаніемъ. Тамъ обрѣла его мать, долго сѣтовавшая о безвременной съ нимъ разлукѣ, и по его убѣжденію сама постриглась, какъ это случилось и съ матерію Печерскаго Ѳеодосія. Устроивъ такимъ образомъ все близкое для него на землѣ, юноша Платонъ хотѣлъ помышлять только о небесномъ и, услышавъ о духовномъ процвѣтаніи иночества въ Молдавіи подъ сѣнію православныхъ ея господарей, туда удалился въ скитъ Трейстенскій. Не подалеку отъ него обрѣлъ онъ себѣ опытнаго наставника въ схимонахѣ Василіѣ, который словомъ и писаніемъ назидалъ братію, и еще двухъ соотечественниковъ, старца Михаила и пустынножителя Онуфрія, достойныхъ подражателей уважаемаго ими Василія. Три года провелъ подъ ихъ руководствомъ юноша-инокъ въ различныхъ пустыняхъ и скитахъ Молдавіи, болѣе и болѣе укрѣпляясь на свой подвигъ, но еще не удовлетворилось пламенное его сердце, жаждавшее совершеннаго безмолвія, и, со слезами отторгшись отъ своихъ великихъ старцевъ, онъ удалился на гору Аѳонскую, гдѣ надѣялся обрѣсти желаемое.

Къ сожалѣнію, это было бѣдственное время для Святой Горы; отъ непрестанныхъ притѣсненій Турецкихъ она находилась въ состояніи упадка духовнаго, и юный труженикъ, пришедшій сперва въ лавру святаго Аѳанасія, напрасно искалъ себѣ мужа просвѣщеннаго духовно, дабы совершенно ввѣрить себя его руководству. Онъ долженъ былъ поселиться одинъ въ каливѣ или уединенной келліи, близъ обители Пантократора, потому что нашелъ по сосѣдству нѣсколько братій Славянскаго языка, и тамъ въ со-

вершенномъ одиночествѣ предался самымъ тяжкимъ подвигамъ жизни пустынной. Спустя нѣсколько времени обрѣлъ его старецъ, схимонахъ Василій, вызванный для совѣщанія на Святую Гору, и постригъ двадцати четырехъ лѣтняго старца въ санъ иноческій, или, лучше сказать, ангельскій образъ, который уже носилъ на землѣ; онъ далъ ему имя Паисія, неизмѣнно имъ сохраненное до конца жизни, даже и въ схимѣ. Вскорѣ пришелъ къ нему изъ Молдавіи усердный сподвижникъ, молодой монахъ Виссаріонъ, который, не обрѣтая себѣ также наставника на Святой Горѣ, со слезами умолилъ Паисія взять его къ себѣ въ келлію; съ трудомъ согласился на это смиренный отшельникъ, но первымъ условіемъ положилъ совершенное между ними равенство; вмѣсто же отца и наставника оба они должны были почитать для себя духовныя творенія святыхъ отецъ.

Недолго однако наслаждались любимымъ уединеніемъ пустынножители Русскіе; молва о ихъ добродѣтели привлекла къ нимъ новыхъ сотрудниковъ, которыхъ напрасно старался всѣми мѣрами отклонить отъ себя Паисій, налагая на нихъ трехлѣтній искусъ до принятія въ свое общество. Число ихъ постепенно умножалось и, чувствуя необходимость въ духовномъ отцѣ, они убѣдили наконецъ смиреннаго наставника вопреки его желанію принять на себя санъ священства, отъ котораго бѣжалъ изъ Молдавіи, но смиреніе его было побѣждено необходимостію и общею пользою, ибо не могъ укрыться подъ спудомъ такой свѣтильникъ.

Такъ много собралось братій около пустынной келліи святаго Константина, гдѣ вначалѣ поселился Паисій, что онъ вынужденъ былъ для ихъ

успокоенія испросить себѣ у обители Пантократора упраздненный скитъ святаго пророка Иліи, и туда перешелъ съ своею духовною семьею по благословенію жившаго на покоѣ въ обители патріарха Цареградскаго Константина. Онъ создалъ тамъ церковь, трапезу, странноприимницу и шестнадцать келлій, но ихъ было недостаточно для возраставшей непрестанно братіи и они прилѣпляли себѣ извнѣ убогія хижины къ стѣнѣ монастырской, чтобы только не удаляться отъ своего руководителя. Паисій раздѣлилъ ихъ по двумъ языкамъ, Славянскому и Молдавскому, и на обоихъ совершалось благолѣпное богослуженіе, отовсюду привлекавшее богомольцевъ; самъ же онъ, тщательно учась языку Греческому отъ одного изъ учениковъ своихъ Макарія, отыскивалъ по всей горѣ Аѳонской творенія святыхъ отцевъ для перевода на Славянскій къ назиданію братства; переводъ сей сдѣлался постояннымъ занятіемъ всей его жизни, такъ что и на болѣзненномъ одрѣ не оставлялъ онъ трудиться надъ книгами отеческими. Слава о немъ разнеслась по Святой Горѣ, и Паисій, стѣсняемый многолюдствомъ, испросилъ себѣ у собора Святогорскаго обитель Симо-Петры, упраздненную тогда по долгамъ ея владѣльцевъ, но вскорѣ долженъ былъ ее оставить, потому что заимодавцы Турецкіе начали требовать съ него долгъ монаховъ Греческихъ.

Тогда старецъ Паисій, видя, что уже ему не предстоитъ никакой возможности оставаться долѣе на Святой Горѣ, рѣшился удалиться со всѣми своими учениками въ Молдавію, куда призывали его благочестивый господарь Каллимахи и митрополитъ Гавріилъ. Напрасно соборъ Аѳонскій и патріархъ

Серафимъ умоляли его пребыть еще съ ними; сами они, видя крайность его положенія, вынуждены были уступить необходимости, и Паисій съ шестидесятью четырьмя учениками изъ Славянъ и Молдаванъ на двухъ корабляхъ ввѣрилъ себя морю, чтобы плыть въ землю ему обѣтованную. Мимо Царьграда достигъ онъ благополучно устья Дуная, и вся семья иноческая вышла на берегъ въ Галацѣ. Милостиво принялъ ихъ владѣтель Молдавіи и даровалъ для жительства въ Буковинѣ обитель Драгомирну, гдѣ немедленно устроился весь чинъ горы Аѳонской по уставу святыхъ отецъ; самъ Паисій принялъ схиму отъ руки пришедшаго къ нему друга и соученика Алексія, съ которымъ вмѣстѣ находился и въ училищахъ Кіевскихъ, и подъ руководствомъ старца Василія. Совершенное нестяжаніе и общежитіе положены были въ основаніе новой обители: никто изъ братій не смѣлъ ничего называть своимъ, необходимое раздавалось, и всѣ въ совершенномъ послушаніи непрестанно трудились надъ рукодѣліемъ для пользы монастырской, не оставляя и службы церковной, которую совершали съ чрезвычайнымъ благолѣпіемъ также на двухъ языкахъ. Не были забыты странные и болящіе; для нихъ устроилъ богадѣльню чадолюбивый Паисій, поручилъ надзору опытнаго инока врача Онорія, а самъ наипаче радѣлъ о духовныхъ недугахъ и ежедневно за трапезою поучалъ братію изъ переведенныхъ имъ книгъ отеческихъ, одинъ день по Славянски, другой по Молдавски, присоединяя къ тому свои назидательныя толкованія.

О томъ, какъ совѣстливо занимался онъ переводомъ книгъ отеческихъ и съ какимъ смиреніемъ не

довѣрялъ собственнымъ трудамъ, можно судить изъ письма его къ бывшему ученику своему, архимандриту Софроніевской пустыни Ѳеодосію, который просилъ его прислать сей переводъ для напечатанія. Старецъ описывалъ подробно, какихъ трудовъ стоило ему обрѣсти рукописные подлинники Греческіе на Святой Горѣ не въ библіотекахъ, гдѣ они были мало извѣстны, но въ уединенномъ скитѣ у одного ученаго инока, и какъ онъ въ теченіи многихъ лѣтъ трудился надъ ихъ переводомъ съ помощію искренняго брата и потомъ надъ исправленіемъ своего перевода; но жаловался на его несовершенство и самихъ списковъ и потому не рѣшался издавать въ свѣтъ въ столь недостаточномъ видѣ. Это любопытное письмо, проникнутое духомъ христіанскаго смиренія и выражающее тогдашнее состояніе горы Аѳонской, напечатано вмѣстѣ съ прочими при его жизнеописаніи, которое издано усердіемъ старцевъ Оптиной пустыни. Тамъ же изъ писемъ къ старцамъ обители Поляномерульской и къ другу его іерею Димитрію, искавшему монашества, и къ основательницѣ Арзамазской общины Маріи Протасьевой можно ясно видѣть, какимъ помазаніемъ духовнымъ былъ исполненъ блаженный старецъ. Оно вполнѣ выражалось и въ мудромъ управленіи обителію, которой братство принесло въ краткое время обильный плодъ: каждый инокъ имѣлъ свободный доступъ къ своему аввѣ, и онъ по дару прозорливости предупреждалъ искреннее сознаніе виновныхъ, самъ начиная бесѣду будто бы о собственныхъ грѣхахъ и тѣмъ возбуждая къ покаянію. Таковъ былъ сей чудный старецъ, истинное зерцало монашества и отголосокъ древнихъ отцевъ пустыни.

Но и его постигли новыя скорби на мирномъ поприщѣ и онъ опять увидѣлъ себя въ необходимости оставить то безбурное пристанище, которое думалъ себѣ упрочить до конца жизни. Послѣ шестнадцатилѣтней брани Россіи и Австріи съ Турціею заключенъ былъ мирный договоръ, по которому часть Молдавіи, Буковина, уступлена Австріи; обитель Драгомирны перешла подъ область Латинскую; начались гоненія уніятовъ, отъ которыхъ уже бѣжалъ однажды Паисій изъ родныхъ предѣловъ. Посреди сей тяжкой скорби старецъ былъ утѣшенъ призывнымъ посланіемъ игумена пограничной обители Сѣкула, который предлагалъ перейти къ нему со всѣмъ братствомъ и занять почти опустѣвшій монастырь Предтечи; на просьбу о томъ старца Паисія послѣдовало милостивое разрѣшеніе господаря Гики и митрополита Гавріила. Но тѣсно было ихъ жительство посреди лѣсистыхъ ущелій надъ стремниною потока, хотя оно и удобно было для безмолвія иноческаго. Ревностный старецъ перенесъ въ Сѣкулъ строгій уставъ Драгомирны и до трехъ сотъ братій привелъ съ собою кромѣ тѣхъ, которые съ плачемъ остались при двухъ духовникахъ въ прежней обители; но такое множество не могло себѣ найти удобнаго помѣщенія въ новой; вынужденный просьбами своихъ учениковъ отецъ Паисій писалъ прошеніе къ новому господарю Константину Мурузи о дарованіи ему пространнѣйшей обители и, по совѣту одного изъ бояръ Молдавскихъ, предназначена была для него обитель Нямецкая на разстояніи двухъ часовъ отъ Сѣкула, но и это не безъ скорби: съ одной стороны новая обитель была слишкомъ открыта и тѣмъ мало способна къ безмолвной жизни; съ другой стороны

населявшіе ее иноки громко роптали на Паисія, какъ бы вторгшагося силою въ ихъ достояніе.

Смиренный старецъ испугался такого нареканія и написалъ второе отрицательное письмо къ господарю, увѣряя, что онъ лучше готовъ претерпѣть всякую тѣсноту въ прежней своей обители, нежели пріобрѣсти чуждую противъ воли ея иноковъ; но въ отвѣтъ получилъ краткое слово: «сотвори послушаніе и иди въ Нямецъ, ничтоже разсуждая». Тогда великій авва, хотя и удручаемый болѣзнію отъ душевной скорби, подвигся ради любимаго имъ послушанія со всѣмъ своимъ братствомъ; онъ пришелъ въ обитель Нямецкую въ навечеріе праздника Успенія и, приложившись къ чудотворной иконѣ Богоматери, погрузился въ глубокій сонъ, давно уже его не посѣщавшій, послѣ котораго получилъ внезапное облегченіе. На другой день онъ могъ совершить самъ торжественную литургію и, призвавъ къ себѣ старцевъ обители Нямецкой, утѣшилъ ихъ своею любовію такъ, что они, отложивъ всякій ропотъ предали ему добровольно свои души въ руководство. Чинъ Драгомирной возстановился въ Нямецкой при четырехстахъ братіи, исполнившихъ внезапно самую обитель и всѣ окрестные скиты: хотя многочисленные богомольцы и стужали любителямъ безмолвія, но заботливый настоятель умножилъ страннопріимницы и удовлетворялъ нуждамъ пришельцевъ особенно въ день храмоваго праздника Вознесенія Господня, когда бывало наибольшее стеченіе народа, но иноческаго терпѣнія доставало для всѣхъ.

Возгорѣлась новая война съ Турціею, и войска Русскія вступили въ предѣлы Молдавіи. Съ княземъ Таврическимъ прибылъ въ Яссы архіепископъ

Амвросій, который, услышавъ о высокой добродѣтели Паисія, пожелалъ посѣтить его обитель. Когда же увидѣлъ собственными очами то, чему едва вѣрилъ по слуху, и самого маститаго старца, окруженнаго сонмомъ учениковъ своихъ, онъ посвятилъ его на первой литургіи въ санъ архимандрита, дабы утѣшить всю братію изъявленіемъ глубокаго своего уваженія къ ихъ аввѣ; но не превознесся почестію смиренный и ни въ чемъ не измѣнилъ образа жизни, день и ночь трудясь надъ переводомъ книгъ отеческихъ даже до крайняго изнеможенія, ибо спѣшилъ окончить начатое. Не смотря на семидесятидвухлѣтнюю старость, свѣжо было его лицо и свѣтло, какъ бы ангельское, взоръ ясенъ и тихъ, и сладостна рѣчь, всѣхъ къ нему привлекавшая; весь онъ былъ разліянъ въ любовь, говоритъ описатель его жизни, и умъ его соединенъ любовію съ Богомъ; отъ избытка же сей любви непрестанно текли слезы. Иногда и даръ предвѣдѣнія присоединялся къ его духовной прозорливости: онъ предсказалъ господарю Гикѣ предстоявшую ему смерть отъ меча Турецкаго; случались и исцѣленія при его теплой молитвѣ, но Паисій не замѣчалъ ея дѣйствія во глубинѣ своего смиренія.

Имѣлъ онъ тайное извѣщеніе о приближающейся кончинѣ, потому что за нѣсколько дней оставилъ совершенно переводъ книгъ, занимаясь только исправленіемъ рукописи. Четыре дня продолжалась тяжкая болѣзнь, но въ день воскресный, почувствовавъ облегченіе, пожелалъ слушать божественную литургію и самъ пріобщился святыхъ Таинъ, съ трудомъ однако могъ возвратиться въ келлію, гдѣ проболѣлъ еще три дня. Тамъ пожелалъ совершеннаго безмолвія,

принимая однихъ старѣйшихъ; въ день же смерти, пригласивъ обоихъ духовниковъ, Софронія—славянскаго языка и Сильвестра—молдавскаго, чрезъ нихъ послалъ благословеніе всему братству и предалъ чистую свою душу въ руки Божіи 15 ноября 1794 года. (Оба они были впослѣдствіи одинъ за другимъ настоятелями обители Нямецкой). Не случилось епископа при его погребеніи, но оно совершилось при многочисленномъ стеченіи народа и общій плачъ свидѣтельствовалъ о любви къ усопшему. — Такъ окончилъ труженическій свой подвигъ великій авва Паисій; онъ живъ для насъ и понынѣ въ своихъ ученикахъ, которыми надѣлилъ землю Русскую, возстановивъ ими многія запустѣвшія ея обители.

Первымъ и болѣе другихъ знаменитымъ былъ Ѳеодосій, архимандритъ Курской Софроніевой пустыни, который долго жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Молдавіи подъ руководствомъ великаго старца Василія. Онъ вызванъ былъ княземъ Потемкинымъ, когда Турки разорили его пустынный скитъ, и, переселившись въ Россію со всѣми учениками своими, сдѣлался у насъ разсадникомъ иночества, потому что изъ Софроніевой пустыни возникли многіе опытные настоятели въ различныя обители наши. Много онъ трудился со старцемъ своимъ Паисіемъ и послѣ него надъ переводомъ отеческихъ книгъ, изъ коихъ нѣкоторыя послалъ митрополиту Новгородскому Гавріилу, мужу высокаго благочестія и духовной опытности, въ которомъ ученики Паисія обрѣли себѣ достойнаго покровителя: потому такъ успѣшно привилась ихъ многовѣтвистая отрасль къ Русскому корню и дала обильный плодъ. Благочестивый пастырь, первенствовавшій членъ Святѣйшаго Синода,

какъ только узнавалъ о людяхъ такого духа, каковы были ученики Паисія, немедленно ввѣрялъ имъ пустынныя обители. Благодѣтельное лицо для всей отечественной Церкви былъ сей мудрый владыко Гавріилъ, достойно поставленный на свѣщникѣ престольной каѳедры, съ высоты коей свѣтилъ многіе годы всему православію.

Другимъ именитымъ выходцемъ Молдавіи былъ старецъ Клеопа, также другъ и ученикъ Паисіевъ, съ которымъ много подвизался на Святой Горѣ и въ обители Драгомирны, принявшій у насъ настоятельство Островской пустыни, гдѣ ввелъ уставъ Аѳонскій. Ученикъ его Игнатій, достойный учителя, сперва наслѣдовалъ ему въ управленіи пустыни, потомъ же вызванъ былъ митрополитомъ Гавріиломъ въ Тихвинъ монастырь, гдѣ ввелъ тотъ же уставъ, и наконецъ въ Симоновъ, въ которомъ устроилъ общежитіе. Второй ученикъ Клеопы, Макарій втеченіи двадцати лѣтъ до нашествія Французовъ былъ настоятелемъ Пѣсношской обители святителя Николая, которую утвердилъ на строгихъ правилахъ благочестія; она и доселѣ можетъ почитаться образцовою въ Московской епархіи и многихъ учениковъ своихъ дала въ настоятели инымъ пустынямъ: оттолѣ вышли Аврамій въ Оптину и Ѳеофанъ Новоезерскій въ Кирилловъ монастырь, и старецъ Самуилъ въ Голутвинъ, что̀ близъ Коломны, и еще нѣсколько другихъ. Подобно какъ на сѣверѣ послѣдователи Паисіевы обрѣтали себѣ высокаго покровителя въ лицѣ митрополита Гавріила, такъ и въ первопрестольной Москвѣ достойнымъ цѣнителемъ ихъ добродѣтелей былъ просвѣщенный митрополитъ Платонъ; оттого такъ быстро распространилась жизнь

пустынная по всей Россіи въ исходѣ минувшаго столѣтія.

Еще одинъ іеромонахъ Клеопа съ другомъ своимъ схимникомъ Ѳеодоромъ вышли изъ Молдавіи въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія и постепенно оживили своимъ присутствіемъ пустыни Орловской губерніи, Чолнскую и Бѣлобережскую, которыя были въ совершенномъ упадкѣ. Къ нимъ присоединился еще нѣкто старецъ Василій, родомъ изъ дворянъ, называвшій себя бродягою, потому что онъ переходилъ изъ монастыря въ монастырь, оставаясь въ каждомъ столько времени, сколько нужно было для водворенія тамъ строгаго устава, и старецъ Моисей, изъ оружейниковъ Тульскихъ, глубоко постигшій званіе иночества. Принявъ вскорѣ послѣ Василія настоятельство Бѣлобережской пустыни, онъ возвелъ ее втеченіи тридцати лѣтъ на высокую степень совершенства духовнаго и только недавно скончался. Схимникъ Ѳеодоръ, обитавшій съ нимъ въ пустыни, перешелъ впослѣдствіи вмѣстѣ съ Клеопою на Валаамъ, куда вызванъ былъ въ настоятели изъ Сарова опытный старецъ Назарій по волѣ митрополита Гавріила. Тамъ окончилъ духовное поприще Клеопа, а схимникъ Ѳеодоръ въ обители Свирской, оставивъ по себѣ многихъ учениковъ, ибо вездѣ возбуждали они искру житія духовнаго.

Между послѣдователями старца Паисія были еще два Аѳанасія, оба изъ дворянъ, но одинъ изъ службы воинской, а другой изъ гражданской, посвятившіе себя на служеніе Богу подъ рясою иноческою. Первый, пришедши въ Россію отъ великаго старца, поселился въ пустыни Флорищевой, недалеко отъ Владиміра, и потомъ основался въ Площанской въ пре-

дѣлахъ Орловскихъ, гдѣ многихъ назидалъ словомъ и примѣромъ. Достойно вниманія, что въ это время процвѣли преимущественно пустыни Орловскія, наиболѣе посѣщаемыя учениками Паисіевыми, и между ними Бѣлобережская, дотолѣ забытая, на время сдѣлалась, какъ бы нѣкая лавра, разсадникомъ иночества. Но и въ Москву доходили назиданія Аѳанасія, ибо отъ него приняли въ Новоспасскомъ монастырѣ духовное слово два добродѣтельные старца, Александръ, бывшій потомъ архимандритомъ Арзамасскимъ, и Филаретъ, въ схимѣ Ѳеодоръ, недавно скончавшійся и многимъ еще памятный; оба они были руководителями нынѣшняго настоятеля Оптиной пустыни. Другой Аѳанасій долго подвизался въ Молдавіи подъ начальствомъ самого старца Паисія и его преемника Софронія и, возвратясь въ отечество, уединился близъ Брянска въ Свѣнской обители, гдѣ скончался на рукахъ соименнаго ему труженика, о которомъ упоминали. Онъ доставилъ митрополиту Гавріилу сокровище духовное Паисія, его рукопись «Добротолюбіе», составленную и переведенную имъ съ Греческаго изъ назидательныхъ твореній двадцати четырехъ святыхъ отецъ, которую заботливо издалъ въ свѣтъ просвѣщенный архипастырь.

Называть ли еще Павла, болѣзненнаго, который изъ Молдавіи переселился въ Симоновъ монастырь и тамъ, много пострадавъ отъ Французовъ при разореніи столицы, уже не вставалъ съ одра своего, но еще для многихъ служилъ наставникомъ благочестія. И сколько еще другихъ именъ можно бы помѣстить въ этотъ списокъ ближайшихъ учениковъ и послѣдователей великаго аввы Паисія? Тутъ и Филаретъ, знаменитый настоятель Глинской пустыни,

давшій ей особенный строгій уставъ, который перенесенъ теперь въ обновленную обитель Святогорскую; тутъ и благоговѣйные иноки Герасимъ и Ѳеофанъ, и выходецъ Молдавіи Арсеній, жившій въ лѣсахъ Брянскихъ, и еще иные менѣе извѣстные, которые послужили ко спасенію своихъ собратій въ различныхъ пустыняхъ. Къ числу ихъ принадлежалъ и Леонидъ, начавшій подвигъ иночества на Бѣлыхъ Берегахъ при старцѣ Василіѣ и окончившій его въ Оптиной пустынѣ въ 1841 году семидесятидвухъ лѣтъ отъ рожденія.

Уволившись отъ строительской должности на Бѣлыхъ Берегахъ, онъ вмѣстѣ со старцами Клеопою и Ѳеодоромъ долго подвизался на пустынномъ Валаамѣ и въ Свирской обители; послѣ же кончины Ѳеодора избралъ себѣ пристанищемъ уединенный скитъ Оптинскій, гдѣ многіе обрѣтали у него врачеваніе не только душевное, но и тѣлесное, когда съ молитвою помазывалъ ихъ елеемъ отъ древней иконы Богоматери. По своему глубокому знанію священнаго писанія и книгъ отеческихъ, старецъ Леонидъ былъ преимущественно избранъ въ духовники окрестными жителями и многихъ обратилъ къ Господу кроткимъ словомъ, исполненнымъ помазанія. Стеченіе народа въ пустынный скитъ было столь велико, что настоятель ради его безмолвія вынужденъ былъ перевести старца Леонида въ ограду монастырскую. Страдая самъ водяною болѣзнію, онъ помогалъ другимъ, ибо сила Божія въ немощи совершается, и посреди тяжкихъ своихъ недуговъ смирялся предъ Господомъ, какъ бы еще неготовый предстать Ему. Не напрасно сравнилъ одинъ изъ древнихъ отцевъ крайнее смиреніе мужей совершенныхъ съ плодовитымъ древомъ,

котораго вѣтви невольно склоняются къ землѣ отъ самаго избытка плодовъ своихъ.

Я уже отложилъ намѣреніе оставить пустынь на слѣдующее утро, будучи тронутъ радушнымъ пріемомъ ея старцевъ, и воспользовался дозволеніемъ отца игумена, чтобы посѣтить его послѣ краткаго отдыха. «Вчера я поручалъ брату моему принимать гостя, привѣтливо сказалъ онъ, потому что самъ готовился къ служенію, а сегодня просилъ его заступить мое мѣсто на всенощномъ бдѣніи и завтра на литургіи, чтобы мнѣ свободнѣе было заняться вами».

Я благодарилъ почтеннаго старца за такое милостивое вниманіе къ пришельцу и въ искренней бесѣдѣ полюбопытствовалъ узнать нѣчто о его пустынной жизни въ лѣсахъ Рославльскихъ, потому что и прежде слышалъ о тамошнихъ подвижникахъ, старцахъ Варнавѣ, Адріанѣ, Василискѣ и Зосимѣ. Это былъ какой-то особый міръ иночества, который внезапно процвѣлъ въ исходѣ минувшаго столѣтія въ дремучихъ лѣсахъ средней полосы нашего отечества: Маркъ и Серафимъ въ дебряхъ Саровскихъ, Василискъ и его предшественники и преемники въ непроходимыхъ чащахъ Орловскихъ и Смоленскихъ проявляли нѣчто давно забытое, которое, казалось, какъ будто уже миновалось въ наши охладѣвшія времена, и вотъ опять возгорѣлась та же искра. Василискъ, котораго подвиги описаны ученикомъ его Зосимою и изданы въ свѣтъ стараніемъ Оптиной пустыни, нашелъ въ сихъ лѣсахъ старцевъ Адріана и Варнаву и долго обиталъ съ ними; когда же Адріанъ вызванъ былъ на строительство въ Коневъ монастырь, сподвижникъ его Василискъ удалился въ тундры

Сибирскія, гдѣ просвѣтилъ многихъ свѣтомъ христіанства. Ученикъ его Зосима, родомъ изъ дворянъ, раздѣлялъ съ нимъ труды пустынные и по смерти старца перевелъ съ собою общину, которой былъ руководителемъ, въ предѣлы Московскіе, гдѣ и доселѣ она процвѣтаетъ близъ Вереи. Но и послѣ сихъ подвижниковъ оставались еще любители безмолвія въ лѣсахъ Смоленскихъ, за сорокъ верстъ отъ Рославля, Аѳанасій и Досиѳей, и къ нимъ присоединился отецъ Моисей съ братомъ своимъ Антоніемъ, которые положили начало въ Саровѣ по совѣту схимника Новоспасскаго Филарета; около нихъ поселились еще другіе труженики, вмѣстѣ съ ними вызванные для устройства скита Оптина преосвященнымъ Калужскимъ. Но старшіе братія, Аѳанасій и Досиѳей, не рѣшились оставить дремучихъ лѣсовъ своихъ и только въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ, чувствуя нужду въ помощи человѣческой, схимникъ Аѳанасій, достойный ученикъ великаго Паисія, переселился въ обитель Свѣнскую около Брянска; тамъ скончался въ 1844 году на рукахъ добраго настоятеля Смарагда.

Вотъ что мнѣ разсказано было старцемъ о пустынной жизни: «мы жили отдѣльно въ келліяхъ, которыя сами себѣ срубили и построили съ помощію благочестивыхъ поселянъ, приносившихъ намъ пищу, хотя ближе десяти верстъ не было ни одного селенія. Трудно бывало отыскать къ намъ дорогу и мы сами нерѣдко сбивались, доколѣ не привыкли въ чащѣ лѣса разпознавать слѣды нашей уединенной тропинки. Моя изба, гдѣ я жилъ съ другимъ старцемъ, была совершенно закрыта вѣтвями опрокинутаго бурею дерева; келлія отъ келліи находились на раз-

стояніи полуверсты и по праздникамъ мы посѣщали другъ друга, а около своего жилья разводили малые огороды, и это служило для насъ развлеченіемъ въ часы, свободные отъ молитвы».

«Но какъ избѣгали вы дикихъ звѣрей, волковъ и медвѣдей, которыми такъ изобилуютъ лѣса Брянскіе, и еще болѣе—опасныхъ разбойниковъ»?

«Волки постоянно выли около насъ въ продолженіе цѣлой зимы, но мы уже привыкли къ ихъ вою, какъ бы къ вою вѣтра, а медвѣди иногда обижали насъ, расхищая наши огороды; мы ихъ видали весьма близко и часто слышали, какъ они ломали въ лѣсу деревья, но никогда они насъ не трогали, и мы жили съ ними въ мирѣ. И отъ разбойниковъ помиловалъ насъ Богъ, хотя и часто слыхали, что они бродятъ у насъ въ околодкѣ, но насъ нелегко было найти, да и не чѣмъ было бы имъ поживиться. Однажды лишь, помню, случилось намъ великое искушеніе: вечеромъ поздно я сидѣлъ и переписывалъ святцы, такъ какъ это было мое обычное занятіе, и только что окончилъ молитву къ Матери Божіей: «все упованіе мое на Тя возлагаю», кто-то постучалъ въ нашу дверь. Не снимая крючка, я сталъ спрашивать, кто стучитъ? но старецъ, со мною жившій, неосторожно отперъ двери и выглянулъ изъ избы:—внезапно получилъ онъ тяжкій ударъ въ голову и насъ бы, конечно, убили, еслибы по счастію не случился въ избѣ молодой здоровый крестьянинъ, который принесъ намъ пищу изъ селенія и остался за ночнымъ временемъ. Проснувшись на шумъ, онъ схватилъ топоръ и еще со сна закричалъ: много ли тутъ? всѣхъ перебью. Разбойники, подумавши, что насъ много въ келліи, разбѣжались, оставивъ старца

еле жива, и долго болѣлъ онъ отъ ихъ побоевъ; Матерь Божія видимо спасла насъ. Кромѣ же сего случая, другихъ въ продолженіи десяти лѣтъ, благодаря Бога, не было. Но страшнѣе разбойниковъ бывали для насъ порывистыя бури, ломавшія около насъ вѣковыя деревья и грозившія задавить насъ. Однажды обрушилось огромное дерево подлѣ самой моей келліи съ такимъ трескомъ, что я уже думалъ: настала послѣдняя минута, но и тутъ помиловалъ Господь: оно лишь вѣтвями задѣло крышу; а только страшенъ этотъ ревъ бури въ вѣковой дубравѣ, когда она ходитъ по-лѣсу и какъ трости ломаетъ то, что намъ казалось неподвижнымъ».

«Но какимъ образомъ могли вы присутствовать при богослуженіи во дни великихъ праздниковъ, спросилъ я, и особенно для пріобщенія святыхъ Таинъ»?

«Хотя селеніе было отъ насъ не очень далеко, но въ продолженіи десятилѣтняго жительства въ лѣсу не оставлялъ я моей пустынной келліи и не бывалъ въ сельской церкви. Всю церковную службу мы правили у себя, утреню, часы, вечерню и келейное правило, а иногда и собирались вмѣстѣ въ одной изъ келлій; на Пасху же и на Рождество, и въ другіе нарочитые праздники приходилъ къ намъ изъ ближайшаго села священникъ и пріобщалъ запасными дарами, дабы и мы не лишены были сего духовнаго утѣшенія.»

Мнѣ казалось, когда я внималъ сему разсказу, что кто-либо изъ древнихъ пустынножителей Египта или Палестины, возставъ, раскрываетъ предо мною покровъ давноминувшаго. И сіи новые подвижники могли столь же простодушно, какъ и древніе образцы ихъ, спрашивать у пришельцевъ, что творится во

вселенной? ибо они уже были какъ бы внѣ ея, и міръ кончался для нихъ у порога ихъ лѣсной келліи, или ради большаго простора, у опушки дремучаго лѣса, въ сердцѣ коего гнѣздились они, невѣдомые свѣту, вѣдомые единому Богу.—Слухъ носится, что еще одинъ, почти столѣтній, отшельникъ остался доселѣ на мѣстѣ прежняго жительства, довершая за нихъ долгую чреду своей духовной стражи. Лѣса уже рѣдѣютъ около него, но и такіе люди становятся также рѣдки. Благодареніе Богу, что хотя иногда встрѣчаешь ихъ въ пустынныхъ обителяхъ, гдѣ еще свѣтятъ они, какъ бы на свѣщникѣ.

Много былъ я утѣшенъ бесѣдою отца игумена; съ такою духовною простотою и смиреніемъ разсказывалъ онъ о самыхъ трудныхъ и необычайныхъ для нашего вѣка подвигахъ, что они въ устахъ его казались весьма легкими: такими дѣйствительно они бываютъ для тѣхъ, которые идутъ съ твердою вѣрою въ Бога и недовѣрчивостію къ себѣ по слѣдамъ великихъ отшельниковъ, оставившихъ примѣры самоотверженія, изумительные для нашего малодушія.

Чтобы хотя нѣсколько понять этотъ страннымъ кажущійся для насъ отдѣльный міръ совершенства иноческаго, надобно выйти изъ обыкновенныхъ предѣловъ и ежедневныхъ привычекъ нашей суетной жизни, и тогда, быть можетъ, мы услышимъ ему тайный отголосокъ во внутренней клѣти нашего сердца: сперва слабый, какъ бы отдаленный зовъ сквозь бурю взволнованныхъ чувствъ, онъ будто приближается къ приближающемуся, какъ голосъ дружескій, уже намъ болѣе знакомый, хотя еще не можемъ ясно различить его, доколѣ въ совершенной тишинѣ не свыкнется съ нимъ

наше сердце, успокоившись отъ молвы житейской. Тогда лишь отразится въ чистомъ его зеркалѣ много непонятныхъ намъ дотолѣ образовъ, и то, что казалось намъ издали привидѣніемъ, облечется предъ нами въ благолѣпный видъ; душа ознакомится съ невѣдомыми ей дотолѣ сладкими чувствами и утихнетъ въ ней буря помысловъ, исторгавшая изъ глубины ея основныя истины, какъ тѣ вѣковые дубы, подъ сѣнію коихъ съ дѣтства привыкли отдыхать наши предки.

Наступало время всенощнаго бдѣнія, которое мнѣ хотѣлось слышать въ скиту, и настоятель благосклонно предложилъ проводить меня туда. Мы продолжали бесѣду нашу о пустынножителяхъ въ чащѣ лѣса, хотя и въ маломъ видѣ ему напоминавшей о прежнемъ житіи въ дебри Смоленской. Взойдя въ келлію отца Макарія, онъ будто передалъ меня съ рукъ на руки начальнику скитскому, а самъ возвратился на всенощную въ свою обитель. Позвонили въ маленькій колоколъ уединенной церкви Предтечи, собралась братія и нѣсколько народа, но безъ тѣсноты; сквозь открытыя окна вѣяло ароматами цвѣтовъ и, что довольно странно, осенью слышно было пѣніе птицъ, которое присоединилось къ хвалебному гласу иноковъ. Отрадно было это созвучіе, уносившее мысли и сердце въ глубочайшую пустыню; всякое дыханіе на языкѣ своемъ хвалило Господа, и все соединялось въ одинъ общій гимнъ:—не такъ ли было нѣкогда и въ Эдемѣ.

Мы вышли изъ храма въ темную ночь: глубокая тишина царствовала окрестъ; старецъ Макарій отпустилъ со мною знакомаго мнѣ послушника вмѣстѣ съ своимъ келейникомъ, чтобы проводить меня по

лѣсу при свѣтѣ фонаря въ гостинницу кругомъ ограды, такъ какъ монастырскіе ворота уже были заперты. Было нѣчто таинственное въ этомъ ночномъ шествіи около стѣнъ обители, внутри и внѣ коихъ не слышалось инаго звука или голоса человѣческаго, кромѣ нашего. Молодой послушникъ говорилъ мнѣ, что онъ совершенно привыкъ къ своему новому состоянію и полюбилъ его искренно, а я пожелалъ ему помощи свыше для довершенія начатаго имъ благаго подвига. Утѣшительно видѣть въ юные еще годы вольное отреченіе отъ прелестей міра, которыя на каждомъ шагу запинаютъ нетвердыя стопы наши на поприщѣ спасенія.

Тихо протекла и вторая ночь подъ сѣнію мирной обители. Я всталъ къ ранней обѣдни, послѣ которой собирался въ дальнѣйшій путь, но едва вышелъ изъ обители, какъ уже встрѣтилъ идущаго за мною настоятеля: много снисходительности къ пришельцу было во всемъ братствѣ. Пришелъ и отецъ Макарій съ своимъ послушникомъ отслушать раннюю литургію въ тепломъ соборѣ Казанскія Божія Матери, чтобы потомъ меня проводить. Стройно совершалась божественная служба съ порядками пустынными. Мы всѣ зашли послѣ обѣдни къ настоятелю, гдѣ уже ожидалъ насъ братъ его, добрый игуменъ Антоній, хотя и готовился служить позднюю литургію. Грустно мнѣ было оставлять эту радушную семью иноческую, гдѣ все дышало истинно христіанскою любовію при высокихъ добродѣтеляхъ, которыя обличали насъ, разсѣянныхъ выходцевъ такъ называемаго большаго свѣта.

Старцы надѣлили меня всѣми назидательными книгами, которыя издала въ теченіи немногихъ лѣтъ

Оптина пустынь для назиданія иночества:—не малая заслуга предъ отечественною Церковію. И я съ своей стороны обѣщалъ имъ описаніе нѣкоторыхъ изъ моихъ странствій, чтобы не забывали о путникѣ, и убѣдительно просилъ отца Макарія довершить благое начало составленіемъ Русскаго новѣйшаго Патерика, по примѣру Греческихъ, Лимонарія и Новаго рая, въ которыхъ собраны подвиги отцевъ пустынныхъ, просіявшихъ въ послѣднее время. Скитской братіи предстоитъ собрать житія всѣхъ учениковъ и послѣдователей великаго старца Паисія, доколѣ еще свѣжа о нихъ память въ обновленныхъ ими обителяхъ, и составить изъ сего одно послѣдовательное сказаніе съ постепенностію историческою, положивъ въ началѣ житіе общаго ихъ отца. Трудъ сей еще возможенъ и тѣмъ облегченъ, что нѣкоторыя житія уже напечатаны; полное ихъ собраніе было бы великимъ сокровищемъ для иночества, за которое отечественная Церковь была бы столь же благодарна Оптиной пустыни, сколько утѣшается теперь ея назидательнымъ примѣромъ.

Настала минута прощанія: всѣ три старца пожелали проводить меня за рѣку до крайней грани своихъ владѣній; она недалеко: малый ручей, журчащій подъ мельницею, ее обозначаетъ. Когда отцы Моисей, Антоній и Макарій переплывали со мною на паромѣ чрезъ скромную Жиздру, всѣ три, напоминавшіе не одними лишь именами, но и образомъ ихъ жизни, пустынныхъ отцевъ древняго Египта,—мнѣ, недостойному посѣтителю столькихъ священныхъ мѣстъ страждущаго Востока, мнѣ казалось, что я перевожусь вмѣстѣ съ ними чрезъ блѣдныя воды пустыннолюбиваго Нила, на берегахъ котораго столь

обильно нѣкогда процвѣтало иночество. И если не вѣковыя пирамиды Фараоновъ, а бѣлая златоверхая обитель, и не роскошныя опахала восточныхъ пальмъ, но мрачныя, прямыя сосны нашей родины обставили здѣсь пустынную картину:—это было только одно внѣшнее для безотчетно скользящихъ взоровъ; внутри же утѣшеннаго сердца я созерцалъ и уносилъ съ собою высокіе образы древняго отшельническаго міра, о которомъ еще до нынѣ поетъ въ своихъ гимнахъ благодарная Церковь:

«Радуйся Египетъ вѣрный, радуйся Ливія преподобная, радуйся Ѳиваида избранная, радуйтесь всякое мѣсто, градъ и страна, воспитавшіе гражданъ небеснаго царствія, возрастившіе ихъ въ воздержаніи и болѣзняхъ и показавшіе ихъ Богу совершенными мужами желаній!..... Мысленно обтекая ихъ гражданства, какъ бы другой рай сладости, воскликнемъ: сіи суть древеса, которыя насадилъ Господь Богъ нашъ; они цвѣли и принесли Христу плоды нетлѣнной жизни, питая души наши».

1851 г.

ПОДВИГИ
СОЛОВЕЦКОЙ ОБИТЕЛИ.

I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Есть старая книга, которая подъ заглавіемъ «Соловецкой осады» уже около двухъ столѣтій бродитъ по рукамъ величающихъ себя громкимъ именемъ старовѣровъ и старообрядцевъ. Она содержитъ однако описаніе непохвальныхъ дѣяній мнимыхъ подвижниковъ Соловецкихъ, большею частію изъ мірянъ, которые подъ предлогомъ вѣры нѣсколько лѣтъ сидѣли за крѣпкими стѣнами, противоборствуя воеводамъ царскимъ и кроткому увѣщанію пастырей; такимъ образомъ, вопреки истинному Русскому духу, воевали они противъ Церкви, Царя и Отечества.— Здѣсь предлагаю описаніе другой осады, также Соловецкой, уже совершенно въ иномъ духѣ выдержанной противъ жестокаго нападенія иноземныхъ и иновѣрныхъ враговъ при видимомъ благословеніи Божіемъ посреди человѣческой немощи. Чудное сіе событіе послужило даже въ стѣнахъ самой обители къ обращенію одного иновѣрца и одного раскольника, потому что предъ очами каждаго слишкомъ ясно было свидѣтельство небесной помощи православію.

То, что слышали вѣрные свидѣтели и видѣли сами очевидцы, то, что, можно сказать, осязали собственными руками славные дѣятели сего великаго дѣла, которое возобновило въ памяти современниковъ давно минувшій подвигъ осады Сергіевой лавры, — это самое предлагаю во услышаніе и утѣшеніе всей землѣ Русской. Со слезами благодарнаго умиленія да воздохнетъ она къ Богу отцевъ своихъ и да прославитъ неистощимое милосердіе Господа, Который посреди временныхъ бѣдствій являетъ вѣчное Свое покровительство право исповѣдующимъ чистую вѣру предковъ: ибо «съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ»!

Нѣкогда, по сказанію современника, послѣ смутной эпохи самозванцевъ и нашествія Польскаго, когда лавра Сергіева отстояла Русь, пришло на мысль благоговѣйному патріарху Іерусалимскому Ѳеофану посѣтить сію лавру, чтобы въ ней поклониться великому чудотворцу Сергію и благословить иноковъ, подвизавшихся за землю Русскую. Еще живъ былъ тогда святый архимандритъ Діонисій, одушевившій князя Пожарскаго на спасеніе отчизны, и съ нимъ былъ великій его сподвижникъ келарь Аврамій; бодрствовали еще и тѣ дивные старцы, которые въ брони воинской ратовали на стѣнахъ во дни брани и опять во дни мира возвратились на свой духовный подвигъ.—Ихъ пожелалъ видѣть святитель Іерусалимскій, чтобы испытать ихъ смиренномудріе: и вотъ предстали предъ нимъ иноки, по словамъ лѣтописи, дѣльцы того дѣла, болѣе двадесяти числомъ, и во главѣ ихъ бывшій вождемъ ихъ старецъ Аѳанасій Ощеринъ, уже пожелтѣвшій

сѣдинами. «О старче старый, вопросилъ его святитель, на войну ты ли исходилъ и начальствовалъ воинствомъ мученическимъ»?—«Ей, владыко святый, смиренно отвѣчалъ ему пнокъ, вынужденъ былъ къ тому слезами кровными»! и на другой знаменательный вопросъ патріаршій: «что̀ ему свойственнѣе? иночество ли въ уединенной молитвѣ, или подвигъ предъ всѣми людьми»? старецъ, обнаживъ сѣдую свою голову, сказалъ сіе глубокое слово: «владыко святый, что̀ творилъ и творю, все только ради послушанія: вотъ подпись Латинянъ на челѣ моемъ, иззубренная ихъ оружіемъ; еще же и въ ладвѣяхъ моихъ шесть памятей свинцовыхъ (т. е. пуль); а въ келліи, сидя на молитвѣ, какъ можно было изъ доброй воли найти такихъ будильниковъ для воздыханія и стенанія»!

То же могли бы сказать о подвигахъ своего послушанія и нынѣшніе защитники обители Соловецкой, хотя и сохранились безъ подписей стальныхъ на челѣ своемъ и безъ памятей свинцовыхъ; не отъ того, что отъ нихъ укрывались; нѣтъ, они были готовы каждую минуту жертвовать собою, но потому, что Господь иначе о томъ судилъ!—Господь хотѣлъ, видимо, показать врагамъ нашимъ и православія, что сила Его въ немощи совершается, и это дѣйствительно явилось, когда по таинственнымъ судьбамъ неисповѣдимаго Его Промысла благоугодно Ему было спасти избранныхъ Своихъ безъ всякаго оружія. Сбылось надъ ними слово псаломное, сказанное о томъ, кто живетъ въ помощи Вышняго и въ кровѣ Бога небеснаго водворился: «что падетъ отъ страны его тысяща и тьма одесную его, къ нему же не приближится, и узритъ онъ воздаяніе грѣшниковъ,

ибо на Вышняго возложилъ упованіе свое» (Пс. 90). И что̀ говорить о людяхъ? когда даже ни одна изъ птицъ, стаями гнѣздящихся по двору монастырскому, не погибла во все продолженіе трехдневной осады, не смотря на тысячи бомбъ, которыя могли бы быть смертоносными для всѣхъ, еслибы не отклоняла ихъ милость Божія отъ Своего невиннаго творенія! Такъ исполнились слова Евангельскія: «не двѣ ли птицы цѣнятся единымъ ассаріемъ? и не едина отъ нихъ падетъ на землю безъ Отца вашего; вамъ же и власи главніи вси сочтены суть; не убойтеся убо, мнозѣхъ птицъ лучше есте вы» (Матѳ. X. 29, 30, 31).

Выступи изъ своихъ тумановъ чудная обитель на морскомъ отокѣ,—сіяніе сѣверное всей полунощной страны, куда стекаются молитвы не съ одного лишь Бѣлаго поморія, но и со всѣхъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ необъятной земли Русской? Раскрой намъ, какихъ пустынныхъ отцевъ пустынныя чада теперь тебя населяютъ? Кто были бѣжавшіе міра и невѣдомые въ свое время, но прославленные въ вѣкахъ грядущихъ основатели твоихъ уединенныхъ храмовъ и скитовъ, какъ бы забытыхъ на морѣ-океанѣ?—Чрезъ какія тяжкія испытанія бунтующей около нихъ стихіи и враждующихъ сосѣдей иноземныхъ прошли доблестные сыны твои въ теченіи четырехъ столѣтій?—И когда такимъ образомъ въ одномъ быстромъ обзорѣ проблеснутъ намъ изъ мрака минувшаго ихъ пустынные труды, яснѣе и ближе сердцу представится нынѣшній ихъ незабвенный подвигъ, который осіялъ славою не одну ихъ обитель, но вмѣстѣ съ нею и все наше отечество.

II.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ОБИТЕЛИ.

Около половины XV вѣка, во дни великаго князя Василія Темнаго, благочестивый инокъ Савватій, постриженникъ Бѣлозерскій, подвижникъ Валаамскій, идетъ искать безмолвія на пустынномъ поморіи на устьѣ рѣки Выги; тамъ обрѣтаетъ себѣ сотрудника Германа и съ нимъ на утлой ладьѣ переплываетъ пучину Бѣлаго моря на острова Соловецкіе. Но Германъ на время его оставляетъ въ дикомъ уединеніи, и первый отшельникъ, откровеніемъ Божественнымъ предувѣдомленный о близкой своей кончинѣ, опять ввѣряется бурнымъ волнамъ, чтобы на устьѣ той же рѣки обрѣсти себѣ напутствіе въ вѣчную жизнь отъ странствующаго игумена Наѳанаила. Другой любитель безмолвія долженъ заселить пустыню, избранную Савватіемъ: Зосима, Новгородецъ, инокъ обители Палеостровской въ предѣлахъ Онежскихъ. Онъ обрѣтаетъ того же Германа уже на устьѣ рѣки Сумы ближе къ островамъ и съ нимъ плыветъ на тотъ же морской отокъ, гдѣ утѣшаетъ его небесное видѣніе о будущей славѣ его киновіи; тамъ водружаетъ онъ первый крестъ, подъ сѣнію коего разрастается впослѣдствіи обитель Соловецкая.

Слава о его добродѣтели привлекаетъ къ нему многихъ учениковъ; но смиреніе его не позволяетъ надъ ними начальствовать. Желая соорудить церковь во имя Преображенія Господня, посылаетъ онъ въ великій Новгородъ просить на то благословенія у св. архіепископа Іоны и, по совершеніи убогаго деревяннаго храма, два игумена, одинъ за другимъ,

смѣняются въ новой обители, доколѣ наконецъ общій голосъ учениковъ не побѣдилъ смиренія Зосимы.— Старецъ идетъ самъ въ Новгородъ къ святителю принять отъ руки его священство и посохъ настоятельскій. Тогда переноситъ онъ съ устья пустыннаго Выги нетлѣнное тѣло перваго отшельника Соловецкаго Савватія на свой островъ, который уже уступленъ ему приговоромъ владыки, посадниковъ и вѣча Новгородскаго, чтобы на прочномъ основаніи утвердить возникшую обитель. Когда же береговыя власти и люди боярскіе начали притѣснять братію, старецъ, не смотря на преклонный возрастъ, подвигся опять въ дальнее странствіе, въ великій Новгородъ. Тамъ обошелъ онъ домы всѣхъ именитыхъ бояръ, прося себѣ защиты, и былъ отринутъ только отъ порога одной гордой посадницы Марѳы Борецкой, но и она, раскаявшись, укрѣпила за обителью свою поморскую волость; доселѣ грамота ея хранится въ ризницѣ Соловецкой:

«Се даетъ Марѳа Исаковская, великаго Новгорода посадница, въ домъ святому Спасу на Соловки игумену Зосимѣ и всѣмъ священницѣмъ и старцѣмъ вотчину свою по морскому берегу, рыбныя ловища, землю и воды, и пожни и лѣшей лѣсъ; куда я владѣла Марѳа, туда владѣть игумену и старцамъ во вѣки, а кто мою вотчину у нихъ отъиметъ, или станетъ вступатися, и мнѣ съ нимъ судитися передъ Христомъ. А у данные сидѣлъ отецъ мой духовной, Софѣйской попъ Іосифъ, да Олексѣй Бархатовъ, а данную писалъ сынъ мой Федоръ Исаковъ. Лѣта 6978 (1470 года)».

Прозорливый Зосима, сидя за роскошною трапезою Марѳы, имѣлъ видѣніе и впалъ въ ужасъ, ибо

ему представились шесть изъ пировавшихъ бояръ обезглавленными; онъ повѣдалъ тайну сію ученику своему, и дѣйствительно вскорѣ всѣ они пали подъ мечемъ Іоанна, покорившаго Новгородъ, и запустѣлъ самый дворъ Марѳы Борецкой, отринувшей сперва старца. Со славою возвратился онъ въ свою обитель и, послѣ сорокалѣтнихъ подвиговъ сперва безмолвія, а потомъ настоятельства, переселился въ вѣчныя обители. Умирающій оставилъ по себѣ утѣшительное обѣщаніе ученикамъ своимъ: «что хотя и отходитъ отъ нихъ тѣлесно, но духомъ неотступно съ ними будетъ, и посему уразумѣютъ, что обрѣлъ онъ благодать у Бога, если не оскудѣетъ ихъ обитель ни духовно, ни въ нуждахъ житейскихъ». Исполнилось его вѣщее слово: твердою стопою стала обитель Соловецкая на своемъ морскомъ отокѣ и, какъ скала, отражаетъ неоднократные напоры бунтующихъ волнъ и вражескихъ полчищъ.

Арсеній, присный ученикъ старца, заступилъ мѣсто преподобнаго Зосимы въ 1478 году. Въ краткіе дни его настоятельства скончался въ Великомъ Новгородѣ въ обители Антонія Римлянина первый сподвижникъ обоихъ великихъ отшельниковъ Соловецкихъ, Германъ, завѣщавшій перенести кости свои ко гробу своихъ присныхъ на пустынный островъ.

Годъ спустя, при игуменѣ Ѳеодосіѣ, великій собиратель Руси Іоаннъ III уже вступается въ Двинскую область Новгородцевъ и укрѣпляетъ властію своею все, что было даровано имп обители, жалуя Спасу и Его Пречистой Матери и святому Николѣ на Соловкахъ всѣ острова: Соловецкій и Анзерскій, Муксальму, Заячій и прочіе малые, запрещая, подъ страхомъ княжескаго своего гнѣва, боярамъ Новго-

родскимъ и дѣтямъ Корельскимъ вступаться во владѣніе иноческое.

Досиѳей, послѣдующій игуменъ, удалившись на покой въ Бѣлозерскую обитель преподобнаго Ѳерапонта, умолилъ жившаго тамъ въ заточеніи митрополита Всероссійскаго Спиридона написать въ тиши келейной житія блаженныхъ своихъ учителей Савватія и Зосимы со словъ очевидцевъ. Тотъ, которому уступилъ онъ свое настоятельство, игуменъ Псаія, исполнилъ въ это время волю преподобнаго Германа и перенесъ его останки ко гробу его пустынныхъ сотрудниковъ, подобно тому, какъ и Зосима перенесъ тѣло первоначальника Савватія на мѣсто его пустыннаго подвига: это уже былъ третій драгоцѣнный камень, который полагался въ основаніе твердыни Соловецкой.

Псаія и Досиѳей, послѣдніе изъ учениковъ преподобнаго Зосимы, бывшіе свидѣтелями житія его, заступали его мѣсто; послѣдующіе игумены, мало извѣстные, уже послѣ него пришли въ обитель. Изъ нихъ однако Вассіанъ, движимый усердіемъ къ памяти преподобныхъ, описалъ чудеса ихъ, прежде бывшія и ему современныя, ибо непрестанно истекали исцѣленія отъ ихъ гробницъ. При Алексіѣ, двадцатомъ настоятелѣ послѣ святыхъ основателей, погорѣла отъ молніи вся обитель; это бѣдствіе обратило на нее вниманіе митрополита Всероссійскаго Макарія и самого царя Іоанна. Онъ утѣшилъ погорѣвшую братію богатыми вкладами и даяніями обширныхъ волостей вокругъ поморія.

Протекло не болѣе полувѣка по преставленіи блаженнаго Зосимы, какъ уже въ созданной имъ обители на пустынномъ острову востекаетъ новое

свѣтило, долженствовавшее озарить всю землю Русскую и свѣтить ей не только изъ пустыни, но и съ престола святительскаго. Въ дальнюю обитель является въ образѣ странническомъ бояринъ Ѳеодоръ Колычевъ, многіе годы скитавшійся по пустынямъ Олонецкимъ; онъ пріемлетъ на себя ангельскій образъ, внѣшнее выраженіе внутренней его чистоты, и постригается отъ руки игумена Алексія, не вѣдущаго, какое сокровище приноситъ онъ въ даръ своей Церкви. Черезъ 10 лѣтъ инокъ Филиппъ, ради высокой своей добродѣтели, заступаетъ уже мѣсто игумена Алексія, по благословенію архіепископа Новгородскаго Ѳеодосія: это будущій святитель Московскій и всея Руси, исповѣдникъ и мученикъ, одно изъ самыхъ свѣтлыхъ лицъ церковной исторіи нашей!

Святый Филиппъ обратилъ все свое вниманіе на благоустройство ввѣренной ему обители и обновилъ въ ней память преподобныхъ ея основателей. Онъ обрѣлъ чудотворный образъ Одигитріи, принесенный еще св. Савватіемъ на пустынный островъ, и поставилъ святыню сію надъ его гробомъ, а его каменный келейный крестъ водрузилъ въ часовнѣ, гдѣ покоился преподобный Германъ, его сподвижникъ. Своеручно исправилъ Филиппъ ветхости келейной псалтири преподобнаго Зосимы и любилъ облекаться для священнослуженія въ его убогія ризы, чтобы болѣе исполниться его духомъ, и кто достойнѣе св. Филиппа могъ приносить въ нихъ безкровную жертву предъ Божіимъ престоломъ? Молва о высокой добродѣтели настоятеля Соловецкаго, бывшаго боярина, быстро распространилась по всей Россіи; отовсюду потекла обильная милостыня, и царская и народная, въ прославленную имъ обитель. Царь

Іоаннъ почти ежегодно жаловалъ ей или волость, или богатый вкладъ, и когда уничтожались жалованныя грамоты у другихъ, онъ даровалъ новыя любимой имъ обители, ибо еще съ дѣтства зналъ ея великаго пастыря; самое сіе знакомство послужило грядущему возвеличенію и мученической кончинѣ св. Филиппа, которому готовился вѣнецъ нетлѣнія на небесахъ.

Все, что только есть лучшаго въ обители Соловецкой, всѣ ея главные храмы—дѣло рукъ сего великаго мужа Церкви, и они сохранились до нашихъ временъ. Сперва соорудилъ Филиппъ трапезную церковь Успенія Богоматери съ придѣломъ Усѣкновенія Предтечи во главѣ ея въ честь ангела Царскаго, какъ бы въ предзнаменованіе, что и самъ онъ долженъ былъ, подобно Предтечи, пострадать за слово истины грозному царю. Потомъ, устроивъ всѣ монастырскія службы, предпринялъ онъ на деньги царскія строеніе соборнаго храма Преображенія Господня съ придѣлами архангела и преподобныхъ по сторонамъ его; четыре престола стали во главахъ соборныхъ во имя ангеловъ дѣтей царскихъ, Лѣствичника и Стратилата, и еще собора дванадесяти и семидесяти апостоловъ: такъ былъ онъ проникнутъ духомъ апостольскимъ прежде еще, нежели воспріялъ на себя высокое ихъ званіе на каѳедрѣ святительской. Но, когда все уже было готово къ освященію сооруженнаго имъ храма, самъ онъ лишился сего духовнаго утѣшенія, и безъ него перенесены мощи святыхъ основателей, Савватія и Зосимы, во вновь устроенную для нихъ церковь; виновникъ духовнаго торжества сего, игуменъ Филиппъ, вызванъ былъ царемъ, чтобы занять престолъ митрополіи, и только

его собственныя мощи могли чрезъ многіе годы возвратиться на краткое время въ прославленную имъ обитель къ мощамъ преподобныхъ.

Святость Филиппа какъ бы отражалась и на его присныхъ ученикахъ, и самое нетлѣніе, которое его ожидало за подвигъ мученичества, даровано было нѣкоторымъ изъ нихъ за бѣдственную кончину, постигшую ихъ на трудномъ подвигѣ послушанія. Во дни настоятельства Филиппова разбило на устьѣ Двины нѣсколько ладій Соловецкихъ, плывшихъ съ известью для построенія храма; потонули четверо изъ благоговѣйныхъ иноковъ, и впослѣдствіи обрѣтены были ихъ тѣлеса, до которыхъ не прикоснулось тлѣніе и на днѣ пучины. Іона и Вассіанъ прославились въ Пертоминской пустынѣ, что̀ на Унскихъ Рогахъ, а два другихъ еще не постриженныхъ послушника, Іоаннъ и Лонгинъ, положены были на поморіи въ церкви села Яренскаго; они доселѣ ожидаютъ перенесенія въ родную свою обитель, которой служили при жизни и которую прославили по смерти исцѣленіями, доселѣ истекающими отъ ихъ гробницъ. Буря, ихъ потопившая на морѣ, случилась въ 1661 году, а семь лѣтъ спустя должна была возстать иная, болѣе страшная буря нравственная на ихъ великаго пастыря и потопить его въ своихъ волнахъ.

Странная судьба святителя Филиппа и грознаго царя!—Любитъ и чтитъ его Іоаннъ на пустынномъ его острову, потому что въ отрочествѣ игралъ съ нимъ въ числѣ сверстниковъ своихъ дѣтей боярскихъ и потомъ не разъ видалъ его у себя въ столицѣ, уже какъ настоятеля обители Соловецкой. Онъ вызываетъ его на каѳедру святительскую, потому что нуженъ достойный преемникъ Макарію, и хочетъ онъ

видѣть праведнаго мужа во главѣ іерархіи Россійской. Уже царь избиралъ духовника своего Аѳанасія и, по скорой его кончинѣ, святителя Казанскаго Германа, но испугался его обличеній. Что же влечетъ Грознаго обращаться къ людямъ особенной святости, когда бы онъ могъ легко найти вокругъ себя человѣкоугодниковъ безпрекословныхъ?—Іоаннъ не въ мирѣ самъ съ собою; онъ чувствуетъ свою душевную немощь, которая временно обуреваетъ лучшую его природу, а между тѣмъ въ немъ еще глубоко укоренено уваженіе къ сану священному; посему ищетъ онъ праведника на каѳедру святительскую, чтобы тотъ самымъ безмолвіемъ своимъ какъ бы оправдалъ его мрачныя дѣянія, будучи самъ не укорителенъ по святой жизни. Тайное угрызеніе совѣсти заставляетъ Іоанна дѣйствовать противъ самого себя, чтобы обрѣсти для себя молитвенника противъ ея упрековъ; но когда встрѣчаетъ онъ явное себѣ прекаріе, то худшее преодолѣваетъ лучшее въ смятенной душѣ его; благое намѣреніе постепенно уступало разгарающейся страсти, доколѣ наконецъ не вспыхнуло раздуваемое со стороны пламя и не обрушилась вся сія страшная буря на главу невинной жертвы, какъ на мету всѣхъ преканій.

Такимъ представляется разрѣшеніе странныхъ отношеній Іоанна къ святителю Филиппу, начиная отъ глубокаго уваженія, которое подвигло царя вопреки желанію смиреннаго игумена возвести его на митрополію и до поруганія святителя во святынѣ храма. Даже и это страшное дѣяніе искалъ онъ оправдать предъ судомъ своей совѣсти судомъ соборнымъ, домогаясь обличить низложеннаго имъ Филиппа предъ лицемъ братіи его архіереевъ; нако-

нецъ, уже въ послѣднемъ порывѣ ярости довершилъ онъ свою жертву въ Отрочѣ монастырѣ рукою Малюты Скуратова, быть можетъ, не вѣдая и самъ о совершеніи сего злодѣянія. Вся сія мученическая повѣсть страданій Филипповыхъ принадлежитъ болѣе лѣтописи церковной, нежели Соловецкой, но и въ ней однако она отразилась. Мирная обитель, отпустившая со слезами своего игумена на престолъ іерарховъ Московскихъ, приняла, только спустя многіе годы, нетлѣнные останки бывшаго своего пастыря, чтобы опять со славою отпустить его въ соборъ Успенскій уже не на временное святительство, но для вѣчнаго утвержденія церкви Россійской на семъ четвертомъ краеугольномъ ея камнѣ вмѣстѣ со святителями: Петромъ, Алексіемъ и Іоною.

Великимъ постомъ 1566 года вызванъ былъ на святительство игуменъ Филиппъ изъ любимой своей обители, а на праздникъ Преображенія того же года ученикъ его Паисій, поставленный на его мѣсто, освящалъ церковь Спасову, имъ сооруженную, и два дня спустя торжественно перенесъ въ сѣверный ея придѣлъ мощи преподобныхъ основателей Соловецкихъ. Но чрезъ два года тотъ же ученикъ, подобно Іудѣ, сдѣлался клеветникомъ на своего учителя, ибо святителю Филиппу, носившему на себѣ образъ Христовъ въ пасеніи его стада и въ злостраданіяхъ, надлежало и въ этомъ уподобиться Христу, чтобы быть преданнымъ однимъ изъ своихъ учениковъ! Когда для неправеднаго обличенія дѣяній Филипповыхъ присланы были малодушные слѣдователи въ его обитель: Пафнутій, архіепископъ Суздальскій и Андроніева монастыря архимандритъ Ѳеодосій съ бояриномъ княземъ Темкинымъ, дьякомъ приказ-

нымъ и дѣтьми боярскими, смутили они страхомъ и лестными обѣщаніями душу робкаго Паисія и нѣкоторыхъ другихъ недостойныхъ старцевъ Соловецкихъ. Клеветники взяты были въ Москву для ложныхъ показаній, а вся благолѣпная ризница и самыя деньги, собранныя усердіемъ св. Филиппа, опечатаны; но послѣ неправеднаго осужденія святителя и мученической его кончины, гнѣвъ царскій обратился на самихъ лжесвидѣтелей; безъ сомнѣнія, тайные укоры его совѣсти свидѣтельствовали громче ихъ клеветы въ пользу гонимаго имъ праведника. Десять человѣкъ изъ числа сихъ иноковъ разосланы были по различнымъ монастырямъ и самъ предатель, игуменъ Паисій, заточенъ на пустынномъ Валаамѣ, гдѣ онъ и скончался. До смерти св. Филиппа и даже послѣ его кончины не допущенъ былъ никто изъ старцевъ Соловецкихъ къ настоятельству въ его обители; ею управляли два инока Бѣлозерскихъ изъ Кириллова монастыря.

Достойно вниманія, что въ самый годъ мученической кончины святителя Филиппа впервые начала угрожать опасность бывшей его обители отъ враговъ внѣшнихъ; въ 1570 году появились на Бѣломъ морѣ корабли Нѣмецкіе, т. е. Шведовъ, грозившіе нападеніемъ на монастырь, но опасность на сей разъ миновалась безъ всякихъ послѣдствій. Однако присланъ былъ въ томъ же году воевода царскій Семенъ Лупандинъ, чтобы учинить поискъ надъ чуждыми кораблями по Студеному морю, а строителю Варлааму съ братіею присланы отъ царя четыре мѣдныя пищали съ 400 разнаго рода оружій и 100 пудами пороха; такимъ образомъ впервые обитель мира сдѣлалась твердынею ратныхъ. До 100 человѣкъ

стрѣльцовъ подъ начальствомъ воеводы Озерова назначены для ея защиты, и она обнесена на-скоро деревяннымъ острогомъ; а четыре года спустя царь еще прислалъ 4 пищали и пороху, потому что Каянскіе Нѣмцы напали на Кемскую волость и разоряли окрестности, убивъ тамъ воеводу и многихъ стрѣльцовъ. Воевода Загряжскій набралъ стрѣльцовъ изъ монастырскихъ вотчинъ и сталъ на защиту обители, а на слѣдующій годъ до 3000 Шведовъ, напавшихъ на Кемскій острогъ, были отбиты послѣ трехдневнаго кровопролитнаго боя другимъ воеводою Аничковымъ, и два Нѣмецкихъ вождя пали въ сей битвѣ.

Въ это время, столь смутное для обители Соловецкой, начали строить близъ ея соборнаго храма помощію владыки Новгородскаго Леонида каменную церковь святителя Николая, великаго поборника православія: ибо наступала уже эпоха ратныхъ подвиговъ для тихаго пристанища преподобныхъ Савватія, Зосимы, Германа и Филиппа. Наконецъ, умилостивился царь Іоаннъ къ его обители и по смиренной просьбѣ братіи даровалъ имъ настоятеля по ихъ сердцу изъ числа учениковъ Филипповыхъ, добродѣтельнаго Іакова, который сперва вызванъ былъ управлять обителью Палеостровскою и потомъ уже возведенъ на мѣсто игумена роднаго монастыря. При немъ потекла опять царская милость Іоанна, но уже ознаменованная печальными воспоминаніями за кровь Филиппову, какъ бы за кровь Авелеву, вопіявшую отъ земли на небо. Въ 1582 году прислалъ государь 500 рублей на поминки по душѣ сына, царевича Іоанна, отъ его руки скончавшагося, и по опальныхъ Соловецкихъ, т. е. пострадавшихъ по дѣлу

святителя Филиппа 100 рублей и еще драгоцѣнный кубокъ, золотой крестъ, мѣдные часы и серебряную утварь. Потомъ два года спустя опять по душѣ царевича, котораго смерть горько тревожила его душу, еще 200 рублей съ собольимъ мѣхомъ его и ожерельемъ, и по душѣ двоюроднаго брата своего, князя Владиміра Андреевича, который вынужденъ былъ со всѣмъ семействомъ испить предъ лицемъ его отраву, и по матери его, княгинѣ инокинѣ Евфросиніи, утопленной въ Горицахъ, 200 рублей, и столько же по убіенномъ князѣ Петрѣ Щенятинѣ, и еще 1,100 рублей по опальныхъ Новгородцахъ, 753 душахъ, которыхъ, какъ сказано было въ поминальной записи, «отдѣлалъ Малюта Скуратовъ». Видно было, что уже утихла страшная буря душевной болѣзни, одержавшей Іоанна въ теченіи многихъ лѣтъ, и предъ исходомъ жизни онъ возвращался опять къ лучшимъ своимъ началамъ, съ ужасомъ озираясь на пройденное имъ жестокое поприще.

Наступило кроткое царствованіе сына его Ѳеодора, ознаменованное многими благодѣяніями Соловецкой обители. Первымъ его вкладомъ были 400 р. по душѣ родителя своего, царственнаго инока Іоны. Немедленно приказалъ онъ строить каменную крѣпость кругомъ монастыря, подверженнаго частымъ нападеніямъ отъ сосѣднихъ Шведовъ; ограда сія воздвигнута была изъ дикаго булыжника на монастырскую казну волостными крестьянами Соловецкими въ продолженіи 10 лѣтъ. Тогда же построенъ и деревянный острогъ въ Сумѣ на западномъ поморіи, и вся Сумская и Кемская волости пожалованы были обители для совершенія сихъ государственныхъ, можно сказать, построекъ. По царскому повелѣнію

воеводы наши опять ходили на Каянскихъ Нѣмцевъ и Финновъ, которые опустошали окрестныя селенія на берегу морскомъ; посему въ монастырь присланы были люди ратные, знавшіе дѣло оружейное, до 600 стрѣльцовъ, и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ до 7 пищалей, 800 ядеръ и 50 пудовъ пороха.

Первостепенные воеводы царскіе смѣнялись одинъ за другимъ для охраненія обители и наблюденія за строющеюся оградою; наконецъ она была довершена въ 1594 году съ крытымъ ходомъ кругомъ всей стѣны, съ крѣпкими бойницами, восемью высокими башнями и вратами; окружность ея занимала болѣе версты. Замѣчательно, что такое огромное строеніе совершено было не только на деньги монастырскія, но и подъ ближайшимъ надзоромъ постриженника Соловецкаго, монаха Трифона. Небольшое возвышеніе, на которомъ стоитъ обитель, морской заливъ съ запада предъ святыми вратами, гдѣ есть пристань для малыхъ судовъ, и Святое озеро, облегающее съ восточной стороны ограду, при такихъ крѣпкихъ стѣнахъ дѣлали монастырь неприступнымъ для оружія того времени; но для бо́льшей его крѣпости, дабы хранилъ Господь входы его и исходы, сооружена была надъ святыми вратами церковь во имя Благовѣщенія Богородицы. Игуменъ Іаковъ, благоговѣвшій къ памяти блаженнаго отца своего Филиппа, помышлялъ наиболѣе о томъ, какъ бы возвратить въ обитель крѣпчайшую ея твердыню, мощи святителя Филиппа, и онъ умолилъ кроткаго государя дозволить перенести нетлѣнное тѣло мученика изъ Тверскаго Отроча монастыря на Соловки. Такимъ образомъ въ 1591 году, двадцать лѣтъ спустя послѣ страдальческой своей кончины, съ торжествомъ ду-

ховнымъ возвратился святый Филиппъ на свое постриженіе въ обитель, откуда вышелъ святительствовать, и былъ положенъ подъ папертію церкви Преподобныхъ.

Смиренный подражатель иноческаго его житія, подобно ему, ревновалъ о пустынѣ, и, когда начала строиться каменная церковь святителя Николая въ оградѣ монастырской, перенесъ старую, деревянную церковь чудотворца на пустынный островъ Анзерскій, который отдѣленъ морскимъ протокомъ на 5 верстъ отъ Соловецкаго; такъ положилъ начало уединенному Анзерскому скиту, который въ свое время процвѣлъ подвижниками при строителѣ, преподобномъ Елеазарѣ, и далъ у себя мирное убѣжище великому мужу Церкви патріарху Никону, когда искалъ онъ безмолвія иноческаго въ началѣ своего поприща.

Послѣ 12-ти лѣтняго управленія мѣсто Іакова заступилъ другой великій подвижникъ, также изъ пострижниковъ Соловецкихъ, Исидоръ, бывшій архимандритъ Ипатіевскаго монастыря, которому суждено было прославиться защитою Новгорода противъ Шведовъ уже въ санѣ архіепископа на каѳедрѣ Софійской. Но хотя не болѣе семи лѣтъ продолжалось его настоятельство, многое онъ сдѣлалъ для обители и впослѣдствіи не переставалъ посылать въ нее щедрую милостыню изъ Великаго Новгорода. Исидоръ довершилъ церковь Благовѣщенія надъ святыми вратами, соединилъ каменными переходами теплый соборъ Успенскій съ холоднымъ Преображенія и церковью святителя Николая, и подлѣ нея соорудилъ двухъ-ярусную палату для ризницы и оружейной. При немъ и царь Борисъ Годуновъ жало-

валъ много вкладовъ въ монастырь, слилъ колоколъ въ 700 пудовъ, который носитъ его имя, и прислалъ до 2,000 рублей въ поминовеніе по царѣ Ѳеодорѣ.

Въ смутныя времена самозванцевъ, наступившія для Россіи, Соловецкой обители суждено было производить сподвижниковъ для защиты отечества; изъ нея вышелъ Аврамій Палицынъ въ келари Троицкіе, спасшій не одну лавру, но и столицу и всю землю Русскую, какъ и бывшій игуменъ Исидоръ сталъ крѣпко противъ шведа Делагардія на кремлѣ Софійскомъ и пострадалъ вмѣстѣ съ своею паствою. Мѣсто его заступилъ въ обители мужъ доблестный, Антоній, который отразилъ всѣ нападенія Шведовъ отъ поморскихъ ея остроговъ въ теченіе семилѣтняго своего правленія до столь памятнаго въ лѣтописяхъ нашихъ 1612 года. Шведскій намѣстникъ и воевода Бемъ послалъ сказать игумену Антонію, что по прошенію царя Василія Іоанновича Шуйскаго отправлено противъ Поляковъ вспомогательное войско отъ Шведовъ и, будто бы смущаясь недоброжелательствомъ нѣкоторыхъ бояръ къ слабому царю, спрашивалъ игумена: «кого признаетъ онъ царемъ и хочетъ ли себѣ помощи отъ королевича Шведскаго?» — Но доблестный инокъ отвергъ всѣ предложенія враговъ и послалъ изъ своей обители въ Новгородъ 2,000 рублей славному воеводѣ, князю Михаилу Скопину-Шуйскому, и самому царю болѣе 3,000 рублей въ залогъ своей вѣрности. Два года спустя, уже во время междуцарствія, когда опять былъ запросъ отъ короля Шведскаго Карла IX игумену Антонію: «хочетъ ли онъ признать королевича царемъ Московскимъ?» мужественно отвѣчалъ онъ: «что согласно со всѣми государственными чинами и со всею зем-

лею Русскою не хочетъ никого признавать изъ иновѣрцевъ царемъ, кромѣ какъ изъ своихъ природныхъ православныхъ бояръ».

Тогда ополченіе Шведское появилось на поморіи съ намѣреніемъ разорить монастырь и переѣхало на острова Кузовы, отстоящіе только за 30 верстъ отъ Соловокъ; обители угрожала крайняя опасность, но ее оградили на сей разъ, какъ и на предбудущіе, молитвы ея чудотворцевъ. По просьбѣ игумена, который былъ не только распорядителемъ, но, можно сказать воеводою всего сѣвернаго поморія, присланы были изъ Москвы люди ратные съ вождемъ Лихаревымъ. Они ходили изъ Сумскаго острога противъ Шведовъ и требовали отъ нихъ прекращенія военныхъ дѣйствій по случаю перемирія; но Шведы съ своей стороны начали требовать у игумена Антонія сдачи Сумскаго острога, будто бы имъ уступленнаго по договору съ царемъ Василіемъ. Антоній мужественно отказалъ имъ и удержалъ за собою все поморіе. И въ послѣдующіе годы опасность не переставала угрожать обители уже не отъ Шведовъ, но отъ собственныхъ измѣнниковъ, Литовскихъ людей и Черкасскихъ, которые, пользуясь внутреннимъ неустройствомъ Россіи, грабили поморіе и окрестныя волости; но монастырскія дружины отбивали всѣ ихъ нападенія на остроги.

При настоятельствѣ Антонія въ число братства Соловецкаго поступилъ знаменитый, хотя и невольный инокъ, Симеонъ Бекбулатовичъ, бывшій нѣкогда Эдигеръ, царь Казанскій, честимый Іоанномъ Грознымъ, который далъ ему титулъ великаго князя Тверскаго и всюду бралъ его съ собою въ походы; страшный Годунову по своему царственному сану,

онъ, наконецъ, постриженъ былъ неволею Лжедимитріемъ и сосланъ въ заточеніе на Соловки за то, что обличалъ его самозванство и увѣщевалъ народъ чуждаться обычаевъ латинскихъ. Странное игралище превратности судьбы!—уже ослѣпшій царь инокъ, Стефанъ, просилъ о переводѣ его изъ обители Соловецкой въ Кирилловъ и, по приговору князя Димитрія Пожарскаго, освободителя Россіи, и прочихъ бояръ, переведенъ былъ на Бѣлоозеро. Сколько назидательныхъ думъ можетъ возникнуть въ сердцѣ, если прослѣдить всю его многомятежную жизнь отъ престола Казанскаго до келліи Бѣлозерской! Не утѣшительно ли видѣть въ бывшемъ царѣ магометанинѣ ревностнаго защитника православія и обличителя латинству, готоваго жертвовать жизнію за Русь и за Церковь, который послѣ такого свидѣтельства истины смиренно умираетъ въ келліи иноческой, хотя бы могъ опять проситься въ міръ.

Опять великій мужъ Церкви и отечества наслѣдовалъ Антонію, игуменъ Иринархъ, который впослѣдствіи даже причтенъ былъ къ лику преподобныхъ Соловецкихъ, какъ и самъ прославилъ память преподобнаго Германа, одного изъ трехъ основателей обители, когда при созиданіи храма обрѣлъ его нетлѣнныя мощи. Десять лѣтъ управлялъ Иринархъ, и съ нимъ заключили наконецъ перемиріе воеводы Шведскіе города Каяна въ 1614 году, видя, какъ безуспѣшны всѣ ихъ покушенія противъ сѣвернаго края; а юный царь Михаилъ, ради великихъ пожертвованій Соловецкой обители во все продолженіе отечественной войны, пожаловалъ ей всю волость Корельскую съ подворіемъ въ Москвѣ и украсилъ среброкованными досками раки чудотворцевъ. Ири-

нархъ исправилъ ветхости въ оградѣ, соорудилъ двѣ новыя башни и многія зданія монастырскихъ службъ, которыя сдѣлались уже необходимыми по государственному значенію твердыни Соловецкой; онъ оставилъ по себѣ незабвенную память своихъ добродѣтелей въ обители, которая впослѣдствіи начала прибѣгать къ его заступленію и молитвамъ.

Принархъ успокоилъ у себя подъ сѣнію преподобныхъ и послѣдніе годы жизни знаменитаго келаря Аврамія Палицына, возвратившагося на свое обѣщаніе послѣ славныхъ своихъ дѣяній для освобожденія отечества; онъ прожилъ еще семь лѣтъ въ Соловецкомъ монастырѣ. Глаголомъ устъ своихъ, какъ мечемъ духовнымъ, поражалъ Аврамій измѣнниковъ при изгнаніи враговъ изъ столицы, и достойно вниманія, что тамъ же, гдѣ успокоился сей духовный спасительный для Россіи мечъ, хранятся и два вещественные меча ея освободителей, Скопина-Шуйскаго и князя Димитрія Пожарскаго: оба витязя завѣщали ихъ древней обители, которая въ ихъ время служила оплотомъ всему Сѣверу, и оба меча доселѣ соблюдаются съ благоговѣніемъ въ ризницѣ монастырской. Аврамій скончался въ 1627 году вслѣдъ за Иринархомъ при его преемникѣ Макаріѣ.

Рафаилъ изъ архимандритовъ Астраханскихъ избранъ былъ настоятелемъ Соловецкимъ и впослѣдствіи поступилъ на каѳедру Астраханскую, дважды перейдя такимъ образомъ изъ края въ край всю неизмѣримую Россію, чтобы стоять на ея духовной стражѣ. Однако въ краткое свое управленіе обителью, по случаю новой войны съ Поляками, успѣлъ онъ пожертвовать до 14,000 рублей изъ монастыр-

ской казны, ибо въ тѣ смутныя времена великія обители наши были не только твердынею государства, но и казнохранилищемъ его и житницами. Лавра Сергіева неоднократно питала хлѣбомъ своимъ столицу и не менѣе Соловецкой давала обильное пожертвованіе денежное, отражая враговъ оружіемъ; такимъ образомъ то, что во дни благоденствія жертвовали ей благочестивые государи, съ благодарностію возвращалось ихъ царству во дни гражданскихъ тревогъ.

Изъ постриженниковъ Соловецкихъ во дни Рафаила возсѣлъ опять на первосвятительскую каѳедру пастырь, украшенный добродѣтелями Іоасафъ 1-й, который во все время своего патріаршества не оставлялъ осыпать щедрыми даяніями колыбель своего иночества. Изъ игуменовъ соловецкихъ Маркеллъ, преемникъ Рафаила, поступилъ на каѳедру Вологодскую, но душа его была неразлучна съ обителью; онъ завѣщалъ погребсти тѣло свое не съ сонмомъ братій своихъ, пастырей Вологодскихъ, а въ смиренной часовнѣ Соловецкой близъ праведнаго Германа. Семилѣтнее настоятельство Маркелла памятно для обители и тѣмъ, что въ его время пришелъ туда спасаться великій Никонъ, будущій патріархъ, еще въ санѣ іеромонаха и, какъ любитель подвижнической жизни, водворился не въ самой лаврѣ, но въ пустынномъ скиту Анзерскомъ подъ руководствомъ преподобнаго строителя Елеазара. Оттуда странствовалъ онъ вмѣстѣ съ нимъ въ престольный градъ, гдѣ былъ узнанъ и оцѣненъ благочестивымъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Послѣ трехлѣтняго подвига, рѣшившись оставить скитъ Анзерскій, бурею принесенъ былъ къ пустому острову

Кійскому, на коемъ основалъ знаменитую Крестную обитель уже во дни своего патріаршества. Избранный строителемъ Кожеозерской пустыни въ предѣлахъ Олонецкихъ, вскорѣ былъ онъ вызванъ будущимъ царемъ на архимандрію родной обители Романовыхъ, Новоспасской, и еще чрезъ три года возведенъ на первостепенную каѳедру митрополіи Новгородской. Казалось, все великое и славное Церкви Россійской какъ будто должно было проходить сквозь горнило Соловецкое.

Никонъ въ санѣ архимандрита начиналъ уже благодѣтельствовать обители, памятуя, что въ ней воспріялъ иноческій образъ. Онъ внушилъ царю, что настало время прославленія святителя, мученика Филиппа, потому что непрестанныя исцѣленія истекали отъ его гроба, и благочестивый Алексій, посовѣтовавъ съ соборомъ святительскимъ, повелѣлъ открыть гробницу праведника и перенести святыя мощи его въ храмъ Спасовъ, имъ сооруженный. Игуменъ Илія, преемникъ Маркелловъ, сподобился сего духовнаго утѣшенія и вскорѣ опять по ходатайству Никона, уже митрополита Новгородскаго, въ 1651 году возведенъ былъ на степень архимандрита съ нѣкоторыми преимуществами службы церковной, какъ то: рипидами и осѣняльными свѣчами. Не долго мощи святителя Филиппа оставались въ Спасскомъ соборѣ: сердце ревностнаго Никона, исполненное уваженія къ памяти мученика, возбуждало перенести ихъ на самое мѣсто его пастырскаго подвига, какъ бы по тайному предчувствію, что ему самому предстояло пострадать на той же каѳедрѣ. Онъ убѣдилъ къ тому царя и патріарха Іосифа и самъ подвигся въ дальнюю обитель Соловецкую за сокровищемъ мощей

Филипповыхъ: буря принесла его нѣкогда къ острову Кійскому; буря опять разбила отчасти суда его на Бѣломъ морѣ, но онъ достигъ желанной пристани и самъ прочелъ пригласительную грамоту царя Алексія вслухъ Филиппу, какъ бы живому: кроткій царь въ умилительныхъ рѣчахъ умолялъ мученика забыть оскорбленіе его царственнаго предка и придти опять украсить обиліемъ своей благодати бывшій престолъ свой. Съ великимъ торжествомъ поднялъ Никонъ нетлѣнные его останки; по морю и по сушѣ и по озерамъ чрезъ всю полуночную страну церковнымъ шествіемъ прошелъ онъ въ престольный градъ и, встрѣченный царемъ предъ вратами столицы, поставилъ святителя Филиппа на бывшую его каѳедру въ Успенскомъ соборѣ. Послѣ Филиппа Никонъ оставался уже самъ первенствующимъ пастыремъ въ Церкви Россійской, ибо во время долгаго его странствія въ обитель Соловецкую скончались престарѣлый патріархъ Іосифъ и старшій по немъ изъ митрополитовъ, и праздною оставалась каѳедра святительская, ожидая Никона и Филиппа; Никонъ вступилъ на нее, убѣжденный моленіями царя и собора.

Малая только частица мощей святителя Филиппа осталась въ упраздненной его ракѣ въ Спасскомъ соборѣ; достойно вниманія, что какъ при первомъ удаленіи Филиппа изъ обители началось смутное для нея время отъ нападеній внѣшнихъ, такъ и послѣ его вторичнаго отшествія возникли внутреннія въ ней смятенія. Четыре года спустя, послѣ перенесенія мощей, были присланы въ Соловецкій монастырь служебники, напечатанные патріархомъ Никономъ съ древнихъ вѣрнѣйшихъ списковъ греческихъ и славянскихъ; но исправленныя книги пока-

зались нововведеніемъ для нѣкоторыхъ невѣжественныхъ людей изъ числа монашествующихъ; это могло быть отчасти по ихъ личнымъ предубѣжденіямъ противъ Никона, котораго знали въ Анзерскомъ скиту и не любили за чрезвычайную его строгость къ безпорядкамъ церковнымъ; быть можетъ, онъ въ чемъ либо оказалъ ее и въ санѣ митрополита Новгородскаго, такъ какъ обитель Соловецкая зависѣла отъ сей каѳедры. Они возроптали противъ его полезныхъ для Церкви трудовъ и, вопреки увѣщанію архимандрита Иліи, безъ всякаго разсмотрѣнія присланныхъ книгъ оставили ихъ въ запечатанныхъ сундукахъ въ оружейной палатѣ. Сей дерзновенный поступокъ былъ начаткомъ того несчастнаго возмущенія, которое вспыхнуло черезъ десять лѣтъ въ обители Соловецкой болѣе между мірянами, нежели иноками, и временно помрачило ея отечественную славу.

Она не преставала однако отъ времени до времени приносить посильныя пожертвованія для блага государственнаго. По случаю Польскаго похода архимандритъ Илія послалъ заимообразно государю 13,000 рублей и выстроилъ каменный острогъ въ Кеми изъ опасенія Шведовъ, которые дѣйствительно напали, но были отбиты съ урономъ.

Преемникъ Иліи, архимандритъ Варѳоломей, послалъ еще 22,000 рублей государю въ пособіе воинское; когда же впослѣдствіи дошелъ до столицы слухъ о непослушаніи нѣкоторыхъ изъ иноковъ Соловецкихъ, настоятель былъ отозванъ въ Москву и на мѣсто его посвященъ Іосифъ изъ постриженниковъ обители. Оба они были посланы на Соловки вмѣстѣ съ бывшимъ духовникомъ царскимъ, архимандри-

томъ Никаномъ, чтобы увѣщевать непокорныхъ къ принятію исправленныхъ книгъ; но долго таившаяся искра, раздуваемая неблагонамѣренными ссыльными людьми, внезапно вспыхнула: два архимандрита принуждены были удалиться, отринутые обнаружившими себя раскольниками, а третій Никаноръ сталъ во главѣ ихъ вмѣстѣ съ княземъ Львовымъ, который былъ сосланъ за то, что невѣжественно искажалъ книги, когда завѣдывалъ печатнымъ дворомъ при патріархѣ Іосифѣ. Съ ними дѣйствовали за одно келарь Савватій и стрѣлецкій голова; когда же впослѣдствіи келарь обратился къ правой сторонѣ, мятежники самовольно поставили себѣ келаремъ простаго монаха Азарію, а казначеемъ Геронтія, и безразсудно отвергли всѣ милостивыя грамоты царскія и увѣщанія присылаемыхъ къ нимъ лицъ духовныхъ.

Это была горькая страница въ лѣтописи Соловецкой, но предъидущая и послѣдующая слава совершенно ее изгладили, хотя однако нельзя опустить и сего событія для послѣдовательности исторической. Девять лѣтъ продолжалось такое смутное состояніе. Стряпчій Волоховъ съ сотнею стрѣльцовъ четыре лѣта сряду являлся на Заяцкій островъ, прилежащій къ Соловецкому, надѣясь, что смирятся ослушники; но въ крѣпкихъ стѣнахъ бывшаго дотолѣ оплота Россіи на Сѣверѣ засѣли буйные казаки, остатки разсѣявшихся ватагъ самозванцевъ; они заключили старшую братію въ темницы и овладѣли имуществомъ монастырскимъ; а между тѣмъ недовольные изъ числа монашествующихъ, избѣгая ихъ мучительства, переходили понемногу къ воинамъ царскимъ; иные же, пользуясь свободою, разсѣявались кругомъ всего поморія и распространяли свой рас-

колъ подъ мнимымъ предлогомъ старообрядства: такимъ образомъ возникли различные между собою толки Поморянъ.

Стрѣлецкій голова Іевлевъ съ тысячью стрѣльцовъ былъ посланъ на смѣну малой горсти Волохова, но хотя и перенесъ онъ на зиму станъ свой на самый островъ Соловецкій, не могъ, однако, одолѣть крѣпкой твердыни, снабженной всѣмъ нужнымъ для долгой осады. Наконецъ воевода Мещериновъ принялъ начальство надъ войскомъ и приступилъ къ рѣшительной осадѣ; онъ обнесъ валомъ стѣны монастырскія и отбивалъ смѣлыя вылазки, не унывая духомъ послѣ неудачныхъ приступовъ и не оставляя осады даже и въ зимнее время. Въ январѣ 1676 года бѣжавшій изъ монастыря монахъ Ѳеофилъ раскрылъ воеводѣ бѣдственное положеніе своихъ собратій, томившихся въ неволѣ, и буйство казаковъ; онъ указалъ на тайный проходъ подъ бѣлою башнею со стороны кладбища, откуда монастырь могъ быть взятъ безъ кровопролитія. Послѣ бурной зимней ночи, когда мятежники безпечно отдыхали на зарѣ, утомленные непогодою, царскіе стрѣльцы ворвались въ монастырь чрезъ тайный проходъ и поразили всѣхъ, которые дерзнули противиться имъ съ оружіемъ въ рукахъ; многіе пали въ сѣчѣ, другіе казнены за мятежъ или разосланы по дальнимъ острогамъ. Вѣрные иноки, вышедшіе изъ темницъ, и тѣ, которые увлечены были по малодушію, получили прощеніе по милости кроткаго царя; опять просіяла обитель древнимъ своимъ благочестіемъ.

Изъ различныхъ монастырей переведены были иноки въ Соловецкій; архимандритомъ же назначенъ изъ Тихвина Макарій; должность эклесіарха три года

исполнялъ при немъ благоговѣйный Игнатій изъ рода Римскихъ-Корсаковыхъ, бывшій впослѣдствіи митрополитомъ Тобольскимъ, который сильно обличалъ расколъ своими посланіями; они весьма для насъ драгоцѣнны, какъ свидѣтельство современное неистовыхъ дѣйствій мнимыхъ ревнителей старины. Еще въ теченіи года царская дружина изъ 300 человѣкъ подъ начальствомъ воеводы князя Волконскаго оставалась въ стѣнахъ обители до совершеннаго ея умиротворенія.

Когда Макарій отпросился въ прежній свой монастырь, бывшій келаремъ Иларіонъ заступилъ его мѣсто на пять лѣтъ и впослѣдствіи рукоположенъ въ митрополита Псковскаго, потому что Соловецкая обитель не переставала давать своихъ иноковъ на первостепенныя каѳедры. При его настоятельствѣ приписана была къ обители пустынь Зосимо-Савватіевская въ Архангельскихъ предѣлахъ, и открыта новая епархія Холмогорская для охраненія поморія сѣвернаго отъ раскола: такимъ образомъ Соловецкій монастырь поступилъ изъ подъ вѣдѣнія митрополитовъ Новгородскихъ къ архіепископамъ Холмогорскимъ; первый изъ нихъ Аѳанасій, знаменитый защитникъ православія на соборѣ Московскомъ, посѣтилъ обитель, чтобы поклониться мощамъ преподобныхъ ея основателей.

Новый архимандритъ Фирсъ изъ казначеевъ Соловецкихъ удостоился чести быть посвященнымъ въ санъ сей патріархомъ Іоакимомъ и дважды имѣлъ счастіе принимать въ стѣнахъ своихъ державнаго посѣтителя, Великаго Петра. Въ первый разъ Государь прибылъ на яхтѣ изъ Архангельска въ 1694 году іюня 7-го вмѣстѣ съ архіепископомъ

Аѳанасіемъ и немногими боярами и во время трехдневнаго пребыванія осыпалъ царскими щедротами обитель. Еще прежде возвращены были ей, по указамъ обоихъ царей Іоанна и Петра, 40,000 рублей, заимообразно взятые изъ нея родителемъ ихъ на военныя издержки; тогда же пожертвовалъ Государь болѣе 1000 рублей на монастырь, велѣлъ выдать 3000 мѣръ ржи изъ Архангельска въ подаяніе братіи и на память своего посѣщенія поставилъ крестъ въ часовнѣ у самой пристани. По случаю сего царскаго посѣщенія патріархъ Адріанъ прислалъ съ своей стороны богатое евангеліе въ благословеніе обители, и отъ обоихъ государей было пожертвовано до 600 рублей на устроеніе новаго иконостаса въ Спасскомъ соборѣ, и приписаны еще двѣ пустыни къ монастырю: Чухломская и Маркучинская.

Въ началѣ новаго столѣтія произошло чудное знаменіе въ обители Соловецкой: сентября 6-го 1701 года, на память чуда архангела Михаила во время божественной литургіи, ударила молнія въ соборную главу Спасова храма и къ ужасу предстоявшихъ опалила мѣстами иконостасъ, сорвала съ цѣпи лампаду и выбила плиты изъ помоста; въ алтарѣ у служившаго іеромонаха Маркелла, который впослѣдствіи былъ игуменомъ, тою же молніею разорвало сапогъ и, что̀ изумительно, не повредило ему ноги; храмъ весь наполнился дымомъ, однако божественная служба не прекратилась, и вся братія съ умиленіемъ воспѣла благодарственный молебенъ за свое спасеніе. Вскорѣ получено было извѣстіе, что Шведы готовятъ нападеніе на Архангельскъ и самую обитель; но угрожавшая опасность отражена заботою великаго Государя: въ Поморскіе остроги посланы имъ ратные

люди и въ самомъ монастырѣ приняты мѣры къ защитѣ. Непріятель послѣ неудачнаго нападенія на крѣпость Новодвинскую вышелъ съ своими судами изъ Бѣлаго моря, разоривъ только нѣсколько дворовъ монастырскихъ на берегу.

На слѣдующій годъ обитель была опять утѣшена посѣщеніемъ Государя съ сыномъ его Царевичемъ, сингклитомъ и многочисленною свитою. Эскадра изъ 13-ти судовъ приплыла въ августѣ мѣсяцѣ къ Соловецкимъ островамъ и по неблагопріятнымъ вѣтрамъ остановилась на нѣсколько дней у Анзерскаго. Давно ли дѣдушка Русскаго флота уединенно плавалъ по озеру Переяславскому? И вотъ уже цѣлая флотилія военныхъ судовъ принесла великаго создателя нашего флота къ священной обители по морю Бѣлому, какъ бы для того, чтобы освятились начатки Русскаго флота благословеніемъ преподобныхъ Зосимы и Савватія. Вечеромъ 10-го августа вышелъ на берегъ Государь и встрѣченъ былъ торжественно настоятелемъ и всею братіею во святыхъ вратахъ. Прежде, нежели взойти во ограду, онъ обошелъ ее кругомъ, чтобы осмотрѣть сей крѣпкій оплотъ Сѣвернаго моря, и потомъ уже вступилъ при звукѣ колоколовъ подъ святыя врата и въ соборъ, гдѣ прикладывался къ ракамъ преподобныхъ. Тогда же осмотрѣлъ Великій Петръ ризницу и оружейную и обѣщалъ на слѣдующее утро присутствовать на божественной литургіи и за трапезою братскою; вечеръ провелъ въ келліяхъ архимандрита со всѣмъ своимъ дворомъ и поздно ночью возвратился на суда.

На другой день въ сопровожденіи царевича государь слушалъ обѣдню, которая совершалась соборно съ придворными пѣвчими, и, обойдя всѣ зда-

нія монастырскія, вкусилъ братской трапезы; на третій день сходилъ опять на берегъ, чтобы осмотрѣть монастырскіе заводы и промыслы по острову. Наканунѣ же праздника Успенія Богоматери пришелъ къ соборной всенощной вмѣстѣ съ царевичемъ, сталъ на клиросѣ между братіею и пѣлъ всю службу, а на другомъ клиросѣ пѣли царскіе пѣвчіе греческимъ напѣвомъ. Великій Петръ пожелалъ видѣть грамоты, жалованныя отъ его предковъ святой обители, особенно грамоту своего родителя о дозволеніи архимандриту служить съ осѣняльными свѣчами и въ митрѣ; самъ же, въ знакъ своей милости, дозволилъ настоятелю совершать архимандричью службу по образцу Чудоваго монастыря и мантію со скрижалями, что впослѣдствіи было утверждено царскою грамотою съ благословеніемъ мѣстоблюстителя патріаршаго, митрополита Стефана. Въ день праздника архимандритъ Фирсъ служилъ торжественно со всѣми дарованными ему преимуществами въ присутствіи царя и сингклита, и опять благочестивый государь пѣлъ съ братіею на клиросѣ. Въ послѣдующіе дни своего пребыванія неоднократно сходилъ онъ съ корабля и, посѣтивъ сосѣдній Заяцкій островъ, повелѣлъ соорудить на немъ деревянную церковь во имя просвѣтителя Россіи апостола Андрея Первозваннаго, подъ чьимъ флагомъ впервые вышелъ въ море его малый флотъ.

Болѣе сорока человѣкъ первостепенныхъ бояръ составляли дворъ царя и царевича съ придворнымъ духовенствомъ и до 4,000 человѣкъ ратныхъ всякаго оружія сопровождали его на судахъ въ сіе замѣчательное плаваніе, которое было едва ли не первымъ морскимъ походомъ, предпринятымъ на своихъ во-

дахъ и судахъ. Вечеромъ въ день праздника повѣялъ попутный вѣтръ для обратнаго плаванія, и государь со всею свитою переѣхалъ на корабли: съ разсвѣтомъ отплыла царская флотилія къ одной изъ пристаней Соловецкихъ на ближайшемъ берегу. Усердный архимандритъ, взявъ съ собою келаря и нѣсколько человѣкъ братіи на монастырскомъ суднѣ, поспѣшилъ вслѣдъ за державнымъ гостемъ благодарить за милостивое посѣщеніе обители и поднесъ ему икону преподобныхъ съ обильными запасами пищи. Благосклонно принялъ великій Петръ усердное сіе приношеніе и, наградивъ настоятеля и братію, велѣлъ отпустить имъ изъ Архангельска 200 пудовъ пороха въ обитель на случай опасности. Такъ совершилось сіе замѣчательное путешествіе великаго преобразователя Россіи на пустынные острова Бѣлаго моря, пріобрѣтенные ей иноческими подвигами Савватія и Зосимы.

Государь, отпустивъ корабли свои въ Архангельскъ, самъ отправился сухимъ путемъ по мхамъ и болотамъ Олонецкимъ, пролагая себѣ стезю въ мѣстахъ, дотолѣ непроходимыхъ; онъ тянулъ вслѣдъ за собою по брусьямъ двѣ яхты на разстояніи 160 верстъ до Повѣнецкой пристани Онежскаго озера и оттолѣ рѣкою Свирью приплылъ въ озеро Ладожское. Въ ту же осень взялъ онъ приступомъ крѣпость Шлиссельбургскую на истокахъ Невы: такъ неутомимо дѣйствовалъ Великій! Въ 1714 году вызванъ былъ уже въ новую его столицу архимандритъ Фирсъ для договора о поставкѣ въ казну соли, вываріваемой въ монастырскихъ варницахъ, и три года спустя тамъ скончался послѣ тридцатилѣтняго славнаго управленія обителью, которую привелъ въ цвѣ-

тущее состояніе. Тѣло его, по ходатайству вдовствующей царицы Параскевы Ѳеодоровны, перенесено было въ Соловецкій монастырь и погребено близь паперти соборной.

Варсонофій изъ пострижниковъ обители, который былъ уже въ числѣ братства новой лавры Невской, посвященъ на его мѣсто въ архимандрита мѣстолюбителемъ патріаршимъ Стефаномъ, и государь, памятуя заслуги его предмѣстника, утвердилъ за нимъ всѣ привиллегіи, данныя Фирсу. Варсонофій былъ почтенъ даже впослѣдствіи званіемъ члена Святѣйшаго Синода и послѣ двадцатилѣтняго настоятельства рукоположенъ въ архіепископа Архангельскаго, гдѣ еще двадцать лѣтъ благоговѣйно воссѣдалъ на каѳедрѣ. Императрица Анна, оцѣнившая его заслуги, пожаловала при немъ до 1000 рублей вклада въ обитель вмѣстѣ съ богатою утварью, и самъ онъ много для нея жертвовалъ въ санѣ святительскомъ. Геннадій изъ дворянъ Малороссійскихъ заступилъ его мѣсто и по мѣрѣ силъ своихъ украсилъ всѣ храмы Соловецкіе; онъ воздвигъ и двѣ новыя часовни надъ гробами Германа и Иринарха.

Послѣ двадцатилѣтняго управленія обителью Геннадій былъ уволенъ указомъ Святѣйшаго Синода, и архимандритъ Галицкаго Аврааміева монастыря Досиѳей заступилъ его мѣсто на 15 лѣтъ. При немъ произошли окончательныя перемѣны въ іерархическомъ и внутреннемъ быту обители Соловецкой. Въ 1764 году причислены были всѣ волости монастырскія, болѣе 5000 душъ, ко вновь учрежденной коллегіи экономій и при этомъ случаѣ обитель сія, столько разъ жертвовавшая отечеству денежными вкладами въ смутныя его эпохи, внесла еще 35 т.

рублей послѣдняго своего пожертвованія. Между тѣмъ въ вѣдомствѣ монастыря оставлены ратные люди, равно какъ и въ обоихъ острогахъ, Сумскомъ и Кемскомъ, и самая обитель признана ставропигіальною, независимою отъ архіепископовъ Архангельскихъ, съ подтвержденіемъ отъ Святѣйшаго Синода настоятелямъ ея всѣхъ преимуществъ архимандритскаго служенія. Такія измѣненія во внутреннемъ быту и въ самыхъ доходахъ не помѣшали однако ревностному архимандриту многое сдѣлать для своей обители: онъ воздвигъ новую высокую колокольню, слилъ колокола въ 300, 500 и 1000 пудовъ и устроилъ великолѣпный ковчегъ на престолъ Преображенскаго собора и среброкованные образа преподобныхъ надъ ихъ раками; даже нѣсколько мореходныхъ судовъ соорудилъ для свободнаго плаванія между острововъ; при немъ и Анзерскій скитъ былъ окончательно приписанъ къ Соловецкой обители. Къ счастію, во время столь существенныхъ для нея перемѣнъ избирались изъ среды ея братіи опытные настоятели, управлявшіе довольно долго, чтобы поддержать внутреннее ея благосостояніе. Такимъ образомъ мѣсто благонамѣреннаго Досиѳея заступилъ казначей его Іеронимъ и почти до исхода столѣтія стоялъ во главѣ обители, тщательно вникая во всѣ ея нужды и обновляя все обветшавшее. По его представленію умножены средства для поддержанія мореходныхъ судовъ и ему подчинили воинскую команду въ монастырѣ, потому что опасность непрестанно угрожала со стороны Шведовъ. Въ 1790 году прислали даже опытныхъ инженеровъ для осмотра укрѣпленій Соловецкихъ, и ими устроены три батареи внѣ ограды; но на сей разъ безъ боя миновалась опасность, а

мѣстомъ, указаннымъ для батарей, воспользовались въ нынѣшнюю осаду.

При архимандритѣ Іонѣ сооружена вновь каменная церковь святителя Филиппа на мѣсто обветшавшей, рядомъ съ соборомъ Спасскимъ, и благолѣпно украшены среброкованными ризами мѣстныя иконы во всѣхъ храмахъ. Имъ же устроены новыя братскія келліи и пространная гавань на случай зимнихъ непогодъ, гдѣ бы могли безопасно стоять суда съ южной стороны монастыря: такова была заботливость сего ревностнаго настоятеля. Между тѣмъ, по случаю впервые угрожавшаго нападенія отъ Англичанъ весною въ 1801 году, прибыли гребныя суда изъ Архангельска съ двумя гренадерскими баталіонами, съ пушками и воинскими снарядами, подъ начальствомъ генерала Докторова. Туча сія, грозившая обители, въ то время миновалась безъ грома; она должна была разрѣшиться надъ нею полвѣка спустя, чтобы осіять ее новою славою. Въ 1814 году, при возстановленіи всеобщаго мира, выведена была изъ Соловецкой крѣпости въ Новодвинскую артиллерійская команда со всѣми годными орудіями и снарядами; въ то же время разосланы по различнымъ приморскимъ укрѣпленіямъ почти всѣ орудія, жалованныя монастырю отъ прежнихъ государей.

Въ тяжкую годину отечественной войны 1812 г. Соловецкіе иноки, хотя и не участвовали лично въ подвигахъ воинскихъ, однако жертвовали отъ себя, какъ и въ прежнія времена, посильнаго подаянія до 5,000 рублей чрезъ архимандрита своего Иларіона, и нѣсколько лѣтъ спустя при бѣдственномъ опустошеніи Греціи архимандритъ Макарій жертвовалъ не только деньги, но и жемчугъ и утварь для иску-

пленія бѣдствующихъ единовѣрцевъ изъ варварскаго плѣна Турецкаго.

Десятилѣтнее управленіе втораго архимандрита Досиѳея съ 1826 года было полезно для вещественнаго блага монастыря, потому что онъ особенно занялся хозяйственною его частію, обновилъ ризницу, устроилъ два мореходныя судна и соединилъ каменными мостами чрезъ морскіе заливы два ближайшихъ острова къ Соловецкому на разстояніи 120 саженъ для скотнаго двора и огородовъ. Имъ укрѣплены также двѣ угловыя башни и два прилегающія озера къ обители соединены каналомъ длиною въ двѣ версты. Онъ исходатайствовалъ и умноженіе числа монашествующихъ, которое сдѣлалось необходимо для распространяющейся обители; но лучшею его памятью остался на Анзерскомъ островѣ Распятскій Скитъ, который былъ имъ совершенно обновленъ. Скитъ сей основанъ посреди острова на уединенной горѣ, называемой Голгоѳою, въ началѣ минувшаго столѣтія схимникомъ Іисусомъ, который былъ долгое время духовникомъ царскаго семейства и пожелалъ безмолствовать на этой уединенной горѣ, служившей искони пристанищемъ для отшельниковъ. Онъ оставилъ для сего настоятельство Анзерскаго скита и устроилъ на горѣ деревянную церковь въ память Распятія Господня, но не успѣлъ возвести каменнаго зданія и преставился на мѣстѣ своего подвига въ глубокой старости. Церковь, имъ сооруженная, пришла въ совершенную ветхость, и на ея мѣсто архимандритъ Досиѳей соорудилъ великолѣпную каменную церковь съ колокольнею, трапезою и келліями и вершину горы устлалъ плитами; а бывшую деревянную церковь перенесъ подъ гору, на то

мѣсто, гдѣ преподобному схимнику Іисусу было видѣніе Матери Божіей съ преподобнымъ Елеазаромъ, первоначальникомъ Анзерскаго скита.

Еще одно царственное посѣщеніе утѣшило обитель 140 лѣтъ послѣ вторичнаго похода великаго Петра; 15-го іюня 1844 года Великій Князь Константинъ Николаевичъ приплылъ къ Соловецкому острову на военной шкунѣ «Полярная звѣзда», которая именемъ своимъ соотвѣтствовала сей царственной звѣздѣ, возсіявшей на родномъ Сѣверѣ. Настоятель Димитрій соборно встрѣтилъ во святыхъ вратахъ дорогаго гостя, который слушалъ литургію въ церкви преподобныхъ, благоговѣйно поклонялся ихъ священнымъ ракамъ и, подобно великому своему предку, раздѣлилъ братскую трапезу. На другой день посѣтилъ онъ и два уединенные скита Анзерскаго острова, Троицкій и Распятскій и, возвратясь въ обитель, отплылъ обратно въ Архангельскъ. Въ память его посѣщенія сооружена каменная часовня на берегу и въ ней поставленъ большой деревянный крестъ, на которомъ онъ собственноручно означилъ имя свое и годъ пріѣзда.

Окончивъ симъ радостнымъ для обители событіемъ ея историческій обзоръ, приступимъ къ описанію славной ея осады. Провидѣніе Божіе избрало на сіе время человѣка достойнаго, который возмогъ исполнить великое дѣло, ему предстоявшее, и не упасть духомъ посреди угрожавшей ему отовсюду опасности. За годъ до нашествія непріятеля назначенъ былъ въ настоятеля Соловецкіе архимандритъ Александръ изъ протоіереевъ Архангельскаго военнаго собора, послѣ многолѣтняго вдовства и различныхъ семейныхъ скорбей. Но, принимая иночество,

могъ ли онъ думать тогда, что призывается защищать наслѣдіе преподобныхъ Зосимы и Савватія отъ враговъ иновѣрныхъ?—И вотъ по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ онъ сдѣлался защитникомъ ввѣренной ему обители!

III.

ОСАДА СОЛОВЕЦКОЙ ОБИТЕЛИ.

Хотя и приняты были нѣкоторыя мѣры для защиты обители Соловецкой на случай нападенія враговъ, однако не могла бы она устоять, если бы здѣсь явно не обнаружилась сила Божія въ немощи человѣческой для того, чтобы, по слову апостольскому, «хвалящійся хвалился только о Господѣ». (I. Кор. I, 31). Такъ какъ всѣ старыя орудія, исключая только двухъ, разосланы были въ началѣ столѣтія по различнымъ крѣпостямъ, то изъ Архангельска прислали для защиты стѣнъ восемь малыхъ шестифунтовыхъ пушекъ. При нихъ считалось воинской команды только 50 человѣкъ инвалидовъ, которые находились при постоянной стражѣ арестантовъ съ пятью артиллеристами, и, къ довершенію беззащитности, начальникъ сей малой горсти ратныхъ умеръ предъ самымъ приходомъ непріятеля: съ такими средствами обороны ожидали нападенія!

Но ревностный настоятель заблаговременно началъ возбуждать духъ малаго своего стада къ мужественной защитѣ и прибѣгнулъ къ средствамъ духовнымъ. Кромѣ положенныхъ ежедневно каноновъ и акаѳистовъ, онъ началъ еще совершать по воскреснымъ днямъ за всенощною во всѣхъ храмахъ ака-

ѳистъ сладчайшему Іисусу, а по субботамъ за утренею также акаѳистъ Матери Божіей; самъ онъ читалъ ихъ въ церкви преподобныхъ у священной ихъ раки предъ чудотворною иконою Пречистой Дѣвы, въ давнія времена принесенною изъ Греціи, и много иныхъ пѣснопѣній учредилъ во славу Заступницы небесной, прежде побѣды дѣлая уже побѣдителями, уповающихъ на помощь свыше. За три мѣсяца до осады, 25-го апрѣля 1854 г., по случаю отправленія драгоцѣнностей церковныхъ внутрь Россіи для безопасности, архимандритъ послѣ соборной литургіи въ храмѣ преподобныхъ увѣщевалъ братію не унывать, что непріятель готовится проникнуть въ наше Бѣлое море, но вооружиться противъ него молитвою и постомъ и тутъ же заповѣдалъ со всею строгостію поститься три пятка трехъ послѣдующихъ недѣль. «Знайте, сказалъ онъ малочисленной братіи, отправлявшейся вмѣстѣ съ утварью, что гдѣ бы вы ни были, на морѣ или на сушѣ, когда придетъ пятокъ, мы всѣ здѣсь въ обители, каждый по своей силѣ, молимся и постимся; вы тоже дѣлайте, и васъ Господь помилуетъ и сохранитъ достояніе угодниковъ, съ вами отправляемое, неприкосновеннымъ, и если вы сохраните сію мою заповѣдь, то возвратитесь опять въ свою обитель въ цѣломъ здравіи при спасеніи всего, что съ вами было.»

Однако съ приближеніемъ опасности смущенная братія начала упадать духомъ, какъ будто оставлена была на жертву врагамъ, которые уже плавали по Бѣлому морю; страхъ сей доходилъ до слуха настоятеля. За десять дней до нашествія Англичанъ, отслуживъ соборно воскресную литургію, онъ произнесъ опять краткое слово для одушевленія братіи,

внушая ей «не скорбѣть о томъ, что мала, повидимому, защита къ предстоявшей оборонѣ отъ сильнаго врага, но твердо уповать на Господа и пречистую Его Матерь и преподобныхъ основателей Зосиму и Савватія; ибо самъ Господь заступленіемъ ихъ покажетъ такое чудо надъ обителью, какого дотолѣ тамъ не видали». Умилившаяся братія нѣсколько успокоилась, возвергла печаль свою на Господа и на предстательство Его угодниковъ, и Господь не посрамилъ ихъ упованія.

Между тѣмъ, такъ какъ уже не было никакого сомнѣнія о намѣреніи Англичанъ подступить съ вооруженными судами къ обители Соловецкой, настоятель при слабыхъ своихъ вещественныхъ средствахъ приготовлялся, какъ только могъ, встрѣтить его съ мужествомъ, подобающимъ православному и Русскому. Чтобы поддержать духъ въ народѣ, онъ велѣлъ продолжать начатыя работы монастырскія и смолить всѣ крыши; съ его благословенія ежедневно производились обычныя послушанія, какъ будто не предстояло никакой опасности, такъ что многіе его осуждали за такое мнимое равнодушіе; но когда впослѣдствіи увидѣли, что не могли легко загараться отъ непріятельскихъ бомбъ еще не просохшія крыши, оправдали предусмотрительность его распоряженій. На случай пожара расположилъ онъ по стѣнѣ достаточно воды и мокрыхъ войлоковъ и приготовилъ въ погребахъ, сколько могъ, воинскихъ снарядовъ (не болѣе однако считалось 500 ядеръ и 20 пудовъ пороха); изъ оружейной палаты явилось опять оружіе давно минувшихъ дней на случай рукопашнаго боя, потому что всѣ хотѣли скорѣе умереть, нежели сдаться.

Это были мало извѣстныя нынѣ копья, бердыши, сѣкиры и нѣсколько совсѣмъ уже негодныхъ ружей, которыя были сложены въ арсеналъ еще отъ времени Царей Московскихъ: Ѳеодора Іоанновича, Михаила Ѳеодоровича, Алексія Михаиловича, и покрылись вѣковою ржавчиною. Такъ нѣкогда для защиты Соломонова храма во дни нечестивой Гоѳоліи благоговѣйный первосвященникъ Іоадай вынесъ изъ хранилища древнее оружіе царя Давида, употребленное имъ противъ Филистимлянъ, и роздалъ оное Левитамъ. И здѣсь настоятель вооружилъ всѣхъ, которые только могли носить оружіе, сими древними залогами прежней силы обители Соловецкой. Не одни возрастные взялись за оружіе: самыя дѣти, присылаемыя родителями по обѣщанію на богомолье, бросились на древніе мечи и копья и немедленно начали свои военныя дѣйствія на дворѣ монастырскомъ, какъ будто наступая на самаго непріятеля. Кто могъ равнодушно смотрѣть на этихъ малютокъ героевъ, столь безтрепетно ожидавшихъ врага, когда и у взрослыхъ невольно сжималось сердце! Двухдневная осада не могла поколебать сего младенческаго мужества: они играли бомбами какъ шарами.

За два дня до осады архимандритъ еще однажды одушевилъ братію словомъ упованія и вѣры: «что скорбите, братія, будто мы забыты, и нѣтъ у насъ войска? Нѣтъ, не забыты мы, а это Божій о насъ промыслъ; если отразимъ войскомъ, то войску и слава, а наша вѣра гдѣ? гдѣ и упованіе на Бога? Если же мы молитвою и вѣрою отразимъ непріятеля, и намъ Господь поможетъ, то будетъ Богу хвала, обители же вѣчная слава, что безъ войска отразили сопостата!» Слово его оправдалось.

И вотъ наконецъ 6 іюля, въ 8-мъ часу утра, бдительные стражи увидѣли съ башни монастырской два непріятельскія вооруженныя судна, которыя вышли изъ за Бѣлужьяго мыса, и, подойдя на 10 верстъ къ монастырю, остановились на якорѣ; по высотѣ мачтъ и трубъ видно было, что это два трехмачтовыхъ фрегата-парохода. Опасность была неминуема; настоятель прежде всего прибѣгнулъ къ духовной защитѣ: немедленно наложилъ онъ трехдневный постъ, отслужилъ молебенъ Божіей Матери и преподобнымъ, и сдѣлалъ крестный ходъ вокругъ всего монастыря по стѣнѣ съ чудотворными иконами; самъ же для большаго смиренія безъ облаченія и митры. Потомъ сказалъ должное увѣщаніе нижнимъ чинамъ и всѣмъ, которые пришли въ монастырь для богомолья, внушая имъ «стать храбро за святую обитель, и что каждый получитъ награду отъ Бога и отъ Царя.»

Дабы умножить способы къ защитѣ, пошелъ онъ въ арестанскія палаты, гдѣ содержались ссылаемые въ монастырь на заключеніе, и, зная личныя свойства каждаго изъ нихъ, предложилъ тѣмъ, на кого могъ надѣяться, участвовать въ защитѣ и тѣмъ загладить свою вину; такимъ образомъ, одушевивъ малое число своихъ ратниковъ къ защитѣ, самъ предался на волю Божію. Слабая надежда блеснула на краткую минуту: непріятельскія суда, простоявъ около 5 часовъ на якорѣ, снялись и поплыли при сильномъ попутномъ вѣтрѣ, какъ будто къ югу, по направленію Кеми; но опытный настоятель не повѣрилъ этой надеждѣ. Не теряя времени, рѣшился онъ воспользоваться послѣдними минутами до нападенія и вмѣстѣ съ тѣмъ, кто завѣдывалъ инвалидною

командою, прапорщикомъ Никоновичемъ, поѣхалъ осматривать мѣста, гдѣ можно было укрѣпить берегъ; они взяли съ собою нѣсколько охотниковъ изъ нижнихъ чиновъ и два трехъ-фунтовыя орудія; богомольцамъ и послушникамъ велѣно было разсыпаться по острову и за лѣсомъ слѣдить непріятеля. За два дня передъ тѣмъ была уже устроена батарея на берегу, на которую поставили двѣ пушки; остальныя восемь расположили по стѣнамъ и башнямъ; но защитники Соловецкіе хотѣли еще сверхъ того поставить на островѣ вооруженные пикеты и въ теченіе четырехъ часовъ ѣздили, и ходили по берегу, отыскивая удобныя мѣста. Во время сихъ разъѣздовъ внезапно увидѣли, что оба Англійскіе парохода, тѣ самые, которые, казалось, удалились въ море, подходятъ опять къ острову уже съ юга прямо по направленію монастыря.

При видѣ судовъ архимандритъ и начальникъ военной команды поспѣшили возвратиться для защиты монастыря; а фейерверкеръ артиллерійскій съ двумя унтеръ-офицерами, десятью рядовыми и частію охотниковъ, коимъ были выданы ружья изъ стараго арсенала, остались при орудіяхъ на батареѣ въ такомъ положеніи, что ихъ не было замѣтно. Одно непріятельское судно остановилось противъ самой батареи въ монастырскомъ заливѣ, не подозрѣвая оной, а другое бросило якорь въ нѣкоторомъ разстояніи; тогда уже ясно стало видно, какой величины были трехмачтовые сіи пароходы, вооруженный каждый 60-ю орудіями съ Архимедовымъ винтомъ: имена ихъ Брискъ и Миранда, и они сохранятся въ лѣтописи монастырской. Едва только успѣлъ возвратиться настоятель къ святымъ воротамъ, откуда были видны

мачты фрегатовъ изъ за лѣса, какъ вдругъ первое непріятельское ядро со свистомъ пролетѣло мимо ногъ его и, никого не тронувъ, ударилось въ самыя врата. Затрепетали стоявшіе по близости и бросились запирать ихъ. «Что вы это», вскричалъ о. Александръ, болѣе изумленный страхомъ своихъ, нежели вражескимъ ударомъ, «еще непріятель далеко. а вы уже смѣшались! Посмотрите, сколько народа внѣ монастыря: если вы запретесь, то какъ они спасутся»? Мужество его ободрило оробѣвшихъ и дало благопріятный оборотъ всему дѣлу. По третьему выстрѣлу непріятелей отвѣчали имъ изъ двухъ орудій нашей батареи и такъ удачно, что отъ нѣсколькихъ выстрѣловъ сдѣлано поврежденіе въ ближайшемъ суднѣ и раненъ притомъ одинъ англичанинъ; пустивши около 30 ядеръ, удалилось оно къ другому фрегату и тутъ же въ глазахъ нашихъ начало производить починку, расположившись для ночлега за кладбищенскимъ мысомъ, не болѣе какъ въ саженяхъ десяти отъ берега.

Когда прекратилась пальба, увѣдомили настоятеля о счастливомъ выстрѣлѣ и о томъ, что воины наши, оставя батарею, перешли далѣе на оконечность мыса, гдѣ самою природою образовано мѣсто, имѣвшее всѣ удобства батареи; они отстояли его на слѣдующій день съ неимовѣрною храбростію. Архимандритъ, не смотря на свои старческіе годы и на усталость четырехъ-часоваго странствія по острову, сѣлъ опять на лошадь и поспѣшилъ на оконечность мыса. Не думалъ онъ объ опасности, ибо поставлялъ общественную пользу выше собственной жизни, и, остановившись на открытомъ мѣстѣ противъ самыхъ фрегатовъ, спокойно ихъ осматривалъ, но спутники

предостерегали его крикомъ; тогда только опамятовался, увидя какой опасности добровольно подвергался. Обрадованный первымъ, хотя и слабымъ успѣхомъ, о. Александръ со слезами обнялъ и разцѣловалъ фейерверкера Друшлевскаго за его удачный выстрѣлъ; помощь Божія уже обнаруживалась въ добромъ началѣ; онъ поздравилъ и всѣхъ, находившихся на батареѣ, съ славною побѣдою и царскою наградою. Къ вечеру все утихло; такъ миновался сей первый, страшный день осады; ночь съ 6-го на 7-е число протекла въ монастырѣ спокойно, на молитвѣ и на стражѣ, ибо кто могъ предаться сну въ въ столь страшную ночь ожиданія?

Наступило 7-е число іюля, предпразднество Казанскія иконы Божіей Матери, день навсегда памятный для обители Соловецкой по тому страдальческому подвигу, который она вынесла на Сѣверѣ за землю Русскую. Богослуженіе утреннее совершалось своимъ порядкомъ въ соборной церкви Преображенія Господня, когда послѣ великаго славословія пришло отъ непріятеля надменное требованіе немедленной сдачи. Дерзкое письмо сіе на Англійскомъ языкѣ, съ искаженнымъ Русскимъ переводомъ, прислано было на гребномъ суднѣ подъ бѣлымъ флагомъ съ парохода, именуемаго Брискъ, за подписью, весьма напыщенною: «Эразмуса Омманея, капитана фрегата ея Великобританскаго Величества, главнокомандующаго «эскадрономъ» въ Бѣломъ морѣ» (какъ будто кавалеріей) и проч. и проч.

Объявляя, что монастырь принялъ на себя характеръ военной крѣпости, что 6-го числа производилась пальба на Англійскій флагъ, онъ предлагалъ въ удовлетвореніе за такую мнимую обиду четыре

строгихъ условія съ немедленнымъ ихъ исполненіемъ: комендантъ гарнизона лично долженъ былъ чрезъ три часа отдать свою шпагу, и весь гарнизонъ, безусловно, съ пушками, оружіемъ и всѣмъ прочимъ сдаться чрезъ шесть часовъ; въ случаѣ нападенія на парламентерскій флагъ бомбардированіе монастыря немедленно послѣдуетъ, равно какъ и въ случаѣ отказа исполнить предлагаемыя условія. Островъ Пези (по нашему Песій) назначенъ для общей сдачи гарнизона. На конвертѣ депеши написано было по русски слѣдующее: «по дѣламъ ея Великобританской Величества, его высокоблагородію, главному офицеру по военной части, Соловецкой.» Не подозрѣвалъ вражій вождь, что настоящій начальникъ Соловецкій вооруженъ былъ вмѣсто меча стальнаго мечемъ духовнымъ, который есть глаголъ Божій по слову апостольскому, и симъ молитвеннымъ мечемъ отразитъ онъ всю силу вражію, какъ искони привыкли иноки Соловецкіе отражать иную силу невидимыхъ враговъ!

Архимандритъ, прочитавъ грозное содержаніе присланнаго письма, ни мало не медля, отвѣчалъ за подписью: «Соловецкій монастырь,» ибо не хотѣлъ выставлять имени своего въ непріязненной перепискѣ. Рѣшительно отказалъ онъ во всѣхъ дерзновенныхъ требованіяхъ непріятелю; о бывшей же пальбѣ изъяснилъ: «что не прежде послѣдовала она со стороны обители, какъ уже послѣ трехъ ядеръ, пущенныхъ въ нее съ Англійскихъ пароходовъ безъ всякаго уваженія къ святынѣ, почему монастырь вынужденъ былъ обороняться.» Отвѣтъ сей посланъ былъ на лодкѣ съ отставнымъ чиновникомъ Соколовымъ, который находился въ монастырѣ для бого-

молья. Не ожидавшій столь мужественнаго отзыва, Омманей объявилъ: «что вслѣдъ за отказомъ начнется бомбардированіе, и монастырь будетъ совершенно разоренъ.» Не довольствуясь сею угрозою, хотѣлъ онъ употребить и Англійскую военную хитрость, которую однако легко разгадалъ Русскій здравый смыслъ. «На пароходѣ есть Русскіе плѣнные, сказалъ онъ, возьмите ихъ съ собою на берегъ.» — «А много ли ихъ?» спросилъ уполномоченный. — «Вамъ не зачѣмъ это знать,» возразилъ капитанъ. «Такъ не зачѣмъ и брать ихъ, отвѣчалъ Соколовъ; мы ничего не можемъ сдѣлать безъ дозволенія архимандрита.» Раздраженный капитанъ грозился силою ихъ высадить на берегъ, однако не рѣшился этого сдѣлать, потому что видѣлъ изъ лѣса выглядывающихъ охотниковъ съ ружьями, которые разставлены были для того, чтобы подъ предлогомъ плѣнныхъ Англичане не высадили своихъ стрѣлковъ. Омманей, раздраженный изобличеніемъ своего умысла и совершеннымъ отказомъ на всѣ его требованія, въ порывѣ ярости давалъ срока только до 8 часовъ того же утра; схвативъ шпагу свою, стучалъ онъ ею по борту, чтобы испугать нашихъ посланныхъ, и кричалъ: «безъ трехъ восемь, безъ трехъ!» Но едва только успѣли они сойти на берегъ, какъ уже Омманей задымилъ пароходы и въ три четверти 8-го часа началъ приводить въ исполненіе свою угрозу: «въ теченіи трехъ часовъ сжечь и сравнять съ землею всю обитель.» Страшная сія канонада продолжалась девять слишкомъ часовъ бомбами, гранатами, картечью, даже трехъ пудовыми каленными ядрами, и, не смотря на то, заступленіемъ угодниковъ Божіихъ обитель Соловецкая осталась цѣла.

Пока еще шли безуспѣшные переговоры, благочестивый настоятель велѣлъ совершить литургію въ трехъ храмахъ: соборномъ Преображенія, въ придѣлѣ преподобныхъ Зосимы и Савватія и въ больничной церкви святителя Филиппа. По окончаніи соборной литургіи самъ архимандритъ съ колѣнопреклоненіемъ читалъ акаѳисты Царицѣ небесной предъ Ея чудотворною иконою и преподобнымъ у ихъ священной раки. Во время сихъ вопіющихъ на небо моленій началась пальба, и бомба прошибла стѣну въ Преображенской паперти; она разорвалась съ ужаснымъ трескомъ, зажгла въ паперти иконостасъ, избила осколками потолокъ, наполнила дымомъ всю паперть и весь соборъ, и произвела столь сильное потрясеніе, что всѣ стекла грохнули, всѣ двери съ громомъ распахнулись сами собою, и многіе люди попадали на помостъ церковный; самъ настоятель пошатнулся, но устоялъ. «Стойте, стойте, не бойтесь, только молитесь», со слезами увѣщевалъ онъ всѣхъ; народъ, опамятовавшись отъ ужаса, потушилъ запаленіе, и опять съ бо́льшею горячностію потекли молитвенные вопли къ Богу.

Три странницы изъ числа семи, находившихся въ то время въ обители, оставались на молитвѣ въ соборѣ по окончаніи литургіи, когда треснула внутри его бомба, онѣ упали на помостъ церковный и, ползая на колѣняхъ, отворили боковую изъ собора дверь прямо къ ракамъ преподобныхъ. Блѣдныя, какъ призраки, внезапно явились онѣ въ дверяхъ предъ лицемъ молящагося духовенства и народа; настоятель велѣлъ ихъ поднять и поставить между богомольцевъ. Одна бомба, повидимому, едва не разрушила вѣковое, каменное зданіе собора:— вотъ до чего

простиралась опасность! но и множество бомбъ, каленыхъ ядръ и гранатъ не сожгли даже деревянной гостинницы внѣ ограды: вотъ до чего простерлось милосердіе Божіе!

По окончаніи молебствія въ церкви преподобныхъ, архимандритъ, не смотря на страшную пальбу, рѣшился со всѣмъ освященнымъ соборомъ и въ полномъ благолѣпіи церковномъ совершить крестный ходъ по стѣнамъ вокругъ всей обители, чтобы симъ духовнымъ оружіемъ отразить вещественное. При умилительномъ пѣніи тропаря: «къ Богородицѣ нынѣ прилѣжно притецемъ грѣшніи и смиреніи, и припадемъ, въ покаяніи зовуще изъ глубины души: Владычице помози, на ны милосердовавши; потщися, погибаемъ отъ множества прегрѣшеній; не отврати Твоя рабы тщы, Тя бо и едину надежды имамы». Двинулся крестный ходъ изъ собора чрезъ монастырскій дворъ ко святымъ вратамъ. Когда же поднялись по стѣнѣ ко храму Благовѣщенія, что̀ надъ вратами, и, продолжая пѣніе, возгласили: «Всемірную славу» и далѣе: «дерзайте убо, дерзайте людіе Божіи», внезапно открылись и дерзость невѣрныхъ и дерзновеніе православныхъ:—съ залпомъ грянули непріятельскія пушки, и вспыхнула крыша на мельницѣ внутри монастыря, построенной на подземномъ каналѣ изъ Святаго озера, но тутъ же сама собою угасла; зашипѣли трехпудовыя ядра и бомбы, задрожала крѣпостная стѣна, и затрещала на ней деревянная крыша; огненные шары насквозь ее прорывали и съ потрясающимъ шумомъ неслись надъ главами шествующихъ; ядры или падали на землю, ударяясь въ стѣны братскихъ келлій, или пролетали на сквозь келлій, все въ нихъ истребляя: смерть была на волосъ отъ каждаго.

Въ сію страшную минуту надобно было остановиться для литіи на южной сторонѣ ограды противъ самыхъ пароходовъ, гдѣ угрожала наибольшая опасность; сталъ настоятель и осѣнялъ на всѣ стороны животворящимъ крестомъ и чудотворною Сосновскою иконою Божіей Матери, которую несъ въ рукахъ. Ядра летали выше головъ; но едва только духовенство двинулось впередъ съ мѣста литіи, внезапно два двухпудовыя ядра пробили крышу и вырвали самый помостъ, оглушивъ трескомъ народъ такъ, что задніе съ воплемъ остановились, но раненыхъ не было. Смутились и предшествовавшіе, не смѣя идти далѣе впередъ. «Идите, идите, спокойно приказывалъ имъ настоятель, и шествіе возстановилось столь-же чинно и торжественно подъ свистомъ ядеръ, какъ и подъ болѣе привычнымъ для слуха иноческаго звономъ колоколовъ. Поютъ, идутъ, обходятъ по стѣнѣ кругомъ всего монастыря мимо зажженной мельницы; минуютъ адъ, зіяющій надъ головами и у ногъ, хотя и не безъ особеннаго біенія сердца, и спускаются со стѣны у Благовѣщенскихъ воротъ, что подлѣ Святыхъ. Тутъ долженъ былъ остановиться крестный ходъ, ибо, казалось, невозможно было дойти до собора: такимъ огненнымъ градомъ сыпались ядра и бомбы на монастырскій дворъ, прыгая по той самой стезѣ, по которой надлежало идти. Настоятель, видя неминуемую опасность, рѣшился воспользоваться симъ временемъ, чтобы дать приложиться къ чудотворной иконѣ Божіей Матери, которую несъ въ рукахъ, защитникамъ обители, отстрѣливавшимся со стѣнъ. Онъ вручилъ св. икону манатейному монаху Геннадію и послалъ ее на Прядильную башню, гдѣ стояли при орудіяхъ нѣсколько ин-

валидовъ и послушники для тушенія огня на случай пожара. Пока посланный ходилъ въ башню, народъ смотрѣлъ во внутренность двора, гдѣ множество чаекъ сидѣло на своихъ гнѣздахъ, и съ изумленіемъ видѣлъ, что ни одну изъ нихъ не ранило. Эти дикія птицы съ незапамятныхъ временъ совершенно овладѣли монастырскимъ дворомъ, какъ неотъемлемымъ своимъ достояніемъ; онѣ прилетаютъ въ обитель съ весны на праздникъ преподобнаго Зосимы и въ теченіи лѣта, спокойно высиживая дѣтей своихъ, улетаютъ опять на зиму подъ болѣе теплое небо.

Невредимость чаекъ подъ смертоноснымъ дождемъ успокоила нѣсколько народъ видимымъ покровительствомъ Божіимъ. Въ это время фейерверкеръ артиллерійскій пришелъ съ батареи просить настоятеля дать ему 12 человѣкъ, чтобы вынести изъ подъ холоднаго собора большой ящикъ съ зарядами. Архимандритъ отдѣлилъ ему нужное число людей, и артиллеристъ мужественно повелъ ихъ прямо къ собору по самой той тропѣ, гдѣ падали ядра, но ни одно ихъ не коснулось. Благополучно вынесли они порохъ и хотѣли возвращаться тою же стезею, но архимандритъ закричалъ имъ, чтобы шли мимо больничной церкви кругомъ подъ южною стѣною къ Святымъ вратамъ для избѣжанія опасности пороховаго взрыва.

Между тѣмъ возвратился съ башни инокъ Геннадій съ чудотворною иконою, и настоятель, принявъ изъ рукъ его сію святыню, велѣлъ крестному ходу съ Богомъ двинуться впередъ. Какъ только тронулось шествіе, чудное совершилось знаменіе: ядра, дотолѣ падавшія на землю, стали летать поверхъ народа, перелетая даже за ограду въ Святое озеро, такъ

что никто изъ идущихъ не былъ раненъ. Однако во время служенія молебновъ у раки преподобныхъ ядра такъ сильно ударяли въ стѣну алтарную, что отъ сотрясенія вылетали стекла, и молящіеся падали на землю.

Настоятель неисходно водворился въ церкви и самъ служилъ безпрерывные молебны Господу и Пречистой Его Матери, святителямъ Николаю и Филиппу и преподобнымъ Зосимѣ и Савватію. Иногда только останавливался онъ для отдохновенія и распоряженій, а между тѣмъ приказалъ духовнику Варнавѣ всѣхъ исповѣдывать и пріобщать запасными дарами, полагая, что въ случаѣ высадки непріятеля беззащитный монастырь будетъ сожженъ и многіе погибнутъ. Ожидая себѣ прежде всѣхъ смерти, онъ также исповѣдался. Бывшій строитель Анзерскій, достопочтенный старецъ Савватій, видя молитвенный подвигъ своего начальника, тутъ же сказалъ: «не можетъ быть, чтобы Богъ не услышалъ слезъ нашего настоятеля и не помиловалъ насъ». Таковы были пламенныя его молитвы Господу и его угодникамъ:

«О многомилостиве Владыко, Создателю всея твари видимыя и невидимыя! Твоею божественною властію вся быша! Ты насъ недостойныхъ и непотребныхъ рабовъ Твоихъ посѣтилъ еси страхомъ; но щедрою милостію не остави погибнути до конца отъ лютаго супостата, воюющаго и угрожающаго обители и намъ грѣшнымъ».

«О Пресвятая Госпоже Дѣво, Богородице, скорая помощница и заступница рода христіанскаго, родившая плотію Сына Божія! Ты предстоиши престолу Владычню, непрестанно молишися о рабѣхъ

Твоихъ къ Сыну Твоему и Богу нашему, скорая помощница всѣмъ къ Тебѣ прибѣгающимъ, по Бозѣ, съ вѣрою и упованіемъ на Тебя, Богомати!»

«О преподобные отцы наши Зосимо и Савватіе, молитвенники наши! Вы обрѣли на морѣ-океанѣ и благословили островъ сей, и насадили его трудами и слезами посвященное мѣсто Богу и иноческому сожитію, и, аки виноградъ зрѣлый, принесли плоды добродѣтелей своихъ. Вы создали и украсили обитель вашу святую, и насъ привели отъ конецъ земли, и водворили насъ недостойныхъ, оставивше намъ наслѣдіе ваше, яко чадомъ своимъ, и мы нынѣ грѣшніи по Бозѣ къ вамъ прибѣгаемъ, яко къ молитвенникамъ и ходатаямъ къ Богу и Его пренепорочной Матери, о еже избавитися обители вашей и намъ отъ грядущаго страха лютыхъ супостатъ, воюющихъ на св. православную Церковь и угрожающихъ обители вашей, яко же и нынѣ избавили отъ меча и огненнаго запаленія. Не имамы надежды ни на оружіе, ни на воинскую силу, токмо на Божіе милосердіе и на Пречистую Матерь Спаса, и на ваши святыя молитвы. Не дайте въ поруганіе святыя обители и насъ грѣшныхъ, да прославится имя ваше и обитель, Богомъ спасенная, и по всей земли и въ православнѣхъ христіанѣхъ вѣдомо будетъ чудодѣйствіе».

Когда такія пламенныя молитвы возносились въ храмахъ внутри обители, посмотримъ, что происходило внѣ ея ограды?—За братскимъ кладбищемъ въ кустарникахъ на оконечности мыса два унтеръ-офицера съ 10-ю инвалидами и горстію охотниковъ съ двумя пушечками, коихъ ядра были величиною съ яблоко, рѣшились до смерти стоять и устояли противъ двухъ военныхъ пароходовъ, которые рас-

положились по обѣимъ сторонамъ мыса съ сотнями воиновъ, съ 120 пушками, съ 1,000 пудовыхъ и двухпудовыхъ каленыхъ ядръ и бомбъ, съ тысячами пуль, гранатъ и картечей, со всею готовностію къ высадкѣ и мечами, жаждущими крови. Кто опишетъ хотя сотую часть бывшихъ тамъ смертныхъ случаевъ, обратившихся ни во что? Кто опишетъ паденіе не одной ужасной бомбы, какъ та, что упала въ Преображенскую паперть, но сотни бомбъ еще ужаснѣйшихъ, которыя осыпали и мысъ, и обитель надъ главами Русскихъ витязей? Не одинъ разъ засыпало ихъ землею, обдавало осколками ядеръ; имъ не давали отдохнуть и на нѣсколько минутъ въ теченіи девяти полныхъ часовъ подъ тучею дыма и громовъ, неумолкавшихъ надъ ними орудій. Смерть загляды-вала имъ прямо въ глаза и холодною рукою, какъ бы уже касалась ихъ сердца; храбрые воины едва успѣвали припадать при появленіи огня и отряхаться отъ земли подъ самыми выстрѣлами; они ползли по землѣ къ своимъ пушечкамъ и, улучивъ одну ми-нуту, опять ихъ заряжали и откликались: «мы тутъ!» На ихъ единый щелчокъ отзывались громы, содро-галась земля, и густая туча дыма превращала для нихъ ясный день въ мрачную ночь.

Настоятель, видя, сколь велика была опасность для находившихся на баттареѣ, приказалъ снять от-туда людей, но старшій унтеръ-офицеръ Пономаревъ отвѣчалъ: «трудно будетъ монастырю, а мы готовы умереть!» Воодушевляя всѣхъ, продолжалъ онъ про-тивиться во сто разъ сильнѣйшему врагу: дважды срывало съ него фуражку, неоднократно заваливало землею, по четверти часа нельзя было приподнять головы отъ земли; такъ часты были непріятельскіе

выстрѣлы, что нельзя было даже различать ихъ и что либо слышать посреди грома и мрака, но горсть храбрыхъ не робѣла: некогда было бояться. Особенное мужество оказали рядовые Тимоѳей Антоновъ и Терентій Рогожинъ; отставной же унтеръ-офицеръ Николай Крыловъ не только самимъ дѣломъ, но и веселымъ Русскимъ словомъ не позволялъ ни на минуту своимъ товарищамъ призадуматься.

Съ тремя изъ нихъ отдалился онъ отъ баттареи, чтобы изъ различныхъ мѣстъ развлекать непріятеля ружейною стрѣльбою; самъ засѣлъ въ яму за кочку и такъ ловко дѣйствовалъ оттуда, что обратилъ на себя ярость непріятеля. Подъ тучею ядеръ, картечи и пуль предъ самымъ вражескимъ судномъ, ни на что не смотря, заряжалъ и палилъ онъ на колѣняхъ до тѣхъ поръ, пока не осталось ни одного заряда; тогда опять, чтобы не оставаться безъ дѣла, побѣжалъ на баттарею подъ градомъ пуль по открытому мѣсту. Раздѣлявшій на мысу всѣ опасности вмѣстѣ съ нашими героями, отличный стрѣлокъ, Норвежецъ Гардеръ, который изъ любопытства посѣтилъ обитель, пораженный столь невѣроятнымъ сохраненіемъ всѣхъ, невольно воскликнулъ: «великъ Русскій Богъ!» и, по снятіи осады, пожелалъ принять православіе. Дѣйствительно, Богъ одинъ могъ только спасти сихъ чудныхъ витязей, достойныхъ всякой награды за безпримѣрно исполненный ими долгъ въ отношеніи Государя, отечества и всего православнаго народа.

Поморяне, бывшіе въ плѣну на судахъ Англійскихъ, разсказывали потомъ, что Англичанинъ хвастался имъ своими пушками и говорилъ: «хотя вашъ царь и богатъ, но такихъ у него нѣтъ; а вотъ, продолжалъ онъ, указывая на наши ядра, вотъ Русскія

злыя собачки стрѣляли» и показывалъ раненаго этими собачками въ руку. Потомъ распрашивалъ: «много ли на Соловкахъ войскъ?» и на отвѣтъ: «что сколько теперь не знаютъ, а обыкновенно не болѣе 50 человѣкъ», возразилъ: «не можетъ быть, я за каждымъ кустомъ видѣлъ сотню». Капитанъ сознавался, что истраченныхъ имъ снарядовъ при осадѣ Соловецкой достаточно было бы для разрушенія шести городовъ. По словамъ тутъ находившагося Кемскаго купца, онъ выходилъ изъ себя, что не могъ зажечь каленными ядрами деревянныя строенія и приписывалъ всю свою неудачу Русскому Богу и чародѣйству монашествующихъ.

Во время служенія молебновъ предъ раками преподобныхъ прибѣжалъ съ баттареи рядовой Николай Яшниковъ съ лицемъ, забрызганнымъ грязью, и сказалъ настоятелю: «пожалуйте намъ на баттарею икону или крестъ». «Не ходи, отвѣчалъ архимандритъ, я послалъ приказаніе снять людей съ баттареи; грозитъ опасность, и я боюсь за васъ?» но Яшниковъ сказалъ: «я штрафованный, и желаю умереть или заслужить милость». Тогда архимандритъ, давъ ему икону, благословилъ его и сказалъ: «я тебя не забуду». Вѣрно исполнилъ свою обязанность штрафованный солдатъ; свято сдержалъ свое слово и настоятель, обративъ особенное вниманіе начальства на сего храбраго и неустрашимаго воина. Тогда же послалъ онъ благочиннаго іеромонаха Николая со святою водою на баттарею окропить ею храбрыхъ воиновъ, и мужественно исполнилъ онъ опасное сіе порученіе подъ огнемъ непріятельскимъ; а между тѣмъ намѣстникъ, іеромонахъ Матѳей, бѣгалъ подъ выстрѣлами по всему монастырю для потушенія огня

тамъ, гдѣ загоралось, и былъ достойнымъ помощникомъ своего твердаго начальника.

Вотъ и еще нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ сей чудной осады: одинъ монахъ несъ изъ монастыря ядра на баттарею; на возвратномъ его пути падаетъ предъ нимъ 96 фунтовая бомба и, прокатившись, останавливается. Старецъ пошевелилъ ее палочкою, взялъ и понесъ. «Что мало несешь?» спросилъ его изумленный очевидецъ происшествія: «больше нѣтъ, будетъ съ меня», отвѣчалъ хладнокровно старецъ. Тотъ же самый инокъ шелъ отъ святыхъ воротъ къ больницѣ: ему совѣтовали идти ближе къ стѣнѣ, чтобы не задѣли ядра; «имъ своя дорога, а мнѣ своя», спокойно отвѣчалъ онъ. Одинъ изъ монаховъ глухой, замѣтивъ, что непріятельскіе шары хорошо щеплютъ крыши, началъ собирать эти щепки на растопку, чтобы даромъ не пропадали, какъ вдругъ упала близъ него бомба, разорвалась и осколкомъ своимъ оборвала рукавъ его рясы, не причинивъ однако монаху ни малѣйшаго вреда; старецъ спокойно посмотрѣлъ на рукавъ и въ утѣшеніе себѣ сказалъ: «ну, ничего, я самъ зашью».

Другой глухой старецъ (простакъ), избравшій себѣ въ больничномъ корридорѣ въ дровяномъ углу особое темное мѣсто для чтенія Іисусовой молитвы, по обычаю творилъ тамъ свое святое дѣло; въ то время съ непріятельскихъ пароходовъ происходила неумолкаемая канонада, такъ что и сей затворникъ почувствовалъ сотрясеніе, и съ огорченіемъ долженъ былъ прервать бесѣду свою съ Сладчайшимъ Іисусомъ. Едва передвигая ноги, вышелъ онъ въ корридоръ и спрашивалъ: «што-то стукаетъ, што-то стукаетъ?» Когда же принесли ему большое ядро и ска-

зали: «вотъ что стукаетъ, этакими Англичане стукаютъ!» то онъ весьма равнодушно отвѣчалъ: «А! Аглеценинъ? онъ здѣсь? а я думалъ, наши пробуютъ пушки. Ну когда это Аглеценинъ, продолжалъ онъ, такъ у насъ Богъ есть, Пречистая есть, да и Никола съ преподобными; мы его не боимся!»

Когда 7-го и 8-го іюля вся братія пріобщалась св. Таинъ и, по обычаю православной Церкви, нужно было много просфоръ, тогда просфорникъ-староста съ другимъ инокомъ, заботясь о заготовленіи оныхъ, шли мимо придѣла архангела Михаила, гдѣ не рѣдко падали ядра и бомбы; но въ бесѣдѣ о просфорахъ не обращали они вниманія на происходившую пальбу; вдругъ въ нѣсколькихъ отъ нихъ шагахъ разорвало бомбу, приразившуюся къ стѣнѣ подъ самую крышу придѣла. Старики, указывая на эту бомбу, по прежнему продолжали свой путь и разговоръ о заготовленіи просфоръ. «Я, говорилъ староста, боялся только того, чтобы гдѣ не загорѣлось, а о смерти не тужилъ; это дѣло неизбѣжное.»

Одинъ старецъ, обитающій въ больничномъ коридорѣ окнами въ самую крышу крѣпостной стѣны съ той стороны, гдѣ стояли непріятельскіе пароходы, затеплилъ лампаду Царицѣ небесной, приставилъ къ окнамъ два образа: одинъ преподобныхъ Зосимы и Савватія, Соловецкихъ чудотворцевъ, а другой возстановителя честныхъ иконъ, св. патріарха Тарасія, и архіепископа Газскаго Порфирія, и, помолившись имъ, сказалъ: «преподобные, спасите»; съ сими словами вышелъ онъ изъ своей келліи и заперъ дверь. Что же? въ сосѣдней келліи бомбою прошибло окно, изломало мебель, истрескало стѣны и пробило дверь; также и съ другой стороны въ сосѣдней же келліи

проломило ядромъ стѣну; но, къ всеобщему удивленію, изъ всѣхъ пяти келлій того корридора уцѣлѣла только одна келлія старца, огражденная иконами, въ которой не повредилось даже ни единое стекло. Не есть ли это явная чудодѣйственная сила угодниковъ Божіихъ!

Одинъ старецъ лежалъ въ своей келліи на койкѣ и боролся съ помысломъ: выйти посмотрѣть, что дѣлается? Но лишь только онъ вышелъ изъ келліи, какъ ядро, оборвавшее желѣзную крышу на Казначейской палатѣ, влетѣло чрезъ окно въ келлію старца, ударило въ стѣну надъ самою его койкою, изщепило заднюю ея доску, потомъ отскочило къ лежанкѣ и по полу скатилось въ уголъ. Если бы старецъ не вышелъ изъ келліи, то подвергся бы неизбѣжной гибели.

Тотъ же старецъ свидѣтельствуетъ, что онъ самъ видѣлъ на дворѣ, какъ подлѣ одного птенца грянула бомба: едва оперившаяся чайка приподнялась, равнодушно посмотрѣла на желѣзнаго гостя и усѣлась рядомъ: кто далъ такое безстрашіе пугливому птенцу? Другая бомба, приразившись къ стѣнѣ Преображенскаго собора, упала въ стаю маленькихъ чаекъ и разорвалась; но онѣ успѣли разбѣжаться, не потерпѣвъ ни малѣйшаго вреда. У деревяннаго шатра Прядильной башни лицемъ къ морю свила чайка гнѣздо и вывела дѣтей. Башня сія по высотѣ своей была повреждена; шатеръ ея сверху на вылетъ пробило ядрами, а внизу подъ чайкинымъ гнѣздомъ вырвало нѣсколько досокъ и въ слуховомъ окнѣ не осталось ни одного стекла:—и что же? гнѣздо чайки сохранилось, какъ будто на воздухѣ, посреди растворенныхъ воротъ, и птички по прежнему съ пискомъ просили у матери пищи.

Будильникъ, монахъ Ипполитъ, замѣтилъ, что въ

этотъ день въ 2 часа по полудни чайки по всему монастырю кормили птенцовъ своихъ, чего въ продолженіи 12-ти лѣтъ своего послушанія онъ никогда не видалъ: «не быть сегодня добру въ монастырѣ!» сказалъ онъ; и дѣйствительно въ тотъ день чайки, поднявшись съ утра, не садились болѣе въ монастырѣ на свои гнѣзда. Вмѣстѣ съ нашими повѣренными слетѣлись и онѣ на Англійскіе пароходы, потомъ бросились назадъ въ монастырь и нѣсколько часовъ кружились въ высотѣ съ великимъ крикомъ, какъ это имъ обычно, когда пролетаетъ орелъ чрезъ монастырь, и уже цѣлый день не кормили дѣтей. Когда же усилилась канонада, чайки густымъ облакомъ взвились надъ самыми вражескими фрегатами и пронзительнымъ своимъ крикомъ какъ будто прогоняли Англичанъ; и не однимъ крикомъ онѣ имъ докучали, такъ что раздраженный непріятель вынужденъ былъ вступить въ бой съ птицами, запятнавшими его честь; но сколько въ нихъ ни стрѣляли, нигдѣ не видно было ни одной мертвой птицы!— Таковъ птичій разумъ, ибо и чайки въ этотъ замѣчательный день оказали свое мужество и преданность обители.

О, великое ходатайство и заступленіе предъ Богомъ Соловецкихъ чудотворцевъ! Всѣ безчеловѣчныя усилія непріятеля, клонившіяся къ тому, чтобы совершенно нанести разрушеніе святой обители страшными своими снарядами, остались посрамленными; обитель же сохранилась въ цѣлости, и поврежденія оказались самыя незначительныя, которыя могли быть исправлены въ нѣсколько часовъ; хотя и загаралась иногда крыша, но ее легко заливали и потушали мокрыми войлоками. Наиболѣе пострадала

обширная деревянная гостинница, занимаемая въ лѣтнее время богомольцами, которая стоитъ на открытомъ мѣстѣ за оградою безъ всякой защиты; но и ее не могъ ни разрушить, ни зажечь каленными своими ядрами непріятель; однако въ ней найдено было послѣ осады множество бомбъ и гранатъ, и цѣлыхъ и треснувшихъ съ обгорѣлою затравкою и нетронутымъ порохомъ между щепокъ и соломы, которыя не загорѣлись, хотя крыша была во многихъ мѣстахъ пробита. Неужели всѣ эти бомбы были подмочены такъ, что ни одна не зажигала? и могутъ ли подмоченныя разрываться? Нѣкоторыя изъ нихъ произвели однако много пробоинъ, и ядра пробивали по нѣскольку капитальныхъ стѣнъ! Непріятель наиболѣе старался мѣтить въ куполы церковные по своему неблагоговѣнію къ святынѣ, но, не смотря на то, не могъ сдѣлать почти никакого вреда самымъ храмамъ; въ куполѣ Никольской церкви видѣнъ небольшой проломъ и въ кладбищенской церкви св. Онуфрія, находящейся за монастыремъ, пробило насквозь ядромъ стѣну; но часовни, стоявшія также за оградою, которыя служили постоянною метою для непріятеля, остались невредимы.

Какъ одинъ изъ первыхъ ударовъ разразился въ паперти Преображенскаго собора, такъ и послѣ девятичасовой ужасной пальбы надъ тѣмъ же соборомъ разразилась ярость непріятельская послѣднимъ ихъ ударомъ. Ровно въ 5-ть часовъ, когда вечерній колоколъ возвѣстилъ, что наступаетъ время празднованію Казанской иконѣ Матери Божіей, Заступницѣ нашего любезнаго отечества, послѣднее Англійское ядро пролетѣло насквозь стѣны поверхъ лика Знаменія Пресвятыя Богородицы, которая написана

древнею кистью еще во дни святителя Филиппа надъ западными вратами при входѣ въ главный соборъ. Сію рану благоволила принять за обитель Царица небесная, какъ и Сынъ Ея за весь міръ, и самый ликъ на иконѣ послѣ сильнаго потрясенія какъ будто сдѣлался блѣднымъ изъ темнаго; послѣ сего удара уже не слышно было враждебныхъ орудій; ихъ замѣнилъ обычный звукъ колоколовъ.

Въ 6-мъ часу пополудни непріятель, утомясь, сталъ на якорѣ, и на судахъ не замѣтно было никакого движенія; но въ монастырѣ никто не чувствовалъ усталости, и всѣ были на стражѣ и молитвѣ; вслѣдъ за малою вечернею приступили къ служенію всенощной во всѣхъ церквахъ на праздникъ Казанскія иконы Божіей Матери, съ чтеніемъ акаѳиста Пречистой Дѣвѣ. Это несѣдальное служеніе во всю ночь могло напоминать о самомъ происхожденіи акаѳиста въ Царьградѣ въ ту страшную годину, когда Скиѳы подступили на судахъ къ столицѣ Греческой въ отсутствіи войска и царя, и патріархъ со всѣмъ народомъ прибѣгнулъ къ заступленію Царицы небесной. Праздникъ Похвалы Божіей Матери въ субботу на пятой недѣлѣ великаго поста ежегодно свидѣтельствуетъ намъ о семъ дивномъ событіи, какъ и теперь у насъ лѣтнее чествованіе Казанскія Ея иконы будетъ всегда напоминать о чудномъ избавленіи обители Соловецкой.

Никто не спалъ въ сію знаменательную ночь, предшествовавшую освобожденію, ибо всѣ ожидали конечнаго нападенія и смерти; молитва, слезы и постъ не прерывались. Во всѣхъ храмахъ литургія началась въ 3 часа утра, когда все еще спало на судахъ вражескихъ; самъ настоятель служилъ у пре-

подобныхъ безъ всѣхъ отличій, какъ простой іеромонахъ. Въ ожиданіи усиленной пальбы всѣ до единаго сдѣлались причастниками св. Таинъ и послѣ литургіи собрались къ преподобнымъ и служили молебенъ у ихъ раки; снова совершенъ былъ крестный ходъ по стѣнамъ съ такою же отважностію, какъ и наканунѣ; всѣ шли какъ бы на отчаянную вылазку, ибо это было ихъ единственное оружіе и защита, и надежда ихъ не постыдилась: въ самое время крестнаго хода непріятель сталъ разводить пары на судахъ; ожидали выстрѣловъ, и вмѣсто ихъ внезапно, къ общему изумленію, суда снялись съ якоря и удалились отъ обители; можно ли выразить словами радость освобожденныхъ? — Окончивши крестный ходъ, сейчасъ же со стѣны подошли къ западнымъ вратамъ собора и тутъ на дворѣ предъ пораненною иконою Знаменія Пресвятыя Богородицы начали служить Ей благодарственный молебенъ; самъ настоятель на колѣняхъ со слезами читалъ акаѳистъ, и всѣ плакали отъ избытка чувствъ. Можно ли удивляться, что сердца многихъ обратились къ Богу въ сію торжественную минуту? Не одинъ иновѣрецъ пожелалъ православія, но и изъ нашихъ отступниковъ пожелали нѣкоторые возвратиться въ лоно матери своей Церкви, къ вѣрѣ отцевъ своихъ, и остаться навсегда послушниками въ обители. Молодой рекрутъ изъ раскольниковъ, Шуруповъ, который дотолѣ по своему заблужденію не хотѣлъ принимать присяги, вразумленный чуднымъ освобожденіемъ обители, въ защитѣ коей принималъ вмѣстѣ съ другими дѣятельное участіе, въ порывѣ чистаго раскаянія пожелалъ немедленно выполнить присягу и остаться всегда на службѣ при монастырѣ.

Однако непріятель еще не сейчасъ оставилъ острова Соловецкіе и при удаленіи отъ монастыря обезславилъ себя святотатствомъ. Приблизившись къ острову Заяцкому, на которомъ стоитъ деревянная церковь во имя первозваннаго апостола, сооруженная Петромъ Великимъ, онъ сдѣлалъ въ нее нѣсколько выстрѣловъ. Англичане сошли на берегъ и, не заходя въ гостинницу, прямо устремились къ церкви, разрубили топоромъ двери, воровскимъ обычаемъ взломали кружку и высыпали мѣдныя ея деньги, потомъ дерзнули коснуться и самой святыни. Они раскрыли царскія врата и обнажили св. жертвенникъ; на память славной своей осады похитили они три малыхъ колокольчика въ 14-ть фунтовъ вѣса и святотатною рукою сняли съ иконы Матери Божіей два крестика, которые за нѣсколько дней предъ тѣмъ были повѣшены богомольцами; тѣмъ и окончился здѣсь ихъ ратный подвигъ. Два старые инвалида, по любви къ пустынной жизни уединенно живущіе на острову для охраненія церкви, сидѣли недалеко отъ нея въ разсѣлинѣ скалы и оттуда наблюдали за хищниками.

Они поплыли далѣе къ Анзерскому острову, тамъ ночью 11-го іюля замѣтили съ Голгоѳской горы непріятельскія суда; въ ужасѣ всѣ разбѣжались по лѣсамъ изъ скитовъ Троицкаго и Распятскаго, и остались только три старца и слѣпая старушка изъ Архангельска, ежегодная посѣтительница Соловецкой святыни; старецъ пономарь съ другимъ иноком рѣшились неисходно пребывать въ храмѣ Анзерскомъ, хотя надлежало бы имъ и умереть. Третій же старецъ, служащій на кухнѣ, въ простотѣ своей вѣры удивлялся бѣгству братіи и приписы-

валъ это помѣшательству; онъ усердно принялся за свое дѣло и стряпалъ все, что нужно было къ наступавшему престольному празднику Михаила Малеина на другой день, 12-го іюля. Пономарь на разсвѣтѣ по обычаю ударилъ въ колоколъ къ утрени: братія понемногу начала сходиться изъ лѣса; ради страха нашествія не служили обѣдни, но совершили только водосвятіе и, вкусивъ трапезы, удалились опять въ лѣсъ кромѣ тѣхъ, которые рѣшились остаться. «Они съ ума сошли!» твердилъ незлобивый братъ на кухнѣ и попрежнему принялся за свое дѣло; спокойствіе его и неустрашимость вполнѣ оправдались.

Изъ Соловецкой обители съ вершины соборнаго купола наблюдали за движеніями непріятеля подъ Анзерскими скитами. Настоятель послалъ туда двухъ рабочихъ съ ружьями сухимъ путемъ до морскаго протока, отдѣляющаго Анзерскій островъ отъ Соловецкаго, узнать, что дѣлаютъ Англичане? Фрегаты ихъ, ставшіе на якорѣ въ виду обоихъ скитовъ, послали лодку за прѣсною водою; значительный непріятельскій отрядъ со всѣми предосторожностями приблизился къ берегу, осторожно высадился и поспѣшно началъ добывать себѣ воду изъ болота. Два наши стрѣлка дали Англичанамъ время окончить свое дѣло, и тогда одинъ изъ нихъ выпалилъ изъ ружья. «Русскіе, Русскіе!» закричали Англичане и поспѣшно отчалили, не причинивъ никому никакого вреда. Не удивительно, что горсть Русскихъ монаховъ испугалась двухъ Англійскихъ пароходовъ; но не удивительно ли, что два огромные парохода Англійскіе испугались двухъ Русскихъ мужичковъ, которые даже и не показались имъ на глаза, а

только съ берега однажды выпалили въ нихъ изъ ружья?

Такимъ образомъ совершилось сіе чудное и, можно сказать, безкровное освобожденіе обители отъ враговъ ея уже видимыхъ, какъ бы отъ невидимыхъ, молитвою, постомъ и трехдневнымъ принесеніемъ безкровной жертвы. Тотчасъ по удаленіи врага настоятель приложилъ еще трехдневный постъ, и съ тѣхъ поръ все оставалось мирно въ обители. Благоговѣйные иноки по свѣжей памяти записали всѣ замѣчательные случаи сей осады, дабы они могли послужить въ назиданіе современникамъ и потомству столь явнымъ свидѣтельствомъ милости Божіей. Настоятель же для болѣе прочнаго воспоминанія о чудномъ избавленіи испросилъ у святѣйшаго сѵнода и получилъ разрѣшеніе ознаменовать оное нѣкоторыми памятниками и особенными молитвословіями.

Такимъ образомъ, предъ святыми вратами сооружены три пирамиды: одна изъ 42 гранатъ и ядеръ 96-ти фунтовыхъ, другая изъ 170 гранатъ и ядеръ 36-ти фунтовыхъ, третья изъ разорванныхъ гранатъ разнаго калибра и разбитыхъ ядеръ и бомбъ, которыя собраны были по монастырю и внѣ ограды. Это была только малая часть ихъ, потому что большая часть ядеръ и бомбъ перелетала черезъ монастырь въ Святое озеро, или падала въ морскую губу предъ святыми вратами, и сверхъ того много было разобрано ядеръ и бомбъ любопытными посѣтителями и богомольцами, пріѣзжавшими съ берега вскорѣ послѣ осады. Тутъ же поставлены двѣ малыя пушечки монастырскія, которыя два дня были въ дѣлѣ на берегу моря и выдержали сильную кано-

наду на батарею, гдѣ никто изъ людей не былъ раненъ.

По крышамъ храмовъ и строеній всѣ пробоины, бывшія отъ ядеръ, обозначены краскою; но самое драгоцѣнное знаменіе милосердія Божія:—пробоина на иконѣ Божіей Матери надъ западными вратами собора останется навсегда неприкосновенною и будетъ говорить потомству, что Господь допустилъ страшное сіе нападеніе на обитель, «да явятся дѣла Божіи на ней» (Іоан. X). Подъ сею иконою надпись: «призови Мя въ день скорби твоея! Царица небесная заступила Соловецкую обитель отъ девятичасоваго бомбардированія Англичанами и благоволила усвоить Себѣ въ этой иконѣ пораженіе 96-ти фунтовымъ ядромъ; послѣдній выстрѣлъ сей былъ въ благовѣстъ вечерній 7-го іюля 1854 года. Мати Божія, даждь побѣду и одолѣніе на враги Императору нашему, да и мы въ тишинѣ его поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ». А на святыхъ вратахъ другая надпись: «на начинающаго Богъ! изрекъ монархъ благословенный; не сотвори тако Господь всякому языку». Таковы памятники вещественные, но вотъ и духовные: ежегодно 7-го іюля назначенъ постъ всему народу въ монастырѣ и скитахъ и на слѣдующій день крестный ходъ по стѣнѣ монастыря съ чудотворною Сосновскою иконою Божіей Матери и молебенъ съ акаѳистомъ на паперти предъ пораненною иконою Знаменія Богородицы; въ каждую субботу на утрени чтеніе акаѳиста Матери Божіей настоятелемъ соборно предъ чудотворною Ея иконою, что̀ надъ ракою преподобныхъ, и въ самый праздникъ Знаменія опять соборный молебенъ предъ пораненною иконою Владычицы. Все сіе должно совер-

шаться ежегодно, а еще для бо́льшей памяти ежедневно на каждой литургіи, исключая великихъ Господскихъ праздниковъ, послѣ входа съ Евангеліемъ положено пѣть на клиросахъ кондакъ Божіей Матери: «не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, развѣ Тебе, Владычице; Ты намъ помози, на Тебе надѣемся и Тобою хвалимся, Твои бо есмы рабы, да не постыдимся». По окончаніи же каждой службы, поется посреди храма еще одна умилительная молитва Матери Божіей, которою и оканчиваю свое описаніе чуднаго освобожденія обители Соловецкой: «подъ Твою милость прибѣгаемъ Богородице, моленій нашихъ не презри, но Сама заступи и помилуй, едина чистая и благословенная».

1854 г.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ

УКРАЙНЫ И СЕВАСТОПОЛЯ.

I.

СВЯТЫЯ ГОРЫ.

По этому листочку, который выпадетъ вамъ изъ моего письма, вы убѣдитесь, что я исполнилъ сердечное порученіе ваше и помолился надъ гробомъ вашей матери и во свидѣтельство сему сорвалъ листокъ съ дуба, растущаго близъ ея могилы. Счастливѣе вы другихъ, давнихъ жильцевъ Святыхъ Горъ! Вчера пріѣзжалъ сюда преосвященный Антоній Кишиневскій на пути изъ Оренбурга въ свою новую епархію; ему хотѣлось поклониться праху своихъ родителей, ибо отецъ его служилъ здѣсь діакономъ при бывшей Богородицкой церкви до обновленія обители Святогорской; но когда, отслуживъ панихиду въ соборѣ, пошелъ онъ на кладбище, съ прискорбіемъ увидѣлъ только одинъ насыпной холмъ безъ различія могилъ: все уравняло время! Вчера мы слушали еще одну умилительную панихиду въ пещерной церкви Антонія и Ѳеодосія: это была годовщина архіепископа Иннокентія.

Службу совершалъ соборно самъ архимандритъ и нечаянно избралъ сію подземную церковь для ранней литургіи; а между тѣмъ эту лишь одну во всей

обители Святогорской освятилъ самъ Иннокентій! Когда шелъ онъ крестнымъ ходомъ на сіе освященіе, внезапно поворотилъ къ могилѣ почіющаго предъ ея входомъ столѣтняго старца Маѳусаила, который указалъ пещеру по старой памяти минувшаго; «помолимся прежде о лѣтописцѣ Святыхъ Горъ, сказалъ преосвященный, ему мы обязаны сохраненіемъ пещернаго храма» и отслужилъ надъ могилою его панихиду, какъ и теперь ее отпѣли въ память самаго обновителя Святыхъ Горъ. Я описываю вамъ эти подробности, зная какъ вы уважаете память покойнаго архіепископа. Архимандритъ Арсеній сказывалъ мнѣ, что въ послѣднее посѣщеніе обители, когда возвращался съ коронаціи преосвященный Иннокентій, уже предчувствовалъ онъ близкую свою кончину и, прощаясь во святыхъ вратахъ, поклонился до земли настоятелю и всему братству, прося себѣ прощенія, если чѣмъ ихъ оскорбилъ во время управленія епархіею, «потому что, присовокупилъ онъ, мы уже не свидимся болѣе въ земной жизни».

Что вамъ сказать о Святыхъ Горахъ? Онѣ вамъ довольно знакомы, и я уже высказалъ свои впечатлѣнія въ первомъ моемъ описаніи, но здѣсь столь многое говоритъ сердцу и воображенію, что всего, кажется, и не выскажешь. Отрадно благоговѣйное служеніе въ пещерныхъ церквахъ и невольно потрясается сердце, еще исполненное звуками божественныхъ пѣсней, когда внезапно видишь предъ собою при выходѣ изъ скалы самое чудное зрѣлище: и мирный Донецъ въ его глубокой долинѣ, окованный отовсюду мѣловыми утесами, и необозримую лѣсную дебрь, какъ море зелени, на окраинѣ коей бѣлѣютъ опять мѣловыя горы. Не могутъ довольно насытиться

такими видами взоры, отъ нихъ отвыкшіе послѣ однообразія сѣверныхъ равнинъ. Всею роскошью южной природы дышетъ этотъ чудный оазисъ, какъ бы отрывокъ иной лучшей страны, нечаянно брошенный въ сію пустыню. Роскошно встрѣтила здѣсь пришельцевъ сѣвера благодатная весна, какихъ давно не запомнятъ, освѣжаемая шумными дождями и частыми грозами, послѣ коихъ благоухаетъ воздухъ ароматами тополей, липъ и бѣлыхъ акацій. Мы дышемъ этою чудной атмосферой на святой горѣ и не можемъ довольно надышаться. Всю сію ночь шумѣла страшная гроза, раскаты грома отзывались въ горахъ, и все небо сверкало молніями, но я не могъ рѣшиться закрыть окна отъ теплоты благорастворенаго воздуха и любовался бурею стихій съ высокаго моего терема; а вчера опять нельзя было закрыть окна на ночь, чтобы не лишить себя весенней пѣсни соловьевъ, одушевляющихъ росистую украинскую ночь. И такъ вы видите, что мы дѣлимъ здѣсь наши ночи между раскатами грома и трелями соловья: кажется, тутъ довольно поэзіи! Съ годами охладѣваютъ чувства, но это чувство еще живо въ моей душѣ; я также любуюсь и теперь живописными видами и также наслаждаюсь ароматною ночью и соловьиной пѣснью, какъ это бывало въ давноминувшее вчера моей молодости, когда охотно просиживалъ цѣлыя ночи на прилавкѣ своей хаты подъ навѣсомъ цвѣтущихъ яблонь.

Вы довольно любезны, чтобы не спрашивать, когда было это вчера?—Оно далеко и слилось съ минувшимъ такъ, что не отличишь его поблекшихъ красокъ на этомъ постоянно свивающемся за нами свиткѣ (чтобы не сказать саванѣ) всѣхъ нашихъ

чувствъ и впечатлѣній, который мы называемъ минувшимъ. Тутъ уже по сильному выраженію Дантовой поэмы «и воздухъ не окрашенъ временемъ».

Quell' aria senza tempo tinta.

т. е. на этомъ небосклонѣ нѣтъ уже красокъ ни утренней, ни вечерней зари, по чему бы можно было различить время дня: такъ бываетъ и съ нашимъ минувшимъ, когда все въ немъ сливается въ одно безцвѣтное цѣлое.

Знаете ли однако, что никогда Малороссія не производила на меня столь сильнаго впечатлѣнія, какъ теперь, хотя я познакомился съ нею еще въ первые годы молодости, ибо тамъ началъ полковую свою жизнь. Можетъ быть, это отъ того, что я всегда въѣзжалъ въ нее съ другой стороны, отъ Сѣвска, а не отъ Курска, и черниговскіе пески и болота съ ихъ греблями не поражали такъ мои чувства, какъ харьковскія степи съ ихъ болѣе южною растительностію; или, быть можетъ, я былъ лучше расположенъ теперь принять сіи впечатлѣнія, встрѣчаясь съ Украйною, какъ съ старымъ знакомцемъ? Скажу только что никогда столь разительнымъ не представлялось мнѣ столкновеніе двухъ разнородныхъ краевъ и племенъ Великой и Малой Россіи. Здѣсь дѣйствительно Украйна наша и даже обоюдная той и другой Руси, и мнѣ жаль, что недавно утратилось историческое названіе Слободско-украинской губерніи, которое такъ вѣрно выражало самую мѣстность и образъ ея населенія; такія названія возникаютъ не по произволу и они не замѣнимы.

Въ Обояни собственно кончается великая Русь на ея высокой горѣ, откуда Русскій человѣкъ любитъ, по родной своей пословицѣ, и себя показать, и людей

посмотрѣть, и отсюда, какъ бы по нѣкоему обаянію, внезапно начинается Малороссія съ мирными удольями, въ которыхъ любитъ укрываться ея народонаселеніе по своему природному духу и мѣстнымъ обстоятельствамъ. Не далеко за Обоянью, какъ только спустишься съ песчаной горы, въѣзжаешь въ первое Малороссійское ущеліе, длинную греблю, непроходимую весною и осенью, обсаженную плакучими ивами, которая тянется версты на двѣ и служитъ преддверіемъ къ обширному селу, раскинутому на пескахъ совершенно во вкусѣ вашихъ соотечественниковъ. Послѣ сихъ Украинскихъ Термопилъ измѣняется характеръ самой страны, и курскія высоты постепенно склоняются къ харьковской равнинѣ. Бѣлгородъ уже носитъ на себѣ отпечатокъ совершенно южнаго города, углубившись въ живописную долину на скромныхъ истокахъ Донца съ бѣлыми своими обителями и соборами. Это была основная каѳедра слободъ Украинскихъ, изъ которой истекла къ югу широкимъ потокомъ даже до моря церковная жизнь нашей Украйны. Утѣшительно было поклониться нетлѣнному блюстителю своей паствы въ бывшемъ соборѣ Бѣлгорода святителю Іоасафу, который нынѣ охраняетъ ее неусыпною молитвою въ придѣльной церкви Страшнаго Суда, имъ устроенной для своей усыпальницы, доколѣ не наступитъ таинственный день сей!

Послѣ Бѣлгорода уже настоящая Малороссія. Рѣдко на пути встрѣчаются селенія, развѣ только однѣ станціи, но вы видите обширныя села по сторонамъ въ глубокихъ оврагахъ, гдѣ серебрится узкая лента какой-либо безыменной рѣчки, мѣстами запруженной въ широкій ставъ. Длинная полоса

итальянскихъ тополей, стройно извиваясь по удолью, напоминаетъ роскошную растительность того чуднаго края, изъ котораго переселились къ намъ сіи нѣжные выходцы юга, не переносящіе сѣверныхъ вьюгъ. Крылатыя мельницы оживляютъ преддверія живописныхъ селеній на сосѣднихъ высотахъ. широкими размахами своихъ крыльевъ будто ведутъ они между собою шумную бесѣду, недоступную мимоходящему путнику, какъ непонятны ему и загадочныя движенія телеграфа, беззвучно произносящаго слова.

И вотъ, посреди сей зеленой пустыни, по которой вы мчитесь, сталкивается въ глазахъ вашихъ съ сѣверомъ югъ, и два народонаселенія, совершенно различныя по духу своему и характеру, идутъ на встрѣчу одно другому, представляя собою разительную противоположность. Съ курскихъ высотъ спускаются веселые паробки, которые идутъ, распѣвая, на промыселъ до дальняго Таганрога. На мелкихъ лошадкахъ везется все ихъ лѣтнее достояніе, и кто постарше, съ просѣдью на бородѣ, тотъ сидитъ на облучкѣ, управляя телѣгой, а молодые разбрелись по сторонамъ, въ шумной бесѣдѣ перебивая дорогу встрѣчнымъ. Имъ на встрѣчу медленно поднимается съ харьковскихъ равнинъ пустынный караванъ попарно впряженныхъ воловъ въ длинныя фуры; бѣлые волы сіи, замѣняющіе для Украйны восточныхъ верблюдовъ, совершенно соотвѣтствуютъ характеру зеленыхъ ея степей. Неподвижно, безстрастно, въ бѣлыхъ свитахъ, какъ бы въ саванахъ, сидятъ обожженные солнцемъ чумаки на своихъ колесницахъ, будто не чувствуя, движутся ли они впередъ, и не принимая никакого участія во встрѣчающихся предметахъ. Одинъ только впереди первыхъ воловъ упра-

вляетъ всѣмъ караваномъ. За фурами слѣдуютъ съ поникшей головою волкообразные псы особой породы, усвоенные нраву своихъ хозяевъ.

Сотни и тысячи верстъ совершаютъ сіи караваны, сохраняя вездѣ самобытный свой характеръ, являясь большею частію чуждыми тому краю, чрезъ который столь равнодушно проходятъ, но здѣсь они въ своей родной странѣ: пустынная рама, ихъ окаймляющая, выставляетъ въ настоящемъ свѣтѣ своенравныя ихъ фигуры. Иногда вслѣдъ за скрыпучими возами тащится на опрокинутомъ плугѣ молодой хохленокъ въ бѣлой косматой шапкѣ со всею важностію стараго чумака, ибо въ этомъ повидимому безжизненномъ племени разность возраста не прибавляетъ и не убавляетъ жизни; но попробуйте раздразнить ихъ, и тутъ разыграется въ полной силѣ южная природа, которая дремлетъ только до времени и до крови.

Любилъ я смотрѣть и на ночной отдыхъ этихъ степныхъ карабановъ, когда, распустивъ въ полѣ бѣлыхъ воловъ своихъ и разложивъ огни между собранныхъ на дорогѣ фуръ, сидѣли около живописными кружками рослые чумаки и варили себѣ пищу въ кошевыхъ котлахъ. Ярко освѣщало пламя ихъ смуглыя лица, напоминавшія старыхъ Запорожцевъ, когда еще ихъ дѣды заселяли слободами своими Украйну и ватагами ходили на Ляховъ и на Крымцевъ. Много минувшей жизни возбуждалось въ памяти при видѣ сихъ безжизненныхъ повидимому путниковъ, и чумацкій ночлегъ въ украинской степи подъ ея теплымъ небомъ, ярко горящимъ звѣздами, сильно говорилъ воображенію. Но я увлекся вашими земляками и совершенно забылъ, что рѣчь идетъ о Святыхъ Горахъ.

Вы бы не узнали обители Святогорской, такъ она расширилась и процвѣла въ короткое время; я и самъ тому подивился на разстояніи семи только лѣтъ. Уже и бѣлая ограда широко раскинулась, опускаясь и подымаясь по зеленымъ горамъ. Честь и слава о. архимандриту Арсенію; это великій строитель и, можно сказать, что ему обязана своимъ существованіемъ обновленная обитель при скудныхъ средствахъ; онъ умѣлъ привлечь къ ней не только всю Украйну, но и самый Донъ, и ничѣмъ болѣе, какъ привѣтливымъ словомъ и благолѣпною службою. Сегодня Господь сподобилъ меня пріобщиться внутри скалы въ церкви Предтечи, гдѣ нѣкогда обрѣтенъ былъ на мѣловой скалѣ чудный образъ святителя Николая. Соборно совершалъ литургію самъ архимандритъ, и съ нами молился схимникъ, затворникъ Іоаннъ, который семь лѣтъ спасается чуднымъ подвигомъ въ сердцѣ скалы. Его келлія, изсѣченная въ камнѣ, примыкаетъ къ алтарю пещерной церкви. Отрадно было молиться въ чудномъ храмѣ, утаенномъ отъ взоровъ человѣческихъ внутри скалы; никогда не слыхалъ я столь умилительнаго пѣнія херувимской пѣсни на гласъ «благообразный Іосифъ». Изъ всѣхъ службъ, которыя ежедневно совершались то наверху скалы, то въ подземной церкви чудотворцевъ Печерскихъ, утѣшительнѣе всѣхъ для меня была сія литургія въ сердцѣ утеса близъ келліи затворника, который напоминаетъ собою времена давно минувшія Египта и Палестины и нашего роднаго Кіева. Знаете ли, что обитель Святогорскую можно назвать миссіонерскою въ полномъ смыслѣ сего слова для всего южнаго края. Теперь, въ Петровъ постъ, всякій день стекаются сюда поклонники для говѣнія,

а въ Успенскій число ихъ удесятерится. Не только по субботамъ и воскресеньямъ, но ежедневно въ будни во всю недѣлю по 200 и по 300 человѣкъ пріобщалось въ соборной церкви или за раннею обѣднею на вершинѣ скалы. Народъ собирается за 200 и 300 верстъ, чтобы только поговѣть на святой горѣ, хотя имѣетъ сельскіе свои приходы. Вотъ что значитъ священное преданіе старины и обитель иноческая во время и на своемъ мѣстѣ устроенная! Это живой катихизисъ для цѣлаго края. Давно ли обновились Святыя Горы, и уже какъ широко распространился кругъ ихъ дѣйствій.

Архимандритъ показалъ мнѣ на вершинѣ скалы малую часовню во имя ангела моего, первозваннаго апостола, съ его иконою въ углубленіи утеса, какъ это обѣщалъ онъ мнѣ устроить за семь лѣтъ тому назадъ. Предъ иконою горитъ лампада, а на скалѣ написано большое распятіе, которое издалека видно съ противоположнаго берега рѣки; отъ сей часовни открывается чудный видъ на глубокую долину Донца. «Вы видите, что мы сдержали данное вамъ слово, сказалъ онъ, и мѣсто это слыветъ у насъ Андреевскою часовнею».

Меня изумила позолота крыши и всѣхъ главъ горней церкви Николая чудотворца на утесѣ, которая ярко горитъ отъ солнечныхъ лучей и придаетъ много красоты всей обители, какъ выспренній вѣнецъ ея на темени горъ. «Откуда такое обиліе золота? спросилъ я архимандрита, или вы очень разбогатѣли въ эти семь лѣтъ?» «Нѣтъ, средства тѣже, отвѣчалъ онъ, но и не безъ добрыхъ людей на свѣтѣ. Пріѣхала къ намъ одна больная помѣщица, подняла икону чудотворца на скалу и, почувствовавъ облег-

ченіе, призвала меня въ гостинницу. «Вотъ вамъ двѣ тысячи рублей, сказала она, но съ однимъ условіемъ, чтобы вы все это употребили на позолоту верхней церкви Святителя». Сколько я ни представлялъ ей, что есть другія болѣе необходимыя нужды въ обители, она настоятельно требовала, чтобы выполнена была ея воля, и это случилось не безъ Промысла Божія, потому что, когда стали перемѣнять листы, оказалось, что подгнило совершенно дерево и необходимо было исправить крышу; такимъ образомъ этотъ нечаянный случай послужилъ не только на украшеніе, но и для пользы обители».

Скажу вамъ, какъ Святогорцу, принимающему живое участіе въ обители и о выборѣ мѣста подъ лѣтній соборъ, который теперь составляетъ предметъ особенныхъ попеченій настоятеля. Архимандритъ хочетъ имѣть обширную церковь для помѣщенія всѣхъ богомольцевъ въ Успенскій постъ. Я совѣтовалъ углубить далѣе въ гору новый соборъ и сдѣлать его, какъ можно легче, чтобы соотвѣтствовалъ прочимъ зданіямъ, не гоняясь слишкомъ за просторомъ, который могутъ доставить терраса и хоры при меньшихъ размѣрахъ храма; колокольню же поставить на заднихъ воротахъ столпообразную. Церковь въ скиту уже отстроивается во имя великаго Арсенія, и это будетъ самый отрадный пріютъ для любителей безмолвія иноческаго. Вотъ вамъ мой отчетъ о святой горѣ. Оставляю теперь мирную обитель. Мнѣ предстоитъ шестинедѣльный курсъ Славянскихъ минеральныхъ водъ не далѣе, какъ за двадцать верстъ отсюда; но и тамъ я буду, какъ въ обители, далеко отъ суетной жизни, нераздѣльной со всякимъ стеченіемъ народнымъ, потому что таже

гостепріимная владѣлица, которая открыла мнѣ свое роскошное жилище на Святыхъ Горахъ, предложила и мирное уединеніе на своемъ хуторѣ или дачѣ за четыре версты отъ Славянска.

28 Мая 1858 года.

II.

СЛАВЯНСКЪ.

Собираясь оставить Славянскъ, чтобы продолжать мое странствіе въ Крымъ, рѣшаюсь написать о немъ хотя нѣсколько словъ. Разлука дѣлаетъ болѣе насъ снисходительными, и потому, покидая навсегда мѣсто, гдѣ протекло однако до пяти недѣль жизни, съ невольнымъ упрекомъ спрашиваешь самъ себя: неужели мѣсяцъ времени, приблизившій насъ къ вѣчности, не оставилъ никакого впечатлѣнія? Такъ оно осталось и было мирно; здѣшній лѣтній пріютъ мой напомнилъ мнѣ Останкино. Но я не въ Славянскѣ, а только близъ него въ трехъ верстахъ въ уединенномъ хуторѣ Потемкиныхъ, не весьма поэтическомъ по названію Макатихи, но не лишенномъ поэзіи по своей гористой мѣстности, гдѣ есть и лѣса. Отсюда открывается мнѣ Славянскъ во всей красотѣ своей на днѣ глубокой долины, какъ бы въ ущеліи, а вокругъ него необозримая степь, ознаменованная курганами памятью мимотекшихъ Ордъ. И утро и вечеръ любуюсь съ моего балкона живописною картиною сего мирнаго городка, который напоминаетъ мнѣ восточные. Бѣлая, высокая колокольня его собора представляется издали, какъ бы

тонкій минаретъ, а низкіе домики промежду садовъ довершаютъ восточный характеръ города; особенно хороша эта картина, когда сбѣгаетъ съ нея ранній золотистый туманъ или когда румянитъ ее вечернее солнце.

Вотъ все, что могу сказать издали о Славянскѣ. а вблизи онъ не занимателенъ. Не спрашивай же меня также, почему зовутъ его Славянскомъ? Мѣстные славянофилы, довольствуясь однимъ звучнымъ именемъ, не любятъ доходить до его источника и, безпечно купаясь въ соляныхъ водахъ своего озера, мало думаютъ о старинѣ. Я слышалъ однако, что озеро и самое мѣсто назывались прежде Торъ и только въ началѣ нынѣшняго столѣтія прослыли Славянскомъ, вѣроятно, по старой памяти Славяносербскихъ поселеній въ сихъ мѣстахъ. Церковь временъ Елисаветы еще доселѣ стоитъ на мѣстѣ стараго Тора, но мнѣ отселѣ ее не видно, она ближе къ водамъ во глубинѣ оврага. Опишу вамъ мѣстность моего хутора, которая заслуживаетъ вниманія. Уединенный домикъ, весьма удобный для сельскаго жилища, стоитъ въ полугорѣ: небольшая слобода Макатихи спускается по зеленому наклону вдоль дороги къ Славянску; съ правой стороны глубокій оврагъ съ малымъ прудомъ, густо поросшій лѣсомъ, который теперь благоухаетъ цвѣтущими липами; позади дома маленькій вишневый садъ, а налѣво высокій вѣтреный млинъ—эта неизмѣнная печать всѣхъ Малороссійскихъ усадьбъ; кругомъ та же необозримая зеленая степь, которая составляетъ вездѣ горизонтъ Украйны. Но есть въ окрестности довольно лѣсовъ по глубокимъ балкамъ, въ которыхъ можно найти много пріятныхъ прогулокъ.

*

Вы, конечно, спросите меня о пресловутыхъ водахъ, которыми такъ славится Славянскъ; скажу лишь вкратцѣ, ибо я не докторъ, а только пацiентъ и еще не совсѣмъ удачный, такъ какъ не по моему недугу пришлись воды; впрочемъ это нисколько не умаляетъ ихъ достоинства. Разлагать ихъ химически не умѣю, а знаю только, что онѣ весьма дѣйствительны противъ золотухи и ревматизма, и отъ этихъ двухъ болѣзней по истинѣ бывали чудныя исцѣленiя. Но я никакъ не согласенъ, чтобы Славянскiя воды могли служить панацеемъ противу всѣхъ немощей человѣческихъ. Для окрестныхъ жителей можетъ служить пріятнымъ развлеченiемъ Славянскъ, если бы даже и не было имъ облегченiя отъ болѣзней; для меня же онъ былъ только перепутьемъ въ Крымъ.

Три озера собственно составляютъ Славянскiя воды, но одно изъ нихъ, избранное предпочтительно для соляныхъ заводовъ, пересыхаетъ; другое же, къ которому примыкаетъ казенный садъ, слишкомъ ѣдко для ранъ; на третьемъ, самомъ обширномъ, устроено заведенiе четвероугольное съ выступами для восьми ваннъ съ каждой стороны. Еще десять ваннъ для холоднаго купанья устроены на озерѣ, изъ котораго накачиваютъ воду въ теплыя; но надобно однако быть весьма осторожнымъ въ постепенности градусовъ при переходѣ изъ теплыхъ въ холодныя, чтобы не простудиться. Садъ вокругъ заведенiя еще не разросся, и потому нѣтъ возможности гулять въ знойный день; это большой недостатокъ, который только время можетъ исправить. На противоположномъ берегу озера устроены другiя купальни для военныхъ чиновъ, которыхъ ежегодно сотнями сюда присы-

лаютъ при особомъ врачѣ для пользованія водами. Скажу и другую благотворительную сторону Славянскихъ водъ: сюда приходятъ или привозятъ много страждущихъ золотухою и ревматизмомъ, которые, будучи лишены всякихъ средствъ, содержатся милосердіемъ здѣшняго человѣколюбиваго общества и посѣтителей, подъ надзоромъ главнаго врача Курдюмова, весьма благочестиваго: это христіанское попеченіе по истинѣ дѣлаетъ честь Славянску.

Скажу вамъ нѣсколько словъ и о моемъ образѣ жизни въ теченіе цѣлаго мѣсяца совершенно пустынномъ. Макатиха настоящій скитъ, только къ сожалѣнію безъ церкви, и это лишеніе весьма чувствительно, потому что ѣздить въ городъ далеко. Я былъ даже вынужденъ просить священника Введенской церкви, болѣе близкой къ водамъ, служить для меня каждую среду раннюю обѣдню. Церковь сія трех-придѣльная носитъ весь характеръ временъ Елисаветы и не лишена воспоминаній историческихъ: въ ней стояло одну ночь тѣло блаженной памяти Императора Александра на пути изъ Таганрога, и въ церкви даже сохранился гробовой катафалкъ. Сколькихъ тяжкихъ думъ, сколькихъ слезъ былъ свидѣтелемъ уединенный храмъ сей въ ту печальную ночь, когда отдыхалъ въ немъ смертнымъ сномъ умиротворитель Европы! Еще тогда свѣжо было впечатлѣніе кончины Благословеннаго! Славянскъ былъ только вторымъ городомъ на погребальномъ шествіи чрезъ все необъятное его царство, внезапно покрывшееся трауромъ на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ. Сколько именитыхъ лицъ Русской державы собрано было въ этомъ смирен-

номъ храмѣ, а теперь памятникомъ всего бывшаго въ немъ величія остался одинъ катафалкъ!

Говоря о храмахъ, которыхъ здѣсь три (еще соборъ во имя Св. Троицы, устроенный усердіемъ здѣшняго гражданина, и кладбищенская церковь), нельзя не упомянуть о благочестіи жителей и стройномъ чинѣ богослуженія, которому удовлетворяетъ полный клиръ. Въ соборѣ, гдѣ два причта, образовался чудный хоръ изъ однихъ церковниковъ по необычайной звучности голосовъ Малороссійскихъ, который бы пріятно было слышать и въ большомъ городѣ. По праздникамъ предъ началомъ литургіи всегда читается акаѳистъ Матери Божіей, а на концѣ каждой службы особая молитва предъ Ея иконою Неопалимой купины, по случаю избавленія города отъ страшнаго пожара. Множество хоругвей составляетъ украшеніе здѣшнихъ храмовъ и придаетъ особое величіе крестнымъ ходамъ: таковъ былъ ходъ при открытіи водъ 1 Іюня. Отъ большаго количества собранныхъ хоругвей казалось, что много духовенства въ немъ участвуетъ, хотя не болѣе трехъ священниковъ совершали молебствіе на водахъ озера и окропляли ванны для исцѣленія болящихъ. Мнѣ нравится еще одинъ обычай, сохранившійся въ здѣшнихъ церквахъ и вообще въ Малороссіи и на югѣ Россіи: здѣсь надъ каждымъ жертвенникомъ есть сѣнь, въ видѣ шкафа, для соблюденія церковныхъ сосудовъ отъ пыли; это весьма прилично и даже полезно, потому что можно ихъ запирать. На ектеніяхъ поминаются не одни лишь имена усопшихъ, но молятся и о здравіи предстоящихъ по именамъ, и включаются молитвы о болящихъ и путешествующихъ: такимъ образомъ вся церковь уча-

ствуетъ въ общей о нихъ молитвѣ, и это общеніе утѣшительно. Много еще простоты душевной и близкихъ сердцу обычаевъ сохранилось въ Малороссійской Церкви. Отрадно было мнѣ наканунѣ большихъ праздниковъ ѣздить отсюда въ Святыя Горы, которыя отстоятъ только за восемнадцать верстъ; тамъ въ пустынной обители наслаждался я полнымъ благолѣпіемъ церковной службы и поднимался для молебновъ на чудную скалу съ иконою Святителя: такія поѣздки оставляли всегда утѣшительное воспоминаніе въ сердцѣ и умиротворяли душу.

Когда мы пріѣхали въ Славянскъ въ исходѣ мая, то, не смотря на холодное время и частыя непогоды, неумолкаемое пѣніе соловьевъ еще оглашало садъ и чащу лѣса въ глубокомъ оврагѣ близъ нашего сельскаго пріюта; здѣсь только могъ я вполнѣ оцѣнить всю сладость сего пѣнія. Украинскій хоръ сихъ доброхотныхъ пѣвцовъ потѣшалъ насъ и днемъ и ночью, такъ что не было даже слышно другой птицы, все умолкало предъ симъ музыкальнымъ созданіемъ; но въ половинѣ Іюня, какъ бы по данному знаку, внезапно всѣ соловьи замолкли; ихъ замѣнили и волги и кукушки, которыя грустно кукуютъ подъ нашимъ окномъ.

Здѣсь каждое утро будто дышетъ молодостью: еще не успѣетъ солнце обогрѣть влажнаго поля, которое все искрится крупными каплями росы, какъ мы уже подымаемся для пяти-верстнаго странствія по степи въ Славянскія купальни. Я довольно люблю эти раннія прогулки: все благоухаетъ, еще не успѣлъ выдохнуться ароматъ безмятежной ночи; есть особый запахъ колосящагося поля, чрезъ которое мы проложили себѣ тѣсную межу, есть и свой запахъ ско-

шенной степи; но еще благовоннѣе сія степь во всей ея дикости, тамъ гдѣ оставлена она для необъятнаго пастбища безчисленныхъ овецъ и воловъ; дико бродятъ по ней ихъ бѣлыя стада промежду разбросанныхъ кургановъ. Божья трава благоухаетъ по всей степи, какъ бы извлекая изъ земли ѳиміамъ кадильный, во славу Творца за чудную красоту Божьяго міра, и посреди безмолвія утренней природы раздается звонкая пѣснь жаворонка, теряющагося во глубинѣ безоблачнаго неба. По этимъ свѣжимъ степямъ между сторожевыхъ кургановъ спускаемся мы къ водамъ, и намъ живописно прорѣзывается изъ тумана бѣлый Славянскъ съ своими озерами и садами.

При наступленіи вечера люблю я на легкомъ конѣ стремиться во глубину рощи, чтобы тамъ искать себѣ прохлады послѣ знойнаго дня и подышать благовоніемъ липъ; онѣ сходятся густыми сводами надъ узкой тропою и какъ бы посѣдѣли отъ своего обильнаго цвѣта; но. когда я сюда пріѣхалъ, еще только цвѣли акаціи и не было колосьевъ въ полѣ; все это зеленѣло и разцвѣло предъ моими глазами, напоминая о скоротечности жизни, какъ тѣ новыя поколѣнія, что̀ вытѣсняютъ наше съ лица земли.

Не подумайте однако, чтобы я праздно проводилъ время промежду безпечнаго купанья и созерцанія природы; нѣтъ, я не потерялъ здѣсь мѣсяца жизни и многое написалъ, между прочимъ двѣ статьи французскія, для Question religieuse d'Orient: одно есть обличеніе на латинское исповѣданіе вѣры бывшаго діакона англійскаго Пальмера, которое изложилъ онъ себѣ въ оправданіе при переходѣ въ Римскую Церковь. Не странно ли, что мнѣ довелось

писать сію статью въ томъ самомъ Славянскѣ, гдѣ въ 1851 году я съ нимъ прощался и такъ усердно убѣждалъ его принять православіе? Предприму ли что либо писать въ Крыму?—не знаю, что еще внушатъ мнѣ и море и горы.

Не думайте также, чтобы уединенная Макатиха въ смиренной своей неизвѣстности оставалась безъ посѣтителей; кромѣ пріятныхъ гостей, которые отъ времени до времени пріѣзжаютъ изъ знойнаго города подышать горнымъ воздухомъ этой Славянской Швейцаріи, здѣсь посѣтилъ меня на перепутьи въ Грузію новый ея экзархъ Евсевій. Нѣсколько отрадныхъ часовъ провелъ я въ его пастырской бесѣдѣ, и мы взаимно помѣнялись впечатлѣніями тѣхъ мѣстъ, которыя видѣли, ибо ему любопытны были свѣдѣнія о Грузіи, а для меня о западной Руси. Утѣшительно встрѣчаться на пути жизни съ такими добрыми пастырями, каковъ сей экзархъ, достойный преемникъ прежняго.

Здѣсь ожидалъ я встрѣтить и радушную владѣтельницу сихъ мѣстъ, чтобы благодарить ее за гостепріимный пріютъ на Святыхъ Горахъ и въ Славянскѣ, но время не позволяетъ медлить. Грустно и то, что меня здѣсь не застанетъ заочный мой крестникъ, султанъ Казы Гирей, вамъ извѣстный по его христіанскимъ письмамъ. Быть можетъ, мы встрѣтимся съ нимъ на пути въ Таганрогъ, ибо тутъ пролегаетъ дорога съ Кавказа, или, быть можетъ, какъ потомокъ Гиреевъ Крымскихъ, рѣшится онъ посѣтить меня въ бывшей колыбели своихъ предковъ и будетъ со мною при заложеніи храма равноапостольнаго Владиміра надъ развалинами древняго Херсониса, близъ новѣйшихъ развалинъ Севастополя.

III.

СИМЕИСЪ.

Если бы недугъ не приковывалъ меня къ моей террасѣ на бо̀льшую часть дня и если бы не безсонны были для меня крымскія ночи отъ волненія крови въ душномъ воздухѣ, мнѣ бы конечно отраднымъ представлялся уединенный пріютъ мой въ Симеисѣ. Здѣсь въ бывшемъ жилищѣ Потоцкихъ посреди лавровой рощи на холмѣ, обросшемъ кипарисами и платанами, маслинами и гранатами, наслаждаюсь я всею роскошью южной природы. Море чуть видно сквозь чащу лавровъ и кипарисовъ, хотя оно и близко, и кое-гдѣ лишь проглядываетъ въ темной ихъ окраинѣ; но мнѣ слышенъ шумный его голосъ, особенно сегодня, когда бушуетъ оно бѣлыми валами по тревожной синевѣ, и вторитъ роскошная дуброва широко шумящему морю. Много поэзіи въ этой взаимной бесѣдѣ двухъ стихій; земля однако умолкаетъ, если слишкомъ громко заговоритъ море; все смиряется предъ ужасомъ его величія, но и оно смиряется предъ Тѣмъ, Кто положилъ ему границу утлый песокъ.

Есть и еще одинъ голосъ, но уже человѣческій, который нарушаетъ для меня пустынное безмолвіе: это голосъ Муэззима изъ сосѣдняго селенія Татарскаго Симеиса; постоянно, пять разъ въ день, и утромъ и вечеромъ, скликаетъ онъ къ молитвѣ, превозглашая единство Аллаха съ вершины своего убогаго минарета. Мнѣ его также не видно сквозь чащу, ибо надъ лаврами синѣетъ только темное небо юга и высятся верхи утесовъ, гранитной стѣною сходя-

щихъ къ Лименамъ. Дики эти звуки Муеззима, но они отрадны душѣ, какъ голосъ молитвы, хотя и чуждой, ибо иногда напоминаютъ о ней и христіанину, возбуждая благодарить Творца за то, что не далъ намъ коснѣть во тьмѣ невѣжества духовнаго и просвѣтилъ насъ благодатнымъ явленіемъ Искупителя. Тогда невольно пробуждается молитва и о тѣхъ, которые, будучи лишены сего блага, напоминаютъ намъ однако о молитвѣ, дабы и ихъ въ свое время просвѣтилъ Господь.

Не слышно здѣсь ни одной птички, которая бы веселымъ пѣніемъ освѣжала душу, но жужжаніе безчисленныхъ насѣкомыхъ въ густыхъ вѣтвяхъ такъ наполняетъ воздухъ во всѣ минуты дня и ночи, что къ сему шуму невольно привыкаетъ слухъ, какъ будто все совершенно тихо. Это постоянное жужжаніе дѣйствуетъ однако на нервы и желалось бы хотя одной минуты той сельской тишины, которая такъ успокоительна въ болѣе средней полосѣ; южная природа томитъ иногда самою своею роскошью; я бы промѣнялъ ее на одну украинскую ночь съ ея соловьями, которыми такъ наслаждался весною. Но сюда всякую ночь прилетаетъ незванная гостья, сова, садится на сосѣдній лавръ или кипарисъ и пронзительными звуками своей ночной пѣсни не слишкомъ тѣшитъ безсоннаго. Здѣсь называютъ эту вѣщую птицу совершенно наизворотъ: *сплю,* когда, напротивъ, она только будитъ спящихъ; но на южномъ берегу ради лавровъ и кипарисовъ надобно мириться и съ совою.

Лавры и кипарисы!—Ахъ, не есть ли это выраженіе нынѣшняго грустнаго впечатлѣнія Крыма послѣ страшнаго побоища Севастопольскаго? Много

тамъ было лавровъ, но еще болѣе кипарисовъ! Вотъ почему невольно сжимается сердце на самыхъ отрадныхъ по красотѣ своей мѣстахъ южнаго берега, при одномъ воспоминаніи о Севастополѣ! Все къ нему влечетъ, какъ бы теченіемъ береговымъ въ неизбѣжную пучину, и его роднымъ пепломъ, далеко разносимымъ, мысленно посыпано все поморіе, какъ лавою и пепломъ Везувія засыпались окрестные города. Не тотъ это уже Крымъ, которымъ восхищался я за десять лѣтъ предъ симъ, отъ края его и до края, отъ Керчи до Севастополя. Та же чудная природа, но по ней какъ бы простерся саванъ, объемлющій поморіе, какъ эти дымныя облака, которыя бродятъ около вершины Яйлы, спускаясь туманами въ долины. На всемъ лежитъ еще страшная рука минувшаго; по всему берегу говорятъ о Французѣ, пренебрегая Англичаниномъ, какъ будто бы сюда, на мирный дотолѣ берегъ Тавриды, спустился съ возвышенной полосы средней Россіи незабвенный нашъ *двѣнадцатый годъ*. Но взрывъ Севастополя не есть пожаръ Москвы! Сквозь ея зарево сіяли намъ крестами златоглавые ея соборы, ободряя насъ напоминовеніемъ творческихъ словъ разъяренному морю: «до сего дойдеши и не прейдеши, но въ тебѣ сокрушатся волны твоя». (Іов. XXXVIII, 11.) Къ сердцу Руси хлынула ея кровь и, опять отхлынувъ отъ сердца, однимъ порывомъ стерла враждебную стихію съ лица родной земли.

А здѣсь одинокія мачты потопленныхъ судовъ въ заливѣ Севастополя гласятъ еще о гибели нашего флота. Съ обѣихъ сторонъ сего залива неотпѣтыя могилы и самъ онъ, какъ бездонная могила, хотя и много славы яркимъ заревомъ осіяло это

страшное тризнище, гдѣ все, что только люди могли изобрѣсти адскаго для взаимнаго истребленія, было ими изобрѣтено и отъ столькихъ здѣсь столпившихся ужасовъ осталась только одна ужасная память того, что совершилось! Доколѣ еще зіяетъ кровавая пасть Севастополя съ своею разбитою челюстью, нѣтъ мира Русскому сердцу, хотя бы наслаждалось оно всѣми красотами южнаго берега, и вотъ почему такъ грустно его впечатлѣніе тому, кто зналъ его прежде.

Если однако могутъ быть занимательны впечатлѣнія, хотя и тяжкія, которыя произвелъ на меня многострадальный Севастополь, я изложу, скрѣпясь духомъ, то, что выстрадало мое сердце при обозрѣніи его развалинъ. По глубокому выраженію пѣвца ада, я буду, какъ тотъ человѣкъ, который вмѣстѣ и плачетъ и говоритъ:

«Faro come colui che piange e dice.»

26 Іюля 1858 года.

IV.

ВПЕЧАТЛѢНІЕ СЕВАСТОПОЛЯ.

Какъ только отъ великолѣпныхъ воротъ южнаго берега, поставленныхъ на горномъ хребтѣ, спустились мы въ зеленую Байдарскую долину, уже стали показываться слѣды бывшаго здѣсь непріятеля. На станціи случайно встрѣтился я съ княземъ Долгорукимъ, ѣхавшимъ изъ Севастополя, и онъ мнѣ передалъ планы города и окрестностей, составленные послѣ осады; планы сіи мнѣ послужили дорогою

къ объясненію мѣстности, ознаменованной военными дѣйствіями. Въ долинѣ Арнаутской предъ входомъ въ ущеліе рѣчки Шули остатки кавалерійскихъ бараковъ показываютъ, какъ далеко стояли передовые посты Англичанъ. Всѣ высоты отъ ущелія къ селеніямъ Комары и Кади-кіой обозначены бывшими ихъ лагерями и видны обширныя конюшни кавалеристовъ; въ раззоренномъ теперь селеніи Комары помѣщался Англійскій штабъ.

Тутъ, на высотахъ Кади-кіоя одно отрадное воспоминаніе освѣжаетъ душу: это память блистательнаго кавалерійскаго дѣла генерала Липранди, который нечаяннымъ отважнымъ натискомъ откинулъ непріятеля къ Балаклавѣ и, еще немного, то довершилъ бы славный подвигъ, потому что уже задымились пароходы, наполнявшіе Балаклавскую бухту, и непріятель готовъ былъ жечь то, чего не могъ спасти изъ своего флота, думая, что всѣ Русскія силы на него нахлынули. Но, если славно воспоминаніе сей битвы, грустно обратить взоры вправо отъ дороги, на такъ называемыя Ѳедюхины высоты, горько ознаменованныя неудачнымъ паденіемъ 4 августа, когда на нихъ укрѣпился уже непріятель. Тутъ въ несчастной битвѣ палъ Реадъ, рыцарь по духу, и Вревскій и съ ними много храбрыхъ, достойныхъ лучшей участи.

Изъ селенія Кади-кіоя, гдѣ теперь станція, заглянули мы въ Балаклаву, которая такъ прославилась въ послѣднюю войну, будучи забыта со временъ Генуэзскихъ. Тамъ была главная пристань Англичанъ, вмѣщавшая нѣсколько сотъ пароходовъ и мелкихъ судовъ; входили въ нее и стопушечные корабли, не смотря на тѣсноту залива; все тутъ кипѣло

жизнью, и Греческій городокъ казался однимъ изъ знаменитыхъ портовъ Англіи. Еще сохранился обширный деревянный помостъ, у котораго приставали суда близъ самаго берега по глубинѣ бухты; видны и остатки желѣзной дороги, которая отсюда шла въ лагери подлѣ уцѣлѣвшаго шоссе. Нѣсколько пушекъ могли бы заградить входъ цѣлому флоту въ сію пристань, укрѣпленную самою природою, ибо двѣ мѣдныя пушки Греческаго баталіона испугали тутъ цѣлую Англійскую армію выстрѣлами изъ Генуэзскихъ башенъ.

Самыя ихъ развалины на устьѣ Балаклавскаго залива свидѣтельствуютъ, какъ дорого цѣнили мореходцы Генуи сію незначительную, повидимому, бухту, которая представила столько удобствъ совершеннѣйшему изъ новѣйшихъ флотовъ; но, обладая великолѣпною пристанью Севастополя, мы пренебрегли убогую Балаклаву, предоставя ее рыбарямъ Греческимъ. Кому приходило на мысль, что она когда либо будетъ имѣть столь важное значеніе въ воинской лѣтописи?

Отъ Балаклавы почтовая дорога къ Севастополю идетъ по тому шоссе, которое провели Англичане къ своему главному штабу; оно соединялось также съ другимъ Французскимъ шоссе, направленнымъ къ Камышевой бухтѣ, гдѣ внезапно возникъ во время осады, какъ бы по волшебному манію, цѣлый городокъ со всѣми житейскими прихотями. Странно нестись на Русской тройкѣ съ колокольчикомъ по сему враждебному шоссе промежду остатковъ огромныхъ лагерей и непріятельскихъ кладбищъ. Вмѣсто чичероне служитъ Русскій ямщикъ, который равнодушно указываетъ кнутомъ на исполинскія становища и

на мѣста еще болѣе исполинскихъ битвъ; онъ олицетворялъ всѣ воинскія массы однимъ собирательнымъ именемъ: «Англичана или Француза», по мѣрѣ того, какъ обозначались ихъ лагери или кладбища, направо и налѣво отъ дороги, и никогда не называлъ ихъ во множественномъ числѣ. Это были какъ бы два страшные призрака завѣтнаго пути развалинъ. «Здѣсь стоялъ Агличанъ, кратко говорилъ ямщикъ, вотъ его конюшня, а вотъ его и кладбище; такихъ много по дорогѣ».

Страшно сказать, что до ста восьмидесяти иновѣрныхъ кладбищъ сдано было по заключеніи мира великодушному попеченію бывшихъ враговъ, хотя и оскорбленныхъ на родной своей землѣ, гдѣ теперь тлѣютъ кости ея опустошителей. Устлали же и они своими костями землю Русскую, и не даромъ!—Всѣ кладбища однообразно обнесены четвероугольною стѣнкою съ памятниками весьма скромными внутри и съ надписями полковъ, которые здѣсь улеглись на вѣчный покой. На офицерскихъ гробницахъ есть иногда камни съ родственными эпитафіями. Надъ входомъ одного изъ такихъ кладбищъ, гдѣ Англійская позиція сближалась съ Французскою, написано: «Respect aux morts». А сами они развѣ уважали усопшихъ, и еще какихъ именитыхъ, даже во время перемирія! Кто святотатно коснулся гробницъ нашихъ славныхъ адмираловъ посреди основанія начатаго храма? это не сдѣлали бы и самые Турки, болѣе уважающіе святость могилъ.

На половинѣ дороги къ Севастополю, дача Бракера, гдѣ умеръ Англійскій главнокомандующій лордъ Раглань и тутъ же былъ погребенъ близъ сада. Впослѣдствіи тѣло его перевезено въ Англію, но

сохранился памятникъ, а въ той комнатѣ, гдѣ скончался, мраморная доска свидѣтельствуетъ о печальномъ событіи для Англичанъ. Ихъ путешественники посѣщаютъ уединенную дачу: такъ уважаютъ они своихъ.

Влѣво отъ шоссе стояла главная квартира Французскаго вождя Пелисье, и съ этихъ высотъ начинаетъ уже открываться бѣдственный Севастополь: скрѣпя сердце, мы къ нему спускались. Отъ четвертаго бастіона, одного изъ самыхъ обширныхъ, который стоялъ на оконечности южной бухты и ограждалъ городъ съ югозападной стороны, открылась намъ вся ужасная картина опустошенія. Этотъ бастіонъ былъ по своей мѣстности постоянною цѣлію приступовъ почти во все время осады, доколѣ наконецъ враги не обратились болѣе на востокъ къ Малахову кургану.

При первомъ взглядѣ на городъ нельзя повѣрить совершенному его разоренію, видя еще стоящія зданія на высотѣ холма и вокругъ его подошвы; но это лишь бѣлый призракъ, тѣнь отжившаго Севастополя! Издали только еще существуетъ для глазъ насквозь прострѣленный его остовъ, въ которомъ нѣтъ живаго мѣста; но если присмотришься, то взору предстанутъ одни лишь голыя трубы и разбитые своды, или стѣны съ зіяющими окнами, изъ которыхъ дико выглядываетъ водворившаяся въ нихъ смерть. Здѣсь самое ужасное ея торжество, которому едва ли имѣла подобное отъ начала міра: здѣсь она пожирала въ день по двѣ тысячи труповъ, бросаемыхъ ей не какою-либо всенародною язвою, но рукою человѣческою при помощи самыхъ адскихъ орудій, какія только могли вымыслить въ новѣйшія

времена наиболѣе образованные люди для взаимнаго истребленія! И это повторялось не день и не два, какъ случается на поляхъ битвы, но въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ! Есть ли еще гдѣ въ лѣтописяхъ всемірныхъ что-либо подобное сему кровавому тризнищу?

Сердце обливается кровію при въѣздѣ въ городъ, который еще такъ недавно былъ и котораго теперь уже нѣтъ, хотя еще весь онъ какъ бы стоитъ предъ вами. Это впечатлѣніе Помпеи, вырытой изъ подъ пепла Везувія! А здѣсь сколько тысячъ огнедышущихъ жерлъ извергали адскую свою лаву на родную нашу, обреченную гибели, Помпею! Мы въѣхали въ этотъ опустѣвшій градъ гробовъ нашихъ братій, по выразительному слову Св. Писанія, (Неем. II, 3.) между 4-мъ и 5-мъ бастіонами, мимо такъ называемаго Шварцова редута, ибо здѣсь имена ихъ строителей или витязей, болѣе отличившихся на мѣстѣ жестокаго боя, ознаменовывали самыя мѣста. Вокругъ были однѣ лишь развалины: ни одного цѣлаго зданія, ни живой души, у кого бы спросить: что̀ это за обломки? Я опять обратился къ ямщику, какъ единственному указателю печальной мѣстности. Такъ и въ Помпеѣ на каждомъ шагу спрашивалъ я своего вожатаго: «какое это зданіе?» Но тамъ мнѣ говорили о томъ, что случилось за тысячу восемьсотъ лѣтъ, и, не смотря на то, еще цѣлы были жилища давно отжившихъ поколѣній; а здѣсь современникъ разсказывалъ мнѣ о разрушеніи, которое представлялось какъ бы уже совершившимся за тысячу лѣтъ.

Вправо и влѣво двѣ пустынныя улицы, бывшія Екатерининская и Морская, соединяющіяся у Граф-

ской пристани, огибали высокій холмъ Севастополя, какъ бы Акрополисъ какого-либо древняго города. Холмъ сей доселѣ увѣнчанъ великолѣпнымъ зданіемъ бывшей библіотеки, которая лучше другихъ сохранилась хотя и на высотѣ, потому что выстрѣлы непріятеля были направлены не въ зданія, а въ людей, укрывавшихся внизу около холма. Безъ сомнѣнія, мысль о Акрополисѣ Аѳинскомъ не чужда была нашему славному адмиралу Лазареву, напитанному классическимъ чтеніемъ древнихъ; ему былъ обязанъ Севастополь своимъ кратковременнымъ блескомъ, ибо морской витязь любилъ памятники древности; тутъ же на холмѣ подлѣ самой библіотеки соорудилъ онъ Аѳинскую башню вѣтровъ съ ея символическими изваніями, которая доселѣ уцѣлѣла, а въ полугорѣ церковь святыхъ апостоловъ, по образцу Тезеева храма. Началъ онъ воздвигать изъ великолѣпнѣйшаго мрамора Италіи и храмъ святому просвѣтителю Руси Владиміру не на развалинахъ однако Херсониса, по пристрастію своему къ Севастополю. Думалъ ли онъ, что недовершенный храмъ сей сдѣлается собственною его усыпальницею, гдѣ возляжетъ самъ посреди трехъ храбрыхъ своихъ сподвижниковъ? Памятникъ морской доблести Козарскаго также во вкусѣ древнихъ былъ имъ поставленъ на самой оконечности сего Акрополиса, чтобы издали поражалъ взоры съ моря, какъ на Аттическомъ мысѣ Суніума видна была гробница Ѳемистокла. Что̀, если бы внезапно поднялся герой нашъ Лазаревъ и увидѣлъ вокругъ себя разрушеніе всего того, что созидалъ онъ съ такою любовію въ теченіи многихъ лѣтъ! Но если мужественное его сердце, привыкшее къ ужасамъ битвъ и къ раз-

грому бойницъ, могло бы вынести горькое впечатлѣніе сихъ развалинъ въ надеждѣ на ихъ обновленіе, то не перенесло бы оно невозвратной утраты своего флота! Морской витязь отвратилъ бы лице свое отъ торговаго Севастополя тамъ, гдѣ съ юныхъ дней воинская душа его наслаждалась только гуломъ ратнымъ!

«Какое это было зданіе, все прострѣленное?» спросилъ я опять моего чичерони. «Это театръ» отвѣчалъ онъ; «а подлѣ?» — «костелъ». И то и другое намъ не сродны, подумалъ я; но, по мѣрѣ того какъ подвигался по разоренной улицѣ Екатерининской, все болѣе и болѣе сжималось сердце отъ невыносимаго зрѣлища разбитыхъ домовъ. Можно помириться съ видомъ развалинъ давно минувшихъ, но видѣть ихъ еще въ населенномъ городѣ, это слишкомъ дико и больно. Изъ уцѣлѣвшихъ, или, вѣрнѣе сказать, изъ обновленныхъ домовъ я видѣлъ на Екатерининской улицѣ только почтамтъ и домъ, гдѣ живетъ командиръ порта, и башню адмиралтейства, съ которой сняли городскіе часы на квартиру Французскаго начальника Пелисье: такъ поступали Французы и въ 1812 году. Все прочее пробито ядрами и бомбами, какъ источаются червями плоть и кости: едва ли обрѣтутся и въ могилѣ такіе угрызатели? Домъ, гдѣ жилъ сперва близъ адмиралтейства начальствовавшій Графъ Остенъ-Сакенъ, много пострадалъ, потому что тутъ, ближе къ южной бухтѣ, было открытое мѣсто между 3-мъ и 2-мъ бастіонами; въ этомъ промежуткѣ непріятельскія баттареи съ Зеленой горы могли свободно направлять выстрѣлы въ любое зданіе, особенно когда былъ оставленъ Камчатскій редутъ, необходимый для защиты Малахова и всей

бухты; это мѣсто сдѣлалось самымъ опаснымъ въ городѣ.

Теперь мы спокойно о томъ разсуждаемъ, но каково было выносить въ продолженіи одиннадцати мѣсяцевъ то раскаленное небо, которое тяготѣло надъ главою храбрыхъ Севастопольцевъ, съ огненными его кометами при непрестанномъ трескѣ бомбъ и раскатѣ громовъ изъ нѣсколькихъ тысячъ орудій! Не было ли это однимъ изъ предшествующихъ зрѣлищъ послѣдняго дня нашего міра, обреченнаго на сожженіе со всѣми его стихіями?—Одно лишь утѣшительнымъ представляется для взоровъ посреди всеобщаго разрушенія, какъ и въ тотъ страшный день отраднымъ будетъ знаменіе Сына человѣческаго, предъ коимъ восплачутся всѣ колѣна земныя: это двѣ церкви Божіи рядомъ. Одна изъ нихъ, весьма малая и убогая, во имя архангела Михаила выстояла во все ужасное побоище Севастополя, напоминая зовъ послѣдней трубы архангельской, ибо въ ней ежедневно по нѣскольку десятковъ славныхъ усопшихъ отпѣвалось подъ громомъ неумолкавшей канонады. Служители алтаря возглашали здѣсь: «во блаженномъ успеніи вѣчный покой» доблестнымъ мученикамъ нашимъ за вѣру и отечество, не обрѣтшимъ себѣ на землѣ временнаго покоя и уже выстрадавшимъ вѣнецъ свой при жизни. «Ей! глаголетъ духъ апокалиптическимъ гласомъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ, дѣла ихъ ходятъ вслѣдъ за ними». (Апок. XIII, 13).

Другая церковь во имя святителя Николая, ангела царскаго, начатая прежде осады, продолжалась строиться во время оной и была простѣлена, чтобы также быть славною участницею страданій

Севастополя; по миновании страшной бури обновлена она во вкусѣ Византійскомъ. Кто на нее посмотритъ. не подумаетъ, чтобы это былъ соборъ уже не существующаго города; однако въ священную ея ограду сходятся еще на молитву разсѣянные промежду развалинъ богомольцы, ибо до десяти тысячъ жителей считается въ разоренномъ городѣ и его раскинутыхъ слободахъ. Отъ собора до пристани указываютъ остатки домовъ, гдѣ жили нѣкоторые изъ именитыхъ защитниковъ города, бодрствовавшіе здѣсь во все время осады. Тотлебенъ, Васильчиковъ снискали себѣ тутъ добрую славу на всю жизнь, другіе же вѣчную память, ибо тутъ же и дома отжившихъ: Истомина. Нахимова. Нахимовъ, оставшійся одинъ послѣ храбрыхъ своихъ сподвижниковъ, искалъ себѣ смерти вездѣ, гдѣ только можно было ее встрѣтить. Погребая братію свою, адмираловъ—просилъ онъ ихъ, чтобы потѣснились для него въ славной усыпальницѣ наверху горы, ибо предчувствовалъ, что скоро съ ними соединится. Не хотѣлъ онъ оставить роднаго Севастополя съ одними лишь своими моряками, если бы даже и всѣ его оставили. Послѣдній хотѣлъ онъ пасть на разбитыхъ его твердыняхъ, послѣ того какъ пережилъ морскую его славу, и вотъ ему даровано было сіе послѣднее утѣшеніе.

Противъ Графской пристани стоитъ бывшій домъ собранія, весь прострѣленный, ужасный по своимъ воспоминаніямъ, ибо тутъ былъ въ началѣ главный перевязочный пунктъ, доколѣ бомбы не вытѣснили и отселѣ умирающихъ, пощаженныхъ ими на редутахъ; на сѣверной сторонѣ залива устроилось имъ другое пристанище. Какими ужаснѣйшими стонами не огласилось это печальное вмѣ-

стилище всѣхъ возможныхъ человѣческихъ мукъ, которыя замѣнили здѣсь прежнюю суетную веселость сего мѣста! Со временъ мученическихъ были ли когда собраны во едино столь разнообразныя муки? Свидѣтелями ихъ были сіи роковыя стѣны, сами разбитыя и какъ бы еще зіяющія отъ видѣннаго ими ужаса. Здѣсь дѣйствительно страдали мученики, безропотно положившіе животъ свой въ страшныхъ истязаніяхъ за вѣру, царя и отечество, и никто не знаетъ имени ихъ, хотя ихъ было нѣсколько темъ и даже тысячи тысячъ; нельзя было оцѣнить ихъ невѣдомыхъ страданій отъ самаго ихъ множества! Все это казалось тогда весьма обыкновеннымъ, ибо къ чему не привыкаетъ воспріимчивая природа человѣка? Гулъ не умолкаемыхъ орудій заглушалъ стоны, какъ не слышно было вопля закалаемыхъ жертвъ на требищахъ отъ трубнаго треска; ежечасное ожиданіе смерти дѣлало наконецъ равнодушнымъ къ смерти; самый воздухъ, раскаленный отъ безчисленныхъ выстрѣловъ и взрывовъ, казался обыкновенною атмосферою сего обреченнаго на погибель города. Сюда со свѣжаго воздуха надобно было приходить учиться страдать и умирать; но тогда отъ самаго избытка страданій эта тяжкая наука не представлялась страшною: многіе желали смерти, чтобы только выйти изъ сего ужаснаго положенія.

Но здѣсь посреди мукъ можно было учиться и дѣламъ христіанскаго милосердія отъ сестеръ милосердія, которыя были земными ангелами сихъ мучениковъ, передавая ихъ въ руки небесныхъ ангеловъ. Воздадимъ должную справедливость самоотверженію добровольныхъ участницъ всѣхъ ужасовъ

брани, столь чуждой повидимому ихъ слабому полу, ибо онѣ мужественно несли иго Христово и погибали здѣсь не только отъ заразительныхъ болѣзней, но нѣкоторыя и отъ воинскихъ ранъ. Но, восхваляя ихъ, вспомнимъ и о той, которая сплела себѣ неувядаемый вѣнецъ ихъ посольствомъ въ станъ ратный; по ея свѣтлой мысли и человѣколюбивому манію впервые двинулось сіе новое, немощное воинство на помощь сильнымъ и совершило великое, ибо, по слову апостола, «сила Божія въ немощи совершается». (2. Кор. XV. 9) Никогда прежде не видно было сего на Руси, но никогда не бывало въ ней и ужасовъ, подобныхъ Севастопольскимъ: столь жестокія язвы требовали болѣе нѣжной руки и сострадательнаго участія.

Едва могли мы найти себѣ помѣщеніе въ тѣсной гостинницѣ, потому что многіе съѣхались на праздникъ обновленія Херсониса. Здѣсь ожидала меня пріятная встрѣча съ моимъ спутникомъ по архипелагу, когда вторично странствовалъ я въ Святую землю въ 1849 году. Баронъ Сталь (бывшій тогда старшимъ офицеромъ на фрегатѣ) занималъ теперь должность дежурнаго штабъ-офицера при портѣ. Сколько ни былъ я утомленъ быстрымъ переѣздомъ отъ Ялты до Севастополя на перекладной и въ самый знойный день, не хотѣлъ однако опустить благопріятнаго случая и просилъ Сталя въ тотъ же вечеръ показать мнѣ взорванные доки и повести меня на Малаховъ курганъ, котораго имя сдѣлалось столь громко во вселенной.

При закатѣ солнца на легкой гичкѣ переплыли мы корабельную бухту. Грустно было смотрѣть на исполинскій остовъ морскихъ казармъ, который воз-

вышался надъ бывшимъ адмиралтействомъ; вечеромъ обманчиво представлялся онъ взору, какъ бы еще во всей своей цѣлости. Враги лукаво способствовали сему оптическому обману: они взорвали огромное зданіе казармъ изнутри, сохранивъ его наружныя стѣны, такъ что издали оно не поражаетъ своими развалинами, хотя просвѣчиваетъ пустота безчисленныхъ оконъ, какъ ямы провалившихся глазъ въ разбитомъ черепѣ; но зданіе никогда не можетъ быть возстановлено, потому что треснуло самое основаніе стѣнъ: такъ мощно дѣйствовала здѣсь адская рука разрушенія, предупредившая самое время. Сколькихъ стоило милліоновъ, чтобы срыть только одну гору, на которой, по манію царскому, предполагалось строить новое адмиралтейство? Оно долженствовало быть однимъ изъ самыхъ чудныхъ зданій въ мірѣ и не довершенное пало! Исполинскій трудъ рукъ человѣческихъ, достойный древнихъ колоссовъ Египта и Рима, однимъ мгновеніемъ обратился въ ничто! А великолѣпные доки? можно ли было столь варварски истребить ихъ и для чего? Они уже не годились для новаго устройства кораблей, но можно было пощадить ихъ ради изящества; да и честно ли было взорвать ихъ во время перемирія? Но уже таковъ духъ надменныхъ островитянъ—истреблять все, что только не ихъ. Мы спустились въ доки по грудѣ обвалившихся камней и столь же трудною стезею поднялись на противоположную сторону, чтобы выйти изъ ограды бывшаго адмиралтейства; бывшаго!—какъ тяжело такое слово, когда еще недавно все это былое было и цвѣло.

Уже смеркалось, когда вышли мы на чистое поле къ Малахову кургану. Въ одно время съ нами

багровая луна поднималась на завѣтную его вершину; кровавый цвѣтъ ея вполнѣ соотвѣтствовалъ мѣстнымъ воспоминаніямъ. Все уже такъ взрыто на этой роковой баттареѣ, что развѣ только опытный глазъ воина можетъ распознать на ней гдѣ, что было. При слабомъ освѣщеніи луны мы не дошли до того обрыва, откуда ворвался непріятель, и не могли видѣть ни траншей, ни Камчатскаго редута, отъ котораго зависѣла участь Малахова. Не былъ взятъ приступомъ завѣтный курганъ сей, недоступный врагу! Напрасно хвалятся Французы, отбитые на всѣхъ пунктахъ послѣдняго кровопролитнаго штурма. Они захватили курганъ нечаянно и были бы выбиты опять горстію храбрыхъ, одушевленныхъ геройствомъ Хрулева, если бы только было дозволено. Но это были бы напрасныя жертвы, ради одной только славы; уже рѣшено было оставить Севастополь. Непріятель не посмѣлъ однако идти впередъ, онъ далъ намъ свободно выйти изъ города и перейти заливъ на утломъ мосту въ бурную погоду. Не лучшее ли это доказательство, что занятіе Малахова ничтожно въ сравненіи отбитаго повсюду приступа, хотя имя сіе гремитъ въ титулѣ Французскаго вождя; это лишь суетная блестка для удовлетворенія народнаго самолюбія!

Спросилъ я моего спутника: «откуда названіе Малахова?» и онъ отвѣчалъ: «былъ у насъ шкиперъ весельчакъ сего имени, который мѣстомъ своихъ потѣхъ избралъ этотъ курганъ; туда часто посылали отыскивать хмѣльнаго, и по имени его курганъ прозвался Малаховымъ». Не большая это слава, подумалъ я, Французскому маршалу послѣ одиннадцати мѣсячной осады Севастополя не отъ него заимствовать свой воинскій титулъ. «Duc de Malachoff!» это весьма громко, а въ Рус-

скомъ переводѣ, когда понимаешь значеніе слова, не очень то звучно выходитъ: «герцогъ Малахова».

Спутникъ мой, по свойственной ему скромности, едва проговорилъ, что самъ онъ въ продолженіе всей осады начальствовалъ на баттареи въ Пересыпи, которая была на оконечности южной бухты между 4-мъ бастіономъ и 3-мъ, или такъ называемымъ большимъ редантомъ; противъ сего реданта неудачно испытали Англичане свои силы при началѣ осады. Тутъ просидѣлъ онъ безвыходно почти одиннадцать мѣсяцевъ и вышелъ невредимъ; но никто не цѣнитъ такого подвига, потому что это дѣло было весьма обыкновеннымъ во время сей безпримѣрной осады. Духовные вмѣстѣ со свѣтскими раздѣляли подвигъ и привыкли засыпать подъ свистъ пуль и ядеръ, а бомбы дѣлались предметомъ шутокъ для тѣхъ, которые ловко умѣли избѣгать ихъ.

Не напрасно иностранцы всякаго званія во множествѣ пріѣзжаютъ сюда посмотрѣть на развалины нашей Трои, ибо дѣйствительно такая война составляетъ эпоху, какъ и Троянская. Недавно пріѣзжалъ сюда принцъ Жуанвильскій съ сыномъ своимъ прямо изъ Константинополя и не польстился даже посмотрѣть на южный берегъ Крыма: это весьма понятно для военнаго человѣка. Теперь здѣсь все еще свѣжо въ памяти, каждый матросъ можетъ служить живою лѣтописью, въ которой самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ. Каждому Русскому, если только имѣетъ возможность, сердечный долгъ долженъ внушать идти сюда посѣтить то мѣсто, гдѣ было пролито столько драгоцѣнной крови для защиты отечества, доколѣ еще не изгладились воспоминанія. Съ годами время возьметъ свое, и все

сотрется съ лица сего лѣтописнаго участка родной земли.

Отъ Скироса, въ даль влекомый,
Поплыветъ Неоптолемъ,
Брегъ увидитъ незнакомый
И зеленый холмъ на немъ.
Кормчій юношѣ укажетъ,
Полный думы, на курганъ
«Вотъ Ахилловъ гробъ! онъ скажетъ,
Тамъ вблизи былъ Грековъ станъ.
Вкругъ ужъ пусто.. смолкли бои,
Тихи Ксантъ и Симоисъ,
И уже вкругъ башенъ Трои
Плющъ и терній обвились.
«Обойдетъ равнину брани!
Тамъ, гдѣ ратовалъ Ахиллъ,
Ужъ стадятся робки лани
Вкругъ оставленныхъ могилъ!»

Грустно возвращались мы съ поля битвы, развлекая себя бесѣдою отъ печальныхъ думъ. Товарищъ мой разсказывалъ мнѣ нѣкоторые примѣчательные случаи минувшей осады. Достойно вниманія. что одна изъ первыхъ непріятельскихъ бомбъ поразила въ Севастополѣ Француза, а послѣднія добивали Англичанъ. Въ самый первый день осады, когда еще только началась канонада, пріѣхалъ изъ Петербурга Французскій инженеръ нашей службы. Рано утромъ пошелъ онъ въ морскія казармы навѣстить одного изъ своихъ пріятелей и засталъ его еще спящимъ; проснувшійся офицеръ вѣжливо предложилъ гостю мѣсто на диванѣ, который служилъ ему постелью, а самъ сѣлъ подлѣ на стулѣ; въ ту минуту начались выстрѣлы, и первая бомба разразилась надъ головою пріѣзжаго, участи коего подвергся бы

самъ хозяинъ, если бы менѣе былъ учтивъ: чудны дѣла Твои Господи!

Спутникъ мнѣ говорилъ. что много еще валяется начиненныхъ бомбъ между развалинъ и, надобно быть съ ними очень осторожнымъ, потому что бывали несчастные случаи. Въ прошломъ году двое пріѣзжихъ Англичанъ вздумали пошутить надъ такою бомбою и заплатили жизнію за свою неумѣстную отвагу; бомбу разорвало и ихъ убило на мѣстѣ. Не есть ли это таинственное возмездіе представителямъ сего непріязненнаго народа за все то зло, которое нанесли ихъ соотечественники городу, уже беззащитному во время перемирія, исказивъ самые его останки, пощаженные осадою? Надъ сими останками пришли еще поглумиться ихъ туристы и тутъ же въ самыхъ докахъ, разоренныхъ Англичанами, обрѣли себѣ смерть! Мертвая повидимому бомба и вѣроятно начиненная Англійскимъ порохомъ, два года спустя послѣ всѣхъ сихъ ужасныхъ событій, таила въ себѣ еще достаточно силы, чтобы поразить Англичанина! Право, нельзя всегда приписывать случаю такія случайности.

Когда мы спустились опять въ разоренные доки. чтобы перейти на другую сторону къ ожидавшей насъ лодкѣ, луна, высоко уже поднявшаяся, полнымъ свѣтомъ осіяла величественный остовъ морскихъ казармъ и все адмиралтейство. Легче было смотрѣть на развалины при обманчивомъ ея свѣтѣ, ибо она блѣдными своими лучами достроивала разоренное. Трехъ ярусная колоссальная стѣна, облегавшая одну сторону скрытой горы, съ безчисленными окнами, казалось, еще не испытала враждебной руки и готова была состязаться со временемъ, да и можно ли было

здѣсь ожидать когда-либо инаго состязателя?—Казалось, обширная пристань Севастополя готова была опять принять въ свои объятія родной ея флотъ. хотя и мало было судовъ на широкихъ водахъ, но воображеніе дополняло желаемое; слышались голоса съ обоихъ береговъ корабельной бухты, и мнѣ мечталось, что я опять плыву по тому же чудному заливу, какъ бывало за десять лѣтъ предъ симъ, посреди сокровищницы нашего флота, и что недавно бывшее никогда не бывало или давно уже миновалось, и все опять въ обновленной силѣ! Тотъ же спутникъ прежнихъ радостныхъ дней управлялъ рулемъ быстрой ладьи, и по его манію стройно ударили по водамъ длинныя весла ловкихъ гребцовъ, разсѣкая серебристую пѣну.

Мнѣ хотѣлось забыть настоящее. Но, когда опять вспомнилъ о минувшей славѣ сего единственнаго въ мірѣ залива и о нынѣшнемъ его запустѣніи, слезы невольно канули изъ глазъ, хотя и старался утаить ихъ: молча, въ тяжкой думѣ переплылъ я чудный заливъ. Мы причалили опять у Графской пристани; легкая ея колоннада красовалась какъ и прежде, когда не было мѣста, гдѣ бы къ ней причалить отъ множества лодокъ, и весь заливъ исполненъ былъ кораблей. Давно ли кажется?—а теперь лишь зыблются на водахъ два-три парохода и одинъ лишь военный начальника Черноморскаго флота. Съ глубокимъ вздохомъ взглянулъ я на сѣверную сторону, гдѣ еще въ полномъ величіи возвышались форты Константина и Михаила, чтобы освѣжить душу хотя чѣмъ-либо несокрушеннымъ посреди сей груды обломковъ; но, когда сквозь колоннаду Графской пристани мнѣ мелькнули опять въ бѣломъ саванѣ,

какимъ ихъ окутала луна, всѣ развалины Севастополя отъ подошвы до вершины холма, этотъ Акрополисъ смерти, иззубренный остовъ цѣлаго города,— не могъ я долѣе выносить плачевнаго зрѣлища и укрылся на ночь въ свой убогій пріютъ.

V.

ОБНОВЛЕНІЕ ХЕРСОНИСА.

День св. Владиміра ознаменовался духовнымъ торжествомъ, какихъ давно не видалъ древній Херсонисъ, въ память равноапостольнаго князя. Казалось, многострадальный Севастополь воспрянулъ временно изъ своихъ развалинъ, чтобы дохнуть изъ подъ пепла бывалою жизнію. Все, что было духовенства не только въ городѣ и окрестностяхъ, но и на южномъ берегу въ пустынныхъ скитахъ, созданныхъ преосвященнымъ Иннокентіемъ въ ущельяхъ горной Тавриды, соединилось въ Севастополѣ съ двумя архимандритами монастырей Георгіевскаго и Успенскаго, что близъ Бахчисарая. Епископъ Херсонскій Димитрій нарочно прибылъ для торжества сего изъ Одессы. Собралось все морское начальство съ остатками морскаго экипажа подъ ружьемъ съ своими прославленными въ битвахъ знаменами, которыя развивались вмѣстѣ съ церковными хоругвями. Списки древнихъ иконъ Корсунскихъ, снятые въ Московскомъ соборѣ, древняя икона великомученика изъ его обители и частица мощей равноапостольнаго князя, испрошенная также въ Москвѣ, предносимы были пресвитерами. Епископъ съ животворящимъ крестомъ слѣдовалъ за сокровищемъ мощей,

и стройно выступилъ крестный ходъ изъ Николаевскаго собора при многочисленномъ стеченіи народа всякаго званія и исповѣданія, какое только могъ представить на лице разоренный Севастополь.

Нестерпимый зной не воспрепятствовалъ усердію клира и гражданъ, хотя Херсонисъ отстоитъ за четыре версты отъ города. Еще не выходя изъ объема его развалинъ при церкви Петропавловской, которая возникла уже послѣ разоренія, преосвященный Димитрій сталъ на возвышеніи и осѣнилъ народъ святынею мощей просвѣтителя Руси. Нѣсколько далѣе крестный ходъ выступилъ изъ свѣжихъ развалинъ Севастополя между 5-мъ и 6-мъ бастіонами, которые столь мужественно отразили враговъ, и направился къ инымъ многовѣковымъ развалинамъ Херсониса. Разстоянія времени какъ будто изгладились между ними: всеобщее разрушеніе уравняло ихъ годы, подобно тому какъ люди, подвигаясь къ старости, не чувствуютъ уже между собою того различія лѣтъ, которое разительно было въ болѣе юномъ возрастѣ; здѣсь давно минувшее слилось съ недавно отжившимъ подъ одною грудою камней и пепла.

Не въ силахъ будучи идти за крестнымъ ходомъ, я предупредилъ его и не раскаялся въ этомъ, потому что засталъ другое торжественное служеніе въ самомъ Херсонисѣ. Строитель Евгеній съ двумя іеромонахами, со крестами и хоругвями вышелъ также изъ своей убогой церкви св. Владиміра на каменный холмъ, складенный имъ предъ развалинами древняго соборнаго храма и увѣнчанный высокимъ крестомъ: тамъ совершилось освященіе воды. Я стоялъ у подошвы холма въ самыхъ развалинахъ;

еще ясно обозначены были стѣны святилища и мѣсто алтаря, ознаменованное крестомъ. Умилительно было слышать молитвы освященія надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ нѣкогда освящалась вода для крещенія самого Владиміра; показываютъ посреди храма углубленіе купели, въ которой спала чешуя съ очей новопросвѣщеннаго, какъ нѣкогда у апостола Павла. Священнослужители спустились съ холма, чтобы окропить останки храма и обойти съ пѣніемъ тропарей вокругъ священныхъ обломковъ, откуда возсіяла намъ заря нашего спасенія.

Было предположеніе соорудить церковь во вкусѣ Византійскомъ на самыхъ развалинахъ совершенно того же размѣра, и планъ сего зданія былъ уже утвержденъ; даже крестный ходъ назначенъ для того, чтобы торжественно заложить первый камень, но недавно отмѣнили первоначальный планъ, чтобы не коснуться остатковъ бывшаго святилища при копаніи фундамента. Теперь рѣшено соорудить болѣе обширный храмъ во имя равноапостольнаго князя и въ нижнемъ его ярусѣ вмѣстить неприкосновенно остатки древняго, устроивъ тамъ особый придѣлъ:— добрая мысль, если только осуществится. Странны судьбы Херсониса! Сколько столѣтій уже тлѣетъ онъ въ развалинахъ! Камни его отчасти послужили для строенія новаго города, который также теперь въ развалинахъ.

Уже нѣсколько десятковъ лѣтъ производился сборъ по всей Россіи для сооруженія храма въ Херсонисѣ на память крещенія просвѣтителя Руси, но собранныя деньги получили внезапно иное назначеніе. Не знаю, почему представилось двумъ именитымъ двигателямъ сего края на сушѣ и по водамъ,

князю Воронцову и адмиралу Лазареву, будто не довольно опредѣлена мѣстность древняго Херсониса, хотя, казалось, ясно обозначено основаніе соборнаго храма на бывшей городской площади, и цѣлы доселѣ мраморные останки съ разбитыми колоннами другаго великолѣпнаго храма св. Климента ближе къ морю; стоитъ еще и тотъ историческій холмъ, который насыпали Херсониты во время осады, отгребая землю, наносимую осаждавшими къ стѣнамъ для приступа; сохранилась даже и стѣна Херсониса, опредѣляющая мѣстность бывшаго Акрополиса.

Испрошено было повелѣніе обратить всю собранную сумму на другой предполагаемый храмъ, также во имя св. Владиміра, но не въ древнемъ Херсонисѣ, а въ сосѣднемъ ему Севастополѣ. Адмиралъ Лазаревъ хотѣлъ соорудить храмъ со всевозможнымъ великолѣпіемъ, весь изъ мрамора, и уже стали выписывать изъ Италіи мраморъ, хотя тѣмъ не удовлетворилось бы благочестивое усердіе жертвователей. Между тѣмъ самое мѣсто древняго Херсониса, гдѣ совершилось драгоцѣнное событіе нашего духовнаго просвѣщенія, предназначено было для чумнаго госпиталя. Тогда бы не только совершенно истребились слѣды христіанскихъ храмовъ, которые теперь цѣлы послѣ непріятельскаго разгрома, но даже самое мѣсто по карантинной строгости сдѣлалось бы всегда недоступнымъ для поклонниковъ, которые бы захотѣли тутъ искать слѣды крещенія св. князя, и это предположеніе уже готово было исполниться.

Нечаянно узналъ я о томъ при посѣщеніи Севастополя въ 1847 году на обратномъ пути моемъ изъ Грузіи и ужаснулся. Немедленно написалъ я изъ Одессы князю намѣстнику въ Тифлисъ, умоляя его

пощадить мѣсто, столь священное для цѣлой Россіи, о достовѣрности коего не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, ибо развалины Херсониса сами о себѣ свидѣтельствуютъ. Я нарочно поѣхалъ въ Николаевъ убѣдить въ томъ же адмирала Лазарева и успѣлъ его склонить написать князю, что соглашается съ моимъ мнѣніемъ. Намѣстникъ съ своей стороны вполнѣ показалъ благородный свой характеръ, давъ обѣщаніе не только сохранить неприкосновеннымъ мѣсто, но и воздвигнуть на немъ памятникъ Равноапостольному. Однако, не смотря на то, собранныя деньги оставались въ пользу новой церкви Севастополя и только послѣ всѣхъ ужасовъ его разоренія обратились онѣ къ первобытной цѣли.

Между тѣмъ преосвященный Иннокентій, сдѣлавшись архіепископомъ Херсонскимъ, не оставилъ безъ вниманія развалинъ Херсониса и всего полуострова Таврическаго, ибо вездѣ старался сохранить и обновить остатки древности. Подобно какъ въ епархіи Харьковской оставилъ онъ по себѣ память обновленіемъ Святогорской обители, такъ и въ Тавридѣ предпринялъ возстановить древнія ея святилища, или, какъ онъ выражался, образовать изъ нея Русскій Аѳонъ, но у него не доставало людей и средствъ; однако онъ не унывалъ и употребилъ все, что было въ его силахъ, чтобы осуществить свою мысль; по крайней мѣрѣ онъ положилъ зародышъ будущимъ обителямъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ существовали прежде, въ живописныхъ ущельяхъ, или при цѣлебныхъ источникахъ, издавна освященныхъ въ памяти народной.

Прежде всего обновилъ онъ скитъ Успенскій въ ущельи Бахчисарая, какъ одно изъ первыхъ святи-

лицъ Греческихъ, только не давно опустѣвшее, и предназначилъ его быть начальною лаврою для всѣхъ будущихъ скитовъ. Онъ вызвалъ туда изъ лавры Кіевской благочестиваго архимандрита Поликарпа, который долгое время былъ начальникомъ нашей миссіи въ Аѳинахъ и по своей подвижнической жизни совершенно приготовленъ къ такого рода дѣятельности. На рѣкѣ Качѣ, не далеко отъ Бахчисарая, также въ ущеліи и на источникахъ рѣки Альмы у подошвы Чатырдага слышалъ Иннокентій, что существовали нѣкогда церкви при цѣлебныхъ источникахъ св. Анастасіи и святыхъ безсребренниковъ, и, посѣтивъ сію живописную мѣстность, обновилъ разрушенную тамъ святыню. Инкерманская скала съ остатками Греческой крѣпости на верху горы и съ древнею церковью, изсѣченною въ утесахъ, привлекла его заботливое вниманіе, и онъ вызвалъ изъ запустѣнія сіе святилище. Но ближе всего лежалъ къ его сердцу Херсонисъ, какъ мѣсто прославленное крещеніемъ Руси, въ лицѣ ея князя; онъ поспѣшилъ испросить себѣ сіи развалины и устроилъ тамъ, посреди пустыря близъ остатковъ бывшаго соборнаго храма, гдѣ крестился Владиміръ, малую церковь съ келліею для иноковъ.

Нашелся и туда ревностный подвижникъ изъ воиновъ Донскихъ, который, отслуживъ съ честію царю и отечеству, рѣшился посвятить себя Богу; онъ былъ благороднаго происхожденія, въ званіи есаула. Преосвященный удержалъ его въ Одессѣ на пути въ Іерусалимъ и убѣдилъ заняться устройствомъ святилища въ Херсонисѣ, ибо вездѣ умѣлъ находить людей способныхъ, которыхъ тщательно отыскивалъ. Такъ однажды, услышавъ въ Херсони, что

уже многіе годы спасается невѣдомый странникъ въ тяжкихъ веригахъ на пустынномъ островѣ посреди тростниковъ Днѣпровскихъ, самъ поплылъ туда и убѣдилъ его переселиться въ Успенскій скитъ.

Убогая церковь, поставленная на развалинахъ Херсониса, разорена была во время осады, а ревностный ея блюститель, искавшій спасенія отъ непріятелей съ утварью церковною въ родной землѣ на Дону, при переправѣ черезъ рѣку утонулъ. Преосвященный Иннокентій, посѣтивъ въ послѣдній разъ Крымъ въ минувшемъ году, заботился о возстановленіи церкви Херсониса, и усердіемъ одного изъ гражданъ Севастопольскихъ вскорѣ опять она могла быть освящена; но уже самъ Иннокентій лежалъ больнымъ въ Георгіевскомъ монастырѣ, когда совершилось желаемое освященіе. Тогда поставилъ онъ настоятелемъ будущей обители бывшаго при немъ іеромонаха Евгенія, еще юнаго, но весьма ревностнаго и замѣчательнаго по своему происхожденію. Отецъ его фонъ-Экштейнъ былъ при дворѣ короля Шведскаго Густава IV-го и послѣ его паденія долженъ былъ оставить свое отечество; онъ переселился въ Ригу, женился тамъ и вскорѣ умеръ. Вдова его съ трехлѣтнимъ младенцемъ переѣхала въ Москву и приняла православіе. Рано поступилъ въ иноческое званіе ея сынъ по влеченію сердца, и ему предстоитъ оправдать свое званіе на томъ духовномъ поприщѣ, которое столь неожиданно ему открылось. Много потрудился онъ въ сѣверной столицѣ для обновленія обители Херсониса и испросилъ себѣ половину тѣхъ денегъ, которыя были первоначально собраны для сего предмета; другая часть ихъ предназначена для довершенія церкви въ Севастополѣ во имя св. Владиміра,

въ основаніи коей покоятся знаменитые наши адмиралы. Такимъ образомъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, возвратилось Херсонису бывшее его достояніе, взятое у него во время славы Севастополя, и онъ уже обновляется, когда еще дымятся свѣжія развалины бывшей сокровищницы нашего флота.

Уже крестный ходъ приближался къ Карантинной бухтѣ и передовыя толпы народа начали подыматься на высоты Херсониса; строитель Евгеній готовился идти на встрѣчу. Мы воспользовались краткимъ временемъ, чтобы осмотрѣть на берегу развалины Климентовой церкви, которой древнее великолѣпіе явствуетъ изъ самыхъ обломковъ. Сохранилось основаніе стѣнъ и есть слѣды фресковъ на горнемъ мѣстѣ; разбитые столбы лежатъ по срединѣ храма и видно внутри его мраморное ихъ основаніе, которое образуетъ длинный четвероугольникъ: все святилище было украшено колоннами на подобіе древнихъ базиликъ и сохранились слѣды бывшаго портика. До осады Севастополя многія колонны еще оставались на своихъ мѣстахъ, другія лежали, опрокинутыя временемъ, но пощаженныя людьми; ихъ истребили новѣйшіе варвары и стерли въ прахъ.

По изящности храма можно судить о томъ благоговѣніи, которое питала христіанская древность къ памяти священномученика Климента, папы Римскаго, сосланнаго сюда за исповѣданіе имени Христова и, вѣроятно, пощаженнаго въ Римѣ только по родству съ Кесарями, ибо онъ былъ изъ той же именитой фамиліи Флавіевъ, которая дала многихъ великихъ мужей древней всемірной столицѣ. Но св. папа, тамъ пощаженный, здѣсь подвергся мученической кончи-

нѣ и брошенъ былъ въ море съ мыса Херсонисскаго. Здѣсь черезъ восемь столѣтій чуднымъ образомъ обрѣлъ на днѣ морскомъ священные его останки просвѣтитель Славянъ, близкій нашему сердцу святый Кириллъ Философъ, съ братомъ своимъ Меѳодіемъ, когда они были посланы изъ Царьграда для обращенія Козаръ, и оставилъ часть мощей св. мученика, взявъ съ собою другую въ Римъ. Отселѣ перенесъ главу св. Климента и мощи ученика его Ѳива новопросвѣщенный Владиміръ въ родной свой Кіевъ, и это была первая святыня, которую получила себѣ въ благословеніе просвѣтившаяся христіанствомъ Русь.

Конечно, послѣ сооруженія храма во имя св. Владиміра надъ мѣстомъ его крещенія, первымъ долгомъ настоятеля Херсонисскаго будетъ—обновить и сію древнюю базилику св. Климента, столь тѣсно связанную съ началомъ нашего христіанства и памятью апостола Славянъ Кирилла. Недалеко отъ нея сохранились еще на берегу ступени бывшей пристани Херсониса, гдѣ ступилъ нѣкогда на сію завѣтную для Руси землю самъ первозванный ея апостолъ; обойдя вокругъ всего Понта, онъ пришелъ въ Херсонъ для проповѣди Христовой; отселѣ поднялся еще вверхъ по Днѣпру пророчески водрузить на горахъ Кіевскихъ первый крестъ, за тысячу лѣтъ до крещенія Владиміра. Вотъ сколько священныхъ воспоминаній для насъ въ развалинахъ одного Херсониса, а мы до сихъ поръ оставались къ нимъ равнодушными, упоенные славою Севастоля! Горькое разочарованіе обратило насъ къ симъ священнымъ началамъ.

Когда мы возвратились отъ развалинъ базили-

ки Климентовой, крестный ходъ уже входилъ въ убогую церковь св. Владиміра, которая не могла вмѣстить въ себѣ столько народа; всѣ богомольцы оставались внѣ ея, не смотря на духоту воздуха и палящее солнце. Епископъ Димитрій совершилъ торжественно литургію послѣ утомительнаго хода, и можно было подивиться его пастырской ревности. При входѣ съ евангеліемъ преосвященный поставилъ строителя Евгенія игуменомъ, и должно сказать, что онъ вполнѣ заслужилъ сію степень за свое усердіе къ обновленію падшаго Херсониса. Еслибы не его голосъ, повидимому ничтожный, то не совершилось бы сіе великое дѣло и, быть можетъ, еще на многіе годы оставался бы въ развалинахъ священный храмъ, свидѣтель крещенія нашего просвѣтителя, доколѣ бы совершенно не истребили его и время и люди. Изумительно, какъ могъ онъ сохраниться и доселѣ! Но сила Божія въ немощи совершается, и усердіе одного человѣка подвигло все высокое и священное на Руси къ обновленію вѣковыхъ развалинъ.

VI.

ИНКЕРМАНЪ И СѢВЕРНАЯ СТОРОНА.

Въ тотъ же вечеръ просилъ я опять моего добраго спутника по Архипелагу отвести меня на своей быстрой гичкѣ до Инкермана; по свойственной ему скромности, какъ бы не надѣясь на свое знаніе мѣстности бывшихъ битвъ, пригласилъ онъ съ нами одного опытнаго инженера, чтобы тотъ разсказалъ мнѣ подробнѣе, гдѣ что происходило. Прежде,

нежели углубиться въ самую оконечность Севастопольскаго залива, миновали мы Павловскую баттарею на мысу корабельной бухты, взорванную нами въ день отступленія. Тутъ была употреблена военная хитрость; на баттареѣ находилось много раненыхъ, и потому сперва ея не коснулись; но, опасаясь, чтобы непріятель, овладѣвъ ею, не сталъ вредить сѣверному укрѣпленію, испросили краткій срокъ для вывоза раненыхъ и взорвали баттарею.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались вдоль берега къ устью Черной рѣчки, намъ представлялись одна за другою углублявшіяся балки: сперва Ушаковская, которая долго служила мѣстомъ городскихъ гульбищъ по своему саду, нынѣ уже опустошенному, и Киленъ-балка, которая горько прославилась неудачною битвою Инкерманскою при своемъ верховьѣ. Грустно подумать, что отъ ничтожной ошибки утрачена была лучшая минута для совершеннаго истребленія враговъ. Если бы войска наши пошли, какъ было предположено, по лѣвую, а не по правую сторону балки, не были бы они разрознены, и еслибы тѣ, которые шли къ нимъ на помощь отъ Инкерманскаго моста, не отклонились отъ указанной имъ высоты, бросившись на выстрѣлы, чтобы выручать своихъ по духу Русскаго солдата, то всѣ Англичане погибли бы въ этотъ роковой для нихъ день; но онъ обратился на насъ самихъ всею тяжестью неудачной битвы.

Отъ Киленъ-балки начинался тотъ рядъ бастіоновъ, мгновенно созданныхъ кругомъ всей южной бухты, который увѣнчалъ Севастополь боевымъ вѣнцомъ и обезсмертился памятью его защитниковъ, мученически здѣсь пострадавшихъ; никогда не изгла-

дится память сія, хотя бы и стерлись съ лица земли упоенные кровію бастіоны, которые теперь еще возвышаются вокругъ многострадальнаго города, какъ свѣтлый вѣнчикъ вокругъ мученическаго лика, и между ними Малаховъ, какъ высшій зубецъ сего чуднаго вѣнца, господствуетъ надъ всѣми. Между Киленъ-балкою и Георгіевскою построены были на высотахъ тѣ знаменитые баттареи, Селенгинская и Волынская, носившія имена своихъ строителей, которыя при началѣ осады изумили непріятеля самою отважностью ихъ нечаяннаго сооруженія и, отиснувъ его далеко, дали хотя на краткое время дохнуть свободнѣе мужественнымъ защитникамъ Севастополя.

Вступивъ въ устье рѣчки Черной, поросшей тростниками, мы проѣхали подъ сводами Инкерманскаго моста, отъ котораго съ такою надеждою и успѣхомъ устремились войска наши на бой двадцать пятаго октября. Дѣйствительно, оплошность Англичанъ была чрезвычайная, потому что они безъ выстрѣла допустили насъ подняться на высоты Сапунъ горы, откуда нѣсколько пушекъ могли насъ отразить; но здѣсь же и бѣдственно окончилась для насъ битва, когда въ свою очередь и по ошибкамъ, которыя можно почитать роковыми, потому что нельзя было даже ихъ предполагать, опамятовались враги и, опрокинувъ войска наши, преслѣдовали ихъ до сего моста. Въ виду Инкермана надъ каменоломнями мнѣ указали мѣсто, гдѣ бросился со скалы одинъ мужественный юнкеръ, преслѣдуемый непріятелями, и разбился въ прахъ, чтобы только не достаться въ ихъ руки. Я спросилъ о его имени, — оно забыто. Сколько такихъ подвиговъ самоотверженія геройска-

го во время осады Севастополя остались совершенно безъизвѣстны, когда мы съ дѣтства привыкли изучать подвиги Римскіе—Коклеса и Сцеволы, за двѣ тысячи пятьсотъ лѣтъ до насъ бывшіе, а то, что было въ глазахъ нашихъ, мы уже выбросили изъ памяти. Неужели никто не напишетъ подробную героическую исторію осады Севастополя со всѣми ея блистательными подвигами? Такая обязанность лежитъ на очевидцахъ: это будетъ народная эпопея, наша Иліада надъ развалинами нашей Трои.

Красивый водопроводъ перекинутъ черезъ глубокую балку въ виду Инкермана и насквозь пробита была Сапунъ гора, чтобы живая струя воды, зачерпнутая далеко въ горахъ, текла въ доки Севастополя. И что же?—рука новѣйшихъ варваровъ не пощадила и сего громаднаго дѣла, достойнаго древнихъ памятниковъ Римскихъ, такъ какъ все строилось на исполинскіе размѣры въ Севастополѣ: разбитъ водопроводъ, и заваленъ проломъ скалы, и пресѣчена струя водная, а для чего?—одна только неистовая вражда руководила здѣсь истребителей, которые на каждомъ шагу ознаменовали свое варварство.

Вотъ, наконецъ, и живописныя развалины Инкермана съ Греческою башнею и остатками укрѣпленія наверху горы, ибо здѣсь было самостоятельное владѣніе одного Греческаго державца изъ роду Комниныхъ во дни славы Херсониса, и едвали не каѳедра митрополита Готѳскаго; о томъ свидѣтельствуетъ церковь, которая изсѣчена внутри скалы, пробитой насквозь для сообщенія съ вышгородомъ. Одиннадцать лѣтъ тому назадъ, при посѣщеніи Инкермана, я засталъ церковь сію въ совершенномъ запустѣ-

ніи; съ тѣхъ поръ она обновлена ревностію преосвященнаго Иннокентія, который испросилъ для нея малый участокъ земли подъ огородъ на берегу Черной рѣки, хотя мѣсто это вредно по своимъ лихорадкамъ, и устроилъ малый скитокъ для одного отшельника въ этой скалѣ. Мы не нашли іеромонаха въ каменномъ его пріютѣ: онъ былъ на праздникѣ въ Севастополѣ и еще не возвращался. Сторожъ, отставной матросъ, открылъ намъ входъ въ пещерную церковь, указалъ въ скалѣ келлію своего старца и поспѣшилъ зажечь свѣчи предъ иконами, чтобы радушно встрѣтить посѣтителей, довольно рѣдкихъ.

Признаюсь, надо было много имѣть самоотверженія и любви къ уединенію, чтобы поселиться въ такомъ безотрадномъ мѣстѣ и къ тому же болѣзненномъ, гдѣ церковная молитва не услаждается даже и во дни воскресные общеніемъ богомольцевъ, потому что все пусто вокругъ, развѣ кто придетъ изъ каменоломень съ противоположнаго берега. Дѣло иное, когда тутъ устроится хотя небольшое общежитіе, но скоро ли это будетъ при недостаткѣ средствъ и людей? Преосвященный Иннокентій, обновляя храмъ въ сердцѣ скалы, посвятилъ его памяти двухъ священномучениковъ Римскихъ, святыхъ папъ Климента и Мартина, пострадавшихъ въ Херсонѣ, куда были они заточены въ различныя времена, въ I и VIII столѣтіи христіанства; но Климентъ пострадалъ отъ языческаго кесаря за исповѣданіе имени Христова, а Мартинъ отъ императора Константа за то, что мужественно воспротивился его еретическому изложенію вѣры, которое хотѣлъ распространить по вселенской Церкви. Оба святителя долго трудились въ каменоломняхъ Инкерманскихъ; быть можетъ, св.

папа Климентъ былъ и первымъ сооружителемъ изсѣченной въ скалѣ церкви, и потому весьма прилично посвящена она памяти обоихъ священномучениковъ.

Я искалъ въ ней той гробницы невѣдомаго угодника Божія съ лѣвой стороны алтаря, на которую впервые указалъ Иннокентій въ одной изъ своихъ краснорѣчивыхъ бесѣдъ во время осады Севастополя. (Я упомянулъ о томъ въ своемъ описаніи житій святыхъ священномучениковъ Херсонскихъ, мѣсяцъ мартъ). Въ статейномъ спискѣ посольства, ходившаго въ Крымъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, упоминается объ обрѣтеніи мощей одного невѣдомаго святаго въ скалѣ Инкерманской, который, явившись во снѣ священнику Русскому, исцѣлилъ болящаго, но не открылъ своего имени и не велѣлъ брать своихъ останковъ въ Россію, обѣщая въ свое время привести Русь въ сіе мѣсто, и вотъ чудно исполнилось его предсказаніе. Дѣйствительно, съ лѣвой стороны есть закладенное въ стѣнѣ мѣсто сей могилы, гдѣ лежали и иныя кости, но уже не осталось слѣдовъ стѣнной живописи, о которой говорится въ статейномъ спискѣ; а то окно, изъ котораго выбросилъ нечестивый татаринъ священные останки, обращено теперь въ дверь на балконъ: оттуда открывается живописный видъ на всю долину, оживленную зеленью древесною; вдали едва виднѣется море, которое нѣкогда близко подходило къ скалѣ Инкерманской.

Уже солнце готово было спуститься за утесы и глубокое ущеліе начинало покрываться тѣнью. Опасаясь вечернихъ испареній сей болѣзненной долины, мы поспѣшили къ нашей лодкѣ и спустились опять

между тростниковъ, которые служатъ зародышемъ лихорадки, въ широкій заливъ Севастополя. Тамъ мы дохнули свободно свѣжимъ воздухомъ моря, но сердце сжалось опять при видѣ обступившихъ кругомъ развалинъ.

Поздно вечеромъ посѣтилъ я Сталя, жившаго на вершинѣ холма Севастопольскаго, и, возвращаясь отъ него въ лунную ночь, могъ окинуть взоромъ все бѣдственное запустѣніе города. При такой обширности развалинъ, разбросанныхъ по всему холму и около его подошвы, кое-гдѣ мелькали только огоньки, и по этимъ огнямъ можно было судить, гдѣ укрывается народонаселеніе послѣ гибельной осады. Все прочее было—одни лишь пустыри или обломки, которые, вѣроятно, не скоро населятся, теперь особенно, когда перенесена желѣзная дорога на другую оконечность Крыма въ открытую пристань Ѳеодосіи. Многострадальный Севастополь, гордясь своими ранами, понесенными за отечество, чаялъ залѣчить ихъ, когда бы потекла черезъ него рѣка торговли, но ему суждены одни лишь воинскіе подвиги.

Рано утромъ на другой день оставилъ я Севастополь, чтобы посѣтить Бахчисарай. На баркасѣ переплылъ я широкій заливъ, чрезъ который перекинутъ былъ утлый мостъ длиною съ версту въ роковой день отступленія, славнаго въ полномъ смыслѣ сего слова; все, что только можно было перенести человѣческими силами во время одиннадцати-мѣсячной осады, было перенесено и даже болѣе, потому что свыше человѣческихъ были подвиги и страданія осажденныхъ. Но тотъ великолѣпный Николаевскій фортъ, откуда начинался мостъ, и гдѣ въ послѣднее время осады помѣщалось все начальство разорен-

наго города съ остатками гарнизона, госпиталь и церковь,—эта священная сердцевина, гдѣ еще бился послѣдній пульсъ умирающаго, когда уже остывали оконечности разбитыхъ членовъ, не существуетъ болѣе. Нами же былъ взорванъ фортъ при оставленіи города, и одинаковая участь постигла Александровскій—на самомъ устьѣ залива, который такъ славно отразилъ враждебный флотъ, когда въ первый день осады надменно возмечталъ онъ прорваться въ львиную пасть Севастополя.

По мѣрѣ того какъ мы приближались къ сѣверной сторонѣ, баркасъ проходилъ мимо мачтъ потопленныхъ судовъ; грустно было смотрѣть на этотъ мачтовый лѣсъ, выроставшій изъ воды, который нѣкогда съ такою славою носился по водамъ. Пять кораблей и два фрегата затоплены были еще въ первые дни осады, когда наступалъ непріятельскій флотъ, остальные же суда и пароходы въ послѣдній день предъ отступленіемъ, чтобы не достаться въ руки враговъ: это единственные подводные камни сей чудной пристани, которой нѣтъ подобной въ мірѣ по ея безопасности и простору. Каково же было славнымъ дѣятелямъ, которые сами сооружали всѣ сіи громоносныя суда и летали на нихъ по бурнымъ волнамъ, оглашая громомъ оружія берега Чернаго моря и въ Синопѣ воскрешая Чесму, каково было имъ собственными руками хоронить въ родной пучинѣ родныя суда, дѣла рукъ своихъ, какъ они опустили потомъ въ родную землю и тѣла своихъ витязей, водившихъ ихъ на путь побѣды!

Ступивъ на берегъ, мы не пошли къ сѣверному укрѣпленію, гдѣ сосредоточились всѣ наши воинскія силы послѣ оставленія Севастополя и гдѣ еще цѣлы

укрѣпленія съ двумя фортами Константина и Михаила, которые господствуютъ надъ входомъ въ заливъ. Да послужитъ утѣшеніемъ морскимъ витязямъ то, что не могли враги расторгнуть поставленныя ими въ устьѣ преграды затопленныхъ судовъ, которыя и теперь съ трудомъ извлекаетъ со дна моря компанія Американская, и что не вѣялъ на водахъ Севастополя флагъ иноземный. Если и погребенъ въ родной пучинѣ Черноморской флотъ нашъ, не попустилъ онъ однако, чтобы надъ его влажною могилою скользилъ надменный корабль ликующаго врага. Одни Русскіе соблюдаютъ сію глубокую усыпальницу, какъ отдѣлены волнами залива и могилы храбрыхъ воиновъ нашихъ отъ кладбищъ иноземныхъ. Но увы! это цѣлый городъ могилъ: два такихъ некрополиса возграждены не далеко одинъ отъ другаго на сѣверной сторонѣ, а кто сочтетъ тьмы темъ ихъ усопшихъ?

Я устремился на высоту къ одному изъ сихъ исполинскихъ кладбищъ, надъ коимъ теперь созидается погребальная церковь благочестивымъ усердіемъ одного изъ подвижниковъ осады, который перешелъ послѣднимъ пловучій мостъ въ день отступленія. Пирамидально будетъ зданіе сего храма, и уже возведено гранитное основаніе. Надгробный памятникъ Русскихъ воиновъ, падшихъ подъ стѣнами Казани при царѣ Іоаннѣ,—также въ видѣ пирамиды съ церковью внутри, вѣроятно, подалъ первую мысль и для внѣшняго вида Севастопольскаго храма, и, если, быть можетъ, въ первую минуту можно пожелать иного вида, скоро мирится съ нимъ стѣсненное сердце на этомъ полѣ смерти. Мы привыкли видѣть въ пирамидѣ нѣчто погребальное и вмѣстѣ

исполинское по древнимъ колоссамъ Египта, а здѣсь все гласитъ о смерти и все было громадно. Но если пирамида носитъ на себѣ отпечатокъ языческихъ гробницъ, то свѣтлый крестъ, который вѣнчаетъ ея мрачную вершину, будетъ утѣшать насъ мыслію о вѣчности.

У подошвы церковнаго холма встрѣтился я съ архитекторомъ, который прискакалъ ко мнѣ изъ временнаго городка, устроившагося на сѣверной сторонѣ послѣ разоренія Севастополя. Пріятно было видѣть его ревность, соединенную съ любовью къ искусству, и мы побесѣдовали о будущемъ устройствѣ храма. Онъ будетъ освященъ во имя святителя Николая, какъ покровителя морскихъ силъ и ангела покойнаго государя; но кромѣ сего особенный день можетъ быть посвященъ здѣсь поминовенію православныхъ воиновъ, ибо слишкомъ много ихъ легло тутъ костьми за вѣру и отечество, и прилично отдѣлить ихъ память отъ общей памяти иныхъ усопшихъ. Если есть годовщина Мамаева побоища подъ именемъ Дмитріевой субботы, почему же не быть Севастопольской послѣ столь безпримѣрнаго подвига?

Всѣ Русскіе князья мученики, начиная съ Бориса и Глѣба, должны быть изображены на стѣнахъ храма подъ сѣнію родоначальника ихъ, равноапостольнаго Владиміра, просвѣтившаго Русь изъ Херсониса. На западной же стѣнѣ пусть будетъ написана широкою кистью утѣшительная картина общаго воскресенія мертвыхъ, какъ она представилась Іезекіилю; когда пророкъ во дни плѣненія Вавилонскаго изведенъ былъ Духомъ на поле, все усѣянное костями человѣческими, какъ и нынѣшнія поля Севастополя, и былъ къ нему Божій гласъ: «сынъ человѣчь, ожи-

вутъ ли кости сіи?» Въ ужасѣ отвѣчалъ онъ: «Господи, Ты знаешь!» и снова гласъ: «сынъ человѣчь, пророцы на кости сіи и скажи имъ: кости сухія услышьте слово Господне, се глаголетъ Адонаи Господь костямъ симъ: духъ жизни вдохну Я въ васъ, и дамъ вамъ жилы, и наведу на васъ плоть, и простру по васъ кожу, и дамъ вамъ духъ Мой, и оживете, и узнаете, что Я Господь». И пророкъ Іезекіиль, какъ заповѣдалъ ему Господь, и вмѣстѣ съ его глаголомъ былъ гласъ и землетрясеніе: совокуплялись кости, кость къ кости, каждая къ своему составу; смотрѣлъ онъ и явились на нихъ жилы, и плоть росла, и простиралась сверху кожа, но въ нихъ не было духа. Тогда къ нему былъ голосъ: «пророцы о духѣ, пророки сынъ человѣческій и скажи духу: такъ глаголетъ Адонаи Господь: отъ четырехъ вѣтровъ пріиди духъ и дохни на мертвыхъ сихъ, да оживутъ». И онъ пророкъ, какъ заповѣдалъ ему Господь, и взошелъ въ нихъ духъ жизни, ожили всѣ и стали на ногахъ своихъ,—соборъ многій, великій (Іез. 37 гл.). Такъ будетъ нѣкогда и въ сей юдоли плача!

VII.

АЛУПКА.

Если кто не видалъ въ зеленой Гренадѣ той пресловутой Альгамбры, о которой такъ горько плакалъ послѣдній ея властитель, Мавръ Боабдиль,—пусть плыветъ сюда, на южный берегъ Тавриды, полюбоваться Альгамброю Русскою, которая внезапно возникла, какъ бы по волшебному манію, на скалахъ Алупки. Тутъ найдетъ онъ все очарова-

ніе Мавританской: и прохладительный шумъ ея фонтановъ отъ знойной тяготы полудня, и нѣгой дышущія розы, алою плетеницей обвившія порфировыя ея террасы; тутъ тѣ же страшные львы, свирѣпѣющіе изъ-подъ мрамора, и рядъ стройныхъ кипарисовъ, поставленныхъ какъ бы на стражѣ сего чуднаго созданія Востока въ замѣнъ той стройной дружины Абенсераговъ, которая охраняла завѣтныя палаты царей Мавританскихъ. Цѣлая роща сихъ кипарисовъ манитъ васъ укрыться отъ огненныхъ лучей въ глубокій мракъ свой, проницаемый только просвѣтами синяго моря, которое виднѣется сквозь темную ихъ колоннаду. Нѣтъ этого великолѣпнаго моря въ чуждой намъ Альгамбрѣ Испанской, а здѣсь оно широко шумитъ у подножія Русской и довершаетъ ея очарованіе.

Море у ногъ ея гложетъ сѣдою пѣною брошенные ему на жертву утесы, но оно не смѣетъ коснуться выспреннихъ террасъ; роскошный садъ сбѣгаетъ отъ нихъ къ пучинѣ, весь въ лаврахъ и миртахъ; древесныя магноліи открываютъ бѣлую душистую чашу тропическихъ своихъ цвѣтовъ изъ-за розовой купы цвѣтущихъ олеандровъ: все здѣсь дышетъ Востокомъ, и дальная Индія приноситъ сюда ароматные свои дары. Но вотъ и дикій Сѣверъ пришелъ оградить мшистыми скалами верхніе сады своенравной Алупки, въ которой столько же игры искусства, сколько и природы. Неуловимыя стези подбѣгаютъ подъ гранитные утесы, которые будто готовы обрушиться на смѣлаго путника, довѣряющагося ихъ нависшей громадѣ; но его влечетъ туда живая струя, пробивающаяся изъ сердца камня, какъ слезы участія тамъ, гдѣ ихъ не ждешь, и говоромъ

усладительныхъ водъ обворожаетъ посѣтителя сего нечаяннаго Нимфея. Выгляните изъ-подъ угрюмой скалы,—и васъ обвѣютъ плетеницы плюща, зеленою сѣтью разсыпающіяся съ камней, чтобы уловить пришельца и напомнить ему о чудной природѣ Юга промежду Финскихъ великановъ. На каждомъ шагу разнообразіе, и богатѣйшая растительность чуждыхъ другъ другу странъ собрана здѣсь искусною рукою въ одно великолѣпное цѣлое. На Альпійской лужайкѣ, гдѣ катится горный ручей, величаво встаетъ Индѣйская магнолія въ бѣлой душистой своей коронѣ, когда взоры скорѣе искали бы тутъ Ливанскаго кедра, и вотъ наконецъ—потухшій волканъ на краю Вавилонскихъ садовъ сихъ поражаетъ васъ страннымъ своимъ явленіемъ посреди всей этой роскоши природы и искусства.

Если море служитъ внизу синею каймою для этой чудной картины, то сверху иной великолѣпный пологъ ее вѣнчаетъ: это гранитный хребетъ Яйлы. Сурово подымается онъ тяжкою стопою своихъ скалъ надъ веселою зеленью виноградныхъ садовъ; вся растительность Юга и всякая жизнь умираетъ подъ гранитною его пятой; одно лишь мертвое величіе каменныхъ исполиновъ высится въ синеву эѳира, отъ времени до времени повивая гордое чело свое восточною чалмою облаковъ. Два сѣдыхъ утеса, какъ бы двѣ громадныя башни, дѣло рукъ человѣческихъ, еще болѣе выспреннею діадимою вѣнчаютъ самый гребень, и нужно было такое царственное знаменіе для довершенія горней красы; казалось, люди и природа соединили здѣсь свои усилія, чтобы создать нѣчто чудное. Ай-Петри, т. е. святымъ камнемъ слывутъ сіи утесы: отъ того ли, что представлялись они

воображенію народному какъ бы горній алтарь, сооруженный на высшемъ темени горъ самою природою дивному ея Творцу?—или, быть можетъ, какъ и на вершинѣ Аѳона, тутъ стоялъ также рукотворенный храмъ, высоко вознесенный людьми, и былъ онъ посвященъ св. апостолу Петру? Есть слѣды развалинъ у самаго подножія двойной скалы Ай-Петри, тамъ гдѣ водруженъ теперь спасительный крестъ,—падающихъ возстаніе! Не подвизался ли тутъ въ давнія времена христіанства Тавриды какой-либо невѣдомый отшельникъ, ибо много было разсѣяно пустынныхъ скитовъ по ущеліямъ горнымъ? Но теперь одни лишь крылатыя дѣти скалъ—орлы возносятся на сію недоступную вершину, доколѣ опять не обновятся здѣсь обветшавшіе подвиги человѣковъ юностію орлей, по выраженію псаломному.

Дворецъ Алупки, съ одной стороны готическій съ забралами рыцарскихъ воротъ и башенъ, поросшихъ густымъ плющемъ, съ другой—весь въ Мавританскомъ вкусѣ, какъ вѣрный списокъ Альгамбры съ ея фонтанами и мраморною лѣстницею львовъ: это чудное въ своемъ родѣ созданіе воображенія, вмѣстѣ западнаго и восточнаго, и роскошная прихоть великолѣпнаго вельможи. Едва ли могъ соорудить что-либо подобное и самъ великолѣпный князь Тавриды, первый дѣятель сихъ очарованныхъ мѣстъ, на которыя положилъ неизгладимую свою печать,—второй по немъ, князь намѣстникъ Кавказа, вмѣстившій въ свою безпримѣрную область двѣ трети Чернаго поморія отъ устья Дуная и до Требизонда. Не щадилъ онъ милліоновъ на свое любимое созданіе, которымъ услаждалось старческое сердце. Всѣ его палаты изсѣчены изъ зеленаго порфира, который

добытъ въ потухшемъ волканѣ; упругій мраморъ уступилъ здѣсь игривой прихоти восточнаго вкуса и искусству рѣзца, кружевными узорами оторочивъ Мавританскія аркады.

Терраса Алупки единственна по красотѣ своей съ ея вѣчно шумящими фонтанами и шестью мраморными львами лучшаго рѣзца Италіи; они стерегутъ торжественный восходъ: двое величественно покоятся на низшихъ ступеняхъ, и въ самомъ ихъ отдыхѣ есть нѣчто царственное и невольный страхъ ихъ пробужденія; но вотъ уже пробудился царь звѣрей на половинѣ восхода и грозно озирается на дерзнувшихъ нарушить его покой; еще выше другіе львы: они стоятъ съ открытою пастью, поднявъ косматую гриву, у входа Альгамбры, готовые по первому манію своего владыки растерзать всякаго, кто дерзнетъ приблизиться къ завѣтной аркѣ, которая такъ привлекательна легкимъ своимъ огибомъ и изяществомъ арабескъ. Изъ глубины ея сіяетъ золотыми буквами на древнемъ языкѣ Востока исповѣданіе единства Божія, и невольно останавливаешься предъ столь торжественнымъ входомъ, какъ бы на прагѣ святилища Ислама: такъ разнообразны впечатлѣнія сей Альгамбры!

Съ обѣихъ сторонъ входной арки величественно простираются террасы; но влѣво, предъ роскошною теплицей, гдѣ между пальмъ шумитъ фонтанъ, и предъ высокою залою пиршествъ терраса обратилась въ благовонный цвѣтникъ, усѣянный розами, а вправо—мраморныя ступени сводятъ на другую чудную террасу къ библіотекѣ: здѣсь опять прихотливая сцена Востока, но уже не Мавританскаго; это отрывокъ ханскихъ чертоговъ Бахчисарая съ фон-

таномъ Маріи, воспѣтой нашимъ безсмертнымъ поэтомъ. Прозрачная струя каплетъ изъ чаши въ чашу по блѣдному лицу мрамора, какъ бы крупныя слезы, на память горькихъ слезъ плѣнницы ханской. Еще ниже Грузинскій садъ, воспоминаніе Тифлисской жизни владѣльца сего очарованнаго замка. ибо все здѣсь имѣетъ свою мысль; виноградныя лозы обвиваютъ всю террасу, и крупныя ихъ кисти висятъ съ ея прозрачной сѣни. Еще ниже у подножія террасъ заросшая лаврами тропа нечаянно сводитъ въ мрачный гротъ, гдѣ изъ-подъ громадной скалы бьетъ живой ключъ,—Кастальскій для тѣхъ, кто хочетъ здѣсь черпать вдохновенія.

Но кто не видалъ въ лунную ночь Алупки, тотъ не можетъ постигнуть всѣхъ ея очарованій. Надобно встрѣтить на ея великолѣпныхъ террасахъ полный мѣсяцъ, когда багровымъ щитомъ выплываетъ онъ изъ темной пучины и постепенно осеребряется, восходя по воздушной стезѣ, доколѣ во всю ширину моря не заискрится огненный отъ него столбъ. Тогда блѣднымъ лицемъ своимъ взглянетъ онъ и на фантастическія палаты Альгамбры, вызванныя имъ изъ вечерняго сумрака; онѣ будто внезапно созданы обманчивыми его лучами, чтобы потѣшить пылкое воображеніе восточными грезами тысячи одной ночи,—но только лѣтней, лунной, упоительной ночи, подобно той, какою вы наслаждаетесь не въ мечтательной Алупкѣ. Тогда приглашаю васъ въ Мавританскую алькову главнаго входа, которая такъ жадно глотаетъ въ свое глубокое устье серебристое сіяніе мѣсяца. Оттуда, изъ полусвѣта и полумрака сей альковы, подъ живописными сводами ея арабескъ, внимательно прислушайтесь къ тихимъ звукамъ обворо-

жительной ночи, вглядитесь въ очарованную картину, которая вдвинулась сама собою въ узорочный огибъ легкой аркады.

Вамъ слышится неумолкаемый шумъ фонтановъ, плещущихъ о мраморныя ихъ чаши, подъ шумъ которыхъ бодрствуютъ верхніе львы, живые въ сіяніи мѣсяца, и дремлютъ другіе на нижнихъ ступеняхъ, болѣе удаленные отъ жизненныхъ водъ. Вы слышите въ тишинѣ ночи и другой шумъ широко волнующагося моря, какъ будто оно хочетъ исторгнуться изъ той необъятной чаши Чернаго поморія, въ которую влила его при началѣ созданія мощная десница Творца. Далеко море, но кажется близкимъ обманутому взору: вотъ оно уже подступило къ гранитному подножію террасъ и будто готово плеснуть чрезъ мраморныя перила въ тѣ богатыя вазы, которыя по нимъ разставлены съ купами благовонныхъ цвѣтовъ, какъ ѳиміамники Альгамбры.

Широко движется море отъ края террасъ и до дальняго небосклона, но оно плавно и усыпительно для взоровъ, увлекаемыхъ его тихимъ колебаніемъ, какъ легкое движеніе колыбели съ дремлющимъ въ ней младенцемъ, когда качаетъ ее нѣжная рука матери. Одинъ лишь искрометный блескъ луннаго столба оживляетъ спящую пучину и пробуждаетъ васъ отъ тѣхъ неопредѣленныхъ, неуловимыхъ думъ, которыя невольно возбуждаются въ душѣ безбрежностію стихіи и безмолвіемъ ночи.

Но посреди сей необъятности моря и неба, въ которой исчезаетъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ по своему ничтожеству, и все только гласитъ о вѣчности,—какой отрадный огонекъ блистаетъ тамъ, гдѣ земля какъ бы утопаетъ въ обѣихъ стихіяхъ, и

мнится—предъ вами уже послѣдній ея предѣлъ?— Это огонекъ св. Ѳеодора на мысѣ Ай-Тодоръ; тамъ, гдѣ былъ нѣкогда храмъ Стратилата, теперь спасительный маякъ, оглашенный именемъ святаго витязя. Путеводительною звѣздою свѣтитъ онъ съ земли обуреваемымъ на волнахъ, когда потухаютъ во мракѣ свѣтила ночи и черными тучами застилается небо, а бездна кипитъ! Безпокойнымъ взоромъ ищетъ пловецъ на безпріютной пучинѣ привѣтливаго огонька, молитвенно обращаясь къ небесному Стратилату, и ангелъ мѣста сего, не покидающій въ самыхъ развалинахъ ввѣренной ему искони церкви на пустынномъ берегу, рукою человѣческою зажигаетъ спасительный свой свѣточъ, котораго всю сладость можетъ только оцѣнить біющееся трепетомъ сердце обуреваемаго пловца.

8 Августа 1858 года.

РУССКАЯ ВИЛЬНА.

Подъ бѣлымъ саваномъ снѣговъ представилась мнѣ древняя литовская столица, которая такъ славится красотою своихъ окрестностей; но еще теплое дыханіе весны не пробудило ихъ отъ зимняго сна, и одна только своенравная Вилія разбила свои ледяныя оковы, быстрымъ движеніемъ водъ оживляя мертвую еще вокругъ природу. Она очаровательна однако и въ бѣломъ ея саванѣ отъ лѣсистыхъ холмовъ, между коими стремится излучистая рѣка съ ея живописнымъ притокомъ по долинѣ нѣкогда языческой Свенторога.

Но не чрезъ воды Виліи и Вилейки лежалъ мой путь отъ желѣзной дороги въ сердце Литвы—Вильну, которая отъ нихъ заимствовала свое имя, а черезъ Острый или Русскій конецъ города. Такъ названный потому, что былъ искони населенъ Русскими. Тутъ и доселѣ двѣ православныя обители: пресвятыя Троицы и св. Духа. Есть еще другое свидѣтельство древняго православія сего конца, обличающее Русское его начало:—вѣковый обычай, свойственный только православнымъ, утвердился даже у Римлянъ при такъ называемой Острой Брамѣ или главныхъ вратахъ Вильны.

I.

ОСТРОБРАМСКАЯ ЧАСОВНЯ.

Мнѣ казалось, что я въѣзжаю въ городъ Спасскими вратами Кремля, когда увидѣлъ, что всѣ благоговѣйно обнажаютъ головы подъ сводами Остробрамской башни; не избавлены отъ сего даже самые Евреи, и такъ всѣ идутъ вдоль тѣсной улицы до ближайшаго костела. Только въ Москвѣ и Вильнѣ существуетъ такой обычай, и, конечно, изъ православной Руси былъ онъ занесенъ вмѣстѣ съ христіанствомъ въ литовскую столицу. Но когда чрезъ унію поколебалась чистая первобытная ея вѣра, измѣнилось и самое значеніе священной иконы Богоматери Одигитріи, т. е. путеводительницы, которая съ высоты воротъ осѣняла входы и исходы вѣрныхъ ея служителей. Икона Спасова на вратахъ Кремля обращена лицемъ къ входящимъ въ городъ, призывая ихъ во святыню храмовъ древней столицы:—такъ и на Острой Брамѣ до роковой уніи икона Богоматери, лицемъ обращенная на Русь, стояла снаружи. Была безъ сомнѣнія и другая внутренняя икона на противоположной сторонѣ входной башни, какъ это и теперь мы видимъ въ Кремлѣ надъ каждыми изъ его воротъ съ неугасимотеплящимися лампадами.

Но во время уніи, когда Базиліане овладѣли древнимъ достояніемъ православныхъ, измѣнилось направленіе иконы, ибо утрачена была основная мысль, что она стоитъ на стражѣ ввѣреннаго ей града. Теперь икона Богоматери въ новой латинской часовнѣ обращена лицемъ къ городу и даже укрыта завѣсою отъ взоровъ молящихся. На внѣшней же сторонѣ башни

нѣтъ никакого священнаго изображенія, такъ что входящему въ городъ непонятно, для чего велятъ ему снимать шапку подъ сводами воротъ? и когда только уже пройдетъ нѣсколько шаговъ и оглянется къ часовнѣ, уразумѣетъ онъ побудительную къ тому причину. Многое такъ переиначено въ Римской церкви, начиная отъ польскаго наименованія костела, которое означаетъ крѣпость: castellum, вмѣсто имени церкви: ecclesia.

Если вѣрить древнему преданію, то Корсунскою слыветъ сія икона, потому что завоеватель Ольгердъ, великій князь Литовскій, пріобрѣлъ ее въ Крыму, когда разгромилъ Татарскія орды и опустошилъ полуостровъ до древней Корсуни. Еще онъ былъ тогда полуязычникъ и подарилъ икону сію первой супругѣ своей Маріи; вторая же его супруга Іуліанія посвятила икону обители Троицкой, которую основала надъ священными останками трехъ первыхъ мучениковъ Виленскихъ: Антонія, Іоанна и Евстаѳія. Ихъ замучилъ Ольгердъ при началѣ своего княженія за твердое исповѣданіе вѣры Христовой въ угодность жрецамъ своимъ и вельможамъ. Есть и другое преданіе, что императоръ Греческій Іоаннъ Палеологъ прислалъ икону сію въ даръ великому князю Литовскому, когда узналъ о его обращеніи въ христіанство *). Надъ сосѣдними вратами Остраго конца сооружена была деревянная часовня для храненія иконы, и тутъ она чествуется всенародно съ XIV столѣтія подъ названіемъ Остробрамской. Деревянные створы защищали ее отъ непогоды, и узкая лѣстница устроена была съ внѣшней стороны, чтобы благоговѣйные богомольцы

*) См. примѣчаніе въ концѣ статьи

могли прикладываться къ священному лику и ставить предъ нимъ свѣчи. Но послѣ введенія Уніи иноки православные утратили вмѣстѣ съ обителью Троицкою и священную часовню Остробрамскую. Самые Базиліане, ихъ замѣнившіе, оставили въ большомъ пренебреженіи часовню и равнодушно смотрѣли, какъ новые ихъ сосѣди ордена Кармелитовъ построили себѣ въ 1627 году обитель во имя св. Терезіи подлѣ самыхъ Острыхъ вратъ; Кармелиты приняли въ свое вѣдѣніе часовню и стали въ ней служить тайныя обѣдни передъ древнею иконою.

Не прошло и пятидесяти лѣтъ, какъ они построили новую деревянную часовню на мѣстѣ старой, и тогда обратили икону лицемъ къ своему костелу. Страшный пожаръ 1715 года, опустошившій весь городъ, истребилъ и часовню Кармелитовъ; они успѣли однако спасти икону, перенеся ее въ свой костелъ, и соорудили каменную часовню въ томъ видѣ, въ какомъ она доселѣ. Базиліане, не обращавшіе сперва вниманія на дѣйствія Кармелитовъ, позавидовали множеству богомольцевъ, стекавшихся въ ихъ часовню, и потребовали отъ своихъ соперниковъ возвращенія священной иконы, но Кармелиты уже не хотѣли ее уступить. Завязалось тяжебное дѣло между двумя орденами и дошло даже до верховнаго суда папы. Нельзя было опровергнуть законнаго права Базиліанъ, но папа благопріятствовалъ Кармелитамъ и, чтобы удержать за ними икону, присудилъ оставить часовню въ рукахъ того монастыря, который ближе къ Острымъ вратамъ; такъ и доселѣ икона Богоматери осталась принадлежностію костела св. Терезіи.

Но вотъ еще обстоятельство, весьма недавнее, которое свидѣтельствуетъ, какъ крѣпко держатся Рим-

ляне за то, чѣмъ однажды овладѣли, почитая всякую мѣру позволительною. лишь бы достигнуть желаемой цѣли. При уничтоженіи уніи въ 1839 году, когда опять перешла въ руки православныхъ иноковъ древняя Троицкая ихъ обитель, повелѣно было возвратить имъ по всей справедливости искони принадлежавшую имъ икону и даже упразднить монастырь Кармелитовъ. И что же?—мѣстные происки Римскаго духовенства успѣли извратить на самомъ дѣлѣ исполненіе указа. Какъ будто по недоразумѣнію, вмѣсто костела св. Терезіи, прилегающаго къ Остробрамскимъ воротамъ, уступлены были православнымъ развалины бывшей обители св. Терезіи въ предмѣстіи за зеленымъ мостомъ, а самая икона осталась по прежнему въ рукахъ Кармелитовъ. —Такова странная участь сего завѣтнаго сокровища древней Корсуни. Умилительно однако видѣть усердіе къ нему всего города и непрестанно горящія свѣчи предъ священнымъ ликомъ, облеченнымъ въ драгоцѣнную ризу, и толпу молящихся наверху башни, внутри часовни, и по обѣимъ сторонамъ тѣсной улицы Остробрамской.

Примѣчаніе. Что икона Остробрамской Богоматери дѣйствительно вывезена изъ древней Корсуни и что не должно смѣшивать съ нею преданія о присланной Палеологомъ въ даръ князю Литовскому, не лишнимъ считаемъ указать на довольно древнее свидѣтельство объ обѣихъ иконахъ людей, довольно безпристрастныхъ въ историческомъ изслѣдованіи, хотя и чуждыхъ православію. О первой Остробрамской иконѣ Богоматери, ксендзъ Даніилъ Лодзята въ хроникѣ своей, обнимающей время съ 1649 по 1669 годъ, пишетъ: «великій князь Ольгердъ обогатилъ сокровищницы свои безчисленными Херсонесскими драгоцѣнностями. Наслѣдники этого князя большую часть церковныхъ украшеній раздарили церквамъ города Вильны. Ex quorum numero vera Effigies Sanct. Virginis Mariae, in statura qua si stet in facie

nuncii Dei Archan. Gabriel. Vidimus nunc gratiis plenae, in Capella PP. Karmelit. supra portam Urbis orientalem. vulgar. ostra. ut docum. patet ex notit. script. dicti Convneti. Ad. D. 1653 Ad M. D. G.» Изображеніе Богоматери на Остробрамской иконѣ дѣйствительно такое, какъ принято въ православномъ иконописаніи представлять Пресвятую Дѣву въ событіи Благовѣщенія; здѣсь не достаетъ только архангела Гавріила, который часто изображается въ нашей церкви на особой иконѣ. Изъ исторіи Карамзина (том. V стр. 13) извѣстно, что Ольгердъ въ 1363 году ходилъ войною на Крымскихъ Татаръ и. опустошая полуостровъ, разграбилъ городъ Корсунь (слич. Нарб. т. V, стр. 136—137). Посему нѣтъ никакихъ сомнѣній, что икона Остробрамской Божіей Матери есть икона Корсунская. Преданіе, что императоръ Греческій Іоаннъ Палеологъ прислалъ икону сію въ даръ литовскому князю, когда узналъ о его обращеніи въ христіанство, относится къ другой иконѣ. Въ приходскомъ костелѣ (фарѣ) Новыхъ Трокъ въ главномъ алтарѣ есть древняя византійскаго стиля икона Матери Божіей: она писана на мѣди, укрѣпленной на доскахъ, и величиною въ высоту около двухъ аршинъ; на этой иконѣ внизу находится слѣдующая подпись: «Imago beatissimae Virginis Mariæ Trocis in Litvania miraculis clarissima. ab Emmanuele II Imperatore orientis Vitoldo Principi orthodoxam Fidem recenter amplexo donata. Creditur illa esse, cujus beneficio Ioannes Comnenus Imper. Orient. Hunnos et Persas devicit, quamve post obtentas victorias argenteo curru, albisque quadrigis in sui loco triumphantem invexit Constantinopolim. Anno praesenti MDCCXVIII die VIII Septembris missis koma diadematib. per Illustrissimum Excellentissimu'ac Reverendissimu' Dominum Constantinum Cāsimirum Brzostovski Episcopu' Vilnensem SS'mi D'ni nostri Clementis XI. Praelatum Domesticum et Pontificij Solij Assistentem Coronata», т. е. Икона преблаженной Дѣвы Маріи Трокской на Литвѣ, славная чудесами, отъ Императора Восточнаго Еммануила II прислана въ даръ князю Витовту, недавно принявшему православную вѣру. Полагаютъ, что она та самая, которой благоволеніемъ Іоаннъ Комнинъ, императоръ Восточный, побѣдилъ Гунновъ и Персовъ, и которую послѣ одержанной побѣды на серебряной колесницѣ четвернею бѣлыхъ, вмѣсто себя, ввезъ торжественно въ Константинополь. Настоящаго

1718 года 8 дня Сентября мѣсяца, присланными изъ Рима коронами, увѣнчана сіятельнѣйшимъ, свѣтлѣйшимъ и преподобнѣйшимъ господиномъ Константиномъ Казиміромъ Бржостовскимъ, Виленскимъ епископомъ, святѣйшаго господина нашего Климента XI домашнимъ прелатомъ и папскаго престола ассистентомъ.—Нѣтъ сомнѣнія, что сія подпись сдѣлана въ 1718 году; но въ ней сохранилась однакоже истина преданія, потому что объ этой иконѣ говоритъ Кояловичъ въ Miscella—нахъ своихъ подъ 1650 годомъ и указываетъ на происхожденіе ея отъ Палеологовъ. Но, съ другой стороны извѣстно, что благоговѣйно чтимая Витовтомъ древняя Византійская икона Божіей Матери поставлена надъ его могилой въ костелѣ св. Станислава, гдѣ можно видѣть оную и нынѣ. Быть можетъ, эта послѣдняя, а не Трокская икона, подарена Витовту Еммануиломъ Палеологомъ; только, безъ сомнѣнія, не ради отступничества Витовта отъ православія, такъ какъ эта измѣна его своей церкви послѣдовала въ 1386 году, т. е. за пять лѣтъ до восшествія на престолъ Еммануила; вѣроятнѣе всего, что Еммануилъ разсчитывалъ на помощь могущественнаго князя противъ Магометанъ, отъ которыхъ падала уже Греческая имперія. Трокскую же икону Богоматерп могъ прислать Ольгерду Іоаннъ Палеологъ дѣйствительно въ томъ смыслѣ, какъ гласитъ подпись, но сочинитель оной могъ перемѣшать событія и преданіе объ одной иконѣ перенесъ на другую. Какъ бы то ни было, вѣрнымъ остается то, что икона Остробрамской Божіей Матери есть завѣтное сокровище древней Корсуни, а преданіе о присланной Палеологами относится къ другимъ иконамъ, которыя также составляютъ святыню православной Церкви.

Свящ. А. П.

II.

РАЗВАЛИНЫ ЦЕРКВИ СВ. ПАРАСКЕВЫ.

Послѣ входной часовни Остробрамской будемъ искать другихъ, еще болѣе древнихъ слѣдовъ православія въ Вильнѣ, и мы дойдемъ до самаго начала ея

христіанства, тѣсно въ ней связаннаго съ православіемъ. Между двухъ его твердыхъ оплотовъ въ столицѣ Литовской, древнихъ обителей св. Духа и св. Троицы, пролегаетъ улица Остробрамская, которою начинается городъ; но мимо ихъ и мимо новаго каѳедральнаго собора святителя Николая поворотимъ съ главной улицы къ Зарѣчью въ одинъ изъ тѣснѣйшихъ кварталовъ Вильны. Тамъ должно искать древнѣйшаго ея святилища, и вы не отыщите сами сихъ развалинъ, если вамъ ихъ не укажутъ на одномъ частномъ дворѣ въ грязномъ и тѣсномъ переулкѣ. Такъ застроено все мѣсто, принадлежавшее нѣкогда церкви и проданное во времена уніи подъ обывательскіе дома.

Въ углубленіи двора, между двухъ надвинувшихся домовъ, вамъ представятся однѣ голыя стѣны бывшей церкви съ окнами, пробитыми на внутренней стѣнѣ, но безъ всякой крыши. Мѣсто сіе еще недавно служило загономъ для скота и складомъ всякой нечистоты. Можно ли узнать въ этомъ полуобрушенномъ сараѣ древнѣйшую православную церковь Литовской столицы? Она была сооружена во имя св. великомученицы Параскевы, нареченныя Пятницы, *) первою супругою великаго князя Ольгерда Маріею Ярославной, княжною Витебской, на мѣстѣ языческаго капища Вакха или Рагутиса, около 1330 года.

Самое урочище называлось Петенки отъ наименованія языческихъ жрецовъ Вакха, и весьма вѣроятно, что имя св. Параскевы или Пятницы (въ простонародіи Пятка) избрано было для перваго святилища христіанскаго по созвучію его съ древнимъ

*) Память ея 28 Октября

названіемъ урочища, къ которому привыкъ языческій народъ. Церковь христіанская при своемъ водвореніи въ краѣ языческомъ снисходительно старалась всѣми средствами привлечь къ себѣ дикихъ дѣтей природы, чтобы только отклонить ихъ отъ тьмы язычества къ свѣту Христову.

Церковь Пятницкая при водвореніи уніи вмѣстѣ съ другими 12 православными церквами Вильны насильственно перешла въ руки новыхъ единовѣрцевъ Римскихъ, по королевскому указу Сигизмунда Августа, что возбудило общій ропотъ. Народъ православный подалъ жалобу мѣстнымъ властямъ Литовскимъ и на его сторону склонялось правосудіе, но пріѣздъ короля измѣнилъ опять все въ пользу уніатовъ. Хотя новый митрополитъ ихъ, Ипатій Поцѣй, едва не лишился жизни за насильственное похищеніе храмовъ, но сила и происки Римлянъ одолѣли, и церковь Пятницкая оставалась въ рукахъ уніатовъ до покоренія Вильны царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Петръ Великій, посѣтивъ Вильну въ 1705 г., слушалъ божественную литургію въ этой церкви и подарилъ ей знамя, отбитое у Шведовъ. Но послѣ пожара 1748 года она пришла въ запустѣніе и упадокъ, ибо православные не имѣли средствъ возобновить ее. Опять овладѣли ею уніаты и приписали къ Троицкому монастырю, а въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія совершенно прекратилось въ ней Богослуженіе.

Въ могильномъ склепѣ этой церкви погребена была благочестивая ея основательница, великая княгиня Марія, и, можетъ быть, обрѣтенъ будетъ гробъ ея, если коснутся подземныхъ сводовъ, ибо теперь мѣстное правительство хочетъ возстановить церковь

св. Пятницы изъ ея развалинъ, чтобы охранить древнюю святыню отъ новѣйшихъ поруганій. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія упразднено было въ городѣ нѣсколько церквей, которыхъ считалось *болѣе тридцати* въ лучшія времена Вильны, когда въ ней процвѣтало православіе. Но со времени уніи мало по малу онѣ начали пустѣть, столько же по равнодушію уніатовъ, сколько и по насилію Римлянъ, которые старались привлечь новыхъ единовѣрцевъ въ свои костелы, чтобы рѣшительнѣе отдалить ихъ отъ православія. Земли церковныя около бывшихъ храмовъ отдавались въ наймы и застроивались частными домами, такъ что мало по малу исчезали не только слѣды развалившейся церкви, но даже и самая о ней память. То-же бы случилось черезъ нѣсколько лѣтъ и съ развалинами церкви св. Параскевы, совершенно задавленной сосѣдними домами, которые теперь будутъ сломаны. Такъ мы напрасно ищемъ какихъ либо слѣдовъ двухъ древнихъ церквей, существовавшихъ по ея сосѣдству: пророка Пліи и святителя Николая.

Примѣчаніе. Нельзя однакоже умолчать, что по возсоединеніи уніи съ православіемъ не разъ высказывались задушевныя желанія о возобновленіи Пятницкой церкви, какъ многовѣковаго памятника православія. Бывшій генералъ губернаторъ Ѳ. Я. Мирковичъ въ 1841 году всеподданнѣйше испрашивалъ разрѣшенія у Государя Императора на возобновленіе оной, представляя, что совершеніе этого дѣла было бы великимъ торжествомъ для православной церкви. Обстоятельство это прошло чрезъ комитетъ западныхъ губерній и сообщено г. сунодальному оберъ-прокурору. Но средствъ не оказалось. Вслѣдъ за симъ г. гражданскій губернаторъ Семеновъ въ 1843 году пожертвовалъ на предметъ возстановленія Пятницкой церкви 600 экземпляровъ изданнаго имъ своимъ иждивеніемъ собранія

древнихъ актовъ и грамотъ здѣшней губерніи и принялъ на себя привести къ исполненію это возстановленіе. По смѣтѣ, тогда же составленной, исчислено на этотъ предметъ 3,890 руб. сер. Но по препровожденіи сего проекта изъ святѣйшаго Сунода въ главное управленіе путей сообщенія и публичныхъ зданій оказалось, что по искусственнымъ соображеніямъ онаго управленія требуется на возобновленіе Пятницкой церкви до 12 тысячъ руб. сер. По всеподданнѣйшему о семъ докладу г. министра Внутреннихъ Дѣлъ Государю Императору благоугодно было изъявить Высочайшее согласіе на желаніе Семенова. Между тѣмъ Семеновъ переведенъ губернаторомъ въ Минскъ; и суммы, вырученной изъ продажи 600 экземпляровъ сказаннаго изданія грамотъ и актовъ, оказалось далеко недостаточнымъ къ количеству, опредѣленному главнымъ управленіемъ путей сообщенія и публичныхъ зданій. Посему Алексѣй Васильевичъ Семеновъ, находя себя въ невозможности имѣть непосредственное участіе въ распоряженіи дѣломъ возстановленія Пятницкой церкви, въ 1848 году просилъ Литовскаго митрополита, высокопреосвященнѣйшаго Іосифа, изъ суммы, вырученной за сказанное изданіе, употребить 1000 руб. на украшеніе раки св. Виленскихъ мучениковъ, почивающихъ въ Свято-Духовомъ монастырѣ, а остальное количество оной, около 2000 руб., обратить на исправленіе древней православной церкви въ г. Новогрудкѣ Минской губерніи, на что и послѣдовало Высочайшее ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА разрѣшеніе въ 1 день октября 1849 года; нѣмые же свидѣтели давно минувшаго, голыя стѣны знаменательной святыни остались по прежнему безъ благоговѣйнаго попеченія. Постоянная мысль о возобновленіи этого великаго памятника славы въ Вильнѣ, перваго каменнаго храма истиннаго Бога, хранилась только у высокопреосвященнаго Іосифа. Попечительный іерархъ еще въ 1842 году, при распредѣленіи суммы съ отшедшихъ въ казну подуховныхъ имѣній, предназначенной въ извѣстномъ количествѣ на пополненіе вычетовъ изъ штатныхъ окладовъ епархіальнаго духовенства, отдѣлилъ на ежегодный ремонтъ Пятницкой церкви 225 руб. сер., и по временамъ присоединялъ къ сему нѣкоторыя пожертвованія, уповая, что десница Всевышняго поможетъ достигнуть желаемаго возсозданія древней святыни. Такимъ образомъ по іюнь мѣсяцъ 1864 года составилась

сумма въ 4,090 руб. 50 коп. сер. Его высокопревосходительство, главный начальникъ края, нашъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, стремясь всѣми силами къ возсозданію православно-русской жизни въ родной странѣ Россіи, обратилъ вниманіе на драгоцѣнные памятники быта оной и призналъ необходимымъ возобновить между прочимъ и древнюю Пятницкую церковь. По составленіи проекта архитекторомъ академикомъ Чагинымъ на возобновленіе этой церкви въ такомъ видѣ, чтобы въ оной могло быть совершаемо богослуженіе, оказалось необходимымъ употребить сумму до 8,500 руб. Его высокопревосходительство по соглашенію съ высокопреосвященнымъ Іосифомъ 20 марта сего 1864 года предложилъ г. начальнику Виленской губерніи С. Ѳ. Панютину въ дополненіе къ суммѣ, собранной Литовскимъ епархіальнымъ начальствомъ, употребить 4,500 руб. изъ суммъ, по указанію извѣстнаго рода, состоящихъ въ распоряженіи его высокопревосходительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно распорядиться чтобы комитетъ, образованный подъ предсѣдательствомъ его превосходительства для постройки Александровской часовни и иконостаса въ каѳедральномъ соборѣ, сдѣлалъ смѣту по составленному проекту и, внеся оную по надлежащему на утвержденіе, приступилъ за тѣмъ къ возобновленію Пятницкой церкви. Въ исполненіе сего, весною истекшаго лѣта комитетъ приступилъ къ работамъ. Прилегающіе къ церкви дома со стороны Большой и Андреевской улицъ уже сломаны. По расчисткѣ мѣста вокругъ стѣнъ разрушенной святыни образуется площадка и главный фасадъ церкви будетъ со стороны Большой улицы; древнія стѣны церкви частію починены и сшиты, а частію воздвигнуты вновь съ фундамента и окончены уже карнизомъ. Всѣ благомыслящіе жители Вильны съ удовольствіемъ взираютъ на обновленіе знаменательной святыни и съ нетерпѣніемъ ждутъ будущаго лѣта, чтобы вздохнуть въ этой святынѣ изъ глубины сердца о здравіи и благоденствіи доблестнаго возобновителя.

Свящ. А. П.

III.

ДРЕВНЯЯ МИТРОПОЛІЯ ИЛИ СОБОРЪ ПРЕЧИСТЫЯ.

Но сколь ни печально зрѣлище развалинъ церкви св. Параскевы, не можетъ оно сравниться съ тѣмъ оскорбительнымъ чувствомъ для всякаго Русскаго и православнаго сердца, какое невольно возбуждается при видѣ другаго святилища, еще не въ состояніи развалинъ, но въ совершенной своей цѣлости, преданнаго запустѣнію и поруганію. Идите далѣе къ Зарѣчью, гдѣ прежде кипѣла православная жизнь Литовской столицы около ея первобытнаго собора, ибо тутъ была каѳедра знаменитой ея митрополіи. На лѣвомъ берегу Вилейки, близъ ея моста, вы увидите квадратное зданіе въ 16 сажень длины и ширины и въ 9 вышины съ пробитыми широкими окнами и плоскою крышею; оно слыветъ Спасскими казармами и принадлежитъ городской думѣ. Обойдите зданіе съ трехъ сторонъ, и вы дѣйствительно примете его за казармы, развѣ только вамъ покажется странною малая башня, прилѣпленная къ южной его стѣнѣ; тутъ же выстроенъ безобразный домъ, заслоняющій все зданіе отъ улицы, пролегающей къ Зарѣчью. Но взгляните на это громадное зданіе съ противоположнаго берега Вилейки или подойдите къ нему съ восточной стороны, и вы разгадаете тайну мнимыхъ казармъ, когда увидите тройную выпуклость алтаря, какъ во всѣхъ древнихъ нашихъ соборахъ, подобно Успенскому первопрестольной столицы.

И что же?—Тамъ, гдѣ стояла горняя каѳедра

нашихъ митрополитовъ, пробиты широкіе ворота, чрезъ которые слышится стукъ молота и видно пламя раздуваемаго горна во мракѣ бывшаго святилища, обращеннаго теперь въ кузницу!—Наковальня стоитъ на самомъ мѣстѣ главнаго престола, и нѣсколько черныхъ циклоповъ бьютъ тяжелымъ молотомъ по этой наковальнѣ, вовсе не подозрѣвая, что тутъ приносилась нѣкогда безкровная жертва Христова. Но знали ли о томъ въ теченіи многихъ лѣтъ и просвѣщенные правители Литовскаго края, которые видѣли также однѣ лишь обыкновенныя казармы въ бывшемъ святилищѣ?—А если они это знали, то какъ могли переносить такое поруганіе христіанской святыни? Каждый ударъ молота отдается здѣсь прямо въ сердце вѣрующему христіанину? Едва ли кто изъ нихъ заходилъ когда либо на этотъ пустынный дворъ и заглядывалъ внутрь бывшаго алтаря, хотя тутъ по сосѣдству и зданіе городской думы. Отдѣленіе жертвенника и діаконикона обращены въ сараи для всякаго хлама и сообщаются съ жилыми комнатами, на которыя разбито все священное зданіе; оно отдается въ наймы мастеровымъ отчасти изъ евреевъ и для болѣе удобнаго помѣщенія раздѣлено на два яруса.

Съ западной стороны еще сохранился главный входъ въ прежнемъ своемъ величіи. Но по срединѣ зданія устроена широкая лѣстница во второй ярусъ; тамъ помѣщается архивъ городской думы съ тѣхъ поръ, какъ былъ упраздненъ въ храмѣ анатомическій театръ, ибо къ стыду нашему таково было назначеніе древняго православнаго святилища съ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія!—Стройныя арки и стрѣльчатые своды свидѣтельствуютъ о прежней его красотѣ, но массивные столбы заслонены безобразными стѣн-

ками, которыми перегорожено внутри все обширное зданіе; самый алтарь отдѣленъ глухою стѣною для устроенной въ немъ кузницы, въ которую можно проникнуть только чрезъ пробитое отверстіе горняго мѣста.

Въ одномъ изъ отдѣленій нижняго яруса стояло корыто, въ которомъ кормили свиней. Это была недѣля блуднаго сына, и я невольно вспомнилъ притчу евангельскую о юношѣ, который, расточивъ отеческое наслѣдіе, долженъ былъ раздѣлять у наемниковъ грубую пищу съ этими нечистыми животными; а мы у себя дома, въ родной нашей Вильнѣ, во что обратили отеческое наслѣдіе нашихъ предковъ, первоначальный соборъ ихъ, современный христіанству Литвы? Правда, что унія выдала его на такое поруганіе; но теперь уже опять царствуетъ православіе въ Вильнѣ, а въ бывшемъ соборѣ Ольгерда еще кормятъ свиней и слышенъ стукъ молота! Можемъ ли, не краснѣя, переносить такой позоръ въ виду благолѣпныхъ костеловъ Римскихъ? Не была ли тайная мысль у князя Чарторійскаго—истребить самую память о православіи въ Вильнѣ, когда онъ выпросилъ себѣ въ 1810 году опустѣвшее зданіе собора, гдѣ еще совершалось однако Богослуженіе въ одномъ придѣлѣ, для того, чтобы обратить его въ анатомическій театръ для университета? Вотъ, какъ попираема была убогая унія превозносившимся надъ нею костеломъ Римскимъ!

Отъ настоящаго плачевнаго состоянія древняго святилища обратимся къ его славному минувшему.— Кто были именитые его основатели? Ольгердъ, великій князь Литовскій, принявшій во св. крещеніи имя Александра, и вторая его супруга Іуліанія, дочь князя Тверскаго Александра, въ половинѣ XIV сто-

лѣтія. Успенію Пречистой Дѣвы праздновалъ соборный храмъ сей, какъ и многіе древніе соборы нашихъ столицъ, и потому усвоилось ему народное названіе Дома Пречистыя. Кто же освящалъ его?— Великій труженикъ земли Русской, святитель Алексій, бывшій тогда еще намѣстникомъ въ санѣ епископа Владимірскаго. Обходя церковную область старца митрополита Ѳеогноста, посѣтилъ онъ Вильну въ 1348 году и освятилъ величественный соборъ, который сооруженъ былъ великимъ княземъ Литовскимъ, достойно его могущества, какъ твердый залогъ христіанства его столицы. При великомъ князѣ Витовтѣ, преемникѣ Ольгерда, когда раздѣлилась митрополія Русская на Восточную и Западную, соборный храмъ сей сдѣлался каѳедральнымъ для всей Литвы, и первый возсѣлъ на его каѳедрѣ Григорій Симвлакъ, отъ котораго начался рядъ православныхъ митрополитовъ Западной Руси.

Ольгердъ и Симвлакъ, князь-ктиторъ и первосвятитель, оба погребены были подъ сводами каѳедральнаго собора; но Витовтъ, самый могущественный изъ властителей Литовскихъ, погребенъ уже въ латинскомъ костелѣ св. Станислава; тамъ стоитъ и доселѣ надъ его могилою древняя Византійская икона Матери Божіей, какъ бы залогъ первобытнаго его православія. Но Витовтъ и Ягеллонъ, сынъ Ольгердовъ, начавшій собою новую династію королей Польскихъ, оба крещены были въ православную вѣру и только впослѣдствіи ей измѣнили. Посему нѣтъ болѣе княжескихъ могилъ Литовскихъ подъ сводами древней митрополіи, которая долженствовала служить общею для нихъ усыпальницею. Не тамъ погребены были и обѣ православныя супруги Оль-

герда, столь ревностныя къ распространенію христіанства въ Вильнѣ. Первая, Марія, положена подъ сводами Пятницкой церкви, ею основанной, а вторая, Іуліанія, пережившая своего супруга, скончалась далеко отъ Вильны.

Въ исходѣ XV вѣка митрополія Литовская торжественно встрѣчала царственную невѣсту своего великаго князя Александра, дочь государя Московскаго Іоанна III. Елена Іоанновна со всѣмъ своимъ свадебнымъ поѣздомъ вступила въ соборъ 15 февраля 1495 года; тамъ служилъ для нея молебенъ намѣстникъ митрополіи, архимандритъ Троицкаго монастыря Макарій, который вскорѣ самъ былъ рукоположенъ въ митрополита въ томъ же храмѣ и прославился мученическою кончиною. Мощи его почиваютъ въ Софійскомъ соборѣ первопрестольнаго Кіева.

Не въ православномъ храмѣ совершилось однако бракосочетаніе великой княжны Русской съ властителемъ Литовскимъ, не смотря на строгую о томъ заповѣдь могущественнаго ея отца. Фанатизмъ Римскій преодолѣлъ данное обѣщаніе, и женихъ не переступилъ даже чрезъ порогъ церкви Пречистыя. Прямо изъ нея повели царственную невѣсту въ каѳедральный костелъ св. Станислава, и тамъ вѣнчалъ ихъ епископъ Латинскій въ присутствіи только духовника ея, пресвитера Ѳомы, и архимандрита Макарія, будущаго владыки и мученика.

Не исполнилось и другое обѣщаніе, данное великимъ княземъ Литовскимъ отцу православной своей невѣсты: никогда не могла она имѣть утѣшенія молиться у себя въ домовой церкви, ибо и въ этомъ было ей отказано. Еленѣ, воспитанной въ строгомъ

затворѣ дѣвическаго терема, надлежало ходить для божественной службы въ приходскую церковь Покрова въ одной изъ городскихъ башенъ или въ соборъ, далеко отстоявшій отъ ея замка; мало по малу лишилась она всѣхъ своихъ присныхъ. кромѣ одного лишь духовника, который впослѣдствіи былъ возведенъ въ санъ митрополита Кіевскаго подъ именемъ Іоны.

Трогательную личность представляетъ собою, въ лѣтописяхъ Литовскихъ сія мудрая дочь великаго Іоанна и царевны Греческой Софіи, отъ коихъ заимствовала ихъ правительственныя доблести. Она и на королевскомъ престолѣ Польши, какъ и на великокняжескомъ Литвы, явила Западному міру непоколебимую твердость свою въ догматахъ православія, не смотря на всѣ постигшія ее искушенія отъ мужа и родныхъ, и даже гоненія за вѣру отеческую. Въ самый часъ браковѣнчанія торжественно объявила она латинскому епископу, что никакой ради вины или болѣзни не оставитъ своего супруга, кромѣ одного лишь закона; вѣру же всегда будетъ держать Греческую, и никто да не принуждаетъ ее къ Римской.

Все это свято соблюдала Елена до послѣдней минуты жизни, не обольщаемая блескомъ короны Польской во дни своего величія и не смущаемая тѣми скорбями, какія ее постигли по смерти супруга во время семилѣтняго вдовства. Но, будучи твердою защитницею православія въ своей области, она царственно усвоилась новому своему отечеству и старалась сохранять миръ между слабымъ супругомъ и могущественнымъ отцемъ. Даже и во время вдовства своего, утвердившись въ Вильнѣ, она искала поддер-

жать миръ между братомъ своимъ, великимъ княземъ Василіемъ, и зятемъ, королемъ Сигизмундомъ, не смотря на его неблагодарность. Не охранилъ король царственной своей невѣстки отъ поруганія вельможъ Литовскихъ; гетманъ Радзивиллъ дерзнулъ даже наложить руки на вдовствующую королеву во святынѣ храма и повлекъ въ заточеніе въ Троки за годъ до ея кончины подъ суетнымъ предлогомъ, будто она хочетъ бѣжать съ своими сокровищами въ Москву.

Рано скончалась Елена для блага единовѣрныхъ своихъ подданныхъ; но во все время восемнадцатилѣтняго своего властвованія въ Литвѣ ревностно покровительствовала церкви православной, обновляя храмы и обители, отъ которыхъ отступились великіе князья, передавшіеся на сторону Рима. Она основала не далеко отъ Остробрамскихъ воротъ церковь Святаго Духа, которая впослѣдствіи обратилась въ иноческую обитель и была единственною опорою православія въ Вильнѣ, когда уніаты овладѣли древнею обителью св. Троицы. Но и тамъ сохранилась благодѣтельная ея память; доселѣ чествуется въ обители древняя икона Богоматери, которою благословилъ великій Іоаннъ дочь свою, отпуская ее въ Литву, и это—единственная святыня древнихъ временъ, какая уцѣлѣла въ Вильнѣ отъ бури уніатской.

Въ 1513 году января 29-го преставилась царственная труженница Русская и подъ сводами роднаго храма Пречистыя избрала себѣ послѣдній пріютъ. Не смотря на всѣ бѣдствія, какія претерпѣла древняя митрополія Литовская, до 1810 года сохранилась въ ея усыпальницѣ гробница королевы съ тремя гербами—Московскимъ, Литовскимъ и Польскимъ на серебряной ея плитѣ; но, когда фанатизмъ Польши

и малодушіе уніи рѣшились обратить древнюю каѳедру Литвы въ анатомическій театръ, не уцѣлѣла и гробница Елены, хотя и бывшей королевы Польской. Старожилы въ Вильнѣ еще помнятъ, какъ похищена была серебряная съ нея доска и перелита въ столовую утварь. *) Такъ мало заботились тогда о древности и святынѣ, которыя достались въ руки Латинянъ. Быть можетъ при обновленіи собора обрѣтена будетъ ограбленная гробница заступницы земли Литовской и другихъ поборниковъ ея православія, которые почили подъ сводами митрополіи.

Въ первыхъ годахъ XVI столѣтія, неизвѣстно по какой причинѣ, можетъ быть отъ землетрясенія, упалъ внезапно главный куполъ собора Пречистыя, и повредились его стѣны; а такъ какъ около того же времени соорудилась подлѣ него небольшая церковь Спасская, то можно предполагать, что поврежденіе собора было причиною сей постройки для временной службы до возобновленія каѳедральнаго храма. Можетъ быть, великая княгиня Елена построила сію церковь въ честь Нерукотвореннаго Образа Спасова, который принесла изъ Греціи ея мать, царевна Софія. Отъ сей малой церкви названіе Спасскаго усвоилось и древнему храму Пречистыя, когда началъ онъ приходить въ запустѣніе въ минувшемъ столѣтіи; даже и теперь величественно его зданіе слыветъ Спасскими казармами отвлекая отъ него столь неумѣстнымъ названіемъ, благочестивое вниманіе любителей древности и святыни.

Но и церковь Спасская не избѣжала той же печальной участи, и напрасно будете искать ея слѣ-

*) См. примѣчаніе 1 въ концѣ статьи.

довъ возлѣ собора; она стерта съ лица земли, а на ея мѣстѣ построенъ частный домъ Андреевскаго. Тому же запустѣнію подверглись и другія ближайшія церкви, окружавшія со всѣхъ сторонъ каѳедральный соборъ, ибо тутъ было сердце православія, и стояли палаты митрополитовъ Литовскихъ, частію обращенныя въ зданіе городской думы. Такимъ образомъ церковь св. Екатерины, на западъ отъ собора, теперь находится подъ домомъ Квятковскаго; церковь Рождественская, на востокъ отъ него, теперь подъ домомъ еврея Завеля, въ переулкѣ сестеръ Милосердія, а церковь Покрова, обращенная сперва въ химическую лабораторію бывшаго университета, теперь служитъ конвиктомъ для гимназіи. Кто исчислитъ всѣ подобныя поруганія древнихъ Виленскихъ церквей, которыхъ считалось 36, когда процвѣтало православіе въ столицѣ Литовской? *)

Не царственная однако вдовица Елена, горько доживавшая послѣдніе годы свои въ Вильнѣ, обновила поврежденный соборъ. Явился другой поборникъ православія въ Литвѣ и на Волыни, князь Константинъ Острожскій, отъ племени Рюрикова. Онъ испросилъ у короля Сигизмунда въ 1511 году грамоту на обновленіе древней митрополіи, ибо таково было въ то время стѣсненіе для православныхъ, что безъ королевскаго разрѣшенія нельзя было даже приступать къ исправленію давно уже существовавшихъ храмовъ. Не довольствуясь обновленіемъ собора, ревностный князь приписалъ къ нему въ 1522 году двѣ свои вотчины въ окрестностяхъ Вильны для содержанія при храмѣ митрополитанскомъ четырехъ свя-

*) См. примѣчаніе 2 въ концѣ статьи.

щенниковъ и двухъ діаконовъ. Это свидѣтельствуетъ о тогдашнемъ убожествѣ митрополитовъ Литовскихъ, которые нуждались въ посторонней помощи, для содержанія ближайшаго своего клира въ Вильнѣ, такъ какъ сами они большею частію пребывали въ Новогрудкѣ.

Свѣтлое лице въ исторіи Западной Руси былъ князь Острожскій, воевода силъ великаго княжества и боецъ всѣхъ его битвъ съ властителями Московскими и съ Ордою. Взятый въ плѣнъ послѣ кровопролитной сѣчи воеводами великаго князя Іоанна, онъ бѣжалъ въ Литву послѣ его кончины и отмстилъ за свое пораженіе столь же кровопролитною побѣдою подъ Оршею, гдѣ погибъ цвѣтъ юношества Московскаго. Въ память сей побѣды, славной для западной Руси, хотя и весьма горестной для восточной, князь Константинъ излилъ щедрыя благодѣянія на храмы православные въ Вильнѣ, ибо король Сигизмундъ не могъ ни въ чемъ отказать побѣдоносному гетману.

Въ 1514 году обновилъ онъ деревянную церковь Святаго Духа, построенную еще королевою Еленою, и соорудилъ великолѣпный каменный храмъ въ обители Св. Троицы. Тогда же обновилъ и древнюю церковь святителя Николая на Большой улицѣ, которая построена была второю супругою Ольгерда Іуліаніею, но опустошена пожаромъ, и все сіе въ память одной своей славной побѣды. Сынъ его и преемникъ, соименитый ему князь Константинъ, подражалъ отцу въ ревности къ православію; онъ былъ покровителемъ духовнаго просвѣщенія и единственнымъ его оплотомъ на Руси, но уже долженъ былъ бороться съ уніею, которая возобладала на Брестскомъ соборѣ

въ 1596 году и овладѣла постепенно почти всѣми святилищами православныхъ. Такой бѣдственной участи подвергся и каѳедральный соборъ Литовской столицы.

Прежде однако, нежели унія овладѣла древнею каѳедрою православія, въ стѣнахъ храма Ольгердова совершилось торжество, какого не видало еще сіе святилище со времени своего основанія. Самъ первосвятитель вселенской церкви, патріархъ Константинопольскій Іеремія, посѣтивъ Вильну въ 1588 году, рукоположилъ въ соборѣ Пречистыя новаго митрополита Западной Руси, Михаила Рагозу, потому что, по строгости правилъ церковныхъ, не могъ оставаться на каѳедрѣ, какъ двоеженецъ, бывшій митрополитомъ Онисифоръ.

Но избраніе Рагозы осталось горько памятнымъ для всего края, ибо его малодушіемъ воспользовались подчиненные ему епископы, чтобы отторгнуть отъ православія большую часть Западной Руси. Какъ бы предчувствуя скорое отпаденіе, ревностный патріархъ тогда же утвердилъ грамотою своею новое братство при обители Св. Троицы, и чрезъ него сохранилась послѣдняя искра православія въ Западной Руси посреди тяжкихъ гоненій. Однако унія, объявленная на Брестскомъ Соборѣ, не легко могла водвориться въ Вильнѣ, и во время управленія Михаила Рагозы каѳедральный храмъ Пречистыя сохранилъ свое православіе и не принималъ общенія Римскаго.

Не ранѣе 1609 года, только чрезъ 13 лѣтъ послѣ начала уніи, сильный ея поборникъ Ипатій Поцѣй, заступивъ мѣсто митрополита Михаила, рѣшился провозгласить унію въ своемъ каѳедральномъ соборѣ; онъ отслужилъ тамъ торжественный молебенъ о сое-

диненіи церквей, и впервые имя Римскаго папы огласило храмъ Пречистыя, который въ продолженіи трехъ сотъ лѣтъ былъ хранилищемъ православія въ землѣ Литовской. Но дерзость сія едва не стоила жизни самому лжепастырю; возмутился народъ и напалъ на отступника вѣры отеческой въ ту минуту, какъ онъ выходилъ изъ поруганнаго имъ собора. Ипатій долженъ былъ спасаться бѣгствомъ и былъ преслѣдуемъ камнями до самыхъ воротъ Троицкой обители, которою уже владѣли Базиліане. Тамъ утвердилъ онъ временно свою каѳедру, такъ какъ большая часть жителей, исповѣдавшихъ православіе, обитала въ многолюдной части города около собора въ Зарѣчьѣ.

Бѣгство лжепастыря было послѣднимъ историческимъ событіемъ, которымъ ознаменовался древній соборъ Пречистыя. Послѣ насильственнаго водворенія уніи каѳедра православныхъ митрополитовъ стала клониться къ паденію и постепенно пустѣла по охлажденію къ ней бывшихъ ея прихожанъ, но совершенное запустѣніе произошло не ранѣе половины минувшаго столѣтія. Въ 1748 году страшный пожаръ, опустошившій Вильну, истребилъ и палаты митрополитскія; пламя коснулось и каѳедральнаго собора, который обгорѣлъ внутри и снаружи, такъ что самое богослуженіе стали совершать въ небольшой сосѣдней церкви Спасской; самая же каѳедра окончательно была перенесена къ Базиліанамъ въ Троицкую обитель. Однако въ исходѣ того же столѣтія еще однажды возбудилось усердіе уніатовъ; митрополитъ ихъ Іасонъ Смогоржевскій, поступившій на сію каѳедру изъ архіепископовъ Полоцкихъ, скудными средствами возобновилъ опустѣвшій храмъ въ 1785 году,

хотя въ иномъ уже видѣ, безъ купола и башенъ, съ высокою готическою крышею и съ стрѣльчатымъ фронтономъ; но уже не было при соборѣ особаго причта, богослуженіе совершали тамъ Базиліане изъ Троицкой обители до начала нынѣшняго столѣтія. Есть еще старожилы въ Вильнѣ, которые помнятъ, что они бывали на церковной службѣ въ храмѣ Пречистыя до 1810 года, когда фанатизмъ польскій, по глубокой ненависти и презрѣнію ко всему православному, обратилъ это древнѣйшее святилище наше въ анатомическій театръ.—Воскреснетъ ли храмъ изъ своихъ развалинъ, какъ фениксъ изъ своего пламеннаго костра, въ залогъ и свидѣтельство обновленной жизни православія въ родномъ краѣ Литовскомъ?— Есть надежда, что воскреснетъ, потому что нынѣшній главный начальникъ края обратилъ вниманіе на бѣдственное положеніе древняго святилища, и уже составленъ проектъ для его обновленія; будетъ воззваніе и къ благочестивой ревности православныхъ соотечественниковъ, которые, конечно, откликнутся на такой патріотическій зовъ *).

Примѣчаніе 1. Мы не знаемъ навѣрно, дѣйствительно ли перелита эта священная драгоцѣнность въ столовую посуду; но что она взята бывшимъ ректоромъ Виленскаго университета Малевскимъ, это положительно вѣрно. Кромѣ свидѣтельства г. Марциновскаго, объявленнаго въ печати (см. Ж. М. Н. Просвѣщенія 1842 г. ч. 36 стр. 79 и Собр. древ. Ак. и грам. Вильно 1843 г. стр. LXII), мы неоднократно слышали объ этомъ похищеніи отъ другихъ лицъ, знавшихъ о семъ событіи независимо отъ г. Марциновскаго. И такъ, лице, служащее высокой наукѣ, ректоръ прославляемаго поляками университета дозволилъ себѣ святотатство! Жадность ли это жидовская, фанатизмъ ли поль-

*) См. примѣчаніе 3.

ско-ксендзовскій или варварство самое невѣжественное—не умѣю, какъ назвать, въ лицѣ ректора университета?

Примѣчаніе 2. Рецензентъ Крашевскаго (Wiz. i Roz. nauk. cal. zbioru стр. 59, 13—37), подвергая критическому розысканію число православныхъ церквей, существовавшихъ въ Вильнѣ до временъ церковной уніи, не можетъ указать оныхъ болѣе, какъ 18 или 19. На семъ основаніи мнѣ приходилось встрѣчать возраженія противъ числа церквей, показаннаго авторомъ Русской Вильны какъ на семъ мѣстѣ, такъ и выше, на 9 страницѣ. Нѣтъ спору, что по мандату, данному въ 1609 году королемъ Сигизмундомъ III на имя королевскихъ чиновниковъ, Войтѣха Сенковскаго и Ивана Краковскаго, передано уніатскому митрополиту Ипатію Поцѣю 12 виленскихъ православныхъ приходскихъ церквей, а 7 оставлено для неунитовъ, т. е. для православныхъ. Положимъ, что число 19 обнимаетъ всѣ церкви, существовавшія въ 1609 году. Но это время не было уже цвѣтущимъ для православія въ Вильнѣ; православные жестоко стѣснялись въ правахъ и вольностяхъ своихъ уже со времени введенія въ Вильну іезуитовъ, и особенно предъ 1596 годомъ, въ которомъ навязали западной Руси церковную унію и доводили къ принятію оной, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ. Все это слишкомъ извѣстно, чтобы говорить еще здѣсь. Существованіе въ Вильнѣ 19 православныхъ церквей въ 1609 году ручается за гораздо большее число ихъ въ лучшемъ для православія, предыдущемъ времени. Кромѣ сего, рецензентъ Крашевскаго обошелъ молчаніемъ одно очень важное свидѣтельство о числѣ православныхъ церквей, существовавшихъ въ Вильнѣ въ XVI вѣкѣ во времена Стефана Баторія. Между тѣмъ, это свидѣтельство тѣмъ болѣе замѣчательно для нашихъ сожителей-иновѣрцевъ, что оно принадлежитъ не Русскимъ лѣтописцамъ и показываетъ, въ сколь хорошемъ еще состояніи были Русскія православныя церкви въ Вильнѣ: всѣ 30—каменныя, богатыя драгоцѣнною утварью и содержащія народныя школы. Вотъ оно: «Ubi (Polociae et Vilnae) Supellectilem ex auro et argento copiosam habent (Rutheni) in ecclesiis. Vilnae *triginta* templa habent, omnia fere opere lateritio structa... Scholas semper templis adiunctas habent»... см. Respublica Moscoviae etc. Lugd. Batav. 1580 Epistola Joh. Meletii ad David. Chytraeum p. 129—130 et 133 слич. Нарб. Т. IV стр. 492—496.

*

Примѣчаніе 3. Считаемъ пріятнымъ долгомъ заявить, что надежда и благочестивыя предположенія достопочтеннѣйшаго автора уже осуществляются, и не далеко уже то время, когда мы станемъ возносить теплыя молитвы въ древнемъ Пречистенскомъ митрополитальномъ соборѣ. Его высокопревосходительство главный начальникъ края, нашъ Русскій народолюбецъ Михаилъ Николаевичъ еще въ истекшемъ году обратилъ вниманіе на наше древнее святилище и сдѣлалъ распоряженіе о возобновленіи онаго. Подъ руководствомъ извѣстнаго профессора академика Резанова составленъ архитекторомъ академикомъ Чагинымъ проектъ возобновленія Пречистенскаго собора съ соблюденіемъ по возможности прежняго вида онаго и съ сохраненіемъ еще крѣпкихъ и прочныхъ стѣнъ стариннаго храма. Вмѣстѣ съ симъ Его высокопревосходительство предложилъ учрежденному въ г. Вильнѣ особому строительному комитету немедленно приступить къ возобновленію этого собора, ассигновавъ на покрытіе первоначальныхъ необходимыхъ по сему дѣлу расходовъ 25000 руб. сер. Но какъ сумма эта далеко еще не достаточна для возстановленія древней святыни въ томъ благолѣпіи, какое соотвѣтствуетъ историческому ея значенію и сохранившимся ея громаднымъ размѣрамъ, то Его высокопревосходительство испросилъ Высочайшее ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА разрѣшеніе на открытіе повсемѣстной подписки въ Россіи и обратился ко всѣмъ г.г. начальникамъ губерній въ имперіи съ просьбою пригласить всѣ сословія по ввѣреннымъ имъ губерніямъ къ принятію участія въ дѣлѣ возстановленія много-знаменательной святыни. И вотъ, мы видимъ уже величественныя арки и стрѣльчатые своды, очищаемые отъ пристроекъ и заслонявшихъ ихъ безобразныхъ стѣнъ, коими было перегорожено и загромождено все зданіе. И такъ, храмъ Пречистыя воскреснетъ и будетъ красоваться вмѣстѣ съ воскресшею и обновленною Русскою жизнію въ Русской Литвѣ.

Свящ. А. П.

IV.

ЦЕРКОВЬ КНЯЗЯ ОСТРОЖСКАГО И КАѲЕДРАЛЬНЫЙ СОБОРЪ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ.

Если отъ опустѣвшей каѳедры митрополитовъ Литовскихъ, преданной уніатами такому поруганію, идти въ нынѣшній каѳедральный соборъ обновленныхъ православіемъ первосвятителей Вильны, то на пути встрѣтятся еще двѣ церкви, уцѣлѣвшія изъ числа многихъ, упраздненныхъ во время уніи. Одна изъ нихъ во имя первозваннаго апостола заступила мѣсто древней церкви св. безсребренниковъ Косьмы и Даміана и находится при зданіи бывшей академіи унитской, гдѣ теперь духовное училище. Въ длинныхъ переходахъ сего нѣкогда Августинскаго монастыря еще указываютъ ту келлію, гдѣ жилъ четыре года будущій знаменитый пастырь, который направилъ вновь къ православію заблудившуюся унію.

Слѣдовъ Воскресенской церкви, стоявшей противъ ратуши, нечего теперь искать; изъ ея развалинъ выстроенъ домъ Мокржицкаго. Едва уцѣлѣла на большой улицѣ церковь святителя Николая, построенная великою княгинею Іуліаніею и обновленная княземъ Острожскимъ. Уже каменныя объятія сосѣднихъ домовъ начали стѣснять ее со всѣхъ сторонъ по обычаю Римскому, чтобы задавить храмъ православный, какъ только по остывшему усердію уніатовъ начнетъ онъ приходить въ ветхость. Въ узкомъ промежуткѣ двухъ высокихъ домовъ видѣнъ одинъ только передній фасадъ съ легкою колокольнею, которая какъ будто старалась издали привлечь вниманіе проходящихъ, чтобы защитить древнее святилище отъ конеч-

наго разрушенія, ибо оно и спереди уже было застроено домами еврейскими. А что было вокругъ него: «срамно есть и глаголати», по выраженію апостола. Не только боковыя стѣны храма, не пощаженъ былъ самый алтарь отъ всякихъ нечистотъ, къ нимъ приразившихся на сосѣднихъ дворахъ, и это не безъ умысла, ибо таково презрѣніе Римскихъ фанатиковъ ко всему православному.

Разумѣется, все это немедленно очистилось при болѣе строгомъ вниманіи къ родной нашей святынѣ, ибо малодушіе идетъ объ руку съ наглостію. Сосѣдніе дома уже скуплены и разрушены, и красивое зодчество Острожской церкви уже открыто со всѣхъ сторонъ. Начальнику края угодно было обратить на обновленіе древняго храма тѣ пожертвованія, которыя въ день его ангела предназначены были усердіемъ его сослуживцевъ на сооруженіе церкви во имя Архистратига, гдѣ либо въ Западномъ краѣ. И доселѣ не оскудѣваютъ приношенія изъ Россіи на сей благочестивый предметъ, такъ что древнее святилище можетъ возстановиться во всей прежней своей красѣ. Достойно вниманія, что оно было обновлено въ первый разъ княземъ Острожскимъ въ память славной побѣды, имъ одержанной послѣ кровопролитной борьбы. Теперь же обновляется вторично инымъ побѣдителемъ, который, не столько силою оружія, сколько силою воли и мудрыхъ распоряженій, подавилъ мятежъ польскій въ предѣлахъ нашихъ и возвратилъ Литву и Бѣлоруссію родной ихъ Россіи *).

Не далеко отъ церкви князя Острожскаго возвышается на той же главной улицѣ другой величественный храмъ, посвященный также великому заступ-

*) См. примѣчаніе въ концѣ статьи.

нику земли Русской, чудотворцу Николаю. Это новый каѳедральный соборъ митрополитовъ Литовскихъ, вполнѣ достойный сего назначенія по красотѣ своего зодчества внутри и снаружи и даже по самой мѣстности: тутъ лучшая часть города по главной площади, гдѣ прежде былъ гостиный дворъ древняго Русскаго конца. Странная судьба сей новой каѳедры Литовской!—Храмъ былъ заложенъ въ самый годъ утвержденія уніи на Брестскомъ соборѣ (1596 г.) сыномъ короля Сигизмунда, княземъ кардиналомъ Фердинандомъ, и освященъ во имя королевича Казиміра, чествуемаго Польскою церковію.—Впослѣдствіи его уступили іезуитамъ и тутъ утвердилась ихъ Коллегія, которая ревностно распространяла унію по всей Литвѣ, и не было иныхъ болѣе опасныхъ враговъ православію. Не щадили іезуиты мраморовъ на украшеніе своего святилища, которое долженствовало быть средоточіемъ ихъ ордена во всей Западной Руси.

И что же?—Какъ только на новомъ Полоцкомъ соборѣ 1839 года по единодушному приговору всѣхъ епископовъ и священниковъ бывшей уніи она окончательно уничтожена и возстановилось древнее православіе въ предѣлахъ Западной Руси, — немедленно былъ переданъ въ руки православныхъ роскошный костелъ іезуитовъ. Они уже впрочемъ давно имъ не владѣли по уничтоженіи ордена ихъ самимъ папою въ прошедшемъ столѣтіи. Тамъ временно водворился на ихъ мѣсто орденъ Миссіонаріевъ. По счастливому случаю, который не рѣдко повторяется въ церквахъ Виленскихъ, алтарь сего костела обращенъ былъ къ востоку, какъ бы въ ожиданіи будущаго православія.

Въ ризницѣ сохранились два драгоцѣнные креста, законно перешедшіе въ руки православныхъ:

одинъ 1544 года господаря Молдавскаго Іоанна, взятый въ Бессарабіи изъ Кипріанова монастыря; другой же 1495 года принадлежалъ князю Александру Васильевичу Окольничему Смоленскому и похищенъ во время войны изъ родовой его вотчины. Недавно устроенъ при соборѣ теплый придѣлъ во имя преподобнаго Сергія, и частица мощей его испрошена была въ Лаврѣ Троицкой для его святой иконы. Но соборъ оставался холоднымъ, и на скоро устроенный въ немъ иконостасъ не соотвѣтствовалъ величію храма. Нынѣшній начальникъ края, ревнуя о благолѣпіи церквей православныхъ въ Вильнѣ, исходатайствовалъ 80 тысячъ рублей для приведенія каѳедральнаго храма въ надлежащее устройство; въ самый день Благовѣщенія, когда праздновалось двадцатипятилѣтіе возсоединенной уніи, торжественно заложенъ былъ новый мраморный иконостасъ, который довершитъ внутреннюю красоту изящнаго зданія.

Съ южной стороны собора прилегаютъ къ нему новыя палаты митрополита съ домовою церковью его ангела, св. обручника Іосифа. Остановимся съ благоговѣніемъ при имени великаго мужа церкви и отечества, столько послужившаго обоимъ, ибо онъ не только возстановилъ православіе въ Западномъ краѣ, но спасъ, можно сказать, и самый край для Россіи. Что, если бы въ нынѣшнюю бурную эпоху существовала еще унія въ Бѣлоруссіи и Литвѣ?—Какими бы средствами можно было подавить мятежъ, раздуваемый ксендзами, предъ коими раболѣпствовали и самые уніаты?—Безъ всякой личной для себя выгоды и не для удовлетворенія какого-либо мелкаго самолюбія, но единственно по чистой приверженности къ церкви православной и Русскому своему отечеству,

задумалъ онъ еще на ученической скамьѣ великое дѣло возсоединенія и крѣпкою волею привелъ его въ исполненіе уже въ санѣ епископскомъ.

Не устрашили его ни громы Ватиканскіе, ни нареканія въ измѣнѣ посреди того общества, гдѣ ему надлежало дѣйствовать, ни угрожавшая опасность отъ закоснѣлыхъ враговъ, и онъ смѣло довершилъ начатое. Что же могло возбудить его къ столь безпримѣрному подвигу въ лѣтописяхъ церковныхъ, если не сила внутренняго убѣжденія, которое неуклонно влекло его къ однажды избранной имъ цѣли. Митрополитъ Литовскій, управляющій нынѣ одною только своею епархіею, могъ бы быть первенствующимъ святителемъ всѣхъ уніатскихъ церквей въ Россіи, если бы самъ не содѣйствовалъ къ ихъ возсоединенію, и двадцатью годами ранѣе достигъ бы сего высокаго сана.

Я познакомился съ симъ замѣчательнымъ пастыремъ, когда еще онъ только приступалъ къ своему великому предпріятію, и вотъ чрезъ столько лѣтъ имѣлъ я опять утѣшеніе его видѣть въ средоточіи его церковной дѣятельности, носящаго столь же крѣпкую душу уже въ болѣзненномъ тѣлѣ. Господь сподобилъ его чрезъ 25 лѣтъ праздновать въ столицѣ Литовской радостное торжество возсоединенія уніи и еще при жизни пожать плоды своихъ трудовъ: теперь православіе процвѣтаетъ тамъ, гдѣ онъ засталъ самую унію подъ гнетомъ латинства. Какъ нѣкогда вождь Израилевъ, внявшій воплю своего народа въ землѣ Египетской, явился освободителемъ его Іосифъ и стяжалъ себѣ безсмертную славу въ лѣтописяхъ Церкви и отечества.

Примѣчаніе. Къ первому сентября сего 1864 года, кромѣ ассигнованныхъ Его высокопревосходительствомъ 15,250 руб. на

пріобрѣтеніе примыкающихъ къ Свято-Николаевской церкви стѣна къ стѣнѣ обывательскихъ зданій поступило въ приходъ: пожертвованій 51,625 руб. 29½ коп. и вырученныхъ изъ продажи матеріаловъ, образовавшихся отъ сломки сказанныхъ зданій 7,426 руб. 45 коп. Итого—74,301 руб. 74½ коп.,—собираемая здѣшнею страною изъ частныхъ пожертвованій сумма, доселѣ невиданная! Смотря на нее, радуемся, какъ ясному доказательству сочувствія всей Русской земли къ подвигамъ нашего Русскаго животворца. Достаточность средствъ подала возможность пристроить къ лѣвому углу фронтона возобновляемой церкви часовню во имя Архистратига Михаила. Постройка совершается въ готическомъ вкусѣ сообразно съ колокольнею, какъ обнаружилось на низшихъ ярусахъ оной по отнятіи обывательскихъ домовъ и пристроекъ. Усердію предсѣдателя комитета, Степана Ѳеодоровича Панютина, ревнующаго особенно объ успѣшности и благолѣпіи работъ по обновленію Николаевской церкви, мы обязаны удовольствіемъ видѣть быстро совершающееся возстановленіе древняго святилища въ красотѣ, лестной современному положенію православнаго храма. Часовня возведена уже до купола, колокольня обновлена почти на три яруса, въ уровень съ симъ очищена лицевая сторона церкви, брантъ-мауръ и ограда съ трехъ сторонъ покончены, большая часть искусственныхъ принадлежностей православнаго храма уже заказана и, согласно условіямъ контракта, выданы задатки художникамъ. Расходъ по то же 1-е число сентября составляетъ всего 31,990 руб. 29 коп. Уповаемъ, что возобновленный памятникъ старины, какъ достояніе всѣхъ русскихъ, достойно и на всегда свяжетъ съ собою имя Михаила Николаевича, возвратившаго нашу страну родной ея Россіи.

Свящ. А. П.

V.

ТРОИЦКАЯ ОБИТЕЛЬ.

Противъ самыхъ палатъ архіерейскихъ возвышается древняя обитель св. Троицы на холмѣ бывшаго требища языческаго. Двойные врата на крутомъ подъемѣ открываютъ входъ на обширную площадь, гдѣ нѣкогда росли священные дубы жрецовъ идоль-

скихъ, привлекавшіе суевѣріе грубаго народа. Здѣсь пострадали три мученика Литовскіе, истязанные Ольгердомъ; здѣсь и упокоились на время священные ихъ останки, когда вторая супруга великаго князя, уже обращеннаго въ христіанство, Іуліанія соорудила изъ срубленныхъ ею дубовъ церковь во имя св. Троицы на память пострадавшихъ. Усердію первой супруги Ольгердовой суждено было сокрушить требище Вакхово и тамъ соорудить первую христіанскую церковь св. Пятницы; второй же его супругѣ предоставлена была слава воздвигнуть первую обитель иноческую также на мѣстѣ, ознаменованномъ идольскими жертвами, чтобы память язычества совершенно изгладилась въ столицѣ Литовской. Княгиня Іуліанія положила въ основаніи сей обители мощи мучениковъ Виленскихъ, которые были сперва погребены тамъ, гдѣ теперь Острожская церковь святителя Николая. Сюда же пожертвовала она и драгоцѣнную икону Корсунскую, которую принесъ изъ Херсониса побѣдитель Ольгердъ.

Но всѣ сіи сокровища, и мощи святыхъ, и ликъ Богоматери сохранились въ обители только до тѣхъ поръ, пока она сама сохраняла свое православіе Базиліане, изгнавшіе во время уніи православныхъ иноковъ, не дорожили священною иконою, которая уже давно стояла на воротахъ Остробрамскихъ и перешла въ руки Кармелитовъ. Мощей же мученическихъ они страшились, какъ обличенія своему неправославію. Когда царь Алексѣй Михайловичъ торжественно вступилъ въ покоренную имъ Вильну въ 1655 году, Базиліане трепетали, чтобы святыня сія не привлекла къ ихъ обители вниманія благочестиваго царя, который могъ бы возвратить ее въ руки православныхъ. Нака-

нунѣ царскаго вшествія тайно перенесли они святыя мощи въ простой дубовой колодѣ въ сосѣднюю, еще убогую тогда обитель Св. Духа, и скрыли ихъ въ подземномъ склепѣ. Тамъ оставались мощи какъ бы въ забвеніи, доколѣ существовала унія, и только послѣ ея паденія вынесены были изъ подъ спуда усердіемъ нынѣшняго владыки *).

Но церковь и всѣ деревянныя зданія монастырскія обветшали, ибо не кому было ихъ поддерживать послѣ обращенія въ латинство великихъ князей Литовскихъ. Ихъ замѣнилъ въ Вильнѣ православный князь Острожскій и властною рукою обновилъ всѣ главныя святилища города. Двѣ супруги Ольгерда. Марія и Іуліанія, королева Елена и этотъ князь Константинъ, — вотъ четыре имени, которыя одни только оставили по себѣ неизгладимую память въ столицѣ Литовской. Нынѣшняя благолѣпная церковь Троицкой обители во вкусѣ полуготическомъ, полувизантійскомъ, съ массивными столбами и стрѣльчатыми сводами сооружена доблестнымъ княземъ, равно какъ и двойная ограда и внутреннія зданія монастыря. Зодчество храма отчасти измѣнилось послѣ двухъ пожаровъ 1670 и 1748 годовъ, но и послѣ двукратнаго опустошенія сохранилось первобытное его величіе.

Обитель Троицкая, какъ единственная отъ начала христіанства въ Вильнѣ, пользовалась особыми преимуществами и послѣ раздѣленія митрополіи Русской зависѣла прямо отъ патріарховъ Вселенскихъ. Настоятели ея неоднократно были возводимы въ санъ митрополитовъ, и знаменитый мученикъ Макарій, пострадавшій отъ татаръ, былъ тоже поставленъ на каѳедру Литовскую изъ архимандритовъ Троицкихъ. Патріархъ

*) См. примѣчаніе въ концѣ статьи.

Константинопольскій Іеремія, посѣтивъ Вильну въ 1588 году, пожелалъ распространить благодѣтельное вліяніе сей обители на весь Западный край, которому уже угрожала унія, и грамотою своею утвердилъ при немъ основавшееся братство для защиты православія. Всѣ сословія приняли живое участіе въ этомъ братствѣ, которое состояло изъ пяти совокупленныхъ въ одно: тутъ были и панское, и купецкое, кожемятское и ремесленное, и Русское, такъ названное отъ предмѣстія за Острой Брамой.

Не довольствуясь тѣмъ, мудрый первосвятитель основалъ при обители духовное училище и типографію для распространенія книгъ духовныхъ и полемическихъ противъ Римлянъ; но не протекло и двадцати лѣтъ, какъ обитель Троицкая перешла въ руки уніатовъ по указу Короля Сигизмунда III въ 1608 году; иноковъ православныхъ вытѣснили Базиліане, а всѣ учрежденія патріаршія искали себѣ пріюта подъ сѣнію новой обители Св. Духа, которая одна оставалась хранительницею православія въ Вильнѣ. Сигизмундъ пожертвовалъ Троицкому монастырю всѣ сокровища церковныя, награбленныя имъ въ Смоленскѣ, и ничто изъ нихъ не уцѣлѣло по безпечности Базиліанъ, которые утратили и мощи мучениковъ, и Корсунскую икону. Не было благословенія Божія уніатамъ въ обители Св. Троицы, и не процвѣла она, лишенная своего православія, хотя и была въ нее перенесена каѳедра митрополіи изъ древняго собора Пречистыя.

Послѣ паденія уніи возвратились опять иноки православные въ обитель Троицкую, и исполнилось надъ нею благословеніе патріаршее, ибо она сдѣлалась источникомъ просвѣщенія духовнаго для цѣлаго края: въ древнія ея стѣны перенесена была семи-

нарія изъ мѣстечка Жировицъ, гдѣ долго служила разсадникомъ православія. И вотъ, оно принесло наконецъ обильные плоды обращеніемъ цѣлаго края къ чистой вѣрѣ отцевъ подъ руководствомъ мудраго архипастыря. Колыбель христіанства Вильны приняла опять въ свое лоно то, что ей было завѣщано первосвятителемъ вселенскимъ. Отнынѣ пастыри и учители церкви Литовской истекаютъ изъ обители Св. Троицы, научая паству свою твердо соблюдать то, что заповѣдалъ Господь Своимъ ученикамъ, и не уклоняться въ ученіе иновѣрное, дабы и Господь, по слову Евангельскому, пребылъ съ ними во всѣ дни до скончанія вѣка*).

Драгоцѣнный залогъ древняго православія, восходящій до временъ апостольскихъ, сохраняется доселѣ въ обители.—Это чудотворная икона Богоматери Одигитріи, которою нѣкогда благословилъ Іоаннъ дочь свою Елену, отпуская ее въ землю Литовскую. По мѣстному священному преданію икона сія была писана евангелистомъ Лукою и прислана отъ императоровъ Греческихъ королямъ Галицкимъ Червонной Руси, послѣ паденія коихъ сдѣлалась достояніемъ царственнаго дома Московскаго; а можетъ быть, она принесена была и Царевною Софіею, которая обогатила свое новое отечество многими сокровищами духовными древней Византіи.

Можно судить о важности сей иконы по тому обстоятельству, что царь Іоаннъ Васильевичъ предлагалъ королю Сигизмунду пятьдесятъ именитыхъ плѣнниковъ Литовскихъ для того только, чтобы чудотворная икона возвращена была въ Москву, но король не согласился, ибо все духовенство, равно православное и уніатское, не хотѣло лишиться такого сокро-

*) См. примѣчаніе 2 въ концѣ статьи.

вища. До послѣдняго пожара Митрополитанскаго собора въ 1715 году икона Одигитріи находилась въ этомъ древнемъ святилищѣ; но послѣ пламеннаго его опустошенія перенесена была вмѣстѣ съ каѳедрою митрополіи въ обитель Троицкую. Она стоитъ тамъ мѣстною въ иконостасѣ, привлекая благоговѣйное чествованіе всѣхъ православныхъ, и замѣнила собою для обители утраченную ею икону Остробрамскую.

Примѣчаніе 1. Сказаніе, что мощи святыхъ Виленскихъ мучениковъ перенесены изъ Троицкой церкви въ обитель Св. Духа наканунѣ занятія Вильны Русскими царя Алексѣя Михайловича войсками, основывается, кажется, единственно на преданіи, записанномъ въ мѣсяцесловѣ (Menologium) Кульчинскаго. Тамъ дѣйствительно представляется тоже побужденіе, какъ и здѣсь у автора Русской Вильны; только мѣстомъ сокрытія ихъ назначается не обитель Св. Духа, а Троицкій садъ или существовавшая еще въ восточномъ углу онаго обветшалая деревянная церковка св. Петра. Слѣдуя изслѣдованіямъ бывшаго игумена Троицкаго монастыря, Арсенія Хрулькевича, основывавшаго свои розысканія на вѣрнѣйшихъ преданіяхъ и между прочимъ на географическомъ лексиконѣ Карпинскаго и меморіалахъ бывшаго Троицкаго Братства, мы увѣрены, что мощи сказанныхъ мучениковъ перенесены изъ Троицкой церкви прямо въ обитель Св. Духа и во время занятія уже Вильны царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Во все время этого занятія (т. е. съ 1655 по 1661 годъ) православные владѣли Троицкимъ монастыремъ и пользовались совершенною свободою (Wiz. i Roz. nauk. cal. zbioru T. 60 стр. 243 припис. 3). По оставленіи же Вильны Русскими войсками, иноки Свято-Духовской обители не выдали уніятамъ святыхъ мощей подъ предлогомъ взятія и унесенія ихъ сказанными оставившими Вильну велико-русскими войсками. Противъ этой уклончивости не было возраженій у возвратившихся опять въ Троицкій монастырь уніатовъ-Базиліанъ, потому что имъ положительно было извѣстно, что Великоруссы при выходѣ своемъ изъ Вильны дѣйствительно взяли изъ Троицкой церкви тѣла умершихъ Веніамина Рутскаго и Игнатія патріарха (см. Кульчин. Specimen Eccl. Ruth. p. 11—de Archiv. Episcop. Kijov 227;

Крашев. Т. III стр. 63—64). Всѣ эти обстоятельства окончательно убѣждаютъ насъ въ томъ, что святыя мощи нашихъ первомучениковъ вынесены изъ Троицкой церкви во время занятія Вильны великорусскими войсками и вынесены самими православными. Наконецъ должнымъ считаемъ прибавить, что святыя мощи сіи, по перенесеніи ихъ въ обитель Св. Духа, не были въ забвеніи и не сокрывались въ нѣдрахъ земли, а только таились подъ спудомъ въ подъалтарномъ склепѣ, который по миновеніи стѣснительныхъ временъ для православія на Литвѣ сначала открытъ для входа благочестныхъ поклонниковъ, а послѣ, въ 1851 году, попечительностію Литовскаго митрополита Іосифа перестроенъ въ благолѣпную пещерную церковь.

Примѣчаніе 2. Приготовляя монастырскія зданія къ помѣщенію семинаріи, высокопреосвященнѣйшій Іосифъ озаботился о приспособленіи оныхъ къ потребностямъ учебнаго заведенія, на сколько оказалось тогда возможнымъ это по мѣстнымъ способамъ. Въ словѣ своемъ, произнесенномъ 8 сентября того же 1845 г. въ церкви Виленскаго Свято-Троицкаго монастыря при открытіи сказанной семинаріи, попечительный архипастырь нашъ говорилъ воспитанникамъ оной: «вотъ прежнія скромныя жилища мѣстечка Жировицъ замѣнились для васъ зданіями болѣе обширными и удобными, которыя, Богу споспѣшествующу, приготовлены такъ благовременно при всѣхъ препятствіяхъ и ожидаютъ еще устройства болѣе благолѣпнаго, болѣе соотвѣтствующаго цѣли. Будемъ уповать, что десница Всевышняго отвратитъ и на предь умышленныя и не умышленныя преграды благому дѣлу, и поможетъ намъ достигнуть желаемаго» (см. Слова и прив. митрополита Іосифа, СПБ. 1860 г. стр. 36). И вотъ, благочестивое упованіе попечительнаго сердца, а вмѣстѣ съ симъ—и молитвенныя воздыханія нашихъ питомцевъ, воспитателей и всего духовенства исполнились въ 1864 году. Его высокопревосходительство главный начальникъ края, нашъ Михаилъ Николаевичъ, воскрешая на Литвѣ все русское и православное, обратилъ вниманіе и на помѣщеніе нашей семинаріи. Онъ нашелъ, согласно съ архипастыремъ нашимъ, что это помѣщеніе въ настоящемъ видѣ не соотвѣтствуетъ своему назначенію, и призналъ необходимымъ произвести капитальную передѣлку онаго съ прибавленіемъ новыхъ значительныхъ пристроекъ, необходимымъ для удобства

учебнаго заведенія и приличія православной семинаріи въ здѣшней странѣ. По сношеніи съ высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ нашимъ и съ г. Оберъ-Прокуроромъ святѣйшаго Сунода касательно одобренія составленнаго архитекторомъ академикомъ Чагинымъ проекта на капитальную передѣлку и пристройки къ нынѣшнему помѣщенію семинаріи, его высокопревосходительство ассигновалъ 60,000 руб. сер. изъ суммъ, состоящихъ въ распоряженіи его, и 8 апрѣля (1864 г.) предложилъ г. начальнику Виленской губерніи Степану Ѳеодоровичу Панютину поручить исполненіе работъ по одобренному проекту состоящему подъ предсѣдательствомъ его комитету для постройки Александровской часовни и иконостаса въ Николаевскомъ каѳедральномъ соборѣ, пригласивъ по сему случаю въ члены комитета ректора семинаріи архимандрита Іосифа. Вмѣстѣ съ тѣмъ его высокопревосходительство предложилъ г. начальнику губерніи озаботиться, чтобы на показанную сумму, предположенную по смѣтному исчисленію на производство сказанныхъ передѣлокъ и пристроекъ, была также произведена перекрышка самой церкви св. Троицкаго монастыря желѣзною крышею вмѣсто нынѣшней черепичной съ надлежащею при томъ окраскою. Работы распредѣлены на два года и въ прошлое лѣто, не смотря на помѣху отъ безпрерывно продолжавшихся дождей и постояннаго ненастья, приступлено къ производству оныхъ со всевозможною тщательностію и прилежаніемъ. Усилія вѣнчаются желаемымъ успѣхомъ: пристройки вчернѣ почти окончены уже.

Свящ. А. П.

VI.

ДУХОВЪ МОНАСТЫРЬ.

Вотъ наконецъ и знаменитая обитель Св. Духа почти у самыхъ воротъ Остробрамскихъ, къ которымъ мы опять возвратились, совершивъ такимъ образомъ наше духовное историческое странствіе по Русской собственно Вильнѣ. Послѣдняя по времени своего основанія, обитель сія можетъ назваться первою, потому

что одна отстояла въ теченіи болѣе двухъ вѣковъ всѣ неистовые напоры уніи и латинства, которые тогда дѣйствовали не только лестію, но и оружіемъ. Эта была послѣдняя бойница, въ которой затворились православные въ Литвѣ и отстояли въ ней чистую вѣру отцовъ своихъ, доколѣ не миновалась страшная буря, возмутившая церковь въ предѣлахъ Южной и Западной Руси.

Отселѣ писалъ ученый епископъ Мелетій Смотрицкій свои краснорѣчивыя апологіи православія, доколѣ самъ не увлекся общимъ потокомъ. Здѣсь проповѣдывалъ вдохновенный витія Димитрій, будущій святитель Ростова, просіявшій тамъ святостію жизни. Здѣсь временно отдыхалъ и мужественный поборникъ обуреваемой церкви, архіепископъ Могилева Георгій Конисскій, когда шелъ на сеймъ предъ лице короля и магнатовъ Польскихъ возвысить свой одинокій голосъ для защиты православія.

Когда Троицкій монастырь былъ насильственно переданъ въ руки Базиліанъ, православные жители Вильны обратили всѣ свои усилія на поддержаніе единственнаго ихъ сокровища, церкви Св. Духа. Туда переселились изгнанные иноки Троицкіе и перенесли вмѣстѣ съ собою всѣ ея богоугодныя заведенія: богадѣльню, училище, учрежденное патріархомъ, типографію и самое братство, котораго средоточіемъ сдѣлалась новая обитель Св. Духа. Для большей твердости была она поставлена подъ непосредственное вѣдѣніе патріарховъ вселенскихъ, и это было неоднократно утверждаемо королевскими грамотами Сигизмунда, Владислава и Баторія, которые подчинили Свято-Духову монастырю многіе другіе въ предѣлахъ Бѣлоруссіи и Литвы.

Таково было духовное и вмѣстѣ гражданское его значеніе; по сему и не щадили для обители Св. Духа своихъ имѣній ревнители православія, жертвуя ей домы свои и земли, такъ что все пространство до воротъ Остробрамскихъ и даже за ними принадлежало монастырю. Впослѣдствіи земля сія была отобрана силою, когда Кармелиты задумали выстроить свой монастырь близъ надворотной часовни. Деревянная церковь, сооруженная королевою Еленою и обновленная княземъ Острожскимъ, не могла вмѣщать въ себѣ такого множества богомольцевъ, стекавшихся со всей Вильны, ибо въ то время однимъ королевскимъ указомъ двѣнадцать церквей было отнято у православныхъ. Посему граждане озаботились о сооруженіи новой каменной церкви, и она была воздвигнута общими силами въ 1640 году въ томъ благолѣпномъ видѣ, въ какомъ представляется и до нынѣ, съ высокимъ своимъ куполомъ и двумя башнями на переднемъ фасадѣ.

Но обитель Св. Духа процвѣла только при совершенномъ паденіи уніи бдительностію мудраго архипастыря, который озаботился о ея благолѣпіи. Онъ зналъ, какое таится въ ней сокровище, которое хотя и въ склепу подъ спудомъ постоянно охраняло ее отъ всѣхъ бурь, и только одну сію обитель спасло для православія въ бывшей столицѣ Литовской; посему благоговѣйною рукою поставилъ опять свѣтильникъ на свѣщникѣ.

Спустимся предъ царскими дверями въ подземный склепъ подъ главнымъ алтаремъ; тамъ горятъ во мракѣ неугасимыя лампады въ вертепѣ, нынѣ обращенномъ въ церковь трехъ св. мучениковъ. Вотъ они лежатъ предъ нами уже не въ дубовой колодѣ,

какъ во дни гоненій, но въ великолѣпной ракѣ, устроенной для нихъ усердіемъ святителя. Когда во дни воскресные ранняя литургія совершаетея архіереемъ въ этомъ священномъ подземельѣ, и оно оглашается стройнымъ пѣніемъ ликовъ: можно перенестись мысленно въ катакомбы первыхъ вѣковъ христіанства, когда вѣрные должны были скрываться въ нѣдрахъ земли для Божественной службы. Гоненія сіи, сдѣлавшіяся уже предметомъ лѣтописныхъ сказаній въ иныхъ мѣстахъ, еще свѣжи на памяти у православныхъ въ предѣлахъ Западной Руси. Поклонимся гробу трехъ первыхъ страстотерпцевъ Вильны и воспоминаніемъ ихъ подвига заключимъ краткую повѣсть о немногихъ святилищахъ, здѣсь уцѣлѣвшихъ во дни недавнихъ гоненій.

Изъ житія святителя Алексія извѣстно, что самъ онъ, великій заступникъ всея Руси, учредилъ праздновать въ Вильнѣ память сихъ трехъ св. мучениковъ, пострадавшихъ въ его время отъ языческой ярости князя Ольгерда. Антоній и Іоаннъ, уроженцы Литовскаго города Вильны, въ язычествѣ Нéжила и Крýглецъ, были родными братьями не только по плоти, но и по духу, когда просвѣтились святымъ крещеніемъ. Іоаннъ изъ нихъ былъ старшій, но Антоній воспріялъ старѣйшинство, ибо предупредилъ брата мученичествомъ и показалъ ему примѣръ твердости въ исповѣданіи вѣры Христовой. Оба они служили князю Литовскому Ольгерду, коснѣвшему въ язычествѣ, и потому должны были таить свое христіанство; но не на долгое время вѣра ихъ могла укрыться отъ злобы языческой, ибо они не слѣдовали обычаю огнепоклонниковъ Литовскихъ, остригавшихъ себѣ волосы и бороду. Будучи спрошены

княземъ о вѣрѣ, съ дерзновеніемъ исповѣдали себя христіанами и не хотѣли отречься отъ благочестія, ни вкусить отъ мясъ, имъ предлагаемыхъ съ трапезы княжеской.

Ольгердъ велѣлъ затворить обоихъ братьевъ въ темницу, и радовались они, что сподобилъ ихъ Господь пострадать за имя Свое; мрачная темница казалась имъ свѣтлымъ чертогомъ; въ заключеніи они просидѣли цѣлый годъ. Но послѣ сего долгаго томленія малодушествовалъ Іоаннъ; страшась болѣе тяжкихъ мукъ, въ тайнѣ отъ брата послалъ онъ къ князю просить себѣ свободы, обѣщая исполнять всѣ его повелѣнія, и освобожденный изъ темницы по наружности казался единовѣрнымъ Ольгерду, въ тайнѣ же души своей сохранялъ христіанство. По его ходатайству изведенъ былъ изъ темницы и братъ его Антоній, и нѣкоторое время не подвергался гоненіямъ, хотя и не таилъ своей вѣры, подобно брату; онъ даже обличалъ его за отступничество, имѣя впрочемъ надежду на его обращеніе. Случилось однажды обоимъ предстоять князю при его трапезѣ, въ день постный. Іоаннъ, по обычаю своему вкушалъ мясо, но Антоній не хотѣлъ покориться требованію языческому и, явно исповѣдавъ себя христіаниномъ, былъ опять отведенъ въ темницу. Іоаннъ хотя продолжалъ держаться нечестиваго обычая, однако непрестанно былъ досаждаемъ отъ огнепоклонниковъ за вѣру христіанскую, и сими оскорбленіями пробудилось въ немъ чувство раскаянія. Онъ приступилъ къ нѣкоему пресвитеру Нестору, отъ котораго принялъ святое крещеніе вмѣстѣ съ братомъ, и, раскаявшись предъ нимъ въ тяжкомъ грѣхѣ своемъ, просилъ примирить его съ Антоніемъ.

Но Антоній отвѣчалъ, что никакого не будетъ имѣть общенія съ отступникомъ, доколѣ явно не исповѣдуетъ вѣры своей предъ язычниками. Съ тѣхъ поръ Іоаннъ началъ искать удобнаго времени, чтобы исполнить волю брата и давнее желаніе собственнаго сердца.

Однажды, когда служилъ князю своему въ банѣ, дерзновенно исповѣдалъ онъ вѣру свою, но въ ту минуту князь не обнаружилъ однако никакого гнѣва, такъ какъ это было наединѣ; когда же въ другой разъ Іоаннъ предъ всѣми объявилъ себя христіаниномъ, разгнѣванный Ольгердъ велѣлъ бить его палицами и ввергнуть въ темницу. Радостію исполнилось сердце его брата, и оба они единодушествовали въ темницѣ, благодаря Господа за страданія ради святаго Его имени; въ узахъ темничныхъ были они утѣшены пріобщеніемъ святыхъ Таинъ отъ руки того же пресвитера. Годъ спустя Антоній осужденъ былъ на смерть, и, когда объявили ему смертный приговоръ, бодрствовалъ онъ всю ночь на молитвѣ; потомъ пришелъ къ брату, чтобы и его приготовить къ страданіямъ и, напомнивъ ему прежнее паденіе, предсказалъ, что чрезъ немного дней приметъ съ нимъ одинаковую кончину. Въ ту же ночь оба еще однажды пріобщились святыхъ Таинъ и на разсвѣтѣ апрѣля въ 14-й день Антоній мученически предалъ чистую душу Богу, удавленный по волѣ Ольгерда. Девять дней спустя на ту же смерть осужденъ былъ братъ его Іоаннъ, и честныя мощи обоихъ мучениковъ съ подобающею молитвою погребены были нѣкоторыми изъ христіанъ города Вильны.

Евстаѳій, въ язычествѣ Кумецъ, еще въ полномъ цвѣтѣ юности, былъ прекрасенъ тѣломъ и душою и, всѣмъ сердцемъ пожелавъ христіанства, принялъ

святое крещеніе также отъ руки Нестора. Преуспѣвая въ любви Божіей, усердно онъ исполнялъ всѣ заповѣди Христовы, соблюдая постъ до вечера и научаясь инымъ добродѣтелямъ христіанскимъ. За мужество свое и красоту былъ онъ почтенъ сыномъ начальственнымъ отъ князя Ольгерда и всегда сопутствовалъ ему на ловитвѣ. Однажды замѣтилъ князь, что юноша, вопреки обычаю огнепоклонниковъ, раститъ бороду, только что опушившую юношеское лице его, и не брежетъ о власахъ своихъ, позволяя имъ рости не по примѣру сверстниковъ своихъ язычниковъ. Гнѣвно спросилъ его князь: «не держится ли и онъ христіанства?» и мужественно исповѣдалъ предъ нимъ Евстаѳій: «христіанинъ есмь». Еще большею яростію исполнился Ольгердъ и сперва надѣялся силою принудить его отречься отъ христіанства. Онъ велѣлъ ему вкусить мяса отъ своей трапезы въ день постный, ибо это былъ пятокъ предъ Рождествомъ Христовымъ; но юноша отрекся исполнить волю князя вопреки своего закона. Раздраженный князь велѣлъ немилосердно бить его палицами, но мученикъ не пролилъ ни единой слезы, ни даже не испустилъ малѣйшаго стона, благодаря Бога, сподобившаго его быть общникомъ святыхъ Своихъ.

Терпѣніе его подвигло Ольгерда на большій гнѣвъ; онъ велѣлъ лить ему въ уста студеную воду, такъ что захватывало духъ и отъ холода; посинѣла плоть страдальца, но это не могло побудить его прикоснуться къ запрещеннымъ яствамъ. Умножая муки, Ольгердъ велѣлъ сокрушить кости ногъ его, отъ ступней до самыхъ колѣнъ, и отрѣзать волосы съ головы его вмѣстѣ съ кожею; но и сими казнями не могъ поколебать твердости мученика, который муже-

ственно претерпѣвалъ муки въ продолженіи трехъ дней, какъ бы въ чуждомъ тѣлѣ. Онъ имѣлъ еще довольно твердости, чтобы утѣшать братій своихъ, присныхъ ему христіанъ, горько о немъ плакавшихъ при зрѣлищѣ столь тяжкихъ мученій. «Не плачьте обо мнѣ, братія возлюбленные, говорилъ Евстаѳій словами апостольскими, ибо если и раззорится сія земная храмина нашего тѣла, мы воспріиземъ иную вѣчную храмину на небесехъ отъ Христа Бога нашего» (2 Коринѳ. V, 1). Мучитель опредѣлилъ наконецъ повѣсить страдальца, и радостно устремился онъ на мѣсто подвига, какъ бы съ несокрушенными ногами, предупреждая ведущихъ его на смерть. Исполнители казни, набросивъ узелъ на выю его, повѣсили на высокомъ деревѣ и такъ предалъ онъ чистую душу Богу въ исповѣданіи имени Христова мѣсяца декабря въ 14-день.

Три дня висѣло тѣло, но не смѣли прикоснуться къ священнымъ останкамъ ни плотоядный звѣрь, ни хищная птица. Нѣкоторые изъ благочестивыхъ христіанъ сняли мученика съ дерева и съ честію погребли его. Тогда явилось знаменіе благости Божіей къ Своимъ угодникамъ, ибо со дня мученической кончины Евстаѳія никто изъ христіанъ города Вильны не былъ осужденъ на смерть за исповѣданіе своей вѣры. Они возимѣли даже такое дерзновеніе, что, собравшись всѣ вмѣстѣ къ князю Ольгерду, испросили себѣ у него мѣсто для сооруженія церкви, ибо Господь преклонилъ сердце его на милость. По сооруженіи храма вѣрные перенесли останки трехъ святыхъ мучениковъ и съ честію положили внутрь новой церкви, гдѣ многія потекли отъ нихъ исцѣленія во славу Господа, прославляющаго рабовъ Своихъ.